ИСТОРІЯ
АЛЬБИГОЙЦЕВЪ

И ИХЪ ВРЕМЕНИ.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

1872.

М 60/57

801-15
1086

ПЕРВАЯ
ИНКВИЗИЦІЯ

И ЗАВОЕВАНІЕ ЛАНГЕДОКА ФРАНЦУЗАМИ.

СОЧИНЕНІЕ
Николая Осокина.

КАЗАНЬ.
ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.
1872.

Печатано по опредѣленію историко-филологическаго факультета Императорскаго Казанскаго Университета.

Деканъ *Н. Ѳирсовъ*.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагая на судъ критики второй и послѣдній томъ своего труда объ Альбигойцахъ, авторъ не имѣетъ въ виду распространяться о характерѣ и задачахъ его. Онъ укажетъ на то, что было высказано имъ въ предисловіи къ первому тому. Составляя продолженіе исторіи Альбигойцевъ за ея второй, болѣе долгій, но менѣе фактичный періодъ,—настоящая книга имѣетъ вмѣстѣ и отдѣльное, самостоятельное содержаніе. Она занимается повѣствованіемъ о томъ времени, когда альбигойская ересь перестала быть цѣлостною, энергическою оппозиціей, когда она сдѣлалась предлогомъ для осуществленія политическихъ задачъ французскаго правительства и когда для искорененія ея послѣднихъ представителей прибѣгнули къ примѣненію орудій религіозной нетерпимости. Т. о. изслѣдованіе объ Альбигойцахъ должно было обратиться въ разсказъ о пріобрѣтеніи Лангедока и Прованса французами и въ исторію начальной, т. е. южно-французской инквизиціи. Начало инквизиціи—вопросъ весьма неразработанный и темный въ церковной исторіи, хотя самыя учрежденія ея были описаны не разъ съ достаточной подробностью. Авторъ полагаетъ, что элементы этихъ учрежденій коренились издавна, подготовляя матеріалъ для стройной системы. Духъ, одушевлявшій инквизицію, не могъ быть внесенъ однимъ человѣкомъ. Онъ развивался подъ вліяніемъ историческихъ судебъ Западной Церкви. Инквизицію можно понимать въ самомъ широкомъ смыслѣ, какъ нетерпимость вообще, и въ болѣе узкомъ, непосредственномъ, какъ судебно-по-

лицейское учрежденіе, наблюдавшее за чистотой католическаго ученія и каравшее уклоненіе отъ нея. Въ послѣднемъ смыслѣ требуется для представленія объ инквизиціи непремѣнное участіе доминиканскаго элемента. Потому, говоря объ инквизиціи вообще, мы не могли игнорировать историческое развитіе религіозной нетерпимости на Западѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, разбирая и опровергая всѣ прежнія теоріи касательно открытія первыхъ церковныхъ судилищъ, мы искали болѣе точной даты для начала доминиканской инквизиціи. Опираясь на неизданные протоколы провансальскихъ трибуналовъ, которыхъ доселѣ не имѣли въ виду, авторъ долженъ былъ остановиться на новой, болѣе поздней датѣ.

Исходя изъ той мысли, что вопросы церковной исторіи не могутъ быть изучаемы и понимаемы безъ знакомства съ политическими и общественными, мы по возможности связывали ихъ съ послѣдними. Авторъ не хотѣлъ, чтобы его книга приняла характеръ мартирологіи Альбигойцевъ. Да и независимо отъ того, онъ долженъ былъ часто обращаться къ папской исторіи и къ политическимъ событіямъ на Западѣ въ XIII столѣтіи, потому что инквизиціонныя институціи создавались подъ вліяніемъ той и другихъ,—а болѣе всего къ внутренней исторіи Лангедока, потому что она входила въ кругъ задачъ этого сочиненія.

Такъ какъ существеннымъ источникомъ той части предлагаемой книги, которая говоритъ объ инквизиторскихъ гоненіяхъ, служатъ протоколы провансальскихъ трибуналовъ, почти вовсе не разработанные, то мы не рѣшались продолжать нашъ трудъ, пока не получили возможности ознакомиться съ ними. Этимъ объясняется запоздалость выхода втораго тома. Благодаря вниманію и содѣйствію г. Министра Народнаго Просвѣщенія, графа Дмитрія Андреевича Толстаго, намъ были открыты богатые архивы парижской Національной (тогда еще „императорской“) библіотеки, въ которой находится громадная рукописная коллекція протоколовъ,

собранная Доà въ архивахъ южно-французскихъ трибуналовъ. „Société de l'histoire du protestantisme français“ любезно предложило намъ свою спеціальную библіотеку, но печатнымъ матеріаломъ почти во всемъ объемѣ авторъ могъ пользоваться и въ Россіи. Мы хотѣли изслѣдовать также архивы провинціальные, но профессоръ Germain (ректоръ въ Монпелье), прежде самъ занимавшійся вопросомъ объ ересяхъ, засвидѣтельствовалъ намъ, что они ничего болѣе не представляютъ для исторіи мѣстной инквизиціи (en fait de manuscrits il ne reste absolument rien à dénicher dans les archives officielles), такъ какъ весь наличный рукописный матеріалъ по дѣламъ трибуналовъ перенесенъ оттуда въ Парижъ. Это избавило насъ отъ напрасныхъ и излишнихъ поисковъ.

Настоящій томъ еще не истощилъ портфеля, составленнаго авторомъ во время занятій въ Національной Библіотекѣ. Мы имѣемъ достаточный запасъ рукописнаго матеріала для исторіи т. н. лжеапостоловъ, бегиновъ XIV столѣтія. Собственно съ этой стороны инквизиція оставила болѣе всего документовъ, но авторъ не могъ ввести ихъ во всей цѣлости въ изложеніе, потому что это вывело бы его изъ намѣченныхъ предѣловъ.

Но одинъ рукописный матеріалъ, послужившій источникомъ для многихъ страницъ предлагаемой книги, не могъ бы самъ по себѣ обусловливать необходимость изученія провансальской и вообще первой инквизиціи въ глазахъ русской публики. Авторъ смѣетъ думать, что соединивъ въ своемъ изложеніи исторію первой инквизиціи съ исторіей нетерпимости Римской Церкви вообще, онъ нѣсколько оградилъ себя отъ такого упрека. Онъ хотѣлъ показать, какъ терпимость содѣйствовала росту и могуществу Западной Церкви и какъ обращеніе къ нетерпимости повліяло на ея внутреннее и внѣшнее паденіе. Съ тѣхъ поръ, какъ инквизиція, явленіе совершенно чуждое духу христіан-

ства, стала необходимымъ завершеніемъ папской системы, послѣдняя подорвала всякое уваженіе къ себѣ въ общественномъ мнѣніи Запада и стала близиться къ гибели. Инквизиція была гангреной католицизма, его злымъ геніемъ. Въ этомъ отношеніи исторія нетерпимости всегда будетъ интереснымъ предметомъ для изученія. Тѣ охранительныя, полицейскія мѣры, которыя порождаетъ преслѣдованіе протеста, представляютъ собою орудіе весьма обоюдоострое. Гоненіе на чужую мысль есть проявленіе боязни за прочность собственной, сознаніе внутренней несостоятельности. Нетерпимость вызвала крушеніе даже такой могучей силы во всемірной исторіи, какою была Римская Церковь. Альбигойство, явленіе болѣзненное, пало бы само собою отъ внутренняго разложенія и отъ противорѣчій, которыми оно страдало. Трибуналы же, преслѣдуя ересь, вызвали противъ себя общественное негодованіе, обратившееся послѣ на самое католичество, и тѣмъ косвенно подготовили болѣе рѣшительную оппозицію, т. е. великую Реформацію.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

(ЛАНГЕДОКЪ ВЪ 1216—1229 Г.).

Инквизиціонный домъ въ Тулузѣ. Основатели нищенствующихъ орденовъ.—Недовольство владычествомъ Симона Монфора. Проявленіе патріотической реакціи въ Провансѣ и Лангедокѣ. Осада Бокера и первое возстаніе въ Тулузѣ; подавленіе его. Второе возстаніе въ Тулузѣ; осада ея и смерть Симона Монфора. — Слабая власть Амори Монфора; его отступленіе изъ страны.—Годы свободы и независимости. Политика Филиппа II и папъ по отношенію къ Лангедоку и альбигойцамъ. Походы Людовика VIII. Раймондъ VII Политика королевы Бланки.—Покореніе Лангедока французами; изъявленіе покорности графомъ тулузскимъ Парижскій договоръ 1229 г. — Тулузскій соборъ и опытъ трибунала.

I.

Въ старой Тулузѣ, на восточной окраинѣ города, долгое время сохранялись слѣды античныхъ стѣнъ Нарбонскаго замка. Этотъ укрѣпленный замокъ, прожившій цѣлую исторію страны, нѣкогда служилъ помѣщеніемъ римскихъ сановниковъ, цитаделью вестъ-готскихъ королей, дворцемъ герцоговъ Аквитаніи и резиденціей графовъ тулузскихъ. Къ одной изъ наружныхъ стѣнъ этой крѣпости, со стороны обращенной къ Гароннѣ, въ 1214 году пріютился монастырь, въ которомъ временно поселились первые послѣдователи испанскаго проповѣдника и подвижника Доминика д'Аца. Осыпавшіяся двойныя арки, раздѣленныя бѣлыми мраморными колонками, сѣрые кубическіе кирпичи, все показываетъ, что католическая обитель воздвиглась на римскихъ руинахъ. Архитектура обозначаетъ древность постройки, постепенно подновлявшейся. Главный фронтонъ этого монастыря, выходящій противъ нынѣшняго «palais de justice», принадлежитъ въ настоящемъ видѣ XVI вѣку.

Видъ зданія мраченъ и тяжелъ какъ и то, что нѣкогда совершалось за его стѣнами.

Надъ воротами его крупными буквами было написано: DOMVS INQVISITIONIS,—*домъ инквизиціи*.

Эти слова, нѣкогда столь страшныя для горожанъ, уже сгладились временемъ, но еще недавно можно было видѣть прочія надписи и украшенія фронтона.

TVA RVRA,—*твои селенія*,—такъ гласитъ надпись, видимо взывающая къ небу и окружающая гербъ съ изображеніемъ голубя, который несетъ въ клювѣ масличную вѣтвь мира.

Гербъ доминиканскаго ордена, пальма и звѣзда на бѣломъ фонѣ съ чернымъ, и гербъ Франціи, лиліи съ королевской короной,—соединенные вмѣстѣ, украшаютъ середину фриза. По обѣимъ сторонамъ гербовъ было изображено: simul in unum, dives et pauper — *вмѣстѣ воедино, богатый и бѣдный*. На тимпанѣ читались многознаменательныя слова: «*единъ Богъ, одна вѣра*».

Небольшая галерея съ дугообразнымъ сводомъ, на который опирается порталъ, ведетъ во дворъ зданія. Въ ней помѣщались прежде статуи св. Доминика и Петра мученика. Стѣны крытаго дворика и плафонъ были разрисованы картинами, изображавшими жизнь и чудеса Доминика. Сухая и болѣзненная фигура святаго, съ звѣздой на челѣ, имѣетъ видъ грустный и нѣсколько суровый. Недалеко отъ церкви монастырской, путешественнику укажутъ келью, въ которой, по преданію, жилъ первое время св. Доминикъ.

Это зданіе было подарено основателю ордена богатымъ тулузскимъ гражданиномъ Петромъ Челлани, въ 1214 году. Когда, послѣ утвержденія братства, спустя два года, первые послѣдователи Доминика оставили это тѣсное убѣжище и перемѣстились въ новый, болѣе просторный монастырь, то инквизиціонный трибуналъ сдѣлалъ его мѣстомъ своихъ собраній. Титулъ великаго инквизитора тулузскаго существовалъ почти до самой великой французской революціи. Въ 1774 году, зданіе было куплено однимъ тулузцемъ, который завѣщалъ своимъ наслѣдникамъ хранить *домъ инквизиціи* на память поколѣніямъ. Въ послѣднее время здѣсь помѣщалась капелла одного религіознаго общества.

Полагаютъ, что тутъ «святѣйшій отецъ Доминикъ» задумалъ будущія мѣры истребленія альбигойской ереси, за которую тянулась война на почвѣ Лангедока уже почти десять лѣтъ.

Старые историки католическіе не стѣсняются награждать основателя доминиканскаго ордена, этого братства проповѣдниковъ, далеко не лестною славой перваго инквизитора въ христіанскомъ мірѣ. Одинъ изъ нихъ начинаетъ свой длинный перечень великихъ тулузскихъ инквизиторовъ Доминикомъ и помѣчаетъ 1209 годомъ первыя отправленія инквизиціоннаго учрежденія (¹). Въ его глазахъ доминиканскій орденъ и инквизиція почти тожественны. Другой писатель—монахъ идетъ гораздо далѣе и, сочиняя панегирикъ инквизиціи, относитъ ее къ временамъ отдаленнѣйшимъ, поставляя во главѣ этого учрежденія уже не Доминика, а самого Господа (²). «Самъ Іегова, восклицаетъ этотъ фанатикъ, исполнялъ обязанности инквизитора, когда громилъ возмутившихся ангеловъ. Онъ продолжалъ поступать такъ и здѣсь на землѣ, когда наказывалъ нашего пращура Каина и тѣхъ безумцевъ, которые созидали башню Вавилона. Онъ передалъ это дѣло св. Петру, который впервые примѣнилъ такую кару противъ Ананія. Первосвященники римскіе, непосредственные преемники этого князя апостоловъ, перенесли въ послѣдствіи свои права на св. Доминика и его орденъ». Такою преемственностью объясняется, по мысли автора, святость инквизиціи.

Но, оставляя въ сторонѣ фантазіи Мацедо, слѣдуетъ ли возложить на Доминика отвѣтственность за изобрѣтеніе перваго инквизиціоннаго трибунала? Справедливо ли съ личностью Доминика смѣшивать вѣкъ инквизиціи,—эти позорныя страницы для католичества?

Можетъ ли подобная церковная институція явиться плодомъ творчества одного человѣка? Не коренится ли она въ болѣе глубокихъ причинахъ и въ болѣе существенныхъ условіяхъ?

Имя этого человѣка сдѣлалось извѣстнымъ въ Лангедокѣ съ первыхъ годовъ XIII столѣтія. Альбигойская ересь росла тогда съ поступательною быстротой. Всѣ сословія на

(¹) J. J. Percin. Monumenta conventus Tolosani ordinis ff. Praedicatorum primi ex vetustissimis manuscriptis originalibus transcripta. Tol 1693, in. f. Opusculum de haeresi Albigensium, de inquisitione etc. p. I, 84; p. III, 109.—Авторъ съ замѣчательною ревностью старается удержать за доминиканцами славу первыхъ инквизиторовъ; «Plures simul et semel post sanctum Patrem egerunt contra Albigenses praecipue post Bullam Honorii Pp. III datam 1218, quo tempore alias detento sanctissimo Patriarcha, Fratres nostri commissi sunt.»—См. статью Magi въ Mémoires de l'Académie de Toulouse; I, 41.

(²) F. Macedo. Schema congregationis Sancti Officii romani. Pad. 1676.—Ту же мысль спеціально развиваетъ Juan Guaston. Apologia en defensa que el Padre san-Domingho fue el primo inquisidor. Val. 1602.

Югѣ Франціи, кромѣ католическаго духовенства, или раздѣляли уже убѣжденія катаровъ и вальдензовъ, или готовы были воспринять ихъ. Въ виду изумительныхъ успѣховъ ереси, Иннокентій III, только что взявшій бразды папства, сталъ принимать рѣшительныя мѣры и отправилъ легатовъ и проповѣдниковъ въ Лангедокъ. Петръ де-Кастельно, Рауль, Арнольдъ, этотъ аббатъ аббатовъ, съ своими 12 спутниками,—всѣ они встрѣчались съ истомленнымъ отъ бдѣній и поста испанскимъ пріоромъ, сопровождавшимъ епископа Озьмы, дона-Діэго. Онъ случайно прибылъ на югъ Франціи. Діэго ѣздилъ въ Скандинавію по дѣламъ кастильскаго короля; ему и его свитѣ, въ рядахъ которой былъ Доминикъ, приходилось проѣзжать Тулузу. Въ оба раза пребываніе испанскаго духовенства не осталось безъ послѣдствій. Доминикъ отличался между всѣми особеннымъ образомъ. Молва скоро сдѣлала его святымъ. Разъ, онъ послѣ ночнаго увѣщанія обратилъ въ католичество закоренѣлаго еретика, у котораго ему пришлось остановиться ([3]). Бумаги, исписанныя его рукой, не горѣли въ огнѣ ([4]). Причина его необыкновенной въ средніе вѣка популярности именно заключалась въ мнимомъ дарѣ чудотворенія, который видѣли въ немъ склонные къ сверхъестественному современники. Если бы историкъ захотѣлъ собрать и изложить безчисленныя легенды объ его подвигахъ и чудодѣйствіяхъ, то имѣлъ бы неистощимый для того источникъ въ католическихъ минеяхъ. Никто изъ католическихъ дѣятелей, кромѣ его и св. Франциска, не имѣлъ болѣе богатой литературы. Первые доминиканцы тщательно собрали всѣ мельчайшія свѣдѣнія о дѣятельности своего патрона, разукрашая ихъ, а то поколѣніе, которое видѣло собственными глазами подвижничество Доминика, спѣшило скрѣпить своимъ ручательствомъ всѣ легенды, которыя принято было разсказывать о знаменитомъ человѣкѣ, искусство и заслуги котораго признавали сами альбигойцы. Вскорѣ послѣ его смерти, стали составляться подробныя жизнеописанія Доминика. Его послѣдователи, какъ второй генералъ ордена, Іорданъ и доминиканскіе духовные, Бартоломей Тридентскій

([3]) Theodoricus de Apoldia. Acta ampliora S. Dominici Confessoris; c. 27. См. Acta Sanctorum, IV aug. 1867, p. 565.

([4]) Petrus Cern. Historia Albigensium, c. 7.

и Теодорикъ де-Апольда, страстные поклонники своего учителя,—были ихъ небезпристрастными авторами ([5]). Ореолъ кротости и святости, который они накидываютъ на основателя

([5]) Источники для біографіи св. Доминика занимаютъ половину перваго тома августа въ Acta Sanctorum (curante J. Carnandet. Par. 1867), p 359—654. Обстоятельный разборъ этого матеріала и обширное критическое введеніе по всѣмъ частнымъ вопросамъ біографіи Доминика (p. 359—545) предпосланы тексту первыхъ житій: auctore B. Jordano synchrono ex ordine Praedicatorum, et secundo ejusdem Ordinis Magistro generali (p.541—558).—Vita altera quam F. Bartholomaeus Tridentinus ex ord. Praed. ante medium seculi XIII breviter conscripsit (самое краткое изъ 13 главъ, p. 556—558; оно было неизвѣстно Бернарду Гвидону; объ авторѣ свидѣтельствуетъ Антоній Падуанскій, который видѣлъ его до 1231 г.).—Acta ampliora quae F. Theodoricus de Appoldia, suppar Ordinis Praedicatorum scriptor, ex variis antiquioribus monumentis collegit (изд. впервые, p. 558—628). Теодорикъ, нѣмецкій доминиканецъ изъ Ерфурта, писалъ въ 1290 г. За тѣмъ слѣдуютъ акты, относящіеся къ частностямъ жизни и къ чудесамъ святаго, какъ: Relatio juridica in qua novem testes oculati ex jurati et Ord. Praed. narrant pia gesta et miracula S. Dominici, quae in vita, obitu, vel post mortem ejus observaverunt (628—641) etc.—Въ періодъ, между Іорданомъ и Теодорикомъ, писали еще другіе біографы, работы которыхъ частію помѣщены у Quetif et Echard (scriptores ord. praed.), частію неизданы.—Bernardus Guido. Vita S. Dominici Confessoris (Echard; I, 44—69, Percin, Monumenta; 30—41) упоминаетъ о нихъ.—Однимъ изъ раннихъ авторовъ была болонская монахиня Angelica de Bononia, писавшая жизнь Доминика между 1225—1240 г. (мадритскій манускриптъ, которымъ пользовался Ferdinandus de Castillo въ Hispanica Ordinis Praedicatorum Historia). Потомъ—Constantinus ep. Urbevetanus, по приказанію магистра Іоанна Тевтонскаго (около 1242—47 г.), помѣщено у Echard (I, 25—44); Petrus Ferrandi изъ Галиціи (раньше 1260 г. Echard I, 127); Gerardus de Fracheto, пріоръ изъ Лемузена (одновременно—Ech. I, 259), написавшій общія «vitas fratrum»; Humbertus, пятый магистръ ордена, по желанію котораго были предприняты многія церковно-историческія работы, компилированныя послѣ имъ самимъ, наконецъ ломбардецъ Iacobus de Voragine, послѣ арх. генуэзскій (Legenda

проповѣдническаго братства, является рѣшительнымъ противовѣсомъ тѣмъ разсказамъ о жестокости и кровожадности, которые, по мнѣнію протестантскихъ историковъ, были весьма правдоподобны въ примѣненіи къ мнимому изобрѣтателю страшной инквизиціи. Естественно, что фантастичность католическихъ сказаній далеко не можетъ залѣчить тѣхъ тяжелыхъ страданій, которыя знаетъ первоначальная исторія протестантизма, не въ силахъ сколько нибудь умалить той понятной ненависти, которую считали себя въ правѣ питать къ торжествовавшему католицизму и его представителямъ —первыя жертвы религіознаго свободомыслія.

Рожденный въ фанатической Кастиліи, гдѣ каждый шагъ земли напоминалъ борьбу христіанскихъ рыцарей съ невѣрными за дѣло и торжество креста, Доминикъ d'Aza былъ болѣе кого либо другаго призванъ, по условіямъ своей натуры, поддержать католическую вѣру въ Лангедокѣ, гдѣ духовенство, изнѣженное, недѣятельное, было безсильно въ виду крѣпкой организаціи противниковъ, вліянія и чистоты жизни ихъ коноводовъ, молодой силы новаторскихъ религіозныхъ убѣжденій.

По католическимъ легендамъ, видѣнія и чудеса предупредили рожденіе святаго. Онъ былъ родомъ изъ мѣстечка Каларнога. Отца его звали Феликсомъ, мать Іоанной. Се-

---

aurea). Есть нѣсколько подложныхъ житій, неосновательно приписанныхъ современникамъ (см. критику на нихъ въ Acta sanctorum, 362—368); они болѣе всего придали мистико-поэтическую окраску личности Доминика. Достаточно, что достоинство ихъ отвергается даже болландистами и Экгартомъ, «который contendit illas Alani de Rupe narrationes pro meditationibus aut parabolis accipiendas esse».—Пособія принадлежатъ исключительно ультрамонтанскому направленію литературы, начиная съ книги Bottoni (Vita di S. Domenico. Ven. 1589. 3 f.), Diacetto (1572, Fir.). Nys (Anv. 1611), Castillo y Lopez (Vallad. 6 f. 1612), Iansonius (Anv. 1622), Sousa (Lisb. 3 f. 1623), Rechac (P. 3 v. 1647), Gomez (Madr. 1653), Benoit (Toul. 1693), Touron (P. 1739), Pollidori (R. 1777), Morales (Discurso de la verdadera descendencia de s. Domingo, Madr. 1792).—Новыя французскія біографіи: Abric (Str. 1840) и Lacordaire; послѣдняя выдержала много изданій и переведена на нѣмецкій языкъ.

мейство д'Аца, извѣстное въ околодкѣ благочестивою жизнію, было въ родственныхъ связяхъ съ мѣстными епископами. Братъ Доминика также пріобрѣлъ нѣкоторую извѣстность дѣлами благочестія, но она была затемнена славою основателя доминиканскаго ордена, который уже родился со звѣздою на челѣ, какъ бы съ печатью избранія. Еще до рожденія этого избранника, матери казалось, что она носитъ въ утробѣ щенка, который лаемъ всегда напоминаетъ о себѣ; то видѣлось ей, что она родила младенца, который зажегъ весь міръ своимъ свѣтильникомъ (6). «Добрыя были предзнаменованія», замѣчаетъ біографъ. Дядя епископъ руководилъ воспитаніемъ ребенка. Онъ вмѣстѣ съ матерью направлялъ его къ смиренію, дѣламъ благочестія, умудряя чтеніемъ библіи. Отправленный учиться въ Паленсію, въ этотъ «museum», изъ котораго послѣ возникъ саламанкскій университетъ, Доминикъ первымъ дѣломъ поспѣшилъ продать свои книги, употребивъ вырученныя деньги на бѣдныхъ. Онъ чуждался общества сверстниковъ, не шутилъ, не смѣялся, велъ затворническую жизнь, не ѣлъ мясной пищи, спалъ на камняхъ или на голой землѣ (7). Его видѣли только въ церквахъ, гдѣ онъ съ страстнымъ вниманіемъ вслушивался въ проповѣди. Книга Кассіана: «Collationes patrum», по замѣчанію біографа, оказала на него большое вліяніе и привела къ духовному совершенствованію; онъ слѣпо подчинился ея наставленіямъ (8). Когда богословское образованіе юноши кончилось, Діэго, такъ звали епископа, указалъ ему на духовную карьеру, исключительно подходившую къ одностороннему аскетическому складу его натуры, и тогда же сдѣлалъ его каноникомъ въ своей церкви, посвятивъ въ августинскій орденъ (9). Душа молодаго августинца не могла удовлетвориться тѣснымъ кругомъ проповѣднической дѣятельности въ какой нибудь Паленсіи. По выраженію поклон-

---

(6) Barthol. Tridentinus, c. 1.—Appoldia, c. 12.

(7) Iordanus, c. 6.—Barthol. c. 2.

(8) Iordanus, c. 11.

(9) Ille confestim inter suos concanonicos velut jubar singulare emicuit, humilitate cordis imus, sanctitate praecipuus, factus omnibus odor vitae in vitam, et quasi thus redolens sin diebus aestatis. Iordanus, c. 8, p. 543.

ника Доминика, Апольды ([10]), слова его зажигали слушателей, подобно свѣтильнику Иліи. Онъ готовъ былъ, говоритъ Бартоломей Тридентскій, разорвать тѣло свое на куски изъ ревности къ вѣрѣ, а любви божественной въ немъ было такъ много, что для выгодъ христіанства онъ готовъ былъ пожертвовать собою, продать себя, если бы то потребовалось ([11]). Сама судьба привела его въ Лангедокъ въ свитѣ донъ-Діэго. Гдѣ какъ не тамъ предстояли подвиги для ревности католическихъ духовныхъ. Отъ катаровъ, отъ этихъ гонимыхъ еретиковъ, Доминикъ предлагаетъ заимствовать чистоту жизни, ихъ воздержаніе, ихъ презрѣніе плоти. Извѣстно, съ какими словами онъ отнесся къ легатамъ и къ сопровождавшимъ ихъ священникамъ ([12]); испанская миссія приносила съ собою на этотъ разъ не поученіе, а живой примѣръ.

—«Не такъ, братья, не такъ надо дѣйствовать, твердилъ Діэго и за нимъ Доминикъ, обращаясь къ блестящему аббату и его изнѣженнымъ спутникамъ. Мнѣ кажется, что невозможно обратить этихъ людей словами, скорѣе дѣломъ и примѣромъ вы исправите ихъ, тѣмъ болѣе, что на ихъ сторонѣ основаніе безнаказанно выхвалять свою собственную жизнь». —Какой же совѣтъ ты дашь намъ, отче, говорили аббаты. —«Дѣлайте то, что вамъ слѣдуетъ дѣлать».—И онъ посовѣтовалъ имъ отказаться отъ экипажей, слугъ и всѣхъ удобствъ житейскихъ, которыя сопровождали ихъ путешествіе; пѣшими и нищими, по примѣру апостоловъ, спѣшить укрѣплять вѣрныхъ и направлять колеблющихся. Преобразились 12 аббатовъ и Доминикъ, тринадцатый между ними, сдѣлался ихъ патріархомъ; въ него вѣрили и всѣ единодушно считали его истиннымъ «учителемъ и господиномъ» ([13]).

Какими поступками, какъ не мнимою способностью къ чудотвореніямъ, можно было производить обаяніе въ тотъ

([10]) «Erat certe vitiorum mirabilis objurgator, haeresum oppugnator, fidei zelator, Christianorum diligentissimus exhortator, verbaque ejus ardebant, ut faculae, qui in spiritu Eliae venerat et virtute». Appoldia, c. 34, p, 566.

([11]) Barth. Trid. c. 5, p. 556.

([12]) Theodoricus de Appoldia, c. 29—30; p. 565. Petrus Cern. c. 3.

([13]) Duodecim patres conjunxit sibi verbo et exemplo tertius decimus pater patrum et patriarcha factus, quem tamquam magistrum et dominum unanimiter sequebantur. Appoldia. c. 30; p. 565.

суевѣрный вѣкъ. Только на нихъ могла опираться прочная сила и популярность человѣка, замыслившаго нравственное обновленіе католическаго общества. И дѣйствительно, куда и когда ни показывался этотъ человѣкъ, онъ вездѣ производилъ сильное вліяніе на массу своею личностью, огненною рѣчью и особенно обаяніемъ чудесъ. Шли слухи, что онъ обладаетъ тайной исцѣлять самыя разнообразныя болѣзни, своими молитвами становить на ноги умирающихъ, излѣчиваетъ сумасшедшихъ, изгоняетъ нечистыхъ духовъ, которые повинуются одному его мановенію, наконецъ что онъ можетъ даже воскрешать умершихъ. Послѣ его смерти, одна женщина, которая не совсѣмъ довѣряла этимъ слухамъ, злобно посмѣиваясь надъ чудесами святаго, была наказана жестокими язвами и болѣзнію, отъ которой не могли пособить никакія усилія тогдашнихъ медиковъ; только одно раскаяніе передъ образомъ святаго, въ день его праздника, сразу превозмогло всѣ пособія врачей и совершенно исцѣлило больную ([14]). По кончинѣ Доминика, въ тѣлѣ его, какъ извѣстно, сохранилась та же таинственная цѣлительная сила, помогавшая вѣрующимъ, какую онъ имѣлъ способность обнаруживать при жизни. Цѣлые списки чудесъ помѣщаются обыкновенно въ приложеніи къ его житіямъ ([15]). Они подписаны 300 и болѣе свидѣтелей; доминиканцы, инквизиторы и посторонніе мужчины и женщины, всѣ подъ присягою свидѣтельствуютъ достовѣрность сказаннаго ими и записаннаго. На сколько условна такая достовѣрность, видно изъ свидѣтельства нѣкой Беренгаріи, бывшей еретички, обращенной Доминикомъ. Она собственными глазами видѣла бѣса, который сидѣлъ въ девяти еретикахъ и вышелъ изъ нихъ по мановенію святаго, причемъ Беренгарія успѣла тщательно опредѣлить размѣры этого загадочнаго существа. По ея словамъ, вылетѣвшій бѣсъ

([14]) Acta Sanct. p. 647.

([15]) Epistola authentica qua subdelegati inquisitores Tolosani exponunt ea, quae circa virtutes et miracula S. Dominici ex testibus oculatis ac juratis audiverant (Echard; I, 56; Acta Sanct. id. 641—643). О 300 подписяхъ говоритъ Бернардъ Гвидо. Далѣе: Miracula quae Rothomagi in Normannia ab anno 1261 usque ad a. 1270 contigerunt (Acta Sanct. 645—652). Alia miracula quae variis locis et temporibus patrata sunt, et quae nec in Commentario praevio, nec in collectione Theodorici de Appoldia leguntur (id. 652—654 изъ кодекса J. Ant. Flaminii).

величиною былъ съ собаку, похожъ на кота, глаза какъ у быка, весь красный какъ въ пламени, языкъ у него съ полфута а хвостъ съ поллоктя ([16]). Нѣкоторыя изъ чудесъ, совершенныхъ молитвами Доминика, уже послѣ кончины его, были довольно страннаго свойства. Одна дѣвушка, желая посвятить себя иноческой жизни, отказывалась отъ замужества, вопреки настояніямъ отца. Когда всякое дальнѣйшее сопротивленіе становилось безполезнымъ, она обратилась къ предстательству святаго Доминика и по его молитвамъ въ канунъ назначеннаго брака, невѣста проснулась съ такимъ обезображеннымъ лицомъ, что жениху оставалось отказаться и предоставить дѣвушкѣ идти въ орденъ доминиканскій ([17]). По своему произволу, Доминикъ могъ мѣнять органы человѣческаго тѣла. Такъ случилось съ однимъ испанскимъ юношей, который матерью былъ предназначенъ въ доминиканцы и рожденіе котораго было нѣсколько уродливо; молитвами святаго этотъ органическій недостатокъ былъ исправленъ, и женскій органъ быстро превратился въ мужской ([18]).

Личное подвижничество Доминика также было засвидѣтельствовано очевидцами, какъ и чудеса его. Онъ подвергалъ себя тяжелому изнуренію, носилъ вериги, власяницы. Въ двухъ, трехъ мѣстахъ онъ названъ «преслѣдователемъ ереси, упорнымъ гонителемъ ея и словомъ и примѣромъ,» но всюду личность его представляется кроткою, щедрою, радушною, скромною, готовою на всякія жертвы для блага *всѣхъ* христіанъ, чуждою суетъ нашего міра([19]). Но нѣтъ сомнѣнія, что слѣпой фанатизмъ, свойственный ему, способенъ былъ не разъ запятнать исторію католичества. Его дѣвственность, которую онъ успѣлъ сохранить въ продолженіи всей своей жизни, засвидѣтельствовали между прочимъ три женщины ([20]).

([16]) **Acta Sanct. p. 643. Epist. auth. c. 11.**

([17]) **Acta Sanct. p. 652.**

([18]) **ibid.**

([19]) **Epist. auth. p. 641—643. Доминику приписываютъ молитву за грѣхи всѣхъ людей: «Domine miserere populi. Quid facient peccatores»? Et sic noctes ducebat insomnes plorando et ejulando pro peccatis aliorum (p. 642).**

([20]) **Guilielma, uxor Eliae Martini, Tolosana Neguesa, Beceda, monacha S Crucis; всѣ онѣ «testis jurata», Epist. auth. 642.**

Слава подвижника и необычайнаго человѣка была пріобрѣтена Доминикомъ съ первыхъ годовъ его проповѣди и пребыванія въ Лангедокѣ. Вмѣстѣ съ Діэго онъ обдумывалъ органическій планъ духовнаго воздѣйствія на ересь. Назиданіе и христіанское воспитаніе обращенныхъ согласовались съ помыслами тогдашняго папы Иннокентія III. Братство, составъ и характеръ котораго онъ уже предначерталъ, думая о томъ еще на родинѣ, могло, по его разсчетамъ, удовлетворить стремленіямъ первосвященника. Прежде чѣмъ просить духовнаго разрѣшенія объ утвержденіи цѣлаго общества, имѣвшаго въ виду обнять весь католическій міръ, Доминикъ захотѣлъ примѣнить теперь же нѣкоторыя свои предположенія. Какъ извѣстно, онъ основалъ, по благословенію Діэго, свой монастырь Прулліанскій (de Prouille), недалеко отъ Монреаля, на землѣ тулузскаго епископа. Онъ предназначался для укрѣпленія въ вѣрѣ обратившихся еретичекъ, преимущественно изъ извѣстныхъ провансальскихъ фамилій; на первое время тамъ помѣщено было одинадцать дѣвицъ. Учащимся было запрещено оставлять свое жилище и предписывалось работою разгонять скуку. По инціативѣ Доминика, возникли и мужскія школы, питомцы которыхъ были подготовляемы къ проповѣдыванію слова Божія и къ обращенію еретиковъ. Мало по малу стали открываться монастыри общества «бѣдныхъ католиковъ», эти начальники доминиканскихъ. Въ нихъ стремились поклонники Доминика, его первые послѣдователи. Описанный нами тулузскій монастырь, послѣ сдѣлавшійся домомъ инквизиціи, былъ однимъ изъ числа таковыхъ. Братія и ученики жили милостыней. Иннокентій III принялъ эти монастыри подъ свое покровительство ([21]), но еще не учреждалъ доминиканскаго общества, не утверждалъ особой конгрегаціи, такъ какъ далъ себѣ обѣщаніе не разрѣшать ихъ въ виду многочисленности прежнихъ орденовъ. Діэго не суждено было дожить до осуществленія мечтаній своего питомца. Онъ вернулся въ Кастилію, гдѣ скоро умеръ. Доминикъ остался одинъ съ своею упрочившеюся популярностью и сталъ бороться съ ересью.

([21]) **Registra Innocentii III; l. VI, ep. 196, 197, 199; l. XII. ep. 17, 66—69; l. XIII, ep. 63, 77, 78; l. XV, ep. 82, 90, 93, 96.**

Когда онъ частнымъ образомъ основывалъ свое братство, желая служить примѣромъ для небольшаго кружка истинно благочестивыхъ католиковъ, то врядъ ли тогда въ головѣ его носились картины допросовъ, пытокъ, казней, костровъ и всего того, что сдѣлало столь страшнымъ инквизицію. Напротивъ, есть причины думать, что онъ имѣлъ въ виду исключительно духовное назиданіе. Два года уже онъ хлопоталъ объ учрежденіи регулярнаго братства для содѣйствія дѣламъ церковнымъ въ Лангедокѣ. Какъ ни трудно было получить такое разрѣшеніе отъ Иннокентія III, Доминикъ выхлопоталъ его на томъ же латеранскомъ соборѣ, на которомъ между прочимъ было постановлено не допускать новыхъ духовныхъ орденовъ. Доминикъ долженъ былъ подчиниться съ своею братіею какому либо прежнему уставу. Онъ избралъ новѣйшій августинскій, къ которому принадлежали преимущественно ученые духовные, но присоединилъ къ нему нѣсколько строгихъ житейскихъ правилъ, согласно своему личному характеру. Такъ какъ цѣлью братства была проповѣдь въ разнообразныхъ мѣстностяхъ, то орденъ не долженъ былъ пріобрѣтать недвижимостей для своего обезпеченія, а довольствоваться сборами и даяніями. Когда съ этимъ желаннымъ разрѣшеніемъ, осуществлявшимъ болѣе половины его мечтаній, Доминикъ вернулся въ Тулузу, то городъ, по настояніямъ епископа Фулькона, предложилъ въ его распоряженіе особую церковь съ монастыремъ по имени S. Romain. Въ это пріорство въ 1216 году перебралось 16 первыхъ доминиканцевъ изъ своего прежняго помѣщенія, названнаго въ послѣдствіи инквизиціоннымъ домомъ.

Но этимъ первообразомъ ордена, этимъ полузаимствованіемъ, не могъ удовольствоваться человѣкъ, считавшій себя призваннымъ свыше создать особое, самостоятельное учрежденіе въ Римской Церкви. Онъ мучился, что умретъ не завершивъ своихъ начинаній. Въ томъ же году, онъ опять пошелъ въ Римъ, дабы у ногъ Гонорія III вымолить разрѣшеніе особаго проповѣдническаго братства. Доминикъ очевидно, при всей готовности къ самопожертвованію, не чуждъ былъ тщеславной мысли оставить свое имя въ исторіи церковно-католическихъ учрежденій. Онъ усердно молился въ церквахъ вѣчнаго города прежде чѣмъ предстать предъ первосвященникомъ. Разъ ночью, послѣ напряженнаго бдѣнія,

было ему видѣніе, которое записали набожные біографы. Онъ видѣлъ Сына Божія, возсѣдавшаго на высокомъ тронѣ, въ предѣлахъ горнихъ, по правую сторону Бога Отца. Онъ сидѣлъ гнѣвный, раздраженный, передъ толпою грѣшниковъ, поникшихъ передъ нимъ. Въ рукахъ его было три копья, предназначенныхъ для истребленія прегрѣшившихъ, — одно для гордыхъ, другое для скупыхъ, третье для развратныхъ. Пресвятая Матерь обнимала его ноги, умоляя о милосердіи къ падшимъ, о «смягченіи ихъ участи». —Развѣ не видишь ты, отвѣчалъ Ей Іисусъ, сколько неправды они содѣлали мнѣ? Моя справедливость не потерпитъ втунѣ столько зла безнаказаннаго. — Тогда Пресвятая Дѣва сказала ему: —«Ты вѣдаешь Господи, какимъ путемъ надо направить ихъ. Я знаю вѣрнаго слугу, котораго ты пошлешь въ міръ, дабы онъ возвѣстилъ ученіе твое; тогда всѣ познаютъ и обрящутъ тебя. Я дамъ ему въ помощники еще другаго слугу, который совершитъ то же дѣло». По желанію Господа, котораго смягчили Ея просьбы, Она подвела Ему монаха, въ чертахъ котораго Доминикъ узналъ самого себя.—«Онъ способенъ исполнить то, что сказала ты», изрекъ Господь. Слѣдомъ за нимъ Она подвела другаго монаха, который предназначался въ соратники ему. Лице его было незнакомо; Доминикъ никогда не видалъ его прежде. Но, придя на другой день въ церковь, онъ нашелъ его между молящимися и тогда, смѣло обратившись къ нему, воскликнулъ: — «Ты товарищъ мой, ты пойдешь вмѣстѣ со мною; будемъ дѣйствовать вмѣстѣ и никто не одолѣетъ насъ».—Новаго знакомца звали Франциском (22). Это былъ другой фанатикъ своихъ убѣжденій.

---

(21) Gerardus de Fracheto. Vitae fratrum; Acta Sanct. p. 441.—Разсказанное видѣніе и сближеніе Доминика и Франциска, даетъ случай Апполъдѣ высказать цѣль миссіи того и другаго дѣятеля. Mihi vero de divina providentia admiranti dixit Dominus (такимъ смысломъ облекаетъ онъ свое сужденіе): Servum meum electum Franciscum ad hoc in mundum destinavi, ut clericorum avaritiam malam, irrationabilem et detestabilem ostenderem, quaestumque inutilem et damnabilem confutando libertatem misericordiae imitabilem, humilitatemque virtutum omnium eximiam in ejus conversatione mihi placitam declararem, paupertatemque evangelicam cunctis venerabilem, meisque conspectibus acceptabilem comproba-

Онъ жилъ въ Римѣ съ тою же цѣлью, какъ и Доминикъ. Онъ имѣлъ съ нимъ удивительное сходство по подвижничеству, по симпатіямъ. Его помыслы клонились къ тому же возрожденію католическаго духовенства отъ долгой апатіи, къ тому же нравственному обновленію общества, но идеалы Франциска были исключительно аскетическаго свойства. Ознакомиться съ этою личностью весьма важно для изученія той эпохи.

Франческо Бернардоне былъ сынъ богатаго купца изъ итальянскаго города Ассизи ([23]). Онъ съ дѣтства почувствовалъ свое призваніе. Съ первыхъ годовъ молодости онъ удерживалъ вырученныя за товары деньги на бѣдныхъ и больныхъ. Разъ, когда въ храмѣ читали объ евангельскомъ отреченіи отъ всѣхъ земныхъ благъ ради имени Христова, его экзальтированная натура, уже давно настроенная къ тому постами и молитвами, была надломлена окончательно. Онъ отказался отъ богатствъ отцовскихъ и въ рубищѣ, босой, сталъ ходить по городу, питаясь милостыней. Съ нимъ начались галлюцинаціи; онъ видѣлъ видѣнія, слышалъ пѣніе ангеловъ, бесѣдовалъ съ Богомъ. Отецъ, черезъ епископа, прибѣгнулъ

---

rem... Et famulum meum Dominicum verbi mei bajulum ac praedicatorem inclytum ad incredulorum duritiam, haereticorumque perfidiam conterendam direxi, Ecclesiaeque meae aream ab erroribus doctrinae exempli ventilabro permutandam. Dedi eum in lucem gentium, ut sapientibus et insipientibus debitor illuminet eos, qui in tenebris et in umbra mortis sedent, dans salutis scientiam plebi meae, fiantque oris ejus verba sustentantio lassorum, consolatio afflictorum, et medicina saluberrima peccatorum» (id. 623).

([23]) Первымъ біографомъ св. Франциска былъ его ученикъ I. Bonaventura; къ слѣд. принадлежатъ Th. Celano, I. de Ceperano. Въ Acta Sanctorum (oct. t. II, 1866) помѣщено, кромѣ соч. Бонавентуры (742—798), краткое дополненіе къ житію, приписываемое тремъ друзьямъ Франциска, auctore Leone, Rufino et Angelo (723—742). См. Wadding (Annales Ordinis Minorum. Roma, 1731—1847, 22 f.)—Изъ пособій, которыя всѣ почти принадлежатъ также къ клерикальному роду, лучшее: Ed. Vogt. Der heilige Franciscus von Assisi, biographischer Versuch. Tüb. 1840 и протестантское Carl Hase. Franz von Assisi, ein Heiligenbild. Lpz. 1856.—См. нашу статью о Римской Церкви въ XIII вѣкѣ,—въ Журн. Мин. Нар. Пр. 1870, май.

къ увѣщанію, а потомъ и къ мѣрамъ строгости. Семья презирала его и оттолкнула; Франческо расторгъ всѣ связи съ ней и сталъ проповѣдывать о необходимости строгаго покаянія, суровой жизни и отреченія отъ мірскихъ благъ. Онъ притупилъ свои чувства и тѣло. Передъ этимъ героизмомъ лишенія начали склоняться. Одинъ богачъ ассизскій смѣялся надъ Франческо, но, послѣ одной страстной проповѣди, распродалъ свои богатства и пошелъ за этимъ человѣкомъ, оригинальнымъ, но магнетически притягательнымъ. Еще шесть человѣкъ пристало къ нему тогда. Всѣ они поселились у ручья, въ тѣсномъ шалашѣ, въ окрестностяхъ города; попеременно они ходили на проповѣдь. Тогда Оттонъ IV короновался въ Римѣ (1207 г.); Франческо послалъ напомнить императору о суетѣ мірской и о томъ, что вся слава его пройдетъ какъ сонъ. Его страстная натура не могла успокоиться самоуглубленіемъ и созерцаніемъ. Онъ старался изможДить свое тѣло. Трижды въ ночь онъ бичевалъ себя: одинъ разъ за свои грѣхи, другой за живущихъ, третій за души въ чистилищѣ. Чтобы притупить тѣлесныя ощущенія, онъ, нагой, кидался въ снѣгъ, и умирая, распростертый на сырой землѣ, онъ оставался тѣмъ же героическимъ аскетомъ, какимъ былъ всегда при жизни. — Добиваясь невѣдомыхъ и томительныхъ подвиговъ, Франческо кинулся изъ Ассизи въ Мараско, потомъ, напрасно испрашивая у Иннокентія III разрѣшенія открыть братство «нищенствующихъ францисканцевъ», обошелъ всю южную Италію и бросился въ Палестину. Онъ былъ въ Сиріи и Египтѣ; всюду его сопровождала молва чудотворенія. Говорили, что жизнь его напоминаетъ жизнь Спасителя отъ самаго рожденія, что онъ даже превосходитъ Христа своими подвигами ([24]). Его миссіонеры распространяли идею отреченія отъ міра въ Испаніи и Франціи, сѣверной и южной; въ Германіи ихъ постигали неудачи. «Германія не для насъ, любилъ повторять Франческо, избави насъ Господи отъ нѣмцевъ». Вторично онъ явился въ

([24]) Весьма рѣдкое теперь соч. B. de Pisis. Liber conformitatum vitae S. Francisci cum vita jesu Christi. Med. 1513, f.; слѣд. изд. съ пропусками. Францискъ былъ канонизированъ Григоріемъ IX въ іюлѣ 1228 г. (см. лѣтопись Riccardo di S. Germano. Muratori; VII, 992), потому-де что онъ открыто совершилъ два чуда: возвратилъ зрѣніе слѣпому и исцѣлилъ хромаго.

Римъ, въ концѣ 1216 года, одновременно съ Доминикомъ, но опять потерпѣлъ неудачу. Доминикъ былъ счастливѣе его. Орденъ «проповѣдниковъ» былъ наконецъ утвержденъ Гоноріемъ III. Необходимость бороться словами съ ересью альбигойцевъ и вальдензовъ, которые не переставали безпокоить Церковь, была, вѣроятно, побудительною причиною, почему папа, 22 декабря 1216 года, —съ цѣлью учрежденія общества на началахъ «Божіихъ и правилахъ св. Августина»—далъ «брату Доминику, пріору S. Romanis въ Тулузѣ», утвердительную буллу, оставивъ разрѣшеніе вопроса о францисканскомъ братствѣ до другаго времени. Франческо суждено было увидѣть исполненіе своихъ завѣтныхъ мечтаній лишь спустя шесть лѣтъ, когда число его «миноритовъ», этихъ «меньшихъ братій», удивило Церковь своею громадностью, своей готовностью отречься отъ благъ міра, которыя они старались не видѣть изъ за капишона своей убогой одежды, и своею способностью фанатизировать проповѣдями простой народъ. Но и теперь уже за Франческо стояло нѣсколько тысячъ послѣдователей. Ему отчасти былъ обязанъ Доминикъ своими успѣхами въ Римѣ. Франческо безкорыстно поддерживалъ его передъ папой и кардиналами, забывая на время свое собственное дѣло.

Новое доминиканское братство имѣло цѣли мирныя, невоинственныя. Проповѣдь, и только, была его непосредственнымъ назначеніемъ; самое названіе «проповѣдническое» вытекало изъ обращенія, какое сдѣлалъ къ Доминику Гонорій III въ своемъ посланіи: «Fratri Dominico et cum eo praedicantibus in partibus Tolosanis», и которое папа вскорѣ же велѣлъ замѣнить словами: «Magistro Dominico et fratribus praedicatoribus» ([25]).—«Принимая въ соображеніе, такъ начиналась папская булла, что братья вашего ордена, всегда будутъ защитниками вѣры и истинными свѣточами міра, мы утверждаемъ орденъ со всѣми его имуществами и правами» ([26]). Другая грамота содержала въ себѣ 14 статей. Папа бралъ подъ свое покровительство церковь св. Романа и соглашался чтобы орденъ канониковъ, который имѣлъ тамъ пребываніе, существовалъ на вѣчныя времена. Онъ предо-

([25]) Acta Sanct. aug. t. I, 447.
([26]) Raynaldi. Annales eccl. (ed. 1747. Luca) a. 1216, p. 402.

ставлялъ братству обладаніе его церковнымъ имуществомъ и всѣмъ тѣмъ, что оно пріобрѣтетъ въ послѣдствіи, освобождая братьевъ отъ платежа десятины съ новинъ, которыя они обработываютъ своими руками или на свой счетъ, а также и отъ натуральныхъ церковныхъ повинностей. Братство должно обращаться къ мѣстнымъ епископамъ за святымъ мvромъ, и приглашать ихъ для освященія алтарей и церквей и для посвященія клириковъ. Пріоры въ монастыряхъ должны выбираться монахами свободной подачей голосовъ, безъ всякаго посторонняго вліянія ([27]). Въ этомъ первомъ видѣ, орденъ еще не былъ нищенствующимъ; это было братство обыкновенныхъ канониковъ; обѣты нищеты, цѣломудрія и послушанія опредѣлились въ послѣдствіи; пока выяснилось только непосредственное назначеніе братства—проповѣдь и обращеніе еретиковъ. Гонорій III не рѣшался такъ скоро уничтожить формальное запрещеніе своего предшественника.

Учрежденіе нищенствующихъ орденовъ знаменуетъ довольно примѣтный переломъ въ нравственномъ настроеніи тогдашняго общества. Это была реакція успѣхамъ ереси, которая досёлѣ проявлялась въ массахъ. Мы имѣли случай замѣтить, что съ 1216 года, когда начались засѣданія четвертаго латеранскаго собора, альбигойская ересь теряетъ то значеніе знамени патріотическихъ интересовъ, какое имѣла доселѣ, и существуетъ скорѣе какъ сердечное вѣрованіе отдѣльныхъ личностей ([28]). Что реакція была сильна, что идеалы нищенствующихъ коренились въ самомъ обществѣ, что на нихъ сильно отзывались — видно изъ той изумительной быстроты, съ какою размножалось число послѣдователей Доминика и Франциска. Не прошло и 20 лѣтъ со дня утвержденія орденовъ, какъ въ западной Европѣ было 400 доминиканскихъ и 1000 францисканскихъ монастырей; между тѣмъ, чтобы быть францисканцемъ того перваго времени требовалось много энергіи и самоотверженія.

Всякій, поступавшій въ орденъ миноритовъ, уже тѣмъ самымъ отказывался отъ настоящей и будущей собственности. Никто не могъ имѣть въ рукахъ денегъ; самая одежда, сѣрая или коричневая ряса, прикрывавшая тѣло, принадле-

([27]) Bullarium Romanum, ed. 1857, Turin; III, 309.
([28]) См. нашу Исторію Альбигойцевъ; I, 553.

жала всему ордену, который обязывался не пріобрѣтать имѣній и чего либо свыше необходимаго. Церкви францисканцевъ были тѣсны и безъ украшеній; ихъ пища едва удовлетворяла чувство голода. По степени подвижничества и по образу жизни, францисканцы послѣ раздѣлились на конвентуаловъ, спиритуаловъ, босоногихъ и пр. Капуцины вышли также изъ нихъ. И доминиканскій и францисканскій орденъ, при полной организаціи, управлялись каждый своимъ «minister generalis»; отдѣльными провинціями завѣдывалъ «minister provincialis»; непосредственная власть была у «minister guardianus». Терціаты или кающіеся составляли первую ступень отреченія; они жили въ свѣтѣ, хотя принадлежали къ францисканскому братству. Не обязанные всею строгостью монашескихъ обѣтовъ, они были необходимы для цѣлей общества; живыми примѣрами они указывали испорченнымъ современникамъ образецъ простой умѣренной жизни, чуждой крайностей того и другаго направленія.

Такъ формировалось новое воинство для борьбы съ ересью...

Многіе историки, старые и новые, католическіе и протестантскіе безразлично, съ удивительной развязностью приписываютъ учрежденіе инквизиціи тому самому Доминику, который былъ основателемъ братства проповѣдниковъ; они склонны даже смѣшивать доминиканскій орденъ съ инквизиціоннымъ трибуналомъ. Подобное направленіе происходитъ изъ легкаго воззрѣнія на исторію, изъ стремленія объяснять сложныя историческія явленія мелкими причинами. Для такихъ историковъ самое главное придумать изобрѣтателя системы, будетъ ли то Луцій III, Иннокентій III, Доминикъ, Гонорій III, Григорій IX, Иннокентій IV. Весьма распространенное, особенно въ старой литературѣ, мнѣніе объ инквизиторствѣ Доминика — довольно ошибочно. Полицейская система допросовъ, розыска по дѣламъ церковнымъ, съ ихъ извѣстными всякому послѣдствіями, постоянное примѣненіе свѣтскаго меча, все это развивается изъ сущности римско-католическихъ воззрѣній, укрѣпившихся исторіею. Эта система не входила, конечно, въ католическое ученіе непосредственно, но привлекалась къ нему лжеумствованіями, софизмами, низкими страстями духовенства, — когда въ примѣненіи ея чувствовалась надобность, когда опасность начинала грозить католической Церкви, когда слово убѣжденія становилось недѣйствительнымъ и ощущалась потребность въ содѣйствіи той темной силы, которая для извра-

щеннаго пониманія представлялась способной возмѣстить силу духа и убѣжденія.

Такую опасность почувствовало католичество въ эпоху альбигойства. Первые 16 лѣтъ XIII столѣтія, для земли языка провансальскаго, преимущественно были годами борьбы за торжество той или другой вѣры. Новое ученіе исповѣдывали тамъ не отдѣльныя личности, а цѣлыя массы. Чтобы заставить ихъ возвратиться въ лоно католической Церкви, далеко недостаточно было бы примѣнять тѣ каноническія, дисциплинарныя средства, которыми могло располагать римское духовенство; мѣры предупредительныя а равно и карательныя, инквизиторскія, были бы одинаковы безсильны. Нѣкоторое время само католичество принимало оборонительное положеніе. Иннокентій III воззвалъ къ крестовому походу. Въ годы высшаго роста папскаго могущества, когда римскій первосвященникъ сдѣлался гегемономъ Запада, нельзя было бы и ждать равнодушнаго отношенія къ торжеству начала радикально противоположнаго и крайне враждебнаго, пріютившагося въ уголкѣ Европы. На процвѣтавшій подъ покровомъ новаго ученія Югъ двинуты были волею папы завоеватели съ сѣвера Галліи. Политика королей французскихъ и безъ того клонилась къ покоренію провансальской земли. Обитатели этой земли уступали своимъ сѣвернымъ сосѣдямъ въ воинской храбрости, но далеко превосходили ихъ въ образованіи, промышленности, культурѣ и галантности жизни. Военная отвага французскаго рыцарства, которымъ предводительствовалъ новый Іуда Маккавейскій, Симонъ Монфоръ, увѣнчалась успѣхомъ. Четвертый латеранскій соборъ узаконилъ торжество побѣдителей. Старинный владѣтельный родъ Раймондовъ былъ лишенъ своего тулузскаго графства. Развѣнчанный Раймондъ VI, вполнѣ пораженный, долженъ былъ удовольствоваться пенсіею и благословеніемъ папскимъ. Чуждый баронъ, изъ расы ненавистной на Югѣ, царитъ отъ Безьера до Океана; владѣнія Монфора граничатъ Пиринеями и рѣкою Дордонь. Сыну развѣнчаннаго графа, Раймонду VII, остается Венессенъ, Аржансъ и Бокеръ. Но папа прибавилъ къ этому свое обѣщаніе возстановить въ болѣе благопріятномъ будущемъ права юноши. — «Ты можешь защищать свое право противъ всякаго, кто хотѣлъ бы обидѣть или ограбить тебя», сказалъ ему Инно-

кентій III при разставаньи ([29]). Оба они видѣли другъ друга послѣдній разъ въ жизни.

Низверженіе старой династіи и водвореніе Монфора на Югѣ Франціи было знаменіемъ паденія альбигойства. Нѣкогда торжествовавшее, подъ замѣтнымъ покровительствомъ индифферентнаго Раймонда VI, изъ политическихъ видовъ выдававшаго себя иногда за ревностнаго католика, альбигойство сдѣлалось гонимымъ. Альбигойское ученіе, для массы т. н. вѣрныхъ, допускало коварство и обманъ въ вопросахъ вѣры и далеко не предписывало страданій за религіозныя убѣжденія. То сливаясь съ католиками, то снова выдѣляясь изъ нихъ, альбигойцы-катары не давали выслѣдить себя католическому духовенству. Часто оказывалось, что умиравшій католикъ былъ въ душѣ заклятымъ врагомъ той вѣры, ярмо которой онъ осмѣливался сбросить только на порогѣ могилы. Потому-то, со временъ перваго подавленія ереси, въ католическихъ институціяхъ, въ интересахъ фанатизма, потребовалось отдѣльное учрежденіе, которое давало бы возможность отличать католиковъ по политической необходимости отъ католиковъ искреннихъ. Новыя гражданскія власти стали бы оказывать ему дѣятельное содѣйствіе, такъ какъ тѣмъ узнавали бы сторонниковъ прежняго порядка. Вся предварительная исторія католицизма давала богатый матеріалъ и цѣлый рядъ примѣровъ, который освящалъ прошлымъ обычность если не самаго учрежденія, то основной идеи нетерпимости, положенной въ ея основаніе. Такія побужденія были причиной организованія *первой инквизиціи*, легальную необходимость которой католическіе патеры старались мотивировать свидѣтельствами Библіи, какъ увидимъ въ слѣдующей главѣ, гдѣ изложимъ ея исторію и организацію. Теперь замѣтимъ только одно, что *первая* инквизиція, учрежденная надъ альбигойцами,—такъ мы называемъ ее въ отличіе отъ позднѣйшей, испанской,—находится въ зависимости отъ хода политическихъ событій въ главномъ центрѣ ереси, въ землѣ лангедокской. Только полное торжество фанатичной католической власти способно было вызвать инквизиціонный трибуналъ съ казнями и заточеніями, и только паденіе или даже ослабленіе ея устраняло возможность существова-

---

([29]) Cansos de la Crozada; c. CLII, v. 3702—3703.

нія инквизиторскихъ преслѣдованій. Муниципальныя власти, стѣсненныя феодалами-завоевателями, оказывались сторонниками двухъ противоположныхъ религіозныхъ направленій; они были то альбигойцами, то католиками, то снова альбигойцами. Они то караютъ ересь, то видимо послабляютъ ей. Инквизиція устранилась бы, если бы французское завоеваніе было способно упрочить вполнѣ католическую вѣру въ странѣ. Всякій взрывъ ереси находился въ близкой связи съ ходомъ политическихъ обстоятельствъ. Потому изложеніе послѣднихъ, начатое 1216 годомъ, должно предшествовать исторіи инквизиціи, а равно и исторіи судебъ альбигойства послѣ кончины Иннокентія III.

Qui qu'es fina in s'recreza Avignon puei en Proenza, E preg que Dieus lo arreza, Qu'en els es sens e largueza, Ai rica gent a corteza, Vostra guillardia, Es honors de Proensaleza... (Tomieras).	*«Авиньонъ поднимается въ Провансъ, не смотря на свое изнеможеніе и на послѣдствія. Молю Господа, чтобы онъ помогъ городу, потому что имъ движетъ восторгъ и великодушіе. О могучій и изящный народъ, твоя отвага—гордость провансальцевъ...»*

Понятно, что вѣсть о томъ, какъ папа и отцы латеранскаго собора закабалили французамъ и ненавистному Симону Монфору земли графа тулузскаго, должна была произвести на все провансальское населеніе страшное впечатлѣніе. До сихъ поръ еще надѣялись на прощеніе, на снисхожденіе. Раймондъ VI, симпатичный уже одними своими несчастіями, былъ искренно любимъ въ странѣ. Его династія была вполнѣ національная. На французовъ смотрѣли какъ на пришлецовъ-истребителей, какъ на варваровъ. Народные пѣвцы, въ пламенныхъ стихахъ, разжигали эту ненависть; стансы трубадуровъ оплакивали несчастія павшаго государя, «развѣнчаннаго попами». Альбигойское населеніе было заинтересовано будущностью самымъ роковымъ образомъ. Быть или не быть новому ученію,—это зависѣ-

ло отъ той или другой династіи. Раймондъ VI отличался если не сочувствіемъ къ ереси, то самою широкою вѣротерпимостью. Невидимая ни для какого глаза сдѣлка существовала издавна между графами и ихъ подданными. Одна сторона не выдавала другую въ годины опасностей. Въ тяжелыя минуты для альбигойства, когда Римъ грозно и публично каралъ Раймонда VI за равнодушіе къ успѣхамъ ереси, послѣдняя тѣмъ не менѣе существовала, скрывшись подъ пепломъ общаго гоненія. Промышленность и торговля цвѣли въ тулузскихъ земляхъ съ бо̀льшимъ успѣхомъ чѣмъ въ другихъ предѣлахъ Галліи. Тамъ земледѣльцы были или свободны или, прикрѣпленные къ землѣ, спокойно выносили свою нетяжелую зависимость отъ мѣстнаго феодала. Рыцарство видѣло въ падшемъ графѣ своего лучшаго и благороднѣйшаго представителя.

Такъ всѣ элементы, всѣ сословія на тулузскомъ Югѣ соединились въ одномъ сочувствіи къ угнетенному государю. Его унизило и карало римское духовенство, а оно было всегда такъ непопулярно въ этой веселой странѣ. Горесть общинъ и рыцарей усиливалась еще тѣмъ, что отнынѣ ихъ судьба въ рукахъ ненавистнаго Монфора. Надо было употребить послѣднія усилія, чтобы спасти династію, а съ нею и свою національность.

Нѣсколько рыцарей съ ихъ вассалами рѣшились первые выразить народное настроеніе. Они собрались въ Авиньонѣ привѣтствовать возвращавшихся изъ Рима, Раймонда VI и его сына. Давно знали, что оба графа поѣхали изъ Рима моремъ на Марсель. Лишь только они ступили на марсельскій берегъ, какъ на нихъ посыпались народныя благословенія и выраженія общей радости. Консулы города поднесли имъ ключи. Старая Марсель была свободной купеческой общиной; она никогда не принадлежала тулузской династіи, имѣла номинальнаго сузерена, титуловавшагося графомъ Прованса, но городъ чувствовалъ кровную связь съ общею землею провансальскаго языка, а Раймондъ VI всегда представлялся единственно сильнымъ изъ провансальскихъ феодаловъ. Дѣло, за которое погибалъ онъ, было дѣломъ свободы и независимости провансальцевъ вообще. Монфору нужны были не одни трупы альбигойцевъ; его французы приносили съ собою ненависть къ мѣстнымъ свободнымъ учрежденіямъ. Марсельцы были добрыми католиками, но католики—французы казались поработителями.

Черезъ три дня послѣ прибытія графовъ въ Марсель, къ нимъ явился герольдъ изъ Авиньона и, поздравивъ съ пріѣздомъ, сообщилъ радостную вѣсть, что 300 рыцарей ждутъ ихъ съ нетерпѣніемъ въ Авиньонѣ, обѣщаютъ содѣйствіе и приносятъ клятву не покидать ихъ праваго дѣла. Раймондъ не думалъ отказываться отъ такихъ услугъ. Тотчасъ же, отецъ и сынъ отправились въ Авиньонъ, который тоже не принадлежалъ Тулузѣ. Тамъ, недалеко отъ городскихъ стѣнъ, на берегу Роны, одинъ изъ рыцарей, Арнольдъ Одегаръ, торжественно привѣтствовалъ пріѣзжихъ (30).—«Весь Авиньонъ, говорилъ онъ, отдается вамъ; жизнь и имущество каждаго гражданина отнынѣ ваши; сказываемъ это безъ лжи и гордости. Тысяча храбрѣйшихъ рыцарей и 100 тысячъ другихъ храбрыхъ и добрыхъ людей обязались клятвенно возстановить васъ въ вашихъ владѣніяхъ, государь. Вы получите всѣ ваши права надъ Провансомъ, всѣ доходы и налоги, которые вамъ слѣдовали. Мы займемъ теперь же всѣ переправы на Ронѣ и клянемся предавать огню и мечу все, пока вы обратно не получите Тулузы и всего вашего графства».—Графъ былъ глубоко тронутъ.—«Господа, отвѣчалъ онъ имъ, вы дѣлаете дѣло великой доблести и благородства, принимая меня подъ свою защиту. Во всей землѣ языка провансальскаго и во всемъ христіанствѣ не будетъ людей болѣе славныхъ, если вамъ удастся возстановить торжество нашего дѣла, а съ нимъ храбрости, счастія и благородства (los pros e joia e paratge)».

Этими словами, вложенными поэтической хроникою въ уста Одегара и стараго Раймонда, обрисовывается популярность графа и того, что возвращалось съ нимъ. Съ увлеченіемъ, въ авиньонской ратушѣ, присягали граждане на вѣрность графу. Но хотя графъ и утвердился въ Авиньонѣ, однако, безъ обладанія Тулузою, не имѣлъ прочной опоры въ своемъ государствѣ. Между тѣмъ, ѣхать въ Тулузу ему было нельзя. Тамъ стояли французы и жило семейство Симона; на башняхъ Капитолія и замка нарбонскаго вѣяло знамя Монфора,—бѣлый левъ на красномъ полѣ. Раймондъ VII, поручивъ свое дѣло храбрости приверженцевъ, вернулся въ Марсель и поселился недалеко отъ города въ ожиданіи событій.

---

(30) Cans. CLIII.

Однако его сынъ хотѣлъ попытать счастья. Оставивъ отца, онъ вернулся къ рыцарямъ въ Авиньонъ. Бароны провансальскіе и тулузскіе не щадили словъ для выраженія негодованія, по поводу торжества надменныхъ французовъ. Юный Раймондъ, выступая теперь самостоятельно на политическую сцену, сосредоточилъ на себѣ ихъ надежды. Онъ вторилъ имъ и напоминалъ былые дни ихъ славы, все, что было дорого для нихъ.—«Благодаря Монфору, Римской Церкви и ея проповѣдникамъ, говорили ему, куртуазія попрана и подверглась поношенію; рыцарство такъ унижено, что если вы не поднимете его, то все будетъ потеряно навсегда».—Если Христосъ сохранитъ моихъ дорогихъ друзей и меня, было отвѣтомъ, если онъ возвратитъ мнѣ Тулузу, чего я такъ сильно желаю, то куртуазія и рыцари не пострадаютъ болѣе никогда. Во всемъ свѣтѣ не нашлось бы человѣка достаточно могущественнаго, чтобы сокрушить меня, *если бы не Церковь*.

Эти страстныя слова дышали благородной отвагой, но, говорившій ихъ, не обладалъ такими дарованіями, которыя были необходимы, чтобы стоять на высотѣ самаго дѣла. Для народа было довольно и однихъ словъ, чтобы увлечься. Граждане Авиньона встрѣтили молодаго государя съ выраженіями самой горячей преданности. Изъ всѣхъ домовъ, на всѣхъ улицахъ, говоритъ лѣтописецъ, раздавались крики: въ Тулузу, за отца и за сына, да здравствуетъ побѣда. Народъ кидался на колѣни передъ графомъ. Господи Іисусе, дай намъ силы и помоги возвратить законное наслѣдіе,—молились на площадяхъ. Приходилось разгонять толпу угрозами и ударами (31). Все ликовало, точно послѣ великой побѣды. На этотъ разъ радовались не одни альбигойцы. Католики шли въ каѳедралъ слушать молебствіе о дарованіи торжества въ правомъ дѣлѣ. Постепенно стали съѣзжаться въ Авиньонъ бароны и владѣтели, желавшіе подъ знаменами Раймонда драться съ французами и грабителями-крестоносцами. Свободныя коммуны Марсели, Тарасконы, Оранжа и другихъ провансскихъ городовъ, понимая, что побѣда надъ Монфоромъ послужитъ къ ихъ собственному спасенію, съ своей стороны наняли отряды и предложили ихъ къ услугамъ Раймонда.

(31) Cans. CLIV.

Весь Провансъ возсталъ. Нѣтъ ничего трогательнѣе въ исторіи того времени, какъ это благородное сочувствіе городовъ къ національной династіи, вызванное ея несчастіемъ.

Съ своими союзниками, молодой Раймондъ собирался вторгнуться въ Лангедокъ, въ концѣ мая 1216 года. Отрядъ былъ на походѣ, какъ къ графу прибыли послы изъ Бокера. Граждане звали его къ себѣ, посылали ему клятвы въ вѣрности, и обѣщали предать французскій гарнизонъ, который занималъ бокерскій замокъ. Раймондъ принялъ предложеніе; дорогой прибывали къ нему отряды изъ прирнонскихъ коммунъ. Въ Бокерѣ его приняли восторженно; онъ подошелъ къ цитадели. Гарнизономъ командовалъ Ламбертъ Лемузенскій, человѣкъ стойкій и отважный. Онъ, не ожидая нападенія противниковъ, пытался сдѣлать вылазку изъ замка, но безуспѣшно. Раймондъ началъ осаду по всѣмъ скуднымъ правиламъ тогдашняго искусства. Охотники пробрались подъ самыя стѣны, засыпали ровъ и готовились поджечь ворота. Гарнизонъ вступилъ въ переговоры, требуя свободнаго пропуска. Въ этомъ было отказано. Осажденные готовились погибнуть голодною смертью и, изнеможенные, отразили первый приступъ, хотя тѣмъ нисколько не облегчили своего положенія. Но они не знали, что въ эти самые дни спѣшилъ къ нимъ на помощь самъ Монфоръ.

Вождь крестоносцевъ только что прибылъ изъ Франціи въ завоеванную имъ страну. Онъ съ негодованіемъ узналъ о возстаніи своихъ подданныхъ, какъ онъ называлъ провансальцевъ, и объ осадѣ бокерской цитадели. Съ нимъ было много новыхъ рыцарей авантюристовъ, много знатныхъ бароновъ, ожидавшихъ себѣ наградъ и земель,—но у него не было пѣшихъ воиновъ. Въ Нимѣ, въ верстахъ пятнадцати отъ Бокера, онъ собралъ свои отряды, исповѣдался, пріобщился и пошелъ на Раймонда. Съ нимъ были оба его брата. Между тѣмъ реакція торжествуетъ слѣдомъ за нимъ. У него уже нѣтъ, какъ прежде, безусловной увѣренности въ успѣхѣ своего дѣла. Онъ не съ прежней смѣлостью идетъ на противника, который между тѣмъ окрыляется успѣхомъ. Это видно изъ тона хроникъ той и другой стороны (32).

(32) Petrus Cern. c. 83. Guil. de Podio Laur. c. 28.—Cans. CLIX.

Счастливый доселѣ вождь потерялъ долю той несокрушимой вѣры въ себя, которая прежде водила его къ побѣдамъ. Онъ точно предчувствовалъ, что счастье можетъ со временемъ измѣнить и ему. Онъ видѣлъ общее раздраженіе противъ французовъ, переходившее постепенно въ возстаніе. Гордые феодалы Франціи презирали коммуны на своей родинѣ, хотя всегда почти испытывали неудачу въ борьбѣ съ ними. Но они никогда не видали такого единодушія рыцарей и горожанъ, какъ въ Лангедокѣ. Вмѣсто того, чтобы тяготѣть къ своему сословію, какъ всегда бывало въ средніе вѣка, провансальскіе бароны, къ удивленію французовъ, стояли въ однихъ рядахъ съ презрѣнными торгашами и виланами. Сословные элементы доселѣ были на столько сильны, что отодвигали на второй планъ интересы національностей, какъ бы сближая послѣднія между собой.

Раймондъ Юный, какъ теперь называли его, спокойно ждалъ приближенія Монфора. На поляхъ Бокера произошло столкновеніе. Съ обычной своей горячностью, провансальцы сами начали дѣло. Битва была кровопролитная, но нерѣшительная. Монфоръ принужденъ былъ къ вечеру отойти въ Бельгардъ и потому можетъ считаться побѣжденнымъ. Раймондъ вошелъ въ Бокеръ. На другой день французы обложили городъ, но не имѣли никакой надежды занять его. Между тѣмъ провансальцы по прежнему держали въ блокадѣ замокъ и сохранили свои сообщенія съ Тарасконой, Монтабаномъ и другими городами, откуда могли получать припасы и вспомогательные отряды. Раймондъ былъ на столько силенъ, что могъ не только съ успѣхомъ отбивать нападенія Монфора, но въ то же время стѣснить гарнизонъ бокерскій до послѣдней крайности. Самъ Монфоръ скоро оказался въ оборонительномъ положеніи относительно Раймонда, котораго онъ хотѣлъ принудить къ сдачѣ; онъ долженъ былъ укрываться отъ назойливыхъ вылазокъ провансальцевъ двойными палисадами. Ожесточеніе съ обѣихъ сторонъ было сильное. Провансальцы вѣшали, душили и четвертовали плѣнныхъ а части ихъ труповъ выставляли на городскихъ стѣнахъ ([33]). Бокерскій гарнизонъ выкинулъ большое черное знамя, которое должно было извѣстить Монфора, что скоро голодъ принудитъ осажденныхъ къ сдачѣ, если онъ не выручитъ ихъ на дняхъ. Вождь приказалъ набраннымъ сервамъ строить большую подвижную башню, которая должна была громить городъ; сдѣлавъ на скоро, ее подвели къ стѣнамъ города, но прежде чѣмъ она стала дѣйствовать, ее зажгли, а тѣхъ, которые пробовали перейти на стѣну, обливали кипящимъ масломъ. На штурмъ Монфоръ не рѣшился, а между тѣмъ изъ замка испытывали послѣднее, отчаянное средство, разсчитывая пробиться, но безуспѣшно. Честь не позволяла сдаться этимъ храбрецамъ. Истомленные отъ усталости и недостаточной пищи, они геройски отбивались отъ нападеній провансальцевъ и тоже сожгли ихъ подвижную машину. Въ такихъ тяжелыхъ для себя обстоятельствахъ, Симонъ Монфоръ собралъ военный совѣтъ изъ бароновъ и храбрыхъ рыцарей. Онъ былъ слишкомъ гордъ, чтобы предложить отступленіе, позорное для его герба. Но того требовала необходимость. При общемъ молчаніи, всталъ Гюи Монфоръ и высказалъ то, что было въ мысляхъ у каждаго. Два мѣсяца осады не привели ни къ чему ([34]). Неудачи крестоносцевъ только усиливаютъ общее недовольство и грозятъ возстаніемъ; спасти гарнизонъ было очевидно нельзя; остается одно, — отдать замокъ Раймонду и просить у него свободнаго пропуска гарнизона. Какъ бы для довершенія впечатлѣнія, въ совѣтъ былъ введенъ воинъ, пробравшійся изъ замка. Онъ объявилъ, что гарнизонъ уже второй день безъ съѣстныхъ припасовъ, но не сдается, — таково было дѣйствительно геройство этихъ людей. Съ Раймондомъ вошли въ переговоры. Онъ, съ провансальской галантностью, оказалъ самый любезный пріемъ непріятельскимъ парламентерамъ и, къ удивленію, скоро принялъ предложенныя условія, съ своей стороны желая освободиться отъ Монфора, который послѣ того вернулся въ Нимъ ([35]).

([33]) Объ этомъ упоминаетъ только P. Cern. c. 83 (Migne. Patrologia; t. CCXIII, p. 701).

([34]) По Langlois (Histoire des croisades contre les Albigeois, 1703, p. 373), осада продолжалась 13 недѣль.

([35]) Chronique provençale, — du Mège, t. V. add.; Guizot, coll. XV, 130 — 141. Guil. de Podio Laur. преднамѣренно умалчиваетъ о сдачѣ бокерскаго замка въ с. 28. Также Praecl. Franc. facinora; a. 1215.

Впервые побѣжденный, Монфоръ увидѣлъ, что почти вся страна объята возстаніемъ. Въ Тулузѣ, этой столицѣ Юга, все еще развѣвалось его знамя, но трудно было разсчитывать на сочувствіе ея населенія. Дѣйствительно, оно поднялось при одномъ слухѣ о неудачѣ крестоносцевъ. Графъ Симонъ много разсчитывалъ на свое личное присутствіе среди гражданъ, на обаяніе своего грознаго имени. Только оно одно, полагалъ Монфоръ, могло смирить «эту невѣрную и презрѣнную породу», какъ честилъ онъ тулузцевъ (36). Оставивъ свою конницу въ Нимѣ для наблюденія за окрестной страной, онъ поспѣшилъ въ Тулузу.

Одна сторона говоритъ, что тулузцы первые поступили коварно, захвативъ передовыхъ, посланныхъ Монфоромъ (37),— вслѣдствіе чего послѣдній велѣлъ жечь окрестные города; другая, что Симонъ первый поступилъ вѣроломно, арестовавъ городскихъ депутатовъ, отправленныхъ къ нему для изъявленія покорности (38). Во всякомъ случаѣ, движеніе на Тулузу сильныхъ отрядовъ Раймонда Юнаго, получившаго изъ Каталоніи подкрѣпленія, было несомнѣнно причиною похода Монфора. Въ трехъ лье отъ столицы (т. е. за 13 верстъ), именно въ Монгискарѣ, полчища крестоносцевъ остановились. Когда опасность разгрома предстояла неминуемою, тулузцы отправили къ своему ненавистному государю депутацію для переговоровъ; она должна была принести изъявленіе покорности и просить прощенія. Симонъ отказался сперва принять ее, но потомъ допустилъ къ себѣ и, осыпавъ депутатовъ оскорбленіями и бранью, неожиданно объявилъ, что зажиточные изъ нихъ должны остаться его заложниками. Къ такому поступку побудили его совѣты измѣнника Фулькона, епископа тулузскаго, бывшаго въ рядахъ крестоносцевъ. Указанныхъ немедленно схватили, связали и отправили въ нарбонскій замокъ не смотря на возраженія и

(36) Migne. Patr. CCXIII, 703. Cives nequam et infideles.

(37) Accedens comes Tolosam, praemisit quosdam de militibus suis iu civitatem, cives autem perfidi et ad proditionem parati, ceperunt illos, et in una domo tenuerunt inclusos... P. Cern. c. 83.—Dom Vaissette признаетъ дѣйствительность этого факта (Hist. gen. de Lang. l. XXIII, c. 7).

(38) Cron. prov. 138 (Mège). Cans. CLX.

просьбы многихъ крестоносцевъ и даже самого Гюи Монфора. Если бы даже такое насиліе и было отвѣтомъ на захватъ передовыхъ крестоносцевъ, то тѣмъ не менѣе Монфоръ не могъ сдѣлать ничего болѣе безтактнаго, болѣе вреднаго для своихъ собственныхъ интересовъ. Идя въ свою резиденцію въ качествѣ законнаго государя, утвержденнаго высшею папскою санкціею, онъ дѣлался теперь въ глазахъ тулузцевъ и всѣхъ провансальцевъ разбойникомъ и въ добавокъ вѣроломнымъ. Муниципальный духъ Тулузы взялъ свои права; старыя силы пробудились; патріотическій энтузіазмъ моментально охватилъ все населеніе, какъ бы электрической искрой. Все поднялось на защиту дорогаго города. Крѣпость находилась въ рукахъ непріятеля, но у гражданъ были руки, чтобы защищать свои дома. Всякій взрослый мужчина сдѣлался воиномъ на эти дни. Тулузцевъ было много, но рыцари Монфора, славные на турнирахъ, закаленные въ бояхъ, двигавшіеся по одному мановенію знаменитаго вождя, презрительно относились къ противникамъ, которые готовились умирать подъ ихъ мечами. Тулузцы надѣялись, говоритъ ихъ поэтъ, что Богъ не оставитъ ихъ, поддержитъ правыхъ; они знали, что борются съ ложью и коварствомъ, такъ какъ то и другое было постояннымъ оружіемъ ихъ врага (39). Монфоръ не соглашался ни на какую сдѣлку съ гражданами. Онъ твердилъ одно тулузскимъ посланнымъ, молившимъ о пощадѣ:—«Я войду въ Тулузу во что бы то ни стало, съ оружіемъ или безъ оружія. Прежде я не трогалъ васъ, но вы между тѣмъ не переставали сноситься съ бокерцами. Вы меня и безъ того никогда не любили; вы клялись повиноваться не мнѣ, а графу Раймонду да его сыну» (40)...

Тотъ самый Фульконъ, по совѣту кого были задержаны депутаты, придумалъ новое коварство, которое должно было предать столицу французамъ даже безъ борьбы. Епископъ смѣло поѣхалъ въ городъ, окруженный многими рыцарями и оруженосцами; онъ былъ увѣренъ, что его вліяніе на католическую паству еще не исчезло. Онъ явился въ городское

(39) Mas Dieus sab be conoicher cals es pus dreiturers—Per quel ajut e valha als plus dreitz dreiturers—Car engans e dreitura se son faitz cabalers—De tota aquesta guerra (v. 4132—35).

(40) Cron. prov. 139.

собраніе и заявилъ, что единственное спасеніе горожанъ въ немедленной покорности; лицемѣрно онъ скорбѣлъ объ участи своего бѣднаго стада. Всякій, кто дорожитъ своей семьею и имуществомъ, долженъ сейчасъ же оставить городъ и идти въ лагерь французовъ; можетъ быть почетнѣйшіе изъ гражданъ своею покорностью успѣютъ смягчить гнѣвъ властителя. Несчастный народъ повѣрилъ коварному прелату. Многіе изъ вліятельныхъ и богатыхъ гражданъ рѣшились идти первыми къ Монфору. Южане были замѣчательно легковѣрны; ихъ не научилъ примѣръ согражданъ, уже сидѣвшихъ въ оковахъ, подъ стражей. Длинною вереницею тянулись тулузцы во французскій лагерь; ихъ встрѣтили воины Монфора. Какъ и слѣдовало ожидать, всѣхъ ихъ тотчасъ же схватили и связали: такъ было условлено между вождемъ и епископомъ. Оставшіеся позади кинулись бѣжать и распространили въ городѣ общее смятеніе. Теперь насталъ часъ народной мести.

Крестоносцы первые начали рѣзню съ католиками же. Воины, бывшіе въ свитѣ епископа, оставшись въ городѣ, схватились съ горожанами. Они совершали всякія злодѣйства, даже надъ женщинами и дѣтьми. Было ужасно видѣть, замѣчаетъ лѣтописецъ, сколько зла въ короткое время успѣлъ сдѣлать епископъ для своей паствы. Но горожане собрали всю энергію. Всякій, кто могъ еще владѣть оружіемъ, вооружился. Началась битва въ улицахъ. Въ разныхъ мѣстахъ вдругъ выросли баррикады. Приходилось силою овладѣвать каждой преградой, и изъ за каждой нещадно били врага. Черезъ нѣсколько часовъ рыцари были утомлены такою непривычною для нихъ борьбою. Тогда, въ свою очередь, горожане перешли въ наступленіе. Они бросились впередъ съ неистовствомъ, точно «львы голодные и разъяренные»; они рѣшились лучше умереть, чѣмъ жить въ рабствѣ, говоритъ ихъ историкъ([41]). Опытные и войнолюбивые рыцари бѣжали отъ горожанъ, плохо вооруженныхъ и оставили въ ихъ рукахъ больше половины труповъ. Горожане ретиво преслѣдовали бѣжавшихъ, загораживали отступленіе и гнали по главной улицѣ, къ Нарбонскому замку. Здѣсь французы думали укрыться въ ожиданіи прибытія своего вождя, который замѣшкалъ на пути.

([41]) Son vengutz contra elz non pas coma gen rasonable mais coma lions enratioses car may aimavan morir que vieure en tala oppressa. Cron. prov. 139.

Въ этотъ самый моментъ въѣзжалъ въ Тулузу вспомогательный отрядъ Гюи Монфора. Онъ хотѣлъ остановить бѣгущихъ, но самъ попалъ въ общую бурю и, увлекаемый паникой, скрылся въ Нарбонскомъ замкѣ. Наступила ночь. Симонъ наконецъ прибылъ въ замокъ, но дѣло было уже проиграно. Съ свойственной ему жестокостью, онъ, въ порывѣ мести, велѣлъ зажечь городъ. Съ этою цѣлью были направлены особые отряды въ разныя части столицы. Но жители были на сторожѣ. На площади св. Стефана произошла жестокая схватка; французы были опять разбиты; одни спѣшили укрыться въ каѳедралѣ, другіе въ епископскомъ дворцѣ; слѣдомъ за ними туда ворвались граждане. Тогда Симонъ Монфоръ самъ пошелъ выручать своихъ, но безуспѣшно. Напрасно онъ разилъ своимъ мечемъ направо и налѣво. Численность брала естественный перевѣсъ. Такова была ярость и храбрость народа, что искусные рыцари должны были признать себя побѣжденными. Была минута, когда Монфоръ боялся за свою жизнь. Онъ укрылся въ каѳедралѣ; кровь обливала стѣны этого величаваго зданія; площадь устилалась трупами и ранеными. Рыцари напрягли послѣднія силы; Монфоръ прорвался черезъ толпу, оставилъ городъ и вернулся въ Нарбонскій замокъ. Здѣсь было у него много плѣнниковъ въ качествѣ заложниковъ. Взбѣшенный постыднымъ пораженіемъ, онъ объявилъ имъ, что ежели городъ не сложитъ сейчасъ оружія, то они погибли, всѣ безъ исключенія. Но городъ былъ въ такомъ энтузіазмѣ патріотическаго чувства и вмѣстѣ въ такомъ безначаліи, что невозможно было думать объ успѣхѣ какихъ либо переговоровъ.

Казалось, что древняя муниципія счастливо спасла себя отъ порабощенія. Но злой геній Тулузы въ лицѣ ея епископа опутывалъ ее новыми сѣтями. Вмѣстѣ съ старымъ пріоромъ каѳедрала, Фульконъ поѣхалъ по улицамъ города, заклиная жителей положить оружіе. Онъ обѣщалъ имъ своею епископскою митрой, отъ имени Монфора, полное забвеніе прошлаго; въ противномъ-де случаѣ погибнутъ всѣ ихъ лучшіе люди, находящіеся въ плѣну. Опять новая борьба въ сердцахъ горожанъ и сановниковъ. Вліятельныя лица собрались на совѣщаніе. Мнѣнія рѣшительно раздѣлились: одни, на-

ученные опытомъ, видѣли обманъ; другіе, вспоминая о судьбѣ плѣнниковъ, поддавались на сдѣлку. Епископъ и аббатъ въ сосѣднемъ помѣщеніи нетерпѣливо ожидали рѣшенія. Пренія продолжались долго; наконецъ отвѣтъ былъ принесенъ. Чувство жалости и любовь къ землякамъ одержали верхъ. Тулуза соглашалась покориться.

Съ радостью поспѣшилъ прелатъ къ Монфору. Вождь велѣлъ благодарить капитулъ и просилъ передать, что завтра онъ лично прибудетъ въ Капитолій для подписанія договора и туда приглашаетъ всѣхъ должностныхъ гражданъ, носящихъ оружіе, т. е. мѣстныхъ рыцарей. Монфоръ прибылъ, окруженный своими баронами. Въ городъ между тѣмъ вступили его войска и подошли къ Капитолію. Когда засѣданіе, въ присутствіи графа, было открыто, то первое слово было дано аббату св. Сатурнина. Онъ говорилъ о той счастливой дружбѣ, какая настала теперь между новымъ государемъ и тулузцами.—«Всѣмъ этимъ вы обязаны ходатайству вашего епископа,» прибавилъ онъ.—Въ честь измѣнника раздались восклицанія.—«Можетъ быть между вами есть недовольные, продолжалъ аббатъ. Они могутъ получить пропускъ и свободно удалиться; оставшимся же не будетъ сдѣлано никакого насилія. Я и епископъ въ томъ порукою.»

Нельзя было лицемѣрить съ большимъ искусствомъ. Прелатамъ были хорошо извѣстны намѣренія Монфора на счетъ города. Онъ не тронулся покорностью и смиреніемъ побѣдителей. Неблагоразумно явившіеся на собраніе стали жертвою его гнѣва. Окруженные его войсками, всѣ присутствовавшіе должны были сложить оружіе, а рыцари и знатнѣйшіе изъ нихъ при немъ же были заключены въ оковы. Всѣ главные пункты и башни были немедленно заняты. Въ страхѣ и въ предчувствіи новыхъ бѣдствій расходились обезоруженные граждане. Скорбь была написана на лицахъ. Но тулузцы не знали еще всей той ненависти, какую способенъ былъ питать къ общинѣ французскій вельможа того времени; къ Тулузѣ же Монфоръ имѣлъ теперь особенную злобу, такъ какъ ею было глубоко уязвлено его самолюбіе.

Онъ собралъ своихъ бароновъ и предложилъ имъ мысль, которая должна была устрашить даже средневѣковыхъ феодаловъ. Онъ объявилъ, что хочетъ разрушить городъ до основанія и сравнять его съ землею. Любимый городъ древнихъ кельтовъ, столица Тектосаговъ, крѣпость римлянъ,—

Тулуза должна была покончить свое историческое существованіе отъ руки свирѣпаго франка и предводимыхъ имъ крестоносцевъ.

Первый возсталъ противъ такой мѣры братъ вождя Гюи; онъ видѣлъ въ ней покушеніе отчасти и на свое достояніе. —«Тулузцы и безъ того жестоко наказаны, государь, говорилъ онъ. Если увлеченный жестокостью, ты разрушишь городъ, то пріобрѣтешь дурную славу въ христіанскомъ мірѣ; ты берешься защищать имя Христово между еретиками, а между тѣмъ дѣлаешься ненавистнымъ Церкви» ([42]).

Даже Фулькону не могло понравиться такое намѣреніе. Едва уговорили Симона ограничиться большой контрибуціей, которою тулузцы выкупили существованіе своего славнаго города. Монфоръ велѣлъ консуламъ и совѣтникамъ собраться въ церкви св. Петра; туда же были приведены плѣнники изъ замка. Побѣдитель объявилъ здѣсь городу свою волю. Тулуза должна уплатить ему 30 тысячъ серебр. марокъ. Для ограбленныхъ жителей это была огромная сумма. Но эта же мѣра послужила и къ спасенію Тулузы. Враги Монфора не придумали бы ничего болѣе вреднаго для его интересовъ при настоящихъ обстоятельствахъ ([43]). Добыть такія деньги можно было только или открытымъ грабежемъ или невыносимыми вымогательствами. Отвѣтственность за уплату была возложена на особыхъ сборщиковъ, выбранныхъ изъ состоятельныхъ лицъ. Послѣдніе поплатились большею частью своего имущества и ихъ злоба къ французскимъ порядкамъ могла только усилиться.

Долго разсказывать тѣ жестокости, которые дѣлались при сборѣ налога. «Народъ стоналъ въ рабствѣ», лаконически выражается католическій историкъ альбигойской войны, близкій къ описываемымъ событіямъ. Слуги Монфора, разсказываетъ очевидецъ, тулузскій патріотъ, стали чинить всякія насилія, оскорбленія, несправедливости; вездѣ они стали появляться угрожающіе, свирѣпые; спрашивали и

([42]) Cansos, v. 5048 etc.

([43]) Guil. de Podio, c. 29.—«Такъ деньги притупляютъ остріе меча», говоритъ хроникеръ. Замѣтимъ, что Вильгельмъ совершенно игнорируетъ подробности тулузскихъ событій и намѣренно останавливается лишь на сборѣ контрибуціи.

брали, что хотѣли. Во всякое время и повсюду можно было встрѣтить въ Тулузѣ и мужчинъ и женщинъ, одинаково печальныхъ, неутѣшныхъ, негодующихъ; слезы лились у нихъ изъ глазъ и сердце сжималось отъ боли. Иностранцы (de fora) хозяйничали въ городѣ, скупая все у жителей, такъ что имъ самимъ не оставалось ни муки, ни зерна, ни порядочныхъ одеждъ.—«О благородный городъ Тулуза, такъ глубоко униженный, какимъ позорнымъ людямъ (malas gens) Богъ предалъ тебя» (⁴⁴)!

Воспоминаніе о старомъ, прирожденномъ графѣ и его сынѣ, этихъ несчастныхъ скитальцахъ, было единственнымъ утѣшеніемъ въ великомъ народномъ горѣ. Съ изгнанниками тулузцы завели тайныя сношенія и, лишь только Монфоръ выступилъ изъ столицы для покоренія графства Фуа, агитація противъ иноземнаго господства снова усилилась.

На этотъ разъ она прошла далеко не безслѣдно. Приближались дни хотя временнаго, но довольно продолжительнаго торжества національнаго дѣла въ Лангедокѣ. Вмѣстѣ съ этимъ торжествомъ должно было усилиться альбигойство.

Монфору уже не суждено было больше видѣть городъ, которому онъ принесъ столько зла. Оставляя Тулузу, онъ не предчувствовалъ, что цѣлымъ рядомъ событій и даже небезславныхъ для него успѣховъ, онъ постепенно отдаляется отъ главной цѣли крестоваго похода.

Владѣтель графства де Фуа, Раймондъ Рожеръ, лишенный своего наслѣдія Иннокентіемъ III, обратился съ мольбою къ новому папѣ, Гонорію III, объ оказаніи справедливости. Съ этою цѣлью онъ отправилъ къ нему посольство. Со всѣхъ сторонъ слышалъ Гонорій предостереженія противъ еретика, но, желая ознаменовать первые дни своего папствованія актомъ правосудія,—онъ приказалъ 27 ноября 1216 г. мѣстному легату ввести графа де Фуа во владѣніе его землями, въ послѣднее время управляемыми Римскою Церковью.

Извѣщая объ этомъ Раймонда Рожера, онъ писалъ ему между прочимъ: «Многіе лица не совѣтовали мнѣ возвращать тебѣ самый замокъ Фуа изъ опасенія, что, получивши его, ты снова смутишь миръ и оскорбишь вѣру, но мы рѣшились привести въ исполненіе наше рѣшеніе, такъ какъ ты поклялся передъ кардиналомъ Петромъ беневентскимъ вѣрно служить Церкви, почему этотъ легатъ и далъ тебѣ разрѣшеніе. Мы не хотимъ нареканій на Римскую Церковь, что будто бы она не держитъ своихъ обѣщаній. Но, если бы ты отказалъ намъ въ повиновеніи, то будь увѣренъ, что рука наша всегда простерта надъ тобою, дабы немедленно наказать тебя». — Въ этомъ, конечно, не было сомнѣнія. Тутъ же папа сообщаетъ, что такая милость сдѣлана отнюдь не даромъ и не оплошно, что самъ графъ Рожеръ Бернаръ, его сынъ и графъ Коммингскій, его племянникъ, —дадутъ прочное обязательство, что не нарушатъ болѣе мира и «не станутъ мутить вѣру». Они должны были обѣщать, что при первой таковой попыткѣ, замокъ Фуа станетъ навсегда принадлежать Римской Церкви. Сверхъ того Раймондъ Рожеръ долженъ заплатить 15 т. солидовъ Церкви за охрану Фуа (⁴⁵).

Исполнивъ всѣ эти обязательства, графъ надѣялся получить свою столицу. Съ такими мечтами онъ ѣхалъ изъ Каталоніи, гдѣ жилъ изгнанникомъ. Онъ разсчитывалъ, что невзгоды его миновались. Онъ былъ уже старъ; энергія оставляла его. Никто изъ провансальскихъ князей не отличался нѣкогда такою ненавистью къ Риму, какъ Раймондъ Рожеръ, но теперь онъ чувствовалъ, что напрасно бы новая вѣра продолжала борьбу съ тіарою. Врядъ ли онъ даже способенъ былъ теперь на какую либо инициативу. Новое поколѣніе выступало на сцену. Тѣ герои Прованса, которые насъ занимали на зарѣ альбигойства, пережили столько бѣдствій за ересь дуалистовъ и за ученіе Вальдо, что могли съ спокойною совѣстью передать продолженіе борьбы своимъ дѣтямъ.

Чѣмъ былъ Раймондъ Юный для Тулузы, тѣмъ для Фуа былъ Рожеръ Бернаръ. Отцы оставались зрителями подвиговъ своихъ дѣтей, когда послѣдніе съ юношеской отвагою кидались въ неровную борьбу. Они конечно готовы были раздѣлить радость торжества,—оно было чаяніемъ ихъ жизни,—

(⁴⁴) Ibid.—Cans. v. 5635—46.

(⁴⁵) Baluzius Miscellanea; II, 252,—булла отъ 8 декабря 1216 г.

но и теперь и впредь они предпочтутъ оставаться участниками пассивными.

Монфоръ очень хорошо понималъ это. Онъ зналъ, что мѣстные династы—центръ тяготѣнія для населенія и потому поставилъ себѣ цѣлью ихъ искорененіе. Онъ понималъ, что ересь погибнетъ лишь тогда, когда его крестоносцы водворятся въ Лангедокѣ, какъ землевладѣльцы, на феодальныхъ отношеніяхъ къ нему одному,—а для этого надо было уничтожить представителей прежнихъ династій. Потому ему было весьма непріятно снисхожденіе, оказанное Гоноріемъ III Раймонду Рожеру. Но какъ обойти всемогущую папскую буллу, какъ попытаться вторично изгнать графа изъ его областей? Онъ искалъ предлогъ и нашелъ его.

Въ послѣднее время, около замка Фуа, возникъ укрѣпленный городокъ Монгренье. Онъ выстроился съ удивительной быстротою. Въ Лангедокѣ, при счастливыхъ экономическихъ условіяхъ, это бывало нерѣдко. Монгренье находился на вершинѣ горы, доступъ на которую былъ очень труденъ. Полагали, и не безъосновательно, что новая крѣпость представитъ много труда тѣмъ, которые попытаются овладѣть ею. Тамъ-то, по словамъ Петра Сернейскаго, поселились «возмутители и гонители» истинной вѣры; тамъ было убѣжище враговъ Римской Церкви ([46]). Крѣпость занималъ Рожеръ Бернаръ ([47]). Слова хроникера даютъ достаточное основаніе причислить молодаго графа къ главнымъ вождямъ альбигойскаго движенія. Монфоръ зналъ, какое населеніе жило въ Монгренье. Совершенно неожиданно, 6 февраля 1217 года, онъ явился передъ крѣпостью. Рожеръ Бернаръ считалъ себя слишкомъ безопаснымъ. Въ горахъ лежалъ снѣгъ; зима въ этой мѣстности была всегда суровѣе чѣмъ въ окрестностяхъ. Всадники Монфора привыкли преодолѣвать бури и непогоды; чего нельзя было достичь силою, они достигали терпѣньемъ. Вопреки ожиданіямъ жителей, ихъ городъ скоро очутился въ тѣсной блокадѣ. Французы пресѣкли всѣ пути сообщенія; въ городѣ истощались припасы.

([46]) Petr. Cern. c. 84, p. 705.

([47]) Catel (Histoire des comtes de Toulouse; 311) ошибочно приписываетъ защиту Монгренье графу Коммингскому; это противорѣчило бы современнымъ свидѣтельствамъ.

Когда сынъ находился въ такой опасности, отецъ еще не рѣшался вернуться въ Фуа, потому что того не желалъ Монфоръ. Напрасно онъ ссылался на папскую буллу, гарантировавшую ему миръ. Духовенство вняло было его представленіямъ и въ Перпиньянѣ депутація клириковъ явилась въ лагерь Монфора. Но Симонъ объявилъ на отрѣзъ, что не уважитъ ихъ просьбы, что онъ не имѣетъ въ виду допускать возвращенія династіи Рожеровъ и что намѣренъ укрѣпить и занять замокъ Фуа. Духовенство не хотѣло мѣнять Монфора на бывшаго друга еретиковъ и дозволило вождю крестоносцевъ нарушить папскую буллу до прибытія новаго легата, кардинала Бертрана, назначеннаго папою въ январѣ 1217 года.

Между тѣмъ положеніе Рожера Бернара становилось опаснымъ; воиновъ у него было немного; на вылазку онъ не рѣшался; помощи отъ отца ожидать было невозможно; французы уже заняли де Фуа. Онъ принужденъ былъ заговорить о капитуляціи Монгренье, требуя свободнаго выхода съ оружіемъ для себя и пропуска для осажденныхъ еретиковъ. Едва ли бы Монфоръ принялъ такія условія, если бы не вѣсти о новыхъ волненіяхъ въ нарбонскомъ діоцезѣ. Онъ согласился на пропускъ, взявъ при этомъ обязательство съ Рожера Бернара не поднимать оружія на французовъ въ продолженіи года. Снова обреченный на скитальчество, Рожеръ Бернаръ поѣхалъ опечаленный къ отцу на каталонскую границу. Въ Монгренье и Фуа были оставлены французскіе гарнизоны.

Возстаніе въ нарбонскомъ діоцезѣ и лига нижнихъ приронскихъ городовъ показали французамъ, на сколько непрочна власть завоевателя на почвѣ еще враждебной. Монфору удалось затушить мятежъ, но противъ лиги его усилія оказались безполезными; городъ Санъ-Жилль былъ душой ея. Бывшій свидѣтелемъ позора Раймонда VI, онъ ревностно стоялъ за династію. Дошло до того, что санъ-жилльцы явно возмутились противъ духовенства, съ которымъ были связаны воспоминанія о насиліяхъ чужеземцевъ. Съ св. Дарами въ рукахъ, босые, аббатъ и его клиръ вышли изъ Санъ-Жилля торжественною процессіею, предварительно произнеся проклятіе надъ еретическимъ городомъ. Только этого и хотѣли горожане. Они тотчасъ же провозгласили у себя Раймонда, какъ законнаго государя. Монфоръ былъ близко.

Онъ началъ свои подвиги на Ронѣ убійствами и рѣзнею въ замкѣ Бернисъ, гдѣ, «сообразно заслугамъ», вздернулъ на висѣлицы тѣхъ «кого слѣдовало» ([48]). Эти казни произвели то дѣйствіе, что альбигойцы стали сосредоточиваться въ цитаделяхъ Санъ-Жилля и Бокера. Въ лагерѣ Монфора былъ новоприбывшій легатъ, кардиналъ Бертранъ. Дорогою онъ едва не попался въ руки еретиковъ. Его наблюденію поручались провинціи Эмбренъ, Вьенна, Арль, Нарбонна, Окъ и діоцезы Мендъ, Пюи и Альби съ правомъ вершить въ нихъ всѣ «дѣла мира и войны». Провансальскіе прелаты безусловно должны были исполнять его распоряженія, а для духовныхъ назиданій онъ выписалъ въ тулузскій край изъ Парижа нѣсколькихъ молодыхъ богослововъ. Онъ готовился быть свидѣтелемъ окончательнаго и прочнаго водворенія католичества на берегахъ Роны. Рыцари Монфора уже подошли къ Санъ-Жиллю; легатъ остался выжидать въ Оранжѣ, послѣ того какъ получилъ отъ санъ-жилльцевъ рѣшительное запрещеніе входить въ городъ и заявилъ, что достигнетъ того силою.

Между тѣмъ Раймондъ Юный, этотъ живой духъ страны, приносившій повсюду свѣжую энергію, побывавъ въ Санъ-Жиллѣ, учредилъ свою резиденцію въ Авиньонѣ. Онъ велъ отсюда сношенія съ тулузцами, производилъ между ними агитацію, и считая себя независимымъ государемъ, издавалъ грамоты, въ которыхъ титуловался: «Раймондъ, Божіею милостью, молодой графъ Тулузы, герцогъ Нарбонны и маркизъ Прованса» ([49]). Отъ своего имени онъ давалъ разныя льготы городамъ Прованса, какъ напримѣръ Марсели и Бокеру, актами утверждая ихъ самоуправленіе и содѣйствуя тѣмъ развитію ихъ промышленности и торговли. Старый духъ свободы повѣялъ живительно на эти древнія общины. Тѣ узы, которыми Раймондъ привязалъ себя къ мѣстной коммунальной жизни, были на столько прочны, что отряды Монфора терпѣли пораженія вездѣ, куда ни появлялись. Безуспѣшно отступили крестоносцы отъ Санъ-Жилля для спасенія легата, котораго марсельцы, авиньонцы и бокерцы осадили

([48]) Petr. Cern. c, 84.

([49]) Preuves de l'hist. de Languedoc; t. V. N 85, a. 1217—1219.

въ Оранжѣ. Разогнавъ однимъ появленіемъ пѣхоту общинъ, Монфоръ, по совѣту легата, сосредоточилъ всѣ свои силы въ Вивьерѣ, для перехода черезъ Рону. Во всѣхъ другихъ пунктахъ переправа была невозможна; городскія дружины укрѣпили мѣстность и неусыпно наблюдали за берегомъ, а авиньонцы пустили нѣсколько судовъ по Ронѣ, чтобы препятствовать переправѣ крестоносцевъ. Наконецъ, послѣ жестокаго сопротивленія, Монфоръ перешелъ подъ Вивьеромъ. Вѣшая и предавая огню все что было на его пути, онъ остановился не надолго въ Монтелимарѣ, жители котораго изъявили ему покорность, но отказали въ подчиненіи легату. Видимо Монфору это даже понравилось. По намекамъ лѣтописи, здѣсь жило много еретиковъ; но Симонъ неожиданно смягчился, когда получилъ отъ владѣльца замка ленную присягу. Онъ готовился къ нападенію на замокъ Крёстъ, въ діоцезѣ Валенціи, который принадлежалъ Адемару де Пуатье, графу Валентинуа, другу Раймонда Юнаго. Вѣроятно этотъ замокъ представлялъ выгодную позицію и былъ хорошо укрѣпленъ, что для осады его потребовались почти всѣ силы Монфора и еще 100 французскихъ рыцарей, присланныхъ королемъ Филиппомъ II ([50]). То былъ первый фактъ прямаго участія французскаго правительства въ крестовомъ предпріятіи и въ исторіи завоеванія страны.

Событія подъ Крёстомъ показали, насколько чуждъ былъ Монфоръ дѣлу непосредственнаго служенія Церкви Римской. Всегда отважный и неуступчивый, онъ, не взирая на присутствіе легата, входитъ въ переговоры съ графомъ Валентинуа, предлагаетъ даже ему свою дочь въ замужество съ тѣмъ только, чтобы ему уступили этотъ драгоцѣнный замокъ и чтобы графъ Адемаръ впредь не нападалъ на крестоносцевъ. Объ альбигойцахъ въ договорѣ не было и помина. Предложеніе было принято и вотъ другъ Раймонда Юнаго дѣлается другомъ вождя крестоносцевъ и входитъ съ нимъ даже въ родственныя узы.

Это былъ послѣдній успѣхъ Монфора. Онъ думалъ, что заключилъ выгодную сдѣлку, что его соперникъ обезсиленъ отдѣленіемъ отъ него сильнаго союзника, что Раймонды теперь удалятся изъ Прованса, что французы восторжеству-

([50]) P. Cern. c. 84.

ютъ... Но тутъ-то и постигло его разочарованіе. Думая достигнуть пристани, онъ попалъ въ новыя бури, которыя на этотъ разъ сокрушили его.

Когда переговоры съ графомъ Валентинуа были окончены, въ лагерь пришла вѣсть, что «коварная» столица возмутилась снова, и что она провозгласила государемъ Раймонда, своего стараго графа.

Тулуза не переставала поддерживать постоянныя сношенія съ Раймондомъ VI. Лишь только все было приготовлено къ возстанію, графа извѣстили. Онъ набралъ аррагонцевъ съ каталонцами и перешелъ Пиринеи. Графъ Комминга Бернардъ и Рожеръ Бернаръ де Фуа съ своими вѣрными вассалами присоединились къ нему. Въ его рядахъ были католики вмѣстѣ съ еретиками и ихъ покровителями. Не доходя нѣсколькихъ верстъ до столицы, подъ Сельветатомъ, графъ Бернаръ, шедшій впереди, встрѣтилъ значительный отрядъ всадниковъ тулузскаго гарнизона, которые занимались грабежемъ въ окрестныхъ селеніяхъ. Быстрымъ натискомъ французы были смяты и разсѣяны, но, убѣдившись въ малочисленности нападавшихъ, они снова построились и тѣснили ихъ въ свою очередь до тѣхъ поръ, пока не подошли главныя провансальскія силы. Тогда крестоносцы обратились въ бѣгство, оставивъ множество труповъ на мѣстѣ боя ([51]).
— Богъ покровительствуетъ вамъ, графъ, такъ привѣтствовалъ своего дядю Раймонда, Бернаръ де Коммингъ. Такъ будетъ со всѣми вашими врагами, если небо поможетъ намъ.

Дѣйствительно побѣда, неважная сама по себѣ, имѣла огромное значеніе. Надо замѣтить, что въ это время Тулуза не была укрѣплена. Раймондъ расположился на ночлегъ передъ столицей; огни его лагеря были видны въ Тулузѣ; его воины разъѣзжали вокругъ города. Бѣжавшіе крестоносцы принесли радостную для горожанъ вѣсть, а ихъ безпорядочные остатки навели собою панику на товарищей, торопившихся покидать городъ. Тулузцы готовились завтра идти на встрѣчу своему графу въ праздничныхъ одеждахъ. Ночь прошла въ тревогѣ для крестоносцевъ. Не рѣшаясь

([51]) Cansos de la crozada; CLXXXII.

ни на что, они ожидали мести отъ жителей. Ихъ было теперь слишкомъ мало, чтобы держать въ прежнемъ страхѣ тулузцевъ, въ виду сильнаго непріятеля. Оставить городъ значитъ наткнуться на провансальцевъ и во всякомъ случаѣ подвергнуться ихъ преслѣдованію, а разсчитывать удержаться въ городѣ, до прибытія самого Монфора, было немыслимо. Они были отрѣзаны также отъ цитадели, гдѣ, соединившись съ товарищами, могли бы еще долго держаться. Потому они вошли въ переговоры съ гражданами, разсчитывая получить свободный пропускъ въ Нарбонскій замокъ. Но населеніе не расположено было выпускать живыми людей, которые своимъ поведеніемъ и всегдашнею надменностью накопили противъ себя столько раздраженія.

Лишь только занялось утро, какъ на улицахъ Тулузы началось кровопролитіе. Провансальцы стали входить въ городъ. Горожане вмѣстѣ съ рыцарями загородили доступъ въ цитадель; на каждаго крестоносца и француза нападали порознь и убивали безпощадно. Началась гоньба за воинами креста и ихъ истребленіе. Народъ вооружился «камнями, дубьемъ, ножами и сталъ избивать людей Монфора», выразительно говоритъ лѣтописецъ. Большая часть гарнизона погибла отъ руки озлобленныхъ тулузцевъ. Ничтожное число пробралось въ замокъ. Тамъ графиня Алиса, жена Монфора, рѣшилась съ своими защитниками не сдаваться живою; она уже разослала вѣстниковъ ко всѣмъ начальникамъ крестоносцевъ, занимавшихъ города Лангедока.

Между тѣмъ въ тотъ же день, т. е. 18 сентября 1217 года, иныя сцены происходили въ лагерѣ Раймонда. На встрѣчу ему веселыми толпами стремились тулузцы. Пріемъ, оказанный графу, по выраженію поэта Прованса, былъ «воплощеніемъ радости, увѣнчанной цвѣтами» ([52]). Раймондъ VI переправился черезъ Гаронну и вступилъ въ городъ среди восторженныхъ криковъ освобожденнаго народа. Капитулъ и цѣхи со значками привѣтствовали его, какъ законнаго государя. Шляпы летѣли въ воздухъ вездѣ, гдѣ старый графъ появлялся. Простолюдины падали на колѣни и цѣплялись за стремена его коня. Всякій тѣснился къ освободителю, чтобы поцѣловать его руку, край его одежды. Посторонніе лобы-

([52]) Cans. v. 5868.

зались на улицахъ. «Нашъ добрый графъ вернулся»,—это привѣтствіе переходило изъ устъ въ уста въ продолженіи нѣсколькихъ дней.

Принимая знаки горячаго сочувствія народа, Раймондъ долженъ былъ обезопасить себя отъ нападеній своего заклятаго врага. Сколько разъ ему приходилось въ послѣднее время покидать свою родину, вмѣстѣ со столицею предковъ. Онъ смотрѣлъ на разрушенныя ея стѣны, и хорошо сознавалъ, что Монфоръ съ такою же легкостью вытѣснитъ его, съ какой ему посчастливилось овладѣть городомъ. Слѣдовало безотлагательно укрѣпить столицу. Возстановленіе старыхъ стѣнъ отняло бы много времени. Со дня на день надо было ждать приближенія крестоносцевъ. Рѣшились сдѣлать укрѣпленія на скоро. Стали рыть канавы и устраивать широкіе валы, укрѣпляя ихъ палисадами. Граждане вызвались рыть и носить землю. Никогда и нигдѣ, вѣрно замѣчаетъ лѣтописецъ, не было видано такихъ богатыхъ и знатныхъ работниковъ (ric obrer); тутъ работали графы и рыцари, буржуа и ихъ жены, богатые купцы, взрослые и дѣти, а вмѣстѣ съ ними мальчики и дѣвочки, слуги и маклера ([53]). Благодаря энергіи гражданъ, для отраженія нападеній, въ скоромъ времени были изготовлены достаточныя средства. Въ этомъ осязательно убѣдился Гюи Монфоръ, который, не ожидая встрѣтить передъ собою тулузскихъ укрѣпленій, спѣшилъ изъ Каркассоны съ своими французами.

Въ тѣ времена, которыя мы описываемъ, Тулуза занимала только одинъ правый берегъ Гаронны; тогда не было также гранитной набережной, которая теперь украшаетъ этотъ берегъ; городъ ширился болѣе къ западу. Нарбонскій замокъ, теперь не существующій и на мѣстности котораго находится между прочимъ зданіе судебныхъ мѣстъ, уединялся къ востоку, имѣя передъ собою обширное плато, составляющее теперь, напротивъ, лучшую и заселеннѣйшую часть города. Въ страхѣ отъ Монфора, тулузцы должны были обезопасить себя отъ вылазокъ изъ замка и въ то же время укрѣпить западную, сѣверную и сѣверовосточную линію города, разбросаннаго на широкомъ пространствѣ. Гюи Монфоръ подошелъ изъ Каркассоны съ послѣдняго пункта и сдѣлалъ на-

([53]) Cans. v. 5952—56.

паденіе изъ долины Монтолье, но неудачно ([54]). Онъ, правда, ворвался въ улицы, разгоняя все на пути; онъ уже успѣлъ произвести пожаръ на короткое время, но его встрѣтилъ Рожеръ Бернаръ, всегда искавшій боя. Его рыцари протѣснились черезъ толпу народа, дружно и внезапно ударили на французовъ и норманцевъ съ криками «Тулуза и Фуа». Видъ развѣвавшагося знамени одушевлялъ провансальцевъ. Рожеръ Бернаръ сошелъ съ коня, сталъ на возвышенномъ мѣстѣ и лично управлялъ боемъ. Между тѣмъ пѣхота коммунеровъ обошла французовъ съ тыла; со всѣхъ сторонъ и съ крышъ домовъ, на нихъ сыпался градъ камней. Тѣснимые отвсюду, они не знали куда спастись. Съ трудомъ, послѣ сильной рѣзни, они вырвались изъ города и едва укрылись въ Нарбонскомъ замкѣ, оставивъ много труповъ товарищей. Плѣнные французы были повѣшены народомъ. —«Насъ побѣдили безоружные; французское имя опозорено; лучше бы не родиться намъ на свѣтъ», заговорили французы.

Между тѣмъ къ Раймонду одинъ за другимъ прибывали рыцари и владѣтели лангедокскіе. Тутъ были синьоры изъ Гаскони и Керси, изъ Альбижуа и изъ земель прилуарскихъ. Около Раймонда собрался мало по малу цвѣтъ провансальской аристократіи.—«Настало наше счастье, пришло наше время, да здравствуетъ Тулуза», такіе клики раздавались въ столицѣ въ продолженіи цѣлаго дня. Симонъ Монфоръ и не предполагалъ ничего подобнаго. Вѣстникъ, посланный къ нему отъ Алисы, нашелъ его на берегу Роны. Онъ изумился словамъ его. Не довѣряя посланному и наградивъ его нѣсколькими отборными проклятіями, онъ позвалъ капеллана и велѣлъ прочесть письмо жены, такъ какъ самъ не владѣлъ «книжной мудростью». Письмо подтвердило ужасную для него истину.

На минуту имъ овладѣло страшное бѣшенство, но онъ тотчасъ съумѣлъ сдержать себя. Сомнѣваться было невозможно. Оставалось только обдумать планъ дѣйствій. Передать эту вѣсть войску значило произвести панику въ лагерѣ. Страна въ полномъ возстаніи. Всѣ долгіе труды, вся кровь крестоносцевъ видимо не благословлялись Богомъ, не приносили плодовъ. Все завоеванное было снова и позорно по-

([54]) Cans. CLXXXIV.

теряно. Духъ французовъ долженъ былъ отъ частыхъ неудачъ пасть; крестоносцы могли разойтись и въ эту рѣшительную минуту оставить вождя одного въ виду сильныхъ противниковъ. Монфоръ прибѣгнулъ къ хитрости, какъ къ единственному средству удержать войска. Подъ страхомъ смерти онъ запретилъ вѣстнику и капеллану разглашать правду, которую нѣкоторое время должны были знать только онъ самъ да они во всемъ лагерѣ. Капеллану обѣщалъ епископство, вѣстнику начальство надъ сотней копейщиковъ; иначе грозилъ отдать ихъ въ руки палача. Они должны были разсказывать о какихъ-то побѣдахъ. Этимъ вымысломъ Монфоръ обрадовалъ рыцарей, когда они собрались въ его палатку, узнавъ о прибытіи вѣстника.

— Во истину, говорилъ онъ имъ, великое благодареніе долженъ я воздать Господу за тѣ благодѣянія, которыя онъ ниспосылаетъ на насъ. Мой братъ Гюи и моя возлюбленная супруга Алиса извѣщаютъ меня, что отнынѣ во всемъ Лангедокѣ нѣтъ ни одного мятежника и что уже забыли и думать о Раймондѣ Старомъ. Теперь, господа, и я и вы можемъ насладиться отдыхомъ и спокойно отправиться въ Тулузу въ общество нашихъ дамъ и товарищей, которые готовятъ намъ почетный пріемъ.

Этимъ словамъ, сказаннымъ самымъ спокойнымъ тономъ, легко повѣрили французскіе рыцари. Монфоръ былъ веселъ, шутилъ; но когда смѣялись его губы, онъ болѣлъ сердцемъ. Поспѣшно снялся лагерь и крестоносцы Монфора въ самомъ веселомъ настроеніи спѣшили усиленными переходами въ Тулузу. Толковали о предстоящихъ обѣщанныхъ удовольствіяхъ, забавахъ и турнирахъ. Но общее радостное настроеніе смѣнилось изумленіемъ, когда въ Басьежѣ вождь сталъ строить свое войско въ боевой порядокъ, какъ бы приготовляясь къ атакѣ, — тутъ только онъ рѣшился объявить истину: —«Рыцари, готовьтесь колоть и рубить, произнесъ онъ своимъ громовымъ голосомъ предъ ихъ рядами, вотъ настало время отмстить нашимъ врагамъ. Раймондъ взялъ у меня Тулузу; когда мы отнимемъ ее, то клянусь Господомъ, что на этотъ разъ, если Раймондъ попадется мнѣ въ руки, я сдеру съ него кожу за живо».—Крестоносцы были такъ поражены неожиданностію, что не отвѣчали вождю обыкновенными кликами.

— Монфоръ подъ Тулузой,—это было страшное слово для горожанъ. Теперь онъ не шелъ, какъ прежде, искоренить дворянскую куртуазію, онъ хотѣлъ явно поработить столицу Юга, если не уничтожить ее съ лица земли. Легатъ предлагаетъ ему умертвить графа и перевѣшать мужчинъ. Епископъ Фульконъ умѣрилъ такую ревность Бертрана; онъ совѣтовалъ пощадить правовѣрныхъ католиковъ.—«Нѣтъ, порѣшилъ кардиналъ, не слушайте его, графъ; если я вамъ предалъ тулузцевъ, то Богъ не потребуетъ у васъ отчета въ нихъ и не будетъ мстить вамъ» ([55]). Но желанія кардинала не сбылись. На этотъ разъ гонимые восторжествовали. Неудача постигла Монфора при первомъ же нападеніи на валы Тулузы. Онъ былъ принужденъ бѣжать; его кавалерія была жестоко побита народомъ, къ которому въ рѣшительный моментъ боя подоспѣли графы Комминга и де-Фуа ([56]). Вождь едва успѣлъ скрыться въ Нарбонскомъ замкѣ. Онъ убѣдился что ему предстоитъ вести серьезную осаду. Это было въ концѣ сентября 1217 г. Алиса поѣхала ко двору короля Филиппа-Августа просить его содѣйствія, а извѣстный проповѣдникъ Іаковъ Витрійскій вмѣстѣ съ епископомъ Фулькономъ отправился въ Германію поднимать новыя волны крестоносцевъ.

Монфоръ понялъ, что предстоитъ начать съизнова покореніе Лангедока и истребленіе ереси. Онъ видѣлъ какъ возстаніе разливалось по всему югу. Реакція французскому владычеству приняла высоко патріотическій характеръ; всякій феодалъ, говорившій провансальскимъ языкомъ, спѣшилъ принести свой мечъ на защиту святаго дѣла. Было нѣкоторое сомнѣніе въ славномъ Раймондѣ Рожерѣ, графѣ Фуа, который долго оставался равнодушнымъ къ дѣлу Тулузы, но вотъ и онъ появился съ наваррцами на помощь братьямъ. Религіозный характеръ движенія былъ мало замѣтенъ, но торжество національныхъ династовъ несомнѣнно приносило съ собой нѣкоторую вѣротерпимость. Альбигойцы могли свободно собираться на свои consolamenta, на свои службы;

([55]) Cans. v. 6241—52.—Срв. Cron. prov. p. 144—Петръ Сернейскій дѣлаетъ о легатѣ Бертранѣ такой отзывъ: o quoties dictus cardinalis mori timuit, qui tanquam vir providus, pro negotio Jesu Christi vivere minime recusavit (Migne, p. 709).

имъ не было надобности запасаться теперь на цѣлые мѣсяцы заготовленнымъ хлѣбомъ и тайно разносить по деревнямъ этотъ символъ альбигойскаго единства. Всѣ обряды стали совершаться торжественно при свѣтѣ огней. Вальдензы теперь также могли свободно молиться, не опасаясь темницы.

Но, во всякомъ случаѣ, сектанты составляли меньшинство населенія и только ненасытная корысть могла выдавать возстаніе угнетенной національности за посрамленіе христіанства. Подобнымъ людямъ все представлялось въ мрачномъ свѣтѣ, тѣмъ болѣе, что окидывая взорами всю Европу, они нигдѣ не ожидали встрѣтить содѣйствія своему дѣлу. Неутомимый гонитель ереси, великій боецъ католицизма, Иннокентій III сошелъ въ могилу. Гонорій III не обладалъ его энергіей. Крестоносцы, подъ видомъ защиты католической вѣры, въ сущности заботились о феодальныхъ пріобрѣтеніяхъ на Югѣ и о подчиненіи себѣ мѣстныхъ бароновъ. Хотя они не теряли вѣры въ счастье Симона Монфора, однако не переставали взывать о помощи къ Европѣ, а особенно къ Франціи. Впрочемъ пріемъ этотъ нѣсколько устарѣлъ; имъ такъ часто злоупотребляли на глазахъ одного и того же поколѣнія. Крестовая идея вообще перестала возбуждать увлеченіе. Она давно утратила свою чистоту и святость. На зовъ проповѣдниковъ никто не откликался. И бароны и вилланы Франціи стали понимать, что осада Тулузы личное дѣло крестоносцевъ.

Монфоръ былъ предоставленъ самому себѣ, а укрѣпленія Тулузы росли передъ его глазами. Онъ хотѣлъ бы обложить столицу со всѣхъ сторонъ и выморить ее голодомъ, но для этого у него не было достаточныхъ силъ. Онъ пытался вначалѣ прервать сообщеніе тулузцевъ съ Гасконью черезъ Гаронну, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ было перекинуто два моста, подступы къ которымъ были хорошо укрѣп-

(56) P. Cern. c. 85 Cum autem comes nobilis venisset cum suis ad fossata Tolosae, volens per insultum capere civitatem, repulsus est a civibus violenter, fixitque sua tentaria juxta castrum Narbonense.—Guil. de Pod. Laur. замѣчаетъ, что хотя Монфоръ былъ съ значительными силами, но ничего не могъ сдѣлать, ибо граждане геройски сражались (с. 30).

лены. Симонъ расположился на этой дорогѣ, оставивъ сына Амори у Нарбонскаго замка; но послѣдній сталъ подвергаться частымъ нападеніямъ тулузцевъ. Отецъ боялся за него. Разрознивъ свои силы, онъ такимъ образомъ облегчалъ дѣйствія осажденныхъ. Не принося никакого вреда имъ на своемъ наблюдательномъ посту, Симонъ готовился обратно перейти Гаронну. Его біографъ, говоря о добровольномъ удаленіи Монфора съ этого пункта, скрываетъ пораженіе, которое могло быть нанесено непобѣдимому вождю «коварными и низкими тулузцами» и которое принудило его къ отступленію (57). Милиція предмѣстья Санъ-Субра, вооружившись кольями, вѣроятно ночью, неожиданно кинулась на французовъ; она проникла въ центръ лагеря. Можетъ быть дѣло съ рыцарями окончилось бы не въ пользу еретиковъ, если бы графъ де-Фуа съ конными наваррцами не поспѣлъ въ рѣшительное время. Онъ смялъ французовъ, вытѣснилъ ихъ изъ окоповъ и преслѣдовалъ до Мюрэ. Здѣсь, на берегу Гаронны, произошло ужасное смятеніе между бѣглецами. Кто спѣшилъ вскочить въ судно, чтобы уйти отъ наваррцевъ; кто кидался вплавь вмѣстѣ съ конемъ. Монфоръ, который не могъ удержать бѣжавшихъ, былъ изъ послѣднихъ. Его закованный конь и тяжелая кирасса увлекли его ко дну; казалось, что на этотъ разъ не кому будетъ его спасти какъ за 4 года передъ тѣмъ на томъ же самомъ мѣстѣ. Но онъ опять счастливо избѣжалъ опасности; его и на этотъ разъ спасъ одинъ изъ тѣлохранителей.

Въ то время, когда графъ де-Фуа, этотъ «цвѣтъ рыцарства», привѣтствуемый тулузцами послѣ побѣды, объѣзжалъ съ тріумфомъ улицы города, Монфоръ, приведя въ порядокъ остатки своихъ войскъ, спѣшилъ къ Нарбонскому замку. Рожеръ Бернаръ сдѣлался героемъ и идоломъ на-

(57) «Fuit illic comes nobilis aliquantis diebus, tandem intelligens, quod exercitus Almarici non esset sufficiens ad resistendum inimicis, transivit fluvium (!), ut de duobus invalidis, unus fieret exercitus validus et securus» (P. Cern. p. 709). Впрочемъ, намекъ на пораженіе можно открыть въ слѣд. словахъ: quem (Montisfortem) nostri de navigio (?) cum gaudio suscipiunt (ibid).—Срв. Cron. prov. 145. Cans. CXC.—Chassanion и Langlois, при всемъ своемъ пристрастіи, признаютъ фактъ бѣгства Монфора.

рода. Ему удалось побѣдить Монфора; это было неожиданное счастіе для тулузцевъ. Когда Раймондъ созвалъ бароновъ подъ своды Св. Сатурнина, чтобы толковать о мѣрахъ защиты Тулузы, то обратился съ благодарностью къ побѣдителю, призывая и другихъ «бароновъ города», — какъ провансальскіе феодалы называли себя ([58]), — не оставить его помощью въ защитѣ наслѣдія предковъ. Графъ де-Фуа, отвѣчая отъ лица всѣхъ синьоровъ, говорилъ что каждый изъ нихъ готовъ умереть за Раймонда, что всѣ они будутъ помогать ему до конца борьбы, что они умрутъ вмѣстѣ съ нимъ, но не покинутъ его. Потомъ сталъ говорить одинъ изъ почетныхъ мужей капитула; это былъ краснорѣчивый докторъ Бернаръ. Онъ объявилъ, что граждане Тулузы клянутся принести свою жизнь и свое имущество въ эту торжественную минуту на спасеніе отечества, что все, чѣмъ они владѣютъ, отнынѣ принадлежитъ ихъ природному государю и его воинамъ; отъ имени города онъ горячо благодарилъ рыцарей и бароновъ за то, что они оказали содѣйствіе графу Раймонду и единодушно защищаютъ права Тулузы ([59]). Тогда было принято рѣшеніе дѣйствовать наступательно противъ Нарбонскаго замка, гдѣ держался Монфоръ. Тотчасъ выкатили каменно-метательныя орудія, стали увеличивать рвы между городомъ и замкомъ, застилая ихъ фальшивыми фашинами (trabuguetz). Стѣны, срытыя Монфоромъ, стали возводить на глазахъ французовъ, прикрываясь бастіономъ и защищаясь стрѣльбой изъ мортиръ. И теперь, какъ и при началѣ осады, женщины и дѣти помогали мужчинамъ въ сооруженіи укрѣпленій. Дѣло было кончено такъ скоро, что французы, которые продолжали бездѣйствовать, чувствуя свое безсиліе, не успѣли опомниться. Тулуза готовилась повторить примѣръ Нуманціи. Муниципальный духъ столицы творилъ чудеса.

Когда укрѣпленія города съ этой стороны были кончены, то роли перемѣнились: осаждавшіе сдѣлались осажденными; стрѣльба изъ тулузскихъ мортиръ такъ усилилась, что отъ тяжелыхъ камней старыя стѣны Нарбонскаго замка стали осыпаться. Французамъ было здѣсь не безопасно; Монфоръ, напрасно пытаясь казаться равнодушнымъ, приказалъ

([58]) Elh baro de la vila—Cans. v. 6441.

([59]) Cron. prov. 145.—Срв. Cans. CXCI, особенно v. 6820.

наканунѣ выступать изъ замка и расположился въ долинѣ Монтолье. Здѣсь онъ собралъ совѣтъ изъ рыцарей и прелатовъ. Епископъ Фульконъ предлагалъ выжидать прибытія новыхъ крестоносцевъ, которыхъ давно вызывалъ кардиналъ—легатъ ([60]). Тогда, предсказывалъ онъ, погибнутъ подъ остріемъ меча, «мужчины и женщины и даже грудныя дѣти тулузскія, а оставшіеся въ живыхъ будутъ разосланы по монастырямъ». На этотъ хищный вызовъ ренегата послѣдовалъ благородный протестъ одного француза крестоносца.

— «Вашъ совѣтъ пагубенъ, говорилъ Робертъ де-Пекернэ; графъ Раймондъ сталъ счастливъ; война разгорается серьезнѣе. Мы, которые завоевали эту землю, не могли привлечь сердца жителей; всегда, лишь только побѣдитель начнетъ господствовать, становится возможнымъ потерять завоеванное; счастіе измѣнчиво. Французъ всегда имѣетъ успѣхъ въ началѣ борьбы; но когда онъ достигнетъ цѣли, то становится надменнымъ; гордость губитъ его и съ высоты опрокидываетъ въ пропасть. Все, что онъ пріобрѣлъ нѣкогда храбростью, теряетъ теперь управленіемъ. Такъ, отъ французской надменности погибли въ Испаніи Роландъ и Оливье. И если теперь графъ нашъ лишается этой земли, то потому, что мы были плохими властителями. Онъ завоевалъ страну крестомъ и мечемъ отъ воротъ Реола до Вивьера; онъ владѣлъ всѣмъ, кромѣ Монпелье; онъ получалъ отвсюду доходы марками и динаріями. Но онъ отдалъ страну въ управленіе ненавистныхъ людей, которые возбудили противъ себя народъ своимъ произволомъ. И вотъ Богъ, который всегда справедливъ, услышалъ ихъ вопли, увидалъ ежедневныя наши несправедливости и теперь послалъ намъ новыхъ враговъ. Тулуза терпѣла столько невыносимыхъ мученій, что не удивительно, если она возмутилась. Изъ за того, что мы посадили правителями лакеевъ и негодяевъ (garsos e pautoniers), происходитъ теперь расплата съ нами и съ графомъ Симономъ; на нашихъ земляковъ стали смотрѣть какъ на

([60]) На этомъ мѣстѣ обрывается провансальская прозаическая хроника. Въ обоихъ манускриптахъ пропускъ простирается на 12 листовъ. Пропущены т. о. событія осады въ продолженіи полугода, отъ начала 1218 года до смерти Симона Монфора.—Въ поэмѣ начало пропуска соотвѣтствуетъ 6911 стиху.

разбойниковъ. Конечно баронъ, который преслѣдуетъ, грабитъ и убиваетъ своихъ подданныхъ, долженъ всегда быть на готовѣ, чтобы съ огнемъ и мечемъ гоняться за чужеземцами. Вотъ почему, господа, насталъ конецъ нашимъ успѣхамъ.» (61)

Смыслъ этой рѣчи объясняетъ точнѣе всякихъ описаній какъ побужденія французовъ, разносившихъ крестъ и мечъ по Лангедоку, такъ и характеръ ихъ господства въ завоеванной странѣ. Сомнительно, какія именно слова произносилъ Робертъ де-Пекернэ; это и не имѣетъ особенной важности; но для насъ интересно то, какъ понимали дѣло современники и очевидцы событій, и рѣчь, вложенная эпической поэмой въ уста француза, кто-бы онъ ни былъ, пріобрѣтая особенный смыслъ и значеніе, освѣщаетъ истиннымъ свѣтомъ эти знаменательныя событія. Конечно, такія убѣжденія оставались одинокими; ихъ не могли раздѣлить рыцари въ лагерѣ Монфора, на глазахъ вождя, который всегда былъ на сторожѣ противъ недовольныхъ.

— «Всякіе разговоры въ такихъ случаяхъ—потерянное время, заключилъ одинъ изъ крестоносцевъ на рѣчь де-Пекернэ; осадой мы наживемъ себѣ бѣды на десять лѣтъ. Завтра, лишь только взойдетъ заря, а тулузцы еще будутъ погружены въ сонъ, мы кинемся къ воротамъ, перережемъ часовыхъ и произведемъ страхъ и смятеніе въ полкахъ и въ городѣ. Тамъ,—что будетъ; лучше смерть въ честномъ бою, чѣмъ позоръ».

Это предложеніе было принято Монфоромъ и его рыцарями. Широкое плато передъ воротами Монтолье дѣлилось между французами и тулузцами, сторожившими за своими укрѣпленіями. Чтобы пробраться къ воротамъ надобно было занять эту линію и опрокинуть передовую стражу. Граждане впрочемъ ревностно соблюдали сторожевую службу. Лишь только началъ брезжить свѣтъ, крестоносцы кинулись изъ засады, заняли передовыя укрѣпленія и понеслись къ воротамъ. Но пѣхота тулузская была на ногахъ; не успѣвшіе одѣться, уже держали въ рукахъ оружіе. Тѣмъ не менѣе натискъ былъ силенъ, тулузцы были смяты у воротъ и

---

(61) Cans. v. 6915—47. См. Langlois. Croisades contre les Alb. p. 383.

бѣжали. Они падали вооруженные въ овраги, наполненные водою, и тонули безъ счета. Французы наносили страшные удары и устилали свой путь трупами. Молодой Амори, сынъ Симона, былъ впереди. Онъ ворвался въ городъ. Раздались крики народа и вопли: Св. Марія, спаси насъ. Пѣшее войско обратилось въ нестройную толпу. Но вотъ Рожеръ Бернаръ съ провансальскими рыцарями явился защищать народъ. Красные кресты пріостановились, какъ бы готовясь плотной стѣной принять врага. Произошла схватка грудь съ грудью; рѣзались безпощадно. Долго ни тѣ, ни другіе не поддавались. «Съ той и другой стороны наносили столько ударовъ, что стукъ мечей былъ слышанъ по всему городу и отдавался въ полѣ и даже въ замкѣ.»

Наконецъ провансальцы одолѣли; французы поколебались. Ихъ преслѣдуютъ съ такой быстротой, что они въ свою очередь израненные, летятъ въ овраги; тамъ многіе изъ нихъ находятъ смерть. Въ открытомъ полѣ было довершено разстройство; новый отрядъ, вышедшій изъ замка, спѣшилъ укрыть своихъ. Чрезъ нѣсколько дней подобная же попытка была повторена противъ воротъ Санъ-Субра. Она была также неудачна.—«Счастіе отвернулось отъ меня, говорилъ Симонъ Монфоръ; Тулузу, которую я покорилъ крестомъ, отнимаютъ у меня мечемъ» (62).—Въ довершеніе своихъ неудачъ, онъ сталъ получать частыя извѣстія объ отложеніи завоеванныхъ городовъ Лангедока. Хроники не указываютъ, какіе именно города свергнули на этотъ разъ французское владычество, но надо полагать, по многимъ обстоятельствамъ дѣла, что національное движеніе дѣлалось общимъ. Неудача инсургентовъ въ Монтобанѣ указывается лѣтописцемъ, какъ особенный фактъ. Это былъ единственный успѣхъ французовъ со времени возстанія. Въ Монтобанѣ стояло 800 человѣкъ католическаго гарнизона съ сенешаломъ д'Аженуа, но коммуна не смотря на то надѣялась избавиться отъ французовъ. Въ этой общинѣ было много альбигойцевъ. Здѣсь даже консулы были изъ еретиковъ. Къ Раймонду VI только былъ посланъ гонецъ изъ Монтобана. Онъ доносилъ, что 3000 гражданъ готовы поднять посильное оружіе за графа тулузскаго и перерѣзать французовъ, если только онъ ока-

---

(62) ib. v. 7054—55; 7288—94.

жетъ свое содѣйствіе. Раймондъ благодарилъ общину и обѣщалъ прислать 500 аррагонскихъ копейщиковъ. Ночью этотъ отрядъ достигъ Монтобана и тайно былъ впущенъ городскими властями. Думали застать крестоносцевъ спящими и избить ихъ. Уже сдѣлано было распоряженіе захватить начальниковъ и католическаго епископа. Но консулы не догадывались, что въ числѣ заговорщиковъ есть предатель. Сенешалъ зналъ о заговорѣ и предупредилъ гарнизонъ. Стройная рать ждала аррагонцевъ на указанномъ мѣстѣ. Такая неожиданность изумила нападавшихъ. Они бросились бѣжать; месть обрушилась на жителей и мятежный городъ. Заготовленныя въ нѣкоторыхъ улицахъ баррикады съ разсвѣтомъ были взяты французами и утромъ послѣдовала жестокая расправа съ заговорщиками. Рядъ казней заставилъ большую часть жителей спасаться бѣгствомъ въ Тулузу. Крестоносцы, по ихъ собственному свидѣтельству, разграбили и сожгли городъ ([63]).

Между тѣмъ къ Монфору стали прибывать огромныя подкрѣпленія изъ Оверни, Родеца, Бургундіи и Фландріи. Численность новыхъ крестоносцевъ трудно было опредѣлить даже съ приблизительною точностью. Нѣкоторые историки утверждаютъ, что ихъ пришло до ста тысячъ ([64]). Во всякомъ случаѣ, ревность и искусство проповѣдниковъ оказали еще разъ услугу французскому завоеванію. Имъ помогли молодые доминиканцы своимъ увлеченіемъ и проповѣдями; они-то главнымъ образомъ вербовали и фанатизировали эти легіоны. Съ такимъ многочисленнымъ ополченіемъ нельзя было оставаться въ выжидательномъ положеніи; осаждающіе опять раздѣлились на два лагеря, изъ которымъ другой расположился у Мюрэ. Время проходило въ мелкихъ аванпостныхъ стычкахъ. Нѣкоторыя вылазки осажденныхъ были весьма удачны. Крестоносцы громко роптали; продолжительная осада превосходила всякое терпѣнье.

([63]) P. Cern. c. 85. Omnia fere mobilia nostri capiunt, caetera incendio consumuntur.

([64]) Пособія не знаютъ, откуда іезуитъ Langlois (Croisades, p. 387) заимствовалъ эту цифру.—Мы нашли этотъ источникъ въ Cansos (v. 7343 и 7456), гдѣ такое указаніе конечно не точно.

Монфоръ въ послѣднее время становился болѣе и болѣе равнодушнымъ къ идеальнымъ религіознымъ интересамъ; онъ имѣлъ чисто практическіе разсчеты. Онъ не прочь былъ бы, въ виду случайностей долгой борьбы, войти въ сдѣлку съ Тулузой, вступить въ переговоры съ Раймондомъ VI. Но онъ далеко не все значилъ въ лагерѣ крестоносцевъ; тамъ была другая сила, которая въ такихъ вопросахъ значила столько-же, какъ и самъ Монфоръ, если не больше. Папскій легатъ пришелъ въ страшное негодованіе, лишь только намекнули ему о переговорахъ съ осажденными. Кардиналъ бросилъ въ глаза Монфору обвиненіе, которое было невыносимо для его гордости. Онъ задѣлъ его военныя дарованія и личную храбрость, которая притупилась годами и неудачами. Это значило задѣть средневѣковаго рыцаря за самую чувствительную струну. Монфоръ объявилъ на совѣтѣ, въ Нарбонскомъ замкѣ, что онъ живымъ не отступитъ отъ Тулузы. Двѣ башни предъ городскими укрѣпленіями, занятыя провансальцами, были взяты осаждающими и разрушены ими же при отступленіи, такъ какъ удержать ихъ подъ тулузскими выстрѣлами не было возможности. Но Монфоръ надѣялся заставить замолчать осажденныхъ новымъ орудіемъ, которое стали строить по его приказанію; оно должно было дѣйствовать греческимъ огнемъ.—«Это сарацинское издѣліе дастъ себя знать во всей Тулузѣ, говорилъ Монфоръ; завтра съ разсвѣтомъ мы подкатимъ его къ городскимъ стѣнамъ, зажгемъ городъ греческимъ огнемъ: умремъ вмѣстѣ или побѣдимъ. Надѣюсь, что вы будете пировать въ Тулузѣ и раздѣлите по ровну и честь и добычу».

Это ободреніе вызвало въ большинствѣ восторгъ,—но въ нѣкоторыхъ возбудило сомнѣніе. Къ числу послѣднихъ принадлежалъ графъ Амори де-Кріонъ. Онъ рѣзко замѣтилъ, что Тулуза изобилуетъ припасами, что только голодомъ и жаждою можно принудить столицу къ сдачѣ. За такое сомнѣніе кардиналъ тутъ же сдѣлалъ ему строгое внушеніе и въ видѣ эпитимьи наложилъ на него однодневный постъ; графъ былъ осужденъ на хлѣбъ и на воду. Кріонъ былъ не изъ покорныхъ и не трусливыхъ католиковъ; онъ рѣзко протестовалъ противъ образа дѣйствія легата.—«Никто и ничто не даетъ вамъ права лишать кого либо наслѣдія; если-бы я дома зналъ ваши тайные умыслы, то никогда ни я ни мои люди не были бы здѣсь.»—Монфоръ вмѣшался въ споръ. Онъ

съ своей стороны напомнилъ графу о необходимости безусловнаго повиновенія легату.—Этимъ вы покажите преданность свою Церкви, прибавилъ онъ. Но разсчеты Монфора не сбылись. Его снарядъ съ греческимъ огнемъ былъ подбитъ удачными выстрѣлами изъ тулузской катапульты; большая часть прислуги, которая была при снарядѣ, погибла. Монфоръ привыкъ теперь къ неудачамъ; онѣ уже не смущали его: энергія его окончательно закалилась. Онъ велѣлъ исправлять машину и изобрѣталъ новыя средства сжечь городъ. Надъ машиной работало множество воиновъ. На этомъ громадномъ орудіи, а уже не на личной храбрости, основывались послѣднія надежды Монфора. Онъ предчувствовалъ, что событія принимаютъ роковой для него характеръ.—«Клянусь вамъ, сказалъ онъ разъ епископу Фулькону, клянусь Св. Дѣвой, что я или возьму Тулузу чрезъ 8 дней или погибну при ея штурмѣ» (65).

И въ Тулузѣ сознавали, что рѣшительный часъ наступаетъ. Поврежденія, сдѣланныя въ укрѣпленіяхъ, быстро задѣлывались; строились новыя. Члены капитула на своихъ плечахъ носили кирпичи и камни, необходимые для построекъ: дамы, дѣвушки и дѣти, распѣвая кансоны и баллады, принимали также посильное участіе въ работѣ. На нихъ летали камни и снаряды изъ лагеря крестоносцевъ, но всѣ они уже привыкли къ опасности. Многіе изъ нихъ погибали на стѣнахъ, но гражданамъ не приходила и на мысль возможность сдачи. Напрасно предполагать, что осажденными руководили альбигойскіе интересы; большинство южныхъ бароновъ, рыцарей и ихъ воиновъ оставалось католиками. Они не отказывали въ повиновеніи папѣ, но не забывали, что въ прелатахъ, особенно французскихъ, имѣютъ непримиримыхъ враговъ (66); они вѣрили, что Богъ даетъ «мудрость, смѣлость, умѣнье слѣдовать по пути правды и средства поразить чужеземцевъ, которые пришли для завоеванія и для того, чтобы погасить свѣтъ, уничтожить куртуазію и съ нею доблести рыцарскія.»

---

(65) Cans. v. 8230—33.

(66) El senher Apostoli quens deuria noirir—Els prelat de la glieiza quens jutjan a morir. v. 7317—18.

Когда былъ созванъ совѣтъ для окончательныхъ распоряженій, то въ него вмѣстѣ съ баронами были приглашены консулы, всѣ члены магистрата и даже многіе буржуа. Здѣсь, собравшіеся были возбуждены рѣчью того же доктора Бернара, къ которому не разъ городъ обращался за совѣтомъ въ трудныя для себя времена.—«Вы идите первые на орудіе Монфора, говорилъ онъ баронамъ, а мы будемъ слѣдовать за вами. Или умремъ вмѣстѣ или побѣдимъ; лучше честная смерть, чѣмъ позорная жизнь.» Бароны провансальскіе отвѣчали громкимъ крикомъ восторга; они дали обѣщаніе биться, по обычаю предковъ, вмѣстѣ съ гражданами, такъ какъ всегда куртуазія и Тулуза были неразлучны (Tholoza e paratges es totz temps pariers). Рѣшено было ночью спуститься со стѣнъ по лѣстницамъ въ непріятельскій лагерь, овладѣть машинами Монфора и сжечь ихъ.

Это предположеніе было исполнено на зарѣ 25 іюня (1218 г.). Въ то же время, въ другомъ направленіи, со стороны Мюрэ, съ цѣлью отвлечь вниманіе непріятеля, также назначено было произвести вылазку (67). Лагерь крестоносцевъ спалъ крѣпкимъ сномъ. Священники пѣли раннюю мессу; Монфоръ уже проснулся и слушалъ обѣдню (68). Вдругъ послышались крики: Тулуза и смерть. Они становились громче и громче. Имъ стали вторить другіе: Монфоръ, Монфоръ. Битва загорѣлась въ двухъ противоположныхъ мѣстахъ, но главныя силы тулузцевъ были сосредоточены за палисадами, вблизи зажигательнаго снаряда. Здѣзь позиція ихъ была почти неприступна; изъ за палисадовъ они поражали врага мѣстными выстрѣлами и шагъ за шагомъ подвигались впередъ, намѣреваясь завладѣть машиной. Этимъ отрядомъ начальствовалъ графъ де-Фуа. Нѣсколько далѣе, по той же линіи, на плато Монтолье, шла отчаянная кавалерійская рѣзня; не прошло и часа, какъ земля была покрыта трупами и окровавленными членами; закованные въ желѣзо всад-

---

(67) Свѣдѣнія о военныхъ дѣйствіяхъ см. въ Cansos, CXCVII—CCV.

(68) P. Cern. (p. 710), согласно съ провансальскими источниками, объясняетъ дѣло нападеніемъ тулузцевъ, но пособія, какъ Barrau et Darragon (II, 215), превратно передаютъ разсказъ.

ники уже изнемогали отъ жары и усталости. Въ густыхъ рядахъ провансальцевъ виднѣлось множество знаковъ аррагонскихъ и каталонскихъ. Рога и трубы не умолкали. Самъ Раймондъ тулузскій руководилъ боемъ и ободрялъ собственнымъ примѣромъ своихъ. Обѣ стороны дрались съ одинаковою храбростію и ни одна не поддавалась. Но чему удивлялись французы, это отсутствію своего вождя. Гораздо хуже для нихъ шло дѣло около машины; спасти ее отъ огня не было возможности, увезти также; ея защитники были покрыты ранами.

Между тѣмъ Симонъ Монфоръ не появлялся. Къ нему былъ посланъ оруженосецъ, онъ нашелъ его въ церкви; обѣдня еще продолжалась,—хотя крики сражавшихся и трубные звуки достигали до молящихся. Оруженосецъ, видимо взволнованный, передалъ вождю неблагопріятный ходъ битвы и просилъ его скорѣе прибыть на мѣсто сраженія. Но Монфоръ оставался невозмутимъ. — «Ты видишь, что я стою у Св. Таинъ; прежде чѣмъ уйти, я долженъ вкусить этотъ залогъ искупленія.» Не успѣлъ онъ произнести этихъ словъ, какъ вбѣжалъ другой вѣстникъ.—«Спѣшите, графъ, говоритъ онъ, битва сдѣлалась опасной; нашимъ не устоять.»—Я не выйду отсюда, пока не увижу моего Искупителя, повторилъ Монфоръ съ такимъ же благоговѣйнымъ спокойствіемъ. Наконецъ Св. Дары были вынесены. Симонъ преклонилъ колѣна и произнесъ, простирая руки къ небу: «Нынѣ отпущаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу твоему съ миромъ.» Онъ пріобщился и воскликнулъ: «идемъ, и если надо умремъ за Него, какъ Онъ умеръ за насъ» ([69]).

Между тѣмъ, по его приказанію, прибыли со всѣхъ сторонъ резервы, еще не участвовавшіе въ битвѣ. Его появленіе во главѣ ихъ придало послѣднія силы уже разстроеннымъ французамъ. Стремительно ударилъ Монфоръ на графа тулузскаго; провансальцы стали отступать, подъ прикрытіе своихъ укрѣпленій. Натискъ свѣжей конницы, сидѣвшей на бойкихъ арабскихъ коняхъ, былъ подобенъ урагану, который сметалъ съ своего пути всякое сопротивленіе. Тулузцы, неуспѣвшіе пробраться черезъ мостъ, попадали въ овраги; все плато было очищено. За рыцарями спѣшили пилигримы со своими посохами; они думали, что крестоносцы уже ворвались въ Тулузу. Дѣйствительно, Монфоръ разсчитывалъ на полное торжество. Онъ перестроилъ свои ряды. —Еще одинъ натискъ, воины Христа, и Тулуза наша», восклицаетъ онъ, отдавая приказаніе овладѣть укрѣпленіемъ.

([69]) P. Cern. c. 86.

Въ этотъ моментъ тулузцы успѣли оправиться отъ страха. Ихъ пѣхота бѣжала къ своимъ каменнометательнымъ машинамъ, заняла снова палисады, виноградники и встрѣтила нападавшихъ градомъ камней и стрѣлъ. Гюи, братъ Симона, находившійся впереди, былъ раненъ въ бокъ стрѣлой. Симонъ поспѣшилъ къ нему. Онъ не видѣлъ, что стоитъ прямо подъ машиной, которая осыпала французовъ камнями. Одинъ камень ударилъ ему въ голову съ такой силой, что пробилъ его шлемъ и почти раздробилъ черепъ ([70]). Вождь упалъ мертвый, весь черный. Два рыцаря поспѣшили прикрыть его лице платкомъ. Послѣднимъ конвульсивнымъ движеніемъ, умирающій ударилъ себя два раза въ грудь и испустилъ духъ.

Скрыть смерть Монфора было невозможно. Лишь только этотъ атлетическій трупъ понесли съ мѣста боя, какъ между рядами французовъ стало распространяться страшное волненіе. Нападавшіе забыли, что стоятъ подъ враждебнымъ городомъ, что почти достигаютъ цѣли долгой борьбы и бросились бѣжать, преслѣдуемые выстрѣлами.

([70]) Петръ Сернейскій съ своей точки зрѣнія уподобляетъ смерть Монфора кончинѣ первомученика Стефана, также побитаго камнями, и доходитъ въ своихъ порывахъ даже до уподобленія героя альбигойскихъ походовъ самому Спасителю,—«postquam ex ictu lapidis vulnus excepisset lethalé, quinque a sagittariis vulnera receperat ad similitudinem Salvatoris, pro quo mortem patienter sustinuit, cum quo post mortem, ut credimus, feliciter gloriatur et vivit (p. 712)».—Преданіе о томъ, что женщина убила камнемъ Монфора основывается вѣроятно на томъ стихѣ Cansos, гдѣ говорится что peireira была своевременно притащена на укрѣпленія «женщинами, дѣвицами и замужними (v. 8450).» Это qui pro quo вошло безъ всякой критики въ нѣкоторые курсы и учебники.—Matthaeus Parisiensis (подъ 1219 г.) говоритъ также и о смерти Гюи Монфора.

Скоро въ лагерѣ французовъ услышали вопли и плачь. Таково было вліяніе этого человѣка на крестоносцевъ, что все дѣло всегда держалось имъ однимъ. Теперь, когда его не стало, то первое время никто и не думалъ о Тулузѣ, какъ будто столица была нужна ему одному. Во французскомъ рыцарствѣ и въ толпахъ пилигримовъ—общія слезы. За то радость и крики торжества между тулузцами. Монфора видѣли, когда цѣлили въ него; онъ стоялъ какъ разъ подъ стѣною; онъ упалъ, его унесли и сомнѣваться въ его смерти было невозможно Съ понятной быстротой, распространилась такая желанная вѣсть по всей столицѣ. Всѣ горожане торжествовали, что онъ умеръ. Онъ былъ золъ и великій убійца (el coms quera malignes e homicidiers), твердили они; оттого онъ и умеръ безъ покаянія, что самъ всегда умерщвлялъ мечемъ ([71]). Но благородный Раймондъ тулузскій, какъ истинный рыцарь, не выказалъ такой радости; онъ всегда чтилъ въ Симонѣ твердость, способности, храбрость и всѣ качества, которыя приличествуютъ государю ([72]).

Въ Тулузѣ, гдѣ его имя возбуждало такой ужасъ, о немъ сохранилась память въ народной пѣсни. Она воспѣваетъ смерть волка (chant de la mort de loup), убитаго въ долинѣ Монтольё. Свирѣпаго вождя крестоносцевъ преданіе уподобило хищному звѣрю. Подъ аккомпаниментъ рожковъ, народъ повторяетъ припѣвъ: «Montfort es mort, Монфоръ умеръ; да здравствуетъ славная Тулуза, могучій городъ, честь и доблесть возстанутъ, Монфора нѣтъ». Въ городѣ Кастельнодарри, пастухи еще и теперь наигрываютъ маршъ Симона Монфора въ день городскаго праздника (fête de Dieu), какъ бы отгоняя этимъ страшное воспоминаніе.

Старшій сынъ Симона, графъ Амори, былъ провозглашенъ вождемъ крестоваго ополченія, по предложенію кардинала-легата. Епископъ Фульконъ, всѣ французскіе бароны и рыцари раздѣляли мнѣніе легата и обѣщали молодому наслѣднику защищать и оберегать всѣ тѣ земли, которыми владѣлъ его отецъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ кастелляны и бароны принесли ему феодальную присягу. Кардиналъ благословилъ его на подвиги отца. Знали также, что папа не откажетъ признать его во всѣхъ отцовскихъ правахъ.

([71]) Cans. v. 8475—78.

([72]) Guil. de Pod. Laur. c. 30... «quamvis ejus hostis fuisset, ipsum in fidelitate, providentia et strenuiate, et in cunctis quae debent principem, dirabiliter commendantem.»

Но если всякій изъ присутствовавшихъ хорошо понялъ, что смертью Симона половина дѣла уже потеряна, то были въ католическомъ мірѣ люди, которые шли дальше и полагали, что все дѣло Римской Церкви проиграно, что ересь восторжествовала смертью Симона, который сдѣлалъ Церкви столько добра, благодаря своей отвагѣ ([73]). Св. Доминикъ жилъ тогда въ монастырѣ «de Prouille» Заснувъ послѣ долгаго бдѣнія, онъ за нѣсколько дней до смерти Монфора видѣлъ во снѣ, какъ роскошное дерево, покрывавшее землю своими вѣтвями, усыпанное поющими птицами, пало вдругъ отъ одного удара и разбило все, что укрывалось подъ его тѣнью. По словамъ легенды, Доминикъ тогда же сталъ предсказывать скорую кончину Симона ([74]). Но фанатическій духъ его не унывалъ. Доминикъ считалъ себя призваннымъ продолжать дѣло, за которое погибъ вождь крестоносцевъ. Ему слышался во снѣ и на яву голосъ, взывавшій какъ-бы съ неба: «иди и учи».

Молодой Монфоръ считался отважнымъ рыцаремъ, но онъ не выдавался никогда военными способностями. Онъ былъ извѣстенъ за человѣка мягкаго и добраго характера, и въ этомъ онъ составлялъ противоположность съ своимъ знаменитымъ отцемъ. Ему не доставало того обаянія, которое производилъ покойный Симонъ на рыцарство и на крестоносцевъ. Воспитаніе онъ получилъ исключительно военное; оно состояло лишь въ физическихъ упражненіяхъ; постоянное наблюденіе суроваго отца не давало ему встать на ноги, развиться, дѣйствовать самостоятельно. Оттого онъ казался какимъ-то забитымъ, покорнымъ совѣтамъ другихъ и рабомъ людей энергичныхъ Онъ не способенъ былъ возвыситься надъ событіями силою духа, подчинить ихъ себѣ и,

([73]) Объ этихъ благодѣяніяхъ Монфора доминиканскому братству упоминаетъ.—Iordanus. Vita S. Dominici; §. 29, 55.

([74]) Записали: iordanus, Bartholomaeus Tridentinus, Theodoricus de Appoldia, въ Acta Sanct. aug. IV. p. 546, 556, 573.

понятно, обстоятельства нуждались не въ такомъ человѣкѣ. Первое извѣстіе, которое онъ получилъ съ поля битвы, лишь только принялъ командованіе, было для него непріятное. Лагерь крестоносцевъ противъ предмѣстья Санъ-Субры подвергнулся нападенію тулузцевъ, черезъ нѣсколько часовъ послѣ того какъ штурмъ Монфора былъ отбитъ. Крестоносцы, уже напуганные извѣстіемъ о смерти вождя, бѣжали; побѣда была легкая; рыцарей здѣсь почти вовсе не было; лагерь былъ взятъ и разграбленъ; множество плѣнныхъ воиновъ и пилигримовъ было приведено въ Тулузу; богатыя палатки со всѣмъ имуществомъ и оружіемъ достались побѣдителямъ. Гордому французскому рыцарству пришлось впервые переговариваться съ еретиками о выкупѣ плѣнныхъ; тулузцы разбогатѣли въ этотъ несчастный для крестоносцевъ день ([75]). Амори вздумалъ поправить бѣду рѣшительнымъ нападеніемъ на Тулузу. Онъ торжественно клялся, что возьметъ непокорную столицу и примѣрно накажетъ ее. Онъ торопился, чтобы не дать времени разойтись крестоносцамъ. Но это былъ уже не первый штурмъ, громкія приготовленія къ которому могли-бы испугать горожанъ. Были приготовлены повозки, наполненныя до верху соломой, валежникомъ, засохшей лозой; эти повозки были подвезены къ самымъ укрѣпленіямъ и сухія деревья были подожжены въ надеждѣ, что пламя перекинется въ городъ. Но граждане зорко наблюдали; вооружены были и большіе и малые. Въ то время, когда воины сдѣлали вылазку противъ крестоносцевъ, граждане съ бочками воды бросились тушить пламя и бить людей, охранявшихъ телѣжки. На той же долинѣ Монтолье, которая вдоволь упиталась кровью французовъ и тулузцевъ, произошло новое побоище; оно, по словамъ лѣтописцевъ, превосходило кровопролитіемъ всѣ прежнія. Кончилось тѣмъ, что крестоносцы отступили, а провансальцы вернулись въ городъ съ плѣнниками и добычей ([76]). Это было мѣсяцъ спустя послѣ смерти Симона Монфора.

Такой постоянный рядъ неудачъ далъ смѣлость искренно высказаться самому вліятельному лицу въ лагерѣ крестоносцевъ. Гюи Монфоръ, одинъ изъ братьевъ Симона, могъ не бояться, что его уличатъ въ трусости или предательствѣ. Онъ кровью не разъ доказалъ свою преданность дѣлу Церкви. Теперь онъ видѣлъ, что крестоносцы, эти «лукавые отступники» ([77]), большими отрядами покидаютъ лагерь, что счастье придало столько бодрости осажденнымъ, что они сами начинаютъ стѣснять французовъ. Онъ потому откровенно предложилъ рыцарямъ снять осаду и вернуться въ болѣе благопріятное время съ новою арміею. Амори оказалъ нѣкоторое сопротивленіе, но многіе бароны поддержали Гюи, заявивъ на отрѣзъ, что постоянныя непогоды, недостатокъ припасовъ,—такъ какъ окрестная страна была опустошена,— наконецъ невозможность одолѣть возрастающаго численностію непріятеля, не позволяютъ имъ оставаться больше на жертву тулузцевъ и что они разойдутся по домамъ, несмотря ни на что ([78]). Увѣщанія епископа и легата не помогли. Амори долженъ былъ уступить. Въ день Св. Іакова, лагерь сталъ быстро сниматься; бараки и другія строенія были подожжены. Унылые крестоносцы потянулись отъ стѣнъ города Тулузы, забравши все что смогли; удаляясь, они зажгли Нарбонскій замокъ. Амори взялъ съ собою то, что было самое дорогое для него; онъ везъ трупъ своего отца. Онъ привезъ его въ Каркассону, а оттуда отправилъ во Францію. Здѣсь, вблизи родоваго замка Монфоръ Амори, въ монастырѣ Hautes—Bruyères, фонтвротскаго ордена, мирно покоится тѣло Симона Монфора, этого божьяго бича Юга, покрывшаго кровью и пепломъ благословенныя долины Лангедока и Прованса ([79]). Надъ готической гробницей сдѣлано его горельефное изображеніе со сложенными руками предъ алтаремъ. Въ Каркассонѣ, гдѣ напрасно отыскивали его могилу, Людовикъ св. и его преемники заказывали ежедневныя мессы на

([75]) Cron. prov. 146.
([76]) Cans. CCVII.—Cron prov. ibid.

([77]) «Apostatae pessimi», по выраженію P. Cern. p. 712.
([78]) Cans. CCVII.—Cron. prov. 147.
([79]) Guil. de Pod. Laur. c. 31. — P. Cern. c. 86.— Praecl. Franc. fac. a. 1218. — Hist. de Phil. Mouskes, рукопись Парижской національной библіотеки; см. Vaissete; l. 23, c. 30. Объ его гробницѣ изслѣдованіе du-Mège въ приложеніяхъ къ Вессэ; V, 81—85.

поминовеніе души Монфора, какъ бы желая почтить тѣмъ его кровавыя дѣла.

По прибытіи въ Каркассону, легатъ сталъ увѣщевать Амори не терять бодрости духа; онъ указалъ ему занять гарнизонами нѣкоторые важные пункты. Тогда же епископъ Фульконъ былъ отправленъ ко двору французскаго короля просить его прибыть въ маѣ слѣдующаго года въ Лангедокъ со всѣми войсками, чтобы отмстить за смерть Симона Монфора. Извѣщая папу о несчастіи, легатъ просилъ его святѣйшество о новой крестовой проповѣди противъ еретиковъ. Римъ никогда не отчаявался въ неудачахъ. Упорная, но величавая политика папъ, преслѣдуя одну и ту же цѣль, не поддавалась и при болѣе важныхъ несчастіяхъ. Легатъ дѣйствовалъ энергично. Онъ безпощадно отстранялъ всякую мысль о переговорахъ. Когда графъ Саксъ предложилъ ему помириться съ Раймондомъ тулузскимъ, кардиналъ съ волненіемъ отвѣтилъ: «прежде чѣмъ входить въ переговоры съ Тулузой, не отмстивъ за смерть графа Монфора,— надо содрать кожу съ живыхъ тулузцевъ» ([80]). Графъ Саксъ послѣ этого разговора оставилъ войско.

Но Тулуза не думала ограничиться одной обороной. Не давая опомниться непріятелямъ, Раймондъ Юный пошелъ слѣдомъ за нимъ, а графъ Коммингъ выступилъ по другому направленію съ цѣлью отвоевать свои владѣнія. И тотъ и другой успѣли въ своихъ предпріятіяхъ. Графъ Коммингъ возвратилъ себѣ все, что хотѣлъ; Французъ Жори, который сидѣлъ въ его синьоріи, отъ имени Монфора, былъ взятъ въ плѣнъ и убитъ, а Раймондъ занялъ Кастельнодарри, наполненный альбигойцами, и гналъ передъ собою мелкіе французскіе гарнизоны. Амори поспѣшно собралъ свои силы и осадилъ Кастельнодарри, но въ одной схваткѣ потерялъ брата Гюи и отступилъ ([81]). Къ веснѣ 1219 года Раймондъ владѣлъ большею частію своихъ родовыхъ синьорій и дѣятельно готовился къ весенней борьбѣ. Онъ теперь смѣло могъ сразиться съ Амори; графъ де-Фуа и другіе бароны разрознили и ослабили силы крестоносцевъ.—Но онъ опасался только одного,—вмѣшательства французской короны.

([80]) Cron. prov. 147.
([81]) Guil. de Pod. c. 31.—Praecl. fac. a. 1218.

Его опасенія оправдались. Филиппъ Августъ, всегда державшійся выжидательной политики, понялъ, что часъ торжества его приближается. Крестоносцы обезсилены, тѣнь Монфора, какъ независимаго государя на Югѣ, успѣвшаго собрать подъ свою руку мелкія владѣнія, болѣе не пугала его. Теперь можно было, отстранивъ фанатиковъ креста, самому воспользоваться плодами ихъ трудовъ, ихъ крови. Рѣдкій государь представлялъ собою такой прозаическій контрастъ идеальнымъ стремленіямъ вѣка, какъ Филиппъ II французскій. Онъ въ этомъ смыслѣ опередилъ свое время. Распространеніе владѣній короны какимъ бы то ни было способомъ составляло его завѣтный планъ. Со стороны Рима напрасно было бы ожидать протеста. Гонорій III не отличался ни энергіею, ни особыми дарованіями. Въ свою бытность кардиналомъ, онъ извѣстенъ былъ какъ хорошій финансистъ. Родомъ изъ римской патриціанской фамиліи Сабелли, онъ со времени Целестина III завѣдывалъ хозяйствомъ куріи. Онъ извѣстенъ былъ тѣмъ, что привелъ въ порядокъ папскій бюджетъ и издалъ его въ 1192 году подъ названіемъ «Liber censuum Ecclesiae Romanae»; тогда онъ былъ еще простымъ каноникомъ. Наименованный кардиналомъ Ченчіо, онъ сталъ трудиться надъ церемоніаломъ римскаго двора ([82]). Папой онъ былъ избранъ никакъ ни за особые таланты, а за угодливость конклаву и кроткій характеръ. Онъ не приносилъ съ собой на папскій престолъ никакой новой мысли и довольно было для него, если бы онъ оказался въ силахъ поддерживать старыя преданія престола. Онъ видѣлъ, что Церковь на Югѣ погибаетъ и что она можетъ возродиться только подъ однимъ условіемъ, если сильный король французскій подниметъ свое знамя. Понятно, что послѣдній будетъ дѣйствовать въ личныхъ интересахъ; характеръ этого Августа былъ извѣстенъ; но онъ по крайней мѣрѣ подавитъ ересь и возвратитъ заблудшихъ къ истинной вѣрѣ. Въ ожиданіи вооруженнаго вмѣшательства короля французскаго, Гонорій разсчитывалъ на успѣхъ убѣжденія. Братство проповѣдниковъ, основанное Доминикомъ, удовлетворяло такому назначенію. За полтора года до описываемаго событія, когда альбигойство едва рѣшалось поднимать голову, а счастье Ту-

---

([82]) Raynaldi. Annales eccles. a. 1216; p. 393.

лузы было спорно, онъ такъ писалъ пріору и проповѣдникамъ св. Романа: «Полные огня милосердія (charitatis flamma flagrantes), вы распространите ту небесную благодать, которая возвеселитъ неиспорченныя сердца и оживитъ страждущихъ въ вѣрѣ. Какъ добрые врачи, вы внушайте имъ поученіе, которое предохранитъ отъ гибели и посѣетъ между ними Слово Божіе силою святаго спасительнаго краснорѣчія... Непобѣдимые воины Христовы, вы смѣло несете щитъ вѣры и шлемъ спасенія, не опасаясь тѣхъ, которые умерщвляютъ тѣло, великодушно обращаясь къ врагамъ вѣры съ словомъ Божіимъ, проницающимъ глубже, чѣмъ самый острый мечъ. Но такъ какъ конецъ борьбы вѣнчаетъ дѣло и только постоянство собираетъ плоды всѣхъ добродѣтелей, то мы просимъ и увѣщеваемъ вашу любовь этимъ апостольскимъ посланіемъ во искупленіе вашихъ грѣховъ распространять Евангеліе неусыпно и во всякое время, дабы исполнить достойно долгъ священства. И если при такомъ дѣлѣ вы встрѣтите какія либо неудачи, то не только переносите ихъ равнодушно, но радуйтесь и торжествуйте съ Апостоломъ, такъ какъ удостоитесь тѣмъ выносить безчестіе за имя Іисусово. Ибо эти легкія и короткія огорченія ведутъ къ неизсякаемому источнику славы, съ которымъ несравнимы бѣдствія нашего времени» ([83]).

Возлагая большія надежды на Доминика, Гонорій III тогда же воздалъ ему и его братству особыя почести и собственно для него учредилъ постоянный санъ magister sacri palatii. Права этого сановника были обширны. Онъ сталъ папскимъ авторитетомъ въ богословіи; онъ былъ верховнымъ цензоромъ сочиненій, которыя писались въ Римѣ и всѣхъ богословскихъ трактатовъ; только онъ могъ возводить въ докторскую степень и только по его указанію могли произноситься проповѣди въ присутствіи папы. Эта должность присвоена исключительно братьямъ-проповѣдникамъ. Изъ этаго факта конечно нельзя заключить объ инквизиторскомъ характерѣ ордена. Скорѣе подобное направленіе можно видѣть въ словахъ, сказанныхъ Доминикомъ при разставаньи съ братьями и сестрами монастыря de Prouille. Тутъ при-

([82]) **Raynaldi**; отъ 25 января 1217 г. p. 418. — Въ **Bullarium Romanum** эта булла пропущена.

сутствовали окрестные прелаты, многіе крестоносцы и самъ Монфоръ. Послѣ обѣдни, Доминикъ произнесъ слово на текстъ: Euntes in mundum universum, praedicate Evangelium omni creaturae. Разставаясь съ своими братьями, Доминикъ говорилъ имъ о необходимости неустанной борьбы съ ересью и обращаясь къ толпѣ народа, въ которой, какъ онъ полагалъ, было не мало альбигойцевъ, онъ призывалъ ихъ къ скорому покаянію. Взывая еще разъ къ своимъ питомцамъ по духу, онъ заключилъ: «Я создалъ ваше братство, я питалъ васъ млекомъ поученія, но я возлюблю васъ лишь за труды и опасности, которымъ вы подвергнетесь при служеніи. Никто изъ васъ да не презритъ этотъ орденъ благочестія, и никто да не уклонится отъ торжества борьбы. Не людямъ, а Богу, вы посвящаете ваши души, вы воюете во имя творца всѣхъ; ваша борьба такова, что тотъ выйдетъ изъ нея побѣдоноснѣе, кто больше претерпитъ. Спѣшите, братія мои, прежде всего къ стезѣ безсмертія» ([84]). Дѣйствительно, мирное созданіе Доминика стало облекаться воинственнымъ характеромъ, сообразно ходу политическихъ событій на Югѣ. Въ дни неудачъ для крестоносцевъ, Доминикъ какъ бы на себѣ хотѣлъ вынести дѣло Церкви.

Въ тотъ самый годъ, когда при папскомъ дворѣ былъ учрежденъ особый санъ для Доминика, его же именемъ было осѣнено новое, уже церковное воинствующее братство; этотъ орденъ прямо назвался воинствомъ Іисуса Христа (ordo militiae Jesu Christi) и предназначался на созданіе и упроченіе Сѣверной Церкви и на борьбу съ «ливонцами, варварами, москвитянами и другими невѣрными». Изъ этого видно, какъ въ короткое время забыли въ Римѣ виды и разсчеты Иннокентія III и его пониманіе дѣлъ на Востокѣ Европы. Ордену была присвоена бѣлая одежда съ чернымъ крестомъ ([85]). Но тѣмъ не менѣе существенная дѣятельность Доминика была направлена на словесное убѣжденіе; съ этою цѣлью

([84]) **Percin**. Monumenta conventus Tolosani; p. 20; § 47.

([85]) Объ этомъ орденѣ извѣстно по повторительной буллѣ 1603 г., въ которой основаніе его приписано Доминику; другихъ указаній нѣтъ. См. **Percin**, Monumenta, § 52, p. 22, также **Ferd. de Castello**, pars I, c. 58 и въ особомъ трактатѣ, изд. въ Парижѣ въ 1625 г.

онъ, въ этотъ неудачный для крестоносцевъ годъ, основываетъ съ удивительной быстротой свои монастыри. Съ посохомъ въ рукѣ, принужденный оставить Югъ, гдѣ стали разливаться еретики, онъ задался мыслію учредить свои общества въ столицахъ Запада. Три города тогда властвовали надъ Европой: Римъ, Болонья и Парижъ. Римъ своимъ первосвященникомъ, Болонья своею школою права, Парижъ своими профессорами. Въ этихъ трехъ городахъ были основаны центры ордена. Предъ отправленіемъ въ Италію, Доминикъ располагалъ только 16 проповѣдниками разныхъ національностей; двое остались въ монастырѣ прулліанскомъ, оба Челлани въ Санъ-Романѣ тулузскомъ, семеро, и между ними Матвѣй французскій (Matthieu de France) въ Парижѣ, въ монастырѣ Св. Іакова; четверо были назначены въ Испанію. Съ однимъ только Стефаномъ мецскимъ отправляется Доминикъ въ Римъ и основываетъ тамъ монастырь въ честь св. Сикста. Черезъ 3 года въ Римѣ насчитывалось болѣе 100 братьевъ проповѣдниковъ. Отсюда поклонники Доминика распространились по Германіи и Польшѣ. Извѣстно также, что Болонья, куда прибылъ Доминикъ безъ всякихъ спутниковъ, была долгое время главнымъ центромъ ордена. Ея доминиканскій монастырь сталъ богатѣйшимъ и многочисленнѣйшимъ; тамъ, какъ извѣстно, Доминикъ завѣщалъ похоронить себя.

Узнавъ о смерти Монфора, Доминикъ опять совершилъ путешествіе въ Тулузу, по обыкновенію пѣшкомъ, босой, съ сумкою на плечахъ, подпоясанный веревкою. Обувь онъ надѣвалъ, только входя въ города и селенія. Оба монастыря, прулліанскій и Св. Романа, онъ нашелъ въ совершенной безопасности, благодаря надзору духовенства, а не епископа, какъ полагаютъ біографы Доминика; извѣстно, что Фульконъ былъ въ лагерѣ крестоносцевъ и что ему, какъ изгнаннику, нельзя было показаться въ Тулузѣ. Если такому неукротимому проповѣднику, каковъ былъ Доминикъ, можно было свободно проживать въ Тулузѣ зимой 1218 года, во время торжества патріотической и альбигойской партіи, то можно судить, какъ слабѣла пропаганда ереси и съ нею численность сектантовъ. Но тѣмъ не менѣе Доминикъ весьма не долго прожилъ въ Тулузѣ. Въ концѣ того-же 1218 года, мы встрѣчаемъ его уже въ Испаніи, гдѣ онъ основалъ столь прославившіеся въ послѣдствіи своимъ дикимъ фанатизмомъ монастыри въ Сеговіи и Мадритѣ. Оттуда онъ предпринялъ

странствіе въ Парижъ. Здѣсь не могъ не обрадовать его быстрый ростъ монастыря якобитовъ. Пребываніе въ Парижѣ знаменитаго подвижника, наполнившаго Западъ славою своей жизни, не могло не остаться безъ вліянія на политику французскаго короля. Въ Парижѣ Доминикъ выбралъ нѣсколькихъ учениковъ для проповѣди и тѣмъ положилъ основаніе прочимъ монастырямъ во Франціи. Кто пошелъ въ Реймсъ, кто въ Мецъ, въ Пуатье, въ Орлеанъ. Тулузецъ Петръ Челлани былъ отправленъ въ Лиможъ. Узнавъ о пораженіи Амори Монфора, Доминикъ не рѣшился возвращаться въ Италію чрезъ Тулузу; вѣроятно, альбигойцы стали возмущать и тревожить его. Обратное путешествіе его въ Италію съ немногими спутниками было продолжительно; погода была холодная и сырая; онъ шелъ около полгода, питаясь милостынею и останавливаясь на ночлегъ въ монастыряхъ или чаще подъ открытымъ небомъ. Онъ спалъ, не раздѣваясь. Острые камни и скалы язвили до крови его ноги; рѣки и ручьи странники переходили вбродъ; больной Доминикъ не позволялъ себѣ вкушать мяса и питался всю тяжелую дорогу кореньями и плодами. За всякое подаяніе странники благодарили съ умиленіемъ, становясь на колѣна. Врагъ всякой собственности и роскоши, Доминикъ, придя въ Болонью, съ негодованіемъ узналъ о томъ, что тамошнему монастырю подарены большія земли для фонда. Онъ собственными руками разорвалъ дарственный документъ. Даже въ церквахъ онъ не терпѣлъ богатаго убранства и не допускалъ ни серебряныхъ, ни золотыхъ сосудовъ. Въ то время когда Западная Европа покрывалась сѣтью его монастырей, нельзя было предполагать, что орденъ радикально измѣнитъ свой характеръ и назначеніе, почти тотчасъ послѣ смерти своего знаменитаго основателя. Ересь могла бы быть побѣждена однимъ примѣромъ самоотверженія сподвижниковъ Доминика безъ костровъ и тюремъ инквизиціи. Изъ болонскаго монастыря Доминикъ наблюдалъ съ напряженнымъ участіемъ за ходомъ дѣлъ въ Лангедокѣ, куда влекло его все, что еще только привязывало къ жизни.

Но историческое значеніе альбигойства носило не одинъ только церковный характеръ. Если для Доминика оно представлялось заблужденіемъ, которое слѣдуетъ уничтожить примѣромъ и убѣжденіемъ, то, напримѣръ, для французскаго

короля оно представлялось ничѣмъ инымъ, какъ средствомъ выгодно увеличить въ благопріятный моментъ владѣнія короны...

Филиппъ Августъ, не желая принимать непосредственнаго участія въ походѣ на еретиковъ, не препятствовалъ попытать счастья своему сыну. Но, по обыкновенію, онъ воспользовался сборомъ доли доходовъ съ церковныхъ имуществъ, разрѣшеннымъ папой. Король и его сынъ принцъ Люи уже получили папскія посланія отъ 13 августа 1218 г., въ которыхъ Гонорій III убѣждалъ ихъ поднять крестъ на альбигойцевъ. Онъ обѣщалъ полное отпущеніе грѣховъ принцу и всѣмъ тѣмъ, кто приметъ участіе въ походѣ ([86]). Напрасно Раймондъ VI употреблялъ всѣ усилія, чтобы остановить походъ и уничтожить королевскую инвеституру на имя Монфора ([87]). Съ нимъ даже не вступали въ переговоры, какъ видно изъ папскаго посланія отъ 15 мая 1219 г. До Парижа доходили слухи, что дѣйствительно провансальцы становятся опасными. Вильгельмъ Красивый, принцъ оранскій, другъ Монфора, отправился въ походъ на Авиньонъ, который призналъ власть Раймонда тулузскаго. Ему не посчастливилось; онъ былъ разбитъ и взятъ въ плѣнъ; съ него живаго авиньонцы содрали кожу, а тѣло изрубили въ куски. Сосѣдняя раса видимо питала самыя ненавистныя чувства къ французамъ. Кромѣ того, самъ принцъ хотѣлъ попытать военнаго счастья. Подъ знамена Людовика, съ разрѣшенія короля, собрались графы Бретанскій и Санъ-Поль, архіепископъ д'Ока, 20 французскихъ епископовъ; 33 барона, 60 рыцарей и 10 тысячъ стрѣлковъ; кромѣ того было можетъ быть столько же копейщиковъ и разнаго сброда, шедшаго будто бы съ благочестивою цѣлью. Лѣтописецъ насчитываетъ въ этой арміи 25 тысячъ человѣкъ ([88]), но строевой силы было на половину. Люи направился черезъ Аквитанію.

([86]) Duchesne. Francorum Scriptores; V, 851. Это изданіе весьма рѣдко, такъ какъ экземпляры были сожжены французскимъ правительствомъ. См. у Raynaldi, a. 1218, p. 447.

([87]) Duchesne; V, 852.

([88]) Cans. v. 9242.

Дорогою онъ отнялъ у англичанъ Ла-Рошель. Въ Ажену подъ стѣнами замка Мармондъ, онъ соединился съ Амори. Здѣсь крѣпко засѣли альбигойскіе бароны, поджидая на помощь молодаго Раймонда.

Одинъ Амори съ своимъ ничтожнымъ отрядомъ долго бы пробился съ этой крѣпостью, но огромная королевская армія скоро покончила дѣло. Наружныя укрѣпленія были взяты въ первый день; ночью осажденные вошли въ переговоры и просили сохраненія жизни и имущества. Но принцъ отвергнулъ эти условія, требуя безусловной сдачи и грозя истребленіемъ города. Осажденные принуждены были согласиться. Съ поникшими головами, подъ стражею явились провансальскіе плѣнники передъ богатой ставкой королевскаго сына. Ихъ положеніе было весьма неловкое. Надо замѣтить, что незадолго передъ тѣмъ Амори узналъ, что подъ Басьежемъ, послѣ пораженія французовъ, Раймондъ Юный распорядился повѣсить одного изъ плѣнныхъ, барона Сегюрэ, а другихъ держитъ въ Нарбонскомъ замкѣ ([89]). Объ этомъ событіи папа извѣщалъ всю Европу особыми бреве, взывая къ мести. Такою же висѣлицею могли поплатиться и провансальцы: графъ Сентулъ и его товарищи.

Интересно прослѣдить у современниковъ эту первую сцену столкновенія сѣверянъ и южанъ послѣ побѣды. Плѣнные увидѣли принца во всемъ блескѣ. Онъ сидѣлъ на шелковыхъ подушкахъ и игралъ своей золотой перчаткой. Вокругъ него сидѣли бароны и прелаты. Епископъ Сента прервалъ молчаніе, обращаясь къ принцу. Именемъ Церкви, которой его христіаннѣйшій отецъ считался покровителемъ, онъ просилъ его немедленно повѣсить еретиковъ безъ всякаго суда. «Мармондъ наполненъ еретиками; ихъ также слѣдуетъ истребить огнемъ и мечемъ. Они вдвойнѣ преступники и противъ Церкви и противъ своего государя Амори, — и потому ихъ слѣдуетъ всѣхъ предать позорной смерти». Эта кровожадная рѣчь вызвала рѣзкій протестъ со стороны графа Санъ-Поля: — «Вы говорите слишкомъ не кстати, государь епископъ; если принцъ поступитъ согласно вашему совѣту, то Франція будетъ навсегда обезчещена». Тоже подтвердилъ графъ Бретанскій. Людовику видимо хотѣлось поступить,

---

([89]) Cron. prov. p. 152.—Cans. CCXI.

какъ слѣдуетъ вѣрному крестоносцу и оправдать на первыхъ же порахъ ожиданіе папы.—«Я сюда, господа, посланъ Церковью, потому не могу забывать ее. Этотъ графъ боролся съ Церковью, какъ и самъ Раймондъ Тулузскій; пусть же она поступитъ съ нимъ, какъ и со всѣми отступниками». Но архіепископъ д'Ока, старшій изъ прелатовъ въ свитѣ принца, остановилъ юнаго воина.—«Государь, прервалъ онъ, графъ тулузскій не еретикъ, не преступникъ; напротивъ было время, когда онъ сражался въ рядахъ воиновъ Христа. Также мы не имѣемъ доказательствъ въ отступничествѣ плѣнниковъ. Если отпустить ихъ, то они будутъ вѣрными христіами. Не надо забывать, что въ рукахъ тулузцевъ—Фуко и другіе знаменитые бароны; если вы умертвите плѣнниковъ, то Господь попуститъ великое зло; тогда графъ тулузскій велитъ перевѣшать всѣхъ своихъ плѣнниковъ» [90].

Принцъ согласился со словами архіепископа. Плѣнные были спасены. Но страшная досада овладѣла тогда крестоносцами Амори. Занявъ городъ, они тотчасъ же принялись за жителей. Безъ всякаго разбирательства, они стали вѣшать мужчинъ и женщинъ. Людовикъ и его дворъ пришли въ негодованіе и остановили кровопролитіе. Вскорѣ же принцъ двинулся со всей своей арміей на Тулузу.

Новую и на этотъ разъ еще болѣе серьезную опасность увидала столица предъ своими воротами; французское ополченіе обложило Тулузу длинной пеленой, занявъ всѣ предмѣстья и обогнувъ городъ полуциркулемъ, концы котораго опирались на Гаронну. Тутъ были французы изъ Фландріи, Нормандіи, Анжу, Шампани—съ тампліерами, монахами и священниками. Въ Тулузѣ конечно давно знали о цѣли похода Людовика и приготовились. Съ разныхъ концовъ Лангедока шли на помощь столицѣ; провансальцы понимали, что идетъ дѣло о подавленіи ихъ національности, о политическомъ подчиненіи Франціи. Нѣсколько тысячъ добрыхъ рыцарей стояли подъ знаменами графа тулузскаго. Многочисленная пѣ-

[90] О походѣ Людовика 1219 г. и объ осадѣ Мармонда въ лѣтописяхъ: Guil. Armoricus. De gestis Phil. Aug. a. 1219,— Albericus. Trium Fontium. chron. a. 1219.— Guil. de Pod. c. 32. — См. также Cans. CCXII и Cron. prov. p. 152—153.

хота отъ коммунъ и бароновъ наполняла городъ. Раймондъ могъ не бояться войска Франціи. Ему предлагали объясниться съ Людовикомъ еще на походѣ, спросить, что за цѣль этого нашествія, почему король французскій, родственный съ тулузскимъ государемъ, вмѣсто того, чтобы защищать стараго графа, друга королевскаго, идетъ на него войной. Если онъ хочетъ взять вассальную присягу, какъ сюзеренъ Лангедока, то пусть придетъ въ Тулузу съ небольшой свитой, и тогда графъ не откажется получить отъ него свои владѣнія. Такой голосъ раздался на народномъ собраніи тулузскомъ. Но гордость Раймонда Юнаго не могла мириться даже съ изъявленіемъ подчиненія. Онъ не хотѣлъ стать вассаломъ Франціи, пока былъ въ силахъ.—«Городъ нашъ надеженъ и крѣпокъ; храбрые люди насъ охраняютъ; чего намъ бояться, говорилъ онъ. Я не стану просить у короля милости; онъ первый началъ. Я не могу признать его сюзереномъ, когда онъ идетъ на меня съ разбойниками. Посмотримъ, что станутъ они дѣлать. А мы вмѣсто того, чтобы тратить время въ переговорахъ,—позаботимся лучше объ укрѣпленіяхъ, чтобы искуснѣе отразить этихъ пилигримовъ (bordoners), въ случаѣ, если они нападутъ на насъ.»

Эти слова пришли по сердцу всякому тулузцу. Къ молодому Раймонду явилась депутація отъ капитула. — «Все, что надо будетъ для бароновъ, мы дадимъ имъ добровольно, обѣщали они; для наемниковъ мы приготовимъ спокойныя помѣщенія и хорошую пищу.»—Глашатаи стали сзывать со всего города воиновъ къ готовымъ столамъ, обильно уставленнымъ явствами и виномъ. — «Если королю захотѣлось драться, то мы не прочь, говорили защитники Тулузы, мы можемъ защищаться хоть 5 лѣтъ.» Мощи одного святаго были выставлены для ободренія католиковъ; альбигойцевъ же возбуждать было не надо; шелъ вопросъ объ ихъ существованіи. Опять женщины знатныя и простыя пошли работать на укрѣпленія и рыть землю. Дѣти не отставали отъ матерей. Городъ былъ вполнѣ готовъ къ встрѣчѣ врага, когда онъ приблизится къ стѣнамъ; рыцари, граждане, всѣ, начиная съ самого графа, были за дѣломъ; всѣ раздѣляли опасности битвъ; каждаго и день и ночь заставали за оружіемъ. Тулуза вступила въ борьбу «съ гордыней Франціи (contra l'orgolh de Fransa).»

Между многочисленными провансальскими баронами были раздѣлены пункты защиты по протяженію крѣпостной ограды. Особенное вниманіе было обращено на бойницы и ворота. Нарбонскій замокъ теперь входилъ въ оборонительную систему. Въ длинномъ спискѣ военачальниковъ, читаемъ большинство именъ, которыя неоднократно встрѣчались въ исторіи альбигойства, какъ владѣтели Монтегю, Карамана, Минервы, Пеннъ, Журдаина, Ламотъ, Вилльмуръ и мн. др. (91). Предосторожность была принята и на рѣкѣ, чтобы непріятель не спустилъ на нее какихъ либо судовъ. Когда всѣ отдѣльные начальники получили назначеніе, то они дали клятву, каждый по обычаю, что не оставятъ своихъ постовъ пока живы, что даже раненые будутъ оставаться на мѣстахъ до смѣны. Въ свою очередь городское ополченіе тулузской коммуны составило резервные отряды, которые должны были спѣшить на помощь по первому востребованію. При такой организаціи обороны и при горячемъ патріотизмѣ жителей, готовыхъ на самопожертвованіе, трудно было принцу Люи разсчитывать на успѣхъ. — Ничтожны стали теперь угрозы кардинала-легата предать городъ истребленію, если онъ будетъ упорствовать. Это только могло придать большую энергію жителямъ. Онъ грозилъ не пощадить никого, ни стараго, ни малаго, ни мужей, ни дѣвъ, ни женщинъ, обѣщая всѣхъ казнить на кострѣ, какъ еретиковъ. «Но неповинная кровь не можетъ быть пролита, ибо св. Сатурнинъ предохраняетъ свой народъ отъ гибели, а Богъ, правота, сила, святые заступники и молодой графъ спасутъ Тулузу.»

Этими пророческими словами обрывается, къ крайнему сожалѣнію историка, великолѣпная эпопея о подвигахъ Тулузы. Никакой источникъ не можетъ замѣнить поэтическаго разсказа очевидца, этихъ прочувствованныхъ строкъ, полныхъ жизни и правды. Лѣтописи той и другой стороны вкратцѣ сообщаютъ о неудачѣ Людовика. Онъ обложилъ городъ 9 іюня, но французы, встрѣченные губительными выстрѣлами изъ разныхъ метательныхъ снарядовъ, не рѣшились даже показываться въ открытомъ полѣ. Понятно, что недостатокъ при-

(91) Въ Cansos, CCXIV. — Католическія замашки автора исчезли въ прозаической передѣлкѣ. Въ послѣдней о реликвіяхъ уже не упоминается.

пасовъ въ опустошенной странѣ, подсказывалъ о необходимости отступленія. Еще съ мѣсяцъ пытался удержаться Люи, но когда, слѣдуя обычаю, войско стало расходиться, то 1 августа и онъ снялъ свой лагерь. Онъ считалъ свою крестовую службу на этотъ разъ поконченной. Онъ возвратился во Францію, не сдѣлавъ ничего, но имѣя основаніе ссылаться на то, что встрѣтилъ неожиданное и геройское сопротивленіе (92).

Тогда Раймондъ тулузскій довершилъ окончательное возвращеніе всѣхъ своихъ владѣній. Его отряды разсыпались по графству и доходили до Роны. Онъ разгонялъ и истреблялъ шайки разбойниковъ, грабившихъ несчастную страну. Два года не было слуха о французахъ. Амори ушелъ слѣдомъ за королевской арміей, оставивъ гарнизоны по замкамъ.

Раймондъ бралъ одинъ замокъ за другимъ. Восторженныя оваціи дѣлались въ честь него въ Нимѣ и Безьерѣ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ встрѣчалъ энергическое сопротивленіе, но вездѣ имѣлъ успѣхъ. Онъ видимо не расположенъ былъ щадить крестоносцевъ. Гарнизонъ Лавора былъ умерщвленъ; начальникъ Монреаля Алэнъ де-Руси палъ отъ руки графа де-Фуа во время штурма. Только воинственныхъ дамъ щадилъ Раймондъ изъ чувства рыцарской любезности. Вдова разбойника Фуко, Эрменгарда, сидѣвшая въ Пюи-Лоранѣ, получила свободный пропускъ съ дѣтьми и гарнизономъ; вѣжливый графъ снабдилъ ее даже конвоемъ до французскихъ предѣловъ (93). Это снисхожденіе заслуживаетъ тѣмъ большаго вниманія, что мужъ ея возбудилъ противъ себя справедливое чувство ужаса и отвращенія. Между всѣми разбойниками онъ отличался особенной свирѣпостью. Голодомъ и жаждою онъ морилъ плѣнниковъ, которые медлили выкупомъ, въ своихъ подземныхъ тюрьмахъ; мертвыхъ выкидывали на съѣденіе звѣрямъ. Люди его шайки публично насиловали женщинъ. Однажды, недовольный незначительнымъ выкупомъ, онъ велѣлъ отцу собственными руками повѣсить сына (94). Разъ великодушно отпущенный на свободу Рай-

(92) Guil. de Pod. c. 32. — Cron. prov. finis. — Praecl. fac. a. 1219.

(93) Praecl. Franc. fac. a. 1220—21. — Guil. de Pod. Laur c. 33.

(94) Guil. de Pod. c. 33.

мондомъ, онъ былъ разбитъ и взятъ вторично. Ему на этотъ разъ отрубили голову, возили его трупъ по улицамъ Тулузы и куски тѣла выставили на воротахъ. Надо замѣтить, что Фуко принадлежалъ къ числу рьяныхъ крестоносцевъ и сподвижниковъ Монфора.

Лѣтомъ 1221 года, Лангедокъ почти вездѣ былъ очищенъ отъ подобныхъ разбойниковъ и мародеровъ-крестоносцевъ, а дѣла приняли, такой видъ, какой имѣли въ 1206 году до убійства легата Петра де-Кастельно. Но развалины въ городахъ и селахъ, воинственный видъ жителей, запустѣніе, деморализація, какая-то бездѣятельность всѣхъ сословій, особенно духовенства, свидѣтельствовали, что страна не можетъ успокоиться и только что пережила ужасы непріятельскаго нашествія. Альбигойцы не составляли уже столь могущественнаго элемента; и понятно, ихъ число сильно уменьшилось вслѣдствіе поголовнаго истребленія населенія въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, кострами и висѣлицами.

Но Римъ не могъ оставить дѣло въ такомъ видѣ. Неутомимая курія хочетъ достигнуть цѣли, разъ поставленной Иннокентіемъ III. Ее одушевляла какая-то вѣра въ несомнѣнный успѣхъ крестоваго дѣла. Римская канцелярія не уставала писать. Она писала королю французскому, его сыну Амори, французскимъ и нѣмецкимъ епископамъ, наконецъ Раймонду и общинамъ Лангедока.

Новый легатъ, кардиналъ Конрадъ, епископъ де-Порто, бывшій аббатомъ Сито, былъ посланъ смѣнить Бертрана, которому не везло счастье. Его заботамъ «были ввѣрены жители странъ провансальскихъ». Папа наивно убѣждалъ провансальцевъ помогать легату въ дѣлахъ вѣры. Легату было между прочимъ дано спеціальное назначеніе оказывать содѣйствіе графу Оранскому чрезъ посредство архіепископа руанскаго въ его борьбѣ съ городомъ Авиньономъ, который призналъ власть Раймонда тулузскаго. Онъ получилъ власть смѣнять по своему желанію всѣхъ епископовъ провансальскихъ, которые окажутся неблагонадежными, такъ какъ они держатъ сторону Раймондовъ. Онъ имѣлъ порученіе взять со всѣхъ духовныхъ и мірянъ безразлично лепту на дѣло

церкви ([95]). Гонорій III извѣщаетъ кромѣ того консуловъ и гражданъ тулузскихъ, нимскихъ и авиньонскихъ, что если они, по истеченіи извѣстнаго срока, не изъявятъ передъ легатомъ покорность Церкви и не получатъ права избавиться отъ тяготѣющаго надъ ними отлученія, то ихъ епископства будутъ уничтожены, а имущества жителей, по взятіи городовъ, будутъ навсегда конфискованы, въ силу постановленій соборныхъ ([96]). Но папа не ограничился этимъ; онъ тогда же разослалъ окружные циркуляры по епархіямъ французскимъ, приказывая поднимать походъ противъ еретиковъ ([97]). Наконецъ онъ пытается усовѣстить возмутившихся графовъ, вернуть заблудшихъ къ единой Церкви. Онъ приказываетъ Раймонду оказать безпрекословное повиновеніе распоряженіямъ легата Конрада,—«иначе, да будетъ тебѣ извѣстно, что мы лишимъ тебя твоихъ заронскихъ владѣній, которыя остались за тобой. Не радуйся твоимъ счастливымъ успѣхамъ; не кичись, что можешь бороться съ Господомъ, ибо ты владѣешь землей, будучи лишенъ наслѣдства, а никогда отлученный не можетъ долго владѣть землей. И тебя тѣмъ легче свергнуть съ твоего престола, что ты не по праву (sine justo titulo nascitur) владѣешь имъ.» Папа намекалъ на его рожденіе отъ отлученнаго отца, проклятаго Церковью съ потомствомъ. Такую же угрозу лишить всѣхъ владѣній Гонорій послалъ графу де-Фуа ([98]).

Какой смыслъ могли имѣть всѣ эти препирательства, отлученія, угрозы и. т. п. мѣры, когда они становились обычаемъ и прихотью римскаго двора; когда они сдѣлались просто дисциплинарными, а не дѣйствительными мѣрами, размѣръ которыхъ зависѣлъ отъ прихоти сановниковъ куріи. Что касается до разсчетовъ короля французскаго, то онъ прямо смотрѣлъ на крестовые замыслы папы, какъ на выгодную финансовую операцію. Папа назначилъ новый сборъ полу-

---

([95]) Raynaldi. Annales, a. 1221; p. 496.—Preuves de l'hist. de Languedoc, apud Vaissete; V, 608.

([96]) Preuves de l'hist. de Lang. V, 609; a. 1220.

([97]) Ad excindendas enascentes haereses auctoritate instruxit. Rayn. 496.

([98]) Оба эти посланія въ докум. Вессэ; V, 609; a, 1221.

десятины. Филиппъ обѣщалъ Риму идти на Югъ, но, получивъ желаемое, онъ спокойно обратилъ свои силы на англійскаго короля, французскія владѣнія котораго всегда привлекали его взоры.

Конечно, Филиппъ понималъ, что не онъ, такъ его наслѣдники овладѣютъ Югомъ рано или поздно, такъ какъ вопросъ о собираніи земель французской національности вокругъ Парижа прочно былъ поставленъ имъ. Свободный Лангедокъ, имѣвшій особую національность съ особыми правами, обычаями, культурой, не могъ, по незначительности своей территоріи и по своимъ многообразнымъ политическимъ формамъ, продолжать самостоятельное историческое существованіе, безъ ассимиляціи другихъ племенъ. Сильный сосѣдъ давилъ его съ Сѣвера. Потому, что этотъ сосѣдъ былъ сильнѣе всѣхъ провансальцевъ и потому, что послѣдніе были раздѣлены,—нація, такъ хорошо разцвѣтшая, должна была погибнуть. Ей не присущъ былъ тотъ духъ завоеванія, который на нѣкоторое время даетъ могущество молодымъ государствамъ и способствуетъ ихъ созиданію. Слабые должны погибать въ борьбѣ за преобладаніе, особенно въ вѣкъ господства грубой силы. Лангедокъ, по самому географическому положенію, не отдѣленный ни высокими горными хребтами, ни широкими рѣками отъ остальной Галліи, былъ нуженъ для округленія французскаго государства.

Теперь, казалось, его часъ наступилъ. Всѣ крестовые походы, возженные Церковью, были для французской политики рекогносцировками мѣстности, на которой, по первымъ слѣдамъ, проложитъ себѣ путь орифламма Франціи. Крупныхъ прелатовъ французскихъ призывали къ такой роли побужденія изъ Рима, обязанности передъ папскимъ престоломъ. Они всегда были застрѣльщиками королевскими. Въ іюлѣ 1222 года двинулись съ Амори на Югъ архіепископъ буржскій, епископы клермонскій и лиможскій. Они шли прямо на Альбижуа и по совѣту Амори осадили Клермонъ на Гароннѣ. Раймондъ тулузскій дѣйствовалъ въ Аженуа; ему почти не приходилось этотъ годъ снимать походной одежды. Онъ взялъ Аженъ и торжественно вступилъ въ него. Жители просили у него муниципальную хартію; онъ безпрекословно исполнилъ ихъ волю. Подобная хартія университету, т. е. общинѣ, въ то время могла быть написана рукою только провансальскаго государя. Въ ней есть многое, что

разъясняетъ ту горячую преданность тулузской династіи, ту готовность умереть за своихъ графовъ, которую обнаруживали въ эти времена города Юга.—«Пусть знаетъ всякій, что мы, Раймондъ, сынъ государя Раймонда,—божіею милостію герцога Нарбонны, графа Тулузы, маркиза Прованса и королевы Іоанны,—обѣщали общинѣ (à la universitad) Аженской, всѣмъ жителямъ вмѣстѣ и каждому порознь, быть справедливымъ синьоромъ, что никакая обида городу не будетъ сдѣлана ни нами, ни людьми нашими, ни совѣтомъ нашимъ, и если кто другой это сдѣлаетъ, то мы будемъ защищать общину всѣмъ тѣломъ и имуществомъ нашимъ со всѣми друзьями нашими. Пусть жители Ажена и его пригородовъ считаются нашими вѣрными друзьями. Мы обѣщаемъ имъ, что если какой либо врагъ, Монфоръ, или кто другой, станетъ осаждать ихъ, то мы войдемъ въ городъ и будемъ защищать его и всѣхъ жителей города, не щадя своей жизни, имущества, друзей и издержекъ. И кромѣ того, мы извѣщаемъ ихъ, что если городу потребовался бы гарнизонъ, то мы обязуемся дать ему на нашъ счетъ 20 вооруженныхъ всадниковъ, 30 конныхъ воиновъ (⁹⁹) и 10 конныхъ стрѣльцовъ, а если обстоятельства потребуютъ большихъ силъ, то мы съ своей стороны сдѣлаемъ, что можемъ, введемъ еще

---

(99) «Servens armats à caval,» sergens, servientes, по мнѣнію Брандта, означало всѣхъ тѣхъ воиновъ, которые не были рыцарями. Такъ приходскіе отряды въ спискахъ называются часто sergens de pied; были и конные. Это выраженіе встрѣчается со временъ Филиппа-Августа, создавшаго рядъ постановленій объ арміи, ея вооруженіи и участіи городовъ. Отъ «sergens» должно отличать «servientes armorum» (sergens à maces), которые составляли королевскую стражу, шли впереди короля, вооруженные сѣкирами, луками и стрѣлами, въ латахъ, и пользовались значительными преимуществами. Servientes дворянскаго происхожденія, не посвященные въ рыцари, назывались clientes. Кромѣ того при Филиппѣ-Августѣ появляются во французскомъ войскѣ, satellites, родъ охотниковъ, ribaldi, pequiquini, легкіе отряды, наконецъ содержимые на жалованьѣ—soldats или soudoyers, собранные въ началѣ изъ бродягъ (routiers, ruptarii). Французскія постановленія перешли и въ Лангедокъ. См. Брандта. Исторія военнаго искусства въ средніе вѣка, въ Военной Библіотекѣ, 1838; II, 66.

больше воиновъ и будемъ содержать ихъ на свой счетъ, выговаривая въ свою пользу только налогъ на соль. Мы желаемъ также, чтобы никто изъ жителей Ажена не былъ обложенъ податями на пространствѣ нашихъ владѣній, какое бы ни было ремесло его и родъ занятій» ([100]).—Эта хартія, помѣченная 22 августа 1221 года (VII dias all'issid del mes d'Aoust en Dimercles), была скрѣплена печатью графа и тулузскаго капитула, который этимъ какъ бы хотѣлъ гарантировать ея силу и прочность.

Надо замѣтить, что Амори очень разсчитывалъ на покорность Ажена. Незадолго, онъ самъ далъ хартію жителямъ, вынудивъ подданство себѣ и наслѣдникамъ и получивъ обѣщаніе не впускать въ ворота никого изъ своихъ враговъ и вообще изъ провансальцевъ,—«людей этого языка» ([101]). Потому, внезапная капитуляція сильнаго города смутила его.

Онъ окончательно растерялся, когда Раймондъ двинулся на него со всѣми силами, такъ какъ прелаты, бывшіе въ его лагерѣ, видимо потеряли всякую энергію, встрѣчая общую ненависть жителей къ пришельцамъ. Они думали, что походъ обойдется имъ дешево, что они займутся только ловлей еретиковъ, что города, напротивъ, радостно откроютъ имъ ворота. Одинъ за другимъ они стали оставлять Амори, не желая подвергать свое войско случайностямъ серьезной битвы. Самъ по себѣ Амори былъ слабъ; Раймондъ наносилъ ему ударъ за ударомъ, гналъ его съ сѣвера изъ мѣста въ мѣсто и наконецъ заперъ въ Каркассонѣ.

Больше 50 городовъ и замковъ одинъ за другимъ сдались безпрекословно Раймонду; ихъ отряды увеличили собою войско освободителя. Раймондъ VI, уже какъ независимый государь, отдаетъ теперь отъ своего имени повелѣнія и законы, установляетъ пошлины и налоги. Для того, чтобы хотя чѣмъ нибудь залѣчить язвы страны, раззоренной французами, онъ строитъ новые города у подошвы замковъ, содѣйствуетъ исправленію и заселенію старыхъ ([102]).

([100]) Preuves de l'hist. de Lang; V, 611.
([101]) Vaissete; l. XXIII, c. 56.
([102]) Compayré. Etudes histor. et docum. sur l'Albigeois; Albi, 1842; p. 371, 390 etc.

Освобожденіе страны приносило съ собой вѣротерпимость. Альбигойцы смѣло открывали свои соборы; въ архивахъ инквизиціи подъ 1222 г. записано объ одномъ изъ нихъ. Онъ происходилъ въ Разесѣ, въ городѣ Пьессанѣ; на него собралось около сотни альбигойскаго духовенства; тулузскій епископъ Гильабертъ предсѣдательствовалъ.—Разесцы просили себѣ особаго епископа; ихъ желаніе было исполнено. Простымъ возложеніемъ рукъ былъ посвященъ въ эту должность Бенедиктъ изъ Тереса; онъ самъ избралъ себѣ по обычаю двухъ «сыновъ» старшаго и младшаго. Публичному совершенію альбигойскаго и вальденскаго богослуженія теперь никто не препятствовалъ. Мѣстное католическое духовенство настолько привыкло къ вѣротерпимости, что не высказывало даже протеста.

Въ виду этого Римъ конечно напрягалъ всевозможныя усилія къ достиженію цѣли. Оба Раймонда подверглись новому проклятію. Въ началѣ 1222 г. была получена такая папская булла:

«Нашъ возлюбленный сынъ, кардиналъ Бернаръ, легатъ Апостольской Церкви, принимая во вниманіе, что Раймондъ, сынъ Раймонда, бывшаго графа тулузскаго, не только подражаетъ злодѣяніямъ своего отца, но даже превзошелъ его въ нихъ,—лишилъ его Раймонда права на владѣніе всѣми доменами, которыя принадлежали его отцу и которыми въ бытность вышеназваннаго кардинала онъ владѣлъ. Мы же нашею апостольскою властью вполнѣ подтверждаемъ его рѣшеніе, какъ справедливое, произнесенное въ томъ видѣ, какъ оно изложено въ его повѣщаніяхъ» ([103]).

Если это въ сущности не особенно пугало Раймонда, то иначе отразилось на немъ новое предложеніе папы, сдѣланное Филиппу Августу въ февралѣ 1222 г.—возродить дѣло Церкви, погибшей въ странѣ альбигойской ([104]).—Вѣротерпимость Раймонда дѣлала его предметомъ ужаса и отвращенія для Рима. Тамъ порѣшили, какъ видно изъ Райнальди, что католическая Церковь въ Лангедокѣ не господствующая, а гонимая, что правовѣрныхъ всячески преслѣдуютъ, мучаютъ, что оскорбляютъ поношеніями св. иконы, пачкаютъ, осквер-

([103]) Raynaldi; p. 497, a. 1221.
([104]) Duchesne. Francorum historiae scriptores; V, 457.

няютъ, топчутъ ногами. Страшныя сцены языческихъ гоненій и мученичества представлялись напуганной куріи, въ которой находили мѣсто самые нелѣпые слухи. Изъ Раймонда дѣлали вождя иконоборцевъ, слугу сатаны. И все это, благодаря одному невмѣшательству графа въ дѣла церковныя, которое онъ унаслѣдовалъ отъ своихъ гуманныхъ предковъ.

Въ такомъ переполохѣ, Гонорій III представилъ Амори, что теперь не время думать объ его утвержденіи въ наслѣдствѣ отца, что онъ, прогнанный и побѣжденный Раймондомъ, не можетъ ничѣмъ помочь ни себѣ ни Церкви, что крестоносцы напуганы неудачами и что только одинъ могучій король французскій можетъ спасти св. вѣру въ Лангедокѣ. Фанатическое рыцарство, какъ всегда, готово было посвятить свои силы на служеніе Церкви, готово было жертвовать своими личными интересами болѣе великому дѣлу. Король, сюзеренъ, вѣрный своему слову, иначе не пойдетъ на завоеваніе Лангедока, какъ послѣ пріобрѣтенія права на эту страну отъ Монфора. Амори предстояло отказаться отъ отцовскаго наслѣдія въ пользу французской короны. Счастіе повернулось лицемъ къ врагу, и онъ, повинуясь обстоятельствамъ, оставленный всѣми въ эту минуту и даже Римомъ, которому такъ ревностно служилъ его отецъ, отдалъ свой мечъ и владѣнія въ распоряженіе короля Франціи и сошелъ съ исторической сцены, на которой былъ такъ несчастливъ. Его утѣшало одно,—это было чувство мести. Онъ былъ увѣренъ, что его ненавистный соперникъ не дольше его будетъ торжествовать въ Лангедокѣ, что оружіе французовъ жестоко отмститъ ему и онъ ждалъ скораго пораженія противника.

---

14 мая 1222 г. Гонорій III посылалъ Филиппу Августу грамоту, существенно важную для исторіи Франціи. Папство въ средніе вѣка присвоило себѣ право раздачи народовъ, скипетровъ, ссылаясь на волю Господа. И на этотъ разъ, руководимый ложнымъ опасеніемъ гибели вѣры, первосвященникъ санктировалъ за французской короной полное и нераздѣльное обладаніе прелестной страной, которая своими идеями, поэтическимъ духомъ, роскошной почвой, богатствомъ и промышленностью жителей, стала ея драгоцѣннымъ украшеніемъ. Феодальныя обязательства, чувство государственной чести, были забыты; королю показали славную добычу и пригласили овладѣть ею по новому праву, по праву сильнаго.

«Ты знаешь, возлюбленный сынъ нашъ, писалъ папа, какъ сильно потрясена по грѣхамъ нашимъ въ настоящее время Церковь Христова (graviter sit concussa), особенно въ странѣ альбигойской, на границахъ твоего королевства. Еретики побораютъ ее, публично учатъ въ школахъ невѣрія и рядомъ съ нашими епископами ставятъ своихъ. Кто не знаетъ тѣхъ усилій, которыя употребляла Римская Церковь для уничтоженія этой язвы въ государствѣ твоемъ, и ея мѣропріятій не только духовныхъ, но и гражданскихъ. Тебѣ извѣстно, возлюбленный сынъ, что свѣтская власть имѣетъ право употреблять мечъ вещественный, когда духовный не въ силахъ остановить нечестіе, что государи должны изгонять дурныхъ людей изъ своихъ владѣній и что Церковь, въ случаѣ ихъ нерадѣнія, имѣетъ право отнимать ихъ достоянія. Если мы обращаемся къ другимъ владѣтелямъ съ просьбой очистить ихъ земли отъ еретиковъ, и эта язва между тѣмъ вновь преуспѣваетъ въ твоемъ государствѣ, такъ что враги вѣры видимо гордятся силою и торжествуютъ надъ вѣрными, то тѣмъ болѣе подобаетъ твоей свѣтлости, если ты неравнодушенъ къ твоей чести и къ спасенію души твоей, сражаться всѣми силами и со всею скоростію противъ еретиковъ твоего государства и ихъ соумышленниковъ, дабы отъ медлительности не погибла вѣра вмѣстѣ съ остальною страною, которая пока во власти католиковъ, чтобы заблужденіе не проникло въ сосѣднія страны, чего слѣдуетъ особенно опасаться. Безъ сомнѣнія, твоему благоразумію не безъизвѣстно, какая опасность предстоитъ Церкви Господней и твоему государству.»

«Потому, дабы впредь не было повода приписывать паденіе вѣры ни твоимъ ошибкамъ, ни намъ, которые обязаны взывать къ тебѣ объ изверженіи еретиковъ, въ недостаткѣ чего насъ уже неоднократно упрекали, мы просимъ твою свѣтлость и увѣщеваемъ именемъ Господа, со всѣмъ благорасположеніемъ нашимъ,—поставляя тебѣ то во исцѣленіе грѣховъ,—съ общаго обсужденія и согласія нашихъ братьевъ, *присоединить къ твоимъ владѣніямъ всѣ земли, относительно которыхъ графъ Монфоръ состоялъ твоимъ вассаломъ*, ибо графъ этотъ не въ силахъ болѣе ихъ защищать.

Онъ обѣщалъ ихъ тебѣ еще чрезъ епископовъ нимскаго и безьерскаго, а также въ своихъ недавнихъ письмахъ ко мнѣ, изъ которыхъ я усмотрѣлъ, что ты получаешь ихъ въ твое потомственное вѣчное владѣніе, и можешь владѣть ими ненарушимо. И такъ трудись неустанно и дружно вмѣстѣ съ нами, какъ и подобаетъ королевскому великолѣпію, для ускоренія этого дѣла, дабы кто другой не отнялъ эту землю отъ тебя или отъ дѣтей твоихъ». Приводя постановленіе латеранскаго собора, по которому Раймондъ былъ лишенъ своихъ владѣній, законно переданныхъ Симону Монфору, папа успокоиваетъ совѣсть короля.—«Будь увѣренъ, что мы уже давно отлучили Раймонда, бывшаго графа тулузскаго, его сына и друзей ихъ, что мы увѣщевали ихъ съ кротостію, но они не хотѣли обратиться и упорствовали въ своемъ коварствѣ. Мы обѣщаемъ всякое содѣйствіе и помощь съ нашей стороны на все время, пока ты доброхотно будешь служить этому дѣлу, которое есть дѣло Христово, какъ относительно полудесятины, сбираемой для этой цѣли, индульгенцій, предназначаемыхъ тѣмъ, кто ополчится на альбигойцевъ, такъ и относительно покровительства и защиты земли твоей, если бы кто либо захотѣлъ напасть на тебя въ твое отсутствіе» (105).

Но Филиппъ Августъ, всегда сдержанный, не обнаружилъ своей радости. Онъ будто давно ожидалъ такого предложенія. Онъ смотрѣлъ на завоеваніе Юга, какъ на дѣло весьма серьезное. Больше осторожный, чѣмъ когда нибудь, онъ видимо это тяжелое альбигойское дѣло хотѣлъ предоставить времени и своимъ преемникамъ. Занятый англійскими дѣлами, онъ придерживался своей постоянной политики, не мѣшалъ никому изъ своихъ сильныхъ вассаловъ вступить въ борьбу съ графомъ Тулузы. Онъ понималъ, что это—великолѣпное средство къ ослабленію и Лангедока и феодализма въ одно и то же время. Онъ не прочь былъ, чтобы долины и горы Прованса сдѣлались могилой для буйныхъ и

(105) Raynaldi; p. 509—510; a. 1222.—Hoc interim spatio, замѣчаетъ Райнальди, haeretici Albigenses motus in Galliis excire, omnia perturbare, orthodoxos insequi, et vexare, catholicam religionem afficere contumeliis, proterere, sacra denique inquinare, conculcare ac polluere,

непокорныхъ владѣтелей, недавно еще считавшихъ своего короля ничѣмъ инымъ, какъ первымъ между баронами. Когда Тибо, графъ Шампани, побуждаемый легатомъ, вызвался попытать счастье въ Лангедокѣ, король отвѣчалъ, что онъ не препятствуетъ, если это ничѣмъ не повредитъ прочимъ обязательствамъ графа предъ короной (in omnibus feodis et servitiis nostris sine quaestione et quando ea habere volumus). «Мы, пишетъ онъ, пока не хотимъ себя связывать никакими обѣщаніями въ этомъ дѣлѣ, потому что у насъ на рукахъ война съ королемъ Англіи, а перемиріе, съ нимъ заключенное, продлится не болѣе какъ на годъ до будущей Пасхи. Не слѣдъ намъ заниматься какими либо предпріятіями (nec decet nos ut aliquas imprisias faciamus), которыя могли-бы отвратить насъ отъ защиты самихъ себя и нашего государства, ради чего мы должны оставить всѣ прочія дѣла» (106).

Съ своей стороны и Раймондъ Юный думалъ подѣйствовать на великодушіе Филиппа Августа. При одинаковыхъ обстоятельствахъ онъ хотѣлъ повторить маневръ своего отца. Онъ простодушно разсчитывалъ тронуть короля и склонить его въ свою пользу: «Я прибѣгаю къ вамъ, государь, какъ къ моему единственному покровителю, какъ къ старшему и господину (apud dominum meum et maiorem) и если смѣю такъ высказаться, къ моему единокровному. Я униженно васъ прошу и умоляю сжалиться надо мною, и помочь мнѣ, предъ очами Божіими, возвратиться къ единству Св. Церкви, дабы тѣмъ, освободясь отъ позора быть лишеннымъ своего наслѣдія, я бы могъ получить мое достояніе отъ васъ.»

«Государь, я призываю Бога и Святыхъ во свидѣтели, что употреблю всѣ старанія исполнять вашу волю и волю вашихъ довѣренныхъ (vestri et vestrorum). Я бы весьма охотно поспѣшилъ предстать предъ Вами, но при всемъ моемъ горячемъ желаніи, я не могу этого сдѣлать именно въ настоящее время. Я бы просилъ Ваше Величество благосклонно вѣрить тому, что скажутъ Вамъ отъ меня податели этого письма, Гвидонъ Кавальоне и Иснардъ Альдигарій» (107).

(106) Preuves de l'hist. de Lang. V, 615.
(107) Изъ Монпелье, 16 іюля 1222 г. ibid. V, 614.

Въ этихъ строкахъ слышалась неподдѣльная мольба вассала, который не хотѣлъ бы навлекать на дорогой для него народъ бѣдствій непріятельскаго нашествія. Онъ писалъ это письмо на глазахъ хилѣвшаго отца.—Раймондъ VI въ послѣднее время не принималъ никакого участія въ политическихъ дѣлахъ. Онъ былъ старъ и дряхлъ; ему шелъ 67 годъ. Столько бурныхъ годовъ пережившій въ своей жизни, сперва счастливый, потомъ публично опозоренный и униженный, влачившій дни въ изгнаніи среди чужихъ, насильственно принужденный стоять въ рядахъ враговъ своего народа и бороться съ тѣми, которыхъ такъ любилъ,—онъ наконецъ испыталъ рѣдкое счастіе—видѣть хотя кратковременное торжество своего праваго дѣла и на послѣдокъ дней своихъ вкусить высокую для изгнанника отраду—возможность умереть на родной землѣ, въ своей наслѣдственной столицѣ, среди дорогихъ для него друзей. Ненавидѣвшая его Церковь хотѣла сдѣлать изъ него еретика, но этотъ еретикъ набожно пишетъ завѣщаніе, гдѣ отдаетъ доходы съ своихъ тулузскихъ имѣній госпиталитамъ и тампліерамъ для раздачи между бѣдными подъ наблюденіемъ его душеприкащика и кузена графа Комменгъ и молодаго графа де-Фуа. Всѣ свои владѣнія и имущество онъ завѣщалъ сыну Раймонду, на попеченіе котораго оставлялъ втораго сына Бертрана ([108]). Въ другомъ документѣ онъ изъявилъ желаніе принять посвященіе въ духовный орденъ госпиталитовъ.

Чувствуя приближеніе смерти, Раймондъ VI просилъ тулузскаго коммандора этого ордена Кабанеса не отказать ему въ послѣднемъ мѣстѣ успокоенія среди братьевъ столько послужившихъ Христу, если бы онъ умеръ, не успѣвъ принять посвященіе. Коммандоръ тогда же принялъ его въ братство именемъ пріора сань-жилльскаго ([109]).

Смерть постигла его почти внезапно; онъ никогда не испытывалъ тяжелыхъ болѣзней. Въ одинъ изъ іюльскихъ дней, возвращаясь изъ церкви отъ обѣдни, онъ зашелъ въ домъ знакомаго гражданина Гуго Дежана, въ приходѣ св. Сатурнина. Почувствовавъ предсмертныя страданія, онъ поспѣшилъ послать за каѳедральнымъ аббатомъ, человѣкомъ глубоко религіознымъ и пользовавшимся его полнымъ расположеніемъ и довѣріемъ. Умирающій уже 10 лѣтъ находился подъ церковнымъ отлученіемъ. Онъ давно въ душѣ примирился съ Церковью. Въ такой торжественный часъ онъ надѣялся получить прощеніе у своихъ враговъ и думалъ, что на порогѣ могилы его не осмѣлятся лишить Св. Причастія и общенія съ вѣрными. Аббатъ долго не появлялся; между тѣмъ съ больнымъ началась агонія. Среди страданій, онъ спрашивалъ отчего нѣтъ священника; его томила тяжелая неизвѣстность; онъ страшился умереть отлученнымъ. Раймондъ шевелилъ губами молитвы, со слезами на глазахъ. Когда прибылъ аббатъ, онъ уже не владѣлъ языкомъ, хотя былъ еще въ памяти и сознаніи. Знаками умирающій просилъ аббата подойти ближе, протянулъ ему руку и крѣпко пожалъ ее, въ знакъ примиренія съ Церковью. Надъ нимъ совершена была глухая исповѣдь, но аббатъ не имѣлъ разрѣшенія пріобщить отлученнаго. Даже въ эту всепримиряющую минуту, Церковь не отказалась отъ своей вражды. Потухавшими глазами, полными слезъ, Раймондъ какъ бы молилъ о чемъ-то аббата. Руки графа лежали въ его рукахъ. Умирающаго окружали госпиталиты; они были свидѣтелями раскаянія и этой предсмертной борьбы. Одинъ изъ нихъ снялъ съ себя мантію съ краснымъ крестомъ и прикрылъ ею Раймонда. Аббатъ хотѣлъ сорвать ее,—но, прежде чѣмъ испустить послѣдній вздохъ, Раймондъ конвульсивнымъ движеніемъ ухватился за нее, притянулъ къ себѣ и благоговѣйно поцѣловалъ ея крестъ. Въ ту же минуту его не стало.

Слухъ о смерти графа быстро разнесся по городу. Густая толпа окружила домъ, гдѣ лежалъ трупъ человѣка, столь дорогаго для нея. Аббатъ вышелъ къ народу, извѣстилъ его о смерти графа, сказалъ что онъ умеръ, какъ приличествуетъ христіанину, и что теперь надо молиться объ успокоеніи его души. Онъ убѣждалъ народъ не давать тѣло графа госпиталитамъ, какъ просили тѣ въ силу завѣщанія, а похоронить его у св. Сатурнина, въ приходѣ котораго онъ скончался. Но госпиталиты уже завладѣли трупомъ, отнесли его въ свой домъ, хотя не рѣшились похоронить безъ разрѣшенія, такъ какъ Раймондъ умеръ отлученнымъ ([110]).

([108]) La-Faille. Annales de Toulouse; I, 224.

([109]) Catel. Histoire des comtes de Toulouse, 318.—Percin. Monumenta conventus Tolosani; bellum Alb. p. 77, n. 17.

([110]) Inquisitio de Raymundo comite Tolosano apud Percin. Monumenta, 76—82, изъ подлиннаго манускрипта; hist. conv. p.

Ожидаемаго разрѣшенія не послѣдовало. Ни Гонорій III, ни его суровые преемники не хотѣли простить человѣку, имѣвшему нѣкогда смѣлость возстать противъ ихъ всемогущаго предшественника во имя вѣротерпимости и рѣшившагося протестовать противъ гнета совѣсти. Папы не могли не знать, что человѣкъ, провозглашенный ими еретикомъ, никогда не принадлежалъ къ альбигойской общинѣ, что онъ всегда и вездѣ оставался католикомъ, старательно соблюдавшимъ всѣ обязанности истиннаго христіанина, что, по крайней мѣрѣ въ послѣднее время, на глазахъ всѣхъ своихъ подданныхъ онъ былъ и въ домашнемъ быту ревнителемъ католическаго культа.

По настоянію Раймонда VII, 25 лѣтъ спустя послѣ смерти его отца, когда, взволнованная великими событіями, страна нѣсколько умиротворилась, папа Иннокентій IV назначилъ инквизиціонную комиссію, имѣвшую цѣлью изслѣдовать жизнь отлученнаго и опредѣлить заслуживаетъ-ли онъ христіанскаго погребенія. Комиссія, состоявшая изъ ліонскаго епископа и двухъ инквизиторовъ, доминиканца и францисканца, начала свои засѣданія въ зданіи тулузскихъ храмовниковъ въ мартѣ 1247 г. Она, принявъ къ свѣдѣнію жалобу и доводы Раймонда VII въ защиту его покойнаго отца, сочла нужнымъ допросить 110 свидѣтелей, духовныхъ и свѣтскихъ, монаховъ и монахинь. Это были лица, лично знавшія покойнаго и бывшія съ нимъ въ болѣе или менѣе близкихъ отношеніяхъ. Изъ этихъ допросовъ оказалось, что мнимый еретикъ, боровшійся съ жадными крестоносцами Монфора, принадлежалъ къ числу самыхъ ревностныхъ и религіозныхъ католиковъ. Онъ, воюя съ Монфоромъ, строилъ великолѣпный соборъ св. Стефана, который сохранился по сіе время, и во время торжества альбигойцевъ, благодаря покровительству, оказываемому имъ монахамъ и священникамъ, ни одна церковь, ни одинъ монастырь, никто изъ духовенства не подверглись нападенію или оскорбленію. Никто, во всѣхъ предѣлахъ тулузскихъ владѣній, не дѣлалъ такихъ благотвореній монастырямъ и монахамъ, какъ онъ. Подъ его защитой, разрослись первые минориты въ Тулузѣ. Священники бѣдныхъ церквей могли всегда обращаться къ нему за пособіемъ. За его столомъ ежедневно кормилось 13 бѣдныхъ. Въ страстную пятницу онъ питался только хлѣбомъ и водою. Капелла не оставляла его даже въ походахъ (specialiter vidit a Tolosa usque Parisius) и онъ ежедневно слушалъ мессу ([111]). Казалось бы, невозможно винить въ отступничествѣ католика, если такіе поступки были засвидѣтельствованы сотней надежныхъ свидѣтелей и искреннимъ сознаніемъ самихъ инквизиторовъ. Но Римъ и на этотъ разъ не далъ разрѣшенія.

Трупъ Раймонда истлѣлъ безъ погребенія, обезображенный, ограбленный, на половину изъѣденный крысами ([112]). Еще въ началѣ XVI вѣка, показывали около кладбища тулузскихъ госпиталитовъ деревянный ящикъ, въ которомъ дотлѣвали кости героя альбигойской эпохи. Черепъ сохранился неповрежденный и современники видѣли на затылкѣ его небольшую, но очень отчетливую лилію красноватаго цвѣта, походившую очертаніемъ на лилію французскаго герба. Этотъ френологическій признакъ въ глазахъ наблюдателей служилъ предзнаменованіемъ присоединенія Лангедока къ королевской коронѣ Франціи ([113]).

Національность провансальская должна была прекратить свое существованіе: невидимая рука какъ бы начертала іероглифическія письмена объ ея судьбѣ на челѣ послѣдняго представителя независимости Лангедока.

Черепъ съ лиліею покажутъ путешественнику и въ настоящее время; съ давнихъ поръ его перенесли въ ризницу тулузскихъ тампліеровъ ([114]).

Почти въ одно время съ Раймондомъ VI, Югъ лишился другаго, столь же славнаго борца своей независимости. Раймондъ Рожеръ, графъ де-Фуа, былъ старше своего друга нѣсколькими годами, но ему суждено было увлечь съ собою въ могилу своего сюзерена, съ которымъ онъ провелъ всю жизнь подъ одними знаменами, защищая одно и то же рав-

---

53, N. 10. Допросные пункты служатъ существеннымъ матеріаломъ для нашего разсказа. Домъ Гюи Дежана по догадкѣ du Mège находился на углу улицъ des Banquets и du Taur; слѣды его сохранились. См. Notes et add. V, 96.

([111]) Inquisitio de Raym. p. 77, n. 8.

([112]) Aymarus de Peyraci, — apud Vaissete; l. XXIII, c. 63.

([113]) Bertrandus. De gest. Tol. ibid.

([114]) Langlois. Croisades, 142. — La-Faille. Annales; I, 126. — Vaissete; l. XXIII, c. 63. — Du-Mège. Notes; V, 97.

но святое для них дѣло. Послѣдніе могиканы свободы Лангедока, они умерли почти въ одинъ день. Старый графъ де-Фуа также считался отлученнымъ, также подозрѣвался въ ереси и, подобно Раймонду VI, въ своемъ завѣщаніи оставилъ значительныя сокровища аббатству Памьеръ и монастырю бульбонскому, куда предназначилъ ренту въ 1500 солидовъ для содержанія бѣдныхъ въ поминъ своей души. Онъ умеръ, считаясь однимъ изъ братьевъ бульбонскаго монастыря. Его прощанье съ жизнію было трогательно. Одинъ сынъ былъ при немъ, другой въ плѣну у Монфора; онъ запретилъ платить за выкупъ его болѣе 500 марокъ. Онъ мало въ чемъ могъ упрекнуть себя, оглядываясь на прожитое. Умирая, обремененный лѣтами, окруженный вмѣсто семейства уваженіемъ народнымъ, онъ призвалъ къ себѣ Рожера Бернарда, своего старшаго сына и наслѣдника:

— Живи доблестно, дорогой сынъ мой, сказалъ онъ ему, управляй твоимъ народомъ, какъ отецъ, и будь первымъ вассаломъ нашихъ законовъ; подавай примѣръ справедливости, милости и великодушія. Будь благоразумнымъ государемъ, храбрымъ воителемъ, добрымъ мужемъ, терпѣливымъ отцемъ, бережливымъ хозяиномъ и безпристрастнымъ судьей ([115]).

Рожеръ Бернардъ II старался вполнѣ слѣдовать совѣту отца. Обладая честнымъ и отважнымъ характеромъ, онъ сталъ для Юга тѣмъ же національнымъ героемъ, какимъ былъ его товарищъ Раймондъ VII. Онъ пріобрѣлъ отъ почитателей даже титулъ «Великаго». И сюзерену и вассалу одинаково улыбалась судьба при началѣ ихъ самостоятельнаго поприща. Отъ отцевъ они получили уже освобожденныя отъ иноплеменниковъ владѣнія. Война съ Филиппомъ Августомъ, которую они наслѣдовали, затягивалась и нѣкоторое время они утѣшали себя мыслію, что гроза вовсе минуетъ ихъ. Французскій король оказывалъ видимое равнодушіе къ крестовой войнѣ и къ выгодамъ, которыми думали соблазнить его папскіе легаты. — «Я знаю, говорилъ онъ епископу Фулькону, что духовные употребятъ всѣ усилія, чтобы вмѣшать моего сына Людовика въ альбигойскія дѣла. Но Люи слабъ здоровьемъ и хилаго сложенія; онъ не вынесетъ этой войны и скоро умретъ. Я предвижу, что королевство попадетъ въ руки женщины и дѣтей и подвергнется большимъ опасностямъ» ([116]).

([115]) **Barrau et Daragon.** Croisades; **II, 281 — изъ хроники Olhagarai.**

Что касается до Амори Монфора, то онъ ни мало не безпокоилъ патріотовъ. Его собственное положеніе сдѣлалось оборонительнымъ. Онъ опустошилъ было альбійскій діоцезъ, но оба графа оттѣснили его на берега Гаронны и заставили принять мирныя условія. Онъ видѣлъ себя покинутымъ и принужденъ былъ унизиться предъ счастливымъ соперникомъ. Положеніе крестоносцевъ, окруженныхъ провансальцами, было таково, что, по выраженію легата Конрада въ посланіи къ Филиппу Августу, они готовились «съ каждымъ днемъ къ смерти въ виду враговъ вѣры» ([117]). Пока было заключено перемиріе; одна изъ сестеръ Амори была предназначена въ супруги Раймонду VII, чтобы тѣмъ приличнѣе могъ Монфоръ возвратить свои завоеванія. Нѣсколькими годами раньше подобный союзъ былъ бы немыслимъ. Но и теперь онъ былъ неосуществимъ; оба враждебныхъ дома раздѣляли потоки крови. Для опредѣленія подробныхъ и окончательныхъ условій была назначена конференція въ овернскомъ замкѣ Санъ-Флоръ. Жена и дѣти Монфора остались заложниками. Войска обѣихъ сторонъ стали расходиться.

Амори сохранилъ за собой на нѣкоторое время Каркассону. Здѣсь навѣстилъ его Раймондъ; передъ глазами толпы оба врага показывались вмѣстѣ; одну ночь даже Раймондъ провелъ во дворцѣ Монфора. Это послѣднее обстоятельство было поводомъ къ фальшивой тревогѣ и волненію жителей, которые, опасаясь за жизнь графа, стали вооружаться и кинулись къ замку выручать мнимаго плѣнника ([118]).

Папа долженъ былъ признать фактъ. Съ свойственной куріи эластичностью и съ всегдашнимъ умѣньемъ пользоваться обстоятельствами, Гонорій III приказываетъ своему легату позаботиться о выгодахъ епископовъ при заключеніи ми-

([116]) **Guil. de Pod. Laur. c. 34.**
([117]) **Preuves; V, 616; a. 1223.**
([118]) **Guil. de Pod. c. 34.**

ра ([119]). Онъ теперь называетъ Раймонда «благороднымъ мужемъ» и не имѣетъ ничего противъ собранія собора въ Сансѣ (Sans), куда были перенесены вмѣстѣ и засѣданія изъ Санъ-Флора. Въ Сансъ съѣхалось 6 архіепископовъ и 20 епископовъ; отъ Тулузы былъ только одинъ Фульконъ. Король Филиппъ Августъ изъявилъ желаніе присутствовать на соборѣ.

Король прибылъ въ городъ, но чувствовалъ себя весьма дурно. Онъ уже 10 мѣсяцевъ боролся съ лихорадкой; его крѣпкое здоровье стало слабѣть. Онъ просилъ, чтобы его скорѣе увезли въ Парижъ. Но ему не суждено было еще разъ увидѣть свою луврскую башню. Дорогой, въ городѣ Мантѣ, королевскій поѣздъ долженъ былъ остановиться. Здѣсь, 14 іюля 1223 года, Августъ скончался. Передъ смертью онъ хотѣлъ сдѣлать уступку духовенству. По завѣщанію, онъ оставлялъ 20 тысячъ ливровъ Амори Монфору на пользу альбигойскаго дѣла и «чтобы вырвать изъ рукъ враговъ его жену и дѣтей». Это соотвѣтствовало, при нашей цѣнности денегъ, милліону рублей ([120]). Впрочемъ такой пунктъ завѣщанія не можетъ имѣть историческаго значенія. Король былъ не въ силахъ выдти изъ подъ вліянія духовенства; и по обстоятельствамъ и по своему міровоззрѣнію, онъ былъ въ послѣднее время орудіемъ корысти духовныхъ и рабомъ суевѣрія. Въ томъ же завѣщаніи онъ отдаетъ въ распоряженіе своихъ душеприкащиковъ 50 т ливровъ и отказываетъ громадную сумму 314 т. ливровъ въ пользу тампліеровъ, госпиталитовъ и короля іерусалимскаго, съ тѣмъ, чтобы они снарядили 300 рыцарей на борьбу за моремъ съ саррацинами; 21 т. ливровъ онъ завѣщалъ бѣднымъ, сиротамъ и вдовамъ и только 10 т. своей женѣ, забытой Ингебургѣ ([121]).

73

([119]) Preuves; V, 619—621; a. 1223.

([120]) Парижскій ливръ имѣлъ 20 пар. солидовъ; солидъ— 1 фр. 35 сант. Тогда деньги, по Мартэну, были въ 6 разъ выше. Т. о. 20 тыс. ливровъ—3,240,000 франковъ. H. Martin. Histoire de France; IV, 112, прим. По свидѣтельству Альберика, было назначено 30 т. ливровъ.

([121]) Завѣщаніе составлено въ Saint-Germain-en-Laie, въ сентябрѣ 1222 г. Оно приложено къ хроникѣ Guil. Breton. apud Bouquet. H. Martin; IV, 113.

Изъ этихъ данныхъ, можно заключить, какъ смотрѣлъ король на свое пожертвованіе. Роль «великаго покровителя Церкви», какъ титулуетъ его оффиціальный хроникеръ, примѣнима къ нему весьма условно; Филиппъ Августъ прежде всего имѣлъ всегда политическую задачу,—закрѣпить французское королевство, собирая сосѣднія земли и разсчитывая возвести его со временемъ на высоту монархіи Карла Великаго ([122]). Его 36-лѣтній сынъ вступилъ на престолъ уже по праву наслѣдства, а не избранія. Такимъ образомъ, онъ былъ первый изъ капетинговъ, который рѣшился презрѣть старый обычай, сдѣлавшійся однимъ воспоминаніемъ.

Это могущество новаго короля было побужденіемъ для духовенства начать свое предстательство объ альбигойцахъ. Изъ Рима опять посылались буллы.

Едва успѣли опустить въ склепы Санъ-Дени тѣло Филиппа, какъ легатъ Конрадъ уже побуждаетъ Людовика VIII оказать содѣйствіе прелатамъ французскимъ въ войнѣ съ еретиками. Онъ сознавался, что безъ личнаго вмѣшательства короля теперь нельзя вести наступательной войны. Дѣла въ такомъ положеніи, что надо стараться спасти какъ нибудь остатки крестоносцевъ, стоявшихъ въ нѣкоторыхъ замкахъ. На этотъ предметъ король велѣлъ отпустить половину суммы, назначенной въ завѣщаніи отца, но отказалъ въ личномъ участіи, такъ какъ хотѣлъ заняться покореніемъ Шаранты и и Гіенни. Даже просьба папы—«посвятить Господу начало своего царствованія и очистить государство отъ язвы, которая пятнаетъ французское королевство» ([123]),—не была уважена Людовикомъ VIII. Однако пособіе, сдѣланное королемъ, было такъ значительно, что Амори поѣхалъ въ Каркассону съ довольно свѣтлыми надеждами. Онъ велъ за собою множество наемниковъ. Срокъ перемирія прошелъ и провансальцы возобновили войну.

Первый ударъ Раймонда VII былъ на Каркассону. Онъ явился подъ стѣнами этого города вмѣстѣ съ графомъ де-Фуа, который, какъ опекунъ шестнадцати-лѣтняго Трекавиля, виконта Безьерскаго, считалъ себя обязаннымъ возвратить Каркассону своему вассалу. Амори нашелъ Каркас-

([122]) Hurter. Geschichte Innocenz III u seine Zeit.

([123]) Raynaldi. Annales; p. 524, a. 1223.

сону осажденною. Французскіе наемники превосходили численностью провансальцевъ и Раймондъ снялъ на время осаду, разсчитывая, что весь этотъ сборъ скоро разбредется и Монфоръ станетъ снова обезсиленъ. Этотъ разсчетъ былъ вѣренъ. Когда у Амори не хватило денегъ, наемники большими отрядами стали оставлять его и возвращаться на родину, по дорогѣ опустошая несчастную страну. Напрасно Амори и послѣдовавшіе за нимъ рыцари предлагали въ залогъ уплаты свои земли во Франціи; отвѣтомъ былъ холодный отказъ. Напрасно даже самого себя онъ объявлялъ заложникомъ; напрасно нѣкоторые прелаты изъ друзей его дѣлали тоже. Дошло до того, что у Амори въ Каркассоннѣ осталось не больше 20 рыцарей. Французы покидали Монфора не изъ трусости, а изъ корысти и равнодушія къ его дѣлу. 60 человѣкъ ихъ, при отступленіи, геройски дрались съ Раймондомъ VII, съумѣли побѣдить его и прорваться; но въ этой борьбѣ они считали себя не служителями крестовой идеи, а простыми наемниками. Между тѣмъ народъ поднялъ знамя возстанія въ тѣхъ немногихъ городахъ, въ которыхъ сидѣли еще французы. Страна была противъ крестоносцевъ, замѣчаетъ французскій лѣтописецъ ([124]). Надежды не оставалось никакой. Пришлось войти въ переговоры съ графомъ тулузскимъ и просить его условій.

Раймондъ и графъ де-Фуа въѣхали въ Каркассону. 14 января 1224 года, при посредничествѣ архіепископа нарбонскаго они заключили съ Монфоромъ трактатъ, который сохранился въ подлинникѣ въ документахъ города Фуа ([125]). Амори обязался содѣйствовать заключенію общаго примиренія между Франціей и графомъ тулузскимъ и не позже Троицы дать окончательный отвѣтъ по этому вопросу. Въ продолженіи этого времени всѣ провансальскія церкви останутся in statu quo; священники и прелаты сохранятъ свои владѣнія; Нарбонна, Агдъ, Пеннь (въ Альбижуа), Ла-рокъ (въ Руэргѣ) и замокъ Термъ (въ Аженуа) признаются нейтральными на два мѣсяца со дня подписи трактата; графы тулузскій и де-Фуа обязуются не занимать эти города, если на то будутъ

([124]) **Guil. de Pod. Laur. c. 34. Въ этой же главѣ авторъ выражается «наши французы».**

([125]) **Preuves; V, 621.**

вызваны даже желаніемъ самихъ жителей. Впрочемъ, въ случаѣ если бы понадобилось (quandocumque nobis placuerit), они могутъ войти въ Нарбонну и Агдъ, но только подъ условіемъ не стѣснять права церквей и жителей этихъ городовъ, не дѣлать имъ никакихъ насилій и не заявлять своихъ феодальныхъ правъ. Каркассона, Минерва и Пеннь (въ Аженуа) теперь же передаются въ руки Раймонда и графа де-Фуа. Послѣдніе соглашаются объявить амнистію и возвратить конфискованныя имущества тѣмъ жителямъ Безьера, Нарбонны и Каркассоны, которые держались стороны Монфора и оставались ему вѣрными. Наконецъ они обязываются уплатить Монфору 10 т. серебряныхъ марокъ, если онъ выхлопочетъ имъ миръ съ Церковью.

На другой день, по подписаніи этого трактата, Амори оставилъ Каркассону съ ничтожнымъ числомъ вѣрныхъ друзей и сторонниковъ. Онъ уносилъ съ собою общую ненависть провансальцевъ, надъ которыми въ продолженіи 14 лѣтъ тяготѣло суровое владычество Монфоровъ.

Но провансальцы не могли предаваться радости по случаю освобожденія. Новыя тучи сбирались надъ ними.

Къ непримиримой ненависти римской куріи присоединяются теперь политическіе разсчеты французскаго двора.

Судьбы католической Церкви въ Лангедокѣ складывались такъ, что давали новую пищу этой ненависти Рима. Католическій міръ былъ пораженъ извѣстіемъ, что въ предѣлахъ болгарскихъ, этого источника альбигойства, появился новый папа. Теперь никто не хотѣлъ вѣрить, что альбигойцы просятъ одной терпимости для себя. Антипапа грозилъ поколебать всѣ основы католической Церкви. Теперь былъ поводъ всякому вѣрному католику опасаться за свою вѣру. Альбигойство складывалось такимъ образомъ въ стройную и сильную Церковь. Носились слухи, что сторону папы и его еретическаго ученія принимаетъ множество католиковъ, между ними даже указывали на нѣсколькихъ епископовъ.

Можно судить, какъ напугался легатъ Конрадъ, когда до него дошли эти зловѣщіе слухи. Прежде всего онъ простодушно принялъ новаго папу за антихриста.

— «Мы не можемъ удержать нашихъ слезъ и рыданій, пишетъ онъ архіепископу руанскому. Мы говоримъ лишь то, что видѣли и утверждаемъ лишь то, что знаемъ. Человѣкъ погибели, который долженъ возстать противъ всего святаго и того, кто именуется Господомъ,—послалъ уже своего предтечу ересіарха, котораго альбигойскіе еретики именуютъ своимъ папой и который обитаетъ въ Болгаріи, Кроаціи и Далмаціи, по сосѣдству съ народомъ венгерскимъ. Еретики альбигойскіе стекаются къ нему, спрашиваютъ его совѣтовъ и толкуютъ отвѣты. Одинъ изъ нихъ, Варѳоломей, родомъ изъ Каркассоны, епископъ еретическій и викарій этого антипапы, въ ознаменованіе своего нечестиваго почтенія къ послѣднему, уступилъ ему въ резиденцію Порлосъ, а самъ переселился въ предѣлы тулузскіе. Этотъ Варѳоломей пишетъ письма, которыя распространяетъ повсюду и титулуется въ началѣ ихъ такъ: «Варѳоломей, слуга слугъ св. вѣры.» Между прочими безчиніями онъ назначаетъ епископовъ и, нечестивый, осмѣливается совершать духовныя посвященія» ([126]).

По поводу этого антипапы шли пренія на упомянутомъ соборѣ въ Сансѣ, куда съѣхались всѣ французскіе прелаты для прісканія средствъ къ подавленію ереси альбигойской. Хотя страшный антипапа вскорѣ умеръ, но Гонорій III постоянно находился подъ обаяніемъ его тѣни. Папа рѣшительнымъ образомъ дѣйствуетъ теперь на французскаго короля.

Людовикъ VIII, какъ мы замѣчали, по своей пылкой и вмѣстѣ набожной натурѣ, былъ всегда способенъ подчиниться вліянію крестовой идеи. Онъ разъ уже пробовалъ свои силы въ Лангедокѣ. Его совѣтники видѣли въ завоеваніи Юга цѣль французской политики. Королевская власть сильно возрасла при немъ. Съ первыхъ же дней своего правленія, онъ нанесъ тяжелый ударъ перамъ и феодализму. Простымъ указомъ, изданнымъ королемъ при его дворѣ, было возвѣщено, что чиновники королевскіе, наравнѣ съ великими вельможами Франціи, имѣютъ право по волѣ короля засѣдать въ судѣ перовъ. Рядомъ съ герцогомъ бургундскимъ и графомъ Шампани теперь сидѣлъ въ совѣтѣ канцлеръ,

([126]) **Matthaeus Par. a. 1223. Это посланіе изъ Planium (?),—мѣстность неизвѣстная. Raynaldi. p. 323.**

кравчимъ и камергеромъ короля; они судили тѣхъ самыхъ перовъ, которые прежде относились къ нимъ не иначе какъ съ презрѣніемъ. Это было началомъ паденія феодализма и знаменіемъ роста королевской власти.

Пока Людовикъ VIII воевалъ въ Гіенни, папа, прелаты и легатъ готовили его къ предпріятію славнѣйшему въ ихъ глазахъ. Возбуждая религіозное рвеніе, не забывали дѣйствовать и на корысть короля. Въ февралѣ 1228 г. Амори Монфоръ, по прибытіи ко двору въ Парижѣ, составилъ формальную передачу своихъ владѣній уже отъ своего лица въ такой формѣ: «Вѣдайте всѣ, что мы Амори, синьоръ Монфора, оставляемъ нашему дражайшему господину Людовику, славному королю Франціи и его наслѣдникамъ, на вѣчныя времена, всѣ привиллегіи и даянія, которыя Римская Церковь принесла Симону, нашему отцу, блаженной памяти, въ полное его распоряженіе,—касательно графства тулузскаго и другихъ альбигойскихъ странъ, но подъ условіемъ, что папа исполнитъ всѣ предложенія короля, сдѣланныя ему чрезъ архіепископа буржскаго и епископовъ лангрскаго и шартрскаго. Иначе, — да будетъ вѣдомо, что ничего и никому не уступаемъ изъ владѣній нашихъ» ([127]).

Послѣднее условіе было пустой оговоркой. Кто больше самого папы могъ стараться о скорѣйшемъ осуществленіи предпріятія и о принятіи мѣръ къ успѣху дѣла? Когда три названные прелата прибыли къ королю, обѣщая отъ имени папы и кардиналовъ предоставить въ его распоряженіе всѣ сокровища Церкви на дѣло, которое они имѣли претензію считать святымъ, то король, собравши свой совѣтъ, великодушно просилъ папу о самыхъ легкихъ для Рима услугахъ. Онъ желалъ прежде всего получить индульгенцію крестоносцевъ, для себя и для тѣхъ, которые пойдутъ съ нимъ въ Альбижуа. Архіепископы буржскій, реймскій и санскій, должны были получить власть отлучать отъ Церкви и налагать интердиктъ на земли тѣхъ, которые осмѣлятся напасть на владѣнія или на лица, ополчившіяся во имя креста. Онъ же получитъ благословеніе поступать такъ со всякимъ барономъ Франціи и вассаломъ королевскимъ, который лично не пойдетъ въ походъ на альбигойцевъ или который, не будучи въ

([127]) **Preuves; V, 625.—Praecl. Franc. fac. a. 1224**

состояніи идти, не заплатитъ достаточной суммы на истребленіе враговъ вѣры; ибо бароны (неудачно мотивировалъ французскій дворъ) обязаны вѣрностью и присягой служить королю противъ всѣхъ, кто нападетъ на королевство, а государство не имѣетъ болѣе опасныхъ утѣснителей, какъ еретики. Всѣ эти отлученія и интердикты предполагалось снимать лишь послѣ полнаго удовлетворенія. Король требовалъ отъ папы изданія буллы, по которой Раймондъ VII и вассалъ его, виконтъ безьерскій, лишались графства тулузскаго и другихъ своихъ владѣній, а также всѣ тѣ, которые будутъ противиться этому предпріятію или станутъ противодѣйствовать силою. Всѣ эти земли даются на вѣчныя времена ему, его наслѣдникамъ или кому онъ прикажетъ, за сохраненіемъ своихъ сюзеренныхъ правъ. Король желалъ имѣть при себѣ въ качествѣ легата архіепископа буржскаго, съ правами и властью кардинала Конрада, чтобы онъ проповѣдывалъ по всему королевству о помощи землѣ альбигойской. Папа обязался также ходатайствовать предъ императоромъ Фридрихомъ II, чтобы король не встрѣтилъ какого либо препятствія изъ земель смежныхъ съ страною альбигойскою, т. е. съ Лангедокомъ ([128]). Извѣстно, что граница имперіи была на Ронѣ, но король выговорилъ себѣ право перейти эту рѣку и внести оружіе въ Провансъ, для окончательнаго искорененія ереси. Папа взялся хлопотать о продленіи на 10 лѣтъ перемирія, заключеннаго съ англійскимъ королемъ, такъ какъ война съ альбигойцами грозила продолжиться на много лѣтъ и требовала большой затраты людьми и деньгами. Наконецъ король требовалъ у папы существенной услуги, платежа въ теченіи 10 лѣтъ ежегодно по 60 т. парижскихъ ливровъ (т. е. до 5 мил. нашихъ рублей) на военныя издержки. Сборъ полудесятины въ его пользу уже давно производился по распоряженію папы. «Если мнѣ обяжутся въ исненіи этихъ условій, прибавлялъ король, то я лично пойду въ Альбижуа и вѣрно буду служить этому дѣлу. Римская курія предоставитъ мнѣ и моимъ наслѣдникамъ право утвер-

([128]) «Item petit quod Dominus papa procuret erga imperatorem, quod terrae suae vicinae Albiges'o non noceant regi in hoc negotio.» Это мѣсто буллы важно, какъ доказательство широкаго географическаго понятія Альбижуа, въ смыслѣ еретической страны

диться въ этой странѣ, пойти туда и возвратиться когда намъ будетъ угодно. Если же наши предложенія не будутъ приняты, я не обязуюсь идти въ Альбижуа или пойду, когда найду это возможнымъ» ([129]).

Но въ дѣйствительности эта рѣшительная борьба Франціи и Лангедока состоялась лишь чрезъ два года. Раймондъ, въ виду грозы, пустилъ въ ходъ все свое дипломатическое искусство. У него явились ходатаи предъ папскимъ престоломъ. Король англійскій Генрихъ III былъ его близкій родственникъ по матери. Онъ приказалъ своему послу въ Римѣ, епископу лигфельдскому, употребить всѣ усилія въ пользу графа тулузскаго. Съ своей стороны Раймондъ униженно склонялся передъ первосвященникомъ. Папа смягчился и обязалъ Раймонда немедленно изгнать еретиковъ и войти въ переговоры съ Амори. Къ тому же другія обстоятельства вліяли на Гонорія. Фридрихъ II затѣвалъ походъ въ св. землю. Индульгенціи и расходы, предназначенные для альбигойцевъ, понадобились теперь для Палестины. Папа, видя что Раймондъ готовъ смириться изъ одного страха французскаго оружія, счелъ его добрымъ католикомъ.

Но когда извѣстіе объ этомъ пришло въ Парижъ, то Людовикъ VIII возмутился, задѣтый за живое, и торжественно протестовалъ предъ лицемъ всѣхъ бароновъ и прелатовъ Франціи. Онъ объявилъ, что папа за одно съ Раймондомъ. —«Мы убѣдились, что Римская Церковь, которой принадлежитъ судъ въ дѣлахъ вѣры, соглашается съ Раймондомъ и судитъ его уже иначе». Король негодовалъ на римскій дворъ. —«Мы объявили легату, чтобы онъ впредь никогда не говорилъ намъ объ этомъ дѣлѣ, отъ котораго мы совершенно отказываемся» ([130]). Отказъ былъ притворный. Жажда добычи слишкомъ говорила въ королѣ.

Раймондъ явился на соборъ прелатовъ въ Монпелье. Арнольдъ, архіепископъ нарбоннскій, этотъ ветеранъ альбигойской войны, на глазахъ котораго выросла ересь, предсѣдательствовалъ на соборѣ. Раймондъ покорностью хотѣлъ купить независимость своей страны. Онъ принялъ всѣ условія. Графы Фуа и безьерскій присоединились къ нему. Они обя-

([129]) Preuves; V, 626.
([130]) Gesta Ludovici VIII, a. 1224.

зались оберегать католическую вѣру на всемъ пространствѣ своихъ владѣній, очистить свои государства отъ еретиковъ и конфисковать ихъ имущества, возстановить Церковь и духовныхъ во всѣхъ ихъ правахъ и заплатить 20 т. серебряныхъ марокъ вознагражденія въ разные сроки. Раймондъ выговорилъ только одно, чтобы папа заставилъ Амори Монфора отказаться отъ всѣхъ правъ на владѣнія его и его союзниковъ, что ему будутъ возвращены всѣ документы по этому предмету, выданные папою, королемъ французскимъ и его отцомъ, графомъ тулузскимъ ([131]). Въ присутствіи своихъ вассаловъ, и всего высшаго провансальскаго духовенства, Раймондъ, 25 августа 1224 года, принесъ присягу передъ Арнольдомъ, въ соблюденіи всѣхъ упомянутыхъ условій и даже далъ отъ себя письменный актъ, на которомъ вмѣстѣ съ нимъ подписались оба его союзника и друга. Въ знакъ сближенія было послано въ Римъ торжественное посольство съ мѣстными архіепископами и епископами.

Если бы отъ Раймонда зависѣло подавить ересь, то всѣ эти соборы имѣли бы значеніе. Но при самомъ искреннемъ расположеніи его къ католикамъ совершить такое дѣло было невозможно. «Совершенные» отказались бы отъ своей вѣры лишь вмѣстѣ съ жизнію. Лангедокъ увлекался своимъ рокомъ. Раймондъ мистифицировалъ и папу и своихъ провансальцевъ. Послы Раймонда застали въ Римѣ Гюи Монфора, присланнаго отъ Людовика VIII. На нихъ смотрѣли съ недовѣріемъ, а Монфору оказывали всевозможныя почести. Ихъ государь являлся въ положеніи отступника и они должны были скоро вернуться, не успѣвъ внушить къ нему довѣрія. Жадные прелаты, обиженные въ дѣлежѣ владѣній, съ успѣхомъ клеветали на Раймонда ([132]). Онъ готовъ былъ принести всякія жертвы, какъ-бы онѣ ни были тяжелы для него, а его обвиняли въ лукавствѣ и новомъ предательствѣ. Папѣ

([131]) Raynaldi, 542.—Соборъ въ Монпелье былъ послѣднимъ дѣломъ Арнольда. Онъ умеръ въ слѣд. году.—Praecl. Franc. fac. a. 1225 и Guil. de Pod. c. 35.

([132]) Langlois, желая выгоднѣе объяснить нарушеніе трактата со стороны папы, говоритъ, что на соборѣ въ Монпелье допущена-де была свобода совѣсти въ Лангедокѣ (р. 418). Этого вовсе не видно изъ соборныхъ актовъ.

оставалось рѣшить дѣло такъ или иначе. Для разъясненія недоразумѣній и для окончанія дѣла, былъ посланъ во Францію новый легатъ кардиналъ Св. Ангела Романъ. Онъ, везъ лестныя письма къ Амори Монфору и имѣлъ порученіе снова сговориться съ королемъ французскимъ ([133]). Отъ личности легата, отъ его воззрѣній, зависѣла судьба Раймонда и Лангедока. Кардиналъ считался за человѣка рѣшительнаго. Къ тому же онъ имѣлъ обширныя полномочія. По одному его слову полки Франціи могли двинуться на Югъ.

Легатъ нашелъ короля въ Турѣ среди своего парламента. Рѣшено было созвать въ день Св. Андрея соборъ въ Буржѣ, куда пригласить Амори Монфора и Раймонда. Буржскій съѣздъ былъ національнымъ соборомъ всей Франціи. Шесть архіепископовъ, 100 епископовъ, депутаты капитуловъ и прочія духовныя лица собрались судить Раймонда. Графъ тулузскій униженно просилъ принять его въ лоно Церкви, обѣщалъ исправиться, если былъ въ чемъ виновенъ и впредь строго поступать съ еретиками. Онъ ручался, что скоро всѣ его подданные изъявятъ покорность Римской Церкви, что миръ будетъ возстановленъ и что церквамъ будетъ возвращено все отнятое отъ нихъ. Когда онъ замолчалъ, то Монфоръ предъявилъ свои права на тулузскія владѣнія, такъ какъ папа Иннокентій III и король Филиппъ Августъ лишили Раймонда большей части владѣній въ пользу покойнаго Симона Монфора, въ слѣдствіе ереси альбигойской ([134]). Раймондъ возразилъ на это, что онъ готовъ исполнить передъ королемъ и Римской Церковью всѣ свои обязанности, въ качествѣ наслѣдника этихъ земель. Тогда Монфоръ потребовалъ суда 12 перовъ Франціи. «Пусть король приметъ мою вассальную присягу; я готовъ подчиниться его суду, потому что иначе онъ не согласится считать меня перомъ». Ссылаться на эти права надо было раньше. Ни Иннокентій III, ни латеранскій соборъ не могли лишить графа тулузскаго его владѣній, безъ суда перовъ. Какъ герцогъ нарбоннскій, онъ слылъ первымъ между свѣтскими перами, а они врядъ ли бы поддержали Римъ. Случилось такъ, что это оружіе указалъ врагъ Раймонда. Легатъ прервалъ споръ подсудимыхъ

([133]) Raynaldi, 552.

([134]) Matthaeus Par. a. 1226.

и сказалъ, что однихъ обѣщаній графа весьма недостаточно, но что во уваженіе послушанія, оказаннаго Раймондомъ, онъ предаетъ его дѣло суду архіепископовъ, которые порознь, вмѣстѣ съ своими суффраганами, тайно другъ отъ друга, передадутъ свой приговоръ легату о томъ—слѣдуетъ ли отлучить графа тулузскаго. Большинство голосовъ оказалось за Раймонда. Но это ни мало не помѣшало легату черезъ два мѣсяца торжественно провозгласить отлученіе Раймонда и его провансальцевъ. Графъ тулузскій былъ объявленъ «осужденнымъ еретикомъ» ([135]).

Поведеніе легата ничѣмъ не оправдывалось. Но и Раймондъ долженъ былъ предвидѣть подобный исходъ дѣла. Между соперниками лежала цѣлая пропасть, плодъ 20-лѣтней войны. Легатъ хорошо понималъ, что всѣ соборы, увѣренія, клятвы останутся фразами, даже при искренномъ желаніи Раймонда. Онъ опредѣлилъ королю церковную десятину на пять лѣтъ и увѣрилъ Людовика, что папа запретитъ Генриху III подъ угрозой проклятія дѣлать нападеніе на французскіе замки въ его отсутствіе.

28 января 1226 года, въ Парижѣ былъ съѣздъ нотаблей духовныхъ и свѣтскихъ. Король спрашивалъ ихъ мнѣнія объ альбигойскомъ дѣлѣ. Его предпріятіе одобрили и дали въ томъ письменныя увѣренія. Вассалы обѣщали помогать ему какъ государю во все продолженіе войны. На третій день король принялъ крестъ изъ рукъ легата. Проповѣдники пошли по всѣмъ концамъ страны поднимать народъ и вербовать дружины крестоносцевъ,—чтобы опустошить въ конецъ многострадальный Лангедокъ ([136]). Положеніе Раймонда и его друзей было ужасное. Они привыкли разгонять толпы крестоносцевъ, но имъ нельзя было разсчитывать выдержать борьбу съ регулярнымъ войскомъ Франціи, закалившимся на поляхъ Нормандіи, Пуату и Гіени.

Въ Европѣ онъ видѣлъ двухъ преданныхъ друзей; оба они были могущественными государями. Съ королемъ Англіи у него былъ заключенъ тайный трактатъ объ оборонительномъ союзѣ ([137]), но изъ страха римскаго проклятія или

([135]) Gesta Ludov. VIII, a. 1225.
([136]) Preuves; V, 632.
([137]) Въ 1225 году, 14 авг. Rymers. Acta publica; I, 241.

по нерѣшительности, Генрихъ III не оказалъ содѣйствія въ рѣшительную минуту. Папское посланіе застигло его во главѣ арміи. Говорятъ, что онъ хотѣлъ идти на помощь Раймонду, но астрологъ, бывшій при войскѣ, будто предсказалъ неудачу похода Людовика. Другой другъ Раймонда, позволявшій себѣ тогда изрѣдка посмѣиваться надъ вѣрой и куріей, молодой императоръ Фридрихъ II, не могъ не питать къ Раймонду живой симпатіи по радушію и впечатлительности своего характера. Но эта симпатія тоже не обратилась въ дѣло. Императоръ хворалъ и лѣчился въ Италіи, собираясь совершить прогулку въ св. землю и подтрунивалъ надъ усердными приготовленіями папы. Но симпатіи современниковъ перешли въ потомство и сантъ-альбанскій монахъ занесъ эти чувства въ свою великолѣпную лѣтопись. «Многимъ поистинѣ казалось великимъ злоупотребленіемъ объявить войну вѣрному христіанину, тѣмъ болѣе, что всѣмъ было извѣстно, какъ графъ настоятельно просилъ легата на буржскомъ соборѣ лично посѣтить его городъ и освѣдомиться исповѣдуетъ-ли онъ католическую вѣру. Что касалось лично до него, то онъ обѣщалъ въ случаѣ, если въ чемъ прегрѣшилъ (хотя онъ не чувствовалъ себя ни въ чемъ виновнымъ), оказать полное удовлетвореніе Богу и Церкви, какъ слѣдуетъ вѣрному христіанину отвѣтить на всѣ вопросы о вѣрѣ, о которой легатъ найдетъ нужнымъ его спросить. Но легатъ пренебрегъ всѣми этими обѣщаніями и графу, хотя вполнѣ католическому, нельзя было иначе найти пощады у него, какъ навсегда отказавшись отъ всѣхъ своихъ владѣній» ([138]).

Раймондъ, какъ во всякое тяжелое время, надѣялся на преданность своихъ подданныхъ, хотя понималъ, что имъ при всѣхъ своихъ усиліяхъ не устоять противъ соединенныхъ силъ Франціи. Онъ поспѣшно объѣзжаетъ страну, подтверждаетъ и раздаетъ привиллегіи городамъ, слушаетъ вездѣ увѣренія и клятвы въ вѣрности. Его сопровождаетъ общая симпатія горожанъ; католики на его глазахъ клялись надъ

([138]) Matthaeus Par. a. 1226. Эти слова могутъ быть приписаны и Рожеру Вендоверу, который, какъ извѣстно (Cox.—Pauli—England's Geschichte; III 881), былъ авторомъ Historiae major Angliae до 1235 года. Но Вендоверъ изобилуетъ фрагментами Матвѣя Парижскаго въ общихъ мѣстахъ.

Евангеліемъ умереть вмѣстѣ съ нимъ. «Если король французскій, крестоносцы или другіе люди ворвутся въ земли нашего господина графа, клялась вся община города Ажена со всѣми консулами, то мы безъ него, безъ его совѣта, безъ его воли, не заключимъ мира и соглашенія и никогда не откажемся отъ его синьоріи и отъ соблюденія вѣрности къ нему; все время мы останемся вѣрны и покорны (fiel e leial) его власти. Если бы даже Церковь или кто либо изъ прелатовъ захотѣли разрѣшить насъ отъ клятвы и обязанностей къ господину графу, то мы сами не будемъ считать себя разрѣшенными и избавленными отъ заключенныхъ съ нимъ условій» ([139]).

Увлеченіе было искреннее, всеобщее, но въ немъ было не мало легкомыслія. Въ виду наступленія массъ была безсильна эта благородная преданность общинъ своему государю, представлявшему такой рѣдкій въ исторіи примѣръ умѣренности, гуманности обхожденія и уваженія свободы. Раймондъ тѣмъ менѣе могъ надѣяться на обѣщанія южанъ, что зналъ по опыту ихъ невоинственность.

Французская армія способна была произвести трепетъ въ городахъ Лангедока своимъ появленіемъ. Людовикъ VIII велъ 50 т. однихъ рыцарей и оруженосцевъ; пѣхоты было столько-же, если не больше. Опытные полководцы сопровождали короля. Амори съ новымъ саномъ конетабля Франціи и его дядя Гюи Монфоръ были въ свитѣ королевской. Французы пошли на этотъ разъ инымъ путемъ; они имѣли въ виду двинуться съ восточной границы герцогства нарбоннскаго, а не съ сѣверной. Для этого слѣдовало овладѣть богатыми городами по Ронѣ. Въ Ліонѣ было приготовлено множество транспортныхъ судовъ. Обозъ, машины и припасы спустили внизъ по Ронѣ, а армія пошла берегомъ. Лишь только французы подошли къ владѣніямъ тулузскаго графа, ближайшія коммуны стали высылать депутаціи въ лагерь. Нимъ подалъ первый примѣръ. Онъ безусловно принесъ присягу на вѣрность коронѣ, чрезъ посредство своего епископа, обязуясь удовлетворить всѣмъ требованіямъ королевскимъ. Діоцезъ нимскій былъ тогда же присоединенъ къ короннымъ владѣніямъ. То же было съ Пюи-Лораномъ и Кастромъ въ Альбижуа. Королевскіе бальи смѣняли

([139]) Preuves; V, 637. См. также документы N. 129 и 131

городскихъ властей, хотя армія была довольно далеко. Одинъ за другимъ сдавались отряды провансальскихъ рыцарей...

Авиньонцы, которые какъ подданные императора должны были бы быть безопасны, съ своей стороны отправили депутацію къ Людовику и легату съ просьбою о снятіи отлученія и съ изъявленіемъ покорности. Они не желали, чтобы въ городъ вступила вся французская армія; они хотѣли принять одного короля съ его свитой. По требованію короля, было представлено въ лагерь 50 заложниковъ. Легатъ требовалъ безусловной сдачи, а община боялась мести короля за преданность графу тулузскому. Городъ могъ хорошо защищаться, благодаря своей мѣстности. Французы подошли къ берегу Роны въ огромныхъ массахъ и стали переправляться черезъ мостъ. Граждане заперли ворота; съ другой стороны они были недоступны. Энергія охватила общину. Французовъ, которые были въ городѣ, убивали. Сообщенія арміи порвались, когда авиньонцамъ удалось сломать мостъ на Ронѣ. Легатъ проклялъ городъ и обрекъ его мести крестоносцевъ, какъ зараженный ересью. Король рѣшился приступить къ правильной осадѣ. Его нападенія во всѣхъ мѣстахъ были отбиты. Осада должна была затянуться. Прелаты, опасаясь, что императоръ вмѣшается въ войну, если узнаетъ о нападеніи на Авиньонъ, совѣтовали предупредить Фридриха объ этомъ обстоятельствѣ. Императора извѣщали, что французы осаждаютъ Авиньонъ, какъ простые пилигримы во имя любви Божіей, для спасенія католической вѣры, такъ какъ въ этомъ городѣ живутъ еретики, ихъ укрыватели и соумышленники, что права императорскія не будутъ ни въ чемъ нарушены. Особое посольство должно было отвезти это письмо къ императору ([140]). Въ ожиданіи императорскаго отвѣта, король не потерялъ время за осадой. Удерживая Авиньонъ страхомъ оружія, онъ дѣйствовалъ на Лангедокъ страхомъ своего имени. Надо удивляться той паникѣ, какая охватила эти всегда пылкія южныя общины, при приближеніи французской арміи.

([140]) Это посланіе шло отъ духовныхъ и свѣтскихъ вельможъ Франціи за 20 печатями, изъ которыхъ одна принадлежитъ Амори Монфору. N. 133.

Лангедокъ точно прочелъ свою судьбу; онъ видѣлъ безполезность сопротивленія. Одного объѣзда и увѣщанія архіепископа нарбоннскаго было достаточно, чтобы замки и «добрые города», на всемъ широкомъ пространствѣ отъ Гаронны до Роны, склонились подъ ярмо Церкви и Франціи. Синьоры, консулы текли въ станъ короля съ повинной головой ([141]). Даже сильная Каркассона прислала свои ключи Людовику. Графъ Комминга, Бернаръ VI, одинъ изъ союзниковъ Раймонда, прибылъ лично въ авиньонскій лагерь и присягнулъ королю, обѣщая помогать противъ враговъ, особенно противъ графа тулузскаго. Рожеръ-Бернаръ, графъ де-Фуа, положилъ оружіе, не поднимая его, если вѣрить лѣтописцамъ, и просилъ мира; но его условій не приняли. Можно бы заподозрить хронику, написанную офранцузившимся провансальцемъ изъ Пюи Лорана, если бы мы не видѣли въ Національной библіотекѣ Франціи документовъ ([142]) о сдачѣ самыхъ большихъ городовъ Безьера (3 мая), Альби, замка Арена, города Нима (3 іюня) и Каркассоны (14 іюля). Только Тулуза стояла по прежнему, гордая, непреклонная, отвергая всякую мысль о сдѣлкѣ съ врагомъ. Какова бы ни была несоразмѣрность силъ, но Лангедокъ первый разъ такъ позорно склонилъ голову передъ ярмомъ. Отдавать безъ боя крѣпкіе замки и города, не видя даже въ лицо вооруженнаго непріятеля, падать ницъ предъ католическимъ епископомъ,—со стороны полу-еретическихъ общинъ, изъ которыхъ каждая имѣла свою исторію, — было низкою слабостью. Трудно было бы подъискать хотя одно смягчающее обстоятельство для объясненія этого грустнаго и во всякомъ случаѣ страннаго явленія. Впечатлительность провансальцевъ, ихъ способность быстро переходить отъ радости къ отчаянію, присущая имъ въ большей степени чѣмъ французамъ, была бы недостаточнымъ мотивомъ.

Должно замѣтить, что въ станъ альбигойскій проникла измѣна. Провансъ, т. е. заронскій край, въ такой же степени былъ пріютомъ новой вѣры, какъ и самый Лангедокъ. Борьба могла быть ведена только при общемъ единодушіи

([141]) Guil. de Pod. Laur. c. 35.

([142]) Для Альби въ коллекціи Кольбера, для прочихъ въ Thrésorier des Chartes (Archives de France).

городовъ обоихъ береговъ Роны. Людовикъ своимъ движеніемъ по Ронѣ удачно раздѣлилъ союзниковъ и, прежде чѣмъ Лангедокъ могъ взяться за оружіе,—графъ Прованса, Раймондъ-Беренгарій заключилъ союзъ съ Людовикомъ. Онъ обязался помогать королю противъ Раймонда тулузскаго и защищать тѣ прирронскія земли, которыя король завоюетъ ([143]). Слѣдомъ за своимъ графомъ, слабые вассалы провансальскіе въ числѣ пятнадцати «отдали себя, всѣхъ бароновъ и людей своихъ и всю землю свою въ полную волю возлюбленнаго господина своего Людовика, преславнаго короля французовъ» и принесли ему свою вассальную присягу (facio ei homagium ligium contra omnes homines et foeminas qui possiunt vivere et mori) по французскому обычаю ([144]).

Альбигойство наказывалось въ самомъ себѣ. Оно не давало твердыхъ нравственныхъ принциповъ; оно допускало даже по догматикѣ отступничество отъ убѣжденій и тѣмъ самымъ уничтожало себя. Какое бы ни было это ученіе, но оно могло храниться лишь въ отдѣльныхъ личностяхъ твердаго характера, не будучи способнымъ одушевлять собою массы. Французское завоеваніе подавило ересь въ народѣ; инквизиція приступила къ своему дѣлу съ цѣлью искорененія ереси изъ религіозныхъ убѣжденій отдѣльныхъ личностей. Оттого тотъ и другой фактъ, завоеваніе и инквизиція, имѣютъ между собою неразрывную связь.

Одна Тулуза дѣйствительно рѣшилась сопротивляться. Раймондъ озаботился опустошить окрестности, такъ чтобы непріятелю не было ни хлѣба ни фуража. Изъ города удалили стариковъ, женщинъ, дѣтей, лишній скотъ и укрыли въ дальнихъ и безопасныхъ мѣстахъ. Съ небольшими вѣрными дружинами выступилъ Раймондъ къ Авиньону.

Онъ могъ вести только партизанскую войну съ своими сравнительно ничтожными силами. Диверсируя около французскаго лагеря подъ Авиньономъ, онъ отхватывалъ непріятельскіе обозы, что было для французовъ гораздо хуже пораженія въ открытомъ полѣ, потому что стотысячная королевская армія существовала реквизиціями. Припасы, привезенные изъ Франціи, были давно уничтожены. Въ лагерѣ

([143]) Coll. de Colbert.

([144]) Preuves: V. 632, 641; N. 125 126.

короля открылся голодъ, а машины и камни съ авиньонскихъ стѣнъ производили свое дѣйствіе. Стояло жаркое время. Мертвые люди и лошади лежали кучами, не зарытые. Это произвело заразу. Большія черныя мухи, питаясь трупами, потомъ попадая въ напитки и пищу, распространяли ядъ. Истребить этихъ насѣкомыхъ не было никакой возможности; ихъ ужаленіе производило мгновенную смерть, по словамъ лѣтописца ([145]). На французовъ напало уныніе. Король, чтобы поднять духъ арміи, велѣлъ сдѣлать приступъ. Авиньонъ былъ порядочно укрѣпленъ оврагами, башнями и обнесенъ толстой стѣной; ему первый разъ приходилось выдерживать штурмъ. Съ сухопутной стороны городъ былъ недоступенъ; тысячи французовъ двинулись съ противоположнаго берега по вновь устроенному мосту. Мостъ не выдержалъ и рухнулся; съ нимъ вмѣстѣ три тысячи французскихъ кавалеристовъ упали въ Рону.

Но отъ неудачъ Людовикъ не терялся. Въ то время, какъ легатъ и прелаты занимались безплоднымъ проклинаніемъ Раймонда и авиньонцевъ, онъ готовился къ долговременной осадѣ. Между лагеремъ и городомъ, онъ велѣлъ выкопать широкій и глубокій ровъ, дабы прервать всякое сообщеніе съ Авиньономъ. Труповъ уже не хоронили; ихъ кидали въ Рону ([146]). Въ самомъ лагерѣ французскомъ обнаружился разладъ. Сила крупныхъ феодаловъ еще не была сломлена; они могли помѣряться съ королемъ своимъ могуществомъ. Тибо, графъ Шампани и другіе перы не хотѣли угождать прихотямъ короля и, отслуживъ свои феодальные 40 дней, думали о возвращеніи. Король отказалъ, но Тибо

([145]) Matth. Par. a. 1226.

([146]) Матвѣй Парижскій, который сообщаетъ всѣ эти извѣстія, говоритъ еще о нападеніи, произведенномъ авиньонцами на французовъ, которое стоило послѣднимъ до двухъ тысячъ человѣкъ. Вообще свѣдѣнія сантъ-альбанской хроники объ авиньонской осадѣ не пользуются довѣріемъ у французовъ, по мнимому пристрастію лѣтописца; такъ см. Vaissete, l. XXIV, c. 17.— Huillard-Bréholles, Grande chronique; II 319.—Но французскіе авторы похода вѣрятъ всему разсказу Матвѣя Парижскаго. См. Barrau et Darragon; II, 353. Также Martin, Histoire de France; IV, 129.

уѣхалъ съ своими баронами, не обращая вниманія на запрещеніе Людовика. Король достигъ своей цѣли, благодаря упорству и энергіи. Онъ потерялъ 200 бароновъ и 20 тысячъ воиновъ во время этой осады, но наконецъ овладѣлъ городомъ. Три мѣсяца храбро защищались авиньонцы, показавъ благородный примѣръ, но изъ опасенія голода принуждены были сдаться (12 сентября 1226 г.). Триста лучшихъ людей было взято въ заложники. Городъ обязался повиноваться приказаніямъ Церкви. Въ наказаніе за сопротивленіе, городскія стѣны и укрѣпленія были разрушены. Надъ жителями были совершены также другія наказанія, въ знакъ покаянія, по распоряженію легата ([147]).

Когда городъ сдался, императоръ прислалъ гнѣвное письмо папѣ съ жалобой на дерзость Людовика VIII, покусившагося на предѣлы имперіи. Легату было приказано снять отлученіе и смягчить участь города. Но онъ былъ сильнѣе Гонорія III: онъ снялъ отлученіе, обложивъ городъ новымъ поборомъ въ семь тысячъ марокъ въ пользу Церкви и короля. Триста домовъ было въ добавокъ срыто въ городѣ. Ходатайство Фридриха было попрано.

Такъ палъ Авиньонъ, занимавшій одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду провансальскихъ городовъ. Онъ на 80 лѣтъ сдѣлался резиденціею папы, но никогда уже не стоялъ на такой высотѣ промышленнаго и духовнаго развитія, какъ до нашествія Людовика VIII. Нѣкогда онъ былъ прекраснымъ и всестороннимъ представителемъ провансальской національности, теперь низошелъ до степени остальныхъ мелкихъ французскихъ городовъ, которыхъ одна слава заключается въ климатѣ и обаятельныхъ историческихъ воспоминаніяхъ.

Авиньонъ не имѣлъ возможности еще продержаться 15 дней. Дюранса вышла изъ береговъ и затопила то мѣсто, гдѣ стоялъ французскій лагерь. Сомнительно, чтобы король, принужденный отступить съ арміей, упавшей духомъ, рѣшился продолжать вторженіе внутрь страны. Теперь, ему оставалось только торжествовать. Почти безъ отдыха, запасшись припасами, онъ пошелъ поперегъ Лангедока по прямой дорогѣ въ Тулузу. Какъ побѣдитель, онъ давалъ волю

([147]) Guil. de Pod. Laur. c. 35.—Объ участіи Фридриха II—apud Raynaldi, p. 573.

своимъ капризамъ въ странѣ, обезсиленной и лежавшей у ногъ его. Городъ Лимуксъ онъ велѣлъ перенести съ холма въ долину и наложилъ на жителей значительный штрафъ. Въ Безьерѣ, Каркассонѣ, гдѣ останавливался король, къ нему являлись съ поклонами и присягой разные владѣтели съ подданными вассалами. Одинъ изъ такихъ, баронъ Кабарета, попался дорогою въ руки графа тулузскаго и былъ посаженъ имъ въ темницу, гдѣ и умеръ черезъ два года. Въ Каркассонѣ король поставилъ своего сенешала (Adam de-Milly), власть котораго простиралась на окрестныя земли, извѣстныя своимъ еретичествомъ; оттого его преемники долго назывались «сенешалами королевскими въ земляхъ Альбигойскихъ.»

Перейдя Гаронну въ Каркассонѣ, король прибылъ въ Памьеръ. Здѣсь происходило торжественное совѣщаніе епископовъ и бароновъ. Между прочимъ, легату пришла мысль обложить отлученныхъ штрафами, такъ какъ отлученіе церковное стало въ это время для Лангедока пустою формальностью. Каждый оставшійся отлученнымъ послѣ трехъ увѣщаній, долженъ былъ платить 9 ливровъ, а если черезъ годъ онъ не будетъ принятъ Церковью, то лишается своего имущества ([148]). Провансальскіе епископы воспользовались на этомъ соборѣ случаемъ присягнуть своему государю.

Король былъ уже близко отъ Тулузы. Столица ждала новой осады. Но судьба отстрочила ненадолго ея паденіе. Людовикъ уже давно чувствовалъ себя больнымъ, однако превозмогалъ себя. Теперь силы измѣнили ему, когда онъ достигалъ цѣли своихъ желаній. Въ его лагерѣ послѣ авиньонской осады свирѣпствовала зараза. Нѣсколько важныхъ лицъ двора уже стали ея жертвою. Король боялся заразиться и рѣшился оставить теперь же армію, надѣясь вернуться къ будущей кампаніи. Но, покидая Лангедокъ, онъ уносилъ съ собою зародышъ смерти.

Чрезъ Кастельнодарри, Лаворъ, Альби король со всѣмъ дворомъ спѣшилъ въ Овернь. Изъ Альби, этого центра ереси, гдѣ была принесена ему жителями торжественная присяга, онъ назначилъ своимъ намѣстникомъ въ завоеванной

([148]) Mansi. Concilia; XXIII, 19. Постановленія извѣстны изъ канона нарбоннскаго собора 1227 года.

странѣ странѣ Гумберта Божё, который былъ такимъ образомъ первымъ французскимъ намѣстникомъ въ Лангедокѣ, а послѣ сдѣлался великимъ конетаблемъ Франціи. Амори Монфоръ остался въ качествѣ его помощника. Большая армія, раскинутая по городамъ, была предоставлена въ распоряженіе Божё, до предстоявшаго возвращенія короля.

Но Людовику VIII не суждено было больше вернуться въ покоренную имъ страну. Въ послѣднихъ числахъ октября онъ переѣхалъ старую границу Лангедока, но, миновавъ Клермонъ, не могъ продолжать путешествіе. Въ замкѣ Монпансье силы окончательно оставили его и онъ слегъ въ постель. Придворные не знали причины страданій короля, но тѣмъ не менѣе пытались предложить оригинальныя средства излѣченія. Аршамбо де-Бурбонъ, его приближенный и любимый вельможа, пріискалъ для короля молодую и красивую дѣвушку, которая научена была пожертвовать своею честью для мнимаго исцѣленія короля. Увидавъ, рано утромъ, въ своей спальнѣ эту дѣвушку, король, какъ новый Іосифъ, отказался отъ соблазна и сказалъ, что лучше умереть, нежели совершить смертный грѣхъ. Онъ тогда же заставилъ жениться на ней услужливаго Бурбона ([149]). За пять дней до смерти, 3 ноября, онъ призвалъ къ себѣ прелатовъ и главныхъ вассаловъ, заклиналъ ихъ присягой, которую они дали, вѣрно служить своему старшему сыну Людовику, повиноваться ему какъ королю и господину, и короновать его какъ можно скорѣе, чтобы не произошло безпорядковъ въ государствѣ.

Такъ замѣчательно точно исполнилось предсказаніе Филиппа Августа. Людовикъ VIII сталъ жертвою происковъ духовенства и поднялъ французовъ на Лангедокъ. Онъ разстроилъ свое здоровье въ этомъ походѣ, не столько прославившемъ его оружіе, сколько унизившемъ провансальцевъ, и погибъ отъ послѣдствій своего предпріятія, оставивъ государство въ рукахъ 12-лѣтняго сына и своей молодой жены.

Но дѣло имъ начатое и почти конченное не могло погибнуть. Судьбы Лангедока были рѣшены. Со смертью ко-

([149]) Guil. de Pod. c. 36.

роля Людовика VIII провансальцамъ мудрено было стряхнуть съ себя французское владычество. Въ Альби и Каркассонѣ были не только французскія войска, но была прочная французская гражданская власть въ лицѣ намѣстниковъ и сенешаловъ, которая пускала свои вѣтви по всей странѣ и крѣпкими узами сбиралась притянуть къ Парижу и волѣ королевской каждый городской ленъ и каждаго рыцаря провансальскаго. Божё распоряжался самовластно. Онъ велѣлъ сжечь живымъ извѣстнаго альбигойскаго епископа Петра Изарна, осужденнаго архіепископомъ нарбоннскимъ, и тѣмъ открылъ казни инквизиціи. Мы узнаемъ послѣ характеръ французской власти и механизмъ новаго управленія, что было гораздо важнѣе и гораздо интереснѣе самаго завоеванія, представляя собою поворотъ во внутренней исторіи эпохи,—а теперь поспѣшимъ досказать послѣдніе годы независимости Лангедока.

Раймондъ тулузскій, узнавъ о смерти своего врага, сталъ льстить себя надеждой, что счастье снова улыбнется ему. Онъ разсчитывалъ на малолѣтство Людовика IX, на естественное разстройство въ управленіи государствомъ, на слабость регентства въ виду коалиціи нѣкоторыхъ вассаловъ. Онъ сбиралъ вокругъ себя разсѣянныхъ провансальцевъ, но голосъ его не достигъ до площадей городовъ, которые были подъ гнетомъ французской власти. Съ графомъ де-Фуа онъ подтвердилъ прежній союзъ. Онъ далъ ему въ феодъ большую часть земель, которыми фактически не могъ уже располагать, а также владѣнія виконта безьерскаго въ случаѣ смерти послѣдняго. Несчастный Раймондъ VII полагалъ, что легко будетъ отнять при помощи Рожера Бернара у французовъ завоеванія, въ которыхъ они уже утвердились. Оба графа обязались не заключать мира съ Церковью и съ королемъ французскимъ, иначе какъ по обоюдному соглашенію. Всѣ подобные трактаты имѣли теперь одно фиктивное значеніе.

Гораздо болѣе надежды внушили Раймонду вѣсти изъ Парижа о возстаніи, которое подняли графы Бретани, Шампани и Ла-Маршъ противъ регентши Бланки Кастильской.

Вдовѣ Людовика VIII предстояло дѣйствовать въ самыхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ. Она нашлась на своемъ мѣстѣ. Обладая замѣчательными правительственными талантами, она была способна защищать наслѣдіе Филиппа

Августа. По словамъ французскаго историка, Бланка была величайшею женщиною изъ всѣхъ носившихъ въ Галліи корону послѣ Брунегильды. У ней было много осторожности, предусмотрительности и энергіи, тѣхъ качествъ, которыя составляли славу Филиппа. Въ независимости своего характера и въ превосходствѣ своего ума, она почерпнула умѣнье предохранить тронъ своего сына отъ опасностей феодализма и отъ покушеній клерикальной партіи. Натура гордая, призванная къ власти, она предалась своему дѣлу всецѣло. Страстно, до смѣшныхъ выходокъ ревности любя своего сына, она выдержала его въ суровой домашней школѣ. Она вселила въ него то стремленіе къ аскетическому идеалу, которое сдѣлалось послѣ основною чертою его характера «Я соглашусь лучше видѣть своего сына мертвымъ, хотя люблю его больше всего на свѣтѣ, говорила она, но не позволю ему имѣть связь съ посторонней женщиной и тѣмъ совершить смертный грѣхъ.» Тогдашніе школьные пріемы не отличались, не смотря на проповѣди св. Анзельма, мягкостью. Суровые прецепторы позорнымъ образомъ били и терзали дѣтей королевскихъ для внушенія имъ дисциплины и страха Божія. Такъ воспитывался и Людовикъ IX, подъ зоркимъ наблюденіемъ матери, предоставивши дѣла государства въ ея полную волю.

Неусмиренные и могущественные феодалы должны были оскорбиться, видя себя въ рукахъ иностранки, энергія которой доходила иногда до упорства, а твердость до деспотизма. Они не привыкли и въ короляхъ встрѣчать такую строго-франкскую силу характера. Бланка доказала ее въ день коронованія Людовика IX. По старому французскому обычаю, такой день былъ знаменуемъ дѣлами милости—въ примѣненіи къ заточеннымъ преступникамъ. Уже 12 лѣтъ томились въ тюрьмахъ королевскихъ графы фландрскій и булонскій и другіе бароны, посаженные туда Филиппомъ вопреки привиллегіямъ феодаловъ, которыхъ должны были судить свои перы. Земли ихъ были конфискованы Филиппомъ. Друзья требовали теперь ихъ освобожденія и возвращенія земель. Бланка, поддерживаемая папскимъ легатомъ, кардиналомъ Романомъ, съ которымъ она находилась въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ, рѣшительно отказала въ этой просьбѣ и совершила обрядъ коронаціи, въ присутствіи всѣхъ значительныхъ перовъ Франціи. Королевѣ-матери была принесена такая-же присяга, какъ и

ея сыну. Уже послѣ коронаціи, она освободила графа фландрскаго, но въ тоже время подтвердила сильному графу Шампани Тибо, своему поклоннику, запрещеніе строить новыя крѣпости. Это возмутило и Тибо и его друзей. Скоро на Западѣ Франціи, начиная съ Бретани, возникло волненіе противъ короны Недавнее владычество англійскаго короля казалось баронамъ гораздо легче господства и тираніи женщины. Герцогъ Гвіенскій, братъ Генриха III и графъ де-Ла-Маршъ находили выгоднымъ поддерживать возстаніе въ этихъ провинціяхъ. Англійскіе агенты появились въ Нормандіи, Бретани, Анжу и Пуату и давали обѣщанія вольности баронамъ, надѣясь снова склонить ихъ на сторону Англіи. Королева лично повела королевскія войска и подавила возстаніе при самомъ началѣ. Графъ Тибо не устоялъ противъ давнишней страсти и подъ вліяніемъ своего чувства, самъ явился въ лагерь королевы. «Мое сердце и вся моя земля въ вашей власти; нѣтъ ничего, чего-бы я не сдѣлалъ согласно вашему желанію», говорилъ онъ ей съ рыцарской любезностію. Его поступокъ склонилъ успѣхъ на сторону Бланки. Проклиная его, графы Бретани и де-Ла-Маршъ сдались тоже. Одинъ за другимъ являлись въ ея лагерь за прощеніемъ гордые графы и бароны. Казалось лига распалась, но она возродилась снова. Графъ Филиппъ булонскій составилъ заговоръ, чтобы захватить короля и его мать въ Орлеанѣ и только вѣрность Тибо и живая преданность парижскаго населенія, которое выступило вооруженной массой по орлеанской дорогѣ при первомъ слухѣ объ опасности, спасли монархію во Франціи. Бланка торжественно вступила въ Лувръ, окруженная торговцами, студентами и ремесленниками([150]). Но изъ Бретани опасность не прекращалась. Бланка, прибывшая туда безъ войска для переговоровъ, благодаря новой измѣнѣ, едва было не попалась въ руки графа Пьера Маклерка, регента Бретани, и снова Тибо спасъ ее, своимъ внезапнымъ появленіемъ, какъ рыцарь волшебныхъ сказокъ. Онъ же помогъ королевѣ смирить гордаго графа Бретани, заставивъ его сдаться и просить милости. Такая преданность къ ненавистной «чужестранкѣ» вызвала въ высшемъ дворянствѣ

([150]) Joinville. Vie de S. Louis, c. 40. — Matth. Par. a. 1228.

недовѣріе, а потомъ явную вражду къ Тибо. Пустили слухи о его связи съ королевой, о насильственной смерти покойнаго короля, сведеннаго-де отравою въ могилу руками измѣнницы и любовника. Интрига создала цѣлую лигу. Перы и бароны изъявили желаніе мстить за Людовика VIII. Они оставили королеву и самовольно, но единодушно кинулись на Шампань, кто съ сѣвера, кто съ юга. Шампань была страною по преимуществу демократической, благодаря своей промышленности и торговлѣ виномъ. Тамъ графы «больше дѣлали для буржуа и крестьянъ, чѣмъ для рыцарей», говоритъ мѣстный хроникеръ и понятно, что они были тамъ популярны. Графу стоило только стать во главѣ своихъ городовъ, и они принесли ему всѣ требуемыя жервы. Чтобы недоставаться непріятелю, три города погибли въ пламени. Жители великодушно ихъ покинули, ради спасенія своего графа, который послѣ геройской защиты своей страны, дождался наконецъ прибытія вѣрныхъ королевскихъ войскъ. Феодальная сила такимъ образомъ была сломлена; мятежные вассалы принуждены были оставить Шампань, разсчитывая осуществить свои замыслы при другихъ обстоятельствахъ и на другомъ мѣстѣ. Всѣ города французскіе оказывали въ этой борьбѣ съ лигой искреннее содѣйствіе королевской власти. Въ концѣ 1228 г. магистраты всѣхъ коммунъ Франціи торжественно клялись защищать короля, его мать и братьевъ противъ всѣхъ и всякаго ([151]). Это показывало, на сколько созрѣло національное чувство во Франціи. Городское сословіе далеко опередило въ немъ феодальное. Это чувство было тѣмъ выше, что обнаружилось въ одну изъ минутъ испытанія; оно свидѣтельствовало объ историческомъ назначеніи Франціи, такъ какъ вокругъ королевскаго знамени неожиданно возникла новая сила, составившая по своему духу успѣхъ противъ средневѣковыхъ идей,—сила національно-патріотическая. Черезъ два—три года, король, благодаря искусству своей матери и поддержкѣ добрыхъ городовъ, платившихъ съ своей стороны услугой за услугу, могъ спокойно властвовать не только во Франціи, но и въ Лангедокѣ.

Раймондъ видѣлъ какъ пали его надежды на лигу. Въ неудачѣ своихъ собратьевъ онъ видѣлъ гибель собственнаго

([151]) Tillemont. Vie de S. Louis; I, 529.

дѣла. Оглядываясь на Римъ, онъ еще болѣе падалъ духомъ. Тамъ въ это время садился на престолъ первосвященниковъ, послѣ смерти кроткаго Гонорія III, человѣкъ необыкновенной энергіи, твердой воли и замѣчательно предпріимчиваго ума. Это былъ родной племянникъ Иннокентія III, остійскій епископъ Уголино, сынъ графа Тристана Конти. Какъ бы желая напомнить католическому міру былыя времена, онъ провозгласилъ своимъ образцемъ Гильдебранда и принялъ имя Григорія IX ([152]). Онъ пользовался общимъ уваженіемъ даже у враговъ, по своимъ дарованіямъ и высоко-нравственной жизни. Императоръ Фридрихъ II отзывался о немъ какъ о человѣкѣ безукоризненной славы, чистой жизни, высокаго благочестія, замѣчательныхъ знаній и краснорѣчія. Онъ не запятналъ себя ничѣмъ въ продолженіе своей 50-лѣтней дѣятельности въ разныхъ церковныхъ должностяхъ. Онъ всегда считался «образцемъ святости» (exemplar totius sanctitatis). Въ то время деморализаціи высшаго духовенства, такой отзывъ могъ казаться исключительнымъ. Онъ былъ уже старъ, когда, 18 марта 1227 года, надѣлъ папскую тіару. Но въ крови его была энергія его знаменитаго дяди, который когда-то облекъ его въ кардинальскій пурпуръ. Понятно, что всегда вдохновляясь политикой Иннокентія III относительно Юга, онъ старался быть его подражателемъ. Но въ своей ревности онъ далеко перешелъ тѣ предѣлы, которые оправдываются исторіей и духомъ времени. Въ душѣ этого гордаго и неуступчиваго старика никогда не находили мѣста мягкія человѣческія чувства. Онъ посвятилъ себя безпощадной борьбѣ съ духомъ новизны, которая стала проявляться въ католическомъ мірѣ, и такъ закалился въ этой борьбѣ, что истребленіе сдѣлалъ своею страстью. По своей натурѣ онъ неспособенъ былъ къ сдѣлкѣ, къ примиренію. Онъ былъ рожденъ для борьбы и кровавыхъ предпріятій. На первосвященническій престолъ такіе люди приносили мірскія страсти. Онъ не хотѣлъ умереть, не вернувъ папство и Церковь въ то положеніе, какое они занимали при Гильдебрандѣ. Онъ сталъ бороться во имя прошлаго, пренебрегая всякими средствами, но обнаруживая въ себѣ замѣчательныя

([152]) Raynaldi; Annales; 589. Энциклика Григорія IX объ его избраніи.

силы. По характеру политики онъ обѣщалъ представить контрастъ съ своимъ предшественникомъ, Гоноріемъ III. Даже въ дѣлахъ ереси, послѣдній, въ силу ученія христіанскаго, хотѣлъ дѣйствовать «болѣе убѣжденіемъ, чѣмъ строгостью». Онъ правда иногда произносилъ отлученія, но съ готовностію снималъ ихъ; они никогда не вызывали въ его рукахъ угнетеній, насилій и костровъ Григорій IX былъ не таковъ: онъ не остановился бы ни предъ какими насильственными мѣрами для торжества его воинствующей Церкви. Потому то, послѣ Гонорія III сочувствіе покидаетъ римскихъ первосвященниковъ и ту Церковь, во имя которой они совершили столько преступленій.

Григорій IX, вступая на престолъ, видѣлъ передъ собою двѣ цѣли; та и другая были одинаково дороги для него и за обѣ онъ ревностно принялся въ первые же дни папствованія. Императора Фридриха II онъ поднималъ противъ сарраценъ за св. Землю ([153]), а короля французскаго противъ еретиковъ альбигойскихъ за св. Церковь ([154]). Онъ могъ указать на слабые успѣхи Раймонда VII послѣ смерти Людовика VIII, какъ на слѣдствія нерадѣнія новаго правительства. Но успѣхи эти не были опасны для французской власти. Раймонду удалось въ продолженіе зимы 1227 г. овладѣть замкомъ Отривъ, въ 4 лье отъ Тулузы, занять Кастельнодарри, Лабецедъ и Санъ-Поль. Обладаніе первымъ имѣло довольно важное значеніе по его положенію. Желаніе отложиться отъ французовъ проявлялось и въ другихъ городахъ, но французскіе коменданты подавляли ихъ въ самомъ началѣ ([155]). Между тѣмъ какъ Божё готовилъ свою армію, чтобы возобновить военныя дѣйствія, овладѣть Тулузою, этимъ послѣднимъ центромъ агитаціи и уничтожить Раймонда, духовная власть принимала свои мѣры противъ ереси, Лангедока и графа Тулузы.

На соборѣ нарбоннскомъ, собранномъ весной 1227 г., Раймондъ былъ преданъ церковному проклятію Этотъ обрядъ прелаты собора постарались совершить со всею тор-

---

([153]) Huillard—Bréholles. Historia diplomatica Friderici Secundi; III, p. II.

([154]) Coll. de Colbert.

([155]) Guil. de Pod. Laur. c 37.

жественностію. Засѣданіе собора происходило въ церкви. Въ урочный часъ раздался погребальный колокольный звонъ, прелаты встали съ своихъ мѣстъ и, опрокинувъ свѣчи, потушили ихъ въ ознаменованіе мрака, постигающаго отнынѣ душу отверженнаго. Соборъ приглашалъ вѣрныхъ провозглашать это отлученіе во всѣ воскресные и праздничные дни при звонѣ колоколовъ и при погашенныхъ свѣчахъ ([156]). Участь Раймонда раздѣлили графъ де-Фуа и виконтъ Безьерскій. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ силу того же 17 пункта объявлялись отлученными еретики-тулузцы, подданные бывшаго графа, ихъ защитника, укрывателя и единомышленника, особенно жители Лимукса и другихъ мѣстъ, которые, поклявшись въ вѣрности королю, отпали отъ Церкви—со всѣми тѣми, которые имъ помогаютъ чѣмъ бы то ни было. Отлученные не признавались больше членами человѣческаго общества. Ихъ личности и имущества предаются въ руки всякаго, кто пожелаетъ тѣмъ воспользоваться.

Соборъ подъ предсѣдательствомъ архіепископа Петра Амелина издалъ на этотъ разъ 20 канововъ, обязательныхъ для Лангедока. Это были тѣ мѣры, которыя имѣли цѣлью сгладить прежніе нравы, общественность, вѣротерпимость, свободу совѣсти и обратить веселый Лангедокъ въ мрачный, скучный, но покорный волѣ прелатовъ монастырь. Соборъ началъ съ евреевъ. Имъ запрещено брать большіе проценты, имѣть христіанскую прислугу и совершать открыто свое богослуженіе. Они должны были вмѣстѣ съ католиками воздерживаться отъ мяса въ извѣстное время и оказывать уваженіе къ христіанскимъ праздникамъ. Въ отличіе отъ христіанъ, они должны были носить красный знакъ на спинѣ и платить передъ Пасхой ежегодно 6 денаріевъ съ семейства въ пользу приходскихъ церквей (кан. 2—4). Далѣе было постановлено, чтобы, при составленіи завѣщаній, непремѣнно присутствовали священникъ и свидѣтель, иначе завѣщатель будетъ лишенъ христіанскаго погребенія, какъ еретикъ (к. 5). Той же участи подвергаются тѣ, которые будучи старше 14 лѣтъ, не являлись ежегодно къ причастію, и потому священникъ долженъ вести списокъ своихъ испо-

([156]) Mansi, Concilia; XXIII, 19 etc.—Hefele, Conciliengeschichte; V, 838.

вѣдниковъ (к. 7). Всѣ клирики избавлялись отъ налога лично и имущественно, а гражданскимъ властямъ за подобныя взиманія грозили наказаніемъ (к. 12). Консулы и другія городскія власти должны были дать ручательство въ своемъ католицизмѣ; они обязывались преслѣдовать еретиковъ и не допускать ненадежныхъ лицъ на какую либо общественную должность (к. 15—16). Наконецъ (въ 14 канонѣ), велѣно было назначить въ каждомъ приходѣ особыхъ синодальныхъ надсмотрщиковъ по назначенію епископовъ. Они должны были наблюдать за появленіемъ ереси и за другими церковными преступленіями и нарушеніями. Извѣстно, что въ этомъ постановленіи многіе историки видятъ начало инквизиціи. Мы убѣдимся, что ея организація появилась нѣсколько позднѣе, когда французы сдѣлались полными властителями въ странѣ, а доминиканцы захватили въ свои руки всю духовную полицію.

Теперь, послѣ собора, прелаты сочли своимъ долгомъ принять личное участіе въ окончаніи дѣла, предпринятаго будто для торжества Церкви. Архіепископъ нарбоннскій и Фулькъ тулузскій, прозванный провансальцами «епископомъ дьяволовъ», явились въ распоряженіе Божё, осаждавшаго замки, отнятые Раймондомъ въ то время когда графъ лично проникнулъ въ Альбижуа. Въ одномъ изъ взятыхъ замковъ попался въ плѣнъ альбигойскій діаконъ, Гераръ де-ла Мотъ и съ нимъ 15 еретиковъ. Они были всѣ сожжены живыми ([157]). Съ перемѣннымъ счастіемъ боролся Раймондъ съ французами въ продолженіи года. Онъ никогда не рѣшался вступать въ открытое сраженіе съ Божё. Его тактика заключалась въ истомленіи противника. Онъ держалъ его въ опасности своими внезапными появленіями; отвлекая его отъ Тулузы, онъ исчезалъ при первомъ серьезномъ преслѣдованіи. Проигрывая одно, онъ пріобрѣталъ другое. Между тѣмъ французы раздробляли и теряли свои силы и даже вождей. Такъ при осадѣ замка Варейль, былъ убитъ Гюи Монфоръ, братъ Симона. Онъ не дождался скораго торжества своего дѣла въ странѣ, гдѣ его

([157]) Guil. de Nangiaco. Chronicon, a. 1227.—Эта кампанія остается самою темною. В. Нанжисскій преувеличиваетъ успѣхи французовъ; Матвѣй Парижскій—успѣхи Раймонда; хроника Пюи-Лорана даетъ смутныя свѣдѣнія.

имя имѣло такую печальную извѣстность. Иногда удавалось Раймонду овладѣвать сильными городами; такъ зимой 1228 года, онъ захватилъ Кастельсаррасенъ ([158]). Тогда Божё, получивъ подкрѣпленіе изъ Франціи крестоносцами и церковной десятиной, данной впрочемъ весьма неохотно, предпринялъ въ половинѣ мая нанести рѣшительный ударъ Раймонду и именно на этомъ пунктѣ. Онъ пошелъ къ этому городу, рѣшившись послѣ взятія его идти на Тулузу.

Раймондъ, слѣдуя своему всегдашнему обыкновенію, вертѣлся съ боковъ непріятельской арміи. Въ одномъ мѣстѣ, въ горахъ, проходъ былъ тѣсенъ и затруднителенъ. Мѣстность благопріятствовала засадѣ. Раймондъ не преминулъ этимъ воспользоваться. Онъ далъ послѣдній разъ разгуляться своимъ рыцарямъ. Французы понесли тяжелыя потери. Множество было убито и не мало попалось въ плѣнъ къ озлобленному непріятелю. Провансальцы знали, что ихъ самихъ въ случаѣ несчастія не пощадятъ. Плѣнныхъ раздѣлили по ихъ значенію. Простые пѣхотинцы (servientes) были отданы въ распоряженіе побѣдителей. Съ разрѣшенія Раймонда, надъ ними производили истязанія; однимъ отрѣзывали носы, другимъ уши, третьимъ выкололи глаза. Въ такомъ видѣ, полунагіе, они были отправлены на родину, чтобы служить внушительнымъ примѣромъ ([159]). Что касается до плѣнныхъ рыцарей, то ихъ Раймондъ взялъ подъ свое покровительство, хотя и они не были предохранены отъ грабежа. Такая безполезная жестокость была роковой для Раймонда. Онъ далъ новую пищу фанатизму. Архіепископы Бордо и Ока привели новыя когорты крестоносцевъ, нанятыя во Франціи. Божё послѣ своего пораженія бросилъ прежній планъ и вмѣсто того, чтобы тратить силы на мелкіе замки, хотѣлъ нанести болѣе существенный ударъ. Добившись голодомъ сдачи Кастельсаррасена и оставивъ въ рукахъ провансальцевъ другіе замки, Божё рѣшился захватить центръ національнаго движенія. Тогда Раймонду пришлось бы сдаться или покинуть страну. Божё понялъ, что только обладаніе Тулузой можетъ упрочить французское владычество въ Лангедокѣ.

([158]) Guil. de Pod. c. 37.

([159]) Matth. Par. a. 1228. Цифра (500) плѣнныхъ французскихъ рыцарей видимо преувеличена, а тѣмъ болѣе пѣхотинцевъ (2000).

Обойдя замокъ Санъ-Поль, французскій главнокомандующій неожиданно появился предъ столицею и занялъ позицію на разстояніи одного лье къ востоку. Здѣсь къ нему подошли крестоносцы, прелаты, бароны Гаскони и подневольныя ополченія нѣкоторыхъ южныхъ коммунъ. Тулузцы готовились къ оборонѣ въ силу своей клятвы. Божё увидѣлъ, что укрѣпленія столицы неприступны. Высоты, на которыхъ стояли французы, были покрыты виноградниками, служившими источникомъ богатства Тулузы. Эти виноградники были потоптаны и уничтожены. Одинъ отрядъ былъ отправленъ на опустошеніе окрестностей, другой на фуражировку. Но французы этимъ недовольствовались. Сатанинскій геній Фулькона, носившаго не даромъ прозвище «епископа діаволовъ», придумалъ новый способъ войны съ тулузцами.

Все широкое пространство между городскими стѣнами и французской позиціей было усѣяно красивыми загородными домиками (villas), расположенными въ густой зелени садовъ. Эти домики для вида были укрѣплены башенками и окопаны оврагами. Они нѣсколько затрудняли доступъ къ городу. Жители ихъ оставили, но французы также не рѣшались ихъ занять, чтобы оставаться внѣ выстрѣловъ съ тулузскихъ машинъ. За то каждое утро, отслушавъ мессу, съ разсвѣтомъ, осаждавшіе отправлялись отдѣльными отрядами, вооружась ломами и топорами, подъ прикрытіе этихъ укрѣпленій, съ регулярными солдатами впереди, и въ глазахъ тулузцевъ стирали съ лица земли все, что хотѣли. Подходя къ самымъ стѣнамъ и встревоживъ осажденныхъ, они возвращались назадъ другимъ путемъ, продолжая уничтожать сады, деревья, ломать виноградники и разрушать дома. Скоро вся эта живописная мѣстность, воздѣланная трудомъ и искусствомъ долгихъ годовъ, представляла голую степь. Потомъ подобныя же операціи переносились на другіе окрестные пункты.

Такимъ занятіямъ предавались эти благородные воины въ продолженіи трехъ мѣсяцевъ, «пока дѣло было вполнѣ сдѣлано», какъ выражается одинъ изъ друзей крестоносцевъ ([160]). Благочестивый епископъ съ ироніей говорилъ объ

([160]) Guil. de Pod. c. 38.

удобствахъ своего плана. «Мы торжествуемъ надъ нашими врагами чудомъ; мы побѣждаемъ ихъ, бѣгая отъ нихъ». Когда опустошать было болѣе нечего и только обнаженныя развалины представлялись взорамъ на протяженiи нѣсколькихъ льё, французская армiя снялась, вѣрно разсчитывая, что истощенному и голодному городу придется покориться. Гасконскiе отряды воротились, а Божё отошелъ къ Памьеру, сберегая своихъ солдатъ и безпощадно опустошая земли графа де-Фуа.

Дѣйствительно, «дѣло было сдѣлано». Судьба Тулузы рѣшилась.

Раймондъ видѣлъ себя оставленнымъ всѣми. Жажда мести была подавлена несчастiями. Пылъ его энергiи охладѣлъ и онъ самъ не узнавалъ себя. Будущее было темно; оно ничего не обѣщало ему. Тулузцы приходили въ ужасъ, увидавъ страшныя для нихъ послѣдствiя войны. Ихъ благосостоянiе рушилось. Плоды долгихъ трудовъ исчезли; нищета и голодъ для большей части населенiя были неминуемы въ случаѣ дальнѣйшаго сопротивленiя. Для нихъ 18 лѣтъ войны не принесли такого вреда, какъ эти три мѣсяца осады. И государю и столицѣ приходилось покориться, и въ этотъ разъ навсегда.

Съ тѣмъ вмѣстѣ рѣшилась судьба альбигойцевъ. О нихъ теперь думали меньше всего. Нельзя бороться за идею вѣротерпимости, когда отнимаютъ послѣднiй кусокъ хлѣба. А въ самихъ себѣ альбигойцы не могли почерпнуть одушевленiя и готовности къ самопожертвованiю.

Бланка Кастильская и Романъ поняли теперь, что ихъ часъ насталъ. Раймондъ склонилъ голову, но еще не просилъ пощады.

Тогда легатъ послалъ къ нему аббата цистерцiанскаго монастыря Грандсельвъ для переговоровъ. Онъ нашелъ Раймонда въ Басьежѣ. Здѣсь были имъ безпрекословно приняты общiя условiя мира, опредѣлившiя подчиненiе его родины Францiи. Раймондъ привезъ аббата въ Тулузу. Онъ чувствовалъ потребность раздѣлить горе съ своими вѣрными гражданами. Онъ могъ утѣшить ихъ однимъ, что, дѣлаясь рабомъ, онъ, по условiю договора, пока живъ, предоставляетъ себѣ право не разставаться съ своей столицей, для которой сдѣлаетъ все, что еще сможетъ. Онъ просилъ аббата похлопотать о томъ, чтобы переговоры велись на нейтраль-

ной землѣ въ городѣ Мо (Meaux en Brie), во владѣнiяхъ его друга графа Шампани, котораго онъ приглашалъ быть посредникомъ. Прежде всего Раймондъ долженъ былъ отказаться отъ своихъ владѣнiй, отдаться милосердiю короля и уже отъ него получить то, что ему заблагоразсудятъ дать, на особыхъ условiяхъ. Эта была исходная точка переговоровъ.

10 декабря 1228 г. Раймондъ написалъ въ Тулузѣ и вручилъ аббату посланiе къ королю о мирѣ, гдѣ говорилъ между прочимъ, что «желая отъ всего сердца вернуться въ единую Церковь и жить въ своихъ доменахъ, храня вѣрность и исполняя службу своему господину-королю Францiи и госпожѣ-королевѣ матери, своей кузинѣ, онъ Раймондъ посылаетъ имъ, также какъ и кардиналу легату св. Церкви Илью, аббата Грандсельва, чтобы обсудить съ ними условiя мира, ради котораго этотъ аббатъ долго и много потрудился. Онъ объявляетъ его своимъ уполномоченнымъ и обѣщаетъ, съ согласiя бароновъ и особенно (specialiter) консуловъ Тулузы, ратификовать все, что будетъ постановлено съ совѣта и согласiя его возлюбленнаго кузена Тибо, графа палатина Бри и Шампани» ([161]).

Той же зимой въ Мо происходилъ многочисленный съѣздъ прелатовъ и свѣтскихъ лицъ. Папскiй легатъ игралъ первую роль. Архiепископъ нарбоннскiй и всѣ лангедокскiе епископы были на лицо. Раймондъ VII явился въ сопровожденiи скромныхъ депутатовъ отъ города Тулузы. Они также должны бы были принять участiе въ переговорахъ, такъ какъ представляли собою враждующую сторону, но случилось такъ, что Раймондъ долженъ былъ даже за себя самого предоставить веденiе переговоровъ цистерцiанскому монаху, агенту легата. Ему и общинѣ тулузской предоставляли только скрѣпить своимъ согласiемъ условiя, весьма невеликодушно данныя побѣдителемъ. Въ согласiи Григорiя IX были увѣрены.

Папа еще до сдачи Раймонда предлагалъ въ посланiи къ легату ([162]) сдѣлку о бракѣ между однимъ изъ братьевъ

([161]) Preuves; V, 650; № 145.
([162]) Raynaldi; a. 1226, p. 575.

королевскихъ и дочерью Раймонда, чтобы черезъ это Нарбонна и Тулуза перешли къ коронѣ. Это основное условіе было включено въ тотъ же трактатъ и принято обѣими сторонами, какъ скорѣйшее средство къ сближенію двухъ національностей, долго находившихся во враждебныхъ отношеніяхъ. Дѣйствительно, если бы это условіе было выражено не такъ настоятельно, а нѣсколько иначе, оно могло бы смягчить горечь Раймонда VII и его нравственное приниженіе.

Такъ какъ все существенное было условлено раньше, то трактатъ могъ быть изготовленъ быстро, въ продолженіи января 1229 года. Но въ слѣдующемъ мѣсяцѣ пришлось перенести засѣданія въ Парижъ, такъ какъ король долженъ былъ пересмотрѣть трактатъ и утвердить его своею подписью.

Послѣдняя редакція въ Парижѣ была сдѣлана нѣсколько иначе, но съ сохраненіемъ прежнихъ основаній. Мирный договоръ, покончившій долгую и опустошительную войну, былъ наконецъ переписанъ окончательно въ двухъ экземплярахъ, изъ которыхъ одинъ былъ за подписью Людовика IX, другой Раймонда VII.

---

12 Апрѣля 1229 года, въ четвергъ на страстной недѣлѣ, Парижъ съ утра пришелъ въ необычное движеніе. Народъ густыми толпами стекался въ Cité, стараясь пробиться къ тѣсной площади передъ соборомъ Богоматери. Процессіи крестнымъ ходомъ изъ разныхъ церквей направлялись туда же. Королевскій кортежъ прошелъ небольшое разстояніе, отдѣляющее отъ каѳедрала нынѣшній «Palais de Justice», гдѣ тогда помѣщался дворъ. Молодой король съ своей свитою, имѣя около себя Раймонда тулузскаго, занялъ мѣсто у великолѣпнаго портала, недавно оконченнаго его дѣдомъ. Три кардинала, изъ которыхъ двое были легатами апостольскаго престола, два архіепископа, нарбоннскій и санскій, епископы парижскій, тулузскій, отенскій, нимскій, магеллонскій и множество монаховъ и канонниковъ сидѣли на скамьяхъ возлѣ каѳедрала. Среди площади возвышалась эстрада, на которой стоялъ аналой, а на немъ лежалъ готическій манускриптъ Евангелія. Толпы народа тѣснились около площади, окруженной копейщиками, и густо унизывали крыши сосѣднихъ зданій.

Когда король прибылъ, уже было 12 часовъ. По данному знаку все затихло и королевскій клеркъ, поднявшись на ступени эстрады, развернулъ длинный пергаментъ, на которомъ красовались печати Франціи и Тулузы, и сталъ читать его громкимъ голосомъ.

Это былъ мирный договоръ, подписанный Раймондомъ VII, въ которомъ онъ, послѣ вступленія, клялся въ слѣдующемъ:

«Быть вѣрнымъ и послушнымъ слугою короля и Церкви до самой смерти своей, сражаться съ еретиками (haereticos et eorum credentes), ихъ единомышленниками и укрывателями въ земляхъ, которыми мы владѣли и будемъ владѣть, не щадя нашихъ близкихъ, вассаловъ, родственниковъ и друзей, очистить вполнѣ нашу землю отъ ереси, а также помочь очистить отъ еретиковъ земли, которыми владѣетъ король.

«Обѣщаемъ произвести безъ замедленія должный судъ надъ еретиками и приказать нашимъ байльи тщательно розыскать какъ ихъ, такъ ихъ единомышленниковъ и укрывателей, согласно распоряженіямъ, какія сдѣлаетъ господинъ легатъ. Для облегченія же такого розыска обязываемся платить въ продолженіи двухъ лѣтъ по двѣ сер. марки, а потомъ по одной всякому, кто представитъ еретика, осужденнаго епископомъ діоцеза или тѣми, кто имѣетъ право суда; что же касается до тѣхъ, которые не окажутся открытыми еретиками, а будутъ признаны лишь подозрительными, то относительно ихъ обязываемся исполнять то, что укажутъ легатъ и Римская Церковь. «Также обязываемся хранить миръ во всѣхъ нашихъ владѣніяхъ, изгонять и наказывать рутьеровъ, покровительствовать церквамъ и духовенству, сохранять за ними ихъ права, иммунитеты и привилегіи и побуждать нашихъ подданныхъ поступать также, уважать приговоры надъ отлученными и таковыхъ избѣгать, какъ предписывается канонами; побуждать тѣхъ, которые пробыли отлученными въ продолженіи года, обращаться къ Церкви подъ страхомъ конфискаціи ихъ имуществъ; обязать въ свою очередь байльи нашихъ исполнять все вышесказанное; наказывать тѣхъ, которые небрежны въ исполненіи этой обязанности и назначать въ эти должности католиковъ. Если же еврей, или заподозрѣнный въ ереси, ошибочно попадетъ въ эту должность, то немедленно удалить его и наказать. Байльи должны также наблюдать, чтобы никто изъ евреевъ и подозрѣваемыхъ не покупалъ земель и не пріобрѣталъ рентъ съ городовъ и виллъ.

«Обѣщаемъ возстановить теперь же недвижимыя имущества и права церквей и духовенства вполнѣ на всемъ пространствѣ земель, какими мы владѣемъ, а именно тѣ, которыми церкви и духовные владѣли до прихода крестоносцевъ; о прочихъ же будетъ рѣшено по праву, легатомъ, его посланными или делегатами апостольскаго престола.

«Обязываемся заплатить десятину и уплачивать ее впослѣдствіи; не позволять чтобы ее захватывали рыцари и другія свѣтскія лица, а предо-

ставлять ее церквамъ. За ущербъ же, причиненный мною и моими — церквамъ и духовнымъ въ движимостяхъ за разрушеніе домовъ, виллъ, не принимая въ разсчетъ недвижимаго (что должно быть какъ сказано выше возстановлено), мы обязываемся уплатить 10 тысячъ серебр. марокъ, предназначая ихъ въ распоряженіе легата, который справедливо и сообразно раздѣлитъ эту сумму между заслуживающими.

«Также обязываемся заплатить аббатствамъ Сито 2000 сер. марокъ, Грандсельву 1000 марокъ, Клерво 500, Бельпершъ и Кандейль по 300, какъ на украшеніе послѣднихъ обителей, пострадавшихъ отъ насъ, такъ и ради спасенія души нашей. Также мы должны будемъ уплатить 6 тыс. сер. марокъ на укрѣпленіе Нарбоннскаго замка и другихъ замковъ, которыми государь-король будетъ владѣть въ продолженіи 10 лѣтъ для личной и церковной безопасности. Перечисленныя 20 т. марокъ должны быть уплачены въ пять сроковъ, по 4 т. ежегодно.

«Обязываемся еще уплатить 4 т. марокъ на содержаніе въ продолженіи 10 лѣтъ въ Тулузѣ четырехъ магистровъ богословія (по 50 марокъ ежегодно), двоихъ каноническаго права (по 30 марокъ) и двухъ преподавателей грамматики (по 10 марокъ), которые будутъ читать въ тулузскомъ университетѣ.

«Послѣ полученія нами разрѣшенія, обязываемся принять изъ рукъ легата крестъ и пять лѣтъ служить за моремъ противъ сарацинъ, для искупленія нашихъ грѣховъ и отправиться въ этотъ походъ послѣ августа, въ срокъ не позже одного года.

«Тѣхъ изъ нашихъ подданныхъ, которые во время войны держались стороны Церкви, отца государя-короля, графовъ Монфоровъ и ихъ приверженцевъ за то, что они были на той сторонѣ, мы не будемъ утѣснять (non gravabimus), а, напротивъ, благосклонно будемъ обходиться съ ними, какъ съ друзьями, будто они никогда враждебны намъ не были,—если только между ними не будетъ еретиковъ. Въ свою очередь, Церковь и король также будутъ относиться къ тѣмъ, которые были на нашей сторонѣ, противъ Церкви и короля, за исключеніемъ тѣхъ, которые не согласились съ нами на заключеніе этого мира.

«Король, снисходя къ нашему униженію и надѣясь, что мы пребудемъ вѣрны Церкви и ему, и соизволяя оказать намъ милость (volens nobis facere gratiam), отдастъ нашу дочь, которую мы предаемъ на его волю (quam sibi trademus), въ супружество одному изъ братьевъ своихъ, по назначенію (per dispensationem) Церкви и предоставляетъ намъ все епископство тулузское, исключая земли маршала (Левиса), которою маршалъ самъ будетъ владѣть отъ короля. Послѣ же нашей смерти, Тулуза и епископство отойдутъ къ брату господина-короля, женатому на нашей дочери, и ихъ дѣтямъ. Если же братъ королевскій умретъ бездѣтнымъ, то Тулуза съ епископствомъ отходятъ къ королю и его наслѣдникамъ; дочь же наша, или другія дѣти никакого права на эти владѣнія заявлять не могутъ. Если же дочь наша умретъ безъ потомства отъ брата королевскаго, то Тулуза и епископство отходятъ къ королю и его наслѣдникамъ. Такъ что во всякомъ случаѣ Тулуза и епископство отойдутъ къ господину королю и его наслѣд-

никамъ послѣ нашей смерти, и никто не можетъ заявлять на нихъ никакого права, кромѣ сыновей и дочерей, рожденныхъ отъ брака брата королевскаго и нашей дочери, какъ сказано выше.

«Государь-король предоставляетъ намъ также епископства: Аженуа, Руэргъ и часть Альбійскаго, лежащую по сю сторону Тарна; городъ же Альби и все то, что за рѣкой къ Каркассонѣ, король удержитъ за собою; одна половина рѣки принадлежитъ королю, другая намъ; права и наслѣдія тѣхъ, которые будутъ оказывать должное королю въ части королевской и намъ въ части нашей,—сохраняются. Епископство Кагорское король предоставляетъ намъ, кромѣ города Кагора, феодовъ и другихъ доменовъ, которыми владѣлъ передъ своею смертью король Филиппъ, дѣдъ господина-короля. Если мы умремъ безъ дѣтей отъ законнаго брака, то вся упомянутая земля переходитъ къ нашей дочери, которая будетъ за братомъ королевскимъ, и къ ея наслѣдникамъ. Мы сохраняемъ за собою пожизненно полное право и власть въ сказанной землѣ, которая предоставляется намъ на упомянутыхъ условіяхъ, какъ надъ городомъ и епископствомъ тулузскимъ, такъ и надъ другими землями и можемъ, по обычаю всѣхъ бароновъ французскаго государства, передъ смертью удѣлить изъ нея на дѣла благочестія (in morte pias elemosinas possimus facere). Король все это предоставляетъ намъ, сохраняя права церквей и духовенства.

«Городъ Верфейль и деревню Ласъ-Бордесъ съ приписаннымъ къ нимъ (cum pertinentis suis), мы предоставляемъ епископу тулузскому и сыну Одона Лильерса, согласно съ даромъ, какой сдѣлали король Людовикъ, отецъ короля, и графъ Монфоръ, подъ тѣмъ условіемъ, что епископъ тулузскій будетъ оказывать намъ за Верфейль тоже, что дѣлалъ Монфору и его сыну, а Одонъ то, что долженъ былъ дѣлать покойному королю Людовику. Всѣ же прочія донаціи, сдѣланныя королемъ, его отцемъ или графами Монфорами, не считаются нами за дѣйствительныя и не будутъ имѣть никакого значенія въ странѣ, въ которой мы остаемся. За все же предоставленное намъ, мы принесемъ королю присягу на ленъ и на вѣрность (homagium ligium et fidelitatem), согласно обыкновенію бароновъ французскаго государства.

«Всю остальную землю, которая лежитъ во Франціи по сю сторону Роны, и всякое право, которое мы имѣемъ (si quod nobis competit vel competere possit) или могли бы имѣть на нее, точно (praecise) и положительно предоставляемъ государю-королю и его наслѣдникамъ на вѣчныя времена. Ту же землю, которая лежитъ въ имперіи за Роной, со всѣми правами, которыя мы имѣемъ или могли бы имѣть на нее, рѣшительно и положительно предоставляемъ на вѣчныя времена Римской Церкви черезъ посредство легата. Всѣ жители, которые были изгнаны изъ этихъ земель Церковью, королемъ, его отцемъ и графами Монфорами, и были вызваны или по доброй волѣ вернулись, не будучи ни обличены въ ереси и ни отлучены отъ Церкви, вполнѣ возстановляются въ прежнихъ владѣніяхъ и наслѣдіяхъ.

«Если кто либо изъ тѣхъ, кто поселится въ нашей землѣ, не захочетъ подчиниться приказаніямъ Церкви и короля, особенно (specialiter) напримѣръ, графъ де Фуа, или другіе, то мы будемъ вести съ ними упор-

ную (vivam) войну и не заключимъ мира и перемирія безъ согласія Церкви и господина-короля. Домены, которые мы отнимемъ у нихъ, по разрушеніи укрѣпленій и стѣнъ, останутся за нами, если король не захочетъ самъ удержать ихъ ради своей и церковной безопасности въ продолженіи 10 лѣтъ, съ сохраненіемъ слѣдуемыхъ съ нихъ доходовъ.

«Мы распорядимся разрушить стѣны Тулузы и засыпать овраги, слѣдуя приказаніямъ, волѣ и указаніямъ легата. Также мы разрушимъ до основанія стѣны и засыплемъ овраги 30 замковъ и городовъ, а именно: Фанжо, Кастельнева, Лабецеда, Авиньонета, Пюи-Лорана, Санъ-Поля, Лавора, Рабастена, Гальяка, Монтегю, Пюосельза, Вердёна. Кастельсаррасена, Муассака, Монтобана, Монкука, Ажена, Кондома, Савердёна, Оштрива, (Altarippa), Каснёйля, Пюжоля, Овильара, Пейрюсса (Villa-pерuciae въ Руэргѣ), Лорака и еще 5 другихъ по выбору самого легата. Стѣны и укрѣпленія этихъ городовъ не могутъ быть возстановлены безъ разрѣшенія короля. Мы не будемъ также впредь строить новыхъ крѣпостей, но предоставляемъ себѣ право строить по нашему желанію новые города безъ укрѣпленій въ доменахъ, которые остаются за нами. Если тотъ городъ и замокъ, въ которомъ надлежитъ сломать стѣны, принадлежитъ нашимъ вассаламъ и если они откажутся отъ исполненія этого условія, то мы имъ объявимъ войну, и не заключимъ съ ними ни мира, ни перемирія безъ согласія Церкви и короля, до тѣхъ поръ пока стѣны будутъ вполнѣ разрушены и овраги засыпаны.

«Мы клянемся и обѣщаемъ легату и господину-королю вѣрно и честно соблюдать всѣ эти условія и побудить къ тому же нашихъ людей и вассаловъ; мы заставимъ въ томъ поклясться всѣхъ гражданъ тулузскихъ и другихъ людей нашей земли, а къ присягѣ ихъ будетъ прибавлено, что они съ своей стороны будутъ настоятельно стараться побудить насъ исполнять эти условія, такъ что если мы не исполнимъ всѣхъ или одного изъ этихъ условій, то они тотчасъ же этимъ самымъ разрѣшаются отъ присяги въ вѣрности, которую принесли намъ. Съ тѣхъ самыхъ поръ мы ихъ избавляемъ отъ вѣрности вассальному долгу (homagio) и всѣхъ другихъ обязанностей и они могутъ присоединиться къ Церкви и господину королю противъ насъ, если мы не исправимся въ продолженіи 40 дней. Когда же мы откажемся признать судъ Церкви въ дѣлахъ, которыя ея касаются, и судъ королевскій,—то всѣ земли, которыя теперь предоставлены намъ, переходятъ въ распоряженіе короля и мы остаемся въ томъ самомъ положеніи, въ которомъ находимся теперь вслѣдствіе отлученія, подвергаясь всему, что было постановлено противъ насъ и нашего родителя, на общемъ (латеранскомъ) соборѣ и послѣ него.

«Наши подданные къ своей присягѣ намъ присоединятъ еще, что будутъ помогать Церкви противъ еретиковъ, ихъ единомышленниковъ и укрывателей и противъ всѣхъ, которые будутъ враждебны Церкви по причинѣ ереси или пренебреженія отлученія въ нашихъ земляхъ, а также королю противъ его враговъ,—и что они не положатъ оружія до тѣхъ поръ, пока возставшіе не подчинятся Церкви и королю. Такая присяга, по приказанію королевскому, будетъ возобновляться каждыя пять лѣтъ.

«Для гарантіи всѣхъ нашихъ обязательствъ, мы предоставляемъ, ради полной и лучшей безопасности Церкви и короля, въ руки господина-короля, замокъ Нарбонскій, который онъ удержитъ на 10 лѣтъ и укрѣпитъ, если то признаетъ необходимымъ. Мы предоставляемъ ему также замки Кастельнодарри, Лаворъ, Монкукъ, Пеннъ (въ Аженуа), Кордесъ, Пейрюссъ, Вердесъ и Вилльмуръ. Онъ будетъ оберегать ихъ десять лѣтъ, и первыя пять лѣтъ каждый годъ на этотъ предметъ мы будемъ платить полторы тысячи турскихъ ливровъ, независимо отъ тѣхъ шести тысячъ марокъ, о которыхъ уже упоминалось. Вторыя пять лѣтъ, король будетъ держать тамъ войска, если то признаетъ еще нужнымъ, уже на собственный счетъ. Король можетъ разрушить укрѣпленія Кастельнодарри, Лавора, Вилльмура и Вердена, если того пожелаютъ онъ или Церковь безъ вычета изъ суммы, опредѣленной на гарнизонъ. Доходы же и выгоды отъ владѣнія этими замками принадлежатъ намъ; король же будетъ оберегать лишь укрѣпленія ихъ, а также замокъ Кордесъ; мы же озаботимся съ своей стороны, чтобы наши байльи и чиновники, творящіе судъ и собирающіе доходы и пошлины, не были изъ людей опасныхъ для Церкви и короля. По прошествіи 10 лѣтъ, король возвратитъ намъ укрѣпленія этихъ замковъ и Кордесъ, съ соблюденіемъ вышесказанныхъ условій, предполагая что мы сдержимъ свои обязательства относительно Церкви и короля. Что касается до Пенна въ Альбижуа, то мы обязуемся предоставить его королю въ срокъ до 1 августа на 10 лѣтъ; если же этого мы сдѣлать не успѣемъ, то осадимъ городъ и не отойдемъ до тѣхъ поръ, пока не возьмемъ его; если же этой осадой замедлится отъѣздъ нашъ въ св. землю, то мы принесемъ этотъ городъ въ даръ тамплierамъ или госпиталитамъ, или наконецъ другимъ монахамъ, а если никто изъ нихъ не захочетъ принять его, то городъ будетъ разрушенъ.

«Господинъ король разрѣшитъ гражданъ тулузскихъ и другихъ людей нашихъ отъ всѣхъ обязанностей, которыми связаны они относительно его самого, его родителя, графовъ Монфоровъ и другихъ, а также отъ наказаній, которымъ за то они должны были бы подвергнуться, и отъ присяги, съ сохраненіемъ всѣхъ вышесказанныхъ условій.

«Въ засвидѣтельствованіе того, что все это имѣетъ постоянную силу, мы велѣли утвердить этотъ листъ (praesentem paginam) приложеніемъ печати нашей ([163]).

Когда чтеніе трактата кончилось, Раймондъ тулузскій показался на эстрадѣ. Онъ былъ очень взволнованъ. Одну руку положивъ на Евангеліе, а другую на грудь, онъ сказалъ прерывавшимся голосомъ, обращаясь къ присутствующимъ:

([163]) Трактатъ помѣченъ тѣмъ же днемъ 1228 года по тогдашнему счету:—a. 1228 pridie idus Aprilis (12 апрѣля). Новый годъ начинался съ Пасхи, а тогда Пасха падала на 15 апрѣля. Preuves; V, 651—655 изъ Thrésor des chartes de roi.

— Передъ вами, бароны, прелаты и представители города Парижа, клянусь надъ св. Евангеліемъ исполнять во всѣхъ пунктахъ договоръ, который прочтенъ былъ сейчасъ.

Теперь началась позорнѣйшая часть церемоніи. Съ Раймонда сняли оружіе, доспѣхи, обувь, платье и оставили въ одномъ бѣльѣ. Тяжелыя мѣдныя двери каѳедрала растворились. Легатъ подошелъ къ графу, взялъ его за руку и билъ пучкомъ розогъ, пока велъ по длинному нефу собора. Здѣсь, у подножія главнаго алтаря насталъ конецъ истязаніямъ, которыя могли видѣть зрители, такъ какъ освѣщенный храмъ былъ открытымъ. Передъ большимъ распятіемъ Раймондъ палъ ницъ.

— Графъ тулузскій, воскликнулъ легатъ, въ силу власти, дарованной мнѣ св. Отцемъ, я снимаю съ тебя и съ твоихъ отлученіе, которое въ разное время было произносимо противъ тебя.

— Аминь, отвѣчалъ Раймондъ.

Онъ примирился съ Церковью, но сталъ изъ сильнаго государя рабомъ монаховъ и короля. Тяжелый камень лежалъ на его совѣсти. Противъ убѣжденій, скрѣпя сердце, онъ долженъ былъ любить теперь то, что ненавидѣлъ, и ненавидѣть, что любилъ. Онъ являлся въ собственныхъ глазахъ предателемъ тѣхъ, которымъ обѣщалъ защиту, человѣкомъ, который отдалъ во власть чужеземцевъ свою родную землю и своихъ подданныхъ, такъ любившихъ его,—для того, чтобы спасти себя. Альбигойцевъ, которымъ онъ прежде покровительствовалъ, по своей терпимости и по своему индифферентизму въ дѣлахъ вѣры, онъ предавалъ въ полную власть озлобленной Церкви, которая не преминетъ теперь жестоко отмстить за всякое былое оскорбленіе католичества, и съ корнемъ, огнемъ и кровью, вырветъ страшную для нея ересь.

Условія мира были крайне тяжелы, форма ихъ выраженія была жестока для самолюбія Раймонда,—но укоры совѣсти были для него еще тяжелѣе..

Французская корона пріобрѣтала цвѣтущую природой, промышленностью и населеніемъ страну; она увеличивалась вдвое. Домены, теперь уступленныя ей, давали по крайней 6 тысячъ тогдашнихъ ливровъ чистаго дохода. Югъ преуспѣвалъ въ винодѣліи, обогащавшемъ его, въ искусствѣ выдѣлыванія тканей и предметовъ роскоши, что было унаслѣдо-

вано имъ у мавровъ; теперь эти богатства и издѣлія сдѣлались своими во Франціи. Города, подпавшіе подъ военное управленіе сенешаловъ, несли плоды трудовъ рукъ своихъ къ ногамъ короля и вельможъ Парижа. Центръ тяжести Галліи перешелъ окончательно на сѣверъ. Трактатомъ 1229 года Югъ отыгралъ свою историческую роль([164]). Проигравъ свое дѣло, онъ долженъ былъ жестоко поплатиться за смѣлую ставку.

Его религіозный протестъ не удался. Церковь, воинствующая и побѣдоносная, взяла себѣ львиную долю послѣ побѣды. Она не ограничилась какимъ нибудь графствомъ Магелонь; въ распоряженіе Рима и бездомовнаго духовенства досталась область, которая немногимъ уступала самой Церковной области, а по экономической производительности и богатству жителей превосходила ее. Раймондъ въ ея пользу отказался отъ своихъ правъ на маркизатство Провансъ, прекрасную страну, лежавшую между Роной, Изерой и Дюрансомъ. Римскій дворъ, понимая что трудно управлять издалека новымъ завоеваніемъ, оставилъ за собой только графство Венессэнъ, а остальную часть, въ которой было до 76 замковъ, отдалъ въ ленъ графу Адемару Валентинуа, уроженцу Пуатье, съ обязательствомъ военной службы ([165]). Черезъ 5 лѣтъ, Григорій IX, видя католическую ревность и преданность Риму Раймонда, сжалился надъ нимъ и возвратилъ ему пожизненно маркизатство провансное, разсчитывая что ему недолго влачить свое жалкое существованіе. Для Церкви было важнѣе проникнуть подъ его обязательнымъ покровомъ въ семьи тулузцевъ и провансальцевъ и подчинить каждую изъ нихъ строгой ферулѣ монаховъ, прелатовъ и легатовъ. Зачѣмъ нуженъ ей Провансъ, когда она имѣла полное основаніе владѣть всѣмъ Югомъ и безпрекословно властвовать мѣрами совѣсти и страха надъ новымъ, теперь уже безмолвно покорнымъ стадомъ. Побѣжденный, униженный и публично опозоренный,

---

([164]) Guil. de Pod. c. 39.—Raynaldi ошибочно считаетъ трактатъ и церемонію годомъ раньше, а также слѣдовавшій за нимъ тулузскій соборъ (p. 613, a. 1228); срв. прим. Mansi (ib.).

([165]) Fantoni. Histoire d'Avignon, l. II, c. 1.

Раймондъ все еще казался въ глазахъ Церкви и слуги ея Людовика IX недостаточно наказаннымъ. Его лишили всего, оставили изъ милости—и то такъ, что всегда могли отнять,—что хотѣли, будто сжалившись, брали его дочь въ жены королевскому брату, но всѣ эти выгоды, пріобрѣтенныя такъ легко и блистательно, были столь важны, что потеря какой либо изъ нихъ была бы весьма прискорбна для побѣдителей. Раймондъ долженъ былъ послужить личной гарантіей исполненія условій. Онъ поклялся передъ Церковью, присягнулъ какъ простой баронъ королю,—а ему послѣ того предложили идти въ тюрьму и просидѣть въ ней до пріобрѣтенія ручательства въ исполненіи обѣщаннаго... Графъ тулузскій съ готовностью осужденнаго испивалъ до конца чашу оскорбленій...

Онъ объявилъ, что пробудетъ въ добровольномъ заключеніи въ Луврѣ до тѣхъ поръ, пока будетъ въ состояніи дать достаточныя гарантіи Церкви и королю, а именно пока исполнитъ главныя условія, т. е. пока король не будетъ имѣть въ своихъ рукахъ его дочери Іоанны и 5 крѣпостей (Нарбонскаго замка, Пенна, Пейрусса, Кордеса и Вердена) и пока тулузскія укрѣпленія, столь непріятныя для французовъ, не будутъ уничтожены. Такое обѣщаніе Раймондъ далъ на другой день послѣ церемоніи, и тогда же просилъ отвести себя въ Луврскую башню [166]. Тамъ онъ провелъ праздники Пасхи, одинъ съ своими тяжелыми думами, и получилъ свободу лишь через нѣсколько недѣль, когда французы уже безопасно утвердились на его родинѣ и когда онъ самъ сталъ совершенно неопасенъ.

Его единственная дочь, дѣвочка 8 лѣтъ, была привезена ко двору въ іюнѣ того же года. Регентша предназначила ей въ женихи своего втораго сына Альфонса; онъ приходился сверстникомъ невѣстѣ. Легатъ разрѣшилъ бракъ, хотя между обрученными существовало нѣкоторое родство. Обрученіе происходило тогда же, въ присутствіи легата, но свадьба могла состояться только черезъ 8 лѣтъ, когда оба ребенка достигли совершеннолѣтія.

---

(166) **Catel.** Histoire des comtes de Toulouse; 338. —**Guil. de Pod.** c. 40.

Эта юная чета, въ которой какъ бы примирялись представители сѣверной и южной національности старой Галліи, должна была мирно сплотить то, что было рѣшено раньше силою оружія.

Во имя этого сближенія, Римская Церковь, взявъ подъ свое вѣдѣніе Лангедокъ, на глазахъ безсильнаго Раймонда, производила въ немъ то очищеніе вѣры, которое осталось и всегда останется въ ея исторіи позорною и темною страницею. Король Франціи оказывалъ ей живое содѣйствіе и прокладывалъ дорогу ея мѣрамъ. Онъ давалъ въ пользованіе Раймонду небольшую часть его прежнихъ владѣній, освобождалъ ея жителей отъ прежнихъ присягъ и пока отъ личнаго подданства себѣ, но подтверждалъ своему вассалу приказаніе изгнать еретиковъ, преслѣдовать ихъ, возстановить духовныя имущества, отнятыя отъ католическихъ церквей и конгрегацій, неуклонно платить въ ихъ пользу десятины своихъ доходовъ и внести условленныя 10 тыс. марокъ въ распоряженіе легата [167]. Своимъ ордонансомъ, изданнымъ на другой день послѣ церемоніи, онъ указалъ тотъ способъ дѣйствій, котораго должны держаться его намѣстники, сенешалы, вассалы, байльи и добрые города арелатской (сенешальство бокерское) и нарбоннской (сен. каркассонское) провинцій и діоцезовъ Родеца, Кагора, Ажена и Альби. Всякій, чѣмъ либо отступившій отъ правилъ и уставовъ св. католической Церкви, долженъ быть немедленно наказанъ свѣтской властью, по осужденіи его епископомъ діоцеза или другими духовными, которые получатъ такое право. Всякій обязанъ остерегаться такихъ людей, и не довѣрять имъ, а тѣмъ болѣе воспрещается благопріятствовать имъ, укрывать или защищать ихъ. Нарушившій такое запрещеніе лишается почестей, достоинства, права наслѣдованія; его имущество конфискуется навсегда. Бароны, байльи и всѣ подданные обязаны оказывать содѣйствіе къ розысканію еретиковъ и предавать ихъ въ руки духовныхъ судей; за каждаго еретика, байльи, изъ отпущенной имъ на этотъ предметъ суммы, должны были платить по двѣ сер. марки первые два года, а послѣ по одной. Для приведенія страны въ порядокъ, ве-

---

(167) **Doat.** Copies faites sur les registres de l'inquisition etc. Рукописный сборникъ Національной Библіотеки; XXI, 60—77.

лѣно произвести поиски за отлученными; неуспѣвшіе получить разрѣшенія лишались имуществъ. Всѣ правительственные чиновники, вассалы и городскія власти должны принести присягу въ соблюденіи этихъ правилъ. «Мы хотимъ, предписывалъ король, чтобы эти постановленія уважались и исполнялись; нашъ братъ также принесетъ клятву соблюдать ихъ и наблюдать за исполненіемъ ихъ, когда вступитъ въ обладаніе страной» ([168]).

Когда почва была такимъ образомъ приготовлена и свѣтская власть была предназначена на всемъ Югѣ служить орудіемъ духовной, легатъ вмѣстѣ съ своимъ новымъ помощникомъ Петромъ де Кольмье, сопутствуемый большимъ вооруженнымъ отрядомъ крестоносцевъ, началъ обращать ко Христу города Лангедока. Мечъ былъ всегда на готовѣ ([169]). По прибытіи въ города, кардиналъ снималъ съ нихъ отлученіе,—если всѣ условія были выполнены, т. е. если крѣпости, гдѣ нужно, срыты, если принята присяга отъ народа и отъ вассаловъ. Несчастные тулузцы своими руками наносили на себя ножъ; они спѣшили умилостивить новаго господина и сами помогали повсюду сносить укрѣпленія и засыпать овраги. Когда оба легата и крестоносцы въѣхали во владѣнія графа де Фуа, то Рожеръ Бернаръ, оставшись одинокимъ въ трудной борьбѣ, тоже рѣшился покориться. Раймондъ уже давно писалъ Рожеру подъ диктовку легата о необходимости сдаться, при чемъ прославлялъ милосердіе Церкви и короля, давшихъ ему такой-де «выгодный для него миръ», о которомъ онъ и помышлять не могъ, и рекомендовалъ ему Петра Кольмье, какъ «справедливаго, мудраго, благочестиваго и добраго мужа». Передъ этимъ мужемъ, за которымъ стояли тысячи воиновъ, приходилось невольно смириться и только покорно выслушать его условія. Рожеръ Бернаръ обѣщалъ въ присутствіи бароновъ очистить страну свою отъ еретиковъ, возстановить всѣ церковныя имущества, отдать королю въ залогъ замки Лордатъ и Монгранье. Потомъ онъ поѣхалъ ко двору короля и въ сентябрѣ присягнулъ Людовику IX какъ простой вассалъ, получивъ тысячу марокъ за землю, уступленную въ пользу Раймон-

---

([168]) Du-Tillet. Historia belli contra Albigenses (Ber. 1845), p. 63—66.—Benoist. Hist. des Albigeois; II, 325—330.

([169]) Guil. de Pod. c. 40.

да ([170]). Но послѣдній, какъ старый другъ, не хотѣлъ пользоваться несчастіемъ. Онъ отказался отъ своихъ правъ на земли графа де Фуа и возвратилъ ихъ Рожеру Бернару, которому оставалось разрушить укрѣпленія и стать гонителемъ людей, къ которымъ всегда былъ привязанъ. Ему вмѣстѣ съ Раймондомъ предстояла еще одна душевная пытка. Въ ноябрѣ 1229 г. легатъ назначилъ соборъ въ Тулузѣ для принятія мѣръ къ истребленію альбигойцевъ ([171]) Оба графа должны были присутствовать на соборѣ. Тутъ блистали три архіепископа изъ Нарбонны, Бордо и Ока, множество епископовъ, вассаловъ и бароновъ, сенешалы, и рядомъ съ ними помѣщались два скромныхъ консула тулузской общины, одинъ отъ города, другой отъ бурга, которые тутъ же вмѣстѣ съ своимъ графомъ снова поклялись въ соблюденіи договора. Тогда собраніе занялось дѣломъ. Тутъ впервые заговорили объ инквизиціи, хотя не о такой жестокой, какою она послѣ перешла въ потомство.

«Хотя легаты св. престола неоднократно дѣлали постановленія противъ еретиковъ, такъ начинается знаменитый статутъ тулузскаго собора,... но принимая во вниманіе, что эти провинціи послѣ долгихъ волненій, теперь только умиротворены, какъ бы чудомъ, мы признали нужнымъ приказать, съ согласія архіепископовъ, епископовъ, прелатовъ, бароновъ и рыцарей, принять необходимыя мѣры, чтобы очистить эту *новообращенную* страну отъ яда ереси и поселить миръ въ ней». Свѣтская власть подала здѣсь руку духовной и потому при дружномъ и точномъ исполненіи «необходимыя мѣры» должны были увѣнчаться успѣхомъ. Уже два съ половиной года тому назадъ, на нарбоннскомъ соборѣ, въ силу 17 канона, было постановлено имѣть въ приходахъ особыхъ надсмотрщиковъ за благочестіемъ паствы. Теперь этотъ вопросъ былъ обстоятельно развитъ. Въ каждомъ приходѣ была учреждена ком-

---

([170]) Preuves; V, 659—661.

([171]) Въ Spicilegium d'Achéry (coll. vet. scrp. quae in Galliae bibliothecis latuerunt) соборъ ошибочно отнесенъ къ 1228 году (II, 621), слѣдомъ за Raynaldi (613).—Fleury въ Hist. eccl. (XI, 472) принимаетъ сентябрь мѣсяцъ 1229 г., но у Guil. de Pod. Laur. (c. 40) говорится о началѣ осени, а въ подлинныхъ актахъ указано на ноябрь.

мисія изъ приходскаго священника и двухъ или трехъ выборныхъ прихожанъ; они присягали въ томъ, что будутъ тщательно розыскивать еретиковъ и ихъ единомышленниковъ, для этого осматривая всѣ дома отъ чердака до погреба и даже подземелья, и о поискахъ въ случаѣ поимки будутъ доносить владѣльцамъ тѣхъ мѣстъ и ихъ управителямъ, для строгаго наказанія еретиковъ. Всякій синьоръ обязанъ розыскивать еретиковъ въ деревняхъ, домахъ и лѣсахъ и, если кто дозволитъ за деньги или даромъ проживать еретику на своей землѣ, тотъ лишается ея, а самъ предается въ руки властей (к. 3—4). Домъ, гдѣ жилъ еретикъ, долженъ быть срытъ, а мѣсто конфисковано (к. 6). На епископа или уполномоченнаго имъ для этого духовнаго лица возлагается опредѣленіе: еретикъ подсудимый или нѣтъ (к. 8). Дозволеніе еретику проживать на чьей либо землѣ послѣ суда влечетъ за собою упомянутое строгое преслѣдованіе. Всякій католикъ можетъ быть добровольнымъ сыщикомъ еретиковъ и мѣстные байльи получили приказаніе, подъ страхомъ лишенія мѣста, содѣйствовать имъ въ томъ всѣми мѣрами (к. 7). Байльи королевскій можетъ свободно проникать съ такой цѣлью во владѣнія графа тулузскаго и другихъ вассаловъ (к. 9). Еретики, отказавшіеся отъ ереси передъ судомъ, дѣлятся на двѣ группы: отказавшіеся по убѣжденію и отказавшіеся отъ страха. Первые выселяются въ католическіе города изъ своего мѣстопребыванія и тамъ носятъ въ знакъ прежнихъ заблужденій два креста на груди, цвѣта отличнаго отъ цвѣта платья; ихъ называютъ «крестоносцами по ереси»; они не могутъ занимать ни общественныхъ должностей, ни гражданскихъ мѣстъ, безъ особаго разрѣшенія папы или его легата a latere (к. 10). Еретики втораго рода содержатся въ заключеніи на счетъ тѣхъ, кому досталось ихъ имущество, а за неимѣніемъ его, на иждивеніи епископа (к. 11).

Кромѣ такихъ мѣръ были приняты предохранительныя средства отъ заразы ересью. Въ каждомъ приходѣ будетъ произведена перепись. Всякій мужчина, достигшій 14 лѣтняго возраста, и дѣвушка 12 лѣтняго—должны были давать клятву: хранить католическую вѣру, доносить объ еретикахъ и преслѣдовать ихъ; эту клятву слѣдуетъ возобновлять каждые два года (к. 12). Всякій долженъ исповѣдываться и пріобщаться три раза въ годъ, въ Рождество, Пасху и Троицу: кто этого не соблюдаетъ, заподозривается въ ереси (к. 13).

Мірянамъ запрещено держать на дому книги Ветхаго и Новаго Завѣта ([172]), за исключеніемъ богослужебныхъ книгъ и псалтиря и то не иначе какъ на латинскомъ языкѣ (к. 14). Тотъ, который былъ уличенъ или заподозрѣнъ въ ереси, не можетъ заниматься медициной и лѣченіемъ. Если больной пріобщенъ изъ рукъ священника, то его слѣдуетъ тщательно оберегать отъ приближенія постороннихъ, до самой кончины или до выздоровленія, потому что будто встрѣчались въ подобныхъ случаяхъ совращенія (к. 15). Завѣщанія должны писать въ присутствіи священника или за неимѣніемъ его — другаго духовнаго; иначе они не дѣйствительны (к. 16). Священникамъ вмѣнено въ обязанность присутствовать при погребеніи. По воскресеньямъ и праздникамъ главы семействъ въ приходахъ должны непремѣнно быть въ церкви, выстоять мессу и выслушать проповѣдь (к. 25). Несоблюденіе этого правила влечетъ штрафъ въ 12 денаріевъ, одна половина котораго идетъ въ пользу синьора.

Давая такое значеніе духовенству, дѣлая его правящимъ сословіемъ въ «новообращенной странѣ», соборъ не забылъ обезпечить его экономическое положеніе. Для того были возстановлены всѣ иммунитеты и привиллегіи церквей; съ клириковъ вообще было запрещено брать налоги, если они не купцы и не женаты; духовные были обезпечены въ десятинномъ сборѣ. Въ видахъ подавленія феодаловъ, которые опозорили себя въ глазахъ Церкви союзомъ съ ересью, соборъ распорядился внести въ каноны воспрещеніе строить новыя укрѣпленія и поддерживать старыя и между прочимъ положилъ предѣлы возвышенію дорожныхъ поборовъ. Лиги воспрещены; судъ долженъ производиться безвозмездно ([173]).

([172]) Это первое запрещеніе имѣть св. Писаніе. Fleury по этому поводу замѣчаетъ: «nous pouvons l'expliquer favorablement, en disant que les ésprits étoient tellement aigris, qu'on ne pouvoit arrêter les contestations, qu'en ôtant les livres dont les hérétiques abusoient». XI. 474. Съ тѣмъ согласенъ и Llorente. Histoire de l'inquisition d'Espagne; 2 ed. I, 58.

([173]) Мы пользовались статутомъ тулузскаго собора въ сборникѣ Doat. Copies faites etc. XXI, 78—88. — Mansi. Concilia; XXIII, 191—204.

Теперь легатъ пожелалъ научить присутствовавшее духовенство производству церковнаго розыска въ дѣлахъ ереси. Это должно было произойти на примѣрахъ, которые въ то время находились скоро. Вильгельмъ, синьоръ Пейрпертюзъ, овладѣвшій одно время Пюи-Лораномъ, и баронъ Нэро де Ніортъ,—были заподозрѣны въ ереси. Улики были слишкомъ шатки, но достаточны, какъ всегда, чтобы оставить въ подозрѣніи. Оба барона присуждены были покаяться черезъ 15 дней, подъ страхомъ отлученія и конфискаціи. Это пустое само по себѣ дѣло замѣчательно тѣмъ, что надъ нимъ были впервые примѣнены формы инквизиціоннаго процесса. Онѣ попали даже въ одну изъ современныхъ хроникъ ([174]), вѣроятно потому что удивляли даже привыкшихъ къ насиліямъ людей XIII вѣка. Снаружи пріемы судопроизводства были, казалось, великолѣпно соблюдены. Допрашивали множество свидѣтелей. Самый главный изъ нихъ былъ нѣкто Вильгельмъ Солье, нѣкогда альбигойскій священникъ, потомъ умѣвшій во время отступиться, покаяться передъ легатомъ и стать его довѣреннымъ лицомъ по «розыскамъ» другихъ еретиковъ. Его католическая репутація стала безупречною, такъ какъ въ немъ легатъ пріобрѣталъ смѣлаго доносчика и искуснаго шпіона. На каждаго епископа возложена была обязанность допросить отдѣльно одного или нѣсколькихъ свидѣтелей; свои протоколы они представляли легату, который взялъ на себя лишь руководство дѣломъ. Сперва допрашивали надежныхъ свидѣтелей, въ благопріятныхъ показаніяхъ которыхъ были увѣрены; потомъ переходили къ прочимъ. Очныя ставки воспрещались. Предлагая вопросы новымъ свидѣтелямъ, легко спутывали ихъ въ показаніяхъ и тѣмъ ихъ самихъ ставили въ положеніе заподозрѣнныхъ и подсудимыхъ. Запуганные торжественностью допроса, нѣкоторые изъ нихъ спѣшили выпутаться изъ затруднительнаго положенія принесеніемъ раскаянія во всемъ, въ томъ чемъ теперь стали уличать ихъ, и получили прощеніе легата; другіе, не успѣвшіе попасть въ требуемый тонъ, запутывались еще больше; третьи, весьма немногіе, которые были посмѣлѣе, чувствуя, что оклеветаны доносчиками и изъ католиковъ сдѣланы еретиками, потребовали у легата обыкновеннаго, прямаго суда и указанія обвинителей, между которыми могли быть ихъ личные враги. Они неотступно преслѣдовали легата своими настояніями даже въ Монпелье. Кардиналъ отказалъ имъ, но показалъ общій списокъ свидѣтелей и обвинителей, изъ котораго увидавъ и свои имена между прочими, они, конечно, ничего не могли заключить.

([174]) Guil. de Pod. c. 40. Постановленіе о подсудимыхъ въ статутѣ: канонъ 34.

Такъ, въ этой первой, робкой попыткѣ инквизиціоннаго процесса, вся дальнѣйшая система инквизиціи,—систематическое умѣнье сдѣлать человѣка изъ праваго виноватымъ, опутать его каверзами, заставить перенести тяжелыя душевныя муки, видѣть вездѣ предателей, невольно предать даже близкихъ себѣ,—все это только однимъ обманомъ и казуистикой судей. Такое умѣнье было возведено въ принципъ.

Новоизобрѣтенныя юридическія тонкости легата возмутили католиковъ въ Тулузѣ. По отъѣздѣ кардинала, общее недовѣріе, подозрѣніе другъ къ другу поселились въ городѣ. Всякій боялся доносчика. Люди умѣренной партіи должны были или видѣть личныхъ враговъ въ ярыхъ католикахъ, въ этихъ ловцахъ еретиковъ, или соединиться съ ними. Ни за что заподозрѣнные, отыскивали тѣхъ, которые ихъ оклеветали. Съ возвращеніемъ епископа Фулькона, точно злой духъ поселился въ столицѣ, говорили тулузцы. На улицахъ начались столкновенія, а потомъ дѣло дошло до убійствъ. Убійства стали повторяться. Однажды, въ подгородномъ лѣсу, нашли истерзанный трупъ королевскаго сенешала, рыцаря Андрея Калве. Убійство такого лица, какъ и всѣ безпорядки, едва было не навлекло на Раймонда тяжелой отвѣтственности передъ королемъ. Но Людовикъ IX на этотъ разъ не послушалъ навѣтовъ; онъ жалѣлъ и щадилъ графа.

Раймондъ VII сталъ покорнымъ рабомъ короля. Прежняя энергія болѣе не одушевляла его. Онъ дѣлаетъ двѣ-три патріотическихъ попытки,—но безслѣдно. Французская администрація успѣла сковать Югъ крѣпкими цѣпями. Подданные графа тулузскаго—въ рукахъ духовенства, а онъ самъ едва смѣетъ возвысить свой слабый голосъ, чтобы стать миротворцемъ въ своей странѣ. Одинокій, постепенно погружаясь въ апатію, онъ доживалъ эти тяжелые для него годы. Въ единственной своей дочери онъ видѣлъ что-то чужое, ожидавшее его смерти,—она принадлежала не ему, а семейству и династіи, исторически враждебной его дому.

Одновременно съ этимъ перестало гремѣть на Югѣ ненавистное имя Монфоровъ. Этотъ зловѣщій для Лангедока родъ, съ которымъ было связано столько ужасовъ и крови, сдалъ несчастную страну съ рукъ на руки власти болѣе твердой, которой подъ иной формою суждено быыо осуществить дѣло Симона. Амори Монфоръ повелъ жизнь авантюриста. Онъ искалъ счастія въ Палестинѣ, но подъ стѣнами Газы попался въ плѣнъ мусульманамъ, просидѣлъ въ Вавилонѣ, былъ выкупленъ, и, возвращаясь въ Европу, умеръ въ Отранто въ 1240 году, оставивъ сына Жана, дочь котораго породнилась послѣ съ домомъ Дрё. Второй сынъ Симона, Гюи, графъ Бигоррскій, умеръ при осадѣ Кастельнодарри, вскорѣ послѣ смерти отца. И онъ, и третій сынъ, Робертъ, не оставили мужскаго поколѣнія. Четвертый, соименный отцу, пріобрѣлъ громкую извѣстность въ англійской и вообще европейской исторіи. Своимъ невольнымъ служеніемъ свободѣ, онъ освѣтилъ нѣкоторымъ блескомъ гербъ Монфоровъ, опозоренный злодѣйствами. По жестокой энергіи онъ напоминалъ своего отца; по уму и государственнымъ способностямъ значительно превосходилъ его. Онъ покинулъ Францію, озлобленный противъ регентши, которая разстроила его бракъ съ графинею фландрской. Удалившись въ Англію, онъ получилъ отъ Генриха III титулъ великаго сенешала и руку сестры королевской Элеоноры. Когда онъ впалъ въ немилость, то сталъ во главѣ недовольныхъ и, призвавъ на помощь народъ и города, побѣдилъ и плѣнилъ короля. Онъ положилъ робкой рукою начало англійскому парламенту, будучи вызванъ къ тому ходомъ событій. Потомъ онъ попалъ въ новыя бури и погибъ съ своимъ сыномъ въ битвѣ 4 августа 1265 г. Другой его сынъ, Гюи, скрывался у сицилійскаго короля отъ преслѣдованій враговъ, но его потомство снова вернулось на службу Франціи, гдѣ Монфоры играли не послѣднюю роль въ рядахъ вымиравшаго рыцарства до прекращенія этого рода при Людовикѣ XII.

Послѣдній представитель династіи графовъ тулузскихъ, которую судьба обрекла на столь гибельное столкновеніе съ Монфорами, то покорно склоняется подъ опеку духовенства, то рѣшается неоднократно, но всегда неудачно, свергнуть французское иго. Съ подданными его продолжаютъ связывать общія несчастія.

Въ 1233 году Раймондъ VII долженъ былъ подписать статутъ, которымъ приказывалъ хватать и наказывать еретиковъ, лишать ихъ имуществъ, срывать ихъ дома. Онъ настоятельно запрещалъ своимъ баронамъ и рыцарямъ дѣлать оскорбленія или даже оказывать неуваженіе аббатствамъ и монастырямъ, особенно цистерціанскимъ ([175]).

На альбигойцевъ теперь охотились какъ на звѣрей; ихъ искали въ лѣсахъ и измученныхъ вели къ безпощадному суду. Они были изолированы. Серьезной оппозиціи уже давно не существовало на Югѣ. Тѣмъ легче было дѣйствовать мстительности духовенства и тѣмъ шире былъ просторъ для деспотизма новаго правительства, которое иногда становилось тождественнымъ съ инквизиціей. Въ доменахъ короля и въ доменахъ Раймонда инквизиціонный домъ дѣлался тогда центромъ власти, вмѣстѣ духовной и гражданской.

Интересъ исторіи Франціи этой эпохи сосредоточивается на той темной реакціи, выраженіемъ которой была инквизиція.

Мы должны разсмотрѣть зарожденіе, первыя проявленія, развитіе, устройство и отправленія этого учрежденія. Мы начнемъ съ тѣхъ поръ, какъ почти рядомъ съ появленіемъ христіанства появилась и идея инквизиціи, выразившаяся нетерпимостью къ вѣрованіямъ.

Протоколы инквизиціи, документальные памятники того времени, будутъ для насъ служить вмѣстѣ и исторіею послѣднихъ альбигойцевъ.

([175]) Collection de Doat; XXI, 133—143.—Этотъ статутъ перепечатанъ у Du-Tillet. Hist. belli contra Albigenses initi compendium; 66—72.

ГЛАВА ВТОРАЯ

(НЕТЕРПИМОСТЬ И ИНКВИЗИЦІЯ).

Общій очеркъ исторіи нетерпимости Западной Церкви съ перваго ея проявленія до учрежденія инквизиціонныхъ трибуналовъ. — Взаимныя отношенія Церкви и язычества въ первые вѣка. Аріане. Терпимость Отцевъ Церкви. Кодексъ Өеодосія. Августинъ. Постепенный ходъ папской власти и ея вліяніе на развитіе нетерпимости среди Римской Церкви. Узаконенія Фридриха II противъ еретиковъ, Римскіе законы противъ патареновъ 1231 г. Григорій IX и Пеньафорте. Ломбардское бреве 1233 г. и его подтвержденія.—Начало доминиканской инквизиціи и повсемѣстныя возстанія противъ трибуналовъ. Конрадъ Марбургскій. Итальянскіе трибуналы; Петръ Веронскій. — Иннокентій IV и его отношенія къ Фридриху II. Очеркъ инквизиціонныхъ распоряженій противъ еретиковъ Иннокентія IV и его преемниковъ до Евгенія IV. Общественное сознаніе относительно инквизиціи. Людовикъ IX и отношенія свѣтской власти къ инквизиціи.—Учрежденія первой инивизиціи: права инквизиторовъ, подраздѣленіе подсудимыхъ, допросы, пытки, наказанія, обращенія, эпитемьи, обряды, тюрьмы; предупредительныя мѣры.—Исторія провансальской инквизиціи собственно. Попытки Тренкавеля и Раймонда VII къ возстанію. Убійства въ Авиньонетѣ. Вмѣшательство Генриха III. Лорисскій договоръ. Поиски за еретиками. Взятіе Монсегюра и новые процессы. — Карлъ Анжу, графъ Прованса. — Протоколы инквизиціи до 1248 г.— Смерть Раймонда VII.

II.

Старые католическіе богословы, защитники инквизиціи, считаютъ ее святымъ учрежденіемъ, ниспосланнымъ самимъ небомъ для поддержанія чистой вѣры и для борьбы съ ересью. Инквизиція, по ихъ словамъ, носитъ въ себѣ зачатки и признаки своего божественнаго происхожденія, такъ какъ человѣческая мудрость не могла бы изобрѣсти обороны, столь спасительной для Церкви. Внушенная божественной инициативой, она именуется святою, а ея трибуналъ святымъ домомъ [1].

Не довольствуясь заявленіемъ такого дикаго убѣжденія, казуисты стараются привести доказательства глубокой древности инквизиціи [2]. Тогда какъ имя инквизиціи (въ ея общепринятомъ смыслѣ) впервые стало извѣстно въ XIII столѣтіи, католическіе богословы смѣло увѣряютъ, что инквизиція вовсе не новое учрежденіе, что она неразлучна чуть не съ самымъ существованіемъ міра.

Съ этою цѣлью они съ любовью останавливаются на книгѣ Бытія и на тѣхъ мѣстахъ Ветхаго Завѣта, гдѣ законъ Моисеевъ даетъ гнѣвныя повелѣнія касательно израильтянъ, преступившихъ завѣтъ Іеговы и потому обреченныхъ смерти [3]. Толкуя VII и XVII главы Второзаконія, направленныя противъ идолопоклонниковъ, упомянутые богословы видятъ въ нихъ непоколебимый аргументъ за древность, достоинство и святость инквизиціи и даже самое названіе учрежденія, т. е. *розыскъ*, считаютъ заимствованнымъ изъ 4 стиха XVII главы этой книги [4].

Исходя съ такою искусственностью изъ условій древнеіудейской жизни, католическіе доктора богословія покушаются найти поддержку своимъ нечистымъ идеямъ и въ книгахъ Новаго Завѣта. Въ Евангеліи, этой скрижали милосердія, они на каждой страницѣ прочли бы безпощадный приговоръ инквизиціи,—но если тамъ они не могли встрѣтить никакого оправданія своей проповѣди, то, по поводу исторіи обращенія апостола Павла, казуисты имѣли дерзость приписать Христу свойства Бога карающаго, а уже потомъ

---

(1) Limborch съ своей реформатской точки передаетъ этотъ ультра-католическій взглядъ: Romanae siquidem Ecclesiae Doctores summis eam laudibus extollere solent, tanquam unicum ac certissimum extirpandis haeresibus remedium, fidei propugnaculum inexpugnabile, non ab humana prudentia et consilio proditum, sed e coelo donatum: cujus tribunal nil nisi sanctitatem spirat: quam propterea titulis meram sanctitatem referentibus describere solent etc. (Historia Inquisitionis. Amst. 1692, p. 1). У доминиканца Персена можно видѣть полное выраженіе такихъ убѣжденій.

(2) Percin. Monumenta conventus Tolosani; opusculum de inquis. exerc. p. 83. «Novum non est in Ecclesia, in antiqua Lege Moysis, nec in orbe ipso Inquisitionis Inquisitorisque nomen. In Ecclesia enim ab initio auditum est.»

(3) Второзаконіе; VII, 2—6, 16.

(4) «Если найдется среди тебя въ какомъ либо изъ жилищъ твоихъ, которыя Господь, Богъ твой, дастъ тебѣ, мужчина или женщина, кто сдѣлаетъ зло передъ очами Господа, Бога твоего, преступитъ Завѣтъ Его—и пойдетъ и станетъ служить инымъ богамъ, и поклонится имъ, или солнцу, или лунѣ, или всему воинству небесному, чего я не повелѣлъ;—и тебѣ возвѣщено будетъ, и ты услышишь; то ты хорошо разыщи (audiensque inquisieris diligenter), и если это точная правда, если сдѣлана мерзость сія во Израилѣ—то выведи мужчину того, или женщину ту, которые сдѣлали зло сіе, къ воротамъ твоимъ, и побей ихъ камнями до смерти». Второзаконіе; XVII, 2 — 5. — См. Percin. ib. p. 83.

утѣшающаго и поучающаго (⁵). Папскія декреталіи оффиціально установили такое оскорбительное для христіанства мнѣніе.

Протестантскіе писатели въ справедливомъ негодованіи противъ инквизиціи клеймили позоромъ и кощунство ея апологетовъ и низость тѣхъ римскихъ первосвященниковъ, которымъ такъ или иначе они приписывали ея изобрѣтеніе и организацію. Не относясь достаточно глубоко къ вопросу, они считали папъ виновниками появленія того духа нетерпимости въ западной Церкви, который въ сущности самъ собою породилъ инквизицію въ вопросахъ вѣрующей совѣсти.

Такимъ образомъ, тѣ и другіе ошибались.

Инквизиція въ широкомъ смыслѣ, какъ система гоненія на свободу совѣсти, дѣйствительно была современна христіанству. Скажемъ болѣе: христіанство унаслѣдовало ее отъ языческаго міра. Съ какимъ-то болѣзненнымъ предчувствіемъ, древній Римъ боялся всякой новой вѣры. — «Всегда и вездѣ почитай боговъ по обычаю отцовскому, говорилъ Меценатъ императору Августу, и другихъ принуждай почитать ихъ. Приверженцевъ новизны преслѣдуй всяческими наказаніями, ибо отсюда происходятъ заговоры, тайныя общества и политическія секты. Все это вредно для государственнаго единства».—Такой консервативный духъ въ вопросѣ религіозномъ древній Римъ преемственно передалъ средневѣковому.

И религіозная свобода, т. е. право открыто исповѣдовать по собственному выбору ту или другую вѣру,

---

(⁵) «Ecclesia juste persequitur exemplo Christi Domini qui Paulum, prius Saulum, non solum voce compescuit, verum etiam potestate prostravit... Agnoscant in eo prius cogentem Christum, et postea docentem: prius ferientem, postea consolantem». Decretalia; pars II, c. 52.—Ультра-католическая казуистика доходитъ до слѣд. вывода: Unde non solum ad vindictam malorum, sed et ad terrorem bonorum, expiabantur sanguine, qui vitam sola sanguinis effusione levandam, criminum atrocitate constupratam sordidamque ducebant. Percin, ib. Тоже у Bernardus Comensis (Lucerna inq. R. 1584), Simancas (De cathol. institutionibus) Lud. a Paramo (De origine et progr. S. Inq. ejusque dignitate et utilitate, Madr. 1692), Caes. Carena (Tract. de Inq. Lugd. 1669).

и свобода совѣсти, т. е. право имѣть тѣ или другія религіозныя убѣжденія,—поставлены, какъ дорогія для человѣчества принципы, лишь въ новѣйшее время. Въ ту далекую эпоху, когда ученіе Христа стало болѣе и болѣе распространяться по областямъ римскаго міра, эта религіозная свобода уважалась на столько, на сколько не вредила политическимъ интересамъ, спокойствію и безопасности имперіи. Но христіане должны были войти въ столкновеніе съ божествами имперіи и съ ихъ могущественными покровителями, съ императорами. Какъ граждане, первые христіане были образцомъ покорности. Они были бы вполнѣ безопасны для имперіи, если бы не жили въ своихъ особенныхъ, частныхъ общинахъ. Смиренно склоняя голову передъ земною властью, христіанинъ твердилъ слова Учителя: «царство мое не отъ міра сего»; онъ воздавалъ цезарямъ все то, что предписывалось его положеніемъ. Онъ не могъ исполнить только одного, изъ за чего готовъ былъ перенести ужаснѣйшія истязанія и жизнію пожертвовать на кострѣ. Онъ не могъ поклониться идолу Пантеона и принести ему жертву. Когда преемники великаго Цезаря обоготворили себя и потребовали богопочитанія, они увидѣли въ этихъ доселѣ спокойныхъ и тихихъ людяхъ злѣйшихъ и неукротимыхъ враговъ, весело умиравшихъ въ своемъ упорствѣ. Тутъ-то языческій міръ подалъ примѣръ христіанскому, примѣръ, которому слѣдовали послѣ усердно. Извѣстны страшныя гоненія, поднятыя на христіанъ и іудеевъ въ I столѣтіи. При Тиберіи ихъ изгнали, при Неронѣ стали жечь, кидать звѣрямъ на съѣденіе, распинать на крестахъ, и къ мученіямъ присоединяли посмѣяніе, какъ говоритъ Тацитъ.

Но что значили для этихъ людей всѣ мученія и самая смерть, когда смерть представлялась для нихъ счастливымъ освобожденіемъ отъ узъ земныхъ, а жизнь ничѣмъ инымъ какъ переходомъ къ лучшему, блаженному міру.

Сынъ Контанція Хлора понялъ, какую выгоду для имперіи и династіи можетъ принести религія, предписывавшая покорность власти, равнодушіе къ политическимъ правамъ и къ земнымъ благамъ, религія, уважавшая монархическія формы въ государствѣ и искавшая идеаловъ въ загробной жизни. Когда христіане получили право безпрепятственно исповѣдывать свою вѣру и когда вскорѣ эта вѣра была объявлена господствующею въ государствѣ, то свѣтская власть

взяла подъ свое особенное покровительство служителей христіанскаго культа. Изъ гонимыхъ послѣдніе сдѣлались гонителями. Конфискація, смертная казнь грозила тѣмъ язычникамъ, которые осмѣлятся мѣшать собраніямъ христіанъ.

Между тѣмъ церкви умножались и богатѣли; духовные составляли особенную касту, мало по малу отстранившуюся отъ гражданской жизни, изъятую отъ подсудимости обыкновеннымъ судамъ и подчиненную особымъ судилищамъ духовнымъ, юрисдикція которыхъ становилась шире и шире. За то епископы, всемогущіе при дворѣ, вѣрно и ревностно служили императорамъ, считая ихъ представителями божественной власти и стремясь къ осуществленію высокой идеи создать единую Церковь въ единой имперіи. Нельзя сказать чтобы они первое время были довольны свѣтскою властью. Они имѣли основаніе роптать противъ Константина, который благопріятствуя христіанству, въ то же время торжественно даровалъ своимъ народамъ свободу совѣсти и право вѣровать по желанію каждаго. Онъ въ то же время былъ равнодушенъ къ непонятнымъ ему препираніямъ внутри новой Церкви. Паганизмъ и философія получали тѣмъ пищу вопреки интересамъ высшаго христіанскаго духовенства. Была минута, когда на нѣсколько лѣтъ древній языческій міръ восторжествовалъ надъ христіанскимъ, но это было въ немъ послѣднее проявленіе угасавшей жизни. Вновь укрѣпившись, благодаря сочувствію и покровительству императоровъ, христіанское духовенство измѣняетъ свою тактику. Оно объявило язычеству войну на смерть. Законы Іеговы, взятые изъ книги Второзаконія, были услышаны съ высоты императорскаго престола, какъ наставленія неба. Церковь, какъ бы отстраняя новыя опасности, стала вдругъ воинствующею и крайне нетерпимою. Она запрещала, буквально со словъ Моисея, щадить идолопоклонниковъ, вступать съ ними въ родство, повелѣвала разрушать ихъ жертвенники и спалить идоловъ и даже истреблять всѣ народы, которые предастъ Господь. Изъ Бога милосердаго и всепрощающаго она сдѣлала Бога «страшнаго» (6). Почти всѣ императоры IV вѣка подчинялись этому голосу и объявили гоненія на Іудеевъ и язычниковъ, оставляя пока въ покоѣ тѣхъ изъ послѣднихъ,

(6) Второзаконіе; VII, 21.

которые вели тихую жизнь и не смущали своимъ примѣромъ христіанъ. Жрецы языческіе были лишены ихъ привилегій; богатства языческихъ храмовъ были конфискованы. Язычники мало по малу теряли политическія преимущества и права, которыя переходили къ христіанамъ.

Евреямъ подъ страхомъ костра было воспрещено совращать въ свою вѣру христіанъ и также подъ страхомъ казни вступать въ брачные союзы съ христіанами (7). По закону Константина служить въ военной и гражданской службѣ могли только христіане; язычники не могли имѣть рабами христіанъ, они лишены были правъ усыновленія. Потомъ всякое снисхожденіе было отложено въ сторону и закономъ 341 г. христіанство приняло принудительную систему. Язычество императоромъ Константиномъ было признано преступленіемъ; жертвоприношенія были воспрещены; всѣ должны были отказаться отъ обрядовъ языческаго культа, всякій ослушникъ будетъ пораженъ мечемъ (8). Жрецы, лишенные средствъ суще-

(7) Законы 315 и 339 года. Вотъ первый изъ нихъ, принадлежащій Константину. «Iudaeis, et Majoribus eorum, et Patriarchis, volumus intimari, quod, si qui, post hanc legem, aliquem, qui eorum feralem fugerit sectam, et ad Dei cultum respexerit, saxis aut alio furoris genere, quod nunc fieri cognovimus, ausus fuerit adtemptare, mox flammis dedendum est, et cum omnibus suis participibus concremandus. Si quis vero ex populo ad eorum nefariam sectam accesserit, et conciliabulis eorum se adplicaverit, cum ipsis poenas meritis sustinebit». — «Idque in reliquum observari, ne Christianas mulieres suis jungant flagitiis: vel, si hoc fecerint, capitali periculo subjugentur (при Констанціи)». Codex Theodosianus cum comm. Gothofredi (Lips. 1743); t. VI, p. I. p. 237, 244. Въ 312 г. былъ изданъ законъ о конфискаціи противъ донатистовъ.

(8) Этотъ знаменитый законъ повторился въ 342 и 353 г. См. Chronologia codicis Theod. id. t. I, p. 43, 51. По Baronius онъ изданъ въ 346 г. (Ann. eccl.). — «Cesset superstitio: Sacrificiorum aboleatur inania. Nam quicunque contra Legem Divi Principis Parentis Nostri, et hanc Nostrae Mansuetudinis jussionem ausus fuerit sacrificia celebrare, conpetens in eum vindicta, et praesens sententia exeratur (ad Madilianum).» Codex Theod. VI, 298.

ствованія, должны были подъ страхомъ казни дѣлаться послѣдователями ненавистнаго имъ Христа, такъ какъ удалиться изъ всемірной имперіи было некуда. Ихъ храмы были разрушены или обращены въ церкви, очищенныя крестомъ. Философскія школы Александріи и Антіохіи закрылись, всякое обученіе въ не-христіанскомъ духѣ было запрещено; свободы совѣсти болѣе не существовало.

Такъ развилась идея нетерпимости на зарѣ средневѣковой христіанской исторіи. Въ IV столѣтіи было посѣяно сѣмя инквизиціи. Въ немъ мы видимъ ея принципъ, ея начала, ея пріемы, короче, духъ ея. Свѣтская власть обречена была служить ей. Въ ту эпоху раздѣльнаго существованія Церквей, императоръ, по сознанію Евсевія Кесарійскаго, являлся какъ-бы общимъ епископомъ, поставленнымъ надъ всѣми самимъ Богомъ. Церковь же владѣла лишь мечемъ духовнымъ не поражающимъ, а оживляющимъ. Ecclesia gladium non habet nisi spiritualem, qui non occidit sed vivificat, говорили ея Отцы. Уже первый христіанскій императоръ долженъ былъ оказать ей такую услугу, когда смуты, посѣянныя Аріемъ, начали раздирать Церковь. Аріанство сдѣлало большія успѣхи; оно стало религіей цѣлой массы христіанъ, но Константинъ, всегда опиравшійся на епископовъ, принялъ ихъ сторону и объявилъ исповѣданіе анти-аріанское—каѳолическимъ; онъ желалъ, чтобы эта религія была одна исповѣдуема всѣми народами имперіи. Въ законѣ, изданномъ на другой годъ никейскаго собора, императоръ лишилъ еретиковъ всѣхъ привиллегій, которыя сдѣлались доступны однимъ католикамъ (9). Если не въ духѣ Константина было принимать суровыя мѣры—будетъ-ли то противъ еретиковъ или противъ язычниковъ—то онъ все же вмѣстѣ съ никейскимъ соборомъ осудилъ еретиковъ на изгнаніе и издалъ эдиктъ, по которому всѣ книги, написанныя Аріемъ, должны быть сожжены и подъ страхомъ смер-

(9) Privilegia, quae contemplatione religionis indulta sunt, Catholicae tantum legis observatoribus prodesse oportet. Haereticos autem, atque Schismaticos non tantum ab his privilegiis alienos esse volumus, sed etiam diversis muneribus constringi. Cod Th. VI, 122.

ти всякому подданному запрещалось имѣть и скрывать ихъ (10). Въ этихъ мѣрахъ безъ сомнѣнія руководило имъ духовенство. Оно перестало слѣдовать и наставленіямъ евангельскимъ и практикѣ первыхъ трехъ вѣковъ, допускавшей и свободное обращеніе еретическихъ сочиненій и свободу совѣсти. Іисусъ нѣкогда повелѣлъ Петру обращать и увѣщевать каждаго въ заблужденіи не семь, а седмижды 70 разъ, явно тѣмъ воспрещая всякую насильственную мѣру, а апостолъ Павелъ совѣтуетъ только отвращаться отъ еретика, уклоняться отъ него и то послѣ перваго и втораго вразумленія, продолжая смотрѣть на него какъ на брата и предоставляя ему казниться самоосужденіемъ (11). Этому кроткому совѣту, достойному святости и нравственности евангельскаго ученія, слѣдовали духовныя власти перваго времени. Св. Діонисій, епископъ коринѳскій говорилъ, что если еретикъ склоненъ обратиться къ Церкви, то надо воспринять его съ кротостію, избѣгая всякаго повода, могущаго раздражить его и сдѣлать упорнымъ. Оригенъ согласенъ допустить въ личности нѣкоторую самостоятельность въ религіозныхъ воззрѣніяхъ, если она не касается существенныхъ положеній догматики. Было время, когда ересь умѣли побѣждать убѣжденіемъ, славнымъ состязаніемъ. Такъ Св. Юстинъ спорилъ съ Трифономъ, Родонъ съ Маркіономъ, Кай съ монтанистомъ Прокломъ, Оригенъ съ арабскимъ епископомъ Берилой, онъ же съ арабами, отрицавшими безсмертіе души, александрійскій соборъ 235 года съ Аммоніемъ, наконецъ Архелай съ Манесомъ, который даже спасъ послѣдняго отъ рукъ раздраженной толпы. Императоръ Діоклетіанъ и Максимиліанъ, въ видахъ спокойствія имперіи, сами издали эдиктъ, осуждавшій на костеръ

(10) Извѣстный Евсевій Кесарійскій, присутствовавшій на Никейскомъ соборѣ, почему то стѣсняется говорить объ его постановленіяхъ, что можно читать у схоластика Сократа въ *Ἐκκλησιαστικὴ ἱστορία* (l. I, c. 9). Объ едиктѣ противъ книгъ,—Eusebius. Vita Const. l. III, c. 65.

(11) Ев. отъ Матѳея; XVIII 22.—Посл. къ Титу; III, 10.—Второе посл. къ Ѳессал. III, 14—15.—Къ Римл. XVI, 17.—Та же терпимость предписывается въ слѣд. мѣстахъ: Ев. Матѳея; X, XIII.—Ев. Марка; VI, 11.—Ев. Луки; IX, 56; X, 11; XIII, 8.—Дѣянія, XXI.

агитаторовъ манехеизма и тѣхъ послѣдователей Манеса, которые не отрекутся отъ своихъ убѣжденіи ([12]). Эльвирскій соборъ 303 года былъ весьма строгъ къ доносителямъ, а касательно еретиковъ постановилъ принимать ихъ въ лоно Церкви, согласно ихъ желанію, не подвергая иному наказанію, какъ только церковному 10-лѣтнему покаянію ([13]). Никогда Церковь первыхъ трехъ вѣковъ не доискивалась еретиковъ, предоставляя имъ полную свободу. Она увѣщевала тѣхъ только, которые сами относились къ ней за словомъ объясненія и, если безуспѣшны бывали ея увѣщанія, то ограничивалась отлученіемъ.

Годы ея торжества омрачили ея исторію. Они сдѣлали ее нетерпимою и къ своимъ и къ чужимъ.

Раскрывая т. н. Codex Theodosianus, принадлежавшій императорамъ IV и V вѣка, съ удивленіемъ встрѣчаешъ рядъ драконовскихъ законовъ противъ ереси, готовый матеріалъ для монаховъ XIII вѣка. Императоръ Θеодосій (379—395) написалъ пятнадцать изъ нихъ, положивъ тѣмъ основаніе позорному зданію инквизиціи. Онъ протянулъ дружескую руку римскому олигархическому духовенству и боясь усиленія послѣдователей Арія, омрачилъ позоромъ насилія и преслѣдованія христіанскую Церковь, назначеніе которой было дѣйствовать словомъ убѣжденія. Всякій, такъ называемый каѳолическій императоръ, считалъ своею государственною обязанностію

([12]) Eusebius. *Εκκλησιαστικὴ ἱστορία*; VIII, 25 (лучшее изд. Lammer въ Шафгаузенѣ, 1861).

([13]) По 22 канону этого собора: «Впавшаго въ ересь и возвратившагося послѣ въ лоно Церкви, слѣдуетъ принять, потому что онъ признаетъ грѣхъ свой; онъ долженъ каяться въ теченіи 10 лѣтъ и затѣмъ можетъ быть допущенъ къ причащенію. Если кто въ дѣтствѣ еще уловленъ въ ересь, то, обращаясь къ Церкви, будетъ принятъ въ нее безъ покаянія». По 72 канону: «Если вѣрный станетъ доносчикомъ въ церковномъ дѣлѣ и кто либо будетъ казненъ смертію или изгнанъ вслѣдствіе его доноса, то да будетъ отказано ему въ причащеніи даже передъ смертью. Но въ случаѣ, если послѣдствія его доноса не будутъ такъ тяжелы (si levior causa fuerit) и самъ доносчикъ покается, то черезъ 5 лѣтъ онъ можетъ быть допущенъ къ причащенію». Mansi. Concilia.

слѣдовать такому примѣру. Это стремленіе выразилось прежде смутно, слабыми попытками; Константинъ издалъ лишь два подобныхъ закона; Валентіанъ I одинъ, Граціанъ—два. Но преемники Θеодосія I на Западѣ усердно слѣдуютъ его примѣру. Аркадій издаетъ 12 узаконеній противъ ереси; Гонорій, соединившій обѣ имперіи—18; Θеодосій II—10; Валентиніанъ III—три ([14]). Въ свою очередь аріанинъ Констансъ II мучилъ и преслѣдовалъ православныхъ. Въ продолженіи этихъ 100 лѣтъ, когда, по выраженію Марцеллина, христіане свирѣпствовали другъ противъ друга неистовѣе дикихъ звѣрей ([15]), не только созрѣла идея нетерпимости, но принесла кровавые плоды ([16]). Страшные законы противъ язычниковъ были теперь примѣнены противъ христіанъ не-каѳоликовъ. У нихъ отняли право собранія. Префекты, преторы, начальники діоцезовъ получали приказаніе убивать еретиковъ, если они не возстановятъ православныхъ церквей, разрушенныхъ ими. Сперва, а именно въ 381 г., грозили еретикамъ преслѣдованіемъ императорскихъ судей, если они добровольно не отрекутся отъ своихъ заблужденій. Вскорѣ ихъ объявили подлежащими преслѣдованію и суду особыхъ лицъ, которые тогда уже назывались инквизиторами и судили по тайнымъ показаніямъ доказчиковъ.—Такой судъ ввелъ Θеодосій I закономъ 383 года противъ манихеевъ ([18]).

([14]) Т. о. въ Codex Theodosianus вошло всего 64 такихъ закона, со включеніемъ трехъ Валентиніана II; см. Gothofredi comm. VI, I, 116—122.

([15]) Ammianus Marcellinus. Historia; XXII, 5.

([16]) Связь инквизиціи съ гоненіями на свободную религіозную мысль въ IV вѣкѣ развита между прочимъ въ соч. Patrice Larroque. Examen des doctrines de la religion chrétienne; I, 182—187. Laboulaye. Liberté religieuse, 85—88.

([17]) De haereticis, I. XVI, tit. V, lex 6.

([18]) «Sublimitas itaque tua det Inquisitores, aperiat forum, indices (въ иныхъ изд. judices) denuntiatoresque, sine invidia delationis, accipiat, nemo praescriptione communi exordium accusationis hujus infringat». Cod. Theod. VI, 137, lex 9. Тѣ же инквизиторы разумѣются въ законахъ 13, 15, 31, 35 и 52 этого кодекса.

Этотъ законъ останется первымъ историческимъ фактомъ въ исторіи инквизиціи, если подъ нею понимать всякое гоненіе на ересь вообще.

До сихъ поръ секретный доносъ принимался только въ дѣлахъ о высшихъ государственныхъ преступникахъ, гдѣ шелъ вопросъ о безопасности имперіи. Ѳеодосій примѣнилъ его къ тѣмъ, которые мыслили розно съ годспоствующею Церковью. Преступленія противъ каѳолической вѣры объявлены были государственными преступленіями ([19]). Это особенно относилось къ манихеямъ. Ихъ имущества конфисковывались, у нихъ отняты были всѣ гражданскія права. Имъ запрещено было наслѣдовать, продавать, вступать въ договоры. Даже по смерти ихъ преслѣдуетъ инквизиція ([20]), такъ гласитъ законъ 407 года. Съ другими еретиками поступали мягче; подозрѣваемаго въ заблужденіи увѣщевали покаяться и если достигали цѣли, то ограничивались церковнымъ дисциплинарнымъ наказаніемъ. Иначе угрожало изгнаніе, съ огромными штрафами ([21]), конфискація ([22]), наказаніе плетью и ссылка на незаселенные острова ([23]). Иногда, какъ замѣчено, мѣстная власть могла присудить и къ смертной казни по указанію закона. Исполненіе декрета лежало на отвѣтственности начальниковъ провинцій и діоцезовъ, судовъ, дуумвировъ, декуріоновъ; въ случаѣ послабленія, они сами подвергались огромнымъ пенямъ и разнымъ реквизиціямъ ([24]).

([19]) «Ac primum quidem, volumus esse publicum crimen, quia quod in religione divina committitur, in omnium fertur injuriam.» Cod. Theod. VI, 177, lex 40.

([20]) «In mortem quoque iuquisitio tendit. Nam si in criminibus Majestatis licet memoriam accusare defuncti, non inmerito et hic debet subire judicium.» De haer. lex 40.

([21]) Leges de haereticis; l. XVI, t. V, — 21, 46, 65 (10 и 20 ф. золота).

([22]) De haer. leges 34, 54.

([23]) De haer. l. 32, 53, 54, 65.

([24]) Quod si negligentius ea, quae Serenitas Nostra constituit, impleantur, Officia provincialium judicum, et Principales urbium, in quibus coitio vetitae congregationis reperta monstrabitur, sententiae damnationique subdantur (lex 12, p. 141). Пени на высшихъ должностныхъ лицъ простирались отъ 20 librarum auri (l. 40, 46, 65) до 100 (l. 30). Городскимъ совѣтникамъ, куріаламъ, грозила ссылка и конфискація за небрежность и послабленіе, по закону 409 года (lex 46).

Историческіе факты являются отраженіемъ идей, господствующихъ въ той или другой сферѣ жизни. Если къ такимъ печальнымъ послѣдствіямъ пришла практика древней Церкви, то какое было сознаніе внутри ея самой по вопросу вѣротерпимости. Шли ли эти грустные факты рука объ руку или въ разладъ съ теоріей?

Исходя изъ евангельскаго ученія, отцы и богословскіе писатели первыхъ трехъ вѣковъ, преемники учениковъ апостольскихъ, стояли на высотѣ его. Они предписывали невозмутимую терпимость не только къ разновѣрцамъ въ христіанствѣ, но даже къ язычникамъ. Одна молитва о заблудшихъ была единственнымъ орудіемъ ихъ пропаганды. Св. Игнатій, патріархъ антіохійскій, который учился христіанству у апостоловъ, предписываетъ ефесеянамъ молиться за язычниковъ.— «Они одержимы бременемъ идолопоклонничества; но надо надѣяться что раскаяніемъ они снимутъ его и искренно обратятся ко Христу. Страдайте за нихъ и заставьте поучаться примѣромъ дѣлъ вашихъ». Онъ велитъ остерегаться еретиковъ. «Вамъ остается только молиться за нихъ, чтобы они покаялись. Хотя ихъ обращеніе и покаяніе весьма трудны, но Господь нашъ Іисусъ Христосъ, истинная жизнь наша, имѣетъ власть совершить это».—Убѣждай всѣхъ о спасеніи, пишетъ онъ Поликарпу смирнскому. Выполняй служеніе твое, не щадя ни тѣлесныхъ, ни духовныхъ трудовъ. Заботься объ единствѣ, выше котораго ничего нѣтъ (unitatis curam habe qua nihil melius). Переноси присутствіе всѣхъ, какъ и тебя переноситъ Господь; терпи всѣхъ во имя любви (per caritatem); терпи тѣхъ и другихъ съ кротостію, если хочешь, чтобы Господь терпѣлъ тебя.—Тертулліанъ, самъ боровшійся съ ересью въ лицѣ Марціала, на этотъ счетъ высказывался еще положительнѣе ([25]): «Свобода слѣдовать той или другой вѣрѣ, говоритъ онъ, основывается на правѣ естествен-

---

([25]) Tertullianus ad Scapulum, c. 2.

номъ и человѣческомъ, такъ какъ образъ исповѣданія одного лица не можетъ причинить ни зла, ни добра другому. Вѣра не имѣетъ надобности противодѣйствовать кому либо; потому, надо, чтобы она была свободна, а не внушена силою, ибо принесеніе жертвы должно быть по своей природѣ дѣйствіемъ свободной воли. Если вы принудите насъ священнослужительствовать (si nos compuleritis ad sacrificandum), то не доставите тѣмъ ничего пріятнаго вашимъ богамъ; они не только не могутъ возлюбить вынужденныя жертвы, но дѣлаются недовольны и сварливы, а сварливость не есть качество божественное (contentiosus autem Deus non est).—Надо обратить вниманіе на то, писалъ св. Кипріанъ Карѳагенскій, что Господь не осуждалъ и не угрожалъ, а только обратился къ своимъ Апостоламъ и сказалъ имъ: «Не хотите-ли и вы идти.» Такъ соблюдалъ Онъ законъ, дающій человѣку свободу идти по пути жизни или смерти.— «Мы никого не удерживаемъ противъ воли, пишетъ Лактанцій, умершій въ 325 г., ибо тотъ, кто не имѣетъ ни вѣры, ни благочестія, безполезенъ для Бога. Вѣру должно защищать не убивая, а умирая за нее, не жестокостію, а терпѣніемъ. Словами, а не насильно возбуждаютъ волю, а ничто не требуетъ столько доброй воли, какъ религія. Она перестаетъ существовать, какъ только исповѣдующій ее лишенъ воли» ([26]).

Ничего нельзя сказать болѣе убѣдительнаго противъ насилія совѣсти и противъ системы инквизиціи. Аріанство, въ лицѣ Констанція и особенно Гензериха и Гуннериха, первое подало примѣръ гоненія православныхъ. Не было жестокости, которой не пробовали и не испытывали-бы духовные и государи аріанскіе надъ ненавистными имъ каѳоликами. Должно замѣтить, что никогда въ годы своего торжества, послѣдніе, по сознанію самихъ аріанъ, до подобнаго изувѣрства и ожесточенія не доходили. Церкви и православные монастыри жгли; людей мучили, кому отсѣкали руки и ноги, кого убивали; дѣвицъ, женщинъ жгли медленнымъ огнемъ и потомъ клеймили, непокорныхъ толпами отправляли въ африканскія степи, предварительно изувѣчивъ ихъ. Вандальскія истязанія вошли въ пословицу; героями

([26]) **Lactantius.** Divinarum institutionum l. V, c. 20. Прочія цитаты во множествѣ приводитъ Льоренте.

ихъ были аріане. Объ этихъ гоненіяхъ епископъ Викторъ написалъ цѣлую книгу, разсказывая какъ король Гундерихъ кидалъ въ ямы сотни живыхъ людей. Епископы аріанскіе, Георгій, Северъ, Люцій были главными начальниками и агитаторами. Аѳанасій Великій высказалъ свой протестъ смѣлый противъ дикаго населенія. «Гдѣ можетъ быть свобода убѣжденія, спрашивалъ онъ, когда все управляется страхомъ императора. И какую силу можетъ имѣть голосъ убѣжденія, когда за противорѣчіе ссылаютъ или казнятъ смертью». Св. Илларій, бывшій епископомъ Пуатье, самъ страдавшій отъ аріанъ, подаетъ высокій примѣръ прощенія и терпимости. Онъ пишетъ по поводу своей фригійской ссылки аріанскому императору, что «миръ не можетъ быть водворенъ иначе какъ ежели всѣ, освободясь отъ всякаго рабства, получатъ возможность жить по своему убѣжденію. Если и ради истинной вѣры будетъ примѣняться власть ваша, то неужели не воспротивятся вамъ епископы и не скажутъ: Богъ —творецъ міра, онъ не нуждается въ вынужденномъ послушаніи и не ищетъ его ([27])».—Въ это же время св. Мартинъ Турскій уговаривалъ въ Турѣ императора Максима пощадить жизнь Присцилліана, предлагая осудить его только на низложеніе и изгнаніе; его ходатайство, какъ извѣстно, не увѣнчалось успѣхомъ. Присцилліанъ былъ казненъ въ отсутствіе епископа ([28]). Эту казнь встрѣтило духовенство общимъ негодованіемъ; она шла въ разладъ съ духомъ терпимости. Было дѣломъ новымъ и неслыханнымъ, чтобы свѣтскіе судьи брались за дѣла церковныя. Св. Григорій Назіанзинъ и Іоаннъ Златоустъ, въ годы торжества Церкви, проповѣдывали съ каѳедръ также прощеніе и кротость:—

([27]) См. **Neander.** Gesch. der christl. Religion und Kirche; II, 190.

([28]) **Sulpitius Severus.** Historia sacra, l. II, c. 51. Епископы Магнусъ и Руфусъ были подстрекателями императора. Авторъ, враждебный Присцилліану, такъ отзывается про нихъ: «hi homines luce indignissimi pessimo exemplo necati, aut exilio mulctati».—**Limborch.** Hist. inquisitionis, p. 10.—Здѣсь мы пользуемся случаемъ обратить вниманіе читателей на важную опечатку, вкравшуюся въ первый томъ нашего труда. На стр. 126, снизу 8 строка, слѣдуетъ читать: *не* уступая.

«Слѣдуетъ опровергать и отстранять отъ Церкви всѣ нечестивые догматы, распространяемые еретиками, но людямъ должно прощать ихъ заблужденія и молить Бога объ ихъ обращеніи. Христіанамъ не дозволяется уничтожать эти заблужденія принужденіемъ и силою; они могутъ вести людей къ спасенію только убѣжденіемъ, разумомъ и любовію» ([29]).

Такихъ воззрѣній единодушно держались отцы и учители Церкви до IV вѣка.

Но въ началѣ V столѣтія въ Западной Церкви повѣялъ новый духъ. Отъ одного изъ христіанскихъ богослововъ послышалась проповѣдь гоненія и насилія. Факты, уже существовавшіе на практикѣ, нашли себѣ незаконныя оправданія въ теоріи.

Этотъ новый голосъ принадлежалъ Августину. Римская церковь канонизировала этого богослова и сопричислила его къ числу своихъ отцевъ.

Въ молодости Августинъ былъ манихейцемъ. 32 лѣтъ онъ обратился въ католичество и сталъ преслѣдовать всякую ересь съ ревностію неофита. Были годы, когда и онъ былъ сторонникомъ терпимости. Но въ своей гиппонской епархіи онъ долженъ былъ вступить въ борьбу съ фанатическими еретиками, которые всюду окружали его. Между ними особенно выдавались сперва донатисты, а потомъ пелагіанцы. На тѣхъ и на другихъ онъ, послѣ мѣръ увѣщанія, поднялъ гоненіе, пригласивъ на помощь свѣтскую власть. Августинъ былъ фанатиченъ и самолюбивъ. Успѣхъ отвѣтилъ его ожиданіямъ, а онъ слишкомъ плѣнялъ его, чтобы въ характерѣ дѣятельности не стать на сторону тѣхъ рѣшительныхъ мѣръ, которыя легко ведутъ къ его достиженію. Онъ стыдился своей прежней умѣренности и терпимости. «Я былъ неопытенъ, откровенно говорилъ онъ, и не понималъ, какая отъ этого можетъ произойти безнаказанность зла и не догадывался,

([29]) Всѣ приведенныя и многія другія мѣста изъ Отцевъ и Писанія собраны у Неандера, Limborch (Hist. inq. c. 5) и особенно Llorente. Histoire de l'inquisition d'Espagne; IV, 178—241. Вся 45 его глава его знаменитаго сочиненія служитъ полемикой съ апологетами инквизиціи и вмѣстѣ краснорѣчивой защитой терпимости.—См. также Hofmann. Die Lehre von dem Gewissen (1866).

какое обращеніе къ лучшему можетъ произвести примѣненіе дисциплины ([30])». Вотъ первые звуки проповѣди насилія, которое ведетъ свою исторію 13 вѣковъ. Августинъ, въ глубинѣ души своей, не потерялъ сознанія позора такихъ мѣръ, этого coërtio disciplinae и предпочиталъ слова убѣжденія, но тѣмъ не менѣе рѣшился допустить въ Церкви новый принципъ, такъ успѣшно и блистательно усвоенный Римомъ ([31]). Онъ не совѣтовалъ проконсулу казнить смертью донатистовъ, но лишь потому, что вслѣдствіе большихъ казней поднимется ропотъ противъ духовенства, какъ противъ доносчиковъ и виновниковъ истребленія, что оно будетъ въ сильной опасности и что наконецъ некого уже будетъ приводить къ суду (vestris judiciis) проконсула ([32]). Онъ сталъ казуистически оправдывать насиліе. Отцы наказываютъ своихъ дѣтей, поучая ихъ; Богъ въ своемъ милосердіи также поступаетъ съ людьми. Строгость та же любовь. Любить надо и друга и врага. Еретикъ врагъ, но онъ погибаетъ, тонетъ; христіанское ученіе требуетъ спасти его; конечно, лучше прибѣгнуть къ силѣ и удержать его на краю пропасти, чѣмъ допустить его до погибели. Погибель духовная еще ужаснѣе; она преслѣдуетъ и въ загробной жизни. Зло, по широкому примѣненію такого примѣра, будетъ не въ насиліи, а въ допущеніи равнодушія и снисхожденія къ судьбѣ погибающаго. Наказать, истязать еретика, значитъ воздать ему любовью; оставить его въ заблужденіи, хотя-бы послѣ безполезныхъ

([30]) Et vere tunc mihi non placebat quia nondum expertus eram vel quantum mali eorum augeret impunitas, vel quantum eis in melius mutandis conferre posset diligentia disciplinae. Retractiones; l. II, c. 5.—Migne, Patrologia; XXXII, 632.

([31]) Llorente пытается, но неудачно, защитить и оправдать Августина; IV, 235. Срв. Laboulaye. Liberté religieuse. Извѣстно, какъ дико ратовалъ Кальвинъ за идею Августина въ Retractationes (l. II, c. 5) и Institution chrestienne (l. IV, c. 12), называя нечестивыми тѣхъ, кто осмѣливается утверждать, будто апостолы не требовали у властей преслѣдованія еретиковъ.

([32]) Aug. epistolae, 127, ad Donatum.—Въ посл. 50 и 68 Августинъ разсказываетъ жестокости донатистовъ противъ православныхъ.

усилій, предоставить самому себѣ, значитъ нанести ему зло, вопреки евангельскому ученію. Такъ гоненіе явилось завѣтомъ Евангелія; терпимость—преступленіемъ противъ вѣры. Если не на всѣхъ дѣйствуютъ наказанія, если иные до самой смерти остаются при своихъ убѣжденіяхъ,—то не слѣдуетъ же отказываться отъ излѣченія болѣзни, если есть нѣсколько неизлѣчимыхъ. Оружіемъ такого излѣченія служитъ свѣтская власть, умѣющая владѣть свѣтскимъ мечемъ. Власть, ввѣренная Цезарямъ, должна служить прежде всего на защиту дѣла Божія, вторилъ Августину его другъ Амвросій миланскій, и на прочищеніе людямъ пути къ небу. Только единая истинная вѣра можетъ быть исповѣдуема во владѣніяхъ христіанскихъ государей. О терпимости къ язычникамъ, евреямъ, еретикамъ и врагамъ Церкви — не можетъ быть и рѣчи. Если люди, власть имѣющіе, не преслѣдуютъ преступленій, то они ихъ участники, а какое же преступленіе можетъ быть важнѣе того, которое совершается противъ Высшаго Существа ([33]). Эти мѣры преслѣдованія и наказанія если не уничтожатъ зла, то воспрепятствуютъ его дальнѣйшему проявленію и во всякомъ случаѣ подавятъ соблазнительный примѣръ.

Августинъ, въ знаменитомъ спорѣ съ пелагіанцами, отнялъ у человѣка всякую свободу воли. Міръ въ его «Градѣ Божіемъ,» гдѣ логикѣ приносилось въ жертву все остальное, представлялся раздѣленнымъ на праведныхъ и неправедныхъ. Однихъ Богъ предопредѣлилъ къ безконечному блаженству, а другихъ осудилъ на вѣчную смерть. Исключенія не можетъ быть; одни наслѣдники благодати, другіе сыны осужденія. Не католики и тѣмъ болѣе язычники не могутъ быть добродѣтельны и никогда не попадутъ въ первую категорію. Ихъ добродѣтель грѣховная; лучшіе изъ язычниковъ служители славѣ, слѣдователи злому побужденію; они отъ мира, а «всяко еже не отъ вѣры, грѣхъ есть»; они навсегда лишены благодати, а безъ нея не можетъ быть добра, ([34]) даруемаго только Господомъ.

([33]) **Laurent.** Hist. du droit des gens; I, 36, — изъ 17 посланія Амвросія.

([34]) Объ Августинѣ и его «Civitas Dei»—удачная глава у г. **Чичерина.** Исторія политическихъ ученій; I, 110—120.— Цѣликомъ августиновскія воззрѣнія на гоненія приведены у **Limborch.** Hist. inquis. p. 21—27.

Такое ученіе служило прекраснымъ подспорьемъ оправданію нетерпимости, дѣлавшейся благодѣтельнымъ средствомъ спасенія, цѣлительнымъ лѣкарствомъ, которое приводитъ человѣка, хотя-бы противъ его воли, къ духовному здоровью, сопричисляетъ его къ тѣмъ, на которыхъ можетъ снизойти благодать. Позволяетъ ли Евангеліе такое *понужденіе* личности противъ ея воли, спрашивалъ самъ себя Августинъ—и отвѣчалъ положительно. Онъ основывался на притчѣ Спасителя о гостяхъ званыхъ и избранныхъ, въ которой господинъ приказываетъ рабу идти по дорогамъ и изгородямъ и кого встрѣтитъ убѣдить придти къ нему, чтобы наполнился домъ его, такъ какъ оставалось еще свободное мѣсто ([35]). Выраженіе *«убѣдить придти»* въ латинской вульгатѣ было съ намѣреніемъ невѣрно переведено: «**compellere intrare**»: заставить, понудить войти. На эти слова, какъ на священныя по его мнѣнію, окончательно оперся Августинъ въ своихъ доводахъ. Видимо переводчикъ руководился въ своемъ переводѣ тѣмъ духомъ нетерпимости, который успѣлъ проявиться тогда въ Римской Церкви, но это знаменитое выраженіе «compelle intrare» обречено было играть историческую, хотя печальную роль. Оно сдѣлалось какъ бы моральной опорой инквизиціи, ея аргументомъ, исходнымъ мотивомъ ея казуистовъ и апологетовъ. Замѣчательно, что эта теорія созрѣла одновременно съ фактомъ гоненія еретиковъ.—Августинъ считается у католиковъ величайшимъ богословомъ. Онъ можно сказать создалъ, изложилъ, если не завершилъ католическую догматику. Онъ признается въ западной Церкви высокимъ авторитетомъ. Его сужденія и воззрѣнія—изрѣченіе оракула; отступить, уклониться отъ нихъ — значитъ быть близкимъ къ ереси. Онъ оказалъ такія великія услуги католицизму своею борьбою, жизнію и своими замѣчательными сочиненіями, что

([35]) Ев. отъ Луки, XIV, 23. Въ греческомъ текстѣ дѣйствительно поставлено двусмысленное выраженіе: *«καὶ ἀνάγκασον εἰσελθεῖν, ἵνα γεμισθῇ ὁ οἶκός μου»*.—Ἀναγκάω значитъ принуждаю, но также и убѣждаю. Въ славянскомъ переводѣ: «и убѣди внити». См. **Гречулевичъ.** Толкованіе Четвероевангелія; I, 300.

связалъ неразлучно съ нимъ свое имя. Понятно, какое обаяніе оказывала на позднѣйшія поколѣнія, потерявшія цивилизацію, эта талантливая защита нетерпимости, достойная по своей энергіи лучшаго дѣла. Сотни лѣтъ она продолжала воспитывать ихъ въ идеяхъ вѣка. Понятно, что святѣйшая инквизиція Лангедока и Испаніи всегда искала въ сочиненіяхъ Августина главную основу своихъ доводовъ.

Свѣтская власть, въ свою очередь, слѣдуя примѣру Өеодосія, прозваннаго Великимъ, этого императора полвселенной, знаменитаго законодателя и устроителя государства, спѣшила оказать требуемую поддержку духовенству. Папа Левъ I провозгласилъ, что «власти нужны въ средѣ Церкви для того, чтобы то, чего священникъ не можетъ сдѣлать проповѣдью ученія, они выполняли страхомъ наказанія» (36). Римская Церковь брала на себя обязанность судить, а властямъ предлагала быть палачами.

Въ этотъ-то рѣшительный моментъ, въ Церкви проявляется внутреннее, еще мало замѣтное раздѣленіе на двѣ половины. Восточная Церковь не стремится къ созданію внѣшняго выраженія единства, подобно Римской; она довольствуется единствомъ внутреннимъ, основаннымъ на духѣ любви и вѣры. Она не знала классической традиціи единообразія формъ, традиціи глубоко древней, и не намѣревалась организовать политической корпораціи изъ общества вѣрующихъ духомъ; она не питала въ себѣ государственныхъ идеаловъ. Между тѣмъ какъ Римская Церковь усвоивала воинствующій типъ и, встрѣчая на пути свѣтскую власть, старалась подчинить ее себѣ какъ орудіе для личныхъ цѣлей, ревниво наблюдая за ея силой, Восточная, занимавшаяся разработкой догматовъ, бросила изъ рукъ всякое оружіе, еще задолго до фактическаго раздѣленія, и добровольно предоставила императорской власти охраненіе своего внѣшняго единства. Въ то время, когда римскіе первосвященники старательно и даже рѣзко дѣлили обѣ власти, въ Византіи онѣ смѣшивались. Восточные императоры, смѣло издавая церковные законы, мало по малу подчинили себѣ патріарховъ, затмили

(36) **Leonis Magni epistolae 15, 29, — Migne. Patrologia; LIV, 678—695, 783—противъ присциліанитовъ и евхитовъ. Здѣсь уже говорится о synodale judicium**—*συνοδικόν κριτήριον*.

ихъ въ блескѣ своего добра и хотя не вмѣшивались въ вопросы богословскіе, но ходомъ событій являлись покровителями и защитниками вѣры, и уничтожали тѣмъ возможность образованія на своихъ глазахъ особой воинствующей церковной силы, которая могла бы выступить противъ кого либо подъ знаменемъ креста. Потому на Востокѣ не было ни почвы для инквизиціи, ни данныхъ для ея осуществленія. Въ Восточной Церкви развился иной духъ, нежели въ Римской; ея императоры, правда, продолжали жечь мятежниковъ даже въ IX столѣтіи, но сама она не была способна предпринимать крестовыхъ походовъ въ дальнія страны во имя Христа, не рѣшалась обращать чужеземцевъ силою меча въ слугъ своихъ. За то, отказавшись отъ господства надъ событіями, она и не имѣетъ блестящей исторіи католицизма. Различныя по духу, обѣ Церкви естественно должны были раздѣлиться, особенно когда папы приняли наступательное положеніе и заговорили тономъ властителей.

Отчего возможно было появленіе факта инквизиціи въ Римской Церкви? Въ чемъ сила и опора этого учрежденія? Для уясненія этихъ причинъ надо бросить сжатый взглядъ на ростъ папской власти. Въ продолженіи трехъ столѣтій, современныхъ самой печальной эпохѣ исторіи человѣчества, успѣло достаточно окрѣпнуть вліяніе римскихъ первосвященниковъ, а съ ними и западнаго духовенства. Но это не значило, что у нихъ была какая либо власть. Папство крѣпло, когда народы волнами сметали другъ друга, когда Европа обливалась кровью на всѣхъ предѣлахъ своихъ, когда пылали и разрушались ея города, когда гибла образованность и исчезали съ лица земли памятники античной цивилизаціи, когда молитва и предсмертное покаяніе стали единственнымъ утѣшеніемъ, а монастыри единственно безопаснымъ пріютомъ. Самъ бичъ Божій съ почтеніемъ нѣкогда остановился предъ папой. Папы подъ маской духовнаго надзора захватили правительственное вліяніе въ Италіи и отстранили восточныхъ императоровъ. Назвавшись первосвященниками, римскіе епископы получили отъ варварскихъ королей множество привиллегій вмѣстѣ съ независимой юрисдикціей, обнимавшей и гражданскія отношенія. Общее невѣжество присвоило имъ столь могучее вліяніе на западное христіанство, что въ VIII столѣтіи папа сдѣлался въ глазахъ государей и народа дѣйствительнымъ намѣстникомъ Св. Петра и властвовалъ не

только въ церковныхъ дѣлахъ, но и въ мірскихъ. Свѣтская власть, съ готовностью предлагавшая имъ свои услуги между прочимъ неосторожно занесла мечъ сама на себя. Это обстоятельство важно для исторіи инквизиціи. Пепинъ Короткій просилъ папу Стефана II освободить французовъ отъ присяги послѣднему меровингу. Онъ исполнилъ и другое его желаніе, короновавъ его въ Санъ-Дени (754 г.). Пепинъ не предвидѣлъ какую жалкую участь онъ готовитъ своимъ преемникамъ и европейскимъ государямъ, отдавая ихъ въ руки и въ опеку Риму. Отнынѣ князья должны были стать усердными слугами папскаго престола, слугами идей его, исполнителями его повелѣній, — все это изъ опасенія судьбы Хильдерика. Страхъ разрѣшенія отъ присяги подданныхъ не разъ въ послѣдствіи уничтожалъ всякую энергію королей и дѣлалъ ихъ простыми орудіями Западной Церкви, ратоборцами ея нетерпимости. Исторія альбигойцевъ переполнена такими примѣрами. Католики чуждались каждаго отлученнаго, какъ зачумленнаго. Повиноваться ему казалось грѣхомъ. Анаѳема церковная прежде назначалась за одну ересь, и потому на всякаго отлученнаго государя подданные смотрѣли какъ на еретика. — Должно замѣтить, что не маловажное значеніе въ этомъ слѣпомъ страхѣ галло-франковъ имѣло старое друидическое повѣрье. Еще кельтскіе жрецы воспитали галловъ въ этомъ чувствѣ отвращенія къ отлученному ([37]). На него смотрѣли какъ на нечестивца, покинутаго богами; съ нимъ нельзя было имѣть никакого сношенія или тѣмъ болѣе общенія изъ опасенія навлечь гнѣвъ неба и лишиться сообщества людей; покинутый на произволъ, какъ зараженный, онъ являлся живымъ примѣромъ зла, происходящаго изъ неповиновенія духовной власти. Это повѣрье, перешедшее изъ языческаго міра въ христіанскій, было тщательно охраняемо духовенствомъ какъ подспорье, служившее его вліянію. Запасшись правомъ отлученія столь прочнымъ и столь широкимъ, папство рѣдко имѣло поводъ примѣнять его въ дѣлахъ религіозныхъ; оно всецѣло воспользовалось этимъ оружіемъ уже во времена альбигойства.

Первосвященники, современные Карлу Великому, держались самой кроткой политики относительно свѣтской вла-

([37]) **Caesar. De bello Gall. VI, 13. Quibus ita est interdictum, ii numero impiorum ac scelaratorum habentur etc.**

сти. Папы, заручившись обладаніемъ территоріи, казалось, не обѣщали узурпаціи въ будущемъ. Всѣмъ обязанные личной дружбѣ императора, папы терпѣливо сносили его прихоти, притѣсненія и величали его самыми льстивыми эпитетами (a Deo institute, magne, optime rex). Въ свою очередь императоръ въ Ахенѣ въ 789 г. на народномъ собраніи издаетъ церковный капитулярій, гдѣ, обращаясь къ священникамъ, предлагаетъ имъ: «усовѣщевать, убѣждать и даже принуждать каждаго, чтобы онъ слѣдовалъ твердой вѣрѣ и правиламъ отцевъ» ([38]). Храбрый завоеватель, онъ плохо понималъ, что говорили эти отцы. Смутно предчувствуя появленіе иноучителей, онъ грозитъ имъ адомъ, а духовенству предписываетъ поученія. Принужденные льстить ему, папы знали, что не все же на престолѣ будетъ этотъ страшный, ими же вѣнчанный императоръ. Послѣдствія оправдали ихъ предположенія и папство тотчасъ перемѣнило тонъ послѣ его смерти. Наслѣдникъ могучаго кунинга—рабъ Церкви, а за нимъ поднимаются междоусобія и вотъ Григорій IV въ 838 г. смѣло и громко провозглашаетъ независимость духовной власти отъ свѣтской. Друзья франкскаго вождя освободились отъ всякаго надзора; имъ напутствуетъ успѣхъ, а отъ успѣха ростетъ ихъ авторитетъ. Ихъ могущество, какъ часто бываетъ въ жизни, скоро дѣлается крѣпкимъ однимъ обаяніемъ; къ нему начинаютъ привыкать. А Николай I (858—867 г.), не разбиравшій средствъ, пускаетъ въ ходъ такъ называемыя лже-исидоровскія декреталіи; гдѣ высказывается, что папа единый намѣстникъ Христа на землѣ, общій владыка всѣхъ Церквей, что отъ него лишь законно назначеніе и отреченіе епископовъ, что лишь ему подсудны всѣ духовные чины, что лишь онъ можетъ созывать соборы, самая власть которыхъ исходитъ отъ него-же. Стройными и рѣзкими формулами начинаетъ создаваться каноническое право Римской Церкви; упрочивается положеніе и неподсудность духовныхъ мірянамъ. При Іоаннѣ VIII Римъ смѣло вмѣшивается въ политическія событія. Обѣщаніемъ короны Карлу Лысому вынуждается отъ свѣтской власти, которая такъ высоко была поставлена Карломъ Великимъ, торжественное заявленіе, что императорская корона переходитъ не по праву наслѣдства,

([38]) **Pertz. Monumenta Germaniae (Leges; I); III. 53—67**

а по волѣ святѣйшаго отца—папы. Эта важная грамота, подкрѣпившая идею римской нетерпимости, подписана днемъ Рождества 875 г. Тотъ же Карлъ Лысый, послѣ своего коронованія, признаетъ за римскимъ епископомъ именованіе «papa universalis», подчиняя ему этимъ всѣ другія Церкви и номинально даже восточныя патріархіи. Но одного такого заявленія было недостаточно, чтобы идея, торжественно высказанная, привилась къ жизни. Для этого требовалось время и великіе люди, способные поднять ее и осуществить. Чѣмъ болѣе папство поднималось на такую политическую высоту, тѣмъ нетерпимѣе дѣлалось оно къ проявленію всякой самостоятельной мысли, несогласной съ догмой, переданной Августиномъ и другими ея отцами. Когда бенедиктинскій священникъ Готшалькъ осмѣлился высказать иное воззрѣніе на предопредѣленіе, то архіепископъ реймскій сперва старался обратить его, а послѣ собралъ соборъ въ Кьерси на Уазѣ въ 849 г. изъ 18 духовныхъ лицъ, и на немъ отлучилъ виновнаго, какъ упорнаго еретика. Готшалькъ лишился священства, на основаніи правилъ его ордена, и постановленіемъ агдскаго собора былъ наказанъ сотней ударовъ плетей и заключенъ въ темницѣ аббатства Отвилльеръ. Карлъ Лысый, бывшій тогда еще французскимъ королемъ, лично присутствовалъ при экзекуціи и приказалъ сжечь сочиненія осужденнаго (39). Это было въ то время, когда политическій міръ, погруженный въ ужасный хаосъ, представлялъ собою военный лагерь и когда на свѣтѣ, по искреннему выраженію Нитгарда, «не было ничего, кромѣ бѣдствій и несчастій» (40).

Понятно, что въ послѣдствіи, когда войны, возмутившія страдавшую Европу, нѣсколько улеглись, когда уровень образованія невѣжественнаго высшаго духовенства нѣсколько поднялся, а авторитетъ папства упрочился въ умахъ, Римская церковь получила гораздо большую возможность управлять движеніемъ мысли среди своихъ паствъ и карать за ея уклоненія въ области религіозной.

---

(39) **Baronius.** Annales ecclesiastici, a 849. — **Usserius.** Hist. Gotteschalci et haeresis praedest. controversiae. Dublin, 1631.

(40) **Nithardus.** Historiarum l. IV, apud Pertz (Monumenta; II, 672).

Памятники не оставили намъ фактовъ касательно хода инквизиціонной идеи въ X столѣтіи. Риму было тогда не до вопросовъ и не до интересовъ вѣры. Могучая власть людей, назвавшихъ себя намѣстниками Христа, стала ничтожна и долгое время даже не проявлялась. Съ 891 г. наступаетъ самое тяжелое время Римской Церкви, — какое только она переживала въ христіанскій періодъ. Графы тускуланские и князья Крешенци, укрѣпившись въ своихъ домахъ, дерутся за обладаніе замкомъ Св. Ангела и по произволу распоряжаются народнымъ собраніемъ, а чрезъ него и папскимъ престоломъ; папъ то сажали, то сталкивали. Ужасное состояніе куріи, а чрезъ нее и всего духовенства, обусловливалось въ это время самымъ положеніемъ папъ, какъ номинальныхъ государей своей области. Цѣлый рядъ нравственно развращенныхъ личностей въ продолженіи полутора столѣтія сидитъ на престолѣ первосвященническомъ. Тіаристы какъ бы готовились подорвать тогда всякое довѣріе къ авторитету папскому, только что утвердившемуся въ умахъ варваровъ-побѣдителей. Мрачныя картины азіатскихъ деспотій развертываются въ христіанскомъ Римѣ. Короткія замѣтки лѣтописцевъ развились въ ужасающія сцены подъ перомъ протестантскихъ историковъ. Рѣдкій папа не погибалъ тогда отъ интригъ; надъ рѣдкимъ политическіе враги не совершали самыхъ дикихъ истязаній; самые трупы не избѣгали посрамленія; владычество наглыхъ женщинъ, коварство, оргіи мести, убійства, ядъ, святотатство, кощунство были обыкновенными явленіями въ эту эпоху Ѳеодоръ и Мароччіи, давшей престолу своего сына и внука. Латеранскій дворецъ, говоритъ современникъ, былъ мѣстомъ публичнаго разврата и вмѣстилищемъ порока (41). Понятно, что распущенность нравовъ и чувствъ всего латинскаго духовенства была полнѣйшая. Духовенство было тѣсно связано своими землями съ бытомъ другихъ сословій; въ рукахъ его, по духу времени, былъ посохъ и мечъ. «Bonus miles in clero et optimus pastor in populo,» —было даже идеаломъ, но въ дѣйствительности прелаты не думали о своихъ духовныхъ обязанностяхъ (42). «Это не

---

(41) **Liutprandus.** Liber de reb. gest. Ottonis Magni, c. 4 (Pertz; V, 340).

(42) **Thietmar Mersеburgensis.** Chronici l. II, c. 17— Pertz; V, 752.

епископы, по словамъ современниковъ, а тираны, окруженные войскомъ; съ руками, запятнанными непріятельской кровью, они приступаютъ къ совершенію таинствъ» ([43]). Епископскія должности на всемъ Западѣ продавались съ публичнаго торга. Императоръ германскій назначалъ торги въ своемъ дворцѣ, даже во второй половинѣ XI столѣтія; желающіе надбавляли одинъ передъ другимъ. «Продавецъ иногда и не мечталъ о томъ, что предлагалось ему покупателемъ; рѣки богатства, сокровища Креза были въ рукахъ монаховъ» ([44]). До церковно-ли догматическихъ вопросовъ было тѣмъ людямъ, которые заняты были лишь тяжбами, да прибыткомъ, драли проценты, продавали церковную утварь, продавали самое отпущеніе грѣховъ ([45]). Не всѣ они знали даже «Вѣрую»; не всѣ понимали то, что читали; многіе ограничивались только складами. Епископъ бамбергскій, напримѣръ, не могъ перевести латинскаго псалма, а не только разъяснить его смыслъ ([46]). Въ одной разнузданной чувственности и грубѣйшихъ удовольствіяхъ текла жизнь духовныхъ и въ холодной Англіи и въ теплой Италіи. Ихъ жилища, по ихъ собственному сознанію, считались домами разврата и вмѣстилищемъ всякихъ нечистотъ; самые церковные алтари не были избавлены отъ того. Бенедиктъ VIII на соборѣ публично говорилъ, что служители Божіи «ut equi emissarii, in foeminas insaniunt» ([47]). Но это повальное зло, которое возмущало честную душу клюнійскаго монаха Гильдебранда ([48]), исходило изъ соблазнительнаго примѣра Рима. Когда продавались аббатства и епископства, продавался папскій престолъ,

---

([43]) Fulberti epist. 74,—Bouquet, scrp. rer. Gall. X, 479.

([44]) Lambertus Hersfeldensis; Annales, a. 1071, 1075,—Pertz, VII, 184, 236. Подъ 1063 г. онъ сообщаетъ характерный разсказъ для церковныхъ нравовъ эпохи.

([45]) Ratherius Veronensis. Itinerarium Romanum,—приведено у Laurent (Droit des gens; VI, 73); помѣщено у Migne. Patr. CXXXVI; 579—599.

([46]) Lambertus. Annales, a. 1075.

([47]) Mansi. Concilia; XVIII, 527; XIX, 345.

([48]) Commune malum pene totius terrae. Gregorii VII epist. IV, 22, apud Migne. Patr. CXLVIII, 476.

а съ нимъ и вся Римская Церковь ([49]). Мы привели факты, отъ которыхъ не отпираются и католическіе историки. Смущаются послѣдніе, говоря объ этой эпохѣ. Имъ приходится тогда повторять вмѣстѣ съ Бароніемъ, что «Іисусъ Христосъ глубокимъ спомъ почилъ на кораблѣ своемъ, когда его судно, гонимое вѣтромъ и бурею, металось по волнамъ» ([50])

Пользуясь этимъ временемъ, альбигойская ересь изъ юго-восточныхъ предѣловъ Европы, пройдя Италію чрезъ посредство патареновъ, показалась въ южной Галліи. Она шла подъ знаменами манихеизма, за который прежде жгли и на Востокѣ и на Западѣ. Это было въ послѣдніе годы X столѣтія. Послѣ изложеннаго понятно, что дуализмъ встрѣтилъ на Западѣ самыя благопріятныя для его роста условія. Учителей въ господствующей Церкви почти не существовало. Ея великіе богословы давно вымерли. Почти некому было вступить въ серьезныя препиранія съ сектантами, которые, будучи фанатически убѣждены въ своей правотѣ, проповѣдывали съ пылкостью, увлеченіемъ и талантомъ. Сердце искало вѣры въ лучшее и надежды въ виду общаго разврата. Католическіе священники не могли поучать первой и не были способны внушить второй. Оттого многіе изъ французскаго духовенства, введенные въ сомнѣніе, сбитые въ томъ, что они смутно понимали и знали по наслышкѣ, сбитые съ толку, сами стали адептами дуализма. Потому въ реймской эпархіи при посвященіяхъ было постановлено давать клятву, что посвященный не раздѣляетъ убѣжденія еретиковъ ([51]). Это была единственная административная мѣра противъ ереси. Цѣлые 30 лѣтъ католическое духовенство было въ какомъ то онѣмѣніи. Фактически въ это короткое время существовала желательная терпимость, но причинами

([49]) Такъ торговалъ ею Бенедиктъ IX. Купившаго онъ лично посвятилъ, а самъ оставилъ дворецъ; нобили выбрали третьяго; тогда вернулся и Бенедиктъ. Спокойно всѣ они раздѣлили между собой доходы Церкви и стали править втроемъ. Это было въ 1045 г. Императоръ Генрихъ III низложилъ всѣхъ троихъ.

([50]) Baronius. Ann. eccl. a. 912.

([51]) Gerberti epist. 75—Bouquet; X, 409. Самъ архіепископъ Гербертъ давалъ такую клятву.

того были не сознаніе, не принципъ, а внутреннее и внѣшнее безсиліе, результатъ условій, изложенныхъ выше.

Но вотъ въ первой половинѣ XI столѣтія черная картина состоянія духовенства проясняется. Клиръ просыпается, будто чувствуя близкую опасность. Его болѣзненный, летаргическій припадокъ начинаетъ проходить. Наступилъ кризисъ. Тогда первымъ движеніемъ этого больнаго было взять въ руки мечъ и грубой силой внушить страхъ дерзкимъ, потревожившимъ этотъ вѣковой сонъ. Лиможскій епископъ Геральдъ первый принимаетъ карательныя мѣры противъ еретиковъ. Но онъ не имѣетъ успѣха. Онъ кидается на евреевъ и троихъ изъ нихъ обращаетъ силой и убѣжденіемъ въ христіанство; множество остальныхъ ссылаетъ ([52]). Въ 1020 году или около того, въ первый разъ на площадяхъ Тулузы разводили огонь для еретиковъ. Современный хроникеръ, лимузенскій монахъ, довольно спокойно занесъ этотъ фактъ въ свою лѣтопись ([53]). Онъ не предвидѣлъ, что съ того дня началась вѣковая исторія инквизиціи съ ея ужасами и съ ея роковымъ вліяніемъ на авторитетъ Римской Церкви.

Эти первые альбигойскіе еретики погибли геройски; они не отреклись отъ своихъ убѣжденій. Но исторія не сохранила ихъ именъ; извѣстно только, что ихъ было много. Чрезъ два года тѣ же сцены въ Орлеанѣ. Мы имѣли случай описать ихъ подробно. Тутъ пострадали лучшіе люди Орлеана, но что всего замѣчательнѣе, всѣ 13 сожженныхъ были католическіе священники. Одинъ изъ нихъ былъ даже духовникомъ королевы. Въ ту эпоху энергичныя натуры дѣлались или мистиками или развратниками. Талантливѣйшіе изъ духовныхъ, не встрѣчая удовлетворенія сердечной потребности въ условіяхъ и обстановкѣ своей религіи, смѣло и съ большимъ самоотверженіемъ предавались тому ученію, которое въ своихъ основаніяхъ требовало подвига аскетизма и взирало на земную жизнь, какъ на созданіе діавола. Потому-то съ такимъ достоинствомъ Лизой, Герберъ и ихъ

([52]) **Ademarus Cabannensis.** Chronicon Aquitanicum seu historiae Francorum libri tres,—Bouquet; X, 154. Pertz; VI, 137.—Gallia Christiana; II, 513.

([53]) **Ademari** Chronicon,—Bouquet; X, 159. Pertz; VI, 143.

товарищи держались предъ судьями и съ такимъ геройствомъ умирали, внутренно наслаждаясь своими мученіями. Прочіе послѣдователи катаризма въ Орлеанѣ, тогда же привлеченные къ слѣдствію и отрекшіеся, подверглись менѣе жестокимъ наказаніямъ. Произвели судъ и надъ мертвыми; трупъ одного, оказавшагося еретикомъ, былъ выкинутъ изъ христіанскаго кладбища. Костры и наказанія не могутъ уничтожить заблужденія. Огонь только гонитъ его по другому направленію. Разъ ставши на эту дорогу, Римская Церковь должна была надолго, если не навсегда, обречь себя на служеніе мечу и нуждаться въ услугахъ палачей. Ересь, подавленная въ Орлеанѣ, проявилась одновременно по всей Галліи, особенно въ Шампани и Лангедокѣ. Епископы чуть не ежегодно должны были собирать соборы и произносить свои обычныя формулы отлученія. Во всей Римской Церкви нашелся только одинъ голосъ, требовавшій снисхожденія къ заблудшимъ, по ученію Евангельскому. Это былъ люттихскій епископъ Вазонъ. «Богъ ищетъ не смерти еретика, писалъ онъ шалонскому епископу, а его жизни и покаянія, онъ не спѣшитъ судить, а выжидаетъ терпѣливо. Епископы должны подражать примѣру Спасителя, который былъ кротокъ и смиренъ сердцемъ и который не отомщая, вынесъ козни враговъ своихъ. Вмѣсто того, чтобы казнить еретиковъ, надо ограничиваться ихъ исключеніемъ изъ общества вѣрныхъ и изыскивать въ то же время возможность и средства вернуть ихъ къ познанію истины ([55]). «Вазонъ слѣдовалъ двумъ замѣчательнымъ примѣрамъ своего предшественника Регинальда и Герара, епископа Камбрэ, которые въ 1015 г. мѣрами кротости успѣли подавить ересь въ своихъ епархіяхъ. Дуализмъ частію былъ принесенъ во Фландрію итальянскими миссіонерами, частію проникъ самъ собою чрезъ ткачей, которые приходили партіями въ Фландрію и обратно. Послѣдніе, трудясь изъ всѣхъ силъ, переносили всегда горькую нищету; они были удобной жертвой всякаго сильнаго, предметомъ отвращенія для феодаловъ и ихъ дружинъ. Ихъ обиралъ и билъ всякій, кто хотѣлъ. Они и сами,

---

([54]) **Исторія Альбигойцевъ**; I, 167—170.

([55]) **Martène et Durand.** Veterum scriptorum collectio; IV, 898.—О Вазонѣ въ Hist. littéraire de France; VII, 388.

вслѣдствіе безъисходной бѣдности, могли дойти до мысли, что этотъ несчастный, такъ гнетущій ихъ міръ, созданъ діаволомъ. Въ Аррасѣ ихъ проявилось довольно много. Какъ бы то ни было, но на слѣдъ альбигойскихъ миссіонеровъ напали. Главный изъ нихъ назывался Гундульфъ. Они хотѣли скрыться изъ Арраса, но ихъ схватили, посадили въ тюрьму, пытали, и ничего не узнали. Только сознаніе малодушныхъ послѣдователей нѣсколько приподняло покровъ съ этого темнаго доселѣ альбигойскаго ученія. Въ первое за тѣмъ воскресенье, епископъ Гераръ, рѣшилъ сдѣлать публичный судъ; сопровождаемый всѣмъ городскимъ духовенствомъ, онъ пришелъ съ крестнымъ ходомъ на площадь предъ церковью и велѣлъ привести еретиковъ. Сказавъ проповѣдь народу, онъ сталъ въ слухъ расспрашивать еретиковъ объ ихъ ученіи. Онъ понялъ изъ ихъ исповѣди, что новая религія враждуетъ съ католической и богослужебнымъ культомъ, съ почитаніемъ святыхъ и иконъ, но объяснить свою догматику виновные были не въ состояніи. Они проявляли наклонность къ аскетизму, что было въ его глазахъ непредосудительно. Должно замѣтить, что люди изъ низкаго сословія только недавно сами познакомились съ катаризмомъ. Ихъ наставники были тутъ же, но умѣли скрыть свои истинныя убѣжденія. Епископъ сталъ доказывать подсудимымъ ихъ заблужденія; они видимо убѣдились и просили прощенія. Они отреклись отъ ереси и безъ всякаго наказанія тутъ же были отпущены и объявлены разрѣшенными ([56]). Это врядъ-ли заставило Гундульфа сдѣлаться католикомъ. Должно замѣтить, что эти два примѣра терпимости извѣстны, какъ исключенія.

Папскій престолъ, который только что былъ пробужденъ реформаторскими мѣрами Гильдебранда, отнесся также довольно мягко къ ереси Беренгарія турскаго. Престарѣлый архидіаконъ анжерскій, этотъ праотецъ протестантизма, своимъ ученіемъ о пресуществленіи сильно смутилъ Римъ. Онъ писалъ, что хлѣбъ и вино есть изображеніе (esse figuram) тѣла и крови Христова; онъ возставалъ противъ брака и крещенія дѣтей. Во французскихъ монастыряхъ онъ имѣлъ множество приверженцевъ. Знали также и то, что за нимъ готово идти много священниковъ. Въ другое время Римъ прибѣгнулъ-бы къ крутымъ мѣрамъ, теперь же Левъ IX ограничился однимъ осужденіемъ его на соборахъ въ Римѣ и Верчелли въ 1050 году. Викторъ II, черезъ 5 лѣтъ, въ Турѣ, заставилъ Беренгарія дать писменное отреченіе. Когда же онъ продолжалъ проповѣдывать, то въ 1059 г. въ Римѣ принудили его дать новое отреченіе, произнесенное имъ съ большою торжественностію. Отказавшись отъ убѣжденій, онъ сохранилъ свою жизнь.

([56]) Mansi. Concilia; XIX, 423—425.

Возвеличеніе папскаго престола при Григоріи VII не могло не остаться безъ рѣшительнаго вліянія на идею нетерпимости. До сихъ поръ она въ своемъ приложеніи не обнаруживала никакой системы. Судьбы еретиковъ и ихъ ученій зависятъ, какъ видѣли, отъ личнаго характера прелатовъ, которые приходятъ съ ними въ столкновеніе. Сами папы казались новичками въ дѣлѣ борьбы. Они отвыкли отъ сознанія своей силы. Къ концу XI столѣтія картина перемѣняется поразительно. Григорій VII засталъ духовное и свѣтское общество въ полномъ нравственномъ паденіи, а оставилъ преобразованное духовенство и съ нимъ примѣры нравственной крѣпости и живительной вѣры въ добро для тѣхъ, кто сталъ бы искать новой жизни. Папскій престолъ, бывшій доселѣ игрушкой нобилей, онъ возвелъ на небывалую высоту; онъ сдѣлалъ его жестокимъ судьей надъ царями. Можно сказать, что онъ осуществилъ теократическое государство, на сколько оно было возможно въ Европѣ. Самымъ могучимъ и геніальнымъ его преемникамъ оставалось только слѣдовать живому примѣру. Каковы бы ни были его цѣли, онъ заботился не о личныхъ интересахъ. Въ то время только одинъ теократически-религіозный принципъ могъ властвовать надъ порядкомъ вещей. Онъ былъ уже не на мѣстѣ, уже не нормаленъ, напр. въ концѣ XIII вѣка, когда развились другіе институты, когда благотворныя силы, силы порядка и мира заключались въ коммунахъ, въ королевской власти, въ началахъ классическаго права, въ преобладаніи экономическихъ мотивовъ, наконецъ въ той образованности, которая уже стала заявлять себя капитальными литературными памятниками. Папская диктатура исторически подходила подъ условія IX—XII столѣтій; только начало авторитета, опиравшагося на завѣты евангельскіе, могло ладить

съ развращенными людьми того времени. Нельзя сказать, чтобы Григорій VII ратовалъ за нетерпимость Церкви, но что она была присуща его духу, доказываетъ его мысль о крестовомъ походѣ, который былъ тѣмъ же насиліемъ. Относительно вопросовъ церковныхъ онъ далъ даже примѣръ нѣкоторой терпимости Когда въ Камбре народъ самовольно сжегъ еретика, то онъ предписалъ епископу розыскать и наказать виновныхъ (57).

Преемники Гильдебранда не могли удержать духовенства на высотѣ его воззрѣній, и тѣмъ допустили новое развитіе и обновленіе ереси, которую думали подавить насиліемъ. Напрасно раздавались голоса св. Бернарда и св. Хильдергарды, требованіе убѣждать а не принуждать еретиковъ. Но свѣтскіе князья въ Лангедокѣ и въ другихъ мѣстахъ принимаютъ сторону еретиковъ, не позволяютъ сажать ихъ въ тюрьму и предоставляютъ прелатамъ довольствоваться анаѳемой на еретиковъ съ покровителями и укрывателями вмѣстѣ. Церковь сама позоритъ себя въ глазахъ свѣтской власти. Она прихотливо стала налагать отлученія уже вовсе не за церковныя преступленія, не за ересь, а за чисто свѣтскіе проступки, такъ что голоса противъ такой узурпаціи раздавались внутри самой Церкви (58). Стремясь исключительно къ господству надъ государствами, ведя свѣтскую жизнь, папы и прелаты снова лишились всякаго уваженія въ глазахъ народа Они давали индульгенціи не только кростоносцамъ, которые часто позорили самое имя христіанства своими подвигами въ Азіи, но и тѣмъ, которые могли оказать имъ личныя услуги. Самый фактъ походовъ поселялъ въ неразвитыхъ умахъ идею о необходимости меча въ дѣлахъ вѣры. Между тѣмъ свою догму Церковь ревниво оберегала, вмѣшиваясь въ философскую борьбу номинализма. Такъ она осудила въ 1121 г. трактатъ Абеляра о Троицѣ и опредѣлила

(57) См. объ этомъ его **Epist. VI, 20** и **Mansi. Concilia; XX, 226.**—Къ политикѣ Григорія VII изъ современниковъ вѣрнѣе всѣхъ относится: **Bernoldus S. Blasii. Chronicon, a. 1085, — Pertz; V, 444.** «Gregorius erat catholicae religionis ferventissimus institutor, et ecclesiasticae libertatis strenuissimus defensor. Noluit sane ut ecclesiasticus ordo manibus laicorum subjaceret, sed eisdem et morum sanctitate et ordinis dignitate praemineret».

(58) **Petrus Damiani. Epist. 20.**

сжечь его по примѣру аріанскихъ книгъ. Съ паденіемъ авторитета католическаго, въ Лангедокѣ и Италіи ересь усилилась до крайнихъ размѣровъ. Въ Германіи случаи ереси были одиночные, хотя костры съ катарами пылали и въ Кельнѣ (1146 и 1163 г.) и въ Боннѣ. Въ Альби папскаго легата еретики встрѣтили шутовской процессіей и оригинальной музыкой; они сидѣли на ослахъ и звонили въ колокольчики. Только 30 человѣкъ присутствовало на его мессѣ. Св. Бернардъ въ 1147 г. нашелъ на Югѣ церкви въ запустѣніи, а священниковъ въ презрѣніи и ссылкѣ. Реймскій соборъ 1157 г., издалъ суровыя постановленія противъ еретиковъ; альбигойскіе духовные осуждались на вѣчное заточеніе, а ихъ послѣдователей велѣно клеймить раскаленнымъ желѣзомъ. Тѣ подсудимые, которые хотѣли бы доказать свою невинность, должны были подвергнуться огненному испытанію (59). Это была инквизиціонная практика позднѣйшихъ столѣтій.

Въ Италіи ближе знали мірскія стремленія и слабости римской куріи, чѣмъ гдѣ либо. Потому протестъ противъ свѣтской власти началъ осуществляться въ самомъ Римѣ. Папа Адріанъ IV былъ изгнанъ. Десять лѣтъ владычествовалъ въ Римѣ Арнольдъ брешіанскій, ученикъ Абеляра. Но онъ былъ еретикъ. Императоръ явился на помощь папѣ и Арнольдъ погибъ въ пламени.

Въ Миланѣ еретиковъ оказалось больше, чѣмъ католиковъ; городскія власти, будучи патаренами, не позволяли принимать противъ нихъ карательныхъ мѣръ; самъ архіепископъ погибъ въ соборѣ во время, проповѣди, какъ думаютъ, отъ руки еретиковъ (60). Въ Витербо все населеніе приняло ересь, а, въ контрастъ тому, благочестивые жители Сполето кричали во время битвы: смерть патаренамъ и гибелинамъ. Гдѣ было можно, тамъ ихъ казнили. Такъ въ Орвіето, одно время, они даже овладѣли управленіемъ, но въ городскихъ междоусобіяхъ были побѣждены католиками. Послѣ, тамъ-же двѣ женщины явились проповѣдницами ереси и снова увлекли многихъ. Онѣ спаслись, но схватили ихъ послѣдователей (въ 1163 г.) и присудили кого къ висѣлицѣ, кого въ

(59) **Mansi, Concilia; XXI, 843.**

(60) **Ughelli. Italia sacra: IV, 156.** Это было въ **1173 г. Acta Sanct. apr. II, 595 (Galdinus).**

изгнаніе ([61]). Но явился новый пророкъ и снова посѣялъ ересь. Во Флоренціи ересь также сдѣлалась знаменемъ политической партіи съ 1173 года; обыкновенно туда эмигрировали гонимые катары ([62]). Короче, въ италіанскихъ городахъ успѣхъ ереси и мѣры къ ея подавленію опредѣляютъ ходъ борьбы городскихъ партій. Духовенство бывало часто безсильно. Все, что оно дѣлало, дѣлало урывками, примѣняясь къ духу правительства, народа, куріи, папы. Его дѣйствія были лишены системы.

Но вотъ въ эти самые годы начинаютъ показываться попытки къ утвержденію такой системы. Онѣ начались съ проповѣди поголовнаго истребленія. Въ 1179 году на латеранскомъ соборѣ, созванномъ папой Александромъ III, тѣмъ самымъ, который побѣдилъ непобѣдимаго Барбароссу, въ виду такъ называемыхъ провансальскихъ дѣлъ, между прочимъ было прочтено, что хотя Церковь, по мысли св. папы Льва, отвергаетъ употребленіе кровавыхъ мѣръ противъ еретиковъ, но все же она не должна отказываться отъ того содѣйствія, которое стали-бы оказывать ей свѣтскіе государи для наказанія еретиковъ, ибо страхъ наказанія можетъ служить спасительнымъ лѣкарствомъ для души, какъ думалъ св. Августинъ. Потому папа и соборъ, какъ-бы упреждая послѣдствія своего рѣшенія, постановили отлучить теперь же всѣхъ еретиковъ и ихъ защитниковъ У католиковъ прерываются съ ними всякія сношенія; свободные отъ своихъ обязательствъ и клятвъ, они могутъ поднять оружіе противъ нихъ; имъ обѣщано было полное прощеніе грѣховъ. Синьоры могли обращать въ рабство своихъ вассаловъ и овладѣвать ихъ имуществомъ, если послѣдніе были еретики. Папа давалъ индульгенціи на два года тѣмъ, которые возьмутъ оружіе противъ еретиковъ, предоставляя имъ грѣшить это время; епископы могли увеличивать этотъ срокъ. Погибшіе въ той войнѣ заранѣе получили привиллегію быть разрѣшенными отъ своихъ грѣховъ на страшномъ судѣ. Воители и кара-

([61]) Muratori. Antiquitates italicae; III, 143.—Muratori. Scrp. rer. ital. I, 903 (Istoria di Chiusi).—Acta Sanct. Majus, V, 86 (Parentius).

([62]) Lami. Lezioni di antichità Toscane e specialmente di Firenze (2 v. 1766); II, 491, 496.

тели ереси нашивали на свои одежды тотъ же крестъ, какъ тѣ, которые шли на мусульманъ. Защитники Церкви, тѣ и другіе были подъ одинаковымъ ея покровительствомъ ([63]).

Крестовая война съ еретиками была въ сущности политическимъ довершеніемъ развитія идеи нетерпимости. Съ того момента, какъ нетерпимость чужаго мнѣнія была признана необходимостью для существованія Римской Церкви, когда жгли даже книги Абеляра, ей оставалось увѣнчать эту идею войной. Западъ дѣлился по религіознымъ убѣжденіямъ на двѣ стороны; жребію оружія было предоставлено рѣшить правоту той и другой. Къ тому же въ умахъ людей и правителей тогда созрѣло понятіе о необходимости вмѣшательства свѣтской власти въ дѣла совѣсти. Приводили обыкновенно четыре довода, странные теперь для насъ, но весьма убѣдительные для людей того времени ([64]). Они опирались на исторію и на пропаганду католицизма. Во первыхъ,—всякое правительство обязано предупредить раздоры, междоусобія и безпорядки, которые всегда почти порождаютъ въ государствахъ религіозныя несогласія. Во вторыхъ,—христіанскій государь долженъ блюсти за чистотой вѣры, слѣдовательно не относиться къ ней съ позорнымъ равнодушіемъ, а устранять еретическую заразу и даже неправильныя толкованія религіи и ея обрядовъ, наконецъ неуваженіе ея, съ той же энергіей и тѣми же мѣрами, какъ-бы все это было нарушеніемъ государственныхъ узаконеній. Въ третьихъ,—если законъ преслѣдуетъ поношеніе величества и оскорбленіе государства, то не слѣдуетъ-ли съ гораздо большею карою относиться къ тѣмъ, которые поносятъ и оскорбляютъ Бога и святую вѣру, ибо Божіе величество безконечно выше императорскаго и королевскаго. Въ четвертыхъ,—благотворная строгость законовъ противъ еретиковъ и разнообразныя наказанія противъ нихъ служатъ побудительной мѣрой для того, чтобы они обратились къ Церкви и познали истину; безъ того можетъ быть они никогда не покинутъ

([63]) Mansi. Concilia; XXII, 231,—can. 27.

([64]) Mémoires historiques concernant l'inquis. p. 4—напечатано въ Cérémonies et coutumes réligieuses, t. II, in f. (Amst. 1723); срв. р. 76—78.

своихъ убѣжденій ([65]). Извѣстно, что первые походы, предпринятые на Лангедокъ кардиналомъ Генрихомъ, епископомъ Альби, во главѣ значительной арміи, не достигли цѣли. Еретики между тѣмъ владѣли цѣлыми городами въ Италіи, на глазахъ папы. Когда Лючій III, прогнанный римлянами въ 1184 г., думалъ найти прибѣжище въ Веронѣ, то увидѣлъ этотъ городъ переполненнымъ патаренами. Съ нимъ прибыли всѣ кардиналы куріи, сюда же съѣхалось множество прелатовъ. Этимъ нисколько не озаботились еретики. Папа воспользовался случаемъ открыть соборъ. Здѣсь то была сдѣлана попытка возложить на духовенство чисто полицейскія обязанности. Епископы должны были два раза въ годъ объѣзжать свои епархіи, высматривать еретиковъ, въ городахъ и деревняхъ, брать присягу съ зажиточныхъ лицъ въ томъ,

---

([65]) Этотъ послѣдній мотивъ, придуманный блаженнымъ Августиномъ, долго казался самымъ серьезнымъ, но его сторонники забываютъ и исторію и отцовъ латинскихъ. Торжество аріанъ заставило православныхъ издавать тѣ же вопли о необходимости свободы, какіе послѣ издавали еретики, гонимые католиками. Кто изъ нихъ сомнѣвался въ правотѣ своей вѣры? Тѣ и другіе съ одинаковой искренностью считали, что ратуютъ во имя Божіе. Правота, превосходство того или другаго исповѣданія есть дѣло Бога и совѣсти, и свѣтская власть компетентна тутъ менѣе всего, какъ прекрасно поучаетъ Сальвіанъ Марсельскій. «Они еретики, говоритъ онъ про аріанъ, но они вовсе того не думаютъ; для насъ они еретики, а не для себя. Считая себя католиками, они насъ обзываютъ постыднымъ именемъ еретиковъ; мы для нихъ то, что они для насъ. Мы думаемъ что они произносятъ хулу на Бога, говоря, что Онъ ниже Отца; они думаютъ, что мы оскорбляемъ Бога Отца, считая Его равнымъ Богу Сыну. Истина съ нами, а они воображаютъ что съ ними... Они въ заблужденіи, но съ добрыми намѣреніями (sed bono animo errant); они не ненавидятъ Господа, а напротивъ думаютъ тѣмъ почтить и возлюбить Его... Одинъ Судія знаетъ, какъ они за это увлеченіе невѣрнымъ убѣжденіемъ будутъ наказаны на страшномъ судѣ. А до того Богъ повелѣваетъ намъ терпѣть ихъ, ибо онъ видитъ, что если они заблуждаются въ вѣрѣ, — то по влеченію благочестиваго (piae opinionis) чувства». (De gubernatione Dei, l. V, c. 2—Migne. Patr. LIII, 95).

что они будутъ доносить на тѣхъ, которые будутъ чѣмъ либо заподозрѣны въ исполненіи требованій. Всѣ эти обязанности епископы могутъ возлагать на архидіаконовъ и на надежныхъ священниковъ ([66]). Уличенныхъ въ ереси велѣли предавать свѣтскому суду для казни; вмѣстѣ съ тѣмъ свѣтской власти предписывалось точное и неуклонное содѣйствіе къ розыскамію еретиковъ, князьямъ подъ страхомъ отлученія и лишенія земель, городамъ подъ страхомъ лишенія ихъ привилегій.

Одинъ изъ церковныхъ историковъ, извѣстный французскій епископъ Флери, хочетъ почему-то видѣть въ приведенномъ канонѣ этого собора прямое начало первой инквизиціи ([67]). Но если въ широкомъ смыслѣ инквизиція давно уже существовала, какъ фактическое выраженіе побужденій нетерпимости, то, какъ систематическое учрежденіе, она въ 1184 г. не получила общихъ очертаній своей организаціи. Лючій III предоставилъ полицейскія обязанности епископамъ, тогда какъ въ основаніи инквизиціи лежитъ фактическое отстраненіе епископовъ. Формы судопроизводства тогда еще нисколько не опредѣлились.

Въ Италіи свѣтская власть пришла на помощь папству. Гибеллины заключили союзъ съ гвельфами. Императоръ Генрихъ VI велѣлъ издать грозный эдиктъ противъ еретиковъ; онъ обрекалъ ихъ поголовно на заточеніе и лишеніе имущества, жилища ихъ, какъ оскверненныя, на уничтоженіе ([68]). Италіянскимъ изгнанникамъ оставалось спасаться на свободную флорентійскую почву. Но въ Лангедокѣ ересь преуспѣвала до походовъ Симона Монфора.

Иннокентій III первый понялъ, что епископы, получавшіе перстень отъ Раймонда тулузскаго, плохіе помощники въ дѣлѣ подавленія ереси, покровительствуемой ихъ государемъ. Поставленные въ нѣкоторую зависимость отъ свѣтской аристократіи Лангедока, родомъ провансальцы, они не

([66]) Mansi. Concilia; XXII, 476. — Hefele вѣрно опредѣляетъ здѣсь начало епископской инквизиціи (Conciliengeschichte; V, 645).

([67]) Fleury. Hist. eccl. l. 73; X, 569... «Je crois de plus y voir l'origine de l'inquisition contre les hérétiques» etc.

([68]) Lami. Lezioni di ant. Toscane; II. 523, 496.

могли въ точности исполнять постановленій веронскаго собора. Онъ аккредитовалъ потому въ Лангедокѣ двухъ легатовъ и 12 проповѣдниковъ. Странно было-бы видѣть въ этой «частной компаніи» начало инквизиціи, какъ дѣлаетъ Льоренте ([69]). Не только отсутствіемъ организаціи, но и способомъ своихъ дѣйствій, она не походила на то, что разумѣютъ подъ именемъ инквизиціоннаго трибунала. Исторія не имѣетъ никакого права предвосхищать затаенныя мысли историческаго лица и увѣрять, напримѣръ, что Иннокентій III раздѣлялъ въ душѣ то, что создали его преемники. Мы не знаемъ, что онъ думалъ, а знаемъ только то, что онъ дѣлалъ и чего не дѣлалъ.

Льоренте, высказавъ безъ всякихъ фактовъ такую невѣрную мысль, замѣчаетъ, что Иннокентію III въ его желаніи учредить постоянную инквизицію мѣшало предчувствіе того зла, въ которое легко можетъ впасть столь могущественное, независимое учрежденіе, и тотъ рѣшительный отпоръ, который папа будто встрѣтилъ на латеранскомъ соборѣ 1215 года. Но если область предчувствій вообще не подлежитъ анализу, то второму доводу противорѣчитъ самъ авторъ, замѣчая о полномъ ничтожествѣ епископскаго авторитета въ концѣ его папствованія ([70]). Съ нѣкоторымъ основаніемъ Льоренте могъ опираться на 3 канонъ знаменитаго латеранскаго собора 1215 г., который мы привели въ другомъ мѣстѣ; подразумѣваемъ визитацію епископовъ съ тремя присяжными или понятыми по приходамъ ([71]). Но все это постановленіе въ сущности было повтореніемъ мѣръ веронскаго собора 1184 года, съ той разницей, что прежде неопредѣленное число наблюдателей ереси теперь обусловлено тремя извѣстными гражданами. Иннокентію III не принадлежало такимъ образомъ никакого участія въ твореніи инквизиціоннаго трибунала. Соборные каноны, имъ предложенные и утвержденные, такъ обильно расточавшіе анаѳемы и отвергавшіе еретика изъ общества людскаго, согласно правиламъ и практикѣ католицизма, представляли собою совокупность всего, что дала исторія Римской Церкви, воспитанной со дня своего рожденія въ духѣ нетерпимости.

Въ тѣсной связи съ этимъ ложнымъ взглядомъ находится другой, по которому Доминику приписывалась и теперь часто приписывается роль перваго инквизитора. Доминикъ началъ дѣйствовать при Иннокентіи III; если послѣдній изобрѣлъ инквизицію, то конечно Доминикъ былъ первый изъ инквизиторовъ. Самые противоположные между собой историки сходятся въ послѣдней мысли, рано занесенной изъ поля полемики въ учебники и справочныя книги. Полемика особенно шла между двумя испанскими церковными историками, Манрикой и Монтейромъ ([72]). Оба они одинаково ревновали за высокую честь перваго инквизитора, но первый стоялъ на историческихъ фактахъ и отвергалъ буллы Сикста V, единственный памятникъ, гдѣ по поводу канонизаціи инквизитора и мученика Петра, Доминикъ былъ названъ куріей основателемъ инквизиціи. Дѣло въ томъ, что этотъ документъ, опоздавшій на столѣтіе, не можетъ имѣть серьезнаго значенія. Подъ вліяніемъ историко-оптическаго об-

---

([69]) «Ce pape était capable de soutenir le nouveau système et même de l'étendre (I, 34)... Il se contenta de former une commission particulière, persuadé que le temps suffirait pour achever et consolider son ouvrage. On voit ici le chef de l'Eglise se conduire avec une grande prudence, et poser avec adresse les fondemens de l'Inquisition, afin que ses successeurs fussent en état de continuer l'édifice qu'il avait commencé (I, 35)... Il ne pensa point à fonder alors un établissement permanent de le faire lorsque les circonstances en auraient prouvé (I, 48).» Llorente. Hist. crit. de l'inquisition. — Невѣрная придуманная мысль, неподходящая къ фактамъ, всегда выдаетъ сама себя противорѣчіями, путаницею, особенно у историка, столь любившаго истину, какъ Льоренте.—Въ своемъ мнѣніи онъ сходится съ Limborch. Hist. inq. p. 40. Изъ новѣйшихъ ученыхъ Damberger (Synchron. Gesch. IX, 387) раздѣляетъ ту же мысль, указывая на 1198 г. Guettée—1205 и 1209 г. (V, 420, 432).

([70]) Срв. стр. 49 и 35 перваго тома Hist. crit. de l'inq.

([71]) Исторія Альбигойцевъ; I, 527—528.

([72]) Manricus. Ann. Cisterc. — Monteiro. Hist. de la sancta Inq. de Portugal — Limborch. Hist. inq, p. 39 принимаетъ 1208—1215 г.—Percin. Conv. Tol. p. 84, 88—89 принимаетъ 1209 г.—У Манрико вопросъ о Доминикѣ разъясняется подъ 1204 г. Но тѣмъ не менѣе мнѣніе объ инквизиторствѣ Доминика и теперь господствующее.

мана дѣла посредственныхъ католиковъ перенесены на знаменитыхъ предковъ. Что дѣлали доминиканцы, — долженъ былъ дѣлать самъ Доминикъ. Въ дѣйствительности мы имѣемъ два документа о дѣятельности Доминика. Оба они въ позднѣйшихъ копіяхъ. Въ первомъ отъ 1209 г. Доминикъ предписываетъ мѣры покаянія обращенному еретику Понсу Рожеру, объявляя себя простымъ исполнителемъ воли легата Арнольда. Въ другомъ, отъ 1214 или 1215 года, онъ позволяетъ бывшему еретику носить одежду кающагося, до прибытія кардинала Петра Беневентскаго ([73]). Изъ одного этого уже видно, что Доминикъ не имѣлъ ровно никакого самостоятельнаго положенія въ Лангедокѣ, что онъ всегда оставался частнымъ проповѣдникомъ и подвижникомъ. Онъ уполномоченъ былъ легатами налагать церковныя эпитемьи и исполнялъ это дѣло съ замѣчательной пунктуальностію, доходившей до комизма, въ чемъ вѣроятно не уступали ему и остальные 11 проповѣдниковъ, между которыми онъ титуловалъ себя «малѣйшимъ». Вся разница въ томъ, что отъ послѣднихъ не дошло никакихъ документовъ. Оттого они и не удостоились занять почетнаго мѣста во главѣ списка великихъ инквизиторовъ, всецѣло предоставленнаго одному Доминику, тогда когда все его инквизиторство заключалось въ томъ, что онъ гонялъ подъ розгами голыхъ обращенныхъ, что дѣлали всегда и папы и легаты и прелаты.

Чтобы фактически и документально разъяснить этотъ вопросъ, важный для начала инквизиціи, мы приведемъ вполнѣ обѣ упомянутыя грамоты Доминика. — «Въ силу власти данной аббату Сито, говоритъ онъ въ первой изъ нихъ, легату апостольскаго престола, котораго мы служимъ представителемъ, мы возвратили въ лоно Церкви предъявителя сей грамоты, Понса Рожера, оставившаго по милости Божіей секту еретиковъ. Такъ какъ онъ далъ намъ клятву исполнять наши приказанія, то мы велѣли ему три слѣдующія воскресенья являться въ церковь, при чемъ священникъ, обнаживъ его, будетъ бить розгами на всемъ разстояніи отъ городскихъ

([73]) Обѣ копіи хранились въ екатерининскомъ доминиканскомъ монастырѣ, въ Барселонѣ; онѣ середины XIV вѣка.—Оттуда онѣ перешли въ историческія сочиненія и въ сборникъ Doat; XXXI, 2.

воротъ до церкви. Для покаянія мы налагаемъ на него на всю жизнь постъ и запрещаемъ ему ѣсть мясо, яйца, сыръ и всякую животную пищу, исключая дней Пасхи, Троицы и Рождества, въ которые онъ можетъ ѣсть все; въ знакъ отвращенія отъ своей прежней ереси, три поста въ году онъ долженъ воздерживаться даже отъ рыбы; три раза въ недѣлю, пока живъ, воздерживаться отъ мяса, рыбы и вина, допуская облегченіе только въ случаѣ болѣзни и изнурительныхъ работъ. Онъ долженъ будетъ носить церковное платье и по покрою и по цвѣту, съ двумя маленькими крестами, нашитыми на груди. Всякій день онъ будетъ слушать мессу, если то окажется возможнымъ, а по праздникамъ и воскресеньямъ вечерню. Онъ въ точности долженъ исполнять утреннія и вечернія правила, читать «Отче нашъ» 7 разъ утромъ, 10 разъ вечеромъ и 20 въ полночь, жить цѣломудренно и настоящую грамоту вручить своему приходскому священнику (въ мѣстечкѣ Церера); послѣднему приказываемъ наблюдать за поведеніемъ Рожера, который долженъ исполнять въ точности все, что ему предписано, до тѣхъ поръ, пока господинъ легатъ не изъявитъ своей воли. Если же означенный Понсъ того исполнять не будетъ, то мы приказываемъ смотрѣть на него какъ на клятвопреступника, еретика, отлученнаго и удалить его отъ общества вѣрныхъ» ([74]).—Документъ этотъ важенъ тѣмъ, что послужилъ кодексомъ епитемій за ересь, котораго рабски держались въ трибуналахъ инквизиціи, считая его писаннымъ едвали не перстомъ Божіимъ. Что такія грамоты раздавались всѣмъ обращеннымъ и всѣми «апостолами», это не подлежитъ сомнѣнію, такъ какъ они писались по одному рецепту, освященному практикой Церкви. Въ другой грамотѣ Доминика, гдѣ онъ называетъ себя «смиреннымъ дѣятелемъ проповѣди», дается напротивъ облегченіе эпитемьи. «Симъ извѣщаемъ всѣхъ, написано въ ней, что мы дозволили Раймонду Вильгельму Альтарипѣ носить дома такое же платье какъ и всѣ христіане, также какъ и Вильгельму Угуньѣ, который, какъ намъ извѣстно, продолжаетъ носить

([74]) Lud. a Paramo. De origine et progressu Sanctae Inquisitionis; l. I, c. 2.—Въ l. II, c. 1—«hoc officium delegatae Inquisitionis generalis inquisitor Dominicus pro toto mundo esse creatum».

одежды обращенныхъ еретиковъ. Эта мѣра продолжится до тѣхъ поръ, пока господинъ кардиналъ прикажетъ иначе, намъ ли или Раймонду; прибавляемъ, что это распоряженіе не должно причинять Вильгельму никакого безчестія или ущерба» ([75]).

Тогда Доминикъ имѣлъ уже многихъ послѣдователей и жилъ въ Тулузѣ въ монастырѣ Петра Челлани, который послѣ сталъ мѣстомъ засѣданій тулузской инквизиціи. Онъ собирался идти въ Римъ просить разрѣшенія основать новый орденъ проповѣдниковъ. Громадный авторитетъ, который онъ тогда пріобрѣлъ между католиками Лангедока своими трудами въ обращеніи еретиковъ, связи со всѣми прелатами, покровительство архіепископа Арнольда, благовѣйная дружба къ нему Симона Монфора и епископа Фулькона дали ему нѣкоторое общественно-фактическое право наблюдать за еретиками и обращенными. Но что никто не уполномочилъ его на то, видно изъ самыхъ словъ грамоты. Самое обращеніе и эпитемія названныхъ лицъ могли принадлежать ему и тогда онъ могъ произвольно измѣнять ея силу и качество.

Извѣстно, что въ 1218 г. (22 декабря) Доминикъ получилъ отъ Григорія III разрѣшеніе основать два братства мужское и женское. Послѣднее фактически существовало еще съ 1206 г. въ прулліанскомъ монастырѣ. Доминиканкамъ должно было вести иноческую жизнь и молить Бога за торжество католической вѣры и за искорененіе ереси. Въ слѣдующемъ году, пріоръ Доминикъ и его послѣдователи получаютъ благодарственное посланіе отъ папы за свою дѣятельность ([76]).

([75]) Paramo; l. II, c. 2.

([76]) Raynaldi, a. 1217, p. 418... «Sicut invicti Christi athletae, scuto fidei et galea salutis armati, non timentes eos, qui corpus possunt occidere, verbum Dei, quod est penetrabilius omni gladio ancipiti, magnanimiter contra fidei exeritis inimicos... Quatenus magis ac magis in Domino confortati evangelizare verbum Dei studeatis, opportune, importune instantes, et opus evangelistae laudabiliter adimplentes. Si quas autem propter hoc tribulationes passi fueritis, non solum eas aequanimiter toleretis, sed gloriemini cum Apostolo, in eisdem gaudentes, quia digni habiti estis pro nomine Jesu contumelias sustinere.» Limborch, какъ и всѣ протестант-

Гонорій просилъ ихъ при этомъ неустанно проповѣдывать слово Божіе, такъ какъ не борьба, а конецъ вѣнчаетъ дѣло. Здѣсь нѣтъ ничего обрекающаго новое братство на инквизиторскую обязанность, напротивъ ему предписывалось «страданіе за вѣру и готовность умереть за дѣло проповѣди». Доминикъ посылалъ своихъ монаховъ въ Испанію, Италію, но не для кары, а для убѣжденія. Извѣстно, что ему же приписывается основаніе частнаго общества, назвавшагося «милиціею Христовой» и посвятившаго себя уже не духовной, а физической борьбѣ съ ересью. Оно состояло изъ мужчинъ и женщинъ, благочестивыхъ и горячихъ къ вѣрѣ католиковъ, разныхъ сословій и состояній; ихъ не могло не волновать то, что еретики въ послѣднее время сильно оскорбляли и поносили Церковь и католическое духовенство; они видѣли это оскорбительное для нихъ униженіе священниковъ, но, не понимая причины, полагали, что могутъ отстранить ее физической силой. Мужчины предложили свой мечъ на услуги духовенства, а женщины свои владѣнія и деньги. Такая наклонность къ рѣшительной борьбѣ съ ересью проявилась въ Лангедокѣ еще раньше организаторскихъ дѣйствій Доминика. Доминикъ только сталъ центромъ этого движенія; его имя придавало силу обществу «воиновъ» и увеличивало его численность. Въ «милиціи Христовой» не было долго никакого устава. Оно быстро разпространилось подъ его покровительствомъ въ Лангедокѣ и Италіи. Тутъ не требовалось тѣхъ тяжелыхъ условій, которыя были необходимы для доминиканцевъ. Оно держалось преданіями и обычаями. Однимъ словомъ это была частная ассоціація. Членами были семейные люди, но овдовѣвшіе; они отказывались отъ вступленія въ новый бракъ. Доминикъ дозволялъ имъ носить на ихъ свѣтскихъ платьяхъ крестъ; допускалось только два цвѣта одежды бѣлый и черный; они обязаны были дома читать

скіе историки, обрушивается на Доминика со всей злобой негодованія. Въ немъ онъ узко видитъ всю причину гоненій. Онъ постоянно называетъ его hominem crudelem et sanguinarium». «Dominicus porro, ut omnem haeresin foelicius exstirparet, ut erat homo crudelis et ferox, rationem excogitavit, qua, sub gratiae ac benegnitatis specie, maxime immanem crudelitatem tegeret» (p. 40).

ежедневно часы. Они стали какъ бы охранителями вѣры въ городахъ и въ военное и въ мирное время. Мужчины носили оружіе. Большая часть ихъ сражалась подъ знаменами Монфоровъ и королей французскихъ. Но это оружіе дало неосновательный поводъ думать позднѣйшимъ историкамъ, будто они исполняли должность альгвазиловъ при инквизиціи. Дѣло въ томъ, что исторія этого общества весьма смутная и темная; свѣтъ на нее проникъ только изслѣдованіемъ Раймонда Капуанскаго, 22 магистра доминиканскаго ордена ([77]). Онъ доказалъ, что когда инквизиція открыла свой трибуналъ, уже не существовало «Милиціи Христовой». Братство видѣло, что цѣли ихъ общества достигнуты другимъ путемъ, вмѣшательствомъ королевской власти. Ересь была подавлена; теперь съ еретиками не сражались, а ихъ ловили и судили. Тогда воинственное братство спрятало свои мечи; оно стало сражаться уже не съ еретиками, а съ самимъ собою, своими грѣховными страстями, стремясь «очиститься покаяніемъ». Потому общество перемѣнило свое названіе; съ 1234 г. оно назвалось «третьимъ орденомъ покаянія» и въ 1285 г. Заморра написалъ уставъ ордена ([78]) для братьевъ и сестеръ, существующій и по сіе время. Члены могли жить въ монастырѣ и въ частныхъ домахъ безразлично; по характеру своей жизни они не многимъ отличались отъ мірянъ. Это общество даже ученѣйшіе изъ старыхъ церковныхъ историковъ часто смѣшивали съ третьимъ орденомъ покаянія св. Франциска, который просто назывался въ бумагахъ «fratres de Poenitentia», такъ какъ оба братства пользовались сходнымъ уставомъ, одинаковыми привиллегіями, одинаково избавлялись отъ платежей, налоговъ

([77]) Въ его Vita Beatae Catharinae de Senis, с. 8, а также «Tractatus de initio et fundatione Regul. fratrum et sororum de Militia Christi, de Poenitentia S. Dominis seu Tertii Ordinis, въ концѣ Constitutiones Ord. Praed. Въ послѣднемъ данныя Раймонда подтверждаются спеціальнымъ изслѣдованіемъ, сдѣланнымъ въ 1422 г., по поводу правилъ братства. См. Histoire des ordres monastiques (P. 1715); III, 247.

([78]) Объ этомъ говорится въ Vita Catharinae, с. 8.— Michele Pio. Della nobil. progen. de Dom. (compose le regola c'hanno il presente quelli del terzo ordine). Fontana. Monum. Domin.

и десятинъ, по разрѣшенію папскому. Участіе, приписываемое Доминику въ основаніи этого братства, даетъ поводъ Льоренте и другимъ авторитетамъ указывать на инквизиторскій характеръ дѣятельности Доминика ([79]). Но должно замѣтить, что Льоренте высказываетъ свою мысль не положительно, а гадательно. При этомъ онъ опирается на окружное посланіе Гонорія отъ 3 декабря 1219 г., гдѣ благотворная дѣятельность братьевъ проповѣдниковъ рекомендуется всѣмъ архіепископамъ и епископамъ, епархіи которыхъ страдаютъ отъ ереси ([80]). Признавая за доминиканцами великія услуги, оказанныя ими католической Церкви, папа предлагаетъ духовной власти оказывать имъ зависящее содѣйствіе, но не къ чему иному какъ къ дѣлу проповѣди, для которой они предназначены (adofficium praedicandi, ad quod deputati sunt).

И такъ въ виду имѣющихся документовъ, исторія не имѣетъ основанія считать инквизиторомъ основателя проповѣдническаго ордена. Ей пришлось бы, задавшись подобными цѣлями, вращаться въ области фантазій, предположеній и вымысловъ. Радикальное измѣненіе во внутреннемъ характерѣ доминиканскаго братства, которое сдѣлалось послѣ главнымъ агитаторомъ инквизиціи, представителемъ принципа насилія, которое взяло на себя несвойственную обязанность судей, цензоровъ, даже доносчиковъ, шпіоновъ и палачей, не уполномочиваетъ перемѣщать факта и возлагать на знаменитаго подвижника отвѣтственность за извращеніе указанной имъ системы. Доминикъ былъ полнымъ выраженіемъ внутренняго перерожденія Западной Церкви. Пора отказаться отъ пристрастій и ненавистей, усвоенныхъ давностью. Доминикъ думалъ объ убѣжденіи словомъ, а его фанатичные ученики, скудные духовными дарами и насквозь пропитанные традиціонною римскою нетерпимостію, мечтали о карѣ огнемъ и мечемъ.

([79]) Hist. de l'inq. d'Espagne — J'adopte ce sentiment, malgré le défaut des preuves directs, je me fonde sur les évènements, qui eurent lieu dans la suite (I, 49).. Il est vraisemblable que les moines dominicains avaient déjà le caractère d'inquisiteurs (I, 52). Авторъ доходитъ даже до предположенія возможности тѣхъ буллъ, какія бы ему желательно видѣть (I, 51).

([80]) Raynaldi; a. 1219, p. 467.

Міродержавный Римъ, изъ глубины вѣковъ, какъ бы заражалъ своимъ стремленіемъ къ единообразію въ области религіозной и государства тѣ элементы, которые были призваны въ послѣдствіи участвовать въ исторической жизни. Люди самыхъ свободныхъ воззрѣній на дѣло совѣсти пріобрѣтали новый, противоположный закалъ, когда имъ приходилось познакомиться съ тѣмъ взглядомъ на вопросы, которые выходили изъ Латерана. Молодой германскій императоръ, внукъ Фридриха Барбароссы, былъ питомцемъ Иннокентія III. Въ бытность свою сицилійскимъ королемъ, съ годовъ дѣтства и юности, онъ привыкъ видѣть себя подъ надзоромъ духовенства. Кардиналъ Ченчіо Савелли, онъ же послѣ Гонорій III, бывши легатомъ въ Сициліи, находился издавна въ близкихъ отношеніяхъ къ Фридриху. Подъ его руководствомъ будущій императоръ получилъ разностороннее для того времени образованіе. Онъ далеко не отличался клерикальнымъ характеромъ, хотя былъ ввѣренъ духовенству; Фридрихъ съ признательностію называетъ своихъ учителей «nutrici nostri». Должно замѣтить, что Иннокентій III и легатъ не стѣсняли развитіе его духа, даже позволяли проводить время въ обществѣ арабскихъ ученыхъ, которые познакомили его съ своимъ языкомъ, философіей и религіей. Фридрихъ II, сдѣлавшись фактически королемъ, приступилъ къ дѣлу правленія съ горячей энергіей, съ запасомъ новыхъ идей. Эти то идеи даютъ трагическое значеніе его исторической личности; онѣ освѣтили его особеннымъ симпатичнымъ блескомъ, но ему самому принесли одни несчастія, гоненія и горькое сознаніе напрасно растраченныхъ силъ. Природа щедро надѣлила его богатыми дарованіями; какъ государственный человѣкъ, онъ далеко опередилъ свою эпоху и занимаетъ въ XIII столѣтіи въ этомъ отношеніи одинокое мѣсто. Современники во многомъ не понимали его и не могли ему сочувствовать, но что касалось до его взглядовъ на религіозный вопросъ, то здѣсь онъ ни чѣмъ не выдѣлялся изъ среды. Были-ли то впечатлѣнія дѣтства, воспоминанія-ли прежней дружбы, политическій-ли разсчетъ, крутой-ли отъ природы характеръ, способный съ одинаковой силой проявлять себя и въ добрѣ и въ злѣ, только во всякомъ случаѣ не искренняя побужденія поставили Фридриха II Гогенштауфена въ рядъ гонителей свободы совѣсти. Памятники не даютъ обстоятельныхъ свѣдѣній о такомъ неуловимомъ вопросѣ, какъ личномъ ре-

лигіозномъ настроеніи Фридриха въ тѣ годы, когда Гонорій III рѣшился короновать его въ Римѣ римскимъ императоромъ, послѣ того какъ онъ былъ уже провозглашенъ и коронованъ въ Германіи. Его индефферентизмъ въ дѣлахъ вѣры, симпатія къ магометанскому культу, тогда еще не были извѣстны. Но подозрѣнія въ ереси, кощунствѣ и даже атеизмѣ, которыя 10 лѣтъ спустя Церковь кидала ему въ глаза, его явное пренебреженіе къ исполненію католическихъ обязанностей—все то, что послѣ приписывали Фридриху съ болѣе или менѣе достаточнымъ основаніемъ враги его, не могло проявиться внезапно въ короткій промежутокъ времени. Напротивъ, упомянутыя явленія коренились въ условіяхъ его воспитанія, среды, въ которой образовывались его первыя впечатлѣнія, его положеніе въ качествѣ государя страны, значительная доля населенія которой состояла изъ потомковъ арабовъ и грековъ, гдѣ мусульмане и евреи открыто совершали свои обряды, и гдѣ катары и всякіе еретики были весьма многочисленны въ началѣ XIII столѣтія ([81]). Казалось-бы несомнѣннымъ, что Фридрихъ, не будучи воспитанъ въ католической исключительности ([82]) и впечатлительный по натурѣ, долженъ былъ съ молодыхъ лѣтъ относиться спокойно къ различію религіозныхъ культовъ и привыкнуть къ терпимости. Тѣмъ хуже для него, если изъ порывовъ самовластія и непониманія своихъ истинныхъ политическихъ выгодъ онъ явился въ обширныхъ предѣлахъ имперіи гонителемъ того принципа, представителемъ котораго былъ самъ.

Какъ бы то ни было, но законы, принятые Фридрихомъ II, и постановленія послѣ имъ самимъ придуманныя, по своей суровости не уступаютъ эдиктамъ Ѳеодосіева кодекса. Императоръ не только развязалъ руки католическому духо-

---

([81]) Объ еретикахъ Калабріи говоритъ аббатъ Іоакимъ, боровшійся съ ними проповѣдью и многихъ обратившій въ католичество,—Ioachim. Expositio in Apocalipsim, p. 131.

([82]) Hurter замѣчаетъ по этому поводу: seine Jugend unter des Papst Einfluss nicht vernachlässigt worden seye; was einer gewissenlosen Politik, die hier ungehindert auf niedrige Zwecke hätte hinarbeiten können, wohl nicht schwer gefallen wäre». Gesch. Innocenz III и seine Zeit; I. 271.—Также Schirrmacher. Kaiser Friderich der Zweite; I, 35.

венству наканунѣ открытія инквизиціонныхъ трибуналовъ, но далъ ему сильную нравственную и физическую поддержку. Доказательствомъ того, что на Фридрихѣ лежитъ тяжелая отвѣтственность за способничество введенію инквизиціи, служитъ то, что въ послѣдствіи въ 1243 г., Иннокентій IV не нашелъ ничего лучшаго какъ предписать исполненіе этихъ готовыхъ законовъ. Папа прикрылся щитомъ императора и могъ съ притворной гуманностью сложить позоръ за изобрѣтеніе безчеловѣчныхъ мѣръ трибуналовъ на «атеиста и мусульманина». Прелесть римской императорской короны послужила для Церкви удобнымъ средствомъ достигнуть одновременно двухъ важныхъ для нея цѣлей,—побудить свѣтскую власть вступить въ борьбу съ магометанами и приступить къ истребленію еретиковъ. При этомъ имѣлось въ виду оградить личные интересы духовенства. Тотчасъ послѣ обряда, совершеннаго 22 ноября 1220 г., Фридрихъ II принялъ крестъ изъ рукъ кардинала Уголино, будущаго папы Иннокентія IV, обѣщая чрезъ полгода лично выступить въ походъ, и тутъ же, не выходя изъ храма, подписалъ эдиктъ, составленный по указанію папы и имѣвшій цѣлью обезопасить духовенство и Церковь отъ всѣхъ враговъ въ Имперіи. Тогда же папа, съ высоты престола, произнесъ анаѳему противъ еретиковъ обоего пола, ихъ укрывателей и защитниковъ. Въ немъ полагались слѣдующія наказанія: за изданіе статутовъ противъ такъ называемой свободы Церкви (Ecclesiae libertatem), т. е. въ сущности ограничивавшихъ свободу злоупотребленій этой Церкви,—безчестіе и уничтоженіе такихъ распоряженій, а чрезъ годъ императорское преслѣдованіе и передача владѣній въ другія руки. Ущербъ, нанесенный духовному лицу, долженъ быть вознагражденъ втрое. Привлеченіе духовнаго лица къ свѣтскому суду, по гражданскому или уголовному дѣлу, угрожаетъ обвинителю потерею всѣхъ правъ, а судьѣ лишеніемъ мѣста. Далѣе идутъ законы противъ еретиковъ. Катары, Сперонисты, Леонисты, Арнольдисты и другіе еретики объявлялись безчестными, безправными передъ закономъ и изгнанными (damnamus infamia, diffidamus atque bannimus); ихъ имущества конфисковывались; ихъ дѣти лишались права наслѣдства. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ шести пунктахъ подтверждались этимъ императорскимъ узаконеніемъ всѣ постановленія латеранскаго собора противъ

еретиковъ (83). Въ концѣ грамоты, Гонорій III писалъ между прочимъ отъ себя: «Если кто въ дерзости своей, по внушенію врага человѣческаго рода, осмѣлится преступить сіе въ чемъ либо, то пусть знаетъ, что тѣмъ навлечетъ на себя негодованіе Всемогущаго Бога, а также блаженныхъ апостоловъ Петра и Павла».

Фридрихъ при всей личной гуманности, какую обнаруживалъ послѣ относительно саррацинъ, этимъ эдиктомъ задержалъ дальнѣйшее развитіе ереси въ обширныхъ предѣлахъ, подчиненныхъ его вліянію. Онъ стѣснилъ ее одной Франціей или лучше Лангедокомъ, гдѣ кипѣла тогда за нее горячая борьба. Напрасно думать, что его личныя убѣжденія служили гарантіей свободы совѣсти (84). Вмѣстѣ съ честолюбіемъ, онъ наслѣдовалъ отъ гогенштауфеновъ родовую черту ихъ характера—стремленіе къ насилію, неразлучное съ крутостью нрава, которою славился его отецъ. Своею жестокостью онъ не разъ напоминалъ Генриха VI. Свободу самостоятельныхъ отношеній къ религіи и право смѣяться надъ догматомъ онъ предоставлялъ лишь себѣ и строго возбранялъ своимъ подданнымъ всякое свободное проявленіе религіозныхъ убѣжденій. Онъ былъ другимъ, когда обстоятельства поставили его во враждебныя отношенія съ папами. Онъ пыталъ и мучилъ тѣхъ духовныхъ, благоговѣніе къ которымъ предписывалъ нѣсколько раньше. Также и лицемѣріе играло свою роль въ связи съ деспотическими сторонами характера Фридриха II.

Руководимый этими побужденіями, четыре года спустя, въ виду существованія все еще многочисленныхъ патаренъ

---

(83) Raynaldi, a 1220, p. 475.—Richardus di S. Germano. Chronicon. Muratori; VII, 992. — Текстъ у Pertz; IV, 243—245 и Huillard—Brèholles. Hist. dipl. II, I, 3—6.

(84) Schirrmacher I, 123) не придаетъ особеннаго значенія клятвенному обѣщанію своего героя.—Г. Бильбасовъ (Крестовый походъ, 29) ограничивается замѣткой, что исполненіе законовъ вполнѣ зависѣло отъ императора.—Но что душѣ Фридриха II была присуща ненависть къ еретикамъ, что онъ давно былъ готовъ жечь ихъ, свидѣтельствомъ служатъ его письма, Höffler (Beytrag, 1844) и пом. у Cantu. Gli eretici d'Italia; I, 117.

въ Италіи, Фридрихъ уже по собственной инціативѣ издаетъ противъ этихъ людей законы, достойные Нерона. Иронія исторіи заставила полуатеиста составить кодексъ жестокихъ наказаній за преступленія противъ вѣры. Они заключались въ 4 constitutiones. Непосредственнымъ побужденіемъ къ ихъ изданію служило желаніе Фридриха чѣмъ нибудь вознаградить Церковь за неисполненіе обѣщаннаго имъ похода во св. землю. Онъ предпринималъ его не безъ внутренняго отвращенія къ этому дѣлу. Онъ справедливо разсчитывалъ болѣе выгадать для Европы дипломатическимъ путемъ и съ большимъ тактомъ выжидалъ разгара и исхода междоусобій, которыя тогда охватили мусульманскій міръ отъ Гибралтара до Вавилона. Между тѣмъ въ каждомъ посланіи папа напоминалъ ему объ обѣщаніи. Въ началѣ 1224 г. магистръ Тевтонскаго ордена Германъ прибылъ изъ Палестины въ Палермо, любимую резиденцію Фридриха, и въ яркихъ краскахъ представивъ униженіе христіанскихъ владѣній въ Палестинѣ, вновь возбудилъ въ немъ мысль о походѣ. Печальныя вѣсти, приходившія изъ Палестины, волновали души всѣхъ ревностныхъ католиковъ; императоръ долженъ былъ удовлетворить общественному мнѣнію. Онъ назначилъ отъѣздъ въ Германію, а оттуда въ Палестину, но дѣла съ сицилійскими сарацинами опять удержали его. Тогда онъ, поручивъ Герману ѣхать въ Римъ, и желая въ тоже время успокоить Церковь относительно ереси, написалъ свои конституціи противъ еретиковъ. Несомнѣнно, что онъ приблизилъ инквизицію, давъ ей средства къ существованію и узаконивъ ея идею ([85]). Другихъ его побужденій мы не знаемъ.

Императоръ давалъ знать всѣмъ духовнымъ и свѣтскимъ судьямъ и должностнымъ лицамъ, что еретики, какъ «змѣиные сыны вѣроломства, дерзающіе оскорблять Бога и Церковь, какъ бы изгрызая тѣмъ утробу матери своей», должны быть предаваемы судамъ и юстиціи. Онъ высказываетъ об-

([85]) Limborch. Hist. inq p. 47... «quibus inquisitionis negotium quam maxime promovit».—Cantu объясняетъ законы Фридриха политическою цѣлью. «Uomo d'or dine, vide negli eretici dei disobbedienti e ribelli e condannò senza esame le sette dualiste, ridestando le più severe leggi imperiali». (Gli eretici d'Italia; I, 65, см. также I, 104).

щее убѣжденіе, что такихъ людей не должно оставлять живыми (maleficos vivere non possuri). Всякіе еретики, гдѣ-бы они ни были осуждены Церковью, должны быть этими судьями преданы наказанію, сообразно ихъ преступленію. Тѣ, которые лишь изъ страха смерти присоединятся къ Церкви, будутъ присуждены къ покаянію по каноническимъ постановленіямъ и къ пожизненному заключенію, въ которомъ они удобно могутъ совершить это покаяніе. Если въ какомъ либо мѣстѣ имперіи будутъ открыты еретики, то инквизиторы (inquisitores), назначенные апостольскимъ престоломъ, и другіе православные ревнители (et alios orthodoxos fidei zelatores), могутъ ([86]) заставить судей схватить ихъ и держать въ крѣпкомъ заточеніи до тѣхъ поръ, пока, отлученные Церковью, они не будутъ осуждены и казнены смертію; всѣ лица, имѣющія какую либо власть въ округѣ, съ своей стороны должны указывать упомянутымъ лицамъ на подозрительныхъ; тѣ, которые оказываютъ покровительство и поддержку еретикамъ, подвергаются также смертной казни, а равно и тѣ, которые къ тому лукаво подстрекаютъ другихъ, подготовляя такимъ образомъ непозволительныхъ защитниковъ ереси. Такой же смертной казни подлежатъ и тѣ, которые хотя раньше отреклись отъ ереси, но послѣ, сохранивъ жизнь, опять впали въ нее. Императоръ велѣлъ строго слѣдить за тѣми, которые, будучи возвращены въ лоно Церкви, выселяются въ другія мѣста, дабы тѣмъ они не разлили ядъ заразы, и дозволять имъ это переселеніе послѣ полученія свидѣтельства въ ихъ надежности. Онъ изъявилъ свою волю, чтобы во всѣхъ предѣлахъ имперіи существовала только одна истинная вѣра и чтобы ересь всѣми мѣрами была искоренена (volentes, haereticae labis germina modis omnibus deleantur). Если, виновные въ оскорбленіи величества наказываются въ лицѣ ихъ самихъ и въ лицѣ ихъ потомства, то тѣмъ справедливѣе поступать такъ противъ поносителей

([86]) Изъ этого сопоставленія инквизиторовъ и частныхъ лицъ видно, что подъ первыми слѣдуетъ разумѣть тѣхъ почтенныхъ гражданъ, или проще сыщиковъ, которые должны были съ епископомъ обходить приходъ, по постановленію латеранскаго собора 1215 года, и что формальныхъ трибуналовъ тогда еще не существовало.

имени Божьяго и разрушителей католической вѣры, съ той разницей, что здѣсь наказаніе должно быть сильнѣе. Богъ вымѣщаетъ преступленія отцевъ на дѣтяхъ (vere scientes, quod Deus est zelotes, peccata patrum in filios potenter ulciscens),—такъ рѣшилъ этотъ богословъ въ императорской порфирѣ. Потому еретики даже до втораго колѣна лишаются своихъ владѣній и объявляются неспособными къ занятію какихъ либо общественныхъ должностей; и они и дѣти ихъ не могутъ пользоваться никакими почестями, хотя бы послѣдніе были сами по себѣ вѣрными католиками; исключеніе дѣлается только для тѣхъ дѣтей, которыя станутъ доносчиками на своихъ отцовъ. Далѣе Фридрихъ извѣщалъ, что онъ принимаетъ подъ свое покровительство братьевъ проповѣдниковъ, которые отправлены въ имперію по дѣламъ вѣры противъ еретиковъ (pro fidei negotio contra haereticos deputatos), а также всѣхъ, кто станетъ судить еретиковъ, будутъ-ли они пребывать въ одномъ городѣ или будутъ переходить изъ одного въ другой. Онъ предписывалъ, чтобы всѣ власти оказывали имъ всякое содѣйствіе и благосклонно принимали каждаго изъ такихъ лицъ, когда-бы и кто-бы изъ нихъ ни обратился; онѣ же должны были защищать ихъ личности отъ оскорбленій и могущихъ быть покушеній еретиковъ, давать имъ совѣты, указанія и деньги ради совершенія дѣла, столь важнаго предъ Господомъ. Арестовывая еретиковъ по ихъ указанію, содержа ихъ въ тюрьмахъ, совершая надъ ними опредѣленія суда церковнаго (post ecclesiasticae damnationis judicium), свѣтская власть должна знать, что служитъ Богу, приноситъ пользу государству и заботится совокупно съ этими братьями надъ искорененіемъ ереси. «Если же кто окажется недѣятельнымъ и слабымъ въ исполненіи этой обязанности, слѣдовательно безполезнымъ относительно Господа, тотъ въ глазахъ нашихъ можетъ оказаться виновнымъ» ([87]).

([87]) Bullarium Romanum въ приложеніи къ итальянской энцикликѣ Иннокентія IV 1243 г. (изъ Перуджіи, 31 окт.), въ которой онъ рекомендуетъ властямъ и инквизиторамъ законы эти къ исполненію; III, 503—507.—На нихъ же указывается и въ буллѣ Иннокентія IV отъ 1252 г. Bullarium; III, 555, lex 20. Полный текстъ приведенъ также у Limborch, 47—51.—Petrus de Vineis. Epist. I, 25—27.

Такъ заканчивался этотъ первый статутъ. Остальные, подписанные тѣмъ же числомъ 22 февраля XII индиктіона (1224 г.), содержатъ несущественныя дополненія и поясненія къ первому ([88]). Второй почти весь состоитъ изъ подбора бранныхъ выраженій на еретиковъ. Они были впрочемъ въ духѣ времени; въ послѣдствіи, тѣми же словами Фридрихъ щедро размѣнивался съ папами, для которыхъ такъ усердно работалъ теперь. Но эта брань особенно странна въ его устахъ. Онъ объявлялъ между прочимъ, что всякая ересь есть государственное преступленіе (inter publica crimina numerentur). Онъ обязывалъ своихъ подданныхъ быть шпіонами и вывѣдчиками; преступниковъ также слѣдовало испытывать въ вѣрѣ и послѣ допроса (inquisitione notatos) въ случаѣ сомнѣнія предавать въ распоряженіе духовныхъ лицъ. «Еретиковъ слѣдуетъ сжигать живыми въ присутствіи зрителей». За нихъ запрещается ходатайствовать кому либо предъ императоромъ подъ страхомъ опалы. Третій статутъ былъ не что иное, какъ IV канонъ латеранскаго собора. Четвертая конституція предназначалась преимущественно для Италіи,—потому могла быть издана нѣсколько позднѣе; она вошла въ знаменитыя Constitutiones regni Siciliae, этотъ замѣчательнѣйшій юридическій памятникъ XIII вѣка ([89]). Здѣсь синьорамъ,

---

([88]) P. Servitae historia inq. относитъ всѣ эти законы къ 1245 г., забывъ, что Фридрихъ II тогда самъ находился въ положеніи еретика. Авторъ былъ введенъ въ заблужденіе буллою Иннокентія IV отъ 1243 г.—По Raynaldi (a. 1231; II, 40) къ тому же году относится еще болѣе грозный законъ Фридриха II объ урѣзываніи языковъ, но мы думаемъ, что Иннокентій IV въ своей буллѣ, обращенной къ тѣмъ же итальянскимъ землямъ, непремѣнно привелъ бы его. Наконецъ, то же наказаніе Фридрихъ II примѣнилъ бы къ имперіи, если бы законъ этотъ былъ изданъ дѣйствительно лишь нѣсколько дней спустя. Самое содержаніе закона и его сравненіе съ IV const. противорѣчило бы такому мнѣнію. Потому Huillard—Brèholles ошибается довѣряя датѣ Райнальди (II, I, 421), видимо небрежно списанной.

([89]) По мнѣнію многихъ, IV const. и есть катанскій законъ a. 1224 mense martis XI indict. (XII?). См. напр. Fleury; XI, 393 а слѣдомъ за нимъ Llorente; I, 65 и Rohrbacher, Hist. univ. de l'Egl. cath. XVII, 655. Но тогда явилась бы под-

подестамъ и консуламъ предписывается старательно слѣдить за ересью, разузнавать подозрѣваемыхъ лицъ. Если какой феодалъ окажется въ этомъ дѣлѣ неисполнительнымъ, то черезъ годъ лишается своей земли, которая отдается надежнымъ католикамъ. Дома, гдѣ жили еретики и лица сопричастные имъ, гдѣ они поучали и совершали свои обряды, повелѣвалось уничтожить и впредь не возстановлять. Фридрихъ присовокуплялъ, что всѣ отлученные по подозрѣнію въ ереси лишаются по прошествіи года всѣхъ гражданскихъ правъ и покровительства законовъ; они становились въ положеніе рабовъ, которые сами были безсильными и безправными, а ими могъ повелѣвать всякій.

Замѣчательно, что черезъ 5 лѣтъ Фридрихъ самъ былъ объявленъ отлученнымъ и проклятъ папою и тоже по подозрѣнію въ ереси. То была отплата судьбы за его религіозное лицемѣріе, за желаніе служить въ одно и тоже время двумъ божествамъ. Мы старались обнаружить его побужденія. Для Фридриха II нельзя пріискать обыкновенныхъ оправданій историческихъ лицъ. Онъ не платилъ дань своему времени. Какъ человѣкъ близкій къ геніальности, онъ самъ руководилъ эпохой и указывалъ ей новые идеалы.

Издавъ грозные законы противъ враговъ Церкви и фактически преслѣдуя ихъ, онъ въ то же время своимъ поведеніемъ относительно Церкви самъ становился въ число враговъ ея. Онъ страшилъ Церковь своимъ свѣтскимъ могуществомъ, громадностью своихъ владѣній отъ Балтійскаго моря до Средиземнаго, отъ Вислы до Роны. Его свѣтскій мечъ могъ поспорить съ духовнымъ. Такимъ образомъ столкнулись двѣ страшныя силы, одна—всерасполагающая Церковь, другая—матеріальное могущество императоровъ. Пос-

---

ложною безъ всякой цѣли IV const., точность которой неоспорима. Вопросъ разрѣшается, если не принимать оговорку Райнальди о мнимомъ возобновленіи эдикта 1231 г. Названнымъ историкамъ не пришло въ голову соображеніе о невозможности въ ту пору перенестись изъ Падуи въ Катану въ какіе нибудь 10 дней.—Constit. regni Sic. y Huillard Brèholles; IV, I, 5—1 (De receptoribus, haer. etc.) Впрочемъ Фридрихъ II допускалъ анонимные доносы только для политическихъ преступленій. Suppl. Const. ib. p. 194.

слѣднее грозило еще болѣе усилиться вслѣдствіе честолюбія молодаго императора. Унитарныя и завоевательныя стремленія Фридриха были громадны. Они развивались послѣдовательно. Возстановить старое римское имя во всемъ его величіи, овладѣть всѣми землями прежнихъ Цезарей и сбросить съ себя иго папъ съ ихъ претензіями на свѣтское господство, были мечты его лучшихъ годовъ, мечты извинительныя, но неосуществимыя для того вѣка и средствъ его. Онъ съ страннымъ для его генія тщеславіемъ иногда называлъ себя намѣстникомъ Христа, а своего канцлера Петра делле-Винье апостоломъ, сына Конрада божественнымъ отпрыскомъ крови Цезарей, а жену Констанцію божественной матерью. Въ этихъ обвиненіяхъ клерикаловъ много справедливаго. Римъ понималъ, что крестовый походъ только предлогъ къ началу папско-императорской борьбы. Борьба смертельная должна была произойти потому, что она была завѣщана преданіями Григорія VII и что наконецъ два лагеря были поставлены въ необходимыя условія борьбы. Гонорій III, опираясь на обманъ Фридриха II, уже рѣшился отлучить его отъ Церкви, но внезапная смерть остановила исполненіе его намѣренія. Онъ былъ счастливъ тѣмъ, что передавалъ это завѣтное папское право энергическому преемнику своему, старшему Уголино, который прежде былъ столь-же другомъ Фридриха, какъ Доминика и Франциска, а надѣвъ тіару сталъ заклятымъ врагомъ императора. Онъ не замедлилъ разразиться отлученіемъ почти въ то самое время, когда императоръ послѣ первой неудачи вторично садился на корабль для отправленія въ Палестину (29 сентября 1227 г.). Папа привелъ весьма основательные доводы противъ Фридриха, его видимое несочувствіе къ походу, нарушеніе санъ-джерманскаго, верельскаго, флорентинскаго съѣздовъ, его бѣгство и притворную болѣзнь. Императоръ вознегодовалъ. Тотъ самый, который грозилъ костромъ еретикамъ за то, что они поносятъ Церковь и духовенство, теперь въ окружномъ посланіи къ христіанскимъ государямъ рѣзко нападаетъ на римскіе пороки и предсказываетъ Церкви «скорое разрушеніе». Черезъ четыре года послѣ своихъ церковныхъ статутовъ, онъ самъ выдалъ прежнихъ друзей. «Уже не говоримъ, замѣчаетъ императоръ, о симоніи и множествѣ различныхъ немыслимыхъ въ наше время поборовъ, которыми римскій дворъ обременяетъ своихъ же духовныхъ, не скажемъ ниче-

го, какъ эти духовные явно и тайно занимаются ремесломъ ростовщиковъ, которое до нихъ было неизвѣстно міру и которое такъ портитъ міръ. Рѣчи ихъ слаще меда и нѣжнѣе масла.... ненасытные кровопійцы» (90). Тутъ онъ указалъ Европѣ на Раймонда тулузскаго, тогда боровшагося въ послѣдней агоніи съ чужеземнымъ завоеваніемъ, «съ котораго курія не сниметъ запрещенія, пока не обратитъ въ рабское подчиненіе».

Какая бы ни была злоба императора, она нисколько не оправдываетъ желанія всячески вредить крестоносцамъ, погубить и даже измѣннически убить Фридриха II на Іорданѣ, во время его пилигримства, какъ записано въ одной лѣтописи,—фактъ весьма характерный для духовенства того времени (91). Десятилѣтнее перемиріе, заключенное Фридрихомъ съ египетскимъ султаномъ, довольно выгодное для христіанства,—въ то самое время когда легатъ Григорія IX изобрѣлъ въ Тулузѣ формы инквизиціоннаго процесса,—это перемиріе подверглось злобному порицанію первосвященника, «свирѣпѣвшаго болѣе и болѣе». Но для борьбы за идею необходима поддержка, если не въ средствахъ то въ общественномъ мнѣніи. А существенная историческая заслуга Фридриха II въ томъ и состояла, что онъ своимъ обращеніемъ къ Европѣ создалъ эту силу и на первый разъ склонилъ ее къ себѣ. Личное озлобленіе Григорія IX было слишкомъ замѣтно, такъ какъ нельзя было затмить услугъ имератора крестовому дѣлу. Симпатія преобладала на сторонѣ гогенштауфена. Папа принужденъ былъ уступить; онъ изъявилъ желаніе войти въ переговоры. Фридрихъ тоже искалъ прощенія и снятія отлученія для осуществленія своихъ новаторскихъ плановъ. Противники свидѣлись (1 сентября 1230 г.), три дня дружно бесѣдовали, и заключили письменный договоръ въ Санъ-Джермано. Здѣсь Фридрихъ не имѣлъ желанія указать на возможность иной политики относительно ереси. Инквизиція уже была рѣшена въ умѣ папы. Фридрихъ же объявилъ себя его сыномъ, составляющимъ съ нимъ чуть-ли не единое существо (quod nos duo velut pater et filius unum sumus).

(90) Insatialites sanguisues. Huill. Brèh. III, 48—50.

(91) Matth. Par. a. 1229.—Подтверждается и арабскими извѣстіями. См. Wilken. Gesch. der Kreuzzügen; VI, 474.

Тяжелой ироніею отзывались слова императора, что «тучи миновали и солнце снова засіяло надъ христіанскимъ міромъ».

Лучи этого солнца прорѣзывались для многихъ тысячъ провансальцевъ того времени смертельными ударами молніи. Духовенство усаживало ихъ по тюрьмамъ и тянуло къ допросу, а послѣ него благословляло и вело къ костру. Съ 1229 г., подъ шумъ борьбы папы и императора, инквизиція уже фактически существовала; ея система была оформлена на тулузскомъ соборѣ. Мы указали на этотъ важный моментъ въ первой главѣ этого тома (с. 138). Но ей недоставало папской санкціи. Начало исторіи инквизиціи скрывается такимъ образомъ не столько въ документахъ, сколько въ обычаѣ. Документы только узаконяли ее, но и они не замедлятъ явиться.

Около 1231 года ересь имѣла неосторожность проявиться въ Римѣ. Курія всполошилась. Папа вышелъ изъ себя. Буллой 1231 года Григорій IX подтвердилъ всѣ прежнія папскія и императорскія узаконенія противъ еретиковъ, и предписывалъ усилить мѣры карательныя и предупредительныя. Онъ велѣлъ выкидывать изъ могилъ трупы еретиковъ. На мірянъ легло запрещеніе вступать въ богословскія разсужденія другъ съ другомъ подъ страхомъ отлученія (92). Эта булла была подтвержена Иннокентіемъ IV, Александромъ IV, Николаемъ III и внесена въ канонъ de haereticis, но и въ ней пока ничего не говорилось объ учрежденіи инквизиціонныхъ судовъ. Но за нихъ уже хлопочетъ тогда передъ папою его приближенный пенитенціарій, ученый юристъ Раймундъ де-Пеньафорте, принадлежавшій къ доминиканскому ордену. Римскій сенатъ, слабое отродье своихъ державныхъ предковъ, спѣшилъ тотчасъ-же съ своей стороны распорядиться уничтоженіемъ ереси. Плебисцитъ 1231 года изданъ отъ имени сената и народа. Всякій сенаторъ долженъ былъ дѣлать распоряженіе объ арестѣ еретиковъ, по указанію «назначенныхъ Церковью инквизиторовъ и другихъ мужей католиковъ», предавать ихъ церковному суду, и чрезъ 8 дней ис-

(92) Raynaldi, a. 1231; II, 38.—Этотъ каноническій эдиктъ Григорія IX, Cantu (Gli eritici: I, 119) ошибочно относитъ къ девятому году его папствованія.

полнять приговоръ[93]. Имущество осужденныхъ въ тотъ же срокъ описывалось. Оно дѣлилось на три части; одна донесшему на еретика, другая сенатору, третья шла на постройку и поправку городскихъ стѣнъ. Всякій изъ горожанъ, кто зналъ про еретика и не представилъ его, подлежитъ штрафу въ 20 ливровъ, а въ случаѣ неуплаты объявляется безчестнымъ, пока чѣмъ либо не заслужитъ прощенія. Кто укроетъ еретика или окажетъ ему какое либо покровительство, а тѣмъ болѣе защиту, тотъ лишается третьей части имущества. Каждый сенаторъ, передъ вступленіемъ своимъ въ должность, обязанъ давать присягу въ исполненіи законовъ противъ ереси; отказываясь отъ того, онъ лишилъ-бы всѣ свои акты законной силы и никто не долженъ ему повиноваться. Если-бы въ послѣдствіи онъ и согласился на требуемое, то все таки считается клятвопреступникомъ и лишается права занимать какую либо должность, хотя долженъ внести пеню въ 200 марокъ. Судьи вносятъ этотъ законъ въ книги и никогда, ни кѣмъ, ни даже народомъ римскимъ, ни при какихъ обстоятельствахъ, онъ отмѣненъ быть не можетъ [94].

Этими законами удовольствовался Григорій IX. Сравнивая ихъ съ постановленіями Фридриха II, нельзя не замѣтить ихъ относительной мягкости; сразу видно, что ихъ писало перо людей, понимавшихъ смыслъ свободы; для еретиковъ была возможность свободно оставить Римъ, на глазахъ христіанскаго первосвященника. Тѣмъ не менѣе папа рекомендовалъ ихъ для исполненія архіепископу миланскому и прелатамъ Лангедока. Это нѣкоторымъ образомъ задѣло самолюбіе Фридриха II. Онъ желалъ превзойти римскихъ сенаторовъ; это ему было не трудно; стоило только возобновить свои прежнія узаконенія. Но онъ тѣмъ не ограничился. Онъ въ 1231 году издалъ новый законъ, который грозилъ новою карою еретикамъ, и надо прибавить, по нѣкоторымъ причинамъ, не былъ даже принятъ самою инквизиціей.

«Такъ какъ мы, писалъ онъ своему намѣстнику въ Ломбардіи, архіепископу магдебурскому, самимъ Богомъ поставлены въ хранители и защитники церковнаго спокойствія въ

(93) Catholicos viros civitatis et diocesis earumdem,— сыщики и понятые при епископахъ изъ почтенныхъ гражданъ.

(94) Raynaldi, a. 1231; II, 39.

ввѣреной нашему правленію Имперіи, то неужели мы можемъ терпѣть въ справедливомъ и искреннемъ удивленіи, какъ растетъ вражеская ересь и позоръ въ самой Ломбардіи, въ которой многіе безнаказанно хулятъ Церковь и вѣру католическую? Или мы должны притворяться или будемъ небрежно слушать, какъ нечестивые хулятъ Христа и вѣру и не выдемъ изъ своего спокойствія? Конечно Богъ уличитъ насъ въ неблагодарности и небреженіи, Онъ, который далъ противъ враговъ его вѣры мечъ матеріальный и всю полноту власти.... и потому, ревнуя быть достойнымъ того, настоящимъ эдиктомъ нашимъ ненарушимо постановляемъ во всей Ломбардіи, что если кто городскимъ начальствомъ (per civitatis antistem) или діоцезнымъ, на мѣстѣ своего проживанія, послѣ основательнаго испытанія, будетъ открыто уличенъ въ ереси и осужденъ какъ еретикъ, то подестой-ли, собраніемъ-ли или просто католическими мужами города и діоцеза долженъ быть немедленно поставленъ предъ начальника (antistitis) и нашимъ именемъ присужденъ къ огненной казни и сожженъ въ пламени, или если признаютъ возможнымъ оставить ему жалкую жизнь въ примѣръ прочимъ, то вырвать ему языкъ, дабы онъ не могъ впредь кощунствовать на католическую вѣру и имя Господне». Императоръ повелѣвалъ намѣстнику распорядиться обнародованіемъ этого закона по всей Ломбардіи, а всѣмъ властямъ исполнять его подъ страхомъ изгнанія [95]. Такимъ образомъ всякій могъ врываться въ чужой домъ, отыскивать что ему нужно и въ случаѣ удачи подвергать жилище и имущество конфискаціи. Такъ дѣйствительно было въ Миланѣ въ тѣ годы [96].

На этотъ разъ Фридрихъ II дѣлаетъ попытку захватить судъ надъ еретиками въ свои собственныя руки, вручивъ его своимъ намѣстникамъ. Онъ смотрѣлъ тогда на еретиковъ съ точки зрѣнія римскихъ императоровъ, какъ на мятежниковъ противъ власти, какъ на нарушителей спокойствія. При томъ же онъ далеко не былъ чуждъ идеи подчиненія Церкви государству, которая была существенной причиной его борьбы съ папами, грозившей возобновиться въ этотъ самый годъ.

(95) Huillard—Brèholles. Hist. diplom. II, I, 422.

(96) Corio. Storia di Milano; II, 72.

Григорій IX благодарилъ императора за его ревность, за мѣры подавленія ереси въ Неаполѣ, но урѣзываніе языковъ не вошло въ практику его духовныхъ судовъ.

Мы дошли такимъ образомъ до того момента, когда инквизиціонное преслѣдованіе, по идеѣ присущее Римской Церкви въ самомъ ея образованіи, но проявлявшееся лишь случайными порывами, одобряемое то кунингами, то императорами, то папами, то соборами, получившее въ 1229 г. особый юридическій типъ въ его производствѣ, до тѣхъ поръ исполняемое епископами, готовилось стать обязанностію особыхъ полицейскихъ лицъ, взятыхъ изъ духовенства. Григорію IX и его любимцу, доминиканцу Раймонду де-Пеньафорте принадлежитъ всецѣло эта мысль. Оба они были фанатиками своей вѣры въ душѣ и оба были друзьями Доминика; они воспитались въ духѣ той реакціи, которая чудесно охватила весь католическій міръ и особенно духовное его сословіе въ первую четверть XIII вѣка, благодаря примѣру и замѣчательно самоотверженной дѣятельности Доминика и Франциска. Оба они носили въ себѣ иные идеалы Церкви. Для достиженія его хороши были всѣ средства и между прочимъ то судопроизводство, которое было введено легатомъ Романомъ на тулузскомъ соборѣ. Но они видѣли изъ своего латеранскаго дворца, что на разныхъ концахъ Запада ересь еще живетъ не смотря на костры, строгіе законы, изгнанія, конфискаціи, отлученія князей. Они не безъ основанія видѣли причину зла въ епископахъ. Множество разнообразныхъ занятій и извѣстная зависимость отъ государей не дозволяла имъ сосредоточиться съ особеннымъ вниманіемъ на преслѣдованіи и судѣ еретиковъ. Иннокентій III также понималъ это и съ этою цѣлью онъ поручилъ дѣло ереси легатамъ. Но легаты были скорѣе духовными государями въ обширныхъ странахъ, чѣмъ чиновниками и сыщиками. Пеньафорте искалъ послѣднихъ и остановился на братьяхъ своего ордена. Они принадлежали къ числу образованнѣйшихъ духовныхъ; они имѣли большое вліяніе на высшее и городское общество; въ ихъ ряды вербовались замѣчательные таланты. Они въ своей любви къ дѣлу Церкви напоминали фанатизмъ основателя ихъ общества. Молодой орденъ имѣлъ уже тогда до 100 монастырей, щедро поддерживаемыхъ дарами благотворительности Доселѣ доминиканцы занимались проповѣдью и обращеніемъ еретиковъ. Пеньафорте сдѣлалъ изъ нихъ судей, предписавъ имъ практику судопроизводства тулузскаго собора.

Григорій IX раздѣлялъ эту мысль своего друга. Ему оставалось документомъ узаконить то, что и тутъ и тамъ существовало на практикѣ. Подлинникъ этой грамоты не сохранился; она не вошла въ римскіе булларіи и вообще мало извѣстна. Потому дата точнаго начала инквизиціи не можетъ быть опредѣлена безусловно. Для однихъ она явленіе слишкомъ раннее, для другихъ слишкомъ позднее. Привыкшіе къ факту преслѣдованія, и католическіе и протестанскіе историки мало интересовались этой датой и грамотой, упрочившей за доминиканцами инквизицію. Они, какъ мы видѣли, перенесли эту дату за 20 лѣтъ назадъ. Даже Райнальди, оффиціальный историкъ Римской Церкви, проглядѣли истинное начало инквизиціи. Дѣйствительно, важное въ спеціальномъ историческомъ изслѣдованіи, оно теряетъ особенное значеніе при другой программѣ изложенія. Но вообще вопросъ о точномъ началѣ инквизиціи самый темный и запутанный. Тѣмъ не менѣе мы старались и постараемся разрѣшить его на почвѣ актовъ.

Инквизиція, повторяемъ, развилась незамѣтнымъ путемъ. Въ силу того, что фактически она всегда существовала и притомъ отражалась на многихъ весьма чувствительно, всѣ позднѣйшіе документы касательно ея организаціи и устройства имѣли лишь значеніе теоретическое. Она шла не изъ бумагъ въ жизнь, а обратно. Потому мы такъ относительно долго останавливались на ея первональномъ періодѣ. Мы хотѣли показать, каковы были корни у этого учрежденія, почему оно было такъ живуче, почему всѣ дѣятели Римской Церкви, послѣ отцевъ ея, сходились въ сочувствіи къ нему, почему самые передовые люди эпохи только способствовали его торжеству. Мы не отличаемъ жертвъ первой инквизиціи, эпохи собственно альбигойской (XIII ст.), отъ жертвъ нетерпимости вообще, гдѣ-бы они ни были, потому что на историческій взглядъ оба эти понятія сходны, потому что нисколько не было легче страдать прямо отъ грубой силы или отъ той же силы, лицемѣрно прикрытой закономъ. Тѣмъ не менѣе въ интересахъ истины и исторической точности, мы указываемъ на ошибки тѣхъ, которые не точно отмѣчаютъ начало инквизиціоннаго учрежденія.

Но что разумѣется подъ институціей первой инквизиціи?

Этотъ терминъ необходимо выражаетъ совокупленіе двухъ понятій, особаго судопроизводства и участія въ немъ т. н. нищенствующихъ монаховъ. Самый принципъ, наказанія, участіе свѣтской власти, все это выработывалось ранѣе той подготовительной исторіей, изложеніе которой мы пытались представить читателямъ.

Первое понятіе сдѣлалось фактомъ въ 1229 году; второе, особенно спорное, въ 1233 году.

Въ рукописяхъ королевскаго испанскаго архива, въ сборникѣ соборовъ, имѣется окружная булла Григорія IX отъ 8 ноября 1235 г. Въ ней предлагается соблюдать относительно еретиковъ извѣстные законы 1231 г., направленные противъ римскихъ патареновъ, и въ виду того, что доминиканцы особенно успѣшно ведутъ борьбу съ еретиками, имъ предписывается исполненіе буллы. При этомъ дѣлается ссылка на бреве 20 мая 1233 г., обращенное къ доминиканскому пріору Ломбардской провинціи, въ которой дѣйствовали способнѣйшіе изъ проповѣдниковъ.

Надо было ожидать, что доминиканцы постараются сохранить это драгоцѣнное для нихъ бреве, въ которомъ только они одни предъ глазами всей Церкви призваны быть искоренителями ереси, не уничтоженной оружіемъ крестоносцевъ Монфора и рыцарствомъ Франціи. Дѣйствительно послѣ тщетныхъ поисковъ въ фоліантахъ папскихъ буллъ, всякихъ анналъ, церковныхъ грамотъ, встрѣчаемъ у доминиканскаго историка тулузскаго монастыря текстъ этого документа, правда, не совсѣмъ полный. Онъ начинается негодованіемъ папы на дьявола, который заразилъ тулузскіе предѣлы. «Не будучи достаточно сильны, продолжаетъ Григорій IX, остановить такое поношеніе Создателя, но желая прекратить эту опасность гибели для душъ заблудшихъ, мы просимъ тебя, убѣждаемъ и приказываемъ, симъ апостольскимъ посланіемъ, подъ страхомъ божественнаго суда, дабы ты тѣхъ изъ братьевъ ввѣренныхъ тебѣ, которые научены закону Господню и которыхъ ты признаешь склонными къ этому дѣлу, разослалъ по разнымъ сопредѣльнымъ мѣстамъ твоего надзора, дабы они поучали клиръ и народъ общею проповѣдью, гдѣ сочтутъ ее удобной. Для основательнаго исполненія этого дѣла они изберутъ себѣ разныя мѣстности и займутся съ особеннымъ стараніемъ еретиками и отлученными (infamatis). Если виновные и отлученные, будучи допрошены, не захотятъ вполнѣ подчиниться приказаніямъ Церкви, то братья станутъ исполнять относительно ихъ наши справедливые статуты противъ еретиковъ, вновь обнародованные, направленные на укрывателей, защитниковъ и покровителей еретиковъ, дѣйствуя однакожъ въ предѣлахъ этихъ статутовъ (secundum eadem statuta nihilominus processuri.» Тѣ, которые, отрекшись отъ ереси, захотятъ обратиться къ Церкви, могутъ получить общеніе и разрѣшеніе по обрядамъ церковнымъ и возсоединиться съ нею, если того заслуживаютъ, смотря по степени ихъ заблужденія и по статутамъ. Папа давалъ 20-дневную индульгенцію тѣмъ, которые будутъ присутствовать при проповѣди доминиканцевъ; самимъ же братьямъ-проповѣдникамъ, которые возьмутся за это дѣло, давалъ полную индульгенцію во всѣхъ грѣхахъ, въ которыхъ они принесутъ покаяніе ([97]). Въ то-же время, и даже нѣсколько раньше, французскіе прелаты получили отъ папы извѣщеніе о предпринимаемой имъ мѣрѣ. Григорій IX понялъ, что дѣлаетъ рѣшительный шагъ, отнимая отъ еретиковъ право, которымъ они весьма дорожили. Довольно искусно папа обошелъ щекотливый вопросъ. Онъ старался накинуть покровъ на сущность дѣла, представить его мягче и при этомъ задобриваетъ, льститъ прелатамъ, не желая изъ понятныхъ разсчетовъ поселить раздоръ въ администраціи Церкви наканунѣ предстоявшихъ ей усилій, требовавшихъ непремѣннаго единодушія. Но Пеньафорте, начавшій тогда составлять собраніе церковныхъ каноновъ и декретовъ, достаточно хорошо изучилъ ихъ, чтобы допустить возможность мысли о какомъ либо протестѣ или противодѣйствіи епископовъ, уже 4 столѣтія закабаленныхъ намѣстнику Христа. Но тѣмъ не менѣе булла написана ловко. Такъ какъ доминиканцы давно и успѣшно посвятили себя проповѣданію Слова Божія, особенно противъ еретиковъ, а епископы, погруженные въ разнообразную дѣятельность,

([97]) Percin. Monumenta conv. Tolos. Inquisitio, p. 92, безъ указанія числа; это бреве извѣстно подъ именемъ: «Ille humani generis pervicax inimicus».—Также у Labbe. Concil. coll. XI, 334.

едва могутъ вздохнуть подъ тяжестью обременяющихъ ихъ занятій, то папа, находя нужнымъ чтобы бремя ихъ (onera vestra) было раздѣлено съ другими, и указывая на примѣръ Спасителя, который избралъ не только 12 апостоловъ, но и 72 учениковъ, пославъ ихъ проповѣдывать по двое,—предназначаетъ доминиканцевъ дѣйствовать противъ ереси во Франціи и прилежащихъ къ ней провинціяхъ. Епископамъ предлагалось благосклонно принять ихъ, оказывать имъ помощь, давать совѣты и вообще относиться со всѣмъ вниманіемъ (honeste tractantes), дабы они могли исполнить свое назначеніе, а папа могъ достаточно и по заслугамъ оцѣнить искреннюю ревность епископовъ (98).

Черезъ мѣсяцъ были написаны въ Латеранѣ подобныя же сообщенія баронамъ Франціи и Аквитаніи, графу де-Фуа, графу Раймонду VII и капитулу Тулузы. Но совершивъ фактъ, Римъ не придавалъ ему широкаго значенія. Онъ смотрѣлъ на него, какъ на дѣло временное. Рѣшительная булла, обобщавшая инквизицію и заносившая ее навсегда въ исторію, послѣдовала лишь въ 1254 и 1261 годахъ.

Во всякомъ случаѣ съ 1233 г. могли открыться дѣйствительные специальные суды по дѣламъ ереси. Доминиканцы разсыпались по всей Италіи и Лангедоку. Ихъ инквизиторы съ папскимъ полномочіемъ въ рукахъ даже опередили лангедокскихъ собратьевъ въ Кастиліи, Наваррѣ, Аррагоніи, Португаліи, Франціи и Германіи. Средоточіемъ и опорой ихъ дѣйствій были монастыри, къ тому времени достаточно насажденные.

(98) Нигдѣ кромѣ Percin (Monum. ib.) мы не нашли этой буллы, и то въ извлеченіи. Она помѣчена idibus Aprilis, (?), pontif. a. VII.—Въ рукописяхъ Doat изъ тулузскаго архива мы нашли подобную буллу къ франц. прелатамъ объ оказаніи содѣйствія и о покровительствѣ доминиканцамъ. Но на недѣлю числа не сходятся; она 20 апрѣля 1234 г. (XXXI, 21—25). Если бы она, какъ и остальныя посланія, адресованныя во Францію, была поддѣлана доминиканцами, такъ какъ содержаніе ея было слишкомъ важно и лестно для нихъ, то дѣйствительность ломбардскаго бреве не подлежитъ сомнѣнію, хотя и нѣтъ его подлинника.

(99) Всѣ подлинники, по словамъ Персена, хранились долго въ тулузскомъ архивѣ, гдѣ онъ самъ пользовался ими (p. 29) но къ сожалѣнію не привелъ текстовъ. Въ документахъ Doat, есть только буллы къ арх. нарбоннскому и къ другимъ лангедокскимъ прелатамъ объ арестованіи и преслѣдованіи судомъ еретиковъ и о низведеніи отпавшихъ духовныхъ (XXXI; 19, 25. 27), отъ 19, 20 и 25 апрѣля 1234 года.

На сколько можно добраться точности, при отсутствіи актовъ и по одному наведенію, первый трибуналъ былъ устроенъ въ испанскомъ городкѣ Лерида, по распоряженію тамошняго епископа дона Бертрана и архіепископа аррагонскаго дона Эспарраго (100). Есть извѣстіе, что новый архіепископъ Вильгельмъ Монгріу затруднялся относительно новыхъ судовъ, спрашивалъ объясненія и что ему 30 апрѣля 1235 года Григорій IX послалъ инструкцію для инквизиторовъ, редактированную тѣмъ же Пеньафорте. Она носила частный характеръ. Но первыя дѣйствія испанскихъ доминиканцевъ оказались неудачны. Въ Каталоніи, въ городѣ Ургелѣ, въ томъ же году, жители возмутились противъ инквизитора, монаха Петра, и убили его. Онъ скоро былъ сопричтенъ къ святымъ, какъ мученикъ, а трупъ его по сіе время покоится въ каѳедральномъ соборѣ города. Новый инквизиторъ Понсъ д'Эспира былъ отравленъ еретиками въ 1242 году.

Доминиканцы въ Лангедокѣ дѣйствовали осторожнѣе. Но и тамъ трое также пострадали въ эти годы отъ тайныхъ убійцъ изъ Кордеса. Хотя Раймондъ VII противъ воли оказывалъ инквизиторамъ всякое содѣйствіе, но они не сразу открыли свои трибуналы и первый разъ протоколъ тулузскаго инквизиціоннаго суда подписанъ 26 мая (VI kal. jun.) 1237 года (101). До сихъ поръ постояннаго трибунала види-

(100) Fr. Diago. Hist. de los predicadores de la provincia Aragon, l. I, c. 3.—См. Llorente. Hist. de l'inq. I, 68.

(101) Рукописный сборникъ Doat (XXI, 143) по дѣламъ инквизиціи, которымъ мы пользовались въ Парижѣ. На листахъ 160—166 этого тома есть три сентенціи, нѣсколько раннія (4 id. nov. 1235, id. febr., 6 non. mart. 1236), но онѣ не характеризуютъ постояннаго трибунала. Не считаемъ нужнымъ перечислять множество невѣрныхъ указаній на начало тулузской инквизиціи; они слишкомъ распространены и въ специальныхъ сочиненіяхъ и даже въ солидныхъ курсахъ (см. напр. Гассе. Церк. ист. p. изд. II, 141), п. ч. находятся въ связи съ общею неуясненностью вопроса о первой инквизиціи.

мо не существовало, а если онъ былъ, то о дѣятельности его мы имѣемъ только три случайныхъ постановленія. Трудно было бы изъяснить причину такой медленности, не зная исторіи провансальскихъ альбигойцевъ. Послѣ каждаго погрома, тамошніе катары будто вдругъ исчезали; часто въ Тулузѣ, вчера едва не поголовно еретической, на другой день католическіе духовные не встрѣчали сопротивленія при исполненіи своихъ требъ. Погромъ 1229 г. былъ самый ужасный; онъ уничтожилъ въ странѣ національность политическую и религіозную вмѣстѣ. Альбигойцы въ массѣ равнодушные къ своей вѣрѣ не высказывались до тѣхъ поръ, пока Лангедокъ не успокоился отъ военной бури и не поправилъ нѣсколько своего матеріальнаго благосостоянія. Только тогда, подъ конецъ 30 годовъ XIII вѣка, ересь стала выплывать наружу; но она не была уже теперь знаменемъ оппозиціи; это было гонимое, но сердечное вѣрованіе, которое во многихъ крѣпкихъ натурахъ не могло изгладиться совершенно. Преслѣдованіе получило теперь систематическую, безжалостную организацію. Эта организація уничтожала всякую надежду на какое либо снисхожденіе, сдѣлку и отступленіе; она была направляема самыми энергическими людьми, основательно знавшими альбигойскую догматику, одинаково ненавидѣвшими и ересь и еретиковъ. Альбигойство, въ комъ оно не скользило, а дѣйствительно существовало, должно было скрываться; высказавшись, оно не только не могло побѣдить такихъ искусныхъ судей, но не могло и существовать. Ему оставалось только умереть. И вотъ начинаются длинные ряды сентенцій инквизиціи, которые только въ извлеченіи занимаютъ десятки фоліантовъ Національной библіотеки Франціи и которыми мы займемся, когда докончимъ фактическое изложеніе исторіи инквизиціи и когда проникнемъ въ ея засѣданія.

. Начало ея существованія, какъ мы замѣтили, ознаменовалось гибелью ея служителей. Это былъ не одиночный фактъ. Причина скрывалась въ производствѣ процесса. Народъ на всемъ Западѣ слишкомъ привыкъ къ старымъ римскимъ формамъ судопроизводства. Сама Церковь это понимала. Въ силу каноническаго права, при Иннокентіи III и Гоноріи III, обвинительные процессы производились на основаніи римскаго кодекса, чѣмъ бы процессъ ни возбуждался: донесеніемъ, слѣдствіемъ или розыскомъ. Еретики, какъ и прочіе подсудимые, могли знать имена своихъ обвинителей и свидѣтелей, имѣли защитниковъ и судились гласнымъ судомъ. О тайномъ судопроизводствѣ не имѣли понятія до тулузскаго собора 1229 г. ([102]). Когда душегубцы, закоренѣлые преступники и отъявленные негодяи имѣли право защиты, заподозрѣнные въ ереси, безъ различія происхожденія, лишались ея, отдаваясь вполнѣ въ руки судей, относившихся къ нимъ заранѣе съ затаенною ненавистью или, при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, съ нерасположеніемъ. Отсюда уже оставался шагъ до пытки, какъ средства принудить (compellere intrare) согласиться съ неизвѣстными и заочными свидѣтелями, часто подставными. Наказанія, налагаемыя доминиканскими инквизиторами, не были въ началѣ особенно тяжелы, но одно измѣненіе формъ уголовнаго судопроизводства, сдѣланное ими такъ внезапно, было достаточно, чтобы вооружить противъ нихъ населеніе. Оно задѣвало самыя дорогія права, а народъ думалъ отстоять ихъ, если убьетъ того или другаго инквизитора. Прежде чѣмъ тулузскіе доминиканцы задумали открыть свой трибуналъ, они получили извѣстіе о гибели знаменитаго нѣмецкаго инквизитора Конрада марбургскаго. Эта вѣсть естественно задержала открытіе суда въ Тулузѣ. Конрадъ принадлежалъ къ числу первыхъ послѣдователей Доминика. Съ 1214 г. онъ своими проповѣдями въ Германіи пытается созвать дружины крестоносцевъ въ походъ на альбигойцевъ. Его ревность къ дѣлу была страстная; талантъ церковнаго краснорѣчія замѣчательный. Его оригинальную рѣчь слушали тысячи и такъ какъ въ городахъ не оказывалось достаточно обширныхъ площадей и церквей, то Конрадъ уходилъ съ народомъ въ поля и тамъ подъ открытымъ небомъ поучалъ и увлекалъ толпы. Онъ обладалъ сильнымъ вліяніемъ на впечатлительныя натуры. Ландграфиня тюрингская Елизавета ему обязана своимъ мистицизмомъ. Она пріѣхала слушать его въ Марбургъ. Суровый аскетъ въ душѣ и на дѣлѣ, онъ не зналъ пощады къ слабостямъ и увлеченіямъ. Когда Елизавета умерла, онъ посвятилъ себя истребленію ереси; въ 1222 г. онъ сжегъ одного нераскаяннаго катара, пріора Генриха

([102]) Cantu (Gli eretici d'Italia; I, 107) неосновательно приписываетъ Бонифацію VIII введеніе тайнаго процесса, установленнаго гораздо раньше.

Гослара. Тогда штедингеры въ Фрисландіи стали проявлять геройскій духъ оппозиціи противъ Римской Церкви и феодализма; они отказывались платить десятину, воевали съ князьями и прелатами,—и этого было довольно для Григорія IX, чтобы уничтожить ихъ. Конрадъ былъ одинъ изъ тѣхъ, кому было поручено исполнить это рѣшеніе. Онъ пришелъ въ страну, когда князья и рыцари дрались съ этими отважными поселянами. Послѣ войны онъ перебывалъ во многихъ большихъ нѣмецкихъ городахъ. Богатыя способности этого человѣка направлялись на преслѣдованіе себѣ подобныхъ. Всюду онъ приносилъ съ собою проклятіе и безжалостный судъ. Попасться въ его руки значило или проститься съ жизнію, или навсегда опозорить себя. Его примѣру подражали прочіе инквизиторы. Онъ прощалъ еретиковъ не за сознаніе, а за доносъ на друзей; протестъ грозилъ костромъ; приговоръ постановлялся въ тотъ же день. Судъ однимъ взмахомъ вершалъ быстро и безпощадно, не требуя сознанія и не разбирая званія подсудимыхъ. Въ глазахъ его палачей всѣ были равны. Онъ началъ поселянами, а окончилъ баронами. Въ торопяхъ, въ этой «ревности не по разуму», онъ дѣйствительно сжегъ много знатныхъ и даже многихъ совершенно напрасно. Аппелляціи недопускалось, такъ какъ не было защиты, а личные протесты не принимались. Архіепископы кельнскій, трирскій и майнцскій пытались остановить его свирѣпость, но Конрадъ не только не слушалъ ихъ, но, оскорбленный ихъ вмѣшательствамъ, объявилъ крестовый походъ. Неизвѣстно чѣмъ бы окончилось это интересное столкновеніе, если бы Конрадъ не палъ отъ руки неизвѣстныхъ убійцъ. Его убили 30 іюня 1233 г. люди, къ которымъ онъ самъ никогда не имѣлъ никакой жалости и терпѣніе которыхъ превзошло всякую мѣру ([103]). Мар-

(103) О немъ двѣ спец. монографіи: E. Henke. Konrad von Marburg. Marb. 1861 и A. Hausrath. Der Ketzermeister K. von Marb. Heidelb. 1861.—См. также: Montalembert. Vie de sainte Elisabeth de Hongrie. — О жестокостяхъ Конрада см. Trithemius (Annales hirsangienses. S. Gal. I, 525): «Omnes qui coram eo semel accusati fuissent, et per judicium ferri candentis examinati, videbantur illum plures damnavisse innocentes dum candens ferrum a peccatis nullum reperiret alienum, quem exercere non posset, etiamsi haeresis crimine careret».

бургъ а за тѣмъ вся Германія радовались; освобожденные отъ тирана торжествовали. Помѣстный соборъ нѣмецкаго духовенства, подъ впечатлѣніемъ радости, постановилъ прекратить инквизиторскія слѣдствія въ Германіи и закрыть трибуналы. Но это не продолжалось и года. Въ 1235 г. въ бреве отъ 31 іюля, Григорій IX велѣлъ возобновить ихъ и снова завести духовные суды по всей имперіи.

Для того, чтобы болѣе поощрить доминиканцевъ, папа подтвердилъ канонизацію знаменитаго основателя ихъ ордена. Предъ лицемъ всего католическаго міра отъ 3 іюля 1234 г., онъ снова и болѣе торжественно заявилъ о великихъ заслугахъ Доминика, назвалъ его пастыремъ и вождемъ народа Божьяго, свидѣтельствовалъ объ его дарѣ чудотворенія, которое осталось присущимъ и его тѣлу, и предписалъ включить усопшаго въ число святыхъ, праздновать его память 5 августа, объявивъ при этомъ, что за посѣщеніе его гробницы дается индульгенція, прощеніе грѣховъ всѣмъ вѣрующимъ на одинъ годъ ([104]). Все это должно было возвысить доминиканцевъ въ глазахъ прочаго духовенства, которое относилось къ нимъ съ понятной ревностью. Ихъ опора и авторитетъ скрывались въ обаяніи все еще живыхъ воспоминаній о Доминикѣ, ходившихъ въ народѣ, но для остальнаго духовенства они оставались новыми, еще начинающими и неопытными дѣятелями.

Особенно были недовольны новой инквизиціей епископы. Они оказывали ей глухую оппозицію. Въ этой оппозиціи замѣчалась одна изъ причинъ трудности и медленности введенія инквизиціи. Къ столкновенію были поводы уже потому, что о новыхъ правахъ, предоставленныхъ доминиканцамъ, не было повѣщено оффиціальнымъ порядкомъ, какъ бы слѣдовало. Фактъ существовалъ, опираясь лишь на частные документы, данные ломбардскимъ, лангедокскимъ и испанскимъ доминиканцамъ, но еще не прошелъ обыкновеннымъ порядкомъ. Епископы, не имѣя формальной окружной буллы, которую Римъ будто все боялся издать, могли законно отстранять инквизиторовъ отъ исполненія ихъ новыхъ обязанностей. По канонамъ и преданіямъ духовный судъ всецѣло

(104) Bullarium Romanum; III, 483.—Срв. Ricc. di S. Germano. Muratori; scrp. VII, 992.

принадлежалъ епископамъ. Въ новомъ распоряженіи, въ которомъ имъ предлагали молодыхъ монаховъ, они видѣли деспотическое нарушеніе ихъ правъ и привиллегій. Если велико было почтеніе къ папскому престолу, то паствы не менѣе уважали и епископскій санъ, который вліялъ на нихъ непосредственнѣе. Съ понятіемъ о соборѣ, какъ высшей власти церковной и народной, связывалось представленіе о высокомъ смыслѣ этого сана, въ дѣйствительности потерявшаго свое прежнее значеніе. Другое препятствіе учрежденію инквизиціи заключалось въ государственной власти. Нельзя было лишить свѣтскихъ судей ихъ права участвовать въ процессахъ еретиковъ, права утвержденнаго за ними послѣдними законами Фридриха II и практикой всѣхъ государей. Свѣтской власти приходилось-бы дѣлиться съ молодымъ орденомъ верховнымъ правомъ жизни и смерти, подобно тому какъ епископы дѣлились съ нимъ своимъ значеніемъ и привиллегіями. Встрѣтивъ такую двойственную оппозицію, всякій другой папа, менѣе энергичный, отказался-бы отъ риска смѣлаго предпріятія. Но не таковъ былъ Григорій IX и его другъ Пеньафорте, люди, никогда не отступавшіе отъ разъ постановленной задачи.

Пеньафорте употребилъ все свое искусство, чтобы осуществить задуманную мысль, ловко провелъ новый корабль чрезъ всѣ подводныя скалы и крѣпко поставилъ его на якорь. Епископамъ внушили, что они ничего не теряютъ, что они имѣютъ право судить совмѣстно съ инквизиторами, когда того пожелаютъ. Ихъ утѣшили игрушкой права, такъ какъ хорошо знали, что при многочисленности ихъ занятій и ихъ склонности къ почестямъ, а не къ дѣйствительнымъ привиллегіямъ, они никогда сами не придутъ въ суды. Они стали потому тѣнью судей, а вся сила, знаніе и право остались за инквизиторами, которые со временемъ могли совершенно ихъ вытѣснить и дѣйствовать не только вполнѣ самовластно, но даже какъ безапелляціонное учрежденіе, независимо отъ римскаго престола. Что касается до свѣтской власти, то одной анаѳемы, которая безгранично расточалась папами въ то время, было бы достаточно, чтобы заставить непокорныхъ государей привести въ исполненіе всякую мѣру римскаго двора. Но, не пользуясь своимъ историческимъ могуществомъ, папство хотѣло съ обоюднаго согласія провести новую мѣру. Свѣтскимъ судьямъ предоставили также мнимое участіе въ трибуналѣ. Правительство и городъ назначали своихъ ассессоровъ и другихъ членовъ въ трибуналъ, которые постепенно лишались всякаго голоса въ каноническихъ дѣлахъ, имъ мало знакомыхъ, и которые опасаясь невольнаго, но легко возможнаго перемѣщенія на скамью подсудимыхъ, должны были подтверждать приговоры инквизиторовъ. Третья часть конфискованныхъ имуществъ шла въ вознагражденіе правительству за такую сдѣлку.

Преодолѣвъ эти препятствія, инквизиція встрѣтила новыя. Они заключались въ прiисканіи средствъ къ существованію трибуналовъ. Надо было платить свѣтскимъ судьямъ, содержать инквизиторовъ, тюрьмы, кормить плѣнниковъ, съ достаточной церемоніей исполнять постановленія инквизиціи. Для этого придумывали разные источники, но, не желая вооружить народъ новыми десятинами, сошлись на томъ, чтобы городъ содержалъ трибуналы на свой счетъ, а въ вознагражденіе пользовался долею конфискацій и штрафовъ. Заручившись правомъ существованія, скоро сдѣлавшись вполнѣ самостоятельной, инквизиція черезъ 4 столѣтія, стала не только грозою тѣхъ же епископовъ, но вмѣстѣ и императоровъ и даже самого римскаго престола, который подчинила своему контролю. Она совершала безнаказанно всякія злодѣйства, потому что убѣжденіе въ ея силѣ и даже святости укоренилось въ умахъ.

Она назвалась Officium Sanctae inquisitionis. Уже первыя возстанія противъ нее окружили ее ореоломъ какого-то страдальчества за правду. Протестъ, который сопровождалъ первые, робкіе шаги ея, выходилъ даже отъ самыхъ ревностныхъ католиковъ. Онъ вырывался какъ вопль негодованія средневѣковой общины, которая видѣла, что теряетъ свои существенныя привиллегіи, первой изъ которыхъ было право всякой личности судиться гласнымъ, болѣе или менѣе гуманнымъ и независимымъ судомъ. Для массы, въ первый еще разъ, послѣ введенія христіанства, религія явилась какимъ-то гнетомъ. Уничтоженіе ереси не могло искупить всего зла, какое приносилъ съ собою этотъ чуждый, азіатскій юридическій принципъ. Либеральныя римскія и германскія формы суда успѣли пустить глубокіе корни на Западѣ; вырвать ихъ могли лишь послѣ сопротивленія и именно только авторитетомъ религіи. Взрывы негодованія проявились во всѣхъ странахъ и нельзя не подмѣтить въ нихъ борьбы за старое право противъ

новаго, которое въ послѣдствіи организовалось у Ле-Бутельера и въ Каролинѣ по инквизиціонному образцу. Въ примѣръ можно привести исторію Роберта Бугра. Во Франціи, Людовикъ IX принялъ подъ свое покровительство страшнаго доминиканца, инквизитора Роберта, прозваннаго позорнымъ именемъ «Bougre». Его происхожденіе неизвѣстно; можетъ быть онъ дѣйствительно былъ изъ Болгаріи. Въ 1215 г. (по словамъ хрониста Альберика) онъ прибылъ въ Миланъ и былъ ревностнымъ катаромъ и проповѣдникомъ ереси. 20 лѣтъ жизни въ Миланѣ измѣнили его. Сквозь дѣятельность Доминика онъ не могъ не подмѣтить внутренняго обновленія Церкви католической. Онъ поставилъ Доминика своимъ идеаломъ. Мы не знаемъ, по искреннему-ли убѣжденію, или изъ выгодъ онъ отступилъ отъ ереси; первое вѣроятнѣе. Онъ поступилъ въ общество доминиканцевъ. Съ всегдашней ревностью отступниковъ онъ гналъ своихъ прежнихъ собратьевъ. Его знаніе ереси и краснорѣчіе пріобрѣли ему большой авторитетъ между доминиканцами и сдѣлали изъ него самаго опаснаго врага альбигойству. Онъ получилъ миссію во Фландріи и сѣверной Франціи около 1236 г. Тамъ неистовства его не знали предѣловъ. Онъ отличался отъ природы жестокимъ характеромъ, а теперь ему предстояло оправдать возлагаемыя на него ожиданія. По выраженію Матвѣя Парижскаго, онъ былъ и «обвинителемъ и палачемъ». Разъ онъ присудилъ къ костру 183 еретика въ одномъ мѣстечкѣ Шампани. Когда онъ въ жестокости своей перешелъ всякую мѣру и все чаще и чаще сталъ жечь невинныхъ ни въ чемъ католиковъ, то изъ Рима рѣшились напомнить ему объ осторожности. Но онъ не унимался. Тѣ полномочія, которыя онъ имѣлъ, сами собой увлекали суроваго доминиканца. Его судъ сдѣлался судомъ сатрапа, руководимаго какою-то сердечной ненавистью. Наконецъ папскимъ распоряженіемъ велѣно было обезумѣвшаго монаха посадить въ тюрьму, гдѣ онъ и кончилъ свою жизнь ([105]).

Подобные же факты случались въ Италіи. Во Флоренціи ересь долго пользовалась безнаказанностію. Тамъ по обычаю, первыя два воскресенья рождественскаго поста, архіепископъ торжественно вразумлялъ пріоровъ въ церкви Santa

([105]) **Matth. Par. a 1238.—Raynaldi; II, 201.**

Maria Novella, чтобы они преслѣдовали ересь и изгоняли еретиковъ, но безуспѣшно. Законы существовали, имъ присягали, но ересь, видимо задавленная въ Лангедокѣ, только усиливалась по всей Тосканѣ и Ломбардіи вплоть до 30 годовъ XIII столѣтія. Альбигойскій архіерей Филиппъ Патернонъ былъ задержанъ доминиканцами, но отрекшись для вида, получилъ свободу, благодаря могуществу сектантовъ Вмѣстѣ съ своимъ помощникомъ онъ сталъ дѣйствовать сначала. Нѣкоторые изъ его учениковъ страдали безуміемъ. Такъ, одинъ проповѣдывалъ съ закрытыми глазами, будто во снѣ; онъ толковалъ, что часто бываетъ на небѣ около божественнаго престола вмѣстѣ съ товарищами своими. Новый архіепископъ флорентинскій, Ферабоски принялъ болѣе рѣшительныя мѣры. Онъ устроилъ инквизиціонный трибуналъ въ монастырѣ Santa Maria Novella. Фра Руджеро де-Калканьи, изъ купеческаго семейства, былъ первый инквизиторъ въ 1243 г. Городъ далъ ему нотаріуса и безгласныхъ совѣтниковъ. Въ его рукахъ дѣло шло быстро,—началось штрафами, кончилось казнями. Еретическіе проповѣдники бѣжали въ Миланъ. Тамъ пока не было инквизиціи. Одинъ изъ допросовъ навелъ флорентинскую инквизицію на цѣлую политико-религіозную ассоціацію. Ея приверженцы были кавалеры и дамы съ аристократическими именами Барони, Пульче, Кавальканте, Убальдини и др. По политическимъ убѣжденіямъ они были гибелины, считали себя не подлежащими судамъ флорентинскимъ, имѣли свои собранія и за городомъ даже строили свою крѣпость, чтобы имѣть возможность укрыться въ случаѣ преслѣдованій инквизиціи. Руджеро имѣлъ смѣлость схватить нѣкоторыхъ, между ними нѣсколькихъ женщинъ изъ семейства Пульче и Поппи. На допросѣ Пульче смѣло говорила, что Христосъ не воплощался, что Дѣва Марія была не женщина, а одинъ изъ ангеловъ, что въ евхаристіи нѣтъ тѣла и крови Христовой. Между тѣмъ Барони произвелъ нападеніе на тюрьму и освободилъ плѣнниковъ. Франція раздѣлилась на двѣ партіи, за инквизицію и противъ нея; вооруженныя дружины той и другой стороны дрались между собой на улицахъ Флоренціи. Папа просилъ синьоровъ внушить горожанамъ уваженіе къ закону. На помощь Руджеро былъ присланъ изъ Милана тамошній инквизиторъ Петръ Веронскій. Въ молодые годы онъ былъ альбигоецъ, а въ зрѣлыхъ лѣтахъ отрекся отъ ереси и сдѣлал-

ся подобно Роберту фанатическимъ доминиканцемъ. Въ Римѣ возлагали на него большія надежды и поручили ему инквизицію въ Миланѣ. Онъ дѣйствовалъ, увлеченный горячею ревностью прозелита, и къ тому же обладалъ тайной вліянія на толпы.

Прибывъ въ 1244 г. во Флоренцію, онъ производилъ фуроръ своими проповѣдями. На площади каѳедрала не хватало мѣста для желающихъ слушать его. Синьорія расширила площадь, по его желанію. Партія анти-инквизиціонная была побѣждена народнымъ ораторомъ. Теперь онъ проявилъ также талантъ организаціи. Онъ устроилъ нѣсколько обществъ во Флоренціи, которыя должны были охранять св. инквизицію. Много дворянъ вызвалось по очереди держать стражу около монастыря доминиканцевъ; другіе должны были исполнять ихъ распоряженія. Это общество называлось «Sacra milizia dei capitani di Santa Maria.» Оно получило отъ Петра бѣлое знамя съ краснымъ крестомъ, которое цѣло еще по сіе время и хранится въ Santa Maria Novella. Въ немъ Петръ хотѣлъ воскресить доминиканскую «милицію». Тогда же появился во Флоренціи орденъ слугъ (serviti), который отдался инквизиціи и члены котораго исполняли разныя порученія и службы при инквизиторахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ усилились аресты и начались казни. Изъ процессовъ, большая часть которыхъ еще не напечатана, не видно, чтобы инквизиторы прибѣгали къ пыткамъ. Не хотѣвшихъ клясться они просто предавали въ руки синьоріи. Нѣсколько дамъ изъ фамиліи Поппи были казнены. Петръ и Руджеро привлекли къ трибуналу и самихъ Барони, но тѣ протестовали противъ суда, объявили его рѣшенія незаконными и безчеловѣчными, аппеллируя къ императору. Тогда борьба между Фридрихомъ II и папою сдѣлалась смертельною. Иннокентій IV, преемникъ Григорія IX, этотъ злой геній Фридриха II, долженъ былъ бѣжать изъ Рима со всей куріей. Императоръ принялъ участіе во флорентійскихъ дѣлахъ; тогда къ смутамъ религіознымъ присоединились политическія ([106]).

([106]) G. Villani. Storia fiorentina, l. VI, c. 33 (Muratori; XIII, 176) о политическихъ междоусобіяхъ 1244 г.—L. Aretino (Hist. del popolo fiorentino l. I, al fine) рѣзко обвиняетъ Фридриха II въ жестокостяхъ, не оцѣнивая смысла борьбы: Lui continuamente fu tanto crudele in queste cose che havendo presi alcuni della secta contraria... fece loro trarre gli ochi e tagliare emembri e ultimamente con varii tormenti gli fece morire: ma non passo molto tempo che n'ebbe degna punitione (мы пользуемся собственнымъ инкунабуломъ 1492 г. Fir.).—Cantu. Gli eretici d'Italia; I, 111—112.—Acta Sanctorum, apr. III, 688.

Императорскій подеста во Флоренціи, бергамозецъ Пезаньола, принявъ Барони подъ свое покровительство, въ свою очередь протестовалъ противъ постановленій инквизиціи и велѣлъ выпустить заключенныхъ на свободу. Здѣсь Фридрихъ II впервые всталъ на ту высоту, которая была достойна его генія. Онъ одинъ изъ государей явился въ этотъ моментъ благороднымъ сторонникомъ терпимости и защитникомъ гонимыхъ, хотя дѣйствовалъ въ такомъ смыслѣ не по искреннему влеченію, а по политической необходимости.

Дѣло далеко не кончилось смѣлымъ поступкомъ подесты. Оно только разгорѣлось болѣе. Инквизиторы торжественно отлучили Пезаньолу. Это вызвало еще большой раздоръ Враги новыхъ порядковъ встали на ноги; они опирались на императорскія силы. Разъ, во время воскресной проповѣди Петра, въ каѳедралъ ворвались еретики и началась свалка. Петръ послалъ за своею милиціей, а самъ скрылся. Побоище перешло на площади Santa Felicita и Trebbio. Инквизиторская партія одержала въ немъ верхъ. Когда же пришло извѣстіе изъ Ліона объ анаѳемѣ императора и о томъ, что онъ лишенъ престола, то соперники инквизиторовъ должны были уступить, чтобы навсегда покориться силѣ, хотя и съ болью въ сердцѣ. Съ 1245 года инквизиція восторжествовала и упрочилась во Флоренціи. Петръ возвратился въ Миланъ.

Здѣсь его суровая энергія искала новой борьбы; онъ разсчитывалъ на новую побѣду. Въ его отсутствіе, въ Миланѣ проявилась та же враждебная оппозиція противъ инквизиціи и даже противъ религіи, какъ и во Флоренціи, хотя въ городѣ было нѣсколько доминиканцевъ. Еретики, соединившись съ гибеллинами, наносили оскорбленія Церкви, мѣшали богослуженію, перевертывали кресты. Петръ открылъ знакомый трибуналъ и для примѣра нѣсколькихъ передалъ консуламъ для казни. Это подѣйствовало, хотя не уничтожило жестокой вражды миланцевъ къ ихъ гонителю. Пять лѣтъ продолжался этотъ терроръ. Что Петръ въ своемъ фанатизмѣ переходилъ извѣстные предѣлы, предоставленные инквизиторамъ, видно изъ слѣдующаго факта. Въ

1251 г., послѣ кончины Фридриха II, начались политическія волненія въ ломбардскихъ городахъ съ видимымъ участіемъ альбигойскаго элемента. Папа Иннокентій IV нашелъ необходимымъ послать Петра въ Кремону, а въ другіе города и мѣста Ломбардіи прочихъ доминиканцевъ, «для уничтоженія еретической заразы». При этомъ папа дѣлаетъ нѣкоторое наставленіе Петру. Онъ предоставляетъ дѣйствовать ему хотя самостоятельно, но опираться и на епископскій совѣтъ. Когда онъ найдетъ виновныхъ, и они послѣ допроса не захотятъ повиноваться вполнѣ приказаніямъ Церкви, то противъ нихъ, ихъ соучастниковъ и покровителей, онъ, указавъ предварительно послѣдствія ихъ упорства и прибѣгнувъ къ угрозамъ, долженъ поступать сообразно каноническимъ узаконеніямъ властью апостольской, призвавши противъ нихъ, если то потребуется, содѣйствіе свѣтской власти. Тѣхъ же, которые вполнѣ и искренно отрекутся отъ ереси, онъ можетъ принимать въ лоно Церкви, согласно канонамъ, но посовѣтовавшись съ епископомъ, наблюдая при томъ, чтобы не прокрались волки подъ наружностью агнцевъ. Это ограниченіе епископскою волею представляетъ поворотъ назадъ; оно могло быть вызвано только крайнею жестокостію и самовластіемъ Петра, такъ какъ не примѣнялось къ другимъ инквизиторамъ. Города, общины, начальства, вельможи за сопротивленіе имѣютъ быть отлучены и противъ нихъ поручается воздвигать крестовый походъ, какъ бы дѣло шло о завоеваніи св. земли. Въ заключеніе папа предоставлялъ Петру раздать по его желанію и выбору двадцати и сорока-дневныя индульгенціи тѣмъ, которые придутъ на его проповѣдь и принесутъ покаяніе ([107]).

Петръ поѣхалъ въ Кремону и навелъ тамъ такой же страхъ, какъ и въ Миланѣ. Онъ обошелъ еще нѣсколько мѣстъ, былъ въ Комо, и, возвращаясь на другой годъ въ Миланъ, получилъ назначеніе инквизитора по всей Ломбардіи. Но тамъ сами католики не желали переносить его жестокости и самовластія. Уже давно тамъ составился противъ него заговоръ; подкупали убійцъ и вѣроятно объ этомъ зналъ Петръ. По крайней мѣрѣ онъ всегда ожидалъ насильственной смерти и предсказывалъ ее. Разъ, онъ въ Ми-

([107]) Raynaldi, a. 1251. p. 448.

ланѣ, на площади Sant Eustorgio, въ присутствіи громадной толпы, прямо сказалъ: «Я знаю, что еретики оцѣнили мою голову и что уже приготовлена плата моему убійцѣ, но пусть будетъ имъ извѣстно, что на томъ свѣтѣ я буду страшнѣе, чѣмъ здѣсь». На этотъ разъ убійца выискался. Двое миланскихъ вельможъ Альлате и Оптроне, заплатили ему 40 ливровъ. Онъ пошелъ на встрѣчу Петру и встрѣтилъ его на половинѣ дороги. Онъ подошелъ подъ его благословеніе, долго шелъ съ нимъ рядомъ, потомъ нанесъ ему смертельный ударъ въ голову и скрылся. Петръ видимо долго боролся со смертью. Онъ одинъ лежалъ на пустой дорогѣ. Истекая кровью, онъ твердилъ послѣднюю молитву, потомъ прижалъ къ груди своей крестъ и, мертвѣвшею рукой написавъ на землѣ «credo», какъ бы свидѣтельствуя тѣмъ свою искренность, испустилъ духъ. Прохожіе узнали его, подняли и принесли въ монастырь. Доминиканцы похоронили его съ торжествомъ ([108]). Римская Церковь признала его святымъ и наименовала мученикомъ. На томъ мѣстѣ, гдѣ онъ погибъ, соорудили храмъ, а на площади Eustorgio, на память его кровавыхъ подвиговъ, красуется арка, одинъ изъ древнѣйшихъ памятниковъ средневѣковой скульптуры. На ней доминиканцы написали латинскую эпитафію, поучая потомство, какъ надо «мечемъ истреблять катаровъ» ([109]).

([108]) Acta Sanctorum, 29 apr. III, 686—727 (двѣ біографіи: вторая, — Th. Lentinus).—Praecl. Franc. fac. a. 1252 замѣчаетъ, что Петръ умеръ, увѣнчанный тройной короной, дѣвственника, доктора и мученика. — Raynaldi; II, 462. — Fr. Bellarinus. Chr. Com.—Campi. Hist. eccl. Placent. — Bullarium Romanum; III, 562. Рукопись Doat, - булла Александра IV о заточеніи Альлате; XXXI, f. 201.

([109]) «Praeco, lucerna, pugil Christi, populi, fideique—Hic silet, hic tegitur, jacet hic mactatus inique—Vox ovibus dulcis, gratissima lux animorum,—Et verbi gladius, gladio cecidit Catharorum» etc. Фра Томассо, авторъ этихъ стиховъ, въ панегирикѣ Петру Веронскому говорилъ, что св. Францискъ получилъ печать святости отъ Бога мертваго, а св. Петръ отъ Бога живаго. Это вызвало полемику и раздраженіе между францисканцами и доминиканцамии и неодобреніе Николая IV.

Ходилъ слухъ, что убійца бѣжалъ въ Форли и, мучимый совѣстью, сталъ вести подвижническую жизнь. Онъ принялъ схиму и былъ извѣстенъ подъ именемъ блаженнаго Маркелино. Горожане при жизни почитали его святымъ.

Иннокентій IV пришелъ въ страшное негодованіе, получивъ вѣсть о мученической смерти Петра. Онъ поклялся съ этой минуты не давать окончательно никакой пощады ереси. Инквизиціонныя преслѣдованія, которыя онъ самъ прежде сдерживалъ и которыя были причиной убійства, онъ теперь рѣшился не смягчить, а усилить. Это было тѣмъ легче для него, что онъ освободился теперь отъ другаго, болѣе страшнаго еретика. Фридриха II уже не боялась курія. Намъ слѣдуетъ нѣсколько оглянуться назадъ, чтобы оцѣнить то положеніе, въ которомъ находилась Римская Церковь въ 1251 г. и разсказать послѣдніе фазисы папско-императорской борьбы.—Съ кончиною Григорія IX то же не сокрушимое упорство, та же сила воли явились на папскомъ престолѣ. Стоитъ только кинуть бѣглый взглядъ на характеръ Иннокентія IV и его борьбу съ Фридрихомъ II, чтобы знать, какъ онъ взглянетъ на Ломбардію и Лангедокъ. Иннокентій IV принялъ тіару въ крайней опасности. Императоръ былъ отлученъ, но торжествовалъ надъ папой. Мы упоминали, что Григорій IX проклялъ Фридриха, но ничѣмъ не могъ подкрѣпить своей анаѳемы. Безтактностью буллы 1239 г. онъ отвратилъ отъ себя общественное мнѣніе въ Европѣ ([110]). Крестоносцы папскіе оказались безсильны. Запылали села Церковной Области, сдавались папскіе города и замки. Богатые монастыри не спаслись отъ грабежа. Григорій не уступалъ. Ежедневно съ религіозными процессіями онъ обходилъ свою столицу съ колокольчикомъ въ рукахъ и звалъ епископовъ со всѣхъ концевъ католическаго міра на римскій соборъ. Но сообщенія были прерваны. Проѣзжихъ духовныхъ задерживали и наказывали. Фридрихъ II смотрѣлъ теперь на всѣхъ монаховъ, священниковъ и епископовъ, какъ на личныхъ враговъ своихъ, уничтожалъ ихъ привиллегіи и не стѣснялся поступать съ ними какъ съ мятежниками. Если

([110]) **Matth. Par. a. 1229.**

бы онъ вопреки своему вѣку выигралъ борьбу, то Церковь лишилась бы свѣтской власти. Дряхлому и безсильному папѣ, все еще сохранившему непреклонный духъ—грозилъ позоръ плѣна. Григорій IX не дожилъ до такого униженія. Этотъ столѣтній старикъ умеръ (22 августа 1241 г.) въ самую страшную для него минуту и свою ненависть унесъ съ собою въ могилу. Фридрихъ II нарочно поддерживалъ внутренній безпорядокъ въ самомъ Римѣ, думая воспользоваться слѣдующимъ избраніемъ въ своихъ интересахъ. Дряхлый Целестинъ IV правилъ только одинъ мѣсяцъ. Полтора года папскій престолъ былъ вакантенъ. Иннокентій IV былъ избранъ лишь въ іюнѣ 1243 г. Казалось онъ могъ потушить борьбу. Онъ считался личнымъ другомъ Фридриха II и товарищемъ его дѣтства. По родовымъ убѣжденіямъ, онъ принадлежалъ къ партіи гибеллиновъ. Генуэзскій домъ Фіеско, изъ котораго онъ происходилъ, въ теченіи трехъ столѣтій вѣрно служилъ императорамъ. Синнибальдъ Фіеско былъ сыномъ императорскаго фисковаго начальника въ Италіи. Онъ съ самыхъ молодыхъ лѣтъ избралъ духовную карьеру Въ Болоньи онъ читалъ каноническое право. Первые шаги его духовной карьеры были успѣшны. Григорій IX сдѣлалъ его кардиналомъ. Фридрихъ II понялъ, что потерялъ въ немъ лучшаго друга, такъ какъ никогда папа не станетъ гибеллиномъ. Тіара ревниво требовала служенія только одной себѣ. Такъ случилось и теперь. Иннокентій IV тѣмъ же гордымъ тономъ повторилъ отлученіе Фридриха и потребовалъ, чтобы императоръ или оправдался въ взводимыхъ на него обвиненіяхъ, или оказалъ покорность Св. Церкви. Инаго примиренія не могло и существовать. Фридрихъ отвѣчалъ новымъ вторженіемъ въ папскія владѣнія. Иннокентій IV изъ города Сутри, гдѣ чуть было не попался въ плѣнъ саррацинамъ и еретическимъ наемникамъ императора, бѣжалъ въ Геную, а оттуда въ Ліонъ. Здѣсь былъ созванъ соборъ, на который приглашали и Фридриха II. Но онъ отказался признать его авторитетъ и послалъ своего легата Ѳадея Суезскаго. Краснорѣчіе послѣдняго было безполезно. Въ присутствіи 140 лицъ, императора константинопольскаго, и Раймонда VII тулузскаго, папа 11 іюля 1245 года торжественно объявилъ Фридриха еретикомъ съ тѣми, кто оказываетъ ему содѣйствіе, лишилъ его престола, разрѣшивъ подданныхъ отъ присяги и пове-

лѣлъ избрать новаго императора ([111]). Такъ порознь поражала Церковь свѣтскихъ государей, ловко разрознивая ихъ силы и могущество. Раймондъ тулузскій былъ теперь отмщенъ самой судьбой. Фридрихъ II, который нѣкогда предалъ его на жертву врагамъ и Церкви, казнился тѣмъ же оружіемъ. Этотъ рѣшительный ударъ былъ не только слишкомъ чувствительнымъ, но и роковымъ для императора. «Этотъ день гнѣва», какъ воскликнулъ Ѳадей Суезскій, печально освѣтилъ все будущее несчастнаго Фридриха II. Сперва императоръ хранилъ притворное спокойствіе. «Кто дерзнетъ тронуть корону на моей головѣ, говорилъ онъ. Какой это папа смѣетъ отлучить меня отъ общенія. Нѣтъ, не потеряется моя корона, только проливъ рѣки крови, папа и соборъ отнимутъ ее отъ меня». Но онъ съ отчаяніемъ погибающаго въ тотъ же годъ увидѣлъ, какъ все, что нѣкогда трепетало, стало покидать его, точно зачумленнаго. Въ Германіи избрали ландграфа Тюрингіи, Генриха Распе императоромъ. Этотъ поповскій король дѣйствовалъ правда не долго, но вся имперія охвачена была волненіемъ. Въ Германіи настала анархія кулачнаго права. Въ Италіи города Ломбардіи приняли сторону папы, который награждалъ ихъ за это инквизиторами. Фридрихъ II долженъ

([111]) Въ первомъ засѣданіи 29 іюня папа произнесъ рѣчь на текстъ: o vos qui transitis etc. Въ ней онъ между прочимъ сравнивалъ свои пять скорбей съ пятью ранами Іисуса Христа. Первая скорбь причинена ему безчеловѣчными татарами, которые опустошаютъ съ такимъ звѣрствомъ христіанскій міръ; вторая—расколомъ, т. е. еретическою Церковью, которая давно уже горделиво отдѣлилась отъ груди своей матери, какъ бы отъ груди мачихи (a gremio matris suae, velut novercae), третья—успѣхами новыхъ ересей, которыя запятнали много городовъ, особенно въ Ломбардіи, четвертая—св. Землею, въ которой гнусные Хоrazмійцы разрушили и срыли почти все, проливая потоки христіанской крови; наконецъ, пятая скорбь причинена владыкою міра, т. е. императоромъ, который вмѣсто того, чтобы быть защитникомъ Церкви, сталъ домашнимъ врагомъ ея, сильнымъ противникомъ и явнымъ гонителемъ намѣстниковъ Божіихъ. Ручьи слезъ текли изъ глазъ папы и стоны прерывали его рѣчь. Matth. Par. a. 1245.

былъ поспѣвать вездѣ, но онъ не могъ быть всегда въ мѣстахъ опасности, а тамъ, гдѣ его не было, сейчасъ начиналось отложеніе. Глава христіанскаго міра проповѣдывалъ тогда крестовый походъ, но не противъ мусульманъ, а противъ императора. Онъ сыпетъ сотнями индульгенцій тѣмъ, кто подниметъ оружіе на Фридриха; имъ простится всякое преступленіе и не только имъ, но даже ихъ отцамъ и матерямъ. Напротивъ страшныя наказанія ожидаютъ ослушниковъ, всѣхъ тѣхъ, кто сохранитъ хотя малѣйшую привязанность къ императору. Всѣ ужасы ада обрушаются на дерзновенныхъ,—и всѣ такіе города теряютъ свои привиллегіи, свои права; такіе бароны лишаются своихъ леновъ, духовные своихъ мѣстъ и степеней ([112]).

Подобные документы показываютъ лучше всего, какъ папство вырождалось нравственно съ того года, когда вступило въ борьбу съ Фридрихомъ II. Ничѣмъ оно не могло скорѣе подорвать своего авторитета, какъ поставивъ эту злобу дня дѣломъ всей Церкви. Отсюда понятно, на что въ чаду борьбы способна была Церковь противъ еретиковъ. Ихъ оставили въ покоѣ, пока не уничтожили Фридриха, — логика событій связывала судьбу одного съ судьбою другаго. Императоръ въ униженіи просилъ мира, ему отказали. Папа требовалъ войны на смерть. Ходатайство Людовика IX за императора было отвергнуто Иннокентіемъ IV. Церкви былъ нуженъ трупъ Фридриха II. Ходило темное подозрѣніе, что враги не остановились передъ ядомъ и что орудіемъ Рима, хотя неудачно, сдѣлался любимецъ императора, его канцлеръ Петръ Винейскій ([113]). Извѣстно только, что канцлеръ

([112]) Raynaldi, a. 1247; II, 370; a. 1248, II, 396, 399.

([113]) Объ этомъ кромѣ Матвѣя Парижскаго свидѣтельствуетъ и самъ Фридрихъ (Huill. Brèh. VI, 705—707, 708—709) въ двухъ своихъ письмахъ.—Петръ de Vineis приблизился къ императору съ 1221 г. Его рекомендовалъ архіепископъ палермскій, какъ способнаго юриста. Онъ былъ назначенъ однимъ изъ giudice императорскаго суда; скоро сдѣлался нотаріемъ, а потомъ протонатаріемъ, что соотвѣтствовало обязанностямъ канцлера. Онъ вышелъ, вѣроятно, изъ народа и уже по тому одному былъ по сердцу Фридриху. Онъ подавалъ мысль къ новымъ реформамъ и всѣ государственные акты времени Фридриха II редактирова-

былъ казненъ около того времени и вѣроятнѣе всего пострадалъ невинно, жертвою придворной зависти. Несчастія обильно сыпались на голову Фридриха II. Томительно грустно прошли для него эти послѣдніе годы. Умирая 13 декабря 1250 г. въ апулійскомъ замкѣ Фіорентино, на рукахъ своего любимаго сына Манфреда,—такого же поэтическаго энтузіаста, какимъ нѣкогда онъ былъ самъ,—Фридрихъ, въ одеждѣ цистерціанцевъ, исповѣдался и пріобщился изъ рукъ архіепископа палермскаго. Пылъ молодости охладѣлъ; страсти успокоились. Смерть его была мучительна. Къ страданіямъ недуга присоединилась тяжкая душевная боль. На одрѣ смерти онъ скорбѣлъ за проигранное дѣло свѣтской власти, за попранныя Церковью его законныя права. Онъ умеръ съ безнадежнымъ взоромъ на будущее.

Въ завѣщаніи «этотъ еретикъ и богохульникъ» завѣщалъ своимъ дѣтямъ и будущему императору Конраду «неизмѣнную покорность Св. Римской Церкви». Но чѣмъ отплатила эта всепрощающая Церковь своему побѣжденному, униженному и уже мертвому сопернику. Ея безграничное озлобленіе дошло на этотъ разъ до цинизма. «Какъ небеса не возрадуются, со всей свойственной ему оригинальностью восклицаетъ Иннокентій IV, извѣщая Европу о смерти Фридриха II, какъ земля не возвеселится! Молніи и бури, такъ долго гудѣвшія надъ нами, наконецъ утихли, благодаря не-

---

ны имъ. Онъ былъ заклятымъ врагомъ Рима и потому неестественно, чтобы онъ вступилъ въ секретную переписку съ папою и подкупилъ доктора отравить императора. Жестокость въ дѣлѣ Петра дурно рекомендуетъ Фридриха. Не разобравъ дѣла, онъ велѣлъ пытать его въ замкѣ S. Miniato и, ослѣпивъ, возилъ за собою по городамъ итальянскимъ,—«среди оскорбленія и пытокъ, пока надъ измѣнникомъ не будетъ исполнена послѣдняя казнь.» Instar enim pietatis est in hujusmodi sceleris correctione fuisse crudelem, пишетъ Фридрихъ II (Hist. dipl VI, 709). Всѣ три документальныхъ свѣдѣнія о дальнѣйшей участи Петра сходятся въ томъ, что онъ, въ отчаяніи, самоубійствомъ кончилъ дни свои. Одно изв. у Matth. Par. 1246, другое изъ флорентійской рукописи у Raumer (Gesch. von Hohenstaufen; IV, 595), третье изъ пизанскаго манускрипта у Huill. Brèholles (Pierre de la Vigne, 88).

изреченному милосердію Господа; теперь свѣжая роса и сладкіе зефиры. Исчезъ тотъ, который терзалъ насъ гнетомъ мученій ([114])». Самая смерть ненавистнаго императора не успокоила курію; она оставила ее въ какомъ то мрачномъ сомнѣніи. Монахи не вѣрили его смерти; они боялись воскресенія Фридриха ([115]). Этотъ страхъ, напущенный на Римъ загробной тѣнью врага, скоро найдя осуществленіе въ появленіи самозванцевъ, питался еще тѣмъ положеніемъ дѣлъ въ Германіи, которое не могло не быть благопріятно и еретическому движенію. Ужасныя междоусобія, полная анархія, затѣянная папой, продолжались въ ней долго послѣ смерти Фридриха II. Швабія и Рейнскія земли были особенно потрясены. Въ однихъ анналахъ по этому поводу читаемъ: «въ Церкви Божіей стали появляться странные (mirabiles) и бездѣльные еретики, которые созываютъ колоколами бароновъ и владѣльцевъ въ швабскомъ Галлѣ и публично проповѣдуютъ, что папа—еретикъ, епископы и прелаты—симонисты и еретики, нисшее духовенство и священники, подверженные человѣческимъ порокамъ и грѣхамъ, не имѣютъ власти вязать и разрѣшать, что всѣ они лишь морочили и морочатъ людей... Богохульствуя, эти грѣшники приказываютъ молиться за императора Фридриха и его сына Конрада, такъ какъ онидe оба добры и справедливы ([116])».—Обѣ стороны пострадали въ этой тяжкой борьбѣ и обѣ достаточно опозорили свой нравственный авторитетъ, обѣ вышли съ тяжелымъ урономъ, одна съ побѣдой, но съ потерею нравственнаго обаянія, другая побѣжденной, но посѣявъ въ мірѣ великій принципъ обновленія и освобожденія отъ клерикальнаго гнета. Къ сожалѣнію, Фридрихъ не хранилъ должнаго спокойствія для совер-

---

([114]) Raynaldi; a. 1251, II, 436—438.

([115]) Johannis Vitodurani. Chr. a. 1348.—Füsslin. Thes. hist. Helv. I, 86. Народный голосъ ожидалъ отъ спасителя-императора многаго. Онъ облегчитъ участь бѣдныхъ, вдовъ, сиротъ, ограбленныхъ. Монаховъ и монахинь онъ перевѣнчаетъ; священниковъ разгонитъ и духовныхъ вообще сотретъ съ лица земли. Послѣ всего онъ сложитъ свою корону на Масличной горѣ. Нельзя не видѣть въ этомъ протеста швейцарцевъ, задыхавшихся въ опекѣ духовенства. Цит. В. И. Бильбасовъ. Распе. 108.

([116]) Albertus Stadensis. Chronicon,—Pertz; XVI, 371—2.

шенія своего великаго дѣла. Онъ не всегда держалъ свое знамя на должной высотѣ и только смутно и то въ послѣдствіи созналъ свое назначеніе. Вмѣсто того чтобы опереться на враждебные Церкви элементы въ формѣ ересей, къ которымъ онъ лично не питалъ вражды, и тѣмъ усилить ихъ и создать дѣйствительную оппозицію, которая всегда стала бы за него, онъ дѣйствовалъ безсознательно, порывисто. Въ немъ то бурно проявлялись дикія, старыя начала нетерпимости, то оказывалось слишкомъ мало любви, мало пощады къ современности. Это зависѣло отъ его личности. Итальянскій гуманный духъ слился въ немъ съ варварской жестокостью и восточными нравами. Являясь по идеямъ представителемъ новаго времени, онъ по характеру оставался средневѣковымъ человѣкомъ. Неудача постигла его потому, что онъ не встрѣтилъ въ современникахъ достаточнаго сочувствія ни къ себѣ, ни къ тѣмъ идеямъ, которыми онъ хотѣлъ загладить свои прежнія ошибки.

Побѣдивъ его, Церковь осталась вполнѣ независимой, самостоятельной въ своихъ дѣйствіяхъ. Только Фридрихъ могъ бы остановить ея инквизиціонныя стремленія, если бы рѣшительно оперся на гонимыхъ за религіозныя убѣжденія и объявилъ себя ихъ покровителемъ. Теперь папство могло сосредоточиться на окончательномъ подавленіи всякаго сопротивленія. Годъ убійства Петра Веронскаго какъ разъ совпадалъ съ этимъ моментомъ. Мы замѣтили, что это убійство только болѣе ожесточило Иннокентія IV. Какъ нарочно, приходили вѣсти о новыхъ мятежахъ противъ инквизиціи.

Республиканскій духъ ломбардскихъ городовъ, которые нѣкогда такъ радушно привѣтствовали папу, какъ своего освободителя отъ императорскаго деспотизма, не могъ выносить наглаго нарушенія вѣчеваго права со стороны папы и его агентовъ. Скоро пострадалъ въ Кремонѣ за свою свирѣпость Фра-Роландо Въ Вальтелинѣ положительно нельзя было учредить трибунала. Явившіеся туда инквизиторы Фра Пагано да-Лекко и его товарищи были тотчасъ убиты. Въ Миланѣ убійство повторилось. Два вліятельныхъ и богатыхъ патарена удушили минорита Петра д'Арканьяго.—Но все это отчаянное сопротивленіе способствовало лишь окончательному упроченію инквизиціи. Пролитая кровь была безполезна.

Въ маѣ 1252 года Иннокентій IV подтвердилъ всѣмъ властямъ ломбардскимъ, что сопричастники по дѣламъ ереси должны быть немедленно изгнаны и имущества ихъ конфискованы. Приговоры, постановленные надъ еретиками, предписывалось неуклонно приводить въ исполненіе ([117]). Черезъ 4 дня тѣмъ же лицамъ послѣдовали болѣе подробныя указанія. Въ нихъ впервые читаемъ уставъ инквизиціи, намѣченный рукою папы. Въ немъ содержатся 38 постановленій; они, собственно, предназначены служить руководствомъ для бароновъ и городскихъ властей, регулируя ихъ отношенія къ инквизиторамъ. Всѣ узаконенія, изданныя относительно ереси были для нихъ обязательны, иначе за малѣйшее уклоненіе взыскивался неуклонно штрафъ въ 200 марокъ въ пользу коммуны и виновный само собой объявлялся клятвопреступникомъ и безчестнымъ. Какъ благопріятель ереси, заподозрѣнный въ чистотѣ своей вѣры, онъ лишался своей должности и всѣхъ почестей; навсегда возбранялось допущеніе его къ исполненію общественныхъ обязанностей. Всѣ еретики обоего пола и ихъ дѣти подвергались поголовному изгнанію, о чемъ въ городѣ предписывалось объявлять на народномъ собраніи. Папа зналъ, что исполнена эта мѣра быть не можетъ, такъ какъ гоненіе имѣло свою одинаковую силу во всей католической Европѣ; онъ зналъ, что дѣться некуда его врагамъ; только мусульманскія страны могли бы дать пріютъ еретикамъ. На третій день по вступленіи въ должность всякій подеста или правитель города долженъ избрать 12 католиковъ незапятнаннаго поведенія, 2 нотаріусовъ, которые вмѣстѣ съ двумя доминиканцами и двумя францисканцами составятъ инквизиціонный трибуналъ; при немъ имѣется нѣсколько служителей. Епископъ можетъ присутствовать въ немъ, если пожелаетъ. Подеста назначаетъ отъ своего имени въ трибуналъ ассесора, по избранію епископа или инквизитора. Власть трибунала простирается на весь дистриктъ діоцеза. Каждый изъ его членовъ можетъ распоряжаться порознь надъ еретиками. Свѣтскіе члены трибунала, называемые оффиціалами, могутъ смѣниться черезъ шесть мѣсяцевъ, но власть ихъ можетъ быть продолжена. Они из-

---

([117]) Bullarium Romanum; III, 551. Булла довольно сбивчива; между пунктами 24 и 31 противорѣчіе.

бавляются отъ исполненія всякихъ другихъ обязанностей. Трибуналъ содержится третьей частью конфискацій и штрафовъ. Въ случаѣ отлучки изъ города по дѣламъ вѣры, члены его оффиціально получаютъ отъ правительства 8 или 10 императорскихъ ливровъ. Всѣ должны помогать инквизиторамъ и содѣйствовать имъ всѣми способами подъ страхомъ пени съ дома 10 ливровъ, съ бурга 100, съ селенья 50. За личное сопротивленіе со стороны арестовываемыхъ, за покушеніе освободить еретика и еретичку изъ рукъ служителей, за недопущеніе агентовъ инквизиціи въ какой либо домъ или башню, на основаніи узаконеній Фридриха II, назначены конфискація, вѣчная ссылка и срытіе дома; если же тамъ найдутся еретики, то двойные штрафы противъ показанныхъ. Городское начальство обязано наблюдать за тюрьмами, гдѣ заключены еретики, имѣть для послѣднихъ особое помѣщеніе, гдѣ бы они были отдѣлены отъ разбойниковъ, и содержать ихъ на свой счетъ. Черезъ 15 дней арестованные приводятся къ допросу епископа, викарія или инквизитора. Осужденные за ересь передаются для наказанія въ руки свѣтской власти, которая поступаетъ съ ними согласно существующимъ постановленіямъ не позже какъ черезъ пять дней. Подеста или правитель города долженъ на своемъ судѣ пыткою или ужасомъ смерти (citra membri diminutionem et mortis periculum) заставить еретиковъ («какъ разбойниковъ и убійцъ душъ человѣческихъ») выдать имена ихъ единомышленниковъ, покровителей и защитниковъ, подобно тому, какъ заставляютъ прочихъ преступниковъ выдавать имена участниковъ злодѣянія. Но здѣсь была та разница, что еретики на пыткѣ должны были указать кстати и имущество своихъ собратьевъ. Три особыхъ свидѣтеля изъ надежныхъ горожанъ по особому назначенію ассесора подъ клятвою обязывались тайно слѣдить за еретиками дистрикта, указывать на ихъ имущества и тайныя собранія. Относительно способниковъ ереси было списано падуанское постановленіе Фридриха II. Имена осужденныхъ велѣно хранить въ особой книгѣ, которой имѣть 4 экземпляра: для города, епископа, доминиканцевъ и францисканцевъ и читать ихъ торжественно 3 раза въ годъ на народныхъ собраніяхъ. Штрафы должны взиматься не позже 3 мѣсяцевъ; тѣхъ, которые не могутъ заплатить въ срокъ, держать въ тюрьмѣ до уплаты. Эти пени и конфискаціи имуществъ дѣлятся на 3 части:

одна въ пользу городской общины, другая идетъ оффиціаламъ, а третья на образованіе фонда для искорененія ереси и прославленія вѣры, хранящаяся по указанію епископовъ и инквизиторовъ въ безопасномъ мѣстѣ. Если кто либо осмѣлится дѣлать измѣненія и облегченія въ этихъ постановленіяхъ безъ согласія апостольскаго престола, то свѣтская власть обязана счесть такого за защитника и благопріятеля ереси, подвергнувъ его диффамаціи и штрафу въ 50 ливровъ, а за неуплатою изгнанію, которое можетъ быть замѣнено лишь двойною пеней. На народныхъ собраніяхъ необходимо имѣть этотъ документъ, чтобы не могло послѣдовать какихъ либо несогласныхъ съ нимъ узаконеній, а также сдѣлать его извѣстнымъ и между сельскимъ населеніемъ. Новыя постановленія вмѣстѣ со всѣми прежними законами и статутами, когда либо утвержденными св. Престоломъ, имѣть въ четырехъ экземплярахъ, подобно списку еретиковъ.

Изъ приведеннаго изложенія буллы 1252 года можно вывести, что она вводила только два новыхъ пункта въ инквизицію. Она разрѣшала пытку ,а въ трибуналѣ уравнивала францисканца съ доминиканцемъ. Иннокентій IV не расположенъ былъ усиливать преимущества доминиканцевъ; оба ордена были одинаковы по своему назначенію въ его глазахъ.

Скоро опытъ показалъ, что монахи-инквизиторы, ревнуя о славѣ и чистотѣ св вѣры, не чужды земной корысти и выгодъ, хотя Доминикъ на смертномъ одрѣ произнесъ анаѳему противъ тѣхъ своихъ послѣдователей, которые внесутъ въ орденъ соблазнъ собственности. Папа разрѣшилъ итальянскимъ доминиканцамъ и инквизиторамъ вообще пользоваться вознагражденіями изъ штрафныхъ денегъ, предполагая тотъ же размѣръ, какимъ довольствовались свѣтскіе члены трибунала ([118]).

Такъ, учрежденіе, искавшее прежде однихъ духовныхъ задатковъ, постепенно получая свою организацію, обставилось чисто фискальными аттрибутами. Папа ударялъ самыя чувствительныя струны и скоро достигъ цѣли. Онъ возбуждалъ алчность, корысть, соблазнъ, пороки, устроилъ систе-

---

([118]) **Bullarium. III, 562,—30 янв. 1253 г.**

матическій грабежъ, облекъ его священной цѣлью, чтобы только уничтожать всякую оппозицію. Народный голосъ и одна легенда называли не безъ основанія Римскую Церковь эпохи Иннокентія IV и его преемниковъ мѣняльной лавкой.

Черезъ 2 года (9 марта 1254 г.), Иннокентій IV счелъ нужнымъ дополнить свой уставъ и вмѣстѣ сдѣлать его общеобязательнымъ не для одной Италіи. Онъ смѣло вводилъ въ законъ то, что утвердила практика еще съ 1229 г. и что стѣснялся предписать Григорій IX. Полагая, что обнародованіе именъ докасчиковъ и свидѣтелей было бы скандально и опасно (propter scandalum vel periculum), онъ строго запретилъ это обнародованіе. Тѣмъ не менѣе, оговаривался папа, эти лица должны пользоваться полнымъ довѣріемъ ([119]). Но постановленіе соборовъ уже давно предписывало такое правило. Такъ, въ Нарбоннѣ еще въ 1235 г. двѣнадцатымъ канономъ было запрещено открывать имена свидѣтелей, а 24 канономъ лангедокское духовенство предупредило желанія самой куріи; оно постановило принимать въ свидѣтели и обвинители даже преступниковъ и обезчещенныхъ, даже наконецъ сопричастныхъ преступленію, которымъ естественно ничего не оставалось терять ([120]). Все это было подтверждено послѣдующими соборами.

Престолъ императорскій утверждался цѣною гоненія еретиковъ. Конрадъ былъ послѣднимъ императоромъ изъ дома штауфеновскихъ герцоговъ. Конрадинъ былъ малолѣтенъ и его преслѣдовала Церковь. Авантюристъ Ричардъ Корнвалійскій получилъ отъ папы Александра IV приглашеніе занять вакантный нѣмецкій престолъ. Конечно, среди анархіи, объявшей Германію, Ричардъ могъ быть только номинальнымъ государемъ. Его никто изъ нѣмецкихъ князей не зналъ и не признавалъ. Онъ не успѣлъ даже короноваться. Но тѣмъ не менѣе онъ спѣшилъ отблагодарить папу и въ 1257 г. подтвердилъ смертную казнь за ересь, а имущество еретиковъ сдѣлалъ достояніемъ императорскаго фиска. За каждое богохульное слово, сорвавшееся съ языка, слѣдовало отдѣль-

---

([119]) § 4; III, 583.
([120]) Percin. Monum. conv. p. 96. — Vaissete (VI, 320) относитъ соборъ къ 1243 г.

ное наказаніе, также за суетную божбу. Судья дистрикта долженъ неуклонно слѣдить за такими людьми и не только облагать ихъ пенею, но не щадить ихъ тѣла и даже жизни. За злобное кощунство, какъ за ересь, полагалась смертная казнь. Недонесшіе виновны передъ закономъ ([121]). Можно представить, что сталось бы изъ Германіи въ рукахъ этого человѣка, если бы онъ утвердился на престолѣ.

Подобнаго же государя пріискивалъ Александръ IV и для сицилійскаго королевства. Послѣ паденія гогенштауфеновъ, завѣтною политикою Рима было не допускать соединенія южной Италіи и Германіи въ однихъ рукахъ. Урокъ былъ слишкомъ тяжелъ для папства. Фридрихъ II могъ тѣснить Римъ съ двухъ сторонъ. Манфреда Церковь не признавала и онъ былъ подъ отлученіемъ. Внукъ Иннокентія III, Александръ IV рѣшилъ поправить ошибку своего великаго дѣда. Судьба дала ему роль раздавателя престоловъ. Но въ безсильныхъ рукахъ эта роль стала призрачною. Тотъ самый Манфредъ, побочный сынъ Фридриха, котораго папа такъ презиралъ, возбудилъ противъ него интриги въ Римѣ и заставилъ его бѣжать въ Витербо. Оттуда папа посылалъ свои буллы. Раздаватель троновъ умеръ въ изгнаніи. Сынъ французскаго плотника изъ Труа, даровитый Урбанъ IV, призвалъ противъ Манфреда суроваго Карла Анжу, брата Людовика IX, женатаго на Беатриче, дочери послѣдняго графа Прованса. Французскому принцу суждено было на поляхъ Беневенто и Тальякоццо погубить послѣднюю отрасль гогенштауфеновъ, кровью и казнями устранить всякое сопротивленіе и воцарить въ Италіи ту же страшную нетерпимость, которая систематично водворялась тогда его братьями во Франціи и въ Лангедокѣ. Французскій папа торжествовалъ, не думая о будущемъ.

Климентъ IV (1265—68 г.), преемникъ Урбана IV, уроженецъ Лангедока, одинъ изъ легистовъ Людовика IX, только недавно принявшій духовное постриженіе и прославившійся своимъ инквизиторствомъ въ качествѣ архіепископа нарбоннскаго, былъ свидѣтелемъ осуществленія всѣхъ пылкихъ

([121]) Raynaldi, a. 1257; III, 3... ut bonis ejus in fiscum corpus ultimo supplicio afficiatur... secundum criminis (blasph.) atrocius in corpore et vita puniatur.

мечтаній куріи. Германія была безсильна и, казалось, погибала въ крови своихъ дѣтей; король Франціи былъ его другомъ; призракъ гогенштауфеновъ уже не могъ пугать; Церковь попрала всѣхъ своихъ враговъ; ея инквизиторы истребляли съ корнемъ послѣднихъ еретиковъ. Такими, можно сказать, ужасными успѣхами Римъ былъ обязанъ наслѣдственной энергіи и талантливости цѣлаго ряда первосвященниковъ, занимавшихъ престолъ съ самаго начала XIII столѣтія. Римъ былъ вторично въ зенитѣ своего могущества. До такого величія папство не доходило ни раньше, ни позже. Но, по непреложнымъ законамъ исторіи, тогда же началось его паденіе. Видимые успѣхи заключаютъ въ себѣ начало разложенія; послѣднее коренится въ первыхъ. Инквизиціонные трибуналы, гибель Фридриха II, водвореніе французовъ въ Италіи, — всѣ эти признаки торжества были вмѣстѣ причиной постепеннаго паденія папской силы. Тотъ же самый Карлъ Валуа, получивши престолъ на вассальныхъ условіяхъ отъ папъ (122), скоро снялъ маску ложной покорности, противопоставилъ физическую силу угрозамъ духовенства, прогналъ папу изъ Рима и сдѣлалъ прежнихъ властителей Запада своими орудіями.

Жалкое состояніе застало вождей католическаго міра на другой день ихъ полнаго счастія и торжества. Обводя торжествующимъ взоромъ Европу, они не могли и догадаться, что ихъ страшная сила грозитъ сдѣлаться лишь славнымъ преданіемъ минувшаго. Но созданную ими инквизицію уже нельзя было поколебать. Ея необходимость чувствовалась тогдашнимъ обществомъ сознательно. Она могла развиваться помимо папъ, потому что причины ея скрывались внѣ ихъ воли.

Въ Лангедокѣ, въ вмѣстилищѣ ереси, всякое равнодушіе къ исполненію желаній св. инквизиціи, принималось за сочувствіе къ ереси и за защиту ея. Въ этомъ смыслѣ отозвались соборы въ Альби 1254 г. и Безьерѣ 1255 г. (123). Они предписывали относиться къ рѣшеніямъ инквизиторовъ со всѣмъ рвеніемъ. Инквизиторы представляли дѣло свое даже

(122) Summarium изъ золотой папской буллы данной неаполитанскимъ анжуйцамъ приводитъ Summonte. Storia di Napoli; 3 ed. II, 177—179 и у др.

(123) Percin. Monum. 97.

на судъ народа, увѣренные, что онъ выскажется въ ихъ смыслѣ.

Александръ IV не уставалъ снабжать инквизиторовъ предписаніями изъ своего изгнанія, въ послѣдніе годы своей жизни. Онъ поставилъ инквизиторовъ совершенно самостоятельно и предоставилъ имъ право обвиненій и наказаній безъ совѣта съ епископами и ихъ викаріями. Еще 1 декабря 1255 г. онъ предписалъ провинціалу доминиканцевъ въ Парижѣ и начальнику (guardinus) французскихъ миноритовъ преслѣдовать и истреблять еретиковъ по всей Франціи, кромѣ Лангедока, которымъ спеціально завѣдовала тулузская инквизиція (124). Въ январѣ 1257 г. такое же неограниченное право было вручено ломбардскимъ инквизиторамъ, а въ декабрѣ того же года—тулузскимъ (125). Послѣдніе получили даже увѣреніе, «что никакой папскій легатъ и субделегатъ, никакой изъ папскихъ уполномоченныхъ никогда не можетъ произнести надъ ними и надъ ихъ четырьмя нотаріусами отлученія или исполнить какое либо церковное наказаніе, пока они занимаются карою ереси.» Только одному папѣ стали подчинены теперь инквизиторы, только его подпись могла рѣшить ихъ участь. Епископы были теперь потрясены въ своей силѣ.

Не раздѣляя ложной мысли объ исключительныхъ способностяхъ къ инквизиціи доминиканцевъ, Александръ IV тѣ же полномочія предоставилъ францисканцамъ. На практикѣ это уже давно существовало, напримѣръ въ Тулузѣ, гдѣ составъ инквизиціи былъ смѣшанный. Въ противоположность Григорію IX, Александръ IV питалъ особенное расположеніе къ ордену св. Франциска. Почти всѣ его буллы обращены къ миноритамъ по преимуществу. Но францисканцы, получивши теперь возможность открывать отдѣльные трибуналы по собственной инціативѣ, оказались не столь опытными въ своемъ дѣлѣ. Они обратились за указаніями къ папѣ по многимъ смущавшимъ ихъ вопросамъ. Разрѣшая ихъ, Александръ IV между прочимъ отстранилъ отъ подсудности инквизиторамъ всѣ дѣла о волшебствахъ и ложныхъ пророчествахъ, предоставивъ ихъ свѣтскимъ судамъ.

(124) Raynaldi, a. 1255; II, 530.

(125) Bullarium; III. 646.—Percin, 97.

Отпавшихъ духовныхъ онъ предписывалъ подвергать пожизненному заключенію послѣ предварительнаго разстриженія. Тѣхъ же духовныхъ, которые входили въ какую либо сдѣлку съ еретиками, инквизиторы могли сами помимо духовнаго начальства схватывать, судить и присуждать къ наказанію, имѣя въ виду, что наказанія надъ духовными лицами должны быть строже ([126]). Касса, принадлежащая инквизиціи, должна храниться подъ печатью епископа и трехъ надежныхъ лицъ, но расходоваться трибуналомъ, который даетъ епископу отчеты. Рекомендуя всѣмъ властямъ францисканцевъ, папа даровалъ духовнымъ членамъ трибунала полную индульгенцію, а свѣтскимъ — на 3 года. Наконецъ онъ предложилъ, чтобы въ городахъ и общинахъ еретики получали наказанія среди народныхъ собраній ([127]).

20 марта 1262 г. Урбанъ IV снова отнесся къ доминиканцамъ. Онъ подтвердилъ ломбардскимъ инквизиторамъ узаконенія своихъ предшественниковъ относительно ереси, но робко прибавилъ къ тому нѣсколько пунктовъ. Онъ пытался воскресить значеніе епископовъ, предлагая никого не присуждать къ наказанію безъ совѣщанія съ ними. Въ случаѣ спора онъ предлагалъ избирать посредниками двухъ духовныхъ для новаго допроса свидѣтелей, показанія которыхъ записываетъ нотаріусъ. Тайна показаній должна быть сохраняема всѣми, если того пожелаетъ трибуналъ, но имена свидѣтелей могутъ быть преданы гласности, если не предвидится изъ того дурныхъ послѣдствій. Во всякомъ случаѣ Урбанъ вполнѣ одобрилъ строгіе законы Фридриха II ([128]) и

([126]) Bullarium; III, 663,—27 сент. 1258 г.—Позднѣйшая инквизиція вопреки 4 пункту этой буллы главнымъ образомъ сосредоточилась на волшебникахъ и вѣдьмахъ, что строго возбранялось всѣми руководствами инквизиторовъ. См. Maestruzza di Bartol. da San Concordio, с 91.—Для Лангедока это запрещеніе послѣдовало ранѣе, 5 дек. 1257 г. Doat. Coll. XXXI, 244. — О немъ упоминаетъ Paulo Servita. Hist. della sacra inquisizione (манускриптъ Нац. Библ. fond italien, № 137), p. 7. § 19, — «se non contenivanno heresia manifesta». Сервита вообще ограничиваетъ кругъ дѣятельности инквизиціи.

([127]) Рядъ буллъ отъ 47—54, p. 666—671.

([128]) Bull. III, 687.—Llorente; I, 73,—для Испаніи.

въ распоряженіе инквизиторовъ предоставилъ индульгенціи. Они по прежнему были подчинены только папѣ. Въ Испаніи, въ силу его буллы, инквизиторство было предоставлено только доминиканцамъ. Имъ были переданы всѣ инквизиціонныя дѣла, начатыя другими. Назначали ихъ и смѣняли по своей волѣ—провинціалы доминиканскаго ордена, въ рукахъ которыхъ въ концѣ XIII вѣка оказались такимъ образомъ громадная власть и вліяніе.

Въ послѣдствіи, почти каждый первосвященникъ свидѣтельствовалъ мудрость Григорія IX и Иннокентія IV, оставляя ненарушимыми ихъ постановленія, и признавалъ законы Фридриха II образцовыми. Климентъ IV и особенно Григорій X, нѣкогда славно подвизавшійся въ бронѣ рыцаря подъ стѣнами Птолемаиды, вполнѣ ободряли воинственную дѣятельность нищенствующихъ братьевъ, но уже не могли вносить никакихъ измѣненій ([129]). Да и сама по себѣ инквизиція уже упрочилась и не нуждалась въ папскихъ указаніяхъ, развиваясь изъ самой себя.

Она опиралась на общественное сознаніе. Мы видѣли, что самое существованіе ея было невозможно, пока проповѣдь мира и любви находила еще слушателей. Если инквизиція упрочилась, то лишь потому, что эти голоса болѣе не раздавались и что самые замѣчательные люди эпохи, ея мыслители, были на сторонѣ нетерпимости. Даже голосъ св. Бернара былъ для нихъ непонятенъ. Съ спокойною совѣстью, попирая всякую истину, новые богословы весьма развязно увѣряютъ, что и Ветхій и Новый завѣтъ и всѣ Отцы Церкви повелѣваютъ истребленіе заблудшихъ. «Потому, пишетъ епископъ Лука, не должно щадить ни отца, ни сына, ни жену, ни друга, если въ нихъ присутствуетъ ядъ еретическій... Тотъ, кто убиваетъ нечестивыхъ, не совершаетъ человѣкоубійства»([130])....

([129]) Bull. III, 763,—18 янв. 1266 г. для Италіи и ранѣе, 28 іюля и 2 окт. 1265 г. для Испаніи. — Percin, 98—99,—20 апрѣля 1272 г.

([130]) Qui occidit impios, homicidium non committit. Lucas Tudensis. De altera vita adv. Alb. ed. Mariana, 190.

Въ половинѣ XIII вѣка появилась даже особенная философія убійства. Епископъ парижскій Вильгельмъ взялся по своему объяснить притчу Спасителя о плевелахъ и пшеницѣ ([131]). «Іисусъ Христосъ не велитъ сберегать плевелы, но только пшеницу; когда нельзя сберечь первыхъ, не вредя послѣдней, то лучше и не щадить ихъ. Отсюда слѣдуетъ, что тамъ, гдѣ нечестивые распространяются въ ущербъ народу Божьему, не слѣдуетъ давать имъ размножаться, а надо ихъ истреблять съ корнемъ и конечно тѣлесною смертію, когда нельзя искоренить иначе (quando alias eradicari non possunt).... Потому убиваютъ здѣсь по необходимости. Тотъ кто увѣряетъ, что сегоднишніе плевелы могутъ послѣ стать пшеницею, потому что могутъ обратиться къ стезѣ истинной, совершенно правъ, но такое обращеніе не есть фактъ (non est certum). А то, что пшеница дѣлается плеveломъ отъ общенія съ нимъ, это ясно и несомнѣнно... Обращеніе еретиковъ весьма легко и обыкновенно ([132])».

Величайшій изъ схоластиковъ и замѣчательнѣйшій умъ среднихъ вѣковъ, Ѳома Аквинскій, отказавшійся отъ всякихъ почестей и гордившійся однимъ именемъ «доктора», высказался также чистосердечно и рѣшительно за необходимость гоненія, хотя онъ не сочувствовалъ многому въ образѣ дѣйствій инквизиціи.

И это было высказано не въ силу симпатіи къ дѣлу братьевъ его ордена, а лишь по комбинаціи тѣхъ отвлеченныхъ соображеній, среди напряженія которыхъ провелъ всю жизнь этотъ человѣкъ. Его смущаетъ противорѣчіе факта съ евангельскимъ ученіемъ и онъ прибѣгаетъ къ пріемамъ схоластики, отречься отъ условій которой ему было невозможно, оставаясь дѣятелемъ тогдашняго католицизма. Еретики, говорилъ онъ въ своей Богословіи, прежде чѣмъ презрѣли Церковь, дали извѣстные обѣты относительно ея и потому ихъ слѣдуетъ принуждать физически сдержать обѣты. Принятіе вѣры есть конечно актъ доброй воли, но поддерживать ее — дѣло необходимости. «Можно ли терпѣть еретиковъ? Вопросъ этотъ представляется съ двухъ сторонъ: по отношенію къ самимъ еретикамъ и по отношенію къ Церкви. Еретики, взятые сами по себѣ, грѣшатъ и по-

([131]) Ев. отъ Матѳея; XIII, 28—30.
([132]) Guil. Par. Opera (1672). De legibus.I, 82.

тому они заслуживаютъ не только быть отдалены отъ Церкви отлученіемъ, но тогда же изъяты изъ міра смертію. Разрушать вѣру, которою живутъ души, преступленіе гораздо болѣе тяжелое нежели поддѣлывать монету, которая способствуетъ только жизни тѣлесной. Если же фальшивые монетчики, также какъ и прочіе злодѣи, по справедливости присуждаются къ казни свѣтскими государями, то тѣмъ съ большею строгостью слѣдуетъ относиться къ еретикамъ, которыхъ послѣ отреченія отъ ереси можно не только отлучать, но не несправедливо убивать. Что касается до Церкви, то она, исполненная милосердія къ заблудшимъ, желаетъ ихъ обращенія; потому она осуждаетъ не иначе, какъ послѣ перваго или втораго увѣщанія, согласно ученію апостола. Если и послѣ этого еретикъ упорствуетъ, то Церковь, не надѣясь болѣе на его обращеніе и въ заботѣ своей о спасеніи остальныхъ, отлучаетъ его отъ Церкви своимъ приговоромъ, предаетъ его въ послѣдствіи свѣтской власти для исполненія смертной казни... И если будетъ такъ, то это не противно волѣ Господней» ([133]).—По народной легендѣ, Спаситель нисходилъ бесѣдовать съ великимъ богословомъ, этимъ «doctor angelicus»...

Даже въ XV столѣтіи, когда истребляли послѣдніе остатки катаризма въ Босніи, въ дни начинавшейся зари Возрожденія, папа Евгеній IV въ докторальномъ тонѣ увѣрялъ своего легата въ Босніи, что преступленіе ереси искупается только смертію ([134]).

Свѣтская власть, вѣруя въ ту же идею, съ своей стороны продолжала оказывать всевозможное содѣйствіе инквизиціи. Реакція именно теперь дала папству такихъ коронованныхъ слугъ, которые фанатически были преданы ему, католицизму и Церкви. Это былъ контрастъ первой половинѣ XIII столѣтія. Людовикъ IX и Фердинандъ III кастильскій, эти иноки на престолѣ, были признаны святыми за свою католическую ревность. Послѣдній даже самъ приносилъ дрова на эшафоты, приготовленные для еретиковъ ([135]). Людовикъ IX всегда былъ готовъ жертвовать Церкви всѣми зем-

([133]) Summa totius Theol. (Col. 1640); II, 46—50.
([134]) Farlati. Italia sacra; IV, 257.

ными интересами и даже самой своей жизнью. Онъ былъ счастливъ, умирая за ея дѣло въ пескахъ Туниса, у стѣнъ древняго Карѳагена. Онъ выражаетъ собою только идеалы среднихъ вѣковъ; на его обликѣ не отразилось ни одной черты новаго времени. Онъ не внесъ ничего новаго ни въ исторію человѣчества вообще, ни въ государственную жизнь Франціи въ частности. Причиною его извѣстности, обаянія его имени въ потомствѣ было то, что онъ въ замѣчательной гармоніи воплотилъ въ себѣ много лучшихъ сторонъ минувшаго. Онъ не обладалъ организаторскими способностями и ради небеснаго воздаянія жертвовалъ земными выгодами Франціи. Онъ не скрывалъ этого отъ народа.—«Ты не король, а священникъ и монахъ», сказала ему разъ одна женщина. — Да ниспошлетъ Богъ лучшаго государя Франціи, отвѣтилъ ей король и приказалъ наградить ее. — Послѣдній могиканъ средневѣковой идеи, онъ бьется какъ рыцарь, во славу вѣры и Мадонны, пытаясь, на своихъ слабыхъ плечахъ поддержать феодализмъ; онъ былъ послѣднимъ государемъ, который питалъ сочувствіе къ нему вопреки династическимъ интересамъ; онъ никогда не хотѣлъ да и не способенъ былъ служить самому себѣ. Его доблесть отличалась также вполнѣ средневѣковымъ характеромъ. Самопожертвованіе, аскетизмъ, страхъ грѣха были стимулами его существованія. Талантливый жизнеописатель его передаетъ свой разговоръ съ королемъ на пути въ Египетъ.—Сенешаль, чтобы ты предпочелъ, спросилъ его Людовикъ, быть прокаженнымъ или совершить смертный грѣхъ?—Я, говоритъ Жуанвиль, никогда не обманывалъ его и не могъ; я сказалъ ему, что предпочелъ бы скорѣе 30 смертныхъ грѣховъ, нежели быть прокаженнымъ. Король обидѣлся и сдѣлалъ строгое внушеніе Жуанвилю: «такой нѣтъ проказы, которая стоила бы одного смертнаго грѣха».

Но если Людовикъ IX презиралъ эгоизмъ и хотѣлъ жить для ближнихъ, то нельзя согласиться, что онъ евангельски понималъ это ученіе. Воспитанный въ эпоху торжества узкихъ римскихъ идей, онъ въ своей кроткой и любящей натурѣ затаилъ одну ненависть, которая терзала его

(135) Lucas Tud. Choronicon usque ad a. 1236. l. IV— Schott, Hispania illustrata. IV.

всю жизнь, постепенно развиваясь. Прощая личныя поношенія, онъ не могъ простить поношеній вѣры. Сперва онъ надѣялся, что вынужденнаго содѣйствія Раймонда VII будетъ достаточно для подавленія ереси. Онъ принялъ подъ свое покровительство нищенствующихъ монаховъ и опредѣлилъ, какъ мы знаемъ, въ 1229 году плату за приводимыхъ еретиковъ. Для него ересь стала болѣе чѣмъ государственное преступленіе. Пеня полагалась за недонесеніе. Эта покупка естественно должна была смѣниться истребленіемъ непокорныхъ. Знаменитые Etablissemens de S. Louis, изданные въ 1270 году, являются самымъ крупнымъ памятникомъ нетерпимости и исключительности въ вопросахъ совѣсти. Они во многомъ опирались на мѣстные парижскіе кутюмы, которые также обрекали смертной казни еретиковъ (136). Такова была мораль среднихъ вѣковъ; даже самые чистые представители ея, кроткіе духомъ, какъ Ѳома Аквинскій и Людовикъ IX, заражались злобой и местью, неприсущими ихъ натурамъ, когда шелъ вопросъ о религіи; ихъ душу не могла утолить одна внутренняя борьба (137). Людовикъ IX считалъ себя и своихъ подданныхъ призванными мстить за Бога. Ни онъ, ни они не должны сами спорить съ врагами и еретиками. «Но обязанностью всякаго мірянина, читаемъ у Жуанвиля, въ случаѣ оскорбленія христіанской вѣры, прибѣгать къ своему мечу и вонзать его въ тѣла хулителей и невѣрующихъ такъ глубоко, какъ онъ войти можетъ». Странно было бы объяснять эту свирѣпость Людовика IX вліяніемъ на короля его друга св. Ѳомы Аквинскаго, который долго жилъ въ Парижѣ въ якобинскомъ монастырѣ въ улицѣ Санъ-Жакъ,—какъ принимаетъ Мартенъ (138). Строжайшій принципъ мести и насилія въ дѣлахъ вѣры проводился и парижскими кутюмами и ассизами іерусалимскими (139). Ярый легистъ и роя-

(136) Etabl. de S. Louis; l. I, c. 85. Подробный разборъ этого замѣчательнаго памятника средневѣковаго права у Sismondi; (Hist. des Francais; VIII, 62—97).

(137) Michelet. Hist. de France; II, 630.

(138) H. Martin. Hist. de France; IV, 284. — Sismondi (VIII, 24) приписываетъ много вліянія пріору доминиканцевъ въ Парижѣ.

(139) Въ случаѣ обвиненія рыцаря или барона въ ереси

листъ, первый проповѣдникъ королевскаго самодержавія, Бомануаръ, и тотъ говорилъ, что если бы король издалъ что либо противъ Бога и добрыхъ нравовъ, то не слѣдуетъ ему повиноваться ([140]). Въ Людовикѣ IX принципъ насилія совѣсти долженъ былъ воплотиться болѣе чѣмъ въ комъ нибудь изъ современниковъ, по искренности его натуры и по его способности фанатически отдаваться идеѣ. Онъ три раза въ недѣлю по постамъ жестоко бичевалъ себя плетью и три раза каждую ночь поднимался на молитву, какъ разсказываетъ его доминиканскій духовникъ. Онъ хотѣлъ быть королемъ по Писанію, судьей и царемъ ветхозавѣтнымъ. Онъ считалъ себя обязаннымъ давать отчетъ Богу въ своемъ правленіи. Онъ не лицемѣрилъ, подобно Фридриху II, не считалъ ересь государственнымъ преступленіемъ и не могъ владѣть собою отъ озлобленія, услышавъ, гуляя по улицамъ Парижа, какъ кто-то вслухъ оскорблялъ величіе Божіе. Онъ велѣлъ схватить дерзкаго и заклеймить раскаленнымъ желѣзомъ его губы. Когда за это противъ короля пошелъ ропотъ, то онъ сказалъ:—«я лучше бы самъ позволилъ исклеймить себя, чѣмъ допустить, чтобы подобныя кощунства произносились въ моемъ королевствѣ ([141])».—Папа Климентъ IV часто долженъ былъ удерживать короля отъ излишней жестокости и строгихъ мѣръ, поднятыхъ во имя Бога. Вмѣстѣ съ евреями и еретиками король изгонялъ католическихъ ростовщиковъ и банкировъ. Проценты были для него выраженіемъ личнаго интереса, а по его высоконравственной философіи эгоисты были неугодны Богу. Въ 1268 г. онъ изгналъ такимъ образомъ 150 банкировъ и конфисковалъ у нихъ имущества на 800 тысячъ ливровъ ([142]). Онъ самъ ни во что ставилъ личное оскорбленіе королевскаго достоинства и когда въ Лангедокѣ вспыхнуло возмущеніе въ 1243 г.

(Patalin).—«ses Pers le doivent juger à arder, et tout quanque li a, escheit au seignor par droit». Assises du royaume de Jerusalem, c. 266 (Beugnot. Recueil des historiens des croisades; lois, t. I).

([140]) Coustumes de Beauvoisis (ed. de Beugnot); II, 259.

([141]) Guil. de Nangiaco. Chron. a. 1259.

([142]) Sismondi, VIII, 26.

онъ ничѣмъ не мстилъ Раймонду VII, обязавъ его только оказать содѣйствіе въ изгнаніи еретиковъ. Онъ простодушно думалъ, что и духовенство руководится тѣмъ же безкорыстіемъ. Онъ полагалъ допускать католиковъ до владѣнія землями и замками еретиковъ, издалъ даже объ этомъ въ 1250 г. особый ордонансъ, но инквизиторы тотчасъ стали противодѣйствовать ему. Король уступилъ. По «Уложенію» 1270 г. опредѣлено только движимость отдавать католическимъ наслѣдникамъ, а недвижимость конфисковывать. Съ цѣлью разъяснить права той и другой стороны, короли назначали своихъ прокуроровъ во французскіе трибуналы. Они не имѣли вліянія на самое производство дѣлъ. Лучшія статьи уложенія Людовика IX касательно судопроизводства—напримѣръ сообщеніе всѣхъ документовъ подсудимому, арестъ обвинителя въ уголовныхъ дѣлахъ наравнѣ съ обвиненнымъ, необходимость показаній по крайней мѣрѣ двухъ свидѣтелей для допущенія пытки,—не примѣнялись къ духовнымъ судилищамъ. По уложенію,—напримѣръ ложное обвиненіе въ уголовномъ преступленіи вело на висѣлицу; для инквизиціи оно часто бывало необходимо. Костеръ, на который обрекало еретиковъ «Уложеніе», приравнивалъ ихъ въ юридическомъ смыслѣ къ развратникамъ и содомитянамъ. Всѣ прочія преступленія безпощадно наказывались висѣлицею, искалѣченіемъ, но не огнемъ. По своимъ сердечнымъ идеаламъ французскій король хотѣлъ пересоздать современное ему общество. Съ самоотреченіемъ и энергіей, но съ удивительнымъ заблужденіемъ, онъ стремился осуществить на землѣ Царство Христа, чистыхъ подвижническихъ нравовъ и хотѣлъ заставить развратныхъ, убійцъ и обманщиковъ пѣть хоромъ вѣчную молитву благодаренія Творцу. Онъ преслѣдовалъ эту цѣль до гроба. Для достиженія ея онъ имѣлъ одно орудіе—устрашеніе, средство, которое могло только развить зло, а не уничтожить его. Думая служить благу общества, Людовикъ IX служилъ своимъ личнымъ чувствамъ и ненавистямъ, самъ не замѣчая того.

Его преемники унаслѣдовали его систему. Филиппъ III подтвердилъ въ 1271 г. уставы своего отца касательно инквизиціи. Филиппъ IV Красивый вступилъ въ борьбу съ Римомъ, но тѣмъ не менѣе предписывалъ ордонансомъ своимъ бальи, сенешаламъ и вассаламъ оказывать содѣйствіе инквизиціи, обѣщалъ это подъ присягою инквизиторамъ и не-

уклонно исполнялъ постановленія трибуналовъ. Лукавый и жестокій дипломатъ, далеко не благочестивый и вовсе не ханжа, цѣнившій людей на столько, на сколько пользы они приносили своимъ достояніемъ, онъ пугается грознаго призрака свободной мысли. Играя презрительно папскимъ престоломъ и нанося непоправимый ударъ доселѣ непобѣдимому Риму, уничтожившій въ конецъ самого Бонифація VIII, онъ остается рабскимъ слугою инквизиціи. Онъ помогаетъ ей розыскивать и казнить не только враговъ католической Церкви, но даже враговъ позорно униженной имъ папской власти.

Новая французская династія Валуа въ лицѣ Филиппа VI объявила себя также на сторонѣ инквизиціи. Въ 1329 году были возобновлены всѣ прежнія узаконенія относительно еретиковъ и инквизиціи. По прежнему подъ старыми сводами св. Стефана, въ Тулузѣ, великій инквизиторъ принималъ присягу членовъ намѣстническаго управленія и тулузскаго капитула въ томъ, что они будутъ защищать св. Римскую Церковь, доставлять и обвинять еретиковъ, повиноваться *Богу, Римской Церкви и инквизиторамъ* [143]. Когда въ 1340 г. Людовикъ де Пуату, новый намѣстникъ королевскій, прибылъ въ Тулузу, то, не въѣзжая въ городскія ворота, сошелъ съ коня, преклонилъ колѣна и надъ Евангеліемъ поклялся соблюдать права и привиллегіи инквизиціи и уже послѣ того, хранить вольности города [144]. Папство наконецъ обезсилѣло. Первосвященники находились въ рукахъ французскихъ королей. Но авиньонское плѣненіе ничѣмъ не отразилось на инквизиціи. Ея сила на столѣтія пережила силу ея творцовъ.

---

(143) «Quod haereticos credentes, fautores et receptatores eorumque, persequemur et capiemus et capi faciemus, quandocunque poterimus, et accusabimus, et denunciabimus Ecclesie et Inquisitoribus si alicubi noverimus eos esse etc... Et in his et in aliis que ad officium Inquisitionis pertinent, erimus obedientes Deo, et Romane Ecclesie, et Inquisitoribus.» Liber sent. inq. Tol. apud Limborch. p. 1. Forma juramenti senescalli et curialiorum domini Regis apud Doat. Archives et reg. de l'inq. XXIX, 134.

(144) Guil. Bardinus. Historia chronologica parlamentorum Occitaniae apud Vaissete; VI, 586.

Въ XIV столѣтіи всѣ прежніе статуты инквизиціи соблюдались свято французскими королями. Только въ 1378 г. королевскіе чиновники отказались исполнять распоряженія инквизиторовъ о срытіи домовъ еретиковъ, что было весьма несущественно для дѣла. Папа Урбанъ VI согласился съ ними, но инквизиторы удержали за собой самое право.

Тулузская инквизиція, эта предшественница испанской, раньше и дольше послѣдней вліяла на гражданскую власть. Въ XV и XVI столѣтіяхъ она держала въ своихъ рукахъ членовъ капитула; она вычеркивала изъ списка тѣхъ, которые были подозрительны для нея. Напрасны-бы были протесты; парламентъ склонялся передъ ней. Съ удивленіемъ читаемъ въ протоколахъ инквизиціи, какъ еще въ 1549 г. консулы французскихъ городовъ обязаны были присягать въ томъ, что будутъ преслѣдовать, доносить объ еретикахъ г. инквизитору, содѣйствовать и уважать власть, права и привиллегіи св. инквизиціи [145].

Самъ Людовикъ XI, желѣзной рукой подавлявшій всякое сопротивленіе, долженъ былъ пойти на сдѣлку съ нею. Въ 1463 г. онъ выговорилъ себѣ у альбійскаго епископа половину пеней и конфискацій съ имуществъ жертвъ инквизиціонныхъ трибуналовъ. Такая живучесть заключалась въ прочной организаціи инквизиціи. Въ XVII вѣкѣ она была также сильна, горделива, спокойна среди бурь протестантизма какъ прежде, и смотрѣла на кальвинистовъ также, какъ-бы это были прежніе альбигойцы и вальдензы.

Въ послѣдствіи, когда новая инквизиція обагрила кровью Испанію, дѣло старой инквизиціи было уже кончено. Она сдѣлала все, что могла и своей исторіей служитъ живымъ примѣромъ и поученіемъ. Ей болѣе не встрѣчалось уже жертвъ, чтобы казнить; она стала одной муміей. Но титулъ ея служителей былъ уничтоженъ лишь предъ великой французской революціей. Оканчивая этимъ историческую часть, мы должны обратиться къ изложенію обрядовъ производства и къ практикѣ инквизиціи. Потомъ мы остановимся на ея жертвахъ въ Лангедокѣ и ихъ грустной исторіи, что составляетъ нашу непосредственную задачу. Войдемъ сперва внутрь ея трибуналовъ.

---

(145) Percin, p. 106 и рук. сборникъ Doat. XXXV, 214. Мы помѣщаемъ этотъ документъ въ приложеніи.

Учрежденія первой инквизиціи, сравнительно съ учрежденіями позднѣйшей, извѣстной подъ именемъ испанской, отличались характеромъ значительно умѣреннымъ ([146]). Самые заклятые враги католицизма, энциклопедисты XVIII вѣка, сознавали это и находили, что испанцы далеко превзошли итальянцевъ въ этомъ дѣлѣ и что они радикально измѣнили мысль и цѣль системы. Если ломбардская и тулузская инквизиціи домогались обращенія тѣхъ, кого называли еретиками, то испанская, руководимая исключительно національной исторіею, безусловно требовала истребленія ихъ.

Во всякомъ случаѣ, итальянское духовенство было изобрѣтателемъ цѣлой системы, хотя не развило ее до дикихъ [illegible]ностей и не отрѣшило ея отъ почвы нѣкоторой легальности. Оно руководилось въ своемъ принципѣ тою мыслію, что если практика исторической жизни допускаетъ военное ополченіе противъ людей, исповѣдующихъ католическія убѣжденія, какъ напр. крестовыя войны, то тѣмъ законнѣе и благотворнѣе вмѣшательство въ это дѣло гражданской силы. Если принуждать мечемъ къ исповѣдыванію истинной вѣры есть дѣло благочестія и великой заслуги предъ Богомъ, если это даетъ вѣнецъ мученичества; то во сколько благочестивѣе, полезнѣе и даже труднѣе дѣйствовать путемъ постояннаго надзора, искоренять въ душахъ грѣшниковъ ихъ заблужденія, принуждать ихъ къ тому наказаніями, предупреждать строгимъ примѣромъ распространеніе страшнаго грѣха и соблазна. Если грѣшнику и непознавшему Бога предстоитъ вѣчное осужденіе въ той жизни, то не лучше ли заставить его, хотя бы строгостію и силою, покаяться или познать истинную вѣру. Такъ какъ общество нечестивыхъ можетъ увлечь другихъ, то духовная полиція, послѣ суда, отдѣляла его отъ Церкви, изгоняла изъ стада на время или на всегда. Она думала оказать тѣмъ спасительную услугу ближнимъ и угодить Богу. Такъ инквизиція вытекла изъ крестовыхъ войнъ. Гражданское воинство, всегда готовое на борьбу за Римскую Церковь, т. е. доминиканскій орденъ, оказалось самымъ удобнымъ орудіемъ для цѣлей инквизиціи. Самъ

([146]) «L'inquisizione di Spagna trascese nell esercizio d'una giurisdizione, in cui gl'italiani suoi inventori usarono tanta dolcezza». Cantu. Gli eret. d'Italia; I, 115.

Доминикъ не предчувствовалъ, что его братство вступитъ на такую дорогу, и никакъ не полагалъ, что потомство легкомысленно сочтетъ римскіе курганы за могильныя насыпи, воздвигнутыя имъ надъ пепломъ еретиковъ ([147]) Инквизиторы были совершенно независимы отъ епископовъ и легатовъ; для нихъ не существовало ничего запрещеннаго; они проникали всюду. Они были тогда тѣмъ, чѣмъ послѣ стали іезуиты; на нихъ они походили богословской ученостью, искусной казуистикой, житейской ловкостью, ораторскимъ талантомъ, вліяніемъ на государей и вельможъ Подобно имъ, они, послѣ смерти основателя ордена, ревностно заботились о земныхъ благахъ. Францисканцы, ихъ собратья по должности, дѣйствовали на простой народъ своимъ подвижничествомъ и жизнію. Инквизиторъ могъ взять подозрѣваемое имъ лицо даже въ церкви, нарушая право убѣжищъ. Всякій католикъ, свѣтскій или духовный, подъ страхомъ отлученія обязанъ имъ содѣйствовать. Феодалы должны давать имъ конвой, городскіе магистраты полномочія. По установленнымъ понятіямъ они приравнивались своею властью къ епископамъ, но въ сущности они были могущественнѣе ихъ. Всѣ живущіе въ предѣлахъ его дистрикта, начиная съ государя страны, подсудны инквизитору, въ случаѣ преступленія противъ вѣры Только папа, легаты, нунціи, кардиналы епископы, лица близкія къ папѣ, были нѣсколько независимѣе отъ нихъ. О нихъ инквизиторъ сообщалъ по обыкновенію секретно священнику ([148]). Если бы инквизиторъ самъ подалъ поводъ къ подозрѣнію въ чистотѣ его вѣры, то епископъ могъ принять на него доносъ, но судить могъ только другой инквизиторъ ([149]). Инквизиторы имѣли особую свиту, которая исполняла ихъ приказанія и въ то же время составляла постоянную стражу; въ Лангедокѣ и Франціи она называлась fa-

([147]) Такой фактъ приводитъ Lamothe — Langon. Hist. de l'inq. en France; II, 67. Мѣсто это въ графствѣ Каркассонскомъ, около La-Grasse и наз. въ народѣ по преданію Auta des sacrificés. Народъ перенесъ на самого Доминика свирѣпость его послѣдователей.

([148]) Eymericus. Directorium inquisitorum, p. V, q. 25—27, 31.

([149]) Eym. V, 30.

miliers; въ Италіи caccia-cattaro, (гонители катаровъ). Впрочемъ, въ истребленіи еретиковъ помогалъ имъ съ удовольствіемъ всякій фанатичный католикъ, такъ какъ убійство еретика возведено было католическимъ ученіемъ въ богоугодное дѣло.

Чтобы спастись отъ внезапнаго нападенія на улицѣ, людямъ малоизвѣстнымъ въ городѣ слѣдовало нашивать крестъ на своемъ платьѣ. Оттого еще Доминикъ совѣтовалъ обращеннымъ ради безопасности имѣть на одеждѣ два креста, въ отличіе отъ католиковъ, которые большею частію носили одинъ крестъ. Это было подтверждено на безьерскомъ соборѣ 1233 г., когда для всего Лангедока сталъ обязательнымъ особый костюмъ для обращенныхъ. По такому костюму сейчасъ можно было признать въ немъ бывшаго еретика. На широкомъ и длинномъ платьѣ плебея и на узкой одеждѣ дворянина нашивались два большихъ, широкихъ желтыхъ креста, одинъ на груди, другой на плечѣ. Болѣе преступныхъ еретиковъ можно было узнать по капишону, который закрывалъ голову; на этомъ капишонѣ виднѣлся третій крестъ; у женщинъ густой черный вуаль съ чернымъ крестомъ. Отступники нашивали поперечную желтую полосу на кресты. Сосланные на острова, въ продолженіе изгнанія и на обратномъ плаваніи, могли ходить безъ этихъ знаковъ. Иначе, гдѣ-бы ни жилъ обращенный, его неотступно преслѣдовали желтые кресты ([150]).

Насколько можно видѣть изъ ненапечатанныхъ документовъ инквизиціи, подсудимые предъ судомъ трибунала раздѣлялись на шесть довольно отчетливыхъ группъ, сообразно коимъ слѣдовали различныя наказанія.

1) *Еретики* въ прямомъ смыслѣ, какъ преимущественно называли катаровъ, т. е. собственно альбигойцевъ—въ отличіе отъ вальдензовъ. Трибуналъ старался опредѣлить характеръ заблужденій подсудимаго: была-ли въ немъ ересь сознательнымъ убѣжденіемъ или проистекала отъ неполнаго знакомства съ католической догматикой. Къ послѣднимъ подходили такъ называемые богохульники (blasphemati), легкомысленно поносившіе Господа, не признававшіе или всемогущества или другихъ свойствъ Божіихъ.

([150]) Mansi (Conc. XXIII, 269) и Hefele (V, 916) невѣрно относятъ соборъ къ 1233 году, согласно Guil. de Pod. c. 43. См. Vaissete, notes, VI, 317.

2) *Подозрительные* (suspecti), которые давали поводъ сомнѣваться въ искренности своей вѣры или тѣмъ, что необдуманно говорили о предметахъ религіи, или тѣмъ, что присутствовали при обрядахъ еретиковъ. Трибуналы называли послѣднихъ сильно подозрительными (vehementer) и притомъ въ слѣдующей градаціи: присутствовавшіе при проповѣди, склонявшіе въ собраніи колѣна для молитвы или для благословенія, наконецъ называвшіе себя «buon 'uomini» добрыми христіанами. Подъ этими словами, какъ подъ лозунгомъ, скрывалось обыкновенно полное сочувствіе къ патаренству или къ альбигойству.

3) *Соумышленники* (fautores), къ которымъ причислялись укрыватели и защитники ереси. Они обыкновенно не раздѣляли еретическихъ убѣжденій вполнѣ, но оказывали явное и тайное содѣйствіе къ распространенію ереси, исполняя приказанія и просьбы еретиковъ. Они часто дѣлали препятствія дѣятельности трибуналовъ и всегда отказывали инквизиторамъ въ содѣйствіи; они, конечно, не доносили объ еретикахъ и покрывали ихъ; они оказывали содѣйствіе къ ихъ бѣгству и тайно посѣщали ихъ въ тюрьмахъ; они говорили, что осужденные наказаны несправедливо, или высказывали сожалѣніе объ ихъ заточеніи и смерти и благоговѣйно собирали пепелъ ихъ послѣ казни. Если, будучи обвинены во всѣхъ такихъ преступленіяхъ, подсудимые не могли доказать, что руководились лишь чувствомъ христіанскаго сострадангія къ ближнему, то переводились во вторую категорію подозрительныхъ, гдѣ наказаніе было несравненно строже. Къ соумышленникамъ же подходили тѣ феодалы, которые, вопреки обѣщанію, не изгоняли еретиковъ. Тѣ независимыя, коронныя или выборныя свѣтскія власти, которыя не заявляли рѣшительнаго содѣйствія инквизиціи, на случай народныхъ возстаній и не защищали инквизиторовъ, причислялись ко второй категоріи подозрительныхъ. Феодалы и муниципалитеты, не отмѣнявшіе по приказанію трибуналовъ тѣхъ своихъ распоряженій, которыя были вредны для успѣха инквизиціи, тоже часто считались подозрительными. Если адвокаты, нотаріусы и служащія лица скрывали документы, процессы, даже адресы еретиковъ, то они подлежали преслѣдованію, какъ соумышленники. Сюда же относились тѣ, которые во время производства дѣла отказы-

вались приносить присягу, или которые допускали церковное погребеніе на кладбищѣ лицъ, осужденныхъ трибуналами, или завѣдомо извѣстныхъ еретиковъ.

4) *Раскольники* (schismatici) хотя признавали вполнѣ католическую догму, но отрицали главенство папы и не признавали его видимой главой христіанской Церкви и викаріемъ Іисуса Христа на землѣ. Схизматики въ смыслѣ послѣдователей Восточнаго православія на практикѣ не подлежали суду инквизиціи, но принципъ требовалъ и ихъ осужденія, поэтому въ документахъ находимъ форму отреченія отъ греческой Церкви, сходную съ формою отреченія отъ альбигойства ([151]).

5) *Отлученные*, дѣйствительно пробывшіе подъ отлученіемъ болѣе года и не успѣвшіе получить разрѣшенія въ это время. Церковь полагала, что никакой искренній католикъ не можетъ жить внѣ ея такъ долго и что если онъ не чувствуетъ всей тяжести своего положенія, то слѣдовательно не представляетъ собою въ будущемъ ручательства за твердость своей вѣры, оставаясь равнодушнымъ къ церковному наказанію; между тѣмъ не испрашивая прощенія, онъ легко можетъ быть совращенъ еретиками, и потому его дѣло должно подвергнуться разсмотрѣнію трибунала.

6) *Невѣрные*, т. е. евреи и мавры, когда они подстрекаютъ католиковъ къ совращенію въ свою вѣру словами или письмами. Хотя они не подлежатъ законамъ церковнымъ и никогда не принадлежали къ обществу христіанъ, но самое свойство ихъ преступленія подчиняло ихъ суду трибуналовъ; государи не могли противиться этому, потому что только согласіе и одобреніе папы давало имъ извѣстныя права надъ такими отверженными.

Даже мертвые не избавлялись отъ преслѣдованія инквизиціи. Если слѣдствіе обнаруживало что либо касательно ереси покойныхъ, то ихъ трупы, по опредѣленію суда, тогда-же вырывали и жгли рукою палача; ихъ имущество отбирали у наслѣдниковъ и конфисковали, а ихъ имя торжественно предавали безчестію. Такъ, ратуя за идею нетерпимости, которая могла бы поколебать въ своемъ развитіи римскую систему, папство и инквизиція преслѣдовали не только фактъ, но и самую идею протеста, проявлялся-ли онъ въ живомъ человѣкѣ, въ трупѣ, или хотя только на бумагѣ ([152]). Мы должны остановиться на послѣднемъ, только что упомянутомъ проявленіи протеста. Когда составъ дѣятелей инквизиціи увеличился, то при главныхъ трибуналахъ, въ родѣ римскаго, миланскаго, тулузскаго,—на нѣкоторыхъ членовъ была возложена обязанность просматривать еврейскія и латинскія сочиненія, появившіяся въ публикѣ, особенно богословскія. Если при прочтеніи открывалось что-либо еретическое, темное или подозрительное, а въ еврейскихъ книгахъ кощунство надъ Христомъ, Богоматерью и католической Церковью, то цензоръ передавалъ книгу въ трибуналъ. Тамъ ее просматривали снова и почти всегда этотъ просмотръ кончался цензурнымъ постановленіемъ. Оно было трехъ родовъ: книга воспрещалась безусловно, допускалась съ нѣкоторыми исключеніями и тогда слѣдовало подробное перечисленіе непропущенныхъ мѣстъ, или допускалась къ обращенію послѣ исправленія. Въ Римѣ эта обязанность лежала на т. н. magister sacri palatii, назначаемомъ изъ доминиканцевъ. Каждый годъ въ Римѣ составляли списокъ (index) книгъ, осужденныхъ гдѣ бы то ни было, такъ или иначе. Во всѣхъ городахъ, на публичныхъ мѣстахъ, вывѣшивали этотъ списокъ и если кто осмѣливался послѣ того имѣть одно изъ поименованныхъ сочиненій, то ему нельзя было миновать знакомства съ инквизиціоннымъ трибуналомъ ([153]). Конечно автору прежде всѣхъ грозила эта участь съ самыми тяже-

([151]) Forma de reconciliatione et absolutione alicujus conversi a schismate, et ritu, et erroribus Graecorum. — Doat. Archives; XXIX, 67; XXX, 298—sub poena quae de jure debetur relapsis in haeresim. Срв. Eym. II, 48.

([152]) Llorente (I, 99—101) говоритъ еще о кудесникахъ, магикахъ, вызывателяхъ духовъ и авторахъ книгъ въ родѣ Ключа Соломона и Сокровища некромантіи, согласно позднѣйшему руководству Евмерика. О нихъ у Doat, XXV, 278. Но мы знаемъ, что буллами всѣ эти дѣла, а также некроманты, пироманты и т. п. были изъяты отъ инквизиціи. См. Maestruzza, с. 91 и выше прим. 126. Если въ протоколахъ встрѣчаемъ отреченія отъ волшебства (Doat. XXX, 284), то это было гораздо позже.

([153]) Mém. conc. l'Inq. p. 33.—Collection de Doat, XXIX, 287—289.

лыми послѣдствіями, но до этого доходило рѣдко. Книги были чаще всего анонимныя. Въ противномъ случаѣ авторъ скрывался куда нибудь далѣе отъ зоркихъ взоровъ мѣстной инквизиціи и перемѣнялъ свое имя. Трогательная заботливость инквизиціи о чистотѣ вѣры простиралась даже на отцевъ Церкви; и изъ нихъ, опредѣленіемъ трибуналовъ, часто вырывали цѣлыя страницы, особенно если онѣ не были благопріятны св. учрежденію или порядкамъ господствовавшимъ въ извѣстной странѣ. Первая инквизиція преслѣдовала по сохранившимся свѣдѣніямъ только въ предѣлахъ одной Ломбардіи: — Талмудъ, сочиненія францисканца Раймонда Лулли, доминиканца Раймонда Тарраги, обратившагося изъ іудейства и толковавшаго о вызываніи духовъ, каталонскаго врача Вилланова, визіонеровъ Гонзальви-де-Куэнца и Николая Калабрійскаго, лично видѣвшихъ дьявола не одинъ разъ, и Бартоломея Женовеса, предсказывавшаго пришествіе антихриста. Нѣкоторые изъ авторовъ пострадали лично. Трудно было лишить инквизицію книжной цензуры. Понятно, какъ она дорожила этимъ правомъ. Государственная власть долго боролась за цензуру съ инквизиторствомъ и получила ее себѣ въ наслѣдіе. Но еще въ 1605 г. кардиналъ Бароній писалъ королю Фридриху III, что папа и инквизиторы единственные законные судьи книгъ...

Всѣ приведенныя категоріи преступленій судились трибуналомъ такимъ способомъ, который въ своихъ основаніяхъ и послѣдствіяхъ губилъ всякую идею права и лишь внушалъ цѣлымъ поколѣніямъ страхъ къ такъ называемому инквизиціонному процессу, даже тогда когда онъ, не ограничиваясь средою церковною, сталъ примѣняться ко всѣмъ уголовнымъ преступленіямъ.

Трибуналъ былъ постоянный и подвижной. Скажемъ сперва нѣсколько словъ по поводу послѣдняго. Вотъ, ересь проникла въ небольшіе города и селенія. Съ предписаніемъ орденскаго провинціала являлся монахъ къ священнику прихода, гдѣ появились еретики ([154]). Онъ чаще всего былъ

([154]) **Doat; XXIX, 128 etc. Мы помѣщаемъ тулузскую инструкцію въ приложеніи, какъ еще нигдѣ не напечатанную. — См. также: Modus exam. haereticos. Doctrina de modo procedendi contra haer. (Mart. Dur. Thes. V, 1795). — Инструкціи для еретиковъ на соборѣ 1242 г. въ Террагонѣ и 1246 г. въ Безьерѣ (Mansi. XXIII, 553, 718).**

доминиканцемъ, иногда францисканцемъ; обыкновенно — человѣкъ среднихъ лѣтъ, съ замѣчательнымъ даромъ слова. Его сопровождаютъ секретарь, два мірянина въ черномъ платьѣ и иногда нѣсколько вооруженныхъ людей, тоже съ крестами на груди. Онъ велитъ священнику собирать прихожанъ. Въ своей проповѣди онъ говоритъ о высокомъ значеніи Римской Церкви, объ обязанностяхъ истинныхъ католиковъ, предъ самимъ собой, Святѣйшимъ отцомъ и Богомъ. Онъ объявляетъ себя инквизиторомъ и читаетъ текстъ присяги, которую должны повторять за нимъ всѣ присутствующіе. Они обязываются защищать Римскую Церковь и доносить объ еретикахъ. Увѣщаніе монаха дѣйствуетъ на трусовъ и фанатиковъ, которые въ тотъ-же день дѣлаются доносителями на лицъ подозрѣваемыхъ. Инквизиторъ сперва разспрашиваетъ доносчиковъ порознь, а потомъ велитъ привести обвиненныхъ. Каждаго безъ свидѣтелей спрашиваютъ объ его религіозныхъ убѣжденіяхъ. Допрашиваемый или путается или откровенно заявляетъ свою ересь. Его показанія записываетъ нотаріусъ. Если обвиненный отказывается говорить, то послѣ угрозъ прибѣгаютъ къ пыткѣ, къ которой искусно приступаютъ тѣ самые люди, которые съ нимъ прибыли....

Гораздо торжественнѣе появленіе инквизиторовъ въ столицѣ или большомъ городѣ, гдѣ они учреждали свою постоянную резиденцію, и откуда распускали свои сѣти на прочія мѣстности. Ихъ обыкновенно двое: одинъ доминиканецъ, другой миноритъ. Доминиканецъ пользуется нѣкоторымъ преимуществомъ. Оба имѣютъ папскія полномочія. Они начинаютъ свою дѣятельность тѣмъ, что отправляютъ письмо къ самому государю, или мѣстному феодалу и представляются архіепископу или епископу. Послѣдній обыкновенно закрывалъ свой судебный трибуналъ съ прибытіемъ особыхъ судей и становился номинальнымъ предсѣдателемъ инквизиціоннаго трибунала. Онъ, конечно, обѣщаетъ утверждать своею скрѣпою ихъ приговоры ([155]). Въ борьбу вступать съ такими гостями было-бы и безполезно и не безопасно. Король обыкновенно велитъ написать циркуляръ всѣмъ своимъ намѣстникамъ, чиновникамъ, магистратамъ съ приказаніемъ

([155]) **Eym. III, 47 — 53.**

содѣйствовать инквизиторамъ безпрекословно, арестовывать всякаго, кого они укажутъ, наказывать какъ они опредѣлятъ и ссылать всякаго туда, куда они назначатъ. Магистраты городовъ обязаны имъ приготовлять помѣщенія и снабжать всѣми удобствами въ случаѣ переѣздовъ ихъ самихъ или ихъ помощниковъ. Намѣстникъ королевскій или начальникъ города являлся лично къ прибывшимъ; сейчасъ приносили Евангеліе и, склоняясь въ прахъ предъ могуществомъ Церкви, онъ клялся надъ нимъ, что будетъ исполнять приказанія инквизиціи: иначе ему грозило бы отлученіе и отрѣшеніе отъ должности. Инквизиторъ предлагалъ ему пригласить нѣсколькихъ выборныхъ и благонадежныхъ горожанъ для присутствія въ трибуналѣ и дать стражу, если въ городѣ нѣтъ ассоціаціи или «воиновъ-Христа». Въ ближайшій праздникъ—въ каѳедралѣ торжественное богослуженіе. Скромный доминиканецъ всходитъ на каѳедру и съ страстнымъ убѣжденіемъ, съ какимъ то фанатизмомъ, взываетъ покаяться всѣхъ невѣрующихъ и заблуждающихся, пока есть время. Потомъ читаютъ присягу доноса. Инквизиторъ объявляетъ, что если еретики или уклонившіеся въ чѣмъ либо отъ истинной вѣры явятся добровольно въ трибуналъ и искренно покаятся, то будутъ подвергнуты лишь простому церковному покаянію, но что если въ продолженіи мѣсяца на нихъ послѣдуютъ доносы, то съ ними будетъ поступлено по всей строгости инквизиціонныхъ законовъ.

Цѣлый мѣсяцъ такимъ образомъ принимались доносы отъ всякаго, кто желалъ погубить или оклеветать своего врага. Подсудность преступленій была широкая. Нельзя было ручаться, что самые благочестивые католики свободны, напримѣръ, отъ обвиненія по третьей статьѣ. Для ненависти существовало непочатое поле. Наставало время сикофантовъ и никогда въ городѣ не развивалась въ такой степени, вслѣдствіе страха, деморализація, какъ въ эти дни. Даже лучшимъ людямъ приходилось лицемѣрить, ханжить. Какая-то свинцовая тяжесть чувствовалась въ воздухѣ. Всѣ показанія записывались въ книгу съ обозначеніемъ доносчиковъ. Если кто либо изъ обвиненныхъ являлся раньше истеченія мѣсяца и сознавался въ ереси или въ сочувствіи къ ней, то доносъ не имѣлъ значенія. Но вотъ прошелъ установленный срокъ. Всѣхъ доносчиковъ приглашали въ трибуналъ, каждому изъ нихъ объявляли, что процессъ по доносамъ можетъ чиниться двоякимъ образомъ: обыкновеннымъ обвинительнымъ порядкомъ и инквизиціоннымъ и предлагали выбрать одинъ изъ нихъ. Въ первомъ случаѣ, въ случаѣ неосновательности обвиненій, грозило наказаніе, по законамъ римскимъ и обычнымъ присуждаемое клеветникамъ. Надо было имѣть несомнѣнную увѣренность въ правотѣ своего обвиненія и въ силѣ наличныхъ фактовъ, разсчитывая погубить врага безъ собственнаго риска. Потому немногіе соглашались на такой процессъ. Большинство всегда предпочитало инквизиціонный путь. Обыкновенно обвинители отвѣчали, что они не могутъ ручаться за достовѣрность всѣхъ имѣвшихся у нихъ обвиненій, что обвиняемый можетъ быть и не еретикъ, и слухи, которые ходятъ про него, можетъ быть и несправедливы, что главнымъ побужденіемъ къ ихъ доносу было ничто иное, какъ боязнь не исполнить повелѣній св. престола, что лишь потому они передали такіе слухи, что они не желаютъ рисковать своею участью, и потому просятъ скрыть свои имена. Въ подтвержденіе же своихъ обвиненій они могутъ представить свидѣтелей.

Засѣданія происходили въ опредѣленные дни и часы. Въ Тулузѣ, напр., по средамъ и субботамъ, отъ 2—4 часовъ Но большія дѣла нарушали такой порядокъ. Въ каждомъ большемъ городѣ Европы былъ непремѣнно доминиканскій монастырь. Одну изъ залъ его очищали для засѣданій трибунала. Въ Тулузѣ онъ имѣлъ даже особый домъ, бывшій нѣкогда прародителемъ всѣхъ доминиканскихъ монастырей. Такойже домъ былъ въ Каркассонѣ, богатый архивъ которой служитъ источникомъ для исторіи инквизиціи. При такихъ монастыряхъ, въ подвальныхъ этажахъ, обращенныхъ во дворъ, часто устраивали тюрьмы съ желѣзными дверями и рѣшетками, безъ пола и безъ свѣта. Если въ какомъ монастырѣ тюрьмы не было, то городъ обязанъ былъ или приготовить особое помѣщеніе для церковныхъ преступниковъ въ своей темницѣ или выстроить особую тюрьму.

При входѣ въ монастырь и въ залъ трибунала стояла инквизиціонная стража. Въ низенькой, но большой комнатѣ, въ которую едва прорывался слабый свѣтъ изъ маленькихъ оконъ, невзрачной, какъ всѣ помѣщенія того времени, съ узорчатымъ деревяннымъ потолкомъ, за длиннымъ столомъ, на широкой лавкѣ сидѣли инквизиторы въ бѣлыхъ и коричневыхъ сутанахъ, съ шапочками на головахъ, подпоясанные

веревками. Около нихъ помѣщался архіепископъ, епископъ или архидіаконъ въ парадномъ костюмѣ, за ними нѣсколько священниковъ и человѣкъ 10 или 20 черныхъ оффиціаловъ трибунала. На стѣнѣ висѣли—булла и крестъ, эмблема инквизиціи. На особомъ мѣстѣ помѣщался нотаріусъ, или секретарь, чаще всего тоже изъ духовныхъ, а иногда одинъ изъ консультантовъ, къ которымъ судьи обыкновенно мало обращались. Сперва приглашали свидѣтелей и, послѣ прочтенія извѣстнаго внушенія, отбирали и записывали ихъ показанія. Такимъ образомъ составлялся цѣлый актъ, который снова прочитывался вслухъ свидѣтелямъ, при чемъ спрашивали ихъ подтвержденія. По этому акту постановляли приговоръ объ арестѣ обвиняемаго. Въ тотъ же день его сажали въ тюрьму. На слѣдующее засѣданіе стража вводила подсудимаго. Ему прочитывали обвиненія неизвѣстнаго лица, гдѣ рядомъ съ истинными подробностями естественно перемѣшивались ложь и клевета. Немногіе имѣли смѣлость сразу и прямо называть себя еретиками. Съ ними дѣло кончалось скоро или обращеніемъ, соединеннымъ съ наказаніемъ, или казнію въ случаѣ упорства. Обыкновенно главный инквизиторъ начиналъ допросъ подсудимаго, искусно испытывая его въ вѣрѣ. Для этого у инквизитора имѣется особая инструкція ad haereticos. Допросы по пунктамъ незначительнымъ варіировались лишь по качеству обвиненія. Но количество вопросовъ оставалось почти всегда одинаковое. Записавъ показанія, инквизиторъ сравнивалъ ихъ съ словами доносчиковъ и допрошенныхъ свидѣтелей. Въ случаѣ, если подсудимый начинаетъ сбиваться, противорѣчить самому себѣ, обвиняетъ въ клеветѣ неизвѣстнаго доносчика, то снисходительный инквизиторъ могъ показать ему копію доноса, но съ пропускомъ именъ. Онъ могъ спросить его—нѣтъ-ли у него личныхъ враговъ, давно-ли и почему они питаютъ злобу къ нему и кто именно. Онъ также будто случайно напоминаетъ ему имена лицъ, сопричастныхъ обвиненію, интересуется въ какомъ отношеніи онъ находится съ ними, а если оказывалось, что подсудимый не имѣетъ противъ нихъ ничего, то уже не могло быть мѣста оправданію. Продолжая упорствовать, онъ одинаково навлекалъ на себя или осужденіе, если попадалъ въ руки снисходительныхъ, или мученія пытки, если имѣлъ несчастіе стать жертвою какого нибудь суроваго фанатика.

По 26 канону нарбоннскаго собора 1233 г. для осужденія не требовался даже допросъ. Достаточно было одного показанія свидѣтелей, чтобы обвинить; всякое отпирательство было напрасно и не имѣло никакого значенія. А въ свидѣтеляхъ никогда не было недостатка. По 24 канону того же собора даже преступники, обезчещенные люди и лишенные всякихъ правъ, могли быть годными свидѣтелями ([156]). Даже сами еретики могли съ пользою пригодиться для такого дѣла. По булламъ они никогда не могли свидѣтельствовать ни противъ католика, ни за еретика, но всегда могли показывать противъ своихъ собратьевъ ([157]). Жена, дѣти, домашніе и прислуга подсудимаго не могли говорить за него, но всегда имѣли право показать противъ него. Потому, инаго исхода въ большинствѣ случаевъ не было, кромѣ осужденія и наказанія. Личному произволу открывался полный просторъ. Подсудимый видѣлъ вездѣ обвинителей и нигдѣ не встрѣчалъ защитниковъ. Наконецъ извратилось самое положеніе суда. Разъ, архіепископъ нарбоннскій, предсѣдатель суда, явился въ тоже время обвинителемъ еретика Бернара Ото, его братьевъ и матери. Это было большое дѣло съ 35 подсудимыми. Одинъ изъ послѣднихъ сказалъ въ глаза архіепископу, что лучше знаетъ и понимаетъ вѣру чѣмъ онъ самъ и всѣ прелаты на цѣломъ свѣтѣ ([158]). Нерѣдко подсудимый могъ въ самомъ трибуналѣ въ лицѣ инквизиторовъ столкнуться съ палачами.

Еще до введенія инквизиціи, на всемъ Западѣ, прибѣгали къ испытанію огнемъ и водою, какъ къ средству до-

---

([156]) In hujusmodi crimine, propter ipsius enormitatem, omnes criminosi et infames, et criminis etiam participes, ad accensationem vel testimonium admittantur. Doat; XXXI, 206.

([157]) Двѣ буллы Александра IV въ протоколахъ Doat, — XXXI, 206, 281, — во Францію и въ Лангедокъ 1257 г.

([158]) Этимъ дѣломъ открываются протоколы тулузской инквизиціи (Doat. Collection; XXI, 34—50). Кромѣ архіепископа Петра, было еще 6 духовныхъ свидѣтелей и 90 другихъ. Обвиненія были б. ч. голословны, нпр. Quod audivit dici a pluribus fide dignis, et ita credit esse quod B. Otho sit credens... Credit etiam firmiter quod B. a catholicis hereticus reputatur et terra ipsius quotidie inficitur, et timetur infici haeretica pravitate.

знанія истины. Такой обычай господствовалъ и въ варварскіе и въ темные вѣка. По древнимъ германскимъ преданіямъ еще языческой эпохи, всякій, выдержавшій такое испытаніе, считался оправданнымъ. Судъ огнемъ и водой былъ короткимъ и правымъ въ глазахъ людей, не вышедшихъ еще изъ дикаго кочеваго состоянія. Этимъ людямъ могло казаться, что само божество вмѣшивается правосудно въ дѣло человѣка и посылаетъ слабому смертному могучія силы выдержать страшное испытаніе. Введеніе пытки въ процессахъ религіозныхъ было однимъ изъ наслѣдій, переданныхъ германскимъ язычествомъ христіанскому міру и Церкви. Испытаніе въ сущности было пыткой; за то, вынесшій то и другое, одинаково являлся оправданнымъ. Но служители христіанскаго Бога оказывали несравненно меньшее сострaданіе къ вынесшему пытку, чѣмъ язычники; они не признавали его правымъ, если бы онъ продолжалъ отрекаться отъ ереси и если бы на ихъ глазахъ оказалъ чудеса геройства, потому что эти люди не могли примириться ни съ какою уступкой, не нарушивъ своихъ основныхъ принциповъ. Понятно, что ордаліи дикихъ, грубыя сами по себѣ, являлись чѣмъ-то благороднымъ, сравнительно съ пыткою, введенною въ трибуналахъ инквизиціи. Развившись изъ языческихъ ордалій, пытка сперва и носила такой характеръ. Извѣстія о первыхъ пыткахъ въ религіозныхъ дѣлахъ тщательно занесены въ лѣтописи. Въ 1144 г. въ Суассонѣ въ первый разъ подвергли испытанію водой найденныхъ тамъ катаровъ, потомъ въ Арассѣ въ 1182 г. ([159]). На реймскомъ соборѣ 1157 г. было постановлено пытать еретиковъ раскаленнымъ желѣзомъ. Въ Безансонѣ въ 1209 г. и въ Страсбургѣ въ 1212 г. эта пытка была примѣнена къ вальдензамъ ([160]). Это привело въ негодованіе папу Иннокентія III, который сдѣлалъ строгій выговоръ епископамъ и на латеранскомъ соборѣ 1215 г. въ 18 канонѣ воспретилъ это варварство. Но послѣ его смерти злоупотребленія епископовъ возобновились. Въ 1217 г. пытали еретиковъ въ Камбре ([161]). Но тогда, выдержавшій пытку могъ еще надѣяться получить оправданіе. Когда инквизиція упрочилась съ 1233 г., то она эксплуатировала эту наивную вѣру германскихъ племенъ въ ордаліи. Въ ея рукахъ испытаніе сдѣлалось лишь принудительнымъ средствомъ къ сознанію. Такъ какъ она юридически не нуждалась въ признаніи подсудимаго, то пытка являлась ничѣмъ какъ орудіемъ жестокости. Впрочемъ должно замѣтить, что она была заимствована изъ свѣтскихъ судовъ. Одинъ изъ инквизиторовъ наединѣ руководилъ истязаніями; ему нужны были только служители и иногда секретарь; послѣдній былъ тоже изъ духовныхъ. Конрадъ марбургскій отличался особенной изобрѣтательностію въ пыткахъ, добиваясь для оправданія своей совѣсти признанія. Но личности въ родѣ Конрада марбургскаго или Петра веронскаго были исключеніями даже между инквизиторами. Сравнительно съ испанской эпохой, инквизиція Лангедока и Италіи употребляла пытки весьма рѣдко. Тогда какъ въ Испаніи инквизиторы почти все дѣло производили въ пытальной камерѣ, доминиканцы перваго времени, за ничтожными исключеніями, относились къ ней съ внутреннимъ отвращеніемъ. Они старались дѣйствовать не на тѣло, а на духъ подсудимаго. Они никогда правда не стѣснялись обманомъ и лукавствомъ, хотя дѣйствовали вообще кротко. Большинство инквизиторовъ разсчитывали на свою итальянскую ловкость и на краснорѣчіе([162]). Они пугали подсудимаго страхомъ смерти, рисовали ему ужасы ада. Въ темницѣ грозили ему дать очную ставку съ свидѣтелями, что отстраняло само собою всякое снисхожденіе. Наконецъ въ казаматъ являлись бывшіе знакомые и друзья несчастнаго, подосланные инквизиціею. Они уговаривали его во всемъ сознаться, чтобы избѣгнуть смерти. Тотъ увѣрялъ ихъ, что обвиненіе вымышлено, что онъ честный католикъ, наконецъ

([159]) Цитаты у Schmidt. Hist. des Cathares; II, 183.
([160]) Regesta Innoc. III; XI, 46; XIV, 138.
([161]) Ces. Heisterbacensis. Illustria miracula, 167.

([162]) Нотаріусъ и секретарь, выбранные изъ священниковъ или мелкаго духовенства, въ силу буллы отъ 9 дек. 1256 г., отнимали всякій характеръ правосудія и самостоятельности отъ трибунала. Въ буллѣ не скрывали цѣли: Nos tamen in favorem fidei, cujus in hac parte negotium geritur etc. Doat; XXXI, 198, также f. 271, подтверждено въ 1260 г. Но въ послѣдствіи явились во Франціи широкія гарантіи для нотаріусовъ, ставшихъ агентами королевскаго прокурора; объ этомъ у Doat, XXXI, 15.

клялся въ томъ. Тогда инквизиторъ приказывалъ привести жертву въ пытальную камеру. Страшныя орудія, хотя не доведенныя еще до позднѣйшаго усовершенствованія и позднѣйшей утонченности, непривѣтливо выглядывали съ разныхъ концевъ. Жертва была непреклонна. Инквизиторъ говорилъ подсудимому, что его клятва ложная, что онъ напрасно клевещетъ на себя и навлекаетъ тѣмъ на инквизицію тяжелую обязанность ([16]). Пытки одна за другой слѣдовали по ихъ тяжести, дыбомъ, водой и огнемъ. Немногіе могли дотянуть до третьей. Это разнобразіе и методичность истязаній могли появиться только послѣ буллы Иннокентія IV 1152 г., гдѣ вѣжливо пытка скрывалась подъ словами «умаленіе членовъ». Инквизиція взяла отъ свѣтскихъ судовъ готовыя формы пытки и ея орудія. Постоянное вздергиваніе по блоку, отъ котораго растягивались мускулы и хрустѣли кости въ обыкновенной пыткѣ испанскихъ инквизиторовъ, нѣсколько подходило къ смыслу этого выраженія, но это ничѣмъ не напоминало германскія ордаліи. Палачи были одѣты въ длинную черную одежду кающихся; ихъ голова была закрыта капишономъ, въ которомъ прорѣзаны были только отверстія для глазъ, носа и рта. Они связывали назадъ руки подсудимаго, поднимали его по блоку на воздухъ за веревку, нѣсколько времени держали въ такомъ положеніи на воздухѣ, и потомъ сразу кидали на землю Ужасные крики, которые тогда издавала жертва, никто не слышалъ, такъ какъ пытки производились обыкновенно ночью, чуть не подъ землею, откуда не проникалъ ни одинъ звукъ. Давъ пытанному придти въ себя, приступали къ нему тотчасъ же или немного спустя съ новыми допросами, за которыми могла послѣдовать пытка водой. Подсудимаго опаивали, вливали воду въ носъ, въ уши до онѣмѣнія. Это сопровождалось еще наружными истязаніями, страшной болью отъ гвоздей, которыми была истыкана скамья и которые впивались въ тѣло. Еретикъ истекалъ кровью, но его могли подвергнуть новой ужаснѣйшей пыткѣ: разводили огонь, клали ногами къ пламени и палили под

([163]) Jvonetus. Tract. de haer. paup. de Lugduno,—Mart. Dur. V, 1789.

судимаго медленнымъ огнемъ ([164]) Каждая пытка продолжалась около часа. Но, повторяемъ, разукрашенныя подробности пытокъ, которыя связаны съ памятью объ инквизиціи, относятся преимущественно къ испанской эпохѣ, къ временамъ истребленія мавровъ, евреевъ, колдуновъ, вѣдьмъ, къ XV—XVI столѣтіямъ.—Въ XIII и XIV вѣкѣ въ Ломбардіи, Лангедокѣ, Франціи и Италіи, пытка примѣнялась рѣдко; орудія ея были грубѣе и проще; системы и утонченностей почти не существовало. Личная жестокость какого нибудь инквизитора значила здѣсь столь-же какъ всякій фактъ свирѣпаго насилія, деспотизма и имѣла смыслъ частнаго явленія. Въ 1311 г. Климентъ V, если не могъ возбранить пытку, то по крайней мѣрѣ ограничилъ ея приложеніе. Въ силу Климентинъ для нея требовалось непремѣнное согласіе епископа.

Такъ или иначе, но признаніе отъ подсудимаго добывали. Защитить его никто не могъ. Трибуналъ былъ учрежденіемъ закрытымъ; проникнуть въ него постороннему безъ приглашенія было почти невозможно. Всякая дружба, преданность, энергія замирали на его порогѣ. Но въ свободныхъ городахъ Италіи и Лангедока, съ издавна привыкшихъ къ суду гласному, съ присяжными и защитниками, не могло не проявиться попытки внести защиту и въ духовный трибуналъ. Вѣроятно вслѣдствіе этого Григорій IX издалъ буллу, въ которой запрещалъ свѣтскимъ судьямъ, адвокатамъ, нотаріусамъ оказывать какую либо защиту подсудимымъ, подъ опасеніемъ лишенія должностей. Это было между прочимъ подтверждено соборомъ въ Альби 1254 г., который подобную попытку подводилъ подъ преступленіе, предусмотрѣнное въ статьѣ о соумышленникахъ ([165]). Единственно, что допускалось, и то вѣроятно для лицъ высокопоставленныхъ въ духовной и свѣтской іерархіи, — это апеляція къ папѣ. Тогда всѣ документы, протоколъ и приговоръ, посылали въ Римъ. Тамъ, согласно каноническому праву, папа утверждалъ или измѣнялъ сентенцію. Инквизиторы лично ѣздили въ Римъ оправдываться и давать объясненія. Только папа могъ взять

([164]) Mém. conc. l'inq p. 27.—Подробнѣе Llorente для позднѣйшаго времени.

([165]) Coll. de Doat; XXI, 89 – 103.

подъ свое покровительство ([166]). Кардиналы изрѣдка являлись разбирать жалобы на инквизиторовъ. Такъ продолжалось до половины XIV столѣтія. Но потомъ и эта слабая узда была снята. Евмерикъ въ своемъ руководствѣ говоритъ, что авторитетъ и достоинство суда требовали, чтобы судьи не были уравнены въ своемъ положеніи со сторонами. Пользуясь тогдашнимъ вавилонскимъ плѣненіемъ, инквизиторы избавились отъ всякаго надзора и въ такомъ ореолѣ непогрѣшимости застаетъ ихъ эпоха королевы Изабеллы, время ихъ господства надъ министрами и народами.

Провансальская инквизиція не всегда была безпощадна—она знала оправдательные приговоры. Тогда трибуналъ выдавалъ подсудимому копію съ своего постановленія, въ которомъ имя обвинителя конечно не упоминалось. Тѣнь подозрѣнія все-таки оставалась; подсудимый былъ близокъ къ преступленію по убѣжденію инквизиторовъ, и легкое каноническое наказаніе, какъ то: усиленная молитва, земные поклоны считались необходимыми. Въ то же время, оправданный получалъ отъ инквизитора секретно, ad cautelam, разрѣшеніе отъ всякаго дальнѣйшаго преслѣдованія за свой мнимый проступокъ.

Разбирая громадную массу протоколовъ, чаще всего встрѣчаешь приговоръ, объявлявшій подсудимыхъ въ положеніи подозрѣваемыхъ. При многочисленности подсудимыхъ, при томъ характерѣ процесса, когда малѣйшаго желанія всякаго лица было достаточно для привлеченія кого угодно къ отвѣтственности,—это было весьма естественно. Улики были ничтожныя, свидѣтель твердилъ однѣ стереотипныя фразы: я слышалъ, какъ говорили, и т. п. Подсудимый оказывался съ виду истиннымъ католикомъ, но разъ закравшееся подозрѣніе нельзя было уничтожить никакими дово-

---

([166]) Въ док. Doat—распоряженіе Климента IV въ 1268 г. о буржуа Альмарикѣ де Кастро, по дѣлу котораго были посланы два кардинала (XXXII, 46). Въ дѣлѣ убитаго Петра Веронскаго папа сдѣлалъ собственное распоряженіе (XXXI, 201). Срв. наше примѣч. 108.—Въ 1266 г. Климентъ IV простилъ де Лили изъ Венессэна и освободилъ его отъ пожизненнаго заточенія (XXXII, 30). — Иннокентій IV освободилъ Бертрана де Роэкса XXXII, 69).

дами. Подозрѣніе формулировалось трояко: слабое, тяжкое и сильное. Но должно замѣтить, что даже для права быть въ подозрѣніи требовалось все таки оправданіе отъ обвиненія, а слѣдовательно, казалось бы и отъ всякаго подозрѣнія. За симъ слѣдовало полное клятвенное отреченіе отъ всякихъ видовъ ереси, которой прежде можетъ быть вовсе и не зналъ подозрѣваемый. Тогда съ него снимали отлученіе и принимали въ лоно Церкви какъ обращеннаго (reconciliatus), но присуждая все же къ церковному наказанію на три года. Это значило оставить въ самомъ легкомъ подозрѣніи.

Тотъ, который послѣ всѣхъ вопросовъ, даже пытки, отказывался дать отреченіе отъ ереси, можетъ быть не чувствуя за собой никакой вины и не желая клеветать на себя, а можетъ быть и по упорству, наказывался собственно по категоріи подозрѣваемыхъ. Такіе считались оставленными въ тяжкомъ и сильномъ подозрѣніи. Они оставались подъ анаѳемой и, если въ продолженіи года не пріобрѣтали права освободиться отъ нея, то считались еретиками упорными (obstinatus), хотя бы противъ нихъ въ этотъ годъ не было представлено никакихъ обвиненій. Тогда ихъ снова приводили въ трибуналъ и безповоротно рѣшали ихъ участь, передавая въ руки свѣтской власти. Весь срочный годъ были отсуждены отъ общества; всякій, кто случайно садился за одинъ столъ съ нимъ, лишался права ходить въ церковь въ продолженіи мѣсяца. Конечно, они не могли занимать никакихъ должностей; даже умирая, они не могли пригласить врача, и позднѣйшіе соборы въ Безьерѣ 1246 и въ Альби 1254 годахъ осуждали такого врача, какъ соучастника. Явившись въ трибуналъ раньше года, онъ свободно получалъ разрѣшеніе и присуждался къ церковному наказанію на 5 лѣтъ въ случаѣ тяжелаго (gravis), и на 10 лѣтъ въ случаѣ (vehemens) подозрѣнія. Вполнѣ отрекшійся и получившій прощеніе, но послѣ снова впавшій въ ересь или заподозрѣнный, уже не получалъ никакого снисхожденія, а признавался отпавшимъ (relapsus). Ему былъ одинъ исходъ —смерть на кострѣ,—судьба еретика нераскаяннаго и необращеннаго. Обратившійся къ трибуналамъ съ раскаяніемъ раньше года, получалъ прощеніе, снятіе отлученія, но съ условіемъ особыхъ дисциплинарныхъ предписаній весьма тяжелыхъ. Онъ долженъ былъ носить покаянную одежду темнаго цвѣта, сшитую на манеръ сутаны съ большимъ кре-

стомъ на груди и на спинѣ—saco bendito, san benito (zamarra у испанцевъ),—мѣшокъ, въ который просовывалась одна голова. Онъ долженъ публично бичевать себя и примириться съ путешествіями къ св. мѣстамъ, бдѣніемъ, постомъ, истязаніями и постоянной молитвою въ продолженіи опредѣленнаго времени. Самый обрядъ разрѣшенія, по истеченіи срока эпитиміи, совершался торжественно въ главной церкви города, въ присутствіи разрѣшеннаго. Какой нибудь доминиканецъ говорилъ съ каѳедры предъ народомъ о тяжести обвиненій, которыя лежатъ на каявшемся. Теперь св. инквизиція соизволила совершенно простить его. Склоняя колѣна, клялся каявшійся, за нимъ клялись 12 человѣкъ поручителей, которые знали его жизнь въ продолженіи трехъ, пяти или десяти лѣтъ, смотря по степени подозрѣнія. Только получивши такія гарантіи, Церковь пускала на свободу того, кто разъ попалъ въ ея трибуналы.

Первая инквизиція несравненно болѣе дорожила жизнію человѣка, чѣмъ испанская. Казни сравнительно были ничтожны. Это происходило не столько отъ духа ея законодательства, хотя послѣ оно стало значительно суровѣе, сколько отъ личнаго характера альбигойцевъ. Большая часть послѣднихъ предпочитала обращеніе и покаяніе, хотя и притворное; не только подозрѣваемые соумышленники, даже прямые еретики въ большинствѣ случаевъ сознавались при началѣ допроса; многіе являлись добровольно, разсчитывая на снисхожденіе. Мы знаемъ, что альбигойство, по самому принципу своей вѣры, не любило и не цѣнило мученичествъ. И потому въ нѣсколькихъ фоліантахъ протоколовъ передача въ руки свѣтской власти, т. е. смертный приговоръ встрѣчается весьма рѣдко, какъ исключеніе. За то въ большихъ городахъ рѣдкое воскресенье въ доминиканскихъ монастыряхъ и въ каѳедралахъ не было обращенія какого нибудь еретика и подозрѣваемаго, а по улицамъ провансальскихъ и ломбардскихъ городовъ постоянно сновали взадъ и впередъ черные люди съ двумя крестами на груди, а нерѣдко съ опущенными на лицо капишонами, а также женщины съ желтыми крестами на черныхъ вуаляхъ. Такъ какъ казни были рѣдки, то актъ вѣры, actum fidei, atto di fede, а у испанцевъ auto da fe, какъ единственный публичный обрядъ инквизиціи, привлекалъ къ себѣ все вниманіе публики и потому совершался съ нѣкоторою торжественностію По воскресеньямъ, обыкновенно читали въ церквахъ, кого, гдѣ и когда будутъ принимать на лоно католичества, и приглашали народъ слушать проповѣдь такого то отца инквизитора Если обращенный былъ изъ числа сильно подозрительныхъ, то во всѣхъ церквахъ въ назначенный день не допускали проповѣди, чтобы сосредоточить все вниманіе на одномъ мѣстѣ. Какъ на праздникъ, народъ устремлялся въ соборъ смотрѣть на еретика. По большей части это былъ человѣкъ ничѣмъ не причастный къ альбигойству, а такой же католикъ какъ и другіе, имѣвшіе счастіе быть оставленными въ слабомъ подозрѣніи. Онъ стоялъ на особой эстрадѣ, босой, въ простой черной одеждѣ. Начиналась обѣдня. Послѣ Апостола, отецъ инквизиторъ велерѣчиво громилъ еретиковъ. Потомъ онъ переходилъ къ предмету торжества. Онъ разсказывалъ, какъ было дѣло, скрывая имена, и заключалъ, что подсудимому дозволено отречься въ присутствіи всѣхъ предстоящихъ. Тотъ клялся надъ крестомъ и Евангеліемъ, подписывалъ актъ отреченія, если умѣлъ писать, инквизиторъ разрѣшалъ его и внятно причитывалъ то каноническое наказаніе, которому онъ подвергался.

Оно разнообразилось по степени подозрѣнія и по прихотливой изобрѣтательности различныхъ соборовъ. Приведенныя нами постановленія Доминика служили основой всякой эпитемьи ([167]). Но костюмъ и другія условія покаянія разнообразились. Простые еретики и подозрѣваемые носили два желтыхъ креста, но бывшіе «совершенными» и духовными альбигойскими носили третій крестъ, мужчины на капишонахъ, а женщины на вуаляхъ. Капишонъ спускался на лицо; въ немъ были прорѣзаны отверстія для глазъ и губъ. Въ такомъ нарядѣ, обращенный еретикъ походилъ на фигуру восточнаго схимника. Носить кресты было обязательно, подъ страхомъ конфискаціи имущества. Самъ Раймондъ тулузскій позаботился объ этомъ ([168]). Всякое украшеніе на платьѣ изъ золота, серебра, а также шелковые уборы воспрещались. По воскресеньямъ и праздникамъ, кромѣ Богоявленья и Вознесенія, каявшійся обязанъ былъ являться въ церковь и приносить съ собой пучекъ розогъ. Во время чтенія Апостола

([167]) См. выше, стр. 183 прим. 73.—Doat; XXXI, 2.
([168]) Въ 1234 г. Mansi. Conc. XXIII, 266.

снималъ съ себя обувь и платье, бралъ въ руки крестъ и предлагалъ себя бить священнику. Этотъ обычай шелъ съ X вѣка, когда священники сѣкли присужденныхъ къ покаянію, какъ господа своихъ рабовъ. Онъ имѣлъ цѣлью униженіе со стороны грѣшника, которое способствуетъ спасенію. При каждой церковной процессіи всѣ каявшіеся должны были присутствовать. Вмѣсто свѣчей они несли розги. По окончаніи крестнаго хода они подходили къ священникамъ для полученія слѣдуемыхъ ударовъ. Разъ въ мѣсяцъ они должны были являться съ такой же странной просьбой въ тѣ дома, гдѣ прежде они видѣлись съ еретиками. Они три раза въ году пріобщались; дома и въ церкви клали учащенные поклоны. Они не могли пропускать ни одной службы и соблюдали посты. Въ этомъ отношеніи каявшимся предлагалась цѣлая діэта, тщательно опредѣлявшая, въ какой день ему слѣдовала какая пища. Во время поста онъ стоялъ за дверью церковной до Великаго Четверга. Ему предписано было обойти замѣчательные храмы и монастыри Франціи, Италіи и Испаніи, славные или своими мощами или воспоминаніями. Эти богомолья бывали большія и малыя; къ первымъ причислялись храмъ св. Петра въ Римѣ, Іакова Компостельскаго, Ѳомы Кентерберійскаго, Кельнскій трехъ царей; къ малымъ св. Эгидій въ С.-Жилѣ, св. Діонисій, св. Марціалъ, св. Леонардъ въ Лиможѣ (169). Лангедокскіе инквизиторы посылали и въ Сан-Дени, въ Сито, въ Клюньи и къ Іакову Компостельскому, а конечно прежде всего слѣдовало посѣтить знаменитыя церкви тулузскія, какъ каѳедралъ св. Стефана и Сатурнина. Каявшійся обязывался также сражаться по назначенію Церкви противъ мусульманъ и противъ еретиковъ. Изъ опасенія, что ересь можетъ путемъ пилигримства осквернить св. почву Палестины, соборъ нарбоннскій въ 1235 г. запретилъ каявшимся странствіе за море (170).

(169) Preuves de l'hist. de Loug. у Веccэ; VI, 104, также у Doat. XXI, 174, 168.—Mém. de grandes et petites peregrinations (D.XXXVII, 111—118).

(170) Hefele. Conciliengesch. V, 979 по 2 канону. Въ док. Doat, XXI, 104.

Мѣстный священникъ обязывался наблюдать за каявшимися своего прихода и сообщать о нихъ трибуналу точныя и подробныя донесенія.

Церковное покаяніе было не единственнымъ для тѣхъ, преступленіе которыхъ было чѣмъ либо важно или которые долго упорствовали въ признаніи. Такіе лишались всѣхъ правъ состоянія. Они исключались изъ всѣхъ должностей. Имъ часто запрещалось даже жить въ мѣстахъ ихъ прежняго пребыванія; ихъ переводили въ католическіе города, гдѣ они ни для кого не могли быть опасны. Въ Безьерѣ въ 1246 г. ихъ подвели на основаніи осьмаго канона под категорію отлученныхъ, не принимали къ засвидѣтельствованію ихъ завѣщаній и не допускали къ нимъ врача, даже во время смертельной болѣзни.

Но гораздо безпощаднѣе относилась инквизиція къ тѣмъ, кто предъ лицомъ ея сохранялъ упорство въ ереси и, горделиво не отрекаясь отъ нея, провозглашалъ свою вѣру святой или кто только на пыткѣ сознавался въ ереси.

Первое влекло къ костру, второе къ пожизненному заключенію въ государственной тюрьмѣ.

То и другое сопровождалось проклятіемъ. Каждое воскресенье повторялась эта анаѳема на страхъ всѣмъ вѣрнымъ. Во время чтенія похороннаго списка, молящіеся тушили свои свѣчи, а колокола погребально звонили.

Государственная власть съ своей стороны бралась быть орудіемъ исполненія приговора и въ вознагражденіе брала большую долю изъ имущества осужденнаго. Обыкновенно коммуна, инквизиція, епископъ одинаково были наслѣдниками всего достоянія казненнаго. Коммуну смѣнилъ въ послѣдствіи королевскій фискъ, когда Лангедокъ сталъ принадлежать королевской коронѣ, а въ Италіи мѣстные принчипи, когда пала независимость городовъ (171). Описанная движимость шла на тюрьмы и на содержаніе служителей трибуналовъ. Дома, въ которыхъ жили еретики, не доставались никому. Они, какъ оскверненные, должны быть разру-

(171) Альфонсъ, графъ Тулузы, не выѣзжавшій почти изъ Франціи, особенно заботился объ этой статьѣ своихъ доходовъ. Онъ часто напоминалъ о томъ своимъ viguiers. Doat. XXXI, 228, 254 etc. Тамъ же IX булла Иннокентія IV; f, 71.

шены; на то мѣсто, гдѣ они стояли, свозили нечистоты ([172]). Всякій, кто сталъ бы строиться тутъ или предполагалъ очистить и культивировать такое мѣсто, подвергался отлученію. Инквизиція въ точности опиралась на законы Фридриха II. Раймондъ VII тулузскій до того простеръ свою ревность къ истребленію альбигойскихъ жилищъ, что даже озаботился сносить отдаленныя хижины въ лѣсахъ и горахъ. Интересно наблюдать въ документахъ эту сдѣлку. За сколько продавали себя инквизиторамъ католическіе государи?

Во Франціи могущественная королевская власть цѣлыя столѣтія служила инквизиторамъ своими прокурорами и нотаріусами для производства дѣла. Съ теченіемъ времени около XIV столѣтія, когда послѣдніе встали подъ наблюденіе прокурора, тотъ предписывалъ имъ наблюдать чтобы не было злоупотребленій и грабежа (pilleries) монаховъ въ трибуналахъ. Нотаріусы, прежде весьма незначительные, стали теперь болѣе чѣмъ секретари; они назначались изъ легистовъ съ учеными степенями докторовъ и баккалавровъ. Они сами и ихъ помощники должны были непремѣнно присутствовать при каждомъ процессѣ. Они скрѣпляли, подписывали приговоръ и прикладывали къ нему печать (praesens interfui, recepi et solito signo meo hic manu propria me subscripsi). Всѣ легаты заботились лишь о выгодѣ королевскаго фиска, и имъ было съ руки подобное учрежденіе, которое легко могло подъискивать внезапные источники доходовъ. Мы знаемъ, что послѣ короли довели свою законную треть до половины. При канцеляріяхъ инквизиціи открылась особая канцелярія нотаріуса. Королевскій прокуроръ просматривалъ всѣ процессы, которые нотаріусъ обязанъ былъ препровождать къ нему подъ опасеніемъ штрафа во 100 солидовъ. Прокурора интересовалъ собственно доходъ, а вовсе не юстиція, потому что онъ на каждой страницѣ видѣлъ ея посмѣяніе. Нотаріусъ долженъ былъ кромѣ того имѣть у себя двѣ бѣлыя книги: одну для веденія протокола, другую для присужденія конфискацій, пеней, уплатъ въ пользу фиска.

([172]) Fiat sordium receptaculum, писалъ еще Иннокентій III. Reg. X. 130.—Sententia contra domos in quibus fuerunt persone hereticale, произнесенная въ 1309 г., подтверждено это Liber sent. inq. Tol.—Limborch, p. 80.

Объ этихъ послѣднихъ слѣдовало извѣщать прокурора на другой день подъ страхомъ штрафа въ 100 солидовъ. Нотаріусъ хранилъ дѣла инквизиціи, вмѣстѣ съ инквизиторомъ онъ имѣлъ ключь отъ нихъ, но королевскій или намѣстничій казначей (tresorier et receveur du dit seigneur) имѣлъ также свой ключь, чтобы при случаѣ свободно повѣрить свои приходы. За свои труды нотаріусъ бралъ 20 солидовъ за протоколъ, 5 солидовъ за сентенцію и нѣсколько меньше за отлучительную копію. За произвольный поборъ онъ платилъ двойной штрафъ. Администрація за розыскъ свидѣтелей брала 2 солида и 6 денаріевъ съ человѣка ([173]).

Обѣ стороны жили въ тѣсной дружбѣ. Одна изъ другой извлекала возможныя выгоды. Нотаріусъ и никто изъ свѣтскихъ лицъ не могли касаться духовныхъ дѣлъ безъ полномочія инквизиторовъ. Никто не могъ быть арестованъ по какому бы то ни было церковному дѣлу безъ приказанія инквизиторовъ, а это была обширная подсудность, такъ какъ сверхъ всего трибуналъ наблюдаетъ еще за благочиніемъ и жизнью священниковъ, благочиніемъ церковнымъ и порядкомъ богослуженія ([174]). Что могло избавить и обезопасить отъ знакомства съ застѣнками инквизиціи, особенно при такихъ отношеніяхъ къ ней свѣтской власти? Послѣдняя за всѣ свои услуги требовала одного, чтобы ей сообщали объ арестахъ и осужденіяхъ—«et ouy le procureur du Roi afin que le droit du Roy soit garde et justice decisement administrée» ([175]). Такимъ удовлетвореніемъ личнаго самолюбія довольствовалась монархическая власть. Всѣ правила были вы-

([173]) Документы и всѣ подробности у Doat. XXXI, 16 e sqq.

([174]) Это видно изъ «Forma sent. degradationis et immurationis contra aliquem sacerdotem vel Clericum aut personam Ecclesiasticam qui baptizavit aliquos imagines in fontibus baptismalibus in formam baptismii in Ecclesia aliqua vel exiam contra Ecclesiam ad faciendum aliqua sortilegia, vel maleficia, seu ad aliquos actus illicitos, vel in debite procurandum... Item qui hostiam non consecratam ministravit scienter alicui loco hostiae consecratae cum pari reverentia et honore». Doat; XXIX, 259—263. «Procedere contra omnes qui se opposuerunt contra officium seu negotium fidei sibi commissum. XXX, 23.

([175]) Doat; XXXI, 17.

вѣшены публично на доскахъ въ трибуналѣ инквизиціи и у нотаріуса, чтобы никто не отговаривался ихъ незнаніемъ. Трибуналъ, готовясь изречь свой страшный приговоръ заточенія или смерти, въ исключительныхъ случаяхъ могъ созывать легистовъ и провѣрялъ дѣло ихъ судомъ, но съ обязательствомъ тайны; понятно, что къ этому средству почти никогда не обращались, хотя буллы существовали ([176]). Никакая гражданская власть не могла освободить изъ тюрьмы человѣка, заключеннаго инквизиторами. Такая попытка судилась-бы на равнѣ съ еретичествомъ. Бонифацій VIII подтвердилъ это своими декреталіями ([177]). Заточенный былъ собственностью инквизиціи или лучше одного папы.

На вѣчное заточеніе обрекались тѣ подсудимые, которые только послѣ крайнихъ угрозъ и пытки, отреклись отъ ереси. Таковой вынужденъ былъ дать клятву отреченія, обязывался даже защищать католическую вѣру; съ него снимали отлученіе и, послѣ всей церемоніи, изъ церкви отправляли въ тюрьму на пожизненное заключеніе (immuratio) для того, чтобы только онъ могъ достойно искупить свой грѣхъ (ad agendum condignem poenitentiam). Инквизиція плохо вѣрила клятвамъ, присягамъ и отреченіямъ. Она знала, что вынужденное согласіе не можетъ внушить довѣрія. Если отрекшійся былъ искрененъ, то его заточеніе будетъ удовлетвореніемъ правосудію; если нѣтъ, то это будетъ наказаніе.

Осужденный сидѣлъ въ отдѣльномъ казаматѣ; онъ не зналъ и не видѣлъ своихъ сосѣдей. Только мужъ и жена могли быть посажены вмѣстѣ. Въ Италіи тюремщики были снисходительнѣе французскихъ и провансальскихъ. Тамъ къ заключеннымъ имѣли доступъ посѣтители. Сперва помѣщали осужденныхъ въ государственныя тюрьмы, потомъ стали строить особыя, въ центрѣ города, по указанію епископа. Опасныхъ преступниковъ держали въ темныхъ подземныхъ казаматахъ; свѣжій воздухъ не проникалъ туда. Въ 1311 г. Климентъ V первый позволилъ надѣвать на заключенныхъ кандалы на руки и на ноги. Объ этомъ всегда съ точностію

([176]) Eymericus; III, 77—80.

([177]) Traité sur les privilèges de l'inq. — Doat, XXX, 21.

и съ указаніемъ причины—обозначалось въ сентенціи ([178]). Пища состояла въ хлѣбѣ и водѣ. Хлѣбъ, по толкованіямъ соборнымъ, обозначалъ печаль, вода несчастіе. Содержаніе недостаточныхъ арестантовъ шло изъ остатковъ ихъ конфискованнаго имущества, прочихъ—на счетъ суммъ инквизиціи. Въ нѣкоторыхъ испанскихъ трибуналахъ осужденныхъ клеймили передъ заточеніемъ ([179]), по оксфордскому примѣру.

Заточеніе могло быть временнымъ, если преступникъ обнаруживалъ признаки искренняго раскаянія. Но это было исключеніемъ и нуждалось въ особомъ утвержденіи епископа. По освобожденіи, обращенный былъ обязанъ самъ преслѣдовать еретиковъ. Просидѣвшій въ заточеніи опредѣленное время всегда могъ быть снова привлеченъ къ наказанію, если того требовала польза вѣры, а поводовъ къ тому всегда бывало достаточно.

Еретики, отъ которыхъ судъ не могъ вынудить отреченіе, такъ называемые упорные (impenitenter obstinati) и вторично отпавшіе (relapsi) присуждались къ смертной казни сожженія. Но рука духовной особы не могла подписывать смертный приговоръ. Трибуналъ въ такихъ случаяхъ постановлялъ: предать виновнаго въ руки свѣтской власти. Послѣдняя знала, что́ скрывается подъ этими лаконическими словами. Такъ велось съ веронскаго собора 1183 г. Въ свою очередь ей нельзя было не совершить казни надъ осужденнымъ, ибо это равнялось ослушанію воли и распоряженія трибунала. Должно замѣтить, что инквизиторы вообще избѣгали этой формулы. Они употребляли всѣ искреннія усилія, чтобы одолѣть нераскаяннаго и не допустить его до костра. Они понимали, что казнь за убѣжденія не есть ужь ни исправленіе, ни наказаніе, что она осѣняетъ преступника вѣнцомъ мученика и многихъ покоряетъ его примѣру. Они высоко цѣнили жизнь человѣка. Все, что внушало имъ благоразуміе, діалектика, искусство ихъ убѣжденій—они прилагали къ дѣлу;

([178]) Et quia tu Guilielme Falqueti et tu Raimunde de Verduno amplius et gravius deliquistis et ideo estis gravius puniendi; vos in muro stricto et in leco arctiori in vinculis et cathenis perpetuo decernimus includendos precipientes omnibus vobis sub virtute prestiti juramenti etc. Liber sent. inq. 32.

([179]) Raynaldi; II, 149. Такъ можно заключить изъ письма Григорія IX Раймонду VII 1236 г.

они всѣми мѣрами строгости и кротости старались подѣйствовать на нераскаяннаго, чтобы вернуть его къ Церкви. Ему давали время одуматься. Родныя, друзья, ловкіе проповѣдники навѣщали его въ тюрьмѣ и бесѣдовали съ нимъ. Наконецъ приходилъ самъ епископъ. Еретикъ уже требовалъ казни; онъ видимо горѣлъ нетерпѣніемъ погибнуть на кострѣ. Но инквизиторы тоже не уступали; они удвоивали свои просьбы и свою мягкость. Ему обѣщали облегчить заключеніе по возможности. Когда ничто не помогало—назначали день казни и снова отдаляли его. Иногда приговоръ смѣнялся заключеніемъ наканунѣ траурной церемоніи. Такъ какъ казни случались довольно рѣдко и были событіемъ, то они обыкновенно волновали всю окрестность. Народъ стекался въ городъ, по особому извѣщенію, къ дню казни. Объ этомъ читали во всѣхъ церквахъ епархіи. На площади готовили подмостки съ связками дровъ. Осужденнаго проводили въ одной рубашкѣ, окруженнаго служителями инквизиціи. Въ его рукѣ былъ факелъ; передъ нимъ несли распятіе. Духовенство съ хоругвями открывало процессію, потомъ главный инквизиторъ, окруженный клирошанами, пѣвшими духовные гимны, и знаменосецъ инквизиціи. За нимъ по два въ рядъ члены трибунала. Толпы, безъ различія званій, падали ницъ предъ страшнымъ знаменіемъ и переполняли площадь и кровли домовъ. Когда процессія остановилась на мѣстѣ казни, то секретарь прочитывалъ краткое извлеченіе изъ дѣла и приговоровъ инквизиціи. Тогда инквизиторъ всходилъ на трибуну. Онъ говорилъ объ ужасахъ и нечестіи ереси, передавалъ осужденнаго, какъ нераскаяннаго, въ руки свѣтскаго правосудія и произносилъ надъ нимъ проклятіе. Тогда подходили къ нему королевскіе солдаты; одинъ изъ королевскихъ чиновниковъ читалъ, что въ силу извѣстныхъ законовъ еретики предаются сожженію. Палачи связывали осужденнаго и костеръ поджигали.

Тотъ, кто разъ обманулъ довѣріе инквизиціи и снова былъ приведенъ предъ трибуналъ, какъ уже вторично отпавшій, не могъ надѣятся ни на какую пощаду. Отреченіе, какъ-бы онъ охотно ни давалъ его, болѣе не помогало; его предавали анаѳемѣ и свѣтскому правосудію. Единственное снисхожденіе, которое могли сдѣлать ему—это повѣсить и задушить на эшафотѣ и уже потомъ кинуть на пылавшій костеръ.

Бѣгство изъ тюрьмы равнялось сознанію въ ереси ([180]). Оно не избавляло отъ заочной казни, хотя бы бѣжавшій по своему преступленію заслуживалъ простаго каноническаго наказанія. Съ такой же церемоніей приходили къ костру; вмѣсто самого осужденнаго присутствовала его деревянная статуя въ колпакѣ и одеждѣ осужденныхъ. Ее держали на высокомъ древкѣ и обходились съ ней какъ-бы съ живымъ человѣкомъ. Послѣ заочнаго прочтенія приговора, статую кидали въ огонь. Правосудіе было удовлетворено.

Такъ какъ фанатичные еретики, не ожидая пощады, сами умерщвляли себя (endura), то инквизиціонная бюрократія выработала актъ объ особомъ осужденіи тѣхъ еретикокъ, которые наложатъ на себя руки ([181]).

Если агенты инквизиціи нигдѣ не находили еретика и онъ не являлся по вызову, то какъ contumax, ослушный, онъ тѣмъ самымъ объявлялъ себя нераскаяннымъ еретикомъ. По этому заочный приговоръ составлялся обыкновенно въ такомъ смыслѣ, съ тою только разницей, что вмѣсто отсутствующаго горѣло его изображеніе деревянное или бумажное. Дѣти и внуки погибшаго на кострѣ еретика были лишены всѣхъ гражданскихъ правъ; они не могли получить никакого гражданскаго и духовнаго мѣста, хотя бы оставались католиками. Надъ ними тяготѣло проклятіе отцевъ. Если во время слѣдствія трибуналъ открывалъ, что обвиненный въ ереси уже скончался, то ничто не останавливало судей потревожить даже могильный сонъ покойника. Они преслѣдовали принципъ во всей его цѣлости. Еще Иннокентій III въ 1207 г. разрѣшилъ эту месть мертвымъ, предписывая удалять изъ христіанскаго кладбища трупы еретиковъ ([182]). Но позднѣйшіе соборы требовали сожженія этихъ труповъ, чтобы еретикъ зналъ, что самая смерть не избавитъ его отъ воздаянія. Трибуналъ постановлялъ въ такихъ случаяхъ, по извѣстной формулѣ, вырыть кости изъ гробницы и сжечь ихъ, дабы опозоренная память еретиковъ потерялась въ потом-

([180]) Sententia fugitvorum quia fuerint velut haeretici condemnandi. Doat; XXIX, 128.

([181]) D. XXIX, 208—210.

([182]) Reg. Inn. III.

ствѣ ([183]). Трибуналъ, съ пріоромъ доминиканцевъ, намѣстникомъ королевскимъ или его чиновникомъ и съ толпой народа, отправлялся на кладбище, гдѣ вырывали трупы. Процессія тѣмъ же порядкомъ возвращалась назадъ въ городъ, въ открытомъ ящикѣ влачили потревоженныя кости, а герольдъ, ѣхавшій впереди, громкимъ голосомъ кричалъ,—qui aytal fayra, aytal perira,—«кто такъ поступитъ, такъ и погибнетъ» ([184]). Потомъ на площади жгли публично остатки покойниковъ. Иногда безъ всякаго постановленія трибунала, предпринимали очистку кладбищъ, гдѣ лежали кости еретиковъ. Въ этихъ могилахъ, какъ оскверненныхъ, нельзя было болѣе хоронить умершихъ. Трупы еретиковъ сносили на особое мѣсто вдали отъ города, туда же, куда выкидывали падаль и всякія нечистоты.

На христіанскихъ кладбищахъ могли покоиться только истинные католики, потому при смерти свидѣтельство священника было необходимо. Кто похоронилъ-бы еретика или заподозрѣннаго на кладбищѣ, тотъ долженъ вырыть его собственными руками. Онъ подвергался сверхъ того отлученію отъ Церкви.

Во всѣхъ приведенныхъ случаяхъ, трибуналъ еще строже преслѣдовалъ преступленія лицъ духовныхъ. Мѣра наказанія была для нихъ сравнительно выше. Такъ какъ инквизиція наблюдала за порядкомъ церковнаго культа, то нарушеніе его столь же преслѣдовалось, какъ ересь. Такъ напр. священникъ, который вторично окреститъ неправильно окрещеннаго, присуждался къ низложенію и заключенію ([185]). Также могли наказывать за всякое посрамленіе богослуженія. Понятно, что такихъ преступниковъ было много. Когда

([183]) Pronuntiamus et declaramus defunctos (nom.) per ea quae contra ipsos invenimus haereticos fuisse, et in secta haereticorum detestabili impoenitentes decessisse praecipientes eorum ossa de sacris ciminteriis si ab ossibus fidelium possint discerni, et de quibuscumque locis aliis ubi reperta fuerint exhumari, et comburi in detestationem criminis tam nephandi dampnantes nihilominus praedictorum deffunctorum memoriam perpetuo in futurum. Doat; XXIX, 197.—Percin. De haeresi, 41.

([184]) Примѣръ у Percin. Hist. conv. Tol. 51.

([185]) D. XXIX, 255.

въ XIV столѣтіи появился протестъ противъ узурпаціи папъ и духовенства въ самой средѣ нищенствующихъ монаховъ, то поводы къ обличенію священниковъ и монаховъ являлись еще чаще. Встрѣчались, какъ знаемъ, между альбигойцами и бывшіе католическіе духовные. Прежде чѣмъ предать виновнаго въ руки свѣтскаго правосудія, его слѣдовало лишить духовнаго сана и, испросивъ разрѣшеніе мѣстнаго епископа, низложить. Обрядъ низложенія совершали публично у того же эшафота, но съ большимъ торжествомъ, въ присутствіи легата, кардинала и высшаго духовенства. Осужденный стоялъ въ полномъ священническомъ облаченіи; вокругъ его были инквизиторы. Послѣ прочтенія приговора, инквизиторъ, сказавъ небольшую рѣчь, произносилъ формулу отлученія. Онъ обращался къ осужденному: «Именемъ Бога Всемогущаго, Отца, и Сына и Святаго Духа, говорилъ онъ ему, властью апостольскою и нашею, мы, посланные въ эти страны, снимаемъ съ тебя твой духовный санъ и отрѣшаемъ тебя отъ священнической и другихъ обязанностей; мы низлагаемъ, лишаемъ и исключаемъ тебя отъ всѣхъ церковныхъ бенефицій, духовныхъ правъ и привиллегій. Въ силу всего этого мы просимъ присутствующаго здѣсь благороднаго сенешала взять тебя въ свое распоряженіе (ut te in forum suum recipiat) и настоятельно предлагаемъ ему при исполненіи наказанія поступить съ тобою согласно приговору» ([186]). Тогда подходилъ къ осужденному старшій по сану изъ присутствующихъ прелатовъ и приказывалъ разоблачить его до исподней одежды. При этомъ онъ лишалъ его послѣдовательно всѣхъ принадлежностей и достоинствъ священническаго или діаконскаго званія, чаши и блюда, священническихъ одеждъ, далматики, Евангелія. Каждая вещь отрѣшалась отъ него торжественно, что сопровождалось всякій разъ произнесеніемъ особой латинской формулы, въ которой разъяснялось эмблематическое значеніе каждаго предмета. Даже чтецъ и церковный сторожъ осуждались съ большею церемоніею, чѣмъ всякіе бароны и герцоги. Отъ чтеца отбирали его книги, отъ сторожа церковные ключи ([187]). Уже пос-

([186]) D. XXIX; 183—186, 200.

([187]) Вотъ напр. реплика по поводу ключей: — Aufferimus tibi claves Ecclesiae teque exuimus et privamus officio et potestate

ле окончанія обряда, военная стража брала виновнаго и поступала съ нимъ согласно приговору, т. е. или отводила его въ темницу или взводила тутъ же на костеръ. Инквизиція не имѣла пристрастія къ своему сословію. Она старалась мѣрами строгости поднять духовенство и отвратить соблазнъ. «Что ужасно и возмутительно въ каждомъ христіанинѣ, часто встрѣчаемъ въ ея сентенціяхъ, то, нѣтъ сомнѣнія, относительно человѣка духовнаго или пресвитера читать и слушать еще ужаснѣе, и потому должно быть подвергаемо наказанію, болѣе тяжкому (188).»

Но такой цѣли, т. е. очищенія и возвышенія нравовъ духовенства, инквизиторы никакъ не могли достигнуть, руководствуясь своей системой. Средства, избранныя ими, пособляли не истинѣ, а страстямъ. Справедливости меньше всего можно было ожидать тамъ, гдѣ существеннымъ побужденіемъ было служеніе не любви, а ненависти. Страшныя жертвы, принесенныя инквизиціею во имя религіи, послужили не на пользу, а во вредъ ей. Церковь въ нихъ не могла нуждаться, потому что онѣ опозорили ее. Скоро и сами инквизиторы, хранившіе долго безстрастность и руководившіеся одною фанатическою ревностію къ своему дѣлу, подпали соблазну и стали злоупотреблять своей безотчетной и громадной властью. Уже въ XIII ст. раздался обвинительный голосъ противъ злоупотребленій. «Почему отказываютъ обвиненнымъ въ законномъ ихъ правѣ защищать себя? спрашивалъ одинъ изъ католическихъ богослововъ. Зачѣмъ обвиняютъ въ ереси честныхъ женщинъ, единственно за то, что они отказываются удовлетворить безпутнымъ предложеніямъ нѣкоторыхъ священниковъ, тогда какъ въ то же время отпускаютъ безъ покаянія богатыхъ еретиковъ, которые могутъ заплатить судьямъ и откупиться?» (189).

Эти слова открываютъ такія тайны трибунала, которыя никакъ не могли попасть въ ея оффиціальные протоколы.

---

custodiendi res quae ipsis clavibus recluduntur, et portas etiam Ecclesiae aperiendi sive claudendi». Вся церемонія у Doat; XXIX, 183—186.

(188) D. XXIX, 249.

(189) Petrus Cantor. Verbum abbreviatum, — Migne. Patr. CCV.

Значитъ позднѣйшіе инквизиторы, которые насиловали еретичекъ и мнимыхъ вѣдьмъ послѣ осужденія, или покупали ихъ расположеніе ложными обѣщаніями спасенія ихъ жизни, имѣли отчасти готовый примѣръ въ преданіяхъ трибуналовъ прежняго времени. Пылкая ненависть, которую всегда внушали къ себѣ католическіе духовные въ Лангедокѣ, бывшіе гасителями культуры и цивилизаціи страны, ненависть, художественнымъ памятникомъ которой служатъ вѣчно свѣжіе стансы провансальскихъ трубадуровъ, обязана своею силою болѣе всего дѣятельности инквизиторовъ, системѣ насилія, которую они приносили съ собою, ихъ методичной жестокости, особенно лицемѣрію, корыстолюбію и низости врага и безъ того ужаснаго и могущественнаго.

Эту власть можно было смѣло назвать всесильною и оттого она могла легко стать позорною. Особенно обнаруживались корыстныя цѣли инквизиціи относительно т. н. соумышленниковъ. Трибуналъ привлекалъ къ своему суду всякаго, кого кто либо изъ его сочленовъ желалъ осудить, опозорить, обобрать, изгнать, заключить или казнить. Отъ него зависѣло обличить любаго католика въ соумышленіи (fautores) и подвергнуть наказанію. Если мы видѣли, что трудно было опредѣлить границы такъ называемому подозрѣнію, то въ вопросѣ о соумышленіи инквизиція не встрѣчала никакихъ предѣловъ въ подсудности къ себѣ. Въ самомъ дѣлѣ, что не подлежало сжатому, но въ сущности столь широкому опредѣленію? Кто не зналъ про ересь, кто могъ избѣгнуть знакомства съ еретиками, когда послѣдніе одно время даже превосходили численностію самихъ католиковъ, и кто въ душѣ, отстраняясь отъ всякой солидарности съ ними, по буквѣ закона, формально не подходилъ подъ категорію соумышленія? Между тѣмъ соумышленники были поставлены рядомъ съ защитниками (defensores). Они преслѣдовались, какъ-бы настоящіе еретики. Относительно ихъ надо отличать двѣ эпохи: до и послѣ 1250 года. Въ первый періодъ—ихъ сперва отлучали заочно, но чрезъ 40 дней, а послѣ чрезъ годъ или два, они должны были являться снова и въ случаѣ откровеннаго сознанія, если притомъ трибуналъ ничего не имѣлъ особеннаго противъ ихъ личности, присуждались къ церковному покаянію. Въ противномъ

случаѣ они становились предметомъ позора и источникомъ дохода. Каждый мѣсяцъ, въ продолженіи котораго виновный не получалъ разрѣшенія, онъ долженъ былъ платить 50 солидовъ, которые шли въ пользу епископа или правительства. Онъ становился въ положеніе несостоятельнаго должника. Онъ не могъ имѣть голоса на выборахъ, не могъ быть адвокатомъ, нотаріусомъ, лишался права свидѣтельства, права завѣщанія, права наслѣдованія. Четвертую часть своего имущества онъ вносилъ въ видѣ пени. Лишенный покровительства законовъ, онъ не могъ жаловаться ни на кого, а его могъ преслѣдовать всякій; его защита на судѣ не имѣла силы, такъ какъ онъ считался обезчещеннымъ. На раскаявшихся лежала тяжесть общественнаго позора и презрѣнія. Покаяніе за соумышленіе продолжалось отъ 5 до 10 лѣтъ. Осужденный оказывался въ положеніи обращеннаго еретика. Подобно ему онъ долженъ былъ усиленно молиться, поститься, въ извѣстное время выходить изъ храма и стоять за дверями, носить покаянную одежду съ крестомъ, не пропускать религіозныхъ церемоній, крестныхъ ходовъ, быть публично битымъ каждое воскресенье предъ порталомъ церкви. Въ 1253 г. послѣдовалъ указъ Иннокентія IV замѣнять покаяніе достаточныхъ соумышленниковъ деньгами. Это было нѣчто въ родѣ индульгенцій, которыя старательно раздавалъ этотъ папа. Потому въ легендѣ Матвѣя парижскаго о сновидѣніяхъ, бывшихъ одному кардиналу, Церковь въ образѣ плачущей женщины говоритъ Господу, что Иннокентій IV обратилъ ее въ мѣняльную лавку (mensam nummulariorum), поколебалъ нравы и вѣру, и уничтожилъ справедливость fidem et mores fecit vacillare, justitiam sustulit). Папа предназначалъ этотъ новый источникъ, странно переводившій вѣру на деньги, для содержанія трибуналовъ. Преемникъ его поддерживалъ такое распоряженіе. Такъ какъ исполненіе приговоровъ лежало на правительствѣ, то свѣтская власть во Франціи распорядилась поднять эту плату, чтобы получить долю и за свои труды. Въ послѣдствіи французскій король почти совсѣмъ присвоилъ этотъ источникъ дохода и отдавалъ инквизиціи лишь ничтожную долю. Наконецъ сборъ этотъ сталъ торговлей и принялъ чисто комерческій характеръ. Напримѣръ, въ 1310 году одному каявшемуся было позволено избавиться отъ позорныхъ крестовъ за 30 мел-

кихъ ливровъ, которые пошли на постройку моста въ этомъ городѣ (190).

Ослушники римскихъ приказаній и св. инквизиціи въ глазахъ трибуналовъ были также соумышленниками. На нихъ ложилась иногда болѣе тяжелая отвѣтственность. Такъ, тотъ, кто позволилъ поселиться на своей землѣ еретику, лишался своихъ владѣній въ пользу сюзерена. Всякій, кто откажется воевать съ еретиками, въ силу буллы того же Иннокентія IV отъ 1254 г., кто будетъ противиться крестовой проповѣди и въ продолженіи года не окажетъ достаточныхъ основаній для разрѣшенія,—считается eo ipso соумышленникомъ; въ этихъ случаяхъ наказаніе сопряжено съ лишеніемъ всякихъ правъ на владѣніе; Церковь благословляетъ его враговъ, разрѣшаетъ его вассаловъ отъ обязательствъ; каждый можетъ отнять его достояніе и владѣть имъ подъ условіемъ истребленія еретиковъ и исполненія обѣщаній относительно Церкви.

Римскій дворъ всегда хорошо сознавалъ, какъ мало помогаютъ всякія внѣшнія средства къ уничтоженію ереси. Гильдебрандъ цѣлью своей клерикальной ревности поставилъ искорененіе причины и поводовъ зла. Съ того времени лучшіе люди громко требовали реформы нравовъ клира, распространенія поученій и расширенія проповѣди. Въ вопросѣ объ еретикахъ многіе изъ нихъ если и стояли за инквизицію, то далеко не за такую, какая осуществилась на практикѣ; сознательно они предпочитали слова убѣжденія и высокій нравственный примѣръ. Когда облагородится духовенство и пойметъ свое истинное призваніе, улучшатся его нравы, то тѣмъ самымъ, справедливо думали они, уничтожатся и предлоги къ нападкамъ на католицизмъ. Такую

(190) ... «fuerunt conmutate cruces in opus pontis novi de Tunicio et quod solvat dicto operi XXX librarum Turonensium parvarum, et compleat peregrinationes majores et minores, et visitationes Tholose, et alia generalia contenta in literis, retenta potestate inquisitioribus ut supra». Liber sent. inq. 40.—Прежде, какъ напр. въ 1241 г. вмѣнялось въ наказаніе лишь богоугодное дѣло, а такимъ признавались постройка тюрьмы для еретиковъ (Doat; XXI, 172) или пожертвованія на церкви (id. 174),—3000 lateres planos et decemmodia calcis et 100 sanmatas.

мысль между прочимъ проводилъ Доминикъ. Послѣднія мѣры требовали много подвига и много идеальнаго самопожертвованія; исполнители въ массѣ а не въ отдѣльныхъ личностяхъ должны были обладать самоотреченіемъ, рѣдкою нравственною высотою характера, однимъ словомъ тѣми духовными свойствами, которыхъ никакъ не могли воспитать вѣка безправія и насилія. Лучшія и благороднѣйшія силы уходили на служеніе личному спасенію, сосредоточивались въ себѣ, отрѣшались отъ этого бреннаго міра; въ тиши монастырей и въ ученой кельѣ они стремились къ иному, лучшему, безуспѣшно занимаясь разрѣшеніемъ заманчивыхъ тайнъ бытія; они являли высокіе примѣры безкорыстія и нравственной чистоты, но всегда имѣли въ виду узкую личную цѣль, а не дѣло спасенія общечеловѣческаго. И потому втунѣ, невѣдомо никому и безъ пользы пропадали благородные примѣры этихъ людей, жившихъ не земными интересами, а идеальными помыслами. Средневѣковой рыцарь, бившійся за сирыхъ и убогихъ, во славу креста и мадонны, былъ продуктомъ уже сложившихся историческихъ обстоятельствъ, слугою людей руководившихъ обществомъ, естественно дававшихъ ему тонъ и примѣръ, потому что они обладали относительною образованностью и ученостью, а тѣмъ и другимъ всякое общество направляется и движется. Его эксплуатировали эти люди и поставили въ такое противорѣчіе съ его прямымъ призваніемъ и съ его личными стремленіями, выпутаться изъ котораго ему было невозможно. Тѣмъ менѣе было ему возможности возвыситься до идеальныхъ стремленій. Потому въ нѣкоторомъ смыслѣ инквизиція была прямымъ и безъисходнымъ результатомъ условій тогдашняго нравственнаго состоянія общества, законнымъ, хотя плачевнымъ порожденіемъ времени. Она объясняется отсутствіемъ образовательныхъ силъ, закованною въ богословскую ферулу мыслью, преобладаніемъ схоластическаго богословія, отсюда одностороннимъ предпочтеніемъ богословія и философіи всякому другому знанію, рѣшительною невозможностью при такихъ интеллектуальныхъ данныхъ подняться до нравственной высоты цѣлымъ тысячамъ людей, корыстолюбіемъ рыцарскаго сословія, понятнымъ въ людяхъ, которые въ большинствѣ жили для тѣла и дрались изъ за обогащенія, и наконецъ быстротою распространенія ереси, подавить которую могла только война. Изъ двухъ средствъ: убѣжденія и

инквизиціи—было выбрано легчайшее. Примириться съ ересью, возвыситься до терпимости, было невозможно для тѣхъ вѣковъ, когда само христіанство было еще молодой религіей и когда служеніе католицизму давало духовенству, то есть руководительнымъ людямъ, источники и прелести существованія. Пребенды, бенефиціи, доходы аббатствъ, епископствъ, которые увеличивались конфискаціями, представляли неодолимые соблазны, были экономическими побужденіями инквизиціи. Изъ за куска хлѣба люди идутъ сознательно на преступленіе. Если спустя столѣтія еще была прочна инквизиція, когда устранились экономическіе соблазны, то тѣмъ понятнѣе ея появленіе и дальнѣйшее развитіе въ XIII и XIV вѣкахъ.

Нельзя сказать, чтобы служители религіи, которые опозорили ее созданіемъ инквизиціи,—не вѣдали, что творили. Это были вовсе не злодѣи въ душѣ и по натурѣ. Внѣ трибунала большинство доминиканцевъ были люди кроткіе, готовые на помощь ближнему, даже на подвигъ; они боготворили знаменитаго основателя своего ордена и съ прискорбіемъ сознавали, что онъ не благословлялъ ихъ дѣла. Нравственность имѣетъ вѣчные принципы. Напрасно бы было объяснять помраченіе ея существенныхъ основаній религіознымъ фанатизмомъ. Убѣжденіе въ зломъ мотивѣ инквизиціи не могло не мучить честныхъ первосвященниковъ. Потому тѣ же папы и соборы рядомъ съ инквизиціей приняли и такія мѣры, какія могли бы предохранить общество отъ заразы католицизмомъ, отвратить условія благопріятныя ему. Они особенно сосредоточились на этихъ мѣрахъ, когда убѣдились въ невозможности преобразовать самихъ себя и своихъ собратьевъ по служенію. Такъ мы говорили, что въ Лангедокѣ 14-лѣтніе мальчики и 12-лѣтнія дѣвочки должны были давать клятву въ томъ, что они будутъ вѣрны католической Церкви. Видимо переполошенный Римъ и прелаты не могли придумать ничего, на чемъ не лежалъ бы слѣдъ воинственнаго переходнаго положенія, но при этомъ забывали существенное. Юноши должны были ежегодно возобновлять эту клятву, но ихъ не учили какъ надо отличать истинную вѣру отъ ереси. Напротивъ, подобные разговоры, а тѣмъ болѣе диспуты между мірянами даже были воспрещены подъ страхомъ отлученія,—чтобы не подать повода критически отнестись къ догмату среди препираній. Чтобы люди не имѣли повода заблуждаться въ Писаніи, имъ съ 1234

года вовсе запретили знать это Писаніе и дозволили читать Библію только по латынѣ, на языкѣ недоступномъ ни для народа, ни для горожанъ, ни для рыцарей. Потомъ запретили и латинскую Библію въ частныхъ рукахъ, а дозволяли читать только Псалмы и Часы. Мало того имъ запретили даже имѣть какія либо богословскія книги на понятныхъ языкахъ. Эти книги слѣдовало принести къ епископу чрезъ 8 дней и сжечь какъ преступныя. На религію, желая недосягаемо поставить ее, стали смотрѣть такъ, какъ смотрѣли подданные Даріевъ и Ксерксовъ на своего монарха, не рѣшаясь опозорить его своимъ рабскимъ словомъ. Когда религія стала предметомъ слѣпаго страха и ужаса, она могла легко стать предметомъ ненависти. Католиковъ силою загоняли въ храмы каждое воскресенье. Они должны были 3 раза въ годъ исповѣдываться и пріобщаться; несоблюденіе этого условія давало поводъ заподозрить въ ереси. Изъ служителя алтаря сдѣлали полицейскаго сыщика. Это было рѣшено тѣмъ же тулузскимъ соборомъ 1229 г., который установилъ инквизиціонный процессъ. Приходскій священникъ долженъ былъ доносить епископу о прихожанахъ, а иначе его самого низлагали и лишали прихода и бенефиціи. Тотъ, кто не случался въ храмѣ въ воскресенье, платилъ штрафъ 12 денаріевъ—половину Церкви, половину своему сеньору (191). Это было неудивительно, если изъ религіознаго чувства казначейства съумѣли извлекать извѣстный доходъ. Гораздо непостижимѣе и характеристичнѣе для эпохи было заподозрѣніе въ ереси всякаго католика, имѣющаго у себя Библію (192) и преданіе его за это суду инквизиціи.

До такихъ послѣдствій способна была дойти нетерпимость. Въ этомъ положеніи идея инквизиціи произнесла сама себѣ суровый приговоръ. Дѣйствительно, инквизиція должна

---

(191) Соборъ въ Альби 1254 г. кан. 30. Doat; XXI, 103.

(192) Въ 14 канонѣ собора 1229 г...—prohibemus etiam, ne libros Veteris Testamenti aut Novi, laici permittantur habere. Черезъ 5 лѣтъ въ Таррагонѣ во 2 канонѣ поставлена оговорка: statuitur ne aliquis libros Veteris vel Novi Testamenti in Romanico habeat. Mansi; XXIII, 329. Но тулузскій соборъ былъ гораздо важнѣе, а приговоры его обязательнѣе таррагонскаго. См. 172 прим. первой главы этого тома.

была гнать Библію. Въ ней она могла найти свое осужденіе. Евангеліе, во имя котораго она хотѣла бороться, оказалось ей враждебнымъ и она поняла это.

Переходимъ къ изложенію исторіи гоненій на послѣднихъ альбигойцевъ, къ фактамъ, въ которыхъ проявилось дѣйствіе инквизиціи.

Въ судьбахъ альбигойства можно отличать 4 періода. Въ началѣ ересь съ удивительнымъ успѣхомъ сокрушала господствующую вѣру, проникала въ хижины и дворцы, гонимая уходила въ лѣса, переносилась съ крайней быстротой на огромныя разстоянія, оставляла слѣды своего пути почти въ каждомъ замкѣ, увлекала собою женщинъ и знать, находила въ послѣдней покровителей и поклонниковъ и чрезъ то снова и сильно распространялась въ массахъ; тогда еретики имѣли своихъ епископовъ, своего папу, свои соборы. Во второй періодъ Римская Церковь приступаетъ къ духовной борьбѣ съ ней; ея легаты при всѣхъ усиліяхъ не могутъ достичь успѣха; они вступаютъ въ словесныя препиранія съ учеными альбигойцами, часто терпятъ пораженія и прибѣгаютъ къ мщенію, къ мѣрамъ насилія, которыя не пособляютъ, а вызываютъ болѣе сильное негодованіе и закаляютъ ненависть еретиковъ. Доминикъ дѣйствуетъ нѣсколько счастливѣе своими проповѣдями, но находитъ мало подражателей, а онъ не можетъ быть всегда и вездѣ. Когда одинъ изъ легатовъ палъ отъ руки альбигойцевъ, то папство ополчило крестоносцевъ и воздвигло кровавую войну съ еретиками, которая составляетъ третій періодъ, сокрушившій политическую силу альбигойства, уничтожившій вмѣстѣ съ тѣмъ національность Лангедока, но не искоренившій сердечныхъ вѣрованій въ каждой отдѣльной личности. Громадная армія была разбита,—она болѣе не существовала какъ цѣлое. Цѣлые полки погибли въ страшной битвѣ, прочіе разсѣянные скрывались отъ плѣна. Но многіе воины были еще живы; они могли собраться снова къ своимъ частямъ; ихъ вожди могли увеличить ихъ численность новыми наборами и выставить новыя силы. Надо было тщательно отстранить всякую возможность подобной случайности. Для этого надо было обезоружить всѣхъ разсѣянныхъ, сдѣлать ихъ покорными, прибрать ихъ къ рукамъ, учредить военные су-

ды во всѣхъ покоренныхъ мѣстностяхъ, плѣнить и наказать вождей, дѣйствуя вездѣ малыми отрядами съ особымъ назначенiемъ. Инквизицiя исполняетъ такiя задачи, что составляетъ четвертый перiодъ альбигойства. Людей въ шлемахъ и кирасахъ смѣнили судьи въ бѣлыхъ и коричневыхъ рясахъ. Завоеватели, т. е. французская королевская власть, много выиграли отъ содѣйствiя инквизиторовъ. Инквизицiя вела внутреннюю борьбу, не такъ шумную, но упорную и постоянную, оттого достигла болѣе прочныхъ и рѣшительныхъ результатовъ. Борьба велась цѣлое столѣтiе, потому четвертый перiодъ самый продолжительный. Какъ предпрiятiе медленное, но систематическое, имѣвшее въ виду прочныя цѣли, а не временное торжество, инквизицiя опиралась на дружескую и вѣрную поддержку свѣтской власти. Въ Лангедокѣ она имѣла надежную опору въ Раймондѣ VII и Людовикѣ IX. Пока не замолкло нацiональное чувство въ провансальцахъ, положенiе инквизиторовъ, этихъ ужасныхъ хотя безоружныхъ воиновъ, было опасно; они были существеннымъ предметомъ патрiотической ненависти.

Мы оставили тулузцевъ въ полномъ негодованiи и озлобленiи по поводу суда надъ синьоромъ Пейрперуюзомъ и барономъ Нiортомъ. Хотя страна была обезоружена, однако негодованiе проявилось убiйствомъ королевскаго сенешаля. Тѣмъ не менѣе, новый епископъ изъ доминиканцевъ, Раймондъ вмѣстѣ съ самимъ графомъ отыскивалъ по ночамъ еретиковъ. Можно было ожидать, что и сами судьи не избѣгнутъ руки тайнаго убiйцы. Три тулузскихъ проповѣдника были убиты въ окрестностяхъ Кордеса еще до введенiя трибуналовъ; ихъ трупы бросили въ колодезь ([193]). Въ 1233 г. доминиканцы, получивъ инквизиторскую миссiю, все еще медлили дѣйствовать въ Лангедокѣ. Ересь будто скрылась. Но когда въ слѣдующемъ году Арнольдъ каталонскiй вмѣстѣ съ Вильгельмомъ Пеллисъ и магистромъ Вильгельмомъ изъ Ломбера хотѣли открыть трибуналъ въ Альби, главномъ центрѣ ереси, то, не успѣвъ еще исполнить своего полномочiя, пострадали отъ мести населенiя, озлобленнаго слухами о насилiяхъ въ новыхъ инквизиторскихъ судахъ. Арнольдъ началъ свои дѣйствiя тѣмъ, что вмѣстѣ съ доминиканцемъ

([193]) Percin. Conv. 48.

Вильгельмомъ Пеллисъ присудилъ къ казни двухъ еретиковъ, а 12 послалъ служить за море вмѣсто покаянiя. Но не прошло и нѣсколькихъ дней, какъ ему пришлось убѣдиться въ своемъ безсилiи.

Дѣло происходило лѣтомъ 1234 г., въ четвергъ послѣ Троицы. Въ Альби недавно скончалась еретичка Бессейра. Ее любили въ городѣ и католики и альбигойцы. Тихо похоронили ее на католическомъ кладбищѣ св. Стефана. Въ это время Вильгельмъ, не заручившись еще поддержкой капитула и не показавъ своей силы и власти, приказалъ очистить католическое кладбище отъ еретиковъ. Епископъ имѣлъ по этому дѣлу совѣщанiе съ городскимъ духовенствомъ въ каѳедралѣ. Доминиканцы, присланные прiоромъ для розыска съ буллою въ рукѣ, требовали содѣйствiя. Епископской стражѣ и городскому бальи велѣно было идти и разрывать могилы. Тѣ прямо отказались; трибуналъ, еще не организованный, даже не былъ открытъ, не имѣлъ членовъ отъ правительства и города, которые могли бы дать ему дѣйствительную законную силу, ни собственной стражи, которая могла бы исполнить его приказанiя. Арнольдъ дѣйствовалъ пока въ качествѣ проповѣдника. Вынужденный идти самъ на кладбище, онъ пригласилъ съ собою нѣсколькихъ капеллановъ. Тамъ уже ждала его большая толпа. Арнольдъ просилъ указать ему могилу Бессейры, которая недавно умерла. Онъ взялъ заступъ и началъ раскапывать могилу. Тогда въ толпѣ, въ которой было 200—300 человѣкъ, послышался громкiй ропотъ. Одинъ, который былъ посмѣлѣе (G. de Pueg), кинулся на инквизитора. Онъ ударилъ его, воскликнувъ: «вонъ изъ города измѣнниковъ (exeat proditos de civitate); смерть ему». Это подхватили остальные, кинулись на Арнольда, смяли его и начали колотить кулаками; нѣкоторые старались положить на мѣстѣ кинжалами, другiе, не допуская того, били его по лицу, таскали за капишонъ, рвали въ клочки его рясу. Собравъ послѣднiя силы подъ сыпавшимися на него ударами, доминиканецъ могъ еще воскликнуть: «Благословенъ Господь Iисусъ Христосъ!» и, обращаясь къ толпѣ, «Богъ да проститъ вамъ!.» Кто-то закричалъ: «въ рѣку его, въ Тарну». Инквизитора поволокли по землѣ. Народъ кричалъ «смерть ему, не слѣдуетъ на землѣ жить такому палачу». Прошли одну улицу, повернули въ другую, къ берегу Тарны. Уже оставалось нѣсколько шаговъ отъ рѣки; доми-

никанецъ прощался съ жизнью, какъ военный отрядъ освободилъ его. Онъ бросился бѣжать прямо въ церковь св. Цециліи, въ которой еще продолжалось засѣданіе, со страхомъ скрываясь отъ новыхъ преслѣдованій. Вслѣдъ онъ слышалъ возгласы толпы: «смерть измѣнникамъ, свернуть головы тѣмъ, кто не кинетъ его въ рѣку». Кричало человѣкъ двѣсти. Окровавленный, истерзанный, въ присутствіи епископовъ и всего духовенства, Арнольдъ, предъ алтаремъ, торжественно произнесъ проклятіе надъ Альби ([194]). Отряхая прахъ отъ ногъ своихъ, онъ оставилъ отверженный городъ. Граждане теперь только поняли свое положеніе. Они просили монаха о прощеніи. Онъ былъ сперва непреклоненъ, но потомъ къ просившимъ присоединился самъ епископъ. Въ уваженіе его настояній, Арнольдъ сказалъ, что онъ смягчилъ свой приговоръ, что охотно прощаетъ и забываетъ всѣ обиды, нанесенныя лично ему, но не можетъ простить оскорбленій, содѣланныхъ мятежниками Церкви и папѣ. Альбигойцы пробыли подъ отлученіемъ.

Въ 1235 г. такую же неудачу потерпѣли первыя попытки ввести инквизицію въ Тулузѣ. Тамъ было готово помѣщеніе для трибунала въ доминиканскомъ монастырѣ. Петръ Челлани, увлеченный проповѣдью Доминика, бросилъ свои богатства, подарилъ свой домъ новому братству, а самъ пошелъ въ монахи. Ему суждено было быть первымъ инквизиторомъ въ Тулузѣ. Въ томъ самомъ домѣ, гдѣ нѣкогда онъ же давалъ гражданамъ свои праздники, теперь открылся судъ, на которомъ, отрѣшившись отъ міра, вельможа призывалъ къ отвѣту своихъ бывшихъ друзей. Папское полномочіе дѣлало его въ сущности судьей и государемъ страны. Онъ такимъ образомъ не проигралъ ничего, сдѣлавшись нищенствующимъ. Вмѣстѣ съ нимъ получилъ полномочіе другой современникъ Доминика, монахъ Вильгельмъ Арнольди. Первое засѣданіе вовсе не носитъ инквизиціоннаго характера; оно было публичное; собралось много народа; былъ

(194) Изъ архива каркассонской инквизиціи. Doat; XXXI, 29—32. «Quidam percussientes eum cum pegnis in pectore, quidam alapas dederunt in faciem, alii trahebant illum per capucium, alii scindebant capam sicut praedictis diebus apparuit, proh dolor si vidissetis quomodo quidam ante, quidam retro percussebant.

приглашенъ графскій намѣстникъ, потому что Раймондъ VII находился въ Италіи. Обвиняемыхъ еретиковъ было много. Между ними особенно выдавался нѣкто Іоаннъ; противъ него выставили свидѣтелей, дали очную ставку и произвели перекрестный допросъ. Такимъ образомъ процессъ былъ вовсе не инквизиціонный, потому что послѣдній еще не успѣлъ выработаться и его боялись послѣ 1229 г. Тѣмъ не менѣе тутъ же надъ Іоанномъ торжественно произнесли смертный приговоръ. Его передали намѣстнику. Санъ-Барсъ приказалъ уже распорядиться, казнью, но народъ не позволилъ. Въ толпѣ говорили, что будутъ во что бы то ни стало защищать осужденнаго; громко ругали монаховъ и викарія. Іоанна перевели въ епископскую тюрьму. Дорогой онъ называлъ себя добрымъ христіаниномъ и католикомъ. Это еще болѣе вооружило горожанъ противъ непризванныхъ судей. Вся Тулуза была въ волненіи. Но доминиканцы съ тактомъ дали время успокоиться народу. Потомъ они начали снова судить заключеннаго и опять публично. Они убѣдили присутствующихъ въ его еретичествѣ. На этотъ разъ они одержали верхъ. Тѣ, которые прежде защищали осужденнаго, теперь стали легкомысленно проклинать его и не мѣшали совершенію казни ([195]). Вмѣстѣ съ нимъ сожгли многихъ еретиковъ, приведенныхъ изъ Лавора. Но этимъ не кончилось сопротивленіе инквизиціи со стороны тулузцевъ.

Оба инквизитора отправились въ Керси. Они пока не имѣли возможности открыть трибуналы и дѣйствовать на правахъ легатовъ. Въ Кагорѣ они безъ сопротивленія со стороны народа вырыли нѣсколько труповъ на кладбищѣ, долго волочили ихъ по улицамъ и послѣ сожгли. Въ Муассакѣ они поступили также ([196]). Одинъ изъ альбигойцевъ думалъ скрыться подъ монашеской рясой и удалился въ одно аб-

(195) Percin. Conv. 48. Въ протоколахъ нѣтъ этого дѣла можетъ быть потому, что оно не носило инквизиціоннаго характера.

(196) Percin (ib) самъ не вѣритъ, чтобы въ такомъ городкѣ сожгли 201 еретика (nisi sit error in computo). Очевидно, здѣсь дѣло идетъ о трупахъ. Въ малыхъ городахъ альбигойцы скрывались отъ поисковъ, хотя не осмѣливались мѣшать жечь трупы своихъ предковъ.

батство, но инквизиторы и оттуда вытребовали его. Онъ бѣжалъ въ Ломбардію и осужденъ былъ заочно, т. е. сожгли его статую.

Въ присутствіи Челлани, аббатъ св. Сатурнина въ Тулузѣ, при содѣйствіи намѣстника, посадилъ въ тюрьму одного гражданина изъ предмѣстья по обвиненію въ соумышленіи. Народъ ворвался въ тюрьму и освободилъ его. Когда инквизиторы вернулись, то они возобновили дѣло. Они требовали виновныхъ на судъ. Между тѣмъ пріѣхалъ графъ Раймондъ VII изъ Рима. Онъ долженъ былъ предоставить монахамъ хозяйничать въ своей столицѣ. Онъ просилъ объ одномъ, чтобы простили тѣхъ, которые сознаются и разскажутъ всю правду. Ему обѣщали это. Между тѣмъ инквизиторы приказали вырыть съ кладбищъ нѣсколькихъ завѣдомыхъ еретиковъ. Когда стали производить эту операцію въ такомъ людномъ городѣ, какъ Тулуза, то это грозило не уличнымъ безпорядкомъ, а цѣлымъ мятежемъ. Капитулъ обратился къ Раймонду, тотъ въ доминиканскій монастырь. Распоряженіе шло отъ Челлани. Надо замѣтить, что этотъ монахъ былъ нѣкогда пажемъ во дворцѣ Раймонда IV; тамъ онъ имѣлъ ссору съ молодымъ графомъ и съ тѣхъ поръ былъ его личнымъ врагомъ. Теперь передъ нимъ унижался жалкій государь Тулузы. Какъ ни больно это было въ душѣ Раймонду, но онъ такъ любилъ свой народъ, такъ чувствовалъ себя виновнымъ предъ подданными, что рѣшился для нихъ снести даже личное оскорбленіе. Челлани отвергнулъ его просьбу. Тогда Раймондъ обратился къ легату, архіепископу вьеннскому. Ему онъ особенно жаловался на Челлани, ссылался на его личную злобу къ нему и предсказывалъ, какой вредъ будетъ для апостольскаго престола, если этотъ человѣкъ будетъ сдѣланъ постояннымъ инквизиторомъ въ Тулузѣ. Легатъ согласился удалить Челлани въ Керси. Доминиканцы снова обидѣлись такимъ распоряженіемъ легата. Но тулузцы этимъ ничего не выиграли. Вильгельмъ Арнальди (или Гильомъ Арно, какъ его называли французы) былъ ничѣмъ не легче. Онъ вырылъ 20 труповъ и сжегъ ихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ осудилъ 20 еретиковъ; между ними былъ Арнольдъ-Рожеръ, считавшійся архіереемъ у альбигойцевъ. При помощи друзей всѣ они успѣли бѣжать изъ Тулузы и заперлись въ Монсегюрѣ, который успѣлъ отложиться отъ французской короны. Тогда Арнальди обвинилъ въ соумышленіи многихъ знатныхъ гражданъ, вѣроятно членовъ капитула, и потребовалъ ихъ въ трибуналъ. Тѣ отвѣчали ему, что не пойдутъ, и совѣтовали впредь быть осторожнѣе съ ними, если ему дорога собственная жизнь. Онъ не унижался и обратился за содѣйствіемъ къ консуламъ, но они приняли сторону преслѣдуемыхъ. Ихъ поддерживалъ новый графскій вигуэръ. Арнальди объявили, что бы онъ или пересталъ мучить Тулузу своимъ преслѣдованіемъ или убирался изъ города. Это не смутило неустрашимаго монаха. Вмѣсто отвѣта онъ снова вызвалъ къ суду нѣсколькихъ лицъ. Тогда консулы, не рѣшаясь нанести личное оскорбленіе папскому уполномоченному, обрушились на тѣхъ приходскихъ священниковъ, которые взялись быть исполнителями приказаній Арнальди. Консулы изгнали ихъ изъ города своею властію, а прочимъ духовнымъ грозили казнью, если кто-либо изъ нихъ будетъ услуживать трибуналу. Теперь капитулъ принялся за инквизиторовъ. Ему пришли на память тѣ добрые старые годы свободы, когда онъ былъ всевластенъ и когда не онъ, а ему давали присягу. При звукахъ набата, герольды поѣхали по всѣмъ улицамъ и отъ имени консуловъ и вигуэра объявляли, что впредь всякія сношенія съ доминиканскимъ монастыремъ воспрещаются, что не позволяется ни продавать, ни давать ничего монахамъ. Къ монастырю приставили стражу. Съ фратрами стали обходиться по солдатски; за сопротивленія и дерзости били. Ихъ хотѣли голодомъ принудить къ уступкѣ. Когда епископъ Раймондъ вступился за доминиканцевъ, то и съ нимъ поступили также. Консульская гвардія заняла его дворецъ, взяла его бумаги и объявила его арестованнымъ. Онъ былъ боленъ въ это время и не могъ сопротивляться. Нѣсколько его слугъ было ранено. Напуганный, онъ просилъ позволенія оставить городъ; его не пустили и держали какъ заложника. Старая ненависть къ духовенству выплывала наружу. Альбигойцы надѣялись, что какъ бы чудомъ вернутся дни ихъ торжества. Если вѣрить жалобамъ папы, то не только епископу, но и всѣмъ духовнымъ запрещено было проповѣдывать ([197]). Капеллановъ за ослушаніе били въ церквахъ. Потомъ и прочихъ духовныхъ

([197]) **Raynaldi; II, 148.—Mart. Dur. Coll. VI, 461.**

задержали подъ домашнимъ арестомъ. Не смотря на то, что старались прервать всякое постороннее сообщеніе съ монастыремъ, нашлись люди, которые тайно, вѣроятно при содѣйствіи стражи, съумѣли помочь доминиканцамъ, такъ что послѣдніе не нуждались ни въ чемъ. Инквизиторъ Арнальди оставался непоколебимымъ и по прежнему взывалъ къ виновнымъ. Онъ зналъ, что всякій его можетъ убить изъ за угла, но что въ силу его полномочій никакая власть не смѣетъ задержать его. Впрочемъ, по совѣту доминиканцевъ, которые опасались за его жизнь, онъ, получивъ согласіе консуловъ и вигуэра, рѣшился оставить городъ. Онъ вышелъ изъ Тулузы 5 ноября 1255 г. торжественнымъ образомъ. Его провожали монахи по улицѣ Dalbade до нынѣшняго Pont neuf. Здѣсь консулы запретили дальнѣйшіе проводы, которые принимали видъ манифестаціи, и грозили, что вернутъ Арнальди въ монастырь. Вмѣстѣ съ тѣмъ инквизитору объявили отъ имени графа Раймонда VII, что онъ долженъ совершенно оставить предѣлы его владѣній. Вильгельмъ почувствовалъ себя свободнымъ лишь въ Каркассонѣ; съ нимъ былъ только одинъ послушникъ. Но, оставляя Тулузу, онъ поручилъ каѳедральному пріору вызвать къ суду оскорбившихъ его лицъ, съ тѣмъ, чтобы они передали повѣстки приходскимъ священникамъ. Послѣдніе пытались исполнить порученіе; объ этомъ узнали консулы и въ ту же ночь арестовали священниковъ. На утро привели ихъ къ суду и велѣли немедленно оставить городъ, а прочимъ духовнымъ подъ страхомъ смертной казни запретили принимать подобныя повѣстки ([198]).

Между тѣмъ 4 доминиканца въ тотъ же день осмѣлились потребовать самихъ консуловъ къ отвѣту предъ трибуналомъ въ Каркассонѣ. Убѣдившись, что доминиканцы не думаютъ покориться или уступить, и что монастырь будетъ постояннымъ источникомъ враждебныхъ агитацій, капитулъ постановилъ изгнать немедленно изъ города всѣхъ доминиканскихъ монаховъ, не исключая и епископа. Шестаго ноября

([198]) Bern. Guido. Hist. conv. Tol. (Mart. VI, 640); авторъ писалъ въ началѣ XIV вѣка; имъ пользовался Percin. Martyres Avignoneti, 199—202.—Критика извѣстій въ Notes sur l'hist. de Lang. VI, 321.

40 доминиканцевъ потянулись изъ города, по два въ рядъ; они остановились въ загородномъ домѣ каѳедральнаго духовенства (Braqueville). Епископъ Раймондъ прибылъ въ Каркассону и 10 ноября издалъ вмѣстѣ съ Арнальди и каркассонскимъ епископомъ отлученіе надъ капитуломъ ([199]). Сентенція обвиняла 11 консуловъ въ соумышленіи съ ересью и въ неуваженіи предписаній его святѣйшества. О Раймондѣ VII не говорилось ничего, но знали что изгнаніе монаховъ произошло не безъ его одобренія. Въ послѣдствіи легатъ, сообщая объ этихъ происшествіяхъ папѣ, обвинялъ и прямо указывалъ на графа, какъ виновника всѣхъ гоненій. Въ отсутствіи доминиканцевъ, минориты должны были вынести на себѣ весь гнѣвъ капитула. Они, не боясь опасностей, смѣло распространяли отлученіе, произнесенное надъ Арнальди. Ихъ монастырь подвергся нападенію; нѣсколько францисканцевъ было избито до крови, когда они отказались повиноваться капитулу. За все это долженъ былъ отвѣтить несчастный графъ тулузскій.

— Мы не можемъ пройти молчаніемъ всѣхъ этихъ злодѣяній противъ вѣры, писалъ Григорій IX Раймонду VII.— Онъ слышалъ всѣ подробности отъ самого епископа тулузскаго, который для этого ѣздилъ въ Римъ. Папа припомнилъ теперь и другія провинности графа: какъ онъ не платилъ обѣщаннаго жалованья профессорамъ богословія въ университетѣ, какъ въ слѣдствіе этого прекратилось преподаваніе этихъ предметовъ, какъ онъ отказывался ѣхать въ Палестину прослужить обѣщанныхъ пять лѣтъ, какъ дозволилъ осужденнымъ жить на его землѣ, какъ держалъ при своемъ дворѣ подозрительныхъ лицъ. Теперь папа требовалъ полнаго удовлетворенія за все и прежде всего возвращенія доминиканцевъ и инквизиціи. Въ ожиданіи же ручательствъ, отлучилъ Раймонда VII отъ Церкви и приказывалъ вездѣ «каждое воскресенье и по праздникамъ читать это отлученіе во всѣхъ церквахъ легатства при звонѣ колоколовъ и погашенныхъ свѣчахъ, до снятія его по распоряженію легата».

Когда это отлученіе пришло въ маѣ 1236 г. въ Тулузу, Раймондъ VII уже былъ подъ двойнымъ проклятіемъ. Онъ былъ отлученъ архіепископомъ нарбоннскимъ и инкви-

([199]) Doat; XXI, 160—162,—4 id. nov.

зиторомъ Арнальди за мнимое сочувствіе нарбонскимъ еретикамъ. Жители Нарбонны обошлись съ доминиканцами еще хуже тулузцевъ. Они напали на монастырь, овладѣли имъ, захватили книги инквизиціи и сожгли ихъ ([200]). Раймондъ VII былъ менѣе всего виновенъ въ этомъ новомъ оскорбленіи инквизиціи. Прошло нѣсколько дней и его требуетъ къ новому отвѣту епископъ Комминга, которому было поручено разобрать его споръ съ аббатомъ Муассака за права надъ этимъ городомъ. Графъ не явился на этотъ судъ и былъ отлученъ епископомъ въ присутствіи архіепископовъ Ока и Бордо; по всѣмъ церквамъ въ Гіенни, Лангедокѣ и Аженуа приказано было читать это проклятіе (16 марта 1236 г.). Вѣроятно, не надѣясь на послѣдствія отлученія, папа и прелаты жаловались на Раймонда VII Людовику IX. Папа просилъ короля принудить непокорнаго графа ѣхать за море, а «вмѣсто него послать брата Альфонса управлять графствомъ тулузскимъ» ([201]). Ради того чтобы скорѣе и окончательно закрѣпить за французскою короною и надежнымъ королемъ бурливый Югъ, Григорій IX прислалъ разрѣшеніе вѣнчать Жанну и Альфонса, хотя они были въ дальнемъ родствѣ по четвертой степени. Извѣстно, что въ слѣдующемъ году бракъ состоялся; молодымъ было 17 лѣтъ. Не оставалось сомнѣнія, что король, узнавъ о поношеніи духовныхъ, прибѣгнетъ къ силѣ для законнаго возмездія.

Раймонду VII оставалось покориться, хотя это было сопряжено съ униженіемъ. Его не мучило то, что онъ былъ отлученъ: это вошло для него въ привычку. Но онъ не хотѣлъ подвергнуть дорогой для него народъ ужасамъ новой войны и новыхъ опустошеній. Онъ согласился ѣхать въ Каркассону для переговоровъ съ изгнанными доминиканцами и жестокимъ Арнальди; тамъ же онъ нашелъ легата.

Между тѣмъ въ Каркассонѣ Арнальди прекрасно устроился со своимъ трибуналомъ и успѣшно работалъ во славу вѣры. Онъ засѣдалъ вмѣстѣ съ легатомъ, съ пріоромъ францисканскаго монастыря св. Маріи и королевскимъ сенешаломъ въ Каркассонѣ—Гюи де Левисомъ. Это былъ трибуналъ и по составу и по характеру судопроизводства. Въ каркас-

([200]) Catel. Comtes de Toulouse, 358.
([201]) Rayn. II, 149.

сонскомъ архивѣ сохранились три протокола этого времени, одинъ въ февралѣ 1236 г, два въ мартѣ ([202]). Въ первомъ дѣлѣ доносчикомъ явился самъ епископъ тулузскій. Онъ обвинялъ Бернарда Ото, барона де Ніорта, въ томъ, что послѣдній ѣлъ съ еретиками, слушалъ ихъ проповѣди, принималъ отъ нихъ поцѣлуй мира и утверждалъ, что спастись можно только въ альбигойской вѣрѣ. Оба его брата Вильгельмъ и Жеральдъ, вмѣстѣ съ матерью, судились за дружбу съ еретиками. Вильгельмъ былъ виноватъ въ томъ, что терпѣлъ еретиковъ на своей землѣ. Подсудимые приговорены къ пожизненному заключенію «для покаянія» и искупленія ихъ грѣха.

Епископъ и Арнальди вѣроятно выговорили себѣ въ будущемъ свои права, когда обѣщали вернуться въ Тулузу. Туда они прибыли осенью 1236 г. Въ день св. Августина графъ Раймондъ водворилъ ихъ въ монастырѣ,—уже на всегда. Но онъ не искупилъ этимъ своего отлученія.

Съ возвращеніемъ Арнальди въ Тулузу, открылся настоящій и вполнѣ свирѣпый трибуналъ. *Первыя засѣданія этого судилища въ его полномъ составѣ послѣдовали не раньше 7 іюня 1237 года.* По крайней мѣрѣ до того дня мы не имѣемъ протоколовъ. Прошелъ почти годъ; Арнальди не имѣлъ возможности обнаружить свою прежнюю энергію и неутомимость. Съ одной стороны альбигойцы притаились и, какъ напуганные, не давали повода инквизиціи преслѣдовать себя; съ другой даже Людовикъ IX жаловался папѣ на личную злобу доминиканцевъ вообще противъ Раймонда VII, которая не содѣйствуетъ, а только вредитъ дѣлу Церкви. Вѣроятно въ слѣдствіе подобныхъ указаній папы, легатъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы въ трибуналѣ кромѣ доминиканцевъ засѣдали минориты, «дабы смягчить суровость» первыхъ ([203]). Вмѣстѣ съ тѣмъ инквизиторы должны были сами обходить города и селенія, чтобы не отрывать жителей своими повѣстками отъ занятій и работъ. Въ силу того двое доминиканцевъ отправились въ окрестности Тулузы. Въ Кастельнодарри они не узнали ничего; никто изъ еретиковъ

([202]) Doat; XXI, 163—166.
([203]) Guil. de Pod. c. 43,—rigorem mansuetudine temperare.—Также Limborch, 55.

и еретичекъ не выдавали другъ друга; доносчиковъ не нашлось. Въ Пюи Лоранѣ предварительнаго заговора не было никакого, а свидѣтелей также не оказалось.

Открывая тулузскій трибуналъ, легаты назначили въ товарищи къ Арнальди провинціала францисканцевъ въ Провансѣ, но такъ какъ послѣдній былъ обремененъ дѣлами по своей администраціи, то и вручилъ свое мѣсто минориту Стефану Санъ-Тибери ([204]). Челлани тогда былъ избранъ пріоромъ доминиканскаго монастыря въ Тулузѣ; онъ остался не безъ вліянія на инквизицію, тѣмъ болѣе что отъ него зависѣлъ выборъ лицъ въ окрестныя мѣста. Пощады ереси теперь ждать было нельзя ([205]). Составъ былъ прочно организованъ. Стефанъ и Арнальди имѣли одинаковыя права. Лишь только начали дѣло по вѣрнымъ слѣдамъ противъ одного лица, какъ появился цѣлый рядъ подсудимыхъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ *рядъ сентенцій, который продолжается съ рѣдкими пр омежутками въ XIII и XIV столѣтіяхъ*. Одинъ изъ первыхъ вызововъ былъ обращенъ къ графу де-Фуа, Рожеру-Бернарду II. Онъ славился своими громкими военными подвигами въ минувшую войну и истинно рыцарскимъ, самоотверженнымъ и честнымъ характеромъ. За это онъ былъ при жизни прославленъ именемъ «великаго». Всѣ знали о его симпатіяхъ къ альбигойцамъ, о той готовности, съ какой онъ всегда являлся на защиту гонимыхъ, и что всегда былъ оплотомъ несчастныхъ. Тулузскій трибуналъ вызвалъ его къ суду. Онъ долго не отвѣчалъ, но когда вызовъ былъ повторенъ доминиканцами, прибывшими въ его резиденцію, то онъ велѣлъ сказать имъ, что самъ требуетъ ихъ къ отвѣту, какъ дерзкихъ вассаловъ и своихъ подданныхъ. Къ сожалѣнію мы не знаемъ, чѣмъ кончилось это дѣло; о немъ не упомянуто въ протоколахъ. Хотя явныхъ уликъ не было, тѣмъ не менѣе 32 года спустя, барселонскіе инквизиторы приказали выкинуть изъ общей графской усыпальницы тѣло Рожера и его дочери, какъ заподозрѣнныхъ въ

([204]) Percin. Conv. 51; Mart. Av. 200.

([205]) Fuit Petrus optimo praeditus ingenio forma praestanti, in adversis intrepidus et constans, atque in omnibus operibus rectus etc. Perc. 51. 181.

ереси ([206]). Извѣстно, что одинъ изъ этихъ инквизиторовъ скоро погибъ отъ руки тайнаго убійцы. Первое дѣло, которымъ началась постоянная дѣятельность тулузскаго трибунала, разбиралось 7 іюня 1237 г. На немъ присутствовали: тулузскій епископъ, аббатъ Муассака, пріоръ Челлани, графскій вигуэръ и назначенные депутаты отъ капитула. Трибуналу кто-то сообщилъ, что Аламанъ де Роексъ (de Roaxio), знатный вельможа, не исполняетъ возложенной на него эпитеміи. Роексы принадлежали къ древнѣйшимъ фамиліямъ графства Ларагуэ. Во время еретическихъ движеній они явились сторонниками новыхъ доктринъ. Альбигойскіе проповѣдники находили у нихъ убѣжище, а когда Церковь открывала ихъ слѣдъ и они бѣжали въ лѣса, скрываясь въ пещерахъ, то и тамъ находила ихъ дружеская помощь Роекса. Вмѣстѣ съ тѣмъ Роексы питали фамильную привязанность къ династіи Раймондовъ. Гонимый Раймондъ VII, лишенный своихъ владѣній и не находившій даже мѣста, гдѣ склонить голову, всегда встрѣчалъ благородное гостепріимство во дворцѣ Аламана Роекса. Одинъ изъ легатовъ, подозрѣвая Аламана въ ереси, обязалъ его принять крестъ и идти воевать въ Палестину. Будучи дѣйствительно еретикомъ, онъ нисколько не желалъ исполнять приказаній кардинала. Онъ оставался въ Лангедокѣ и на вызовъ суда не явился. Трибуналъ осудилъ его заочно, какъ еретика ([207]).

Вѣроятно, графскій вигуэръ и капитулъ не оказали должнаго содѣйствія къ розысканію Роекса и пяти другихъ подозрѣваемыхъ рыцарей; потому 9 августа послѣдовало отлученіе Петра тулузскаго и консуловъ ([208]). Объ этомъ было

([206]) Llorente; I, 74.

([207]) Doat; XXI, 143—146... «Quibus motus animi nostri legitime debuit informari, habito diligenti consilio et tractatu, omnibus fideliter et diligenter intellectis dicto Alamano... esse haereticum condemnamus, excommunicantem omnem hominem tam virum quam mulierem tanquam fautorem haereticorum, et fautorem et deffensorem, qui ei consilium vel auxilium praestaret occulte vel manifeste aut invane».

([208]) Мы опираемся на даты протоколовъ Doat (ib. f. 146—149), гдѣ говорится о предварительной сентенціи Роекса осужденнаго, какъ contumax. У Vaissete по Персену приводится

прочтено съ церемоніей въ церкви св. Стефана. Стоило только начать одно дѣло, чтобы поощрить доносы и впутать другихъ. На этотъ разъ привлечены были къ отвѣтственности люди средняго сословія и преимущественно женщины. Такъ 9 сентября было осуждено 10 женщинъ и 3 мужчинъ ([209]). Черезъ двѣ недѣли узнали, что одинъ умиравшій рыцарь Понцій де Умберти прогналъ священника, явившагося съ причастіемъ предъ его кончиной. Сентенціей трибунала была осуждена его память и умершій признанъ еретикомъ. Осужденныхъ въ слѣдующіе мѣсяцы было только 4, — двое мужчинъ и двѣ женщины и изъ нихъ одна нѣмка ([210]). Послѣ частыхъ сентенцій всегда наступала тишина; ересь до поры опять трудно было обнаружить. Примѣры наказанія являлись какъ бы дѣйствительнымъ средствомъ, хотя въ сущности они нисколько не уничтожали ереси, а внушали ей удачныя мѣры предосторожности. Нигдѣ такъ не отпечатывается подвижность, эластичность альбигойства, какъ въ датахъ протоколовъ инквизиціи. Только чрезъ 5 мѣсяцевъ сказались еретики, въ дѣлѣ 11 марта 1238 г. Въ тотъ день судились представители знатныхъ рыцарскихъ домовъ, какъ напримѣръ: Журданъ Вильневъ, Бертранъ Роексъ, вмѣстѣ съ адвокатами, купцами, ихъ женами и сестрами. Всѣхъ подсудимыхъ было 23. Вильневы принадлежали къ самымъ древнимъ и могущественнымъ домамъ провансальской аристократіи. Они пролили много крови за независимость своей родины. Они были рыцарски преданы законной династіи. Многіе изъ нихъ попали въ списокъ еретиковъ: иные даже въ качествѣ проповѣдниковъ, совершенныхъ и архіереевъ альбигойскихъ. Вообще это была самая ненавистная фамилія для инквизиторовъ вмѣстѣ съ Виллелями, Роквилями, Сантъ-Андрэ и Роексами, такъ какъ привязанность къ ереси и новаторству въ Лангедокѣ возрастала сообразно богатству, положенію и древности рода. Бертранъ Роексъ сознался и отрекся. Журданъ Вильневъ былъ весьма важнымъ преступ-

---

другое число и предполагается особое дѣло о 6 сожженныхъ (l. XXV, c. 14).—Vidal (Resumé de l'hist. de Lang. p. 267) измышляетъ 12 сожженныхъ.

([209]) Doat f. 179.

([210]) D. 181, 183.

никомъ въ глазахъ инквизиторовъ. Онъ уже разъ осужденъ былъ на покаяніе и могъ быть судимъ какъ отпавшій (relapsus). Теперь онъ защищался, но улики были слишкомъ явны, если не въ ереси, то въ его покровительствѣ альбигойцамъ. Иныя женщины уже по пяти лѣтъ сочувствовали ереси, пуская еретиковъ къ себѣ, давая имъ помощь и совѣты. Когда всѣ подсудимые принесли раскаяніе и произнесли клятву въ католической вѣрѣ, то для спасительнаго покаянія ихъ самихъ, для отвращенія соблазна другимъ, всѣ подсудимые, мужчины и женщины были осуждены на вѣчное заключеніе ([211]). Въ виду достиженія цѣлей покаянія тогда же рѣшено было устроить особую тюрьму для осужденныхъ и обращенныхъ еретиковъ.

Напрасно думать, что промежутокъ въ протоколахъ, наступившій послѣ марта 1238 г., служитъ доказательствомъ закрытія трибунала до 1241 г. ([212]). Никакихъ папскихъ распоряженій относительно этого не было, какъ думаетъ Вессэ, опираясь на темную догадку одного лѣтописца ([213]). Напротивъ, мы имѣемъ рядъ документовъ, доказывающихъ присутствіе дѣятельности въ трибуналахъ въ 1238 и 1240 г. ([214]). Гораздо проще объяснить дѣло не догадками и вымыслами мнимыхъ грамотъ, а обыкновеннымъ характеромъ альбигойства, которое всегда искусно скрывалось въ виду преслѣдованій. Такія явленія повторялись и будутъ повторяться не одинъ разъ.

Извѣстно, что въ 1238 году Григорій IX писалъ сенешаламъ и бальи въ провинціяхъ Нарбонны и Альбижуа, что до него дошло, какъ они присвоиваютъ себѣ конфискован-

---

([211]) D. 149. «Volentes supradictis omnibus juxta canonicas sanctiones inungere poenitentiam salutarem, consideratis attestationibus et confessionibus, et omnibus aliis qua ad Inquisitionem pertinent diligenter examinatis» etc.

([212]) Hefele (Concil. V, 978), незнакомый съ вопросомъ и съ протоколами, говоритъ объ отсрочкѣ тулузскаго трибунала въ 1237 г., тогда какъ послѣдній только что открылся въ этомъ году.

([213]) Hist. gen. de Lang. l. XXV, c. 15. — Guil. de Pod. c. 43.—Авторы сознаются, что папа не далъ отвѣта.

([214]) Doat; XXXI, 35.

ные въ пользу Церкви феоды и бенефиціи еретиковъ, какъ они препятствуютъ исполненію приговоровъ противъ значительныхъ лицъ, какъ лишаютъ католичекъ достоянія ихъ осужденныхъ мужей, какъ не выдаютъ долга католикамъ кредиторамъ и отказываются отъ содержанія заключенныхъ по дѣламъ ереси. Онъ совѣтуетъ имъ воздержаться отъ всѣхъ враждебныхъ дѣйствій, а иначе грозитъ церковнымъ преслѣдованіемъ. Это показываетъ, что трибуналы были въ дѣйствіи въ разныхъ мѣстахъ кромѣ Каркассоны и Тулузы, гдѣ преслѣдованіе прекратилось по недостатку матеріала, а если и тамъ производились дѣла, то реестры ихъ за это время не сохранились. Но мы нашли въ протоколахъ, какъ въ 1240 г. два раза въ мартѣ и два раза въ маѣ было сдѣлано 4 показанія въ трибуналѣ о монсегюрскихъ еретикахъ. Тутъ были замѣшаны громкія фамиліи Делилей, С. Мартеновъ, Манзо, Фанжо, Полерма, Мирепуа. Нѣкоторые обвиненные передъ смертью получили «consolamentum», другіе тайно провели въ Монсегюръ во время осады епископа альбигойскаго Гильаберта де Кастра, слушали и лобызали его въ домѣ Бертрана Мартена, другаго епископа (215). Доносчицей была между прочимъ жена одного рыцаря Равата, которая доносила на своего отца Раймонда Переллу, будто послѣдній вмѣстѣ съ Рожеромъ Мирепуа принималъ у себя въ домѣ Бертрана Мартена и слушалъ его. Такіе доносы на родителей были не рѣдки. Надо замѣтить, что Доа, копировавшій протоколы цѣлыми связками безъ хронологической послѣдовательности, безъ всякой группировки и оцѣнки памятниковъ, только вслѣдствіе случайности сохранилъ такъ мало процессовъ, записавъ между прочимъ нѣсколько разрѣшеній на покаяніе, какъ фактъ дѣятельности трибуналовъ этихъ годовъ. Наконецъ вспомнимъ, что въ XVII вѣкѣ, архивы Каркассоны и Тулузы были далеко не въ прежней цѣлости; дѣла за нѣкоторые годы легко могли затеряться.

Папа не могъ питать особеннаго довѣрія къ Раймонду, чтобы угодить его просьбѣ и устранить трибуналъ, только что начавшій свои дѣйствія. Графъ по сіе время не исполнилъ

(215) Doat; XXII, 250—276.

своего главнаго обѣщанія; онъ все еще не шелъ въ св. землю. Годъ за годомъ давались ему отстрочки изъ Рима, а онъ уклонялся по прежнему и прибѣгалъ ко всевозможнымъ уловкамъ. Наконецъ онъ заявлялъ такія попытки, которыя не могли быть одобрены ни въ Римѣ, ни въ Парижѣ. Онъ желалъ присвоить Монпелье и тѣмъ еще болѣе затянулъ узы, въ которыхъ епископъ Лангедока держалъ этотъ городъ. Раймондъ затѣялъ также борьбу съ баронами Прованса, взялъ нѣсколько замковъ и нашелъ въ марсельцахъ дѣятельныхъ союзниковъ. Пылкій Тренкавель, послѣдній виконтъ безьерскій, хотѣлъ свергнуть иго французовъ, возвратить то, что отняли у него Монфоры. Послѣ изгнанія Амори, онъ было занялъ свои владѣнія; но французы завоеваніемъ лишили его всего. Въ 1229 г. онъ уѣхалъ въ Испанію. Одинадцать лѣтъ о немъ не было слышно. Онъ жилъ при аррагонскомъ дворѣ. Вдругъ послѣ 11-лѣтняго отсутствія, онъ появился, окруженный каталонцами. Кромѣ монаховъ и духовныхъ всѣ сословія встрѣчали его восторженно и готовы были биться за него. Раймондъ также агитировалъ въ его пользу и легкомысленно подстрекалъ своихъ подданныхъ на возмущенія, зная очень хорошо, что возвращеніе прошлаго невозможно. Съ замѣчательной быстротой Тренкавель завладѣлъ почти всѣмъ, что прежде принадлежало его отцу. Онъ занялъ Каркассону, не смотря на проклятія архіепископа нарбоннскаго и епископа тулузскаго. Но тутъ кончился его успѣхъ. Изъ Франціи, подъ начальствомъ Жана Бомона, прибыла армія; она оттѣснила виконта въ Монреаль (216). Здѣсь онъ долженъ былъ сдаться превосходнымъ силамъ. Ему предложили свободный пропускъ со всѣми приверженцами. Онъ удалился въ Каталонію, оставивъ любившихъ его подданныхъ на произволъ французскихъ начальниковъ. Что положеніе каркассонцевъ было тяжелое — показываютъ пять прошеній королю о насиліяхъ, которыя они

---

(216) Объ этой попыткѣ Тренкавеля Douet d'Arcq. Documents publiés sur le siège de Carcassone en 1240 (Bibl de l'Ecole des Chartes, 2 sér. II, 363—379, a. 1846). Составлено по донесеніямъ королевѣ сенешала Гильома des Ormes.— См. также Praecl. Franc. fac. a. 1240 и Guil. de Pod. c. 43—44.

терпятъ отъ его епископовъ; жаловались даже женщины, называя себя несчастнѣйшими (pauperissimae mulieres) существами ([217]). Тѣмъ болѣе было непростительно увлекать этотъ несчастный и преданный народъ. Тренкавель не ограничился одной попыткой. Онъ скоро опять вернулся. Опираясь на обѣщаніе и слабое содѣйствіе королей Кастиліи, Наварры и Аррагоніи и, заключивъ союзъ съ графомъ де-ла-Маршъ, онъ, очертя голову, пыталъ послѣднее счастіе ([218]). Пять лѣтъ онъ дѣлалъ набѣги на свои родовыя земли, и кончилъ тѣмъ, что уступилъ Франціи свои права на Безьеръ и Каркассону, отказался отъ титула, а самъ въ качествѣ простаго рыцаря пошелъ въ 1247 г. за Людовикомъ въ крестовый походъ. Онъ отказался отъ слѣдуемой ему ренты въ 600 ливровъ. Это все, что оставалось отъ богатыхъ владеній Безьера, Каркассоны, Нима, Альби и Агда. Его потомство приняло частную фамилію Безьеровъ и скоро послѣдніе слѣды знаменитой династіи исчезли. За всѣ такія неудачныя попытки національныхъ государей Юга расплачивался народъ, сводя за нихъ счетъ съ сенешалами и инквизиторами.

Послѣ долгаго молчанія тулузскій трибуналъ разразился въ декабрѣ 1241 г. рядомъ протоколовъ надъ множествомъ подсудимыхъ ([219]). Каждое воскресенье въ теченіе Рождественскаго поста читались въ каѳедралѣ длинныя сентенціи, тянулся цѣлыми днями церемоніалъ надъ обращенными. Въ первое воскресенье осудили на покаяніе 120 человѣкъ и облачили ихъ въ особые наряды; между ними, какъ всегда, на половину были женщины. Нѣкоторыя изъ послѣднихъ только за то, что встрѣчали еретиковъ у своихъ знакомыхъ; другія за то, что принесли изъ Константинополя какіе-то священные пальмовые кресты и носили ихъ на платьѣ. Въ слѣдующее воскресенье обратили 104, изъ нихъ одна жен-

([217]) Bibl. des Chartes; II, 371—379.

([218]) Rien de si singulier que l'histoire des quelques uns des seigneurs du Midi à cette époque; ils disparaissent tout à coup comme ces rivières qui se perdent dans les terres pour ne plus reparaître, qu'à de grandes distances». Douet d'Arcq, 364.

([219]) Doat; XXI, 185—312.

щина за то, что два раза имѣла несчастіе видѣть еретика ([220]). Слѣдомъ за тѣмъ 90 и еще 50 человѣкъ; между ними одни за то, что приняли и накормили двухъ вальдензовъ, увѣрившись, что они «добрые люди». Впрочемъ подъ послѣдними словами хотѣли выразить всегда цѣлый кругъ преступленій противъ вѣры, какъ въ послѣдствіи, во времена республиканскаго террора во Франціи подъ фразой: «conspirer contre l'unité et l'indivisibilité de la république» и т. п. Къ оговоркѣ, что подсудимый называлъ себя добрымъ христіаниномъ, или знался съ еретикомъ, прибѣгали тогда, когда не находили другихъ болѣе вѣскихъ и точныхъ обвиненій. Такъ въ этомъ же процессѣ, на одного показали, какъ онъ говорилъ что Богъ не творилъ ни человѣка, ни хлѣба, ни вина, ни прочихъ злаковъ—но виновный отдѣлался лишь покаяніемъ, странствіями и богомольемъ. Но этимъ далеко не ограничился списокъ жертвъ трибунала. Для дня Спасителя было осуждено 204 человѣка. А сверхъ того, отправленные съ нарочной цѣлью, доминиканцы осудили въ Монпелье 21, въ Альтамонтѣ 21, въ Кастельновѣ 11 и въ Муассакѣ 88 человѣкъ.

Вотъ отвѣтъ, который дала инквизиція на легкомысленныя попытки Раймонда и Тренкавеля. Въ нѣсколько недѣль было осуждено 700 жертвъ. Что осужденія и приговоры трибуналовъ были не безъ связи съ политическими движеніями, доводомъ служитъ осужденіе многихъ рыцарей, оруженосцевъ и людей вліятельныхъ, обвиненныхъ въ покровительствѣ ереси ([221]).

И не только на этотъ разъ, но и послѣ, на судьбахъ инквизиціи отражалось политическое состояніе Лангедока. Это показалъ дальнѣйшій ходъ событій.

Послѣдніе носители славныхъ воспоминаній независимости Юга, покинутые счастьемъ и друзьями, но сохранившіе любовь своихъ подданныхъ, сходили въ могилу. Два доблестныхъ старца, представители знаменитыхъ династій и громкихъ именъ, Рожеръ Бернаръ II, графъ де-Фуа и Бер-

([220]) D. 207.

([221]) Напр. въ отдѣльномъ приговорѣ 8 дек. 153—155.

наръ, графъ Коммингъ, умерли въ одинъ годъ и оба внезапно. На нихъ покоились послѣднія надежды патріотовъ, но они были обезсилены, раззорены; французскіе гарнизоны держали ихъ въ постоянномъ плѣну, выжидая ихъ смерти. Ихъ беззавѣтная храбрость, боевое искусство были безполезны при отсутствіи единства. Раймондъ VII не обѣщалъ многаго съ уступчивостью своего характера. Измученный въ долгой борьбѣ, онъ, казалось, предавался наслажденіямъ, отдыху послѣ позора и, какъ говорили, ласкалъ свои цѣпи. Но никто не зналъ, что въ этомъ съ виду спокойномъ, равнодушномъ человѣкѣ, по временамъ закипаетъ неутомимая душевная буря, плодъ сознанія своего позора, что это сердце пылаетъ одной ненавистью къ завоевателямъ. Онъ не былъ, подобно двумъ своимъ предкамъ, сторонникомъ альбигоизма, сочувствовалъ суровымъ мѣрамъ противъ еретиковъ, но гасители въ рясахъ возбуждали въ немъ наслѣдственную злобу. Стремленіе возвратить потерянную независимость онъ скрывалъ такъ искусно, что простодушный Людовикъ IX всегда видѣлъ въ немъ вѣрнаго друга. Между тѣмъ въ тиши онъ готовилъ средства къ возмущенію и продолжалъ заискивать во всемъ Лангедокѣ. Инквизиторы своими судилищами давно возбуждали общую ненависть. Трибуналъ былъ живымъ поводомъ къ возстанію. Графу нуженъ былъ хорошій союзникъ внѣ Лангедока, который могъ бы парализировать силы французскаго правительства. Феодализмъ еще гордо носилъ свою голову. Мы помнимъ какъ Бланка одолѣла феодальную оппозицію лишь помощію интриги и измѣны. Графъ де ла Маршъ протянулъ Раймонду дружескую руку. Можетъ быть онъ первый возбудилъ въ немъ мысль о возможности вернуть прошлыя времена, столь счастливыя для феодаловъ. Онъ разсчитывалъ на поддержку англійскаго короля Генриха III, который былъ его зятемъ. Графъ ла-Маршъ опирался въ своемъ возстаніи противъ французской короны не на феодальные принципы, а на нѣчто болѣе серьозное. Патуанцы, обитатели графства Пуатье, питали издавна къ французамъ ту же національную вражду, какъ провансальцы.

Чтобы удобнѣе сноситься съ ла Маршемъ, Раймондъ VII поѣхалъ въ Аженуа, и искусно не обнаруживалъ предъ французами ни своей враждебности, ни своихъ приготовленій. Пріѣхавъ въ замокъ Пень, онъ почувствовалъ припадокъ болѣзни. Можетъ быть это было хитростью съ его стороны, чтобы отвлечь отъ себя всякое подозрѣніе и получить предлогъ помириться съ Церковью наканунѣ великаго дѣла. Разошлись слухи, что графъ близокъ къ смерти. Такъ какъ онъ состоялъ подъ нѣсколькими церковными отлученіями, то не могъ быть пріобщенъ безъ крайней необходимости. Мѣстное духовенство озаботилось справиться о состояніи больного. Спрошенный врачъ графскій, профессоръ медицины въ Тулузѣ, объявилъ, что больной безнадеженъ. Оффиціалъ епархіи, священники и капелланъ замка вошли въ комнату умирающаго. Раймондъ просилъ ихъ благословенія и разрѣшенія передъ близкою смертію. Онъ обѣщалъ, если останется въ живыхъ, удовлетворить Церковь по всѣмъ ея требованіямъ и содѣйствовать къ уничтоженію ереси. На немъ лежали кромѣ прежнихъ проклятій за ересь четыре отлученія за ущербы, понесенные въ разныхъ епархіяхъ во время послѣдней его войны съ Провансомъ, въ Арлѣ, Кавальонѣ и Вазонѣ; даже духовные Аженуа имѣли на него претензіи (223). Выслушавъ его исповѣдь, оффиціалъ снялъ отлученія и пріобщилъ больного. Черезъ нѣсколько дней Раймондъ былъ на дорогѣ въ Тулузу. Его извѣстили, что ла-Маршъ уже поднялъ возстаніе.

Въ апрѣлѣ 1242 г. Раймондъ созвалъ въ Тулузу феодаловъ Лангедока. Всякій изъ нихъ зналъ за чѣмъ ѣхалъ. Слезы текли изъ глазъ и восторгъ сіялъ на лицахъ, когда Раймондъ напомнилъ имъ, что они были и чѣмъ они стали. Старый государь, такъ симпатичный своими несчастіями, тронулъ въ сердцѣ каждаго самыя живыя струны. Рожеръ, графъ Фуа, сейчасъ же написалъ актъ клятвеннаго союза, въ которомъ съ увлеченіемъ говорилъ: «Давно знаемъ, графъ, сколькихъ земель лишилъ васъ король Франціи; у насъ есть средства для предпріятія; мы разсмотрѣли внимательно все, что относится къ этому дѣлу; мы видимъ, что время настало. Клянемся надъ св. Евангеліемъ служить вамъ вѣрно въ этой войнѣ; мы всѣ соединимся съ вами, какъ съ законнымъ государемъ, всѣ будемъ помогать вамъ противъ короля и всѣми силами будемъ защищать васъ (224).»

---

(222) Boutaric. S. Louis et Alphonse de Poitiers; p. 51.
(223) Preuves de l'hist. de Lang. VI, 430—№ 29.
(224) id. № 30.

Графы Коммингъ, Арманьякъ, Родецъ, виконты Нарбонны, Лотрека, Ломаня, Люнеля, наконецъ депутаты Альби и другихъ городовъ обѣщали содѣйствовать Раймонду. Не начинали еще военныхъ дѣйствій, но уже не скрывали цѣлей возстанія. Раймондъ поѣхалъ въ Аженуа.

Перваго мая 1242 года, онъ былъ въ Аженѣ и здѣсь то обнаружился истинный характеръ его стремленій. Не во имя свободы совѣсти готовились феодалы воспользоваться народной кровью. Опытъ несчастій научилъ ихъ, какъ опасно быть на сторонѣ людей, гонимыхъ Церковью; они сознали, что всѣ бѣдствія ихъ самихъ и ихъ отцевъ произошли отъ отсутствія солидарности съ альбигойцами и теперь, въ виду новой и вѣроятно послѣдней попытки, они отреклись отъ своихъ прежнихъ друзей, продали ихъ тѣмъ же монахамъ и тѣмъ же инквизиторамъ, думая вымолить поддержку или хотя нѣмое содѣйствіе Церкви. Они хотѣли порвать всѣ связи съ прошлымъ, какъ выскочки, думающіе о выгодныхъ новыхъ связяхъ и презрительно чурающіеся старыхъ, но ненужныхъ и обѣднѣлыхъ друзей.

Въ этотъ день Раймондъ подписалъ такой договоръ, отъ котораго отшатнулся бы съ ужасомъ всякій изъ его предковъ. Все его старое благородство исчезло. Съ дерзкимъ равнодушіемъ, твердою рукою, онъ, узнавъ о цѣнѣ, подписалъ актъ продажи духовенству всѣхъ альбигойцевъ, ихъ соумышленниковъ, защитниковъ, всѣхъ недруговъ Церкви, которые живутъ и будутъ жить подъ его властію. Отъ него ничего не просили; напротивъ, онъ самъ навязывалъ теперь свое содѣйствіе инквизиціи. Онъ предоставилъ трибуналамъ полную свободу дѣйствій; въ ихъ власть онъ отдалъ еретиковъ или лучше всѣхъ подданныхъ. Этотъ актъ хранился въ архивахъ каркассонской инквизиціи. — «Свѣтлѣйшій графъ тулузскій пришелъ къ намъ, — пишетъ епископъ Ажена въ присутствіи многихъ свѣтскихъ и духовныхъ свидѣтелей, — пришелъ къ намъ и настоятельно просилъ насъ съ умиленіемъ сердечнымъ (toto cordis affectu humiliter postulando), завѣряя, что искренно хочетъ уничтожить во всѣхъ земляхъ своихъ еретическое нечестіе, чтобы мы поступали противъ еретиковъ въ діоцезѣ нашемъ по инквизиціонному обычаю и искореняли всѣми силами ересь, предназначивъ для этого или миноритовъ или доминиканцевъ или другихъ хорошихъ людей, которые съумѣютъ все это совершить, какъ слѣдуетъ, во

имя Бога и справедливости» ([225]). Казалось бы нѣтъ надобности внушать епископамъ пользу инквизиціи, но Раймондъ явился на этотъ разъ усерднымъ ходатаемъ трибунала, адвокатомъ его достоинствъ. Въ этомъ документѣ онъ предлагалъ назойливо свое содѣйствіе и всѣ средства къ услугамъ инквизиціи, къ преслѣдованію и наказанію еретиковъ, и особенно усердствовалъ двумъ инквизиторамъ въ Аженуа, Бернару де Кансіо и Іоанну, если только они будутъ дѣйствовать не отъ имени провинціала. Раймондъ не забылъ одного—оскорбленія, которое лично ему сдѣлалъ Челлани. Онъ заявлялъ въ концѣ документа, что не отказывается отъ своей прежней жалобы на тулузскаго пріора и на дѣйствія доминиканцевъ.

Съ такимъ дѣтскимъ легкомысліемъ, стоя почти у гроба, наканунѣ важныхъ предпріятій, этотъ идолъ обманутаго имъ народа продавалъ все, что было благороднаго въ его дѣятельности, для цѣлей своего личнаго честолюбія; онъ оговорился только въ одномъ, чтобы не трогали его мелочной, личной вражды.

Могъ ли быть какой либо успѣхъ въ національной войнѣ, когда изъ нея отстранялся цѣлый элементъ, едва ли не самый сильный и существенный, потому что имъ двигала вѣра. Вся исторія тулузской династіи показывала, что ея сила лишь въ союзѣ съ церковной оппозиціей.

Теперь былъ рѣдкій случай опереться не только на остатки альбигойства, но на все народное отвращеніе къ трибуналамъ и на множество безвинныхъ жертвъ инквизиціи. Раймондъ не воспользовался ими и снова уже навсегда проигралъ дѣло.

А между тѣмъ несчастные альбигойцы думали, что дѣйствительно имъ будетъ легко жить, что монахи и варварскіе суды не станутъ ихъ мучить. Они дались въ обманъ и, очертя голову, первые кинулись на своихъ враговъ. Пока

([225]) id. № 31. Далѣе: Quod ipse erat promptus penitus et paratus, bona fide, sicut decet fidelem principem, haereticos persequi, et nos in inquisitionibus juvare pro posse, et Praed. et Minores, et omnes alios viros quos nos duceremus ad hoc specialiter destinandos etc.

Раймондъ сражался съ французскими вождями, они разсчитывались съ инквизиторами.

Въ области Ларагуэсъ есть замокъ Авиньонскій; теперь онъ называется Санъ Папуль. За нѣсколько дней до праздника Вознесенія, въ 1242 г., во дворцѣ этого замка остановилось 11 путешественниковъ. Восьмеро изъ нихъ были монахи. Одинъ монахъ въ бѣлой рясѣ наводилъ особенный страхъ на жителей. Скоро узнали, что онъ изъ Тулузы и пріѣхалъ въ Авиньонетъ съ цѣлью карать жителей за ересь. Его особенно боялся городской бальи Раймондъ Альфаро. 27 мая, наканунѣ праздника, навѣстилъ пріѣзжихъ пріоръ Авиньонета и бесѣдовалъ съ ними до самой ночи. Разговоръ дѣйствительно шелъ объ открытіи инквизиціоннаго трибунала въ этомъ небольшомъ городкѣ. Завтрашній праздникъ былъ удобнымъ предлогомъ. Два монаха, которымъ всѣ прочіе оказывали особенное почтеніе, были извѣстные инквизиторы, Арнальди и Стефанъ. Съ ними былъ ихъ постоянный сотрудникъ въ Тулузѣ архидіяконъ Лезата и новый инквизиторъ, доминиканецъ Раймондъ Писатель (Scriptor); при каждомъ изъ нихъ былъ послушникъ. Нотарій и два прислужника тулузскаго трибунала, прибывшіе вмѣстѣ съ ними, ясно показывали съ какою цѣлью путешественники посѣтили Авиньонетъ. Альфаро имѣлъ основаніе опасаться стать первою жертвою трибунала. Назначенный на свою должность графомъ Раймондомъ, онъ зналъ въ какихъ отношеніяхъ былъ послѣдній къ Арнальди и вообще доминиканцамъ. Онъ разсчитывалъ однимъ ударомъ спасти себя и угодить своему государю. Въ день прибытія инквизитора, онъ только что вернулся отъ графа.

Недалеко отъ Авиньона, въ отрогахъ пиринейскихъ лежитъ въ скалахъ замокъ Монсегюръ. Онъ не былъ занятъ французами. Почти неприступная мѣстность и преданія прошлаго дѣлали его даже и теперь мѣстомъ убѣжища еретиковъ и гонимыхъ. Не только альбигоецъ, но и всякій преступникъ, даже разбойникъ, спасшійся въ Лангедокѣ отъ рукъ правосудія, считалъ себя свободнымъ въ Монсегюрѣ. Его владѣтель, старый сеньоръ Рожеръ Мирепуа гордился тѣмъ, что онъ одинъ не склоняетъ своей головы предъ королемъ и по завѣту предковъ поддерживаетъ честь баронскую. Во всемъ свѣтѣ Монсегюръ былъ единственной крѣпостью еретиковъ. Въ такомъ городѣ, наполненномъ бѣгле-

цами было много пострадавшихъ лично отъ инквизиціи и пылавшихъ особенною ненавистью къ Арнальди. Мирепуа одобрилъ предпріятіе бальи ([226]), и послалъ въ его распоряженіе своихъ воиновъ. Альфаро расположилъ въ рощѣ этотъ небольшой отрядъ. Изъ него было отобрано 12 охотниковъ, которымъ роздали топоры и мечи. Была ночь на Вознесенье. Рыцарь Видаль привелъ 12 человѣкъ ко дворцу. Онъ встрѣтилъ на улицахъ нѣсколькихъ вооруженныхъ горожанъ, у которыхъ видимо было одно съ нимъ намѣреніе. Послали узнать, что дѣлаютъ монахи.—Они ложатся, былъ отвѣтъ.—Видаль пополнилъ свой отрядъ всѣми встрѣчными и тихо вошелъ во дворъ. Тутъ ждалъ его Альфаро. Оба поднялись на лѣстницу вмѣстѣ. Пріоръ также ночевалъ у инквизиторовъ. Всѣ 12 человѣкъ спали въ одной длинной комнатѣ—и всѣ были убиты. Одни не успѣли открыть глазъ, другіе проснулись, но не могли защищаться. Альфаро первый замахнулся тяжелою палицею и убилъ Арнальди, прежде чѣмъ онъ успѣлъ промолвить одно слово. Запертые изнутри, монахи и прислужники кричали въ смятеніи, но напрасно. Слабый свѣтъ освѣтилъ сцену. Послѣднія жертвы, обреченныя смерти, собрались въ кучу и начали пѣть «Te Deum»; они падали подъ топорами и ножами одинъ за другимъ. Убійцы приговаривали: va be, esta be, «очень хорошо, очень хорошо.» У мертваго Арнальди Альфаро отрѣзалъ языкъ. Двухъ слугъ бросили за окно. Бумаги, деньги и вещи убитыхъ растащили. Факелы замелькали на улицѣ; сбѣжа-

---

([226]) Percin. Martyres Avenioneti, c. 4, p. 202. Показанія предъ трибуналомъ свидѣтелей въ Preuves у Вессэ, VI, 450.—Другой разсказъ заключается въ показаніи сестры Массабрака, относившаго письмо къ Мирепуа, 18 марта 1244 г. Doat; XXII, 288—296. См. ниже въ III главѣ.—Третій—въ манускриптѣ тулузской библіотеки, № 159, in 4,—Confusiones de V libro Laurag. Frts Bernardi de Cancio inquisit.—показаніе Бертрана Квидерса, изъ котораго видно, что участвовало въ убійствѣ 80 человѣкъ изъ корыстной цѣли. Но въ концѣ: Requisitus quare voluit intervenire nec dictorum inquisitorum, respondit quod credebat et dicebatur ab aliis quod negotium inquisitionis esset in extinctum, et tota terra esset liberata et non fieret de cetero inquisitio.

лись тѣ, которые сочувствовали убійству. Альфаро разсказалъ, какъ было дѣло. Обращаясь къ своимъ сотрудникамъ, онъ прибавилъ: теперь всѣ вы будете счастливы. Убійцы вернулись въ лѣсъ, сѣли на лошадей и ускакали.—Все сдѣлано, спрашивали ихъ оставшіеся товарищи? – Все, отвѣчали имъ.

Въ Авиньонетѣ всѣ были довольны; немногіе если жалѣли, то одного пріора. Синьоръ Мирепуа былъ недоволенъ только тѣмъ, что ему не прислали головы Арнальди; изъ его черепа онъ разсчитывалъ сдѣлать чашу.

Въ ужасъ пришли тулузскіе монахи, когда узнали о гибели своихъ собратій. Но мстить было опасно. Возстаніе уже начиналось; Раймондъ VII велъ войну съ французами. Въ Авиньонетѣ болѣе не боялись угрозъ. Доминиканцы и минориты требовали только выдачи труповъ. Они получили ихъ и похоронили въ своихъ монастыряхъ, а архидіакона въ церкви св. Стефана.

Но убійцы ни мало не помогли Раймонду своимъ преступленіемъ. Напротивъ, многіе союзники, опасаясь послѣдствій убійства, тотчасъ отложились отъ графа тулузскаго (227). Папскій престолъ былъ вакантенъ, но кардиналы, жившіе во Франціи, изъявили письменно доминиканцамъ свое прискорбіе о случившемся и утѣшали ихъ. Каркассонская инквизиція произнесла проклятіе надъ убійцами и предписала Раймонду преслѣдовать ихъ подъ страхомъ анаѳемы. Епископъ тулузскій запретилъ богослуженіе и требы во всемъ городѣ и подъ этимъ интердиктомъ, лишенные всѣхъ религіозныхъ обрядовъ, жители пробыли 40 лѣтъ (228). Иннокентій IV особенною буллою велѣлъ причислить убитыхъ къ числу мучениковъ (229). А Раймондъ VII въ письмѣ къ королевѣ Бланкѣ обѣщалъ примѣрное наказаніе убійцамъ (230). Но черезъ мѣсяцъ самъ графъ поднялъ мятежъ противъ французскаго правительства.

(227) Guil. de Pod. c. 45.

(228) Mart. Avign. c. 5. Преданіе связываетъ съ снятіемъ интердикта чудо; колокола въ одной загородной церкви сами зазвонили, когда въ Римѣ папа подписывалъ разрѣшеніе. Это обстоятельство сдѣлалось предметомъ эксплуатаціи. Пій III въ 1537 г. ввелъ въ индульгенціи посѣщеніе этой чудотворной церкви (c. 6).

(229) 10 іюля 1243 г. изъ Ананьи у Percin. Mart. Avign. c. 13, p. 208.

Между тѣмъ Генрихъ III, исполняя свое обѣщаніе, внезапно началъ войну съ Франціей въ Гіенни на Шарантѣ и расположился лагеремъ подъ Тейльбургомъ. Людовика IX такая неожиданность изумила. По обыкновенію, онъ сталъ допрашивать свою совѣсть,—можно-ли ему воевать съ Генрихомъ, когда его отецъ клятвенно обѣщалъ 25 лѣтъ тому назадъ жить въ мирѣ съ Англіей: «Король англійскій обманутъ ложными обѣщаніями измѣнника ла-Марша и еретика Раймонда и мнѣ очень прискорбно, что онъ презрѣлъ меня,» говорилъ Людовикъ.—Но придворные вывели его изъ неудоменія и вмѣсто войны съ невѣрными пришлось пожинать лавры надъ католиками. Людовикъ IX очень счастливо избавился отъ опасностей. Англичане были плохо приготовлены къ войнѣ. Усоюзниковъ не было выработано плана дѣйствій; ла-Маршъ обманулъ Генриха III; союзниковъ было легко уничтожить по частямъ. Въ замкѣ Фронтнэ Людовикъ взялъ въ плѣнъ сына графа ла-Марша и 40 рыцарей. Ихъ совѣтовали повѣсить. — «Сынъ неповиненъ смерти, сказалъ король; онъ покорно долженъ былъ исполнить волю отца. Вассалы также; они до конца вѣрно служили своему сюзерену». Въ двухъ сраженіяхъ подъ Тейльбургомъ и подъ Сентомъ, Генрихъ долженъ былъ уступить поле битвы французамъ и удалился въ Бордо. Симонъ Монфоръ стяжалъ подъ Сентомъ военную славу. Людовикъ кинулся теперь на ла-Марша, отнялъ у него владѣнія и заставилъ просить мира. Ла-Маршъ бросился къ ногамъ короля. Онъ уступилъ часть своихъ владѣній и обязался воевать противъ Раймонда за Церковь. Все это совершилось тогда, когда возставшіе лангедокскіе феодалы съ Раймондомъ и Тренкавелемъ внесли войну въ домены короля; они успѣшно дѣйствовали около Нарбонны, такъ что городъ готовъ былъ свергнуть французскую власть. Французскій гарнизонъ вышелъ. Заручившись сочувствіемъ населенія, виконтъ Амальрикъ ввелъ въ Нарбонну Раймонда и призналъ его своимъ закон-

(230) Catel (Comtes de Toulouse, 3. 64) видѣлъ этотъ документъ въ каркассонскомъ архивѣ.

нымъ государемъ. Графъ не надолго поселился во дворцѣ своихъ предковъ. Онъ прежде всего сталъ вымогать суммы съ духовныхъ бенефицій на военныя издержки. Архіепископъ нарбоннскій Петръ Амелій удалился въ Безьеръ и здѣсь произнесъ отлученіе надъ Раймондомъ, называя его нарушителемъ мира, разбойникомъ, грабителемъ церковнаго достоянія, клятвопреступникомъ противъ Церкви и короля Франціи, со всѣми его сообщниками и заговорщиками, графомъ Коммингомъ, лже-виконтомъ безьерскимъ, баронами Терма и Клермона, ихъ дѣтьми и братьями. При этомъ онъ повторилъ отлученіе каркассонской инквизиціи надъ Раймондомъ (231).

Не обращая на это вниманія, Раймондъ оффиціально принялъ титулъ своихъ предковъ и, пользуясь отдохновеніемъ французовъ, тайно отправился въ Бордо для заключенія новаго союза съ королемъ англійскимъ. Генрихъ III обѣщалъ также не мириться съ Людовикомъ IX отдѣльно и защищать Раймонда VII даже послѣ церковнаго проклятія. Есть свѣденіе, что графъ тулузскій получилъ большую денежную субсидію отъ Генриха III (232). «Не отчаявайтесь, братъ мой, утѣшалъ короля Раймондъ. Помните, что вы могущественный государь и что вы въ силахъ одолѣть французскаго короля. Припомните, какъ я отразилъ его одинъ, хотя самъ папа помогалъ ему (233). Какъ только я прогоню съ моей земли этихъ измѣнниковъ, то быстро явлюсь къ вамъ на помощь.» Но всѣ эти обѣщанія были слишкомъ легкомысленны; Раймондъ не могъ положиться ни на одного изъ своихъ союзниковъ. Вернувшись въ Нарбонну, онъ увидѣлъ полное разложеніе въ своемъ лагерѣ.

Людовикъ IX между тѣмъ овладѣлъ областью Пуату, которую постыдно оставили англичане и только чума во французскомъ лагерѣ остановила его успѣхъ. По словамъ Матвѣя Парижскаго, въ арміи умерло 80 рыцарей и около 20 т. пѣхоты. Самъ король схватилъ заразу. Онъ тяжко заболѣлъ и ужасъ овладѣлъ французами. Однако хилое тѣлосложеніе Людовика пересилило болѣзнь Но при страшныхъ

---

(231) **Preuves, № 32—VI, 432.**
(232) **Matth Par. a. 1242.**
(233) **«Me solum cum adjutorio populi repulisse violenter». M. P. Дѣло идетъ объ Авиньонѣ; см. у насъ, т. II, стр. 117.**

потеряхъ въ людяхъ продолжать войну съ Англіей было нельзя. Людовикъ принялъ пятилѣтнее перемиріе, предложенное Генрихомъ (7 апрѣля 1243 г.), небезвыгодное для Франціи, и больной вернулся въ Парижъ. Къ тому времени возстаніе въ Лангедокѣ было уже подавлено и Раймондъ, снова униженный и побѣжденный, былъ у ногъ своего короля.

Французское правительство, руководимое умомъ королевы-матери, успѣло отдѣлить отъ Раймонда графа де-Фуа. Вопреки всѣмъ клятвамъ, послѣдній воспользовался первымъ предложеніемъ противниковъ и не только отсталъ отъ союзниковъ, но даже согласился сражаться противъ Раймонда. Онъ выговорилъ себѣ право быть прямымъ вассаломъ короны. Эта измѣна, совершенная съ удивительною легкостію, показываетъ какъ вырождалась нравственно провансальская аристократія и какъ угасалъ гордый духъ временъ ея независимости. Чувство чести и долга изчезло; всякій изъ владѣтелей заботился прежде всего о своей выгодѣ. Замѣчательно, что при этомъ одинъ узнавалъ себя въ другомъ. Чѣмъ объяснялъ Рожеръ де-Фуа свое отступничество? Онъ слагалъ всю отвѣтственность на того же Раймонда. Измѣна обыкновенно молчитъ. Здѣсь же она любуется собою и выставляется на показъ. Рожеръ указывалъ на судьбу своего отца, который былъ подобнымъ же образомъ покинутъ Раймондомъ VII предъ заключеніемъ парижскаго трактата. — «Мой отецъ тогда заключилъ не такой миръ, какой хотѣлъ, писалъ онъ Раймонду, а такой какой могъ; онъ тѣмъ связалъ себя и наслѣдниковъ своихъ; тогдашнія обязательства помѣшали на этотъ разъ нашимъ добрымъ желаніямъ относительно васъ. Потомъ вы не забыли конечно того, какъ обѣщали нашему покойному отцу, что будете жить въ ладу съ Церковью и съ королемъ и что въ противномъ случаѣ избавляли его отъ всякихъ обязательствъ къ вамъ самимъ». Далѣе Рожеръ посмѣивается надъ положеніемъ своего друга. — «Вы сами настаивали, ядовито продолжаетъ онъ, чтобы мы принесли присягу на вѣрность и подданство королю Франціи; мы же осыпаны отъ него благодѣяніями. Теперь король настоятельно убѣждаетъ скорѣе помогать ему противъ васъ; не исполнить этого значитъ быть виновнымъ и клятвопреступникомъ и лишиться доменовъ. И ваше высочество симъ извѣщаетесь, что мы рѣшились вѣрно служить королю и Церкви, давать ему и помощь и совѣтъ, и вы убѣдитесь что мы

тѣмъ самымъ уже избавляемся отъ всякой вѣрности и обязательствъ относительно васъ. Потому не удивляйтесь, если мы когда нибудь пойдемъ войною на васъ; мы съ вами впредь ничѣмъ не связаны въ войнѣ, которую поведемъ на пользу короля и Церкви ([234]).»

Трудно представить себѣ паденіе болѣе безстыдное и безнравственное въ людяхъ, отцы и предки которыхъ служили для народа образцемъ политическихъ доблестей. Такіе факты, какъ договоръ съ епископомъ Ажена и письмо Рожера, отвращаютъ всякое сочувствіе историка отъ этихъ лицемѣрныхъ патріотовъ несчастнаго Юга, спокойно торговавшихъ своими народами и собственною совѣстью.

Раймондъ получилъ роковое для него извѣстіе за осадою Пенна въ Аженуа. Онъ поспѣшилъ обязать присягой бывшихъ въ его лагерѣ вассаловъ де-Фуа. Напрасно онъ думалъ усовѣстить Рожера, припоминая все, чѣмъ обязанъ домъ де-Фуа своимъ сузеренамъ.—«Вспомните, какъ вы часто говорили мнѣ, что откажетесь отъ вашихъ доменовъ, когда увидите, что я лишился своихъ»... Для Рожера подобная фраза была ребяческою наивностью.

Раймонду невольно приходилось покориться. Со дня на день сильная армія изъ Гіенни могла прійти въ Лангедокъ и раздавить его слабые отряды. Епископъ тулузскій явился посредникомъ. Графъ уполномочилъ его вести переговоры съ королемъ отъ лица всѣхъ феодаловъ, участвовавшихъ въ мятежѣ. Епископъ былъ любезно принятъ королемъ, но предложенія, привезенныя имъ, передалъ въ свою курію. Тамъ рѣшили, что Раймондъ долженъ покориться безъ всякихъ разсужденій, довѣриться милости королевской. Чтобы поддержать такое рѣшеніе, Божё и епископъ клермонскій отдѣлились отъ главной арміи и придвинулись къ границамъ Керси.

20 октября Раймондъ и его друзья сдались на милость короля; при этомъ было условлено съ ихъ стороны, что альбигойцы и всѣ причастные къ дѣламъ ереси не имѣютъ права пользоваться этою амнистіею. — «Исполненный стыда и печали за все, что произошло, не изъ страха, а изъ другихъ побужденій, вамъ извѣстныхъ, писалъ онъ королю, я

([234]) Hist. gen. de Lang. l. XXV, c. 62.

обѣщаю всецѣло предаться вамъ, вѣрно служить для васъ противъ всѣхъ и каждаго, защищать и почитать Церковь согласно вашимъ желаніямъ, покровительствовать католической вѣрѣ, очистить страну отъ еретиковъ и совершить наказаніе надъ тѣми, которые позорно умертвили инквизиторовъ». Тотъ же Раймондъ писалъ королевѣ Бланкѣ, прося ее быть посредницею и обѣщая постоянную вѣрность ([235]). Епископъ, ходатай его, видѣлъ, что многіе мятежники уже упредили Раймонда, своего союзника и выискивали себѣ пощады цѣною измѣны общему дѣлу. Они согласились даже, если имъ прикажутъ, обратиться противъ Раймонда. Епископъ не встрѣтилъ ни въ Людовикѣ IX, ни въ куріи довѣрія къ обѣщанію и клятвамъ графа тулузскаго. Понадобилось ходатайство Бланки, которая приходилась кузиной Раймонду. Она оказалась къ нему очень милостива, такъ что многіе при дворѣ были даже недовольны. Король согласился простить мятежника, на условіяхъ парижскаго трактата, изъ снисхожденія къ его раскаянію. Въ Лорисѣ, 14 февраля 1243 г., онъ подписалъ договоръ, по которому онъ самъ, его союзники и всѣ владѣнія предавались милосердію короля ([236]). Три королевскіе коммиссара отправились принять клятву Раймонда. Савердюнъ, Пеннъ и еще четыре другихъ замка были уступлены королю въ ручательство. Жители Альби и Нарбонны были разрѣшены отъ присяги, когда-то принесенной ими Раймонду съ такимъ увлеченіемъ.

Чтобы угодить Бланкѣ, Раймондъ немедленно далъ приказъ повѣсить всѣхъ тѣхъ, которые принимали участіе въ убійствѣ инквизиторовъ въ Авиньонетѣ. Впрочемъ его воля послѣ Лорисскаго договора не значила ничего. Можно сказать, что онъ даже существовалъ изъ милости. Въ Тулузу прибыли королевскіе комиссары 23 февраля 1243 г. и объя-

([235]) Preuves; VI, 435—№ 37. Раймондъ VII объявлялъ себя въ рабской зависимости: «cognoscentes, quod non esset honor nobis, ubi ipse honorem principaliter et totaliter non haberet. Et si sic nos receperit, nos ei cum toto posse nostri perpetuo viriliter adhaerebimus, et fideliter contra omnes homines, et cum eo nos tenebimus, et ejus servitio, quod multum volumus, intendemus; nec quicquam nos unquam ab eo poterit separare.»

([236]) id, VI, 437.

зали капитулъ слѣдующей присягой: 1) соблюдая парижскій трактатъ, оставаться вѣрными королю и Церкви, въ случаѣ, если снова возмутится графъ Раймондъ; 2) помогать Церкви противъ еретиковъ и ихъ соумышленниковъ; 3) стоять за короля, если графъ возстанетъ противъ него. Всѣ жители Тулузы отъ 15-лѣтняго возраста были приведены къ этой присягѣ.

Два мѣсяца объѣзжали коммиссары города и области Раймонда до послѣдняго селенія и каждаго кастеляна, барона, рыцаря, оруженосца, горожанина и виллана, который былъ старше 15-лѣтняго возраста, привели къ присягѣ королю, хотя номинальный государь Раймондъ былъ еще живъ и даже разсчитывалъ оставить послѣ себя потомство, торжественно празднуя въ эти самые дни свой бракъ съ принцессой де-ла-Маршъ. Свадьбу праздновали черезъ недѣлю послѣ Лориса. Въ радостномъ самозабвеніи, съ заздравной чашей въ рукѣ, похоронилъ послѣдній представитель Раймондовъ независимость и свободу своихъ подданныхъ и привѣтствовалъ наступленіе годины рабства. Онъ, какъ дитя, или ни во что ставилъ свое горе, смѣясь надъ скорбью порабощеннаго народа, или думалъ утопить въ винѣ и въ празднествахъ свою великую печаль.

Когда такія явленія возможны, не можетъ быть болѣе рѣчи ни о провансальской національности ни о возрожденіи самостоятельности Юга. Судьба его была начертана.

Католическое духовенство на помѣстныхъ соборахъ съ своей стороны достаточно пособляло скорѣйшему уничтоженію національности. 18 апрѣля 1243 года происходило такое засѣданіе въ Безьерѣ. На немъ присутствовалъ Раймондъ VII. Онъ привезъ съ собою декларацію противъ доминиканцевъ, такъ какъ не имѣлъ ничего противъ самой инквизиціи. — «Доминиканцы Феррьеръ и Вильгельмъ Раймондъ, считая себя судьями надъ еретиками въ моихъ земляхъ, жаловался Раймондъ, произнесли противъ меня приговоръ отлученія; я законно аппелировалъ на это св. Престолу, такъ какъ нахожу ихъ судъ пристрастнымъ и несправедливымъ; такой приговоръ не только безчеститъ меня, но онъ постановленъ вопреки всякому праву. Такъ какъ апостольскій престолъ теперь вакантенъ, то я обращаюсь

къ собору, какъ относительно приговора доминиканцевъ, такъ и моей аппеляціи. Я надѣюсь, что соборъ окажетъ мнѣ заслуженную справедливость, въ уваженіе моей личности и репутаціи» ([237]).

Раймондъ черезъ два дня имѣлъ особое свиданіе съ епископами лангедокскими, а именно Тулузы, Ажена, Кагора, Альби и Родеца. Онъ просилъ ихъ или принять на себя инквизицію или поручить ее отъ своего имени цистерціанцамъ, францисканцамъ и доминиканцамъ, кому угодно, но подъ условіемъ, чтобы эти судьи дѣйствовали отъ лица епископовъ. Тогда онъ вызывался помогать имъ всѣми силами, исполнять ихъ постановленія чрезъ своихъ вигуэровъ и бальи, казнить и заточать виновныхъ. Прелаты не могли дать ему никакого отвѣта, такъ какъ Церковь и не имѣла въ это время верховнаго представителя, который одинъ могъ рѣшить подобный вопросъ. Но въ принципѣ католицизмъ не могъ уступать съ однажды принятаго пути.

Что искренности Раймонда въ дѣлахъ вѣры не довѣряли, — это было ясно. Людовикъ IX, заключивъ съ нимъ миръ, находилъ нужнымъ дѣлать сборъ съ духовенства и монастырей на искорененіе ереси, который обусловливалъ недовѣрчивостью къ графу тулузскому, какъ къ старому еретику, недавно умертвившему нѣсколькихъ проповѣдниковъ ([238]). Духовенство, хотя было избавлено отъ платежей и поборовъ, но чувствуя, что настали плохія времена и что множество вѣрныхъ было въ опасности, рѣшилось стать уступчивѣе обыкновеннаго и единодушно опредѣлило въ Парижѣ сборъ двадцатины съ доходовъ французской Церкви.

Поставленные по прежнему независимо, съ избраніемъ въ папы Иннокентія IV друга св. Доминика, инквизиторы на нарбоннскомъ соборѣ, въ концѣ 1243 г., получили разъяснительныя инструкціи въ 29 канонахъ. Здѣсь были опредѣлены подробности покаянія еретиковъ, которое по седьмому канону инквизиторы могли усиливать или уменьшать. Здѣсь выработалась та практика инквизиціи, съ которой мы познакомились въ общемъ очеркѣ; здѣсь же была сдѣлана попытка возвысить ея авторитетъ устраненіемъ денежныхъ

([237]) Gallia Christiana; VI, 155.
([238]) Matth. Par. a. 1242.

пеней ([239]). Но эта попытка имѣла въ виду собственно не самую инквизицію а доминиканцевъ; денежныя пени предоставлено было налагать епископамъ и папскимъ легатамъ. Значитъ инквизиція не облагороживалась и съ этой стороны; корысть оставалась ея существеннымъ стимуломъ. Чтобы гарантировать справедливость приговора, оба инквизитора должны дѣлиться между собою свѣденіями и мнѣніями о подсудимыхъ. Запрещалось осуждать безъ явныхъ документовъ и безъ собственнаго сознанія подсудимаго, ибо лучше оставить безнаказаннымъ преступленіе, чѣмъ осудить невиннаго. Если бы такому принципу 23 канона было дано осуществленіе, то духъ инквизиціи долженъ бы радикально измѣниться, такъ какъ до сихъ поръ трибуналамъ не возбранялось осуждать вмѣстѣ съ виновными безвинныхъ, во избѣжаніе вреднаго для вѣры снисхожденія Но это начало такъ дисгармонировало съ общимъ унисономъ всякихъ беззаконій, проявившихся въ учрежденіи инквизиціи, что отстранялась всякая возможность его осуществленія. Не далѣе какъ рядомъ съ этимъ 23 канономъ былъ поставленъ другой, который допускалъ обвинителями и свидѣтелями въ трибуналѣ всѣхъ преступниковъ и безчестныхъ. Прелаты знали, что одно дѣло говорить, другое дѣйствовать. Можно подумать, что эту благородную идею, лицемѣрно высказанную за 500 лѣтъ раньше Беккаріи, хотѣли осмѣять и опозорить.

Ко всему этому нарбоннскій соборъ заявилъ въ заключеніе, что своими наставленіями онъ не хочетъ связывать инквизиторовъ, что его каноны лишь дружескій совѣтъ и что во всемъ трибуналъ сообразуется съ папскими указаніями. Это было сказано въ первые дни папствованія Иннокентія IV, а мы знаемъ какъ онъ отнесся къ трибуналамъ. Онъ усилилъ ихъ строгость, поставивши ихъ выше себя, и окончательно установилъ зданіе, стоявшее до сихъ поръ на непрочномъ основаніи. Теперь его могло опрокинуть одно время, а не люди.

Послѣ политическаго движенія, инквизиція могла найти въ Лангедокѣ новую пищу. Всякая попытка, враждебная французскому владычеству, отражалась немедленно на религіозномъ вопросѣ, такъ какъ встрѣчала ревностныхъ приверженцевъ въ

([239]) **Mansi. Conc. XXIII, 355 etc. кан. 17.**

альбигойцахъ. Во время мятежа инквизиція не могла услѣдить за еретиками, ихъ проповѣдниками и такъ называемыми совершенными. Преслѣдуемые въ одномъ мѣстѣ, они появлялись въ другомъ. Они находили себѣ приготовленныя убѣжища. Когда было опасно помѣстить альбигойскаго священника или діакона въ замкѣ, ему давали пріютъ въ лѣсныхъ хижинахъ, куда стекались ученики, жадные выслушать поученіе. Сцена альбигойства въ эти годы переносится въ лѣса, какъ въ первыя времена катаризма. Область Ларагуэсъ требовала особаго трибунала. Замокъ Монсегюръ былъ центромъ, откуда расходились еретическіе проповѣдники, пуская въ этотъ моментъ новые корни альбигоизма. Его окружали большіе лѣса, покрытые крутыми рытвинами и отрогами Пиринеевъ. Современные протоколы обнаружили, какая усиленная агитація производилась здѣсь, помимо феодальныхъ руководителей политическаго движенія. Въ лѣсу Lagarde училъ Вильгельмъ Ричардъ; къ нему собирались слушать и вкушать благословенный хлѣбъ: В. Роваль, Понсъ, Фабри, Б. Аламанъ, В. Гитаръ; тутъ же происходили состязанія Ричарда съ католикомъ Петромъ Бруни. Подобный же пріютъ былъ въ лѣсу dels Cunhs и Bosc Donat. Въ лѣсу Labastide раздавались рѣчи Р. Лагета, Р. Гроса и Бонафоса. Аламаны, Вильмуры и Мервили, принадлежавшіе къ извѣстнымъ рыцарскимъ родамъ, тѣснились около нихъ. Около С. Жермьера въ лѣсу Pierre-Cave училъ Бернаръ Гастонъ. Въ окрестностяхъ Кассера, въ рощѣ la Guisola поселились альбигойки цѣлой общиной. Имъ приносили пищу въ изобиліи, восхищались ихъ ученіемъ; ихъ всегда заставали за пряжей льна. Недалеко отъ нихъ поселились въ хижинахъ братъ Сикръ и В. Америкъ съ товарищами. Къ нимъ приходили просить мира и приносили дары. Нѣкоторые фанатики не хотѣли жить на одномъ мѣстѣ и выжидать тамъ посѣтителей. Они ходили изъ мѣста въ мѣсто разносить свои идеи. Объ ихъ прибытіи скоро узнавали; когда было возможно, то изъ лѣса ихъ торжественно вводили въ городъ, и зажиточные люди городка или селенія считали за честь помѣстить ихъ у себя, накормить и снабдить всѣми средствами для путешествія. Ихъ проповѣдь сохраняла свои прежнія начала; альбигойская догма остановилась и перестала развиваться. Отшельники предписывали тѣ же требованія воздержанія. Часто они разводили супруговъ, какъ было напр. въ

Ланитарѣ. Нѣкто Бернаръ Брусъ первый сталъ дѣлать это. Не всѣ проповѣдники и проповѣдницы съ ихъ спутниками (compagna) отличались нравственной чистотой и соблюденіемъ того воздержанія, какому они поучали. Между собою нѣкоторые изъ нихъ находились въ интимныхъ отношеніяхъ. Въ одномъ показаніи (deposition) говорится, что вѣрная Willemette Companh была при посвященіи своего любовника; свидѣтелями обряда были его больная сестра, ея мать и много постороннихъ значительныхъ лицъ. У ней же братья Сантъ-Андре, исповѣдовавшіе альбигойство и не вступавшіе въ бракъ, всегда могли находить къ своимъ услугамъ діакониссъ альбигойскихъ. Преимущественно у послѣднихъ любили останавливаться проповѣдники и даже сами епископы еретическіе. Съ нѣкоторыми они находились въ болѣе прочной связи. Такъ архіерей Б. Мартинъ отбилъ у одного еретика красавицу На Байону и сталъ жить съ ней. Къ нѣкоторымъ духовнымъ служителямъ альбигойскимъ привязывались и католички, жены и дочери знаменитыхъ фамилій. Онѣ не щадили для нихъ ничего, повергали къ ихъ ногамъ свое достояніе и самую честь. Между собою онѣ, не краснѣя, называли себя ихъ любовницами. Онѣ прислуживали имъ, кормили, одѣвали и любили ихъ. При такихъ условіяхъ, странствующіе проповѣдники легко находили награду трудовъ своихъ; воспрещая роскошную жизнь и увеличеніе населенія правильными браками, альбигойская догма не возбраняла даже духовнымъ тайныя ласки прекрасныхъ дамъ, съ тѣмъ, чтобы онѣ не освящались узами брака. Безплодіе женщины, вопреки обыкновеннымъ понятіямъ, стало считаться священнымъ. Разрушая семейныя узы, указывая на

(240) Въ показаніяхъ своихъ относительно сочувствія «добрымъ людямъ», подсудимые сознавались, что приносили имъ съѣстное и одежду до всѣхъ мелочей. То и дѣло встрѣчаются выраженія: portavit aliquod dictis haereticis, unam anguillam, empastad de piscibus, unum caput de salmone, duos empastastadz de salmo, unam cucurbitam plenam vino, vinum et fogasses (лепешки. Lexique Roman de Raynouard; III, 346) etc. Doat. XXII, XXIII, XXIV—Иногда все преступленіе состояло въ томъ, что случайно накормили 4 вальдензовъ (XXII, 30) или одному подали милостыню (XXIV, 278).

бесплодныхъ развратницъ, какъ на лучшихъ женъ, альбигойство подрывало всѣ основы человѣческаго общества. Развратъ приходилось поощрять и еретички, удостоенныя вниманія своихъ священниковъ и епископовъ, по грубому пониманію своей вѣры, считали себя выше прочихъ женщинъ и требовали особеннаго почитанія.

Строй альбигойской Церкви, ея іерархія, догматика, обряды, обычаи, нравы, — все это раскрылось по доносамъ и допросамъ, произведеннымъ въ тѣ самые годы. Первый изъ допросовъ, важный въ этомъ отношеніи, помѣченъ 1 маемъ 1243 г. (241). Строгія аскетическія требованія, обязательныя для ея послѣдователей, поразили въ этотъ день самихъ инквизиторовъ. Трудно было догадаться, что подъ наружной чистотой скрывается столько лицемѣрія и нравственнаго противорѣчія, уничтожавшаго протестъ альбигойскій. Доносчикъ разсказывалъ трибуналу про то, что онъ видѣлъ въ Монсегюрѣ у Р. Переллы, когда тамъ ночью поучалъ архіерей альбигойскій Госелинъ и въ присутствіи многихъ благородныхъ рыцарей совершалъ обрядъ посвященія. Предъ нимъ посвященный падалъ на колѣни, обращался къ присутствующимъ и просилъ ихъ молить Бога, чтобы Господь сдѣлалъ изъ него добраго христіанина и ниспослалъ благой конецъ. Госелинъ училъ, какъ альбигоецъ долженъ стоять на высотѣ своего призванія; ему предписывалось строгое воздержаніе, между прочимъ запрещалось вкушать мясо, яйца, сыръ, масло и рыбу. Ему запрещалось клясться, лгать и предаваться всякимъ страстямъ (nec aliquam libidinem exerceret toto tempore). Всю жизнь онъ долженъ былъ поступать такъ. Страхъ смерти, самый костеръ не должны страшить его. Умирая, онъ долженъ исповѣдывать свои убѣжденія. Рѣчь Госелина увлекла присутствующихъ; они плакали. Потомъ къ обращенному каждый сталъ подходить по учереди; его лобызали и называли братомъ; затѣмъ всѣ другъ о друга просили благословенія и мира; мужчины цѣловались другъ съ другомъ, женщины между собою.

Трибуналъ обнаружилъ, что въ Мирепуа альбигойскіе обряды совершаются также открыто, какъ и въ Монсегюрѣ. Тяжело больной просилъ принесть себя въ собраніе вѣру-

(241) D. XXII, 154—172—доносъ Gathard del Congost.

ющихъ и получалъ посвященіе, что было поводомъ къ большему торжеству. Такъ сдѣлалъ одинъ изъ бароновъ Мирепуа Петръ Рожеръ Сейссакъ въ Каркассонѣ, Гильабертъ де С. Поль въ Пюи Лоранѣ и многіе другіе ([242]). Умирающихъ собратьевъ альбигойцы навѣщали и напутствовали, не взирая ни на что. Врачи не боялись лѣчить; близкія и не близкія женщины ухаживали за больнымъ съ одинаковымъ рвеніемъ. Утѣшенный умиралъ на рукахъ дамъ, оруженосца и совершеннаго. Это было въ то время, когда шпіонство сдѣлалось ремесломъ, когда страхъ за жизнь разрывалъ всякія узы, когда нерѣдко, какъ въ дѣлѣ жены Арнольда Вильнева, дочь выдавала заразъ своего отца, барона Ла-Барда въ томъ, что онъ держалъ у себя открытый домъ для еретиковъ, и свою мать, что она такой-же домъ имѣла въ Тулузѣ ([243]). Вильнева доносила, что мать ея развелась съ мужемъ и умерла на попеченіи еретиковъ; она была у матери въ самый день смерти, но ея не допустили, потому что умирающая уже лишилась языка. Разговорившись, она не забыла прибавить, что самъ графъ тулузскій вмѣстѣ съ виконтомъ безьерскимъ и барономъ Пюи-Лорана нѣкогда были въ еретическомъ домѣ ея матери. — Находились дочери, которыя во всѣхъ своихъ увлеченіяхъ, изъ страха наказанія, обвиняли матерей, какъ поступила напр. предъ трибуналомъ Адальгиза Моссабракъ ([244]). Она была дочерью одного изъ бароновъ Мирепуа, въ которыхъ альбигойство переходило изъ рода въ родъ. Мать ея, бывшая въ разводѣ съ мужемъ, воспитывала дочь въ Авиньонетѣ. Здѣсь она заставила подсудимую принять ересь, и вмѣстѣ съ матерью Адальгиза присутствовала при всѣхъ церемоніяхъ и богослуженіи еретиковъ, даже по выходѣ за мужъ. Когда епископъ клермонскій прибылъ въ Авиньонетъ для розыска, то она поспѣшила укрыться въ Монсегюрѣ и тамъ невольно должна была

([242]) ib. 172—199; XXIII, 88, 94, 106, 127, 312; XXIV, 103, 125, 135, 144, 182, 193, 198, 40, 69. Почти въ каждомъ процессѣ встрѣтится подобное сообщеніе.

([243]) D. XXIV, 208. Подобный-же (ib. 182) доносъ на мать каталонца de Bretos по поводу обращенія ея въ ересь братьями. Также XXIII; 117, 121, 72, 348.

([244]) ib. 204.

слушать поученія Бертрана Мартена, къ которому сбиралась ея родня, а также Раваты, Конгостъ, Делили, Перелла и другіе. Понятно, что это признаніе не избавило подсудимую отъ заключенія. Однако примѣры не дѣйствовали. Оговаривали съ большимъ усердіемъ, точно шла домашняя болтовня. Одинъ обвинялъ своего побочнаго брата, распространяясь съ подробностію, когда и какъ онъ кланялся при встрѣчѣ и какъ ему отвѣчали на поклоны ([245]), о томъ что было вовсе не нужно для дѣла,—хотя пустѣйшимъ намекомъ привлекались къ суду новыя ни въ чемъ непричастныя жертвы.

Особенно женщины не любили молчать предъ судилищемъ. Онѣ въ большинствѣ случаевъ не скрывали того, что видѣли, и были въ этомъ отношеніи весьма полезны для трибуналовъ. Онѣ приплетали къ одному лицу другое, къ нему цѣлое семейство, тамъ близкихъ и знакомыхъ навѣщавшихъ и встрѣчныхъ, все это такъ легко, игриво и незамѣтно, что подъ конецъ оказывались цѣлыя родства и фамиліи, которыя нотаріусъ едва успѣвалъ вмѣщать на 10—20 страницахъ, чтобы со временемъ разыскать и вызвать ихъ ([246]). Иныя обвиняли изъ страха, скрывая свои преступленія. Нѣкая Консгранъ обвинила цѣлое семейство Вильмурь, которое-де принимаетъ у себя знаменитаго еретика Ламота. Въ этомъ домѣ по ея словамъ жило будто до 100 еретиковъ. Сама она была недолго тайною еретичкой, но уже давно. Епископъ Фулькопъ обратилъ ее въ католичество. По выходѣ за мужъ, она не была въ еретическомъ обществѣ, но Ламотъ самъ зашелъ къ ней, принесъ долгъ въ 50 солидовъ и снова ввелъ ее въ запрещенные кружки. Тутъ она кстати замѣтила, что встрѣтила здѣсь одного монаха съ виду цистерціанца (modo fratre Cisterciensi) и разсказала, что слышала на поученіяхъ:—Богъ не сотворилъ видимаго; хостія не есть тѣло Христово; бракъ и крещеніе не ведутъ къ спасенію. Это такъ увлекло ее, что и она сама стала думать,

([245]) ib. 211.—Другой болталъ, какъ вся вина его въ томъ, что разъ съ нимъ по дорогѣ въ Санъ-Феликсъ ѣхали два еретика, и вдругъ прибавлялъ, что альбигойцы жили открыто въ Санъ-Феликсѣ (ib. 24).

([246]) Напр. большое дѣло Ламотъ; XXIII, 1—50.

какъ еретики, вслѣдствіе чего ей пришлось поплатиться заточеніемъ.

Свѣденія объ альбигойской догмѣ значительно пополняются этими показаніями, часто брошенными вскользь, не оформленными, но потому весьма интересными и характеристичными. Въ протоколѣ догму можно прослѣдить по впечатлѣнію, какое она производила на умы массы. Въ 1243 г. особенно много свѣденій собрали на этотъ счетъ инквизиторы. Они слышали изъ устъ подсудимыхъ темныя апокрифическія преданія и легенды, посвященныя тайнамъ міроздація, носившія восточный гностико-манихейскій колоритъ. Рѣдко кто имѣлъ смѣлость взять на себя такое богохульство; всякій спѣшилъ выгородить себя, хотя прибавлялъ, что прежде и самъ заблуждался. Одна слышала отъ жены своего знакомаго, какъ Богъ съ діаволомъ дѣлали человѣка и какъ Богъ отсовѣтывалъ діаволу лѣпить человѣка изъ земной грязи, а велѣлъ сдѣлать его изъ морской (de limo maris) тины и тогда лишь вдунулъ въ новое твореніе душу, сказавъ: теперь прекрасно, онъ не будетъ ни слишкомъ силенъ, ни слишкомъ слабъ ([248]). Другой показалъ, что 10 лѣтъ тому назадъ слышалъ подобную легенду отъ Фабри. Богъ видѣлъ, сколько безъ него зла дѣлаетъ діаволъ на землѣ и нечистые духи. Онъ призвалъ двоихъ ангеловъ и предложилъ имъ вызовъ кто изъ нихъ желаетъ быть его сыномъ. Тогда одинъ по имени Христосъ, бывшій его опорой, сказалъ, что хочетъ быть его сыномъ и что онъ пойдетъ повсюду куда его пошлютъ. Тогда Богъ послалъ его въ міръ, чтобы проповѣдывать свое имя. Небесный міръ представлялся въ устахъ подсудимаго аналогичнымъ съ земнымъ; еретикъ полагалъ, что тамъ также пашутъ быками ([249]). Христосъ, по другимъ показаніямъ, не былъ зачатъ св. Дѣвою, а только заслоненъ, укрытъ ею (obombratus). Онъ никогда не устроялъ мессы, которая есть изобрѣтеніе кардиналовъ и духовныхъ ради прибытка и доходовъ ([250]). Онъ не можетъ присутствовать вѣчно въ остіяхъ, иначе его тѣло при всевозможной громадности было-бы съѣдено (et si esset ita magnum sicut mons grandis, jam comestum esset). При каждой такой фразѣ указывали на лицъ, которыя могли слышать ее. Показанія нѣсколькихъ женщинъ навели на подробности убійства въ Авиньонетѣ. Тутъ былъ сильно скомпрометированъ Раймондъ VII и онъ былъ счастливъ тѣмъ, что трибуналъ болѣе не придавалъ его личности большаго значенія и потому оставилъ его въ покоѣ. Этотъ процессъ начался въ апрѣлѣ 1244 г. Изъ показанія одной подсудимой обнаружилось, что графъ тулузскій въ день отъѣзда инквизиторовъ въ Авиньонетъ послалъ туда же своего приближеннаго Раймонда д'Альфаро, занимавшаго въ немъ должность бальи. Послѣдній имѣлъ въ замкѣ хорошаго пріятеля В. де Планту. Дорогой Альфаро съѣхался съ рыцаремъ Манзо и узналъ, что Планта недавно отлучился изъ Авиньонета въ замокъ Бренъ, но что дома осталась его жена. Альфаро почему-то не рѣшился въѣхать въ хорошо знакомый замокъ, а остановился въ подгородномъ антіохійскомъ лѣсу (Sainctes Puelles) и, разставаясь съ Манзо, просилъ его вызвать къ нему жену Планты. Альфаро зналъ ее лично; она была сестрою Оттона де Массабракъ. Она стараніемъ діаконнисъ была посвящена въ альбигойство; и братъ и мужъ принадлежали къ страстнымъ приверженцамъ ереси. Она неоднократно присутствовала на собраніяхъ и проповѣдяхъ еретиковъ и между прочимъ слушала Бертрана Мартена, о чемъ заявила передъ трибуналомъ 15 апрѣля 1244 г. припомнивъ кстати всѣхъ тулузскихъ гражданъ, которыхъ видѣла тамъ. Была уже ночь, когда къ ней постучался Манзо. Рыцарь сказалъ, что синьору ждутъ въ антіохійскомъ лѣсу по очень важному дѣлу, касающемуся ея мужа. Смѣлая женщина отправилась одна, по указанію. Альфаро потребовалъ прежде всего подъ клятвою соблюденія тайны, потомъ онъ сказалъ, что его господинъ, графъ тулузскій и Петръ де Мазероль (de Maseirolas?)

([247]) XXII, 2.

([248]) XXII, 32. Et hic qui loquitur qnaesivita dicta muliere si haec crederet, et ipsa respondit dicens certe sapentiores me.— Въ другихъ мѣстахъ объ этомъ нигдѣ не упоминается; потому сказаніе можетъ носить исключительный, частный характеръ, быть вымысломъ отдѣльной личности, и не болѣе. Съ этой точки можно смотрѣть и на прочія легенды.

([249]) ib. 26.

([250]) ib. 31. Подсудимый слышалъ отъ Эмерика de Naregina. Срв. XXV, 20, a. 1273.—См. у насъ; I, 218.

хотятъ убить пріѣхавшихъ инквизиторовъ, что для этого нужны люди барона Мирепуа, котораго слѣдуетъ сейчасъ-же извѣстить о предпріятіи. Альфаро показалъ своей собесѣдницѣ привезенное имъ письмо къ барону Мирепуа; онъ разсчитывалъ, что никто лучше ея мужа не устроитъ дѣла. Она предложила услуги своего брата, въ ожиданіи возвращенія мужа, взяла письмо, благополучно вернулась въ городъ и ночью же передала порученіе Массабраку. Тотъ согласился съ охотою ѣхать въ Монсегюръ; баронъ Мирепуа явился лично и съ собою привезъ 25 головорѣзовъ ([251]). Какъ было дѣло, подсудимая не знаетъ, но слышала отъ мужа, что въ убійствѣ принималъ участіе онъ и братъ ея, которые къ этому времени скончались. Она также ничего не можетъ показать насчетъ вальдензовъ. Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ о томъ же дѣлѣ сообщали новыя лица, задержанныя инквизиціей. Допросъ производили италіанскіе доминиканцы Ферраріусъ и Дуранти. Между подсудимыми былъ одинъ изъ участниковъ убійства, воинъ Монсегюра, альбигоецъ Арнольдъ Рожеръ. Спрошенный объ еретикахъ и вальдензахъ, онъ въ трехъ засѣданіяхъ разсказывалъ о публичныхъ собраніяхъ у барона Мирепуа, на которыхъ и онъ самъ присутствовалъ и получалъ обычныя благословенія отъ Б. Мартена. По его показанію, самъ В. де-Планта привезъ письмо барону и когда Мирепуа прочелъ его, то призвалъ своихъ воиновъ и между ними подсудимаго и сказалъ, чтобы онъ приготовлялся, такъ какъ будетъ богатая пожива ([252]). То же, слово въ слово, показывалъ другой изъ воиновъ барона, Имбертъ де-Саласъ, вспоминая всѣ мельчайшія подробности поѣздки въ Авиньонетъ и ожиданія въ лѣсу. Баронъ два раза посылалъ тихонько навѣдаться въ замокъ, что дѣлаютъ инквизиторы, которые между тѣмъ нисколько не подозрѣвали опасности. Этотъ послѣдній процессъ интересенъ, какъ образецъ тщательности инквизиціоннаго производства, не терявшаго изъ виду ни малѣйшей мелочи. Нотаріусъ кропотливо вносилъ въ свои свитки всѣ похожде-

([251]) XXII, 288—296.—Этотъ разсказъ въ подробностяхъ, которыя приводить здѣсь излишне, разнится отъ оффиціальнаго разсказа Персена. Самъ Альфаро представляется вовсе не бальи, а придворнымъ Раймонда VII. Въ новѣйшей монографіи N. Peyrat въ главахъ объ убійствѣ эти показанія драматически разукрашены; II, 295—311. Авторъ беретъ ихъ не изъ первыхъ рукъ (Hist. des Alb.).

([252]) Doat; XXII, 108.

нія и столкновенія дѣйствующихъ и сопричастныхъ лицъ съ полными именами. Трибуналъ позволялъ говорить даже то, что не относится къ дѣлу, надѣясь извлечь для себя изъ этой болтливости не малую пользу. Такъ узнали, что Альфаро проговорился Равату, что еслибы на этотъ разъ ему не удалось исполнить порученіе, т. е. убить Арнальди, то для инквизиторовъ онъ распорядился устроить засаду: 20 человѣкъ ждали монаховъ въ лѣсу между Кастельнодарри и Санъ-Мартеномъ ([253]).

Тулузская инквизиція видѣла, что во всѣхъ процессахъ замокъ Монсегюръ играетъ первую роль. Только здѣсь еретики жили свободно, открыто совершая свои службы, публично собираясь на молитву, слушаніе поученій и принятіе consolamentum. Только здѣсь находили свободный пріютъ ересіархи. Монсегюрцы славились гостепріимствомъ къ своимъ собратьямъ. Сюда со всѣхъ концевъ Лангедока тайно привозили больныхъ альбигойцевъ и самъ свирѣпый баронъ Мирепуа смягчался, когда присутствовалъ при трогательномъ обрядѣ посвященія умирающаго. Этотъ обрядъ часто происходилъ въ его домѣ или на его дворѣ. Трибуналу поименно были извѣстны лица, которыя слушали Ламота или Мартена, но взять ихъ изъ твердыни было невозможно. Значеніе Монсегюра въ эти годы было такое-же, какъ Монтабана и Нима 330 лѣтъ спустя или Ла Рошели спустя почти 4 столѣтія. Подобно имъ, Монсегюръ былъ послѣднимъ крѣпкимъ оплотомъ гонимой вѣры и резиденціей ея патроновъ, людей храбрыхъ, отважныхъ, благочестивыхъ по своему, но въ частной жизни мало отличавшихся отъ разбойниковъ. При такихъ условіяхъ Монсегюръ былъ бы status in statu, если бы онъ не входилъ въ удѣлъ, оставленный Раймонду VII. Послѣдній жилъ въ тѣсной дружбѣ съ его владѣтелемъ. Духовенство и инквизиція правда давно указывали ему на зловредную агитацію изъ Монсегюра, но неприступное положеніе замка среди пиринейскихъ отроговъ, на крутой и высокой скалѣ, служило для него достаточнымъ отводомъ въ такихъ случаяхъ. При началѣ крестовой войны этотъ феодальный притонъ съ большимъ трудомъ былъ взятъ Симономъ Монфоромъ, но баронъ Мирепуа вмѣстѣ съ Р. Перелой

([253]) Это дѣло помѣщено въ Preuves; VI, 452

скоро прогналъ крестоносцевъ и самъ засѣлъ въ немъ. Петръ Рожеръ Мирепуа считалъ себя вассаломъ виконтовъ безьерскихъ, былъ партизаномъ Тренкавеля и дрался за него; такъ какъ его сюзеренъ былъ теперь въ изгнаніи, то онъ болѣе никого не хотѣлъ знать надъ собою. Онъ разбойничалъ по дорогамъ и дѣлалъ набѣги на домены епископовъ и аббатовъ. Процессы 1243 года обнаружили все значенія замка для ереси. Прелаты Нарбонны и Альби, въ интересахъ «мира и вѣры», собрали наконецъ ополченіе и рѣшились положить конецъ подвигамъ барона. Сенешалъ Каркассоны помогъ имъ французскимъ отрядомъ, чтобы одолѣть «синагогу сатаны» и водворить миръ въ странѣ. Нѣсколько провансальскихъ бароновъ также присоединились къ ополченію, которое двинулось на Монсегюръ въ мартѣ 1244 года. Альбигойцы поняли, что наступаютъ на ихъ послѣдній пріютъ; отдать его—значитъ проститься съ мечтой о возможности возрожденія ихъ вѣры и съ тою ничтожной независимостію, которой они пользовались, благодаря дикимъ скаламъ Монсегюра, будто затерявшимся въ морѣ французскаго владычества. Такъ называемые «совершенные» оставались уже въ небольшемъ числѣ въ предѣлахъ Лангедока, но всѣ они въ этотъ годъ собрались ровно нарочно въ Монсегюрѣ, потому что въ другихъ мѣстахъ имъ было весьма небезопасно. Своимъ неустрашимымъ духомъ они внушили геройство прочимъ единовѣрцамъ. Альбигойцы боролись за существованіе, а ихъ послѣдній защитникъ хотѣлъ отстоять свою феодальную гордость. Потому прелаты встрѣтили удвоенное, отчаянное сопротивленіе. Самая мѣстность противоставляла страшныя препятствія. Всякія машины были безполезны при высотѣ скалъ. Въ скалахъ пролегали тропинки, неизвѣстныя осаждавшимъ; потому, время отъ времени, въ Монсегюръ доставлялись припасы, хотя въ незначительномъ количествѣ. Осажденные не жаловались на голодъ, и женщины, забывши провансальскую галантность, дѣлили вмѣстѣ съ мужчинами всѣ тяжести и труды. Во время осады Монсегюръ былъ чисто альбигойскимъ городомъ. Только въ лучшихъ своихъ идеалахъ ересіархи катаризма думали объ осуществленіи такой общины. Католическія церкви были закрыты и никто не жалѣлъ о томъ. Раненыхъ въ схваткахъ приносили въ частные и общественные дома. Огромное большинство жителей хотя не получило посвященія, однако ѣло благословенный хлѣбъ.

По обычаю, посвященіе откладывалось до приближенія смерти. Всегда дамы приходили ухаживать за больными, родныя и посторонніе безъ различія. Когда больной былъ безнадеженъ, являлись добрые люди, спрашивали его согласія, читали апокрифическое евангеліе Іоанна и требуемыя молитвы и пріобщали къ своей Церкви умирающаго, который обыкновенно жертвовалъ на пользу бѣдныхъ альбигойцевъ извѣстную сумму. Такъ умерли, покрытые ранами, Манзо и Масабракъ, извѣстные по дѣлу объ убійствѣ въ Авиньонетѣ. На закатѣ исторіи альбигойства осуществилась, хотя ненадолго, хотя на небольшемъ пространствѣ, та мечта, за которую погибли въ бою, на висѣлицахъ и кострахъ тысячи людей. Какъ въ фокусѣ, сосредоточилась въ Монсегюрѣ вся жизнь угасавшей вѣры съ силою еще небывалой. Но въ сравненіи съ долгой исторіей альбигойства, это было лишь нѣсколько мгновеній.

Взятіе Монсегюра можно объяснить только измѣной, хотя лѣтописецъ умалчиваетъ о томъ ([254]). Изъ неяснаго разсказа надо заключить, что осаждавшіе привлекли къ себѣ много искусныхъ горцевъ, хорошо знавшихъ мѣстность, слѣдовательно людей, которыхъ у нихъ прежде не было. Они вызвались ночью взобраться на ближайшую скалу къ Монсегюру,—когда прежде не рѣшались пройти туда днемъ. Съ ними, преодолѣвая всѣ опасности, взобрались рыцари съ отборными пѣхотинцами. Наутро, охотники, если вѣрить лѣтописцамъ, сами испугались той отвѣсной позиціи, которую они занимали, благодаря ловкости проводниковъ. Какъ можно было ночью пробраться по незнакомымъ скаламъ, которыя были недоступны днемъ, — остается непонятнымъ. Здѣсь враговъ не ожидали; они передушили стражу, ударили на ближайшее укрѣпленіе и послѣ страшнаго побоища овладѣли имъ. По этой тропѣ пришли остальные французы. Занявъ предмѣстье, они были теперь почти у стѣнъ Монсегюра и энергично каждый день стали тѣснить осажденныхъ. Баронъ Мирепуа сталъ думать о капитуляціи. Онъ съ немногими получилъ право свободнаго отступленія, такъ какъ для духовной и свѣтской аристократіи онъ все же оставался человѣкомъ близкимъ, феодаломъ, къ слабостямъ и грѣ-

---

([254]) Guil. de Pod. c. 46.—Согласно съ нами объясняетъ дѣло въ своемъ одушевленномъ разсказѣ Peyrat (Hist. des Albigeois; II, 363), который мы прочли послѣ составленія предлагаема го труда

хамъ котораго причастны были болѣе или менѣе всѣ побѣдители. Цѣною собственнаго спасенія онъ продавалъ инквизиціи богатый кладъ. Совсѣмъ другое дѣло — еретики, которымъ онъ оказывалъ покровительство. Они принадлежали ко всѣмъ сословіямъ. Въ Монсегкрѣ было до 200 совершенныхъ и духовныхъ альбигойскихъ. Когда прелаты заняли городъ, то прежде всего поспѣшили перехватать ихъ. У побѣдителей были готовые списки изъ инквизиціонныхъ трибуналовъ. Скрыться было нельзя; схвачены были и подозрѣваемые. Архіепископъ нарбоннскій Петръ Амелій импровизировалъ судъ. Совершенные и духовные не хотѣли отречься отъ своей вѣры; они единодушно, и мужчины и женщины, требовали смерти и всѣ 200 человѣкъ были приговорены къ сожженію. Тутъ были рыцари, ихъ жены и дочери. На обрывѣ сосѣдней горы устроили большую загородь изъ высокихъ кольевъ, въ середину накидали дровъ и привели связанныхъ осужденныхъ. Не пощадили и дочь Р. Переллы, бывшаго владѣтеля Монсегюра, позорно преданную палачамъ другомъ ея отца. Осужденные радовались, что ихъ не разлучили въ эту торжественную минуту. Никто изъ нихъ не издалъ ни одного вопля. Священники и діаконы укрѣпляли слабыхъ и женщинъ послѣднею рѣчью. Знаменитый Бертранъ Мартенъ, поученія котораго были причиной гибели столькихъ людей, сгорѣлъ вмѣстѣ съ своими друзьями и учениками ([255]). Альбигойская община, созданная его мрачнымъ геніемъ, погибла вмѣстѣ съ нимъ. Такой праздникъ устроили себѣ католическіе прелаты въ великомъ посту 1244 г. Инквизиція, считавшая казнь дѣломъ богоугоднымъ, была довольна этимъ совпаденіемъ. Раззоривъ гнѣздо ереси и Сатаны, прелаты, не довѣряя провансальскимъ феодаламъ,

([255]) На барельефахъ, снятыхъ съ аббатства Saint-Volusien и перенесенныхъ теперь въ городскую библіотеку, въ Фуа, видна фигура священнослужителя въ митрѣ, поддерживаемая двумя воинами съ веревкою на шеѣ. Эти барельефы изображаютъ сцены изъ взятія Монсегюра, а въ лицѣ прелата ученый de Mège а за нимъ Peyrat (II,370) хотятъ видѣть Б. Мартэна, забывая, что альбигойскіе духовные презирали церковныя украшенія. Гораздо проще принять эту сцену за казнь католическаго духовнаго какъ заложника. (Mém. de la Société Arch. du Midi de la France. Add. et notes; VI, 34).

передали такой сильный пунктъ въ руки французовъ. Гюи, новый маршалъ Мирепуа, вступилъ въ обладаніе Монсегюромъ отъ имени французскаго короля.

Теперь инквизиція могла свободно находить свои жертвы. Онѣ старались укрыться въ Ломбардіи, но тамъ встрѣчали ихъ судьи, не менѣе ловкіе и безпощадные. Энергичные розыски начались тотчасъ по взятіи Монсегюра. 1244 годъ особенно богатъ процессами. Сыпались доносы на матерей ([256]), мужей, отцевъ и родныхъ ([257]). Въ осень этого года можно насчитать болѣе 30 процессовъ въ одномъ тулузскомъ трибуналѣ. Чаще всего упоминается имя Бертрана Мартена, на поученіяхъ у котораго понесчастливилось быть тѣмъ или другимъ лицамъ. Старикъ Перелла вмѣстѣ съ сыномъ были пойманы и приведены предъ Дуранти и Феррарія. Съ низкою робостію старикъ, который въ Монсегюрѣ бросилъ палачамъ героиню — дочь, оговаривалъ теперь и мертвыхъ и живыхъ, думая спасти себя. Онъ сказывалъ, какъ на поученіяхъ Мартина и І. Камбитора присутствовали вмѣстѣ съ нимъ: Мирепуа, Раваты, Конгорсты, Массабраки и многіе другіе изъ разныхъ мѣстностей. Онъ насчитывалъ всего болѣе 50 семействъ ([258]). Двое другихъ ссылались на тѣхъ же и постоянно на него самого ([259]). Одна женщина насчитала еще 50 лицъ, однажды слушавшихъ Мартена ([260]).

Виновные теперь большею частію раскаявались въ ереси и наказывались заточеніемъ. Иннокентій IV предоставилъ самую широкую власть инквизиціи при самомъ вступленіи на престолъ. Въ доминиканцахъ онъ видѣлъ надежныхъ друзей; въ первые дни своего папствованія, онъ вручилъ имъ завѣдываніе инквизиціей, предписалъ прелатамъ оказывать имъ помощь и содѣйствіе и предоставилъ имъ исключительную

([256]) Рыцарь де Сегьеръ каялся, что говорилъ и ѣлъ вмѣстѣ съ своею матерью, которая стала еретичкою. D. XXIV, 8.

([257]) Подсудимая Сегьервиль обвиняла всѣхъ своихъ близкихъ въ одинъ разъ. ib. 9.

([258]) D. XXII, 201.

([259]) ib. 233, 237.

([260]) D. XXIII, 309.

привиллегію совершать богослуженіе даже въ тѣхъ мѣстахъ Прованса, на которыхъ лежало церковное запрещеніе ([261]). Съ перваго же времени онъ осадилъ епископовъ и даже своего легата, когда тѣ хотѣли вмѣшаться въ дѣла трибунала. Легатъ вздумалъ было по представленію авиньонскаго епископа освободить заключенныхъ вопреки волѣ инквизиторовъ,—но ему присланъ былъ выговоръ изъ Рима ([262]). Епископъ каркассонскій хотѣлъ облегчить интердиктъ, наложенный инквизиціей,—ему велѣно было отмѣнить свое распоряженіе и болѣе не вмѣшиваться въ подобныя дѣла ([263]). Только инквизиторы своею властью могли усиливать или облегчать сентенціи ([264]).

При такомъ папѣ безповоротно опредѣлились судьбы еретиковъ. Кто успѣлъ—бѣжалъ въ Ломбардію, гдѣ образовалась особая французская Церковь; въ ней насчитывалось тогда болѣе 150 совершенныхъ. Въ Лангедокѣ, въ непроходимой глуши и глубокой тайнѣ, ихъ было очень немного. По свидѣтельству Саккони, современнаго инквизитора, который прежде самъ былъ еретикомъ и хорошо зналъ ихъ дѣла, въ эпархіяхъ Тулузы, Альби, Аженуа и Каркассоны, около 1250 г. могло быть не болѣе 200, а во всей Европѣ около 4000 еретиковъ, которые приписаны были къ 16 еретическимъ церквамъ ([265]). Но сюда же входили вальдензы, названные у него ліонистами, отъ г. Ліона, которые въ свою очередь подраздѣлялись на ломбардскихъ и загорныхъ. Альбигойцы и вальдензы могли-бы жить свободно въ Провансѣ, на другомъ берегу Роны, гдѣ богатые республиканскіе города часто бывали во враждѣ съ духовенствомъ и гдѣ вслѣдствіе того трибуналы инквизиціи, не имѣя твердаго оплота, встрѣчали противодѣйствіе. Торговый духъ этихъ городовъ, цѣнившій прямую выгоду, а не вѣру, веселая жизнь на распашку, свободные нравы, все это могло бы быть опаснымъ для инквизиціи, царившей надъ всѣмъ въ Лангедокѣ, если бы судьба не распорядилась отдать Провансъ въ это самое время тому же французско-королевскому дому, который одинъ только обладалъ достаточной матеріальной силой, чтобы оказывать когда нужно поддержку инквизиціи.

([261]) XXXI, 60—64,—три буллы отъ 6 іюля 1243; подтв. 10 февр. 1245 г. f. 69.
([262]) ib. 65.—13 авг. 1244.
([263]) ib. 66.—17 авг. 1244.
([264]) ib. 68, 75.
([265]) Reinerius Sacchoni. Summa de Catharis et Leonistis, apud Doat et Gretser.

Злой геній провансальской національности, Бланка кастильская, эта предшественница Людовика IX, Екатерины Медичи и Ришелье, испанка, посвятившая себя всецѣло служенію славѣ капетинговъ, сдѣлала теперь съ графствомъ praванскимъ то же, что прежде сдѣлала съ Лангедокомъ. Это случилось въ 1245 г., когда торжествовавшая инквизиція стала безпокойно поглядывать на Провансъ.

Раймондъ Беренгарій, послѣдній графъ Прованса, въ первое время былъ вполнѣ феодальнымъ государемъ въ своей богатой, но свободной землѣ. Онъ ничѣмъ не нарушалъ старыхъ преданій и отношеній своего дома. Онъ довольствовался почетомъ, присягой, доходами отъ своихъ вассаловъ и городовъ, а во всемъ прочемъ предоставлялъ ихъ самимъ себѣ. Иначе нельзя было и поступать съ такими городами, какъ напримѣръ Марсель и Арль, которые снабжали полудикую Францію и даже Англію мануфактурными произведеніями Италіи и Востока, хлѣбомъ, пряностями и оружіемъ. Капиталы со всѣхъ сторонъ стекались въ эти общины, корабли которыхъ составляли цѣлыя флотиліи, выработавшія морское право для всей Европы, и консулы которыхъ были богаче могущественныхъ государей. Симонъ Монфоръ загналъ Раймонда Беренгарія въ Аррагонію. Беренгарій вернулся въ Эксъ и снова объявилъ себя государемъ. Но его характеръ уже измѣнился, онъ сталъ заносчивымъ, надменнымъ съ подданными. Желая поддѣлаться къ французамъ, Беренгарій вмѣстѣ съ ними осадилъ Авиньонъ. И съ феодалами, и съ консулами онъ началъ обходиться иначе. Онъ видимо задался цѣлью централизовать свое государство, чтобы пріобрѣсти большую силу и оборониться отъ новыхъ Монфоровъ. Въ борьбѣ съ первыми онъ былъ счастливъ тѣмъ, что феодалы его были разрознены и ссорились между собою, но общины выставили ему рѣшительное сопротивленіе. Онѣ поняли, что ихъ государь хочетъ быть неограниченнымъ господиномъ, что несчастіе испортило его. Онѣ составили лигу, куда вошли Марсель, Арль, Тараскона, Тулонъ, Ница. Ихъ при случаѣ могли поддержать итальянскіе города, ихъ стародавніе союзники,

съиздавна жившіе одинаковою съ ними политическою жизнію. Раймондъ Беренгарій потребовалъ покорности; ему отказали и дали понять, что государь для нихъ только почетное лицо, что добрые города ему даютъ средства существованія, въ вознагражденіе за то, что его предки нѣкогда проливали кровь за ихъ отцевъ, что купивъ себѣ свободу за деньги, они отстоятъ ее оружіемъ. Но у городовъ не было войска, каждая община должна была защищаться отдѣльно. Раймондъ Беренгарій, вступивъ въ сдѣлку съ Арлемъ, кинулся на Ницу и измѣной овладѣлъ ей. Потомъ онъ осадилъ Марсель. И не съ его силами трудно было сладить съ такими горожанами, духъ которыхъ закалился въ морскихъ опасностяхъ и которые еще не знавали, что такое рабство. Пока графъ осаждалъ Марсель, Арль отложился отъ него, послалъ марсельцамъ помощь, а Ница прогнала его гарнизонъ. Раймондъ VII радъ былъ воспользоваться этими стѣснительными обстоятельствами своего сосѣда. Онъ объявилъ ему войну и заставилъ снять осаду Марсели. Чтобы помирится, Раймондъ Беренгарій обѣщалъ графу тулузскому въ супружество свою дочь Беатриче. Она была блестящею партіею для Раймонда VII. По завѣщанію ей предназначалось все наслѣдіе ея отца. Но Раймондъ VII только недавно женился на Маргаритѣ Ла-Маншъ, сестрѣ короля Генриха III. Впрочемъ отказываться отъ живыхъ женъ, сажать ихъ въ монастырь или выдавать за вассаловъ, было не рѣдкостью въ рыцарскіе вѣка; для тулузской династіи это было даже довольно обыкновенно. Раймондъ VII уже удалилъ отъ себя свою первую жену Санцію за безплодіе, которое такъ мучило его послѣ парижскаго договора. Нашли предлогъ и для второй —какое-то родство въ 4 колѣнѣ, воспрещенное латеранскимъ соборомъ. Стоило только покланяться передъ папой. А Иннокентій IV былъ теперь близко; въ Ліонѣ онъ собирался отлучать императора Фридриха II. Оба графа, тулузскій и провансkій, поѣхали на соборъ, чтобы подѣлиться своими голосами съ кардиналами. За это Иннокентій IV отблагодарилъ Раймонда VII расторженіемъ его брака. Дѣло это разбиралось на соборѣ. Сперва раждался естественный вопросъ, какъ могъ состояться подобный бракъ. Но Раймондъ представлялъ на это оригинальные доводы, которые хорошо характеризуютъ нравы эпохи и крѣпость семейныхъ узъ. Онъ объявилъ собору, что вступилъ въ бракъ съ

своей женой подъ условіемъ развестись черезъ годъ, если св. отецъ не разрѣшитъ брака, а по сіе время такого разрѣшенія не послѣдовало. Отцы собора удовольствовались этимъ оправданіемъ и предоставили Маргаритѣ искать другаго мужа, чего она не преминула достигнуть. За разъ папа разрѣшилъ дальнее родство между Раймондомъ VII и Беатриче провансальскою, которая тутъ же въ присутствіи папы и Балдуина, императора константинопольскаго, бывшихъ свидѣтелями, объявлена невѣстою графа тулузскаго (266). Свадьба была дѣломъ рѣшеннымъ.

Съ веселыми мыслями, возвращался Раймондъ VII изъ Ліона. Судьба улыбалась ему на старости лѣтъ. Вмѣстѣ съ молодой женой онъ пріобрѣталъ права на Провансъ, гдѣ его имя было такъ популярно. Можетъ быть его династіи суждено будетъ возродиться снова, можетъ быть жена подаритъ ему наслѣдника, можетъ быть Раймонды со временемъ вернутъ къ себѣ Лангедокъ, достояніе своихъ предковъ и слава ихъ дома загремитъ снова въ Европѣ. Эти сладкія мечты скоро порастревожило одно извѣстіе. Курьеръ изъ Прованса примчался въ Тулузу съ извѣстіемъ, что 19 августа графъ Беренгарій скончался; къ этому посолъ прибавилъ, что и предъ смертью Беренгарій подтвердилъ свое распоряженіе о Беатриче, и что графу необходимо поспѣшить прибытіемъ въ Провансъ и тамъ немедля устроить свадьбу. Онъ предупреждалъ графа не брать съ собою воиновъ и вассаловъ, а ограничиться небольшой свитой; такъ по крайней мѣрѣ желали регенты. Но ни посолъ, ни самъ Раймондъ не догадывались, что ихъ обманываютъ, что регенты тайно переговариваются съ матерью невѣсты, которая изъ честолюбія желала отдать Беатриче за одного изъ братьевъ французскаго короля. Бланка кастильская давно работала надъ этимъ планомъ; она давно искала расположенія невѣстиной матери и смотрѣла на своего угрюмаго Карла, четвертаго сына, какъ на будущаго владѣтеля Прованса. Въ то время какъ Раймондъ VII спѣшилъ въ Провансъ на свадьбу, его невѣста уже была предназначена другому. Раймондъ пріѣхалъ въ Провансъ безъ войска и безъ денегъ. Слабохарактерный, довѣр-

---

(266) Guil. de Pod. c. 47. — Praecl. Franc. fac. a. 124.

чивый какъ ребенокъ. онъ могъ стать игрушкою всякаго хитраго человѣка. Своимъ политическимъ поведеніемъ онъ не имѣлъ права требовать, чтобы ему вѣрили. Онъ не догадался заручиться симпатіями въ регентахъ, отъ которыхъ зависѣло теперь такъ или иначе направить судьбы Прованса, отдать его графу тулузскому и тѣмъ продолжить его независимость, или вручить Карлу Анжу, чрезъ посредство котораго рано или поздно графство составитъ часть владѣній французскаго королевскаго дома. Регентами были Ромео де-Вильневъ и Альбертъ де-Тарасконъ; первый принадлежалъ не къ тѣмъ Вильневамъ, которые были патаренами и даже діаконами альбигойцевъ: онъ былъ испанскаго происхожденія. Но во всякомъ случаѣ регенты-феодалы не могли довѣрять слабому и лицемѣрному характеру Раймонда VII, котораго обстоятельства измѣнили къ худшему. Извѣстно, что бароны не желали его. Никакая сторона не могла на него положиться ни въ чемъ, какъ доказало его отношеніе къ ереси. Его легкомысліе и непостоянство и въ политической и семейной жизни пріобрѣли ему печальную извѣстность. Регенты скрывали отъ графа свои переговоры съ Бланкой и между тѣмъ не отказывали ему. Онъ обратился къ невѣстѣ, но старикъ не могъ внушить никакой симпатіи молодой и пылкой дѣвушкѣ. Онъ заискивалъ въ родныхъ и также безполезно. Противъ него интриговали всѣ коронованныя женщины Запада; сестры Беатриче, онѣ просили папу разстроить бракъ Раймонда. Кромѣ старости, графу вредила бѣдность въ деньгахъ. Оказалось, что у жениха нѣтъ средствъ отпраздновать свадьбу. Ему посовѣтовали обратиться за деньгами къ Бланкѣ, его кузинѣ. Но кузина и король въ это самое время занимались переговорами съ папою въ аббатствѣ Клюньи о бракѣ Карла съ Беатриче; тѣмъ не менѣе Бланка, играя всю жизнь своимъ кузеномъ, не преминула еще разъ обмануть его и обнадежить. Но когда Раймондъ VII послалъ къ ней второй разъ, чтобы благодарить ее за любезность и получить деньги, то его послу объявили при дворѣ, что онъ разъѣхался съ принцемъ Карломъ, который, во главѣ французской арміи, отправился за рукой Беатриче.

Мы знаемъ, какъ выиграли Франція и капетинги этимъ бракомъ. Французскій принцъ не только сталъ государемъ Прованса, но и королемъ Неаполя; французская политика

въ этотъ моментъ полагаетъ начало своему прочному вліянію въ Италіи.

А бѣдный Раймондъ VII, покинувшій двухъ живыхъ женъ, въ надеждѣ получить потомство отъ третьей, осмѣянный, обманутый, со стыдомъ покинулъ дворъ Беатриче. Онъ не могъ мстить, если-бы и хотѣлъ, потому что былъ безсиленъ. Но въ немъ такъ утратилась всякая энергія послѣ столькихъ пораженій и неудачъ житейскихъ, что онъ не чувствовалъ даже своей обиды и съ примѣрнымъ незлобіемъ, вскорѣ послѣ того, въ угоду французскому королю и папѣ, взялся засѣдать въ инквизиціонномъ трибуналѣ. Имъ помыкали какъ слугою и въ добавокъ находили нужнымъ его-же осмѣивать. Онъ судилъ на этотъ разъ человѣка, который, кромѣ рыцарской преданности, ничего не оказалъ лично ему, но который былъ дѣятельнымъ агитаторомъ альбигойцевъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Это былъ Аламанъ Роексъ, котораго трибуналъ уже осудилъ заочно. Въ 1245 году былъ осужденъ его братъ Петръ. Но его самого долго не находили, хотя знали, что онъ часто посѣщалъ Лангедокъ. Весною 1246 г. взяли его жену Іоанну и 4 мая поставили предъ тулузскимъ трибуналомъ. Ее также обвиняли въ ереси. Она видѣла многихъ еретиковъ и слушала поученія ихъ проповѣдниковъ, присутствовала на apparellamenta и дѣлала ихъ у себя въ домѣ, поклонялась совершеннымъ или, какъ тогда выражались, обожала (adoravit) ихъ, посылала имъ пищу, была за ихъ трапезой, ѣла благословенный хлѣбъ, побуждала мужа къ оказанію покровительства еретикамъ, даже давая на это средства, и всегда считала ихъ добрыми людьми. Она видимо наговаривала на себя, чтобы нѣсколько смягчить преступленія своего мужа и тѣмъ облегчить его участь. Она знала, но молчала, что мужъ ея не только еретикъ, но вождь, архіерей и пророкъ ихъ, что онъ ведетъ скитальческую жизнь, проповѣдуя въ потаенныхъ мѣстахъ запретное ученіе. Аламанъ Роексъ бросилъ свои богатства и дворецъ и въ плебейскомъ облаченіи совершеннаго сталъ служить своей вѣрѣ и скоро сдѣлался епископомъ альбигойской Церкви. Но за него пострадала Іоанна; она была осуждена на вѣчное заточеніе. Тогда Роексъ былъ не въ состояніи болѣе переносить своего положенія. Совѣсть укоряла его за жену. Онъ представлялъ себѣ судъ надъ ней, потомъ ея страданія въ тюрьмѣ, въ которую она пошла, думая оправдать его, гото-

вая даже на пытку; воспоминанія неотступно преслѣдовали Аламана, когда онъ въ лѣсу поучалъ неофитовъ. Наконецъ онъ не выдержалъ, сбросилъ свою черную рясу и добровольно явился въ трибуналъ, 14 февраля 1247 г. Его государь, для славы котораго онъ жертвовалъ жизнію, былъ въ числѣ его судей. Такая неблагодарность проистекала изъ благочестиваго лицемѣрія графа; это былъ тотъ предѣлъ, когда безхарактерность близится къ нравственному преступленію. Инквизиторомъ былъ фанатичный и суровый аскетъ Бернаръ де-Канчіо, занимавшій этотъ постъ съ 1243 г. и подписавшій въ свою жизнь нѣсколько сотъ протоколовъ, и Іоаннъ a Sancte Petro ([267]). Про архіерейство Аламана еще не успѣли получить свѣденій въ трибуналѣ, такъ какъ онъ недавно принялъ священническій санъ. Аламанъ не хотѣлъ отпираться, что былъ въ общеніи съ еретиками. Онъ сознался, что былъ и на трапезахъ и на apparellamenta альбигойцевъ, что вѣрилъ въ двухъ боговъ, добраго и злаго, что добрый не могъ творить ничего видимаго, что бракъ и крещеніе не ведутъ ко спасенію, что тѣла не воскресаютъ, что спасаются личнымъ воздержаніемъ и пр. 30 лѣтъ онъ исповѣдывалъ эти убѣжденія и теперь покаялся, думая раздѣлить участь своей жены. Онъ скрылъ свой санъ и то вліяніе, какое имѣлъ между альбигойцами. Трибуналъ, не принимая въ соображеніе его бѣгства и не усиливая наказанія, опредѣлилъ заточить его на всю жизнь въ тюрьму при церкви св. Стефана.

Эта тюрьма поглотила въ тѣ годы многихъ изъ видныхъ людей Тулузы, занимавшихъ подобно Роексамъ мѣста въ капитулѣ. Не всѣ они держали себя благородно предъ трибуналомъ. Вмѣстѣ съ Аламаномъ, Роексомъ на собраніяхъ еретиковъ неразлучно бывали Вильневы.—Журданъ Вильневъ уже сидѣлъ въ заточеніи съ 1237 г. Бертранъ Вильневъ оговорилъ своего брата Арнольда еще до ареста Аламана и тѣмъ избавился отъ наказанія. Онъ сталъ шпіономъ при инквизиціи и между прочимъ былъ при дѣлѣ жены Роекса. Арнольдъ въ іюлѣ 1245 г., стараясь выпутаться, показалъ, что вмѣстѣ съ братомъ онъ слушалъ проповѣдниковъ альбигойскихъ Р. Гроса, Б. Бонфиса, Р. Лагета, но что никогда не вѣровалъ ихъ ученію, не принималъ ихъ у себя, и что даже и въ томъ каялся предъ отцемъ-инквизиторомъ Арнальди. Стефанъ и Р. Арнольдъ Вильневы были осуждены на покаяніе, пилигримство съ посохомъ въ рукахъ и построеніе темницъ для осужденныхъ. Но замѣчательно, что этотъ рядъ осужденій, постигшій фамилію Вильневовъ, нисколько не опорочилъ ее. Инквизиціонныя сентенціи, обрекавшія на легкое покаяніе, встрѣчались такъ часто, посѣщенія трибунала горожанами правыми и заподозрѣнными стали такъ обыкновенны, что осужденіе въ трибуналѣ уже теряло свое прежнее зачумляющее обаяніе. Въ тулузскомъ архивѣ хранится современный манускриптъ протоколовъ, который раздѣленъ на столбцы съ спискомъ почти всего городскаго населенія одной общины, которое по одиночкѣ допрашивалъ пріѣхавшій инквизиторъ. Потеря чести не ложилась пятномъ на родъ и семейство. Потому въ XIII ст. между рыцарями, консулами и членами муниципалитетовъ на Югѣ, по прежнему попадаются Вильневы.—Иные рыцари, какъ Эстольдъ де-Роквиль, старались указать на большое число своихъ единовѣрцевъ, ошибочно думая тѣмъ облегчить свою участь. Въ Сентъ-Пуеллѣ Роквиль принималъ архіерея, исходившаго почти весь Лангедокъ. Тутъ бывали на службахъ —Манзо и Каносты. Тоже было въ замкѣ Кассеръ и Монгискарѣ, гдѣ Роквиль познакомился съ проповѣдникомъ Баконіею (Vigorosus de Baceona). Въ Тулузѣ онъ былъ близокъ съ Б. Ламотомъ, который разъ сопутствовалъ въ его странствіяхъ([268]). Но ему оправдаться было тѣмъ труднѣе, что, по собственному сознанію, на его рукахъ были склады одежды и припасовъ для еретиковъ. Жена раздѣлила его участь. Она указала на Мазеролей, Р. Кастельново и А. Вильнева. Гораздо важнѣе было показаніе Б. Мира въ маѣ 1245 г. Онъ жилъ постоянно въ Фанжо и поучалъ ереси въ домѣ Мерсье, съ которымъ

([267]) B. de Cancio—persecutor et malleus haereticorum, vir sanctus et Deo plenus (Percin, 54). Въ подлинныхъ протоколахъ его сентенціи занимали 45 — 169 страницы пергаментнаго свертка.

([268]) Du-Mège. Add. et notes du l. XXV, № 6—7. У него же далѣе приведенъ по возможности полный списокъ архіереевъ, діаконовъ и діакониссъ альбигойскихъ, составленный по упоминаніямъ въ протоколахъ.

рано сошелся. Но интересно то, что въ его домъ слушать еретическія поученія приходили трое клириковъ: В. Гугонъ, В. Лантаръ и Гозбертъ, бывшій капелланомъ Амори Монфора. Всѣ они обожали совершенныхъ или чистыхъ, склоняли предъ ними колѣна и брали благословеніе. Въ Фанжо и послѣ въ Кастельнодарри, куда перебрался ихъ кружокъ, появлялись и другіе проповѣдники съ діакониссами, какъ то Гильабертъ де-Кастро, В. Бордасъ (Boca Dure), П. Коломбъ, сестры Вильметъ и Лонгбрюнъ. Къ нимъ присоединился графскій бальи Понсъ Вильневъ. Это было назадъ тому 21 годъ, но участіе духовныхъ въ этомъ дѣлѣ впервые проявилось послѣ орлеанскихъ казней. Къ сожалѣнію неизвѣстно чѣмъ кончилось это дѣло, такъ какъ протоколы сохранились въ безпорядочныхъ неполныхъ копіяхъ и не вошли въ общую коллекцію.

Что касается до каркассонской инквизиціи, то ея протоколы отъ этихъ годовъ, хранившіеся долго, какъ въ безопасномъ убѣжищѣ, въ архивѣ доминиканскаго монастыря, въ Монпелье, были истреблены кальвинистами во время религіозныхъ войнъ вмѣстѣ съ старымъ монастыремъ, сгорѣвшимъ до тла. Случайно сохранился лишь одинъ инвентарь этихъ документовъ ([269]). Этотъ инвентарь самъ по себѣ обширенъ. Не представляя полнаго перечня дѣлъ и именъ подсудимыхъ, онъ освѣщаетъ, какъ искра среди мрака, сущность и послѣдствія рѣшеній. Изъ него видно, что въ 1244 г. дѣла были въ трехъ связкахъ, въ 1245 г. въ трехъ, для 1246 г. въ одной. Въ 1244 г. было осуждено много на костеръ за непризнаніе въ ереси и много костей было выкинуто изъ кладбищъ; другіе были осуждены за неявкою заочно; третьи наказаны заточеніемъ. Составилась особая связка о тѣхъ, которые ходили по провинціямъ нарбоннской и каркасссонской утѣшать больныхъ и умирающихъ и совращали ихъ въ ересь подъ предлогомъ обращенія къ Богу и Евангелію. Въ слѣдующемъ году инквизиція дѣйствовала въ Альби, осуждала на заточе-

---

([269]) Inventaire inèdit conc. les Arch. de l'inq. de Carcassonne, изданный проф. въ Монпелье А. Жерменомъ (Publ. de la Société Arch. de Montpellier, 1856; XXIV, 295—308). — Germain. Le couvent des dominicains de Montpellier (ib. p. 174; срв. p. 290).

ніе, покаяніе и пеню. Наконецъ въ 1246 г. поприще дѣйствій было перенесено въ Фуа и направлено противъ «живыхъ и мертвыхъ». Трибуналъ встрѣтилъ здѣсь рѣдкую энергію и стойкость убѣжденій. Эти люди смѣло смотрѣли въ глаза инквизиторамъ и вызывали ихъ на бой. На допросахъ большинство альбигойцевъ смѣло показало, что они считаютъ своихъ единовѣрцевъ—добрыми людьми, правовѣрными и заслуживающими спасенія. Подсудимые заявляли свою догматику, дуализмъ, свои сомнѣнія о пресуществленіи, таинствахъ и затѣмъ сказали, что Богъ не могъ сотворить ни мужчину ни женщину, ни какую нибудь тварь и что они вѣрятъ въ то, чему ихъ учили. Извѣстно, что такая исповѣдь вела на костеръ, если преступникъ не раскаявался.

Чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе находила себѣ пищи дѣятельность трибуналовъ. Не даромъ гордились нѣкоторые доминиканцы, что инквизиторъ тѣхъ годовъ Бернаръ Канчіо исписалъ такое множество пергаментовъ одними сентенціями, когда его братья проводили безсонныя ночи надъ фоліантами во славу той же католической вѣры. Тулузскія дѣла 1246 г., которыя имѣются въ парижскомъ сборникѣ, представляютъ ту же связь съ движеніемъ въ Монсегюрѣ, какъ и процессы, имъ предшествовавшіе. Новое оскорбленіе, нанесенное инквизиціи въ Нарбоннѣ, тщательно скрытое лѣтописями, но обнаруживающееся изъ буллъ Иннокентія IV ([270]), не могло умалить ревность трибуналовъ. Надо предполагать, что въ Нарбоннѣ въ инквизиціонныя книги попало слишкомъ много горожанъ, чувствовавшихъ вполнѣ свою правоту. Придирчивость наѣхавшаго трибунала, его подозрительность превосходили всякую мѣру терпѣнія. Въ Нарбоннѣ трибуналъ былъ едвали не въ первый разъ. Католики произвели нападеніе на домъ инквизиціи; стражу, которая пыталась защитить его, переранили, а двухъ убили; между ними пострадалъ одинъ клирикъ. Потомъ толпа кинулась на книги, чтобы ихъ уничтожить; ихъ вынесли и сожгли. Это не принесло никакой выгоды горожанамъ, а только породило новые розыски. Папа распорядился возобновить книги по другимъ экземплярамъ, оставить тѣ же наказанія и преслѣдовать мятежни-

---

([270]) D. XXXI, 101, 105,—10 non. febr. a. IV, 2 non. febr. a. V.

ковъ а равно властей, которыя безмолвствовали и не приняли должныхъ мѣръ. Все это пришлось ему вторично подтверждать черезъ годъ, что показываетъ какое неэнергичное содѣйствіе инквизиціи оказывала свѣтская власть въ нѣкоторыхъ городахъ. Но гдѣ трибуналъ, какъ напр. въ Тулузѣ, водворялся прочно, тамъ онъ имѣлъ свойство католизировать городъ, напускать на него какое-то оцѣпенѣніе, подчинять все своему темному, но неодолимому вліянію.

Два, три возмущенія неудались и Тулуза склонила свою непокорную голову предъ ненавистной ей поповской властью. Скоро тулузцевъ трудно было узнать въ инквизиторской школѣ. Братство между ними исчезало, трибуналъ вооружилъ друга на друга. Одни отпирались, другіе напротивъ не только сознавались, но старались привлечь еще кого нибудь къ дѣлу. Графъ де-Фуа и его семейство были обвинены по доносу нѣкоего Арвиньа, который впрочемъ не пощадилъ свою мать и прочихъ родныхъ ([271]). Онъ же разсказывалъ, какъ самые знатные изъ альбигойскихъ духовныхъ посвящали въ ересь брата аббата де-Фуа въ Памьерѣ, предъ его кончиной. Относительно самого графа де-Фуа далъ подтвержденіе его собственный бальи въ Тарасконѣ. Бальи увѣрялъ, что графъ сидѣлъ за трапезой еретиковъ, вмѣстѣ съ своей матерью ([272]). Семейство рыцаря де ла-Канна также назойливо уличало графа въ дружбѣ съ еретиками, ссылаясь на его пребываніе въ Эксѣ ([273]). Противъ другихъ подсудимыхъ доносы были слишкомъ обычны и часто слишкомъ ничтожны. Иные еще 12 лѣтъ тому назадъ блуждали въ ереси, сиживали въ собраніяхъ еретиковъ, падали вмѣстѣ съ другими на колѣна при входѣ и выходѣ старшихъ. Другіе только имѣли случай слышать мысли альбигойцевъ, гонимыхъ католиками, но крѣпко вѣрившихъ, что спасеніе наслѣдуютъ только они, да еще въ томъ что имѣли неосторожность подать денарій одному нищему, оказавшемуся послѣ вальдензомъ ([274]). Можно-ли было остеречься отъ этого, когда по показаніямъ католиковъ въ нѣкоторыхъ городахъ ересь недавно испо-

([271]) XXIV, 244.
([272]) ib. 250; онъ же еще f. 253.
([273]) ib. 264, 265.
([274]) ib. 281, 278,—показанія Р. Адемара и А. Понса.

вѣдывалась публично ([275]); потому понятно, что запрещеніе священникамъ хоронить трупы еретиковъ на христіанскихъ кладбищахъ,—не исполнялось ([276]).

Альбигойскіе священники имѣли на столько самоувѣренности, что вступали въ споръ съ францисканцами; это было недавно, какъ читаемъ въ одномъ дѣлѣ 1247 г. Шесть тулузскихъ миноритовъ свидѣтельствовали объ этомъ въ трибуналѣ; братъ Гарсія взялся диспутировать съ альбигойцами; это было негласно, хотя въ самой Тулузѣ. Такой способъ дѣйствія со стороны францисканцевъ былъ лучшей услугой для католицизма. Эти еретики высказались вполнѣ въ духѣ крайняго дуализма. Богъ ветхозавѣтный былъ злой (galiator et malignus). Христосъ, Дѣва Марія и Іоаннъ Креститель низошли съ неба и не имѣли человѣческой плоти; послѣдній былъ величайшій изъ діаволовъ, какіе только бывали на землѣ. Христосъ никогда не сходилъ въ адъ, никого не освобождалъ оттуда (neminem extraxit inferno). Бракъ—тоже наложничество; мужчина, имѣвшій союзъ съ женщиной, не можетъ быть спасенъ, что символически выражено въ древнемъ преданіи объ яблокѣ. Послѣдняя истинная месса была совершена во времена св. Сильвестра; всѣ такъ называемыя богослуженія католической Церкви, которыя исполняются послѣ того времени, ничего не значатъ; а въ тѣ времена Церковь не имѣла понятія о собственности. Къ этому были прибавлены весьма интересныя для насъ свѣденія объ альбигойцахъ. Еще въ эти годы они доказывали напр., что смертная казнь не должна существовать, что человѣкъ ни подъ какимъ видомъ не долженъ обрекать себѣ подобныхъ на смерть (quod nullo modo est facienda justitia aliquem condemnando ad mortem). Такъ думать — показалось не только страннымъ, но даже грѣховнымъ ([277]). Одна эта идея, возвѣщенная альбигойцами, снимаетъ съ нихъ много отвѣтственности за другія мало симпатичныя или вовсе не историчныя стремленія. Читая эту страницу преступленій еретиковъ, три-

([275]) Тараскона, Равата (ib. 246); Латрекъ, Мирепуа (XXII, 82). Понятно, это относится къ 1230—40 г.
([276]) XXIV, 276,—такъ было послѣ смерти Р. Равата и Р. Ката.
([277]) D. XXII, 90.—Далѣе: Quod Deus non voluit justitiam quod aliquis vendicaretur ad mortem.

буналъ не предвидѣлъ, что осуждаетъ благороднѣйшую мысль, самую священную и самую христіанскую идею, которую одинаково безуспѣшно будутъ высказывать съ трибунъ и въ литературѣ 500 лѣтъ спустя образованнѣйшіе и передовые люди Европы. Нѣтъ ничего отраднѣе для историка какъ, послѣ долгихъ исканій въ пыли архивовъ, открыть среди тысячи безполезныхъ, скучныхъ и утомительныхъ документовъ, эти двѣ строки, показывающія что есть истины, вѣчныя, современныя начальнымъ цивилизаціямъ, что всегда находится кружокъ людей, которые ихъ оберегаютъ, какова-бы ни была культура общества.

Альбигойцамъ казалось также страннымъ, какъ можетъ человѣкъ тѣлесными очами (oculis corporis) видѣть какое либо чудо. Св. Францискъ и ему подобные не могли творить чудесъ, да и Богъ никогда-бы не наградилъ ихъ такимъ даромъ за одну ихъ свирѣпость относительно такъ называемыхъ катаровъ. Они также не могли понять, какъ крестъ, знакъ униженія и позора христіанства, можетъ быть признанъ христіанствомъ не только священнымъ знаменіемъ, но даже водителемъ къ побѣдамъ. Доносчики слышали какъ въ Альтавиллѣ, въ большомъ собраніи, гдѣ было человѣкъ 70, громко говорили, что неприлично съ крестомъ ополчаться на Фридриха или на сарацинъ. А если христіане считаютъ его святымъ, то какъ священное знаменіе можетъ нести за собою смерть и истребленіе въ родѣ Монсегюрскаго ([278]). Самъ по себѣ крестъ остается деревомъ (lignum deberet dicere esse lignum cum nihil esset). Что касается до обреченія однихъ на спасеніе, а другихъ на осужденіе, то подсудимый высказался объ этомъ съ патетическимъ озлобленіемъ, прибавивъ, что онъ оплевалъ бы такого Бога, такъ какъ онъ тогда не стоитъ и капли морской ([279]).

Гонимая и уничтожаемая Церковь альбигойская была въ эти годы въ такомъ внутреннемъ процвѣтаніи, которое по закону всѣхъ общественныхъ явленій смежно съ паденіемъ. Деморализацію мы уже видѣли въ грѣховныхъ слабостяхъ совершенныхъ; одно слѣдственное дѣло даетъ намъ еще другія данныя. Подобно католическому духовенству, альбигойское эксплуатировало религіозныя чувства и облагало поборами свои обряды и требы. Жена Арнальди Серена разсказывала, что еретическіе священники требовали 100 солидовъ за consolamentum надъ ея больнымъ мужемъ и что онъ вмѣстѣ съ племянникомъ аббата де-Фуа, Аньеломъ, далъ имъ эту сумму; послѣ чего оба они были приняты въ ересь ([280]). Конечно этотъ случайный фактъ, который мы нашли въ грудѣ протоколовъ, могъ быть изолированнымъ, но тѣмъ не менѣе появленіе его имѣетъ значеніе, особенно въ виду громаднаго процента несохранившихся документовъ.

([278]) Все это дѣло: XXII, 89—108.—Quod non erat bonum cruce signatos ire contra Fridericum nec contra Sarracenos vel contra aliquod Castrum simile monti securo quando erat contra Ecclesiam vel contra aliquem locum ubi mors posset fieri, f. 99.

([279]) См. Исторію Альбигойцевъ; I, 193, прим. 193 и стр. 196.—У Doat; XXII, 99.

Этотъ процентъ такъ значителенъ, что напримѣръ, съ 1247 до 1273 г. мы не имѣемъ ни одного протокола тулузской инквизиціи. По крайней мѣрѣ, Доа не нашелъ ихъ уже при Людовикѣ XIV, хотя извѣстныя намъ папскія буллы и ихъ подтвержденія, наконецъ, политическое положеніе страны, управляемой французскимъ принцемъ, все это обнаруживаетъ существованіе инквизиціи. Персинъ въ исторіи тулузскихъ доминиканцевъ пробѣгаетъ мелькомъ эти годы за неимѣніемъ матеріала. Такимъ образомъ нить внутренней исторіи инквизиціи прерывается, а съ нею вмѣстѣ прерывается и исторія альбигойства за указанный періодъ.

Такъ какъ протоколы каркассонской инквизиціи, которая была младшей сестрою тулузской, также изчезли, то мы не имѣемъ никакой возможности возстановить этотъ пробѣлъ. Изъ первой графы инвентаря можно заключить, что въ Каркассонѣ производились дѣла непрерывно отъ 1248—1274 г. Въ нихъ говорилось о показаніяхъ противъ тѣхъ, которые принимали еретиковъ, ѣли съ ними и слушали ихъ. Для 1247 и 1248 г. имѣлся даже особый портфель, въ который входили преимущественно процессы еретиковъ области Мирепуа. Также особыя дѣла за этотъ годъ были объ еретикахъ Альби, которые отреклись и были осуждены на покаяніе и приняли католицизмъ ([281]).

([280]) XXIV, 261, 5 non. maji 1247.

([281]) Inventaire, p. 295, 297, 299, 308.

Позднѣйшіе допросы еретиковъ въ Тулузѣ 70 и 80-хъ годовъ XIII столѣтія, сохранившіеся до насъ въ цѣлости, служатъ свидѣтельствомъ того, что альбигойство держалось прочно и непрерывно во все предшествовавшее время, т. е., что политическія обстоятельства не имѣли на него того уничтожающаго вліянія, которое должно-бы было предполагать. Если тогда находили кого судить и притомъ чуть не ежедневно, значитъ катаризмъ, питавшійся вліяніемъ изъ Ломбардіи, имѣлъ возможность и средства существовать, хотя и въ тайнѣ. Ему готовилась поддержка въ самомъ духовенствѣ, въ той его средѣ, которая возстала противъ гнета римской супремаціи. Для ереси теперь ничего не значитъ, поддерживаетъ ли ее свѣтская власть. Альбигойцевъ слишкомъ часто обманывали, чтобы они могли вѣрить въ вельможъ и князей. Ихъ взоры были устремлены къ небу. Они давно простились съ политическими мечтами и доживали свой вѣкъ, сосредоточившись въ себѣ. Ихъ пропаганда была естественно малозамѣтна. На Раймонда VII они смотрѣли, какъ на измѣнника и равнодушно отнеслись-бы къ извѣстію объ его смерти. Она близилась.

Графъ тулузскій, подобно другу своему Фридриху II, былъ слишкомъ несчастливъ въ предпріятіяхъ въ послѣдніе годы своей жизни. Онъ былъ въ положеніи людей, которые своимъ характеромъ не внушаютъ довѣрія никому. Церковь, которая гнала его, теперь была въ мирѣ съ нимъ, но не оставляла своихъ подозрѣній. Ему напоминали его обѣщаніе идти въ крестовый походъ, который онъ давно откладывалъ подъ разными предлогами. Въ душѣ онъ теперь не могъ не питать полнаго сочувствія къ этому предпріятію; его прежній скептицизмъ исчезъ съ годами борьбы; подъ старость онъ сталъ прекраснымъ католикомъ и можно сказать ревностнымъ слугою папы. Мысль о крестовомъ походѣ была любимой идеей короля; потому Людовикъ IX съ своей стороны напоминалъ графу и торопилъ его. Также поступала и Бланка. Раймондъ VII забылъ недоброжелательство, какое недавно оказали ему въ Парижѣ. Ловкіе люди изъ него могли дѣлать что угодно. Онъ пріѣхалъ къ королю въ мартѣ 1247 г. Людовикъ IX уже собрался въ Египетъ; нашивая въ это время на всѣхъ кресты, онъ надѣлъ крестъ и на графа. Раймондъ намекнулъ, что у него нѣтъ денегъ; ему обѣщали 30 тысячъ ливровъ на расходы, и кромѣ того посулили возстановленіе нарбоннскаго герцогства. Всякій-бы догадался, что это обманъ, но легкомысленный Раймондъ былъ въ восторгѣ. Папа похвалилъ его и тоже обѣщалъ 10 т. марокъ; это еще болѣе польстило Раймонда. Иннокентій IV бралъ себѣ пріятный трудъ: наблюдать за Тулузой въ его отсутствіе. Раймондъ поблагодарилъ и за это; въ припадкѣ восторга отъ любезности папы, онъ чувствовалъ себя его другомъ, которому конечно не будетъ отказа въ такой законной просьбѣ, какъ напримѣръ въ разрѣшеніи предать землѣ кости своего отца. Онъ хотѣлъ отдать долгъ памяти отца предъ отправленіемъ въ походъ. Онъ уже давно началъ это дѣло и получилъ увѣреніе отъ имени Иннокентія IV въ томъ, что препятствій не будетъ и что необходимо только ручательство французскаго короля. Раймондъ просилъ о томъ же Людовика IX.

Между тѣмъ въ Тулузѣ, въ домѣ храмовниковъ, два инквизитора, якобинецъ Р. де Канчіо и корьдильеръ В. деБривъ, вмѣстѣ съ епископомъ Лодевы, двѣ недѣли (іюль 1247 г.) занимались изслѣдованіемъ жизни Раймонда VI и обстоятельствъ его смерти. Они допросили сотню свидѣтелей, рѣшили дѣло въ благопріятномъ смыслѣ и увѣдомили папу. Раймондъ торжествовалъ. Но каково было его изумленіе, когда папа отвѣчалъ, что очень удивляется какъ могли начать подобное дѣло безъ него, что никакихъ обѣщаній онъ не давалъ. Иннокентій IV видимо не хотѣлъ ослаблять силу церковныхъ проклятій и разрѣшать кары своихъ предшественниковъ. Онъ не постыдился отпираться отъ своихъ словъ и извѣщалъ графа, что вѣроятно его обманули и злоупотребили его именемъ, но что впрочемъ онъ не имѣетъ ничего противъ того, чтобы начать розыскъ съизнова, для чего назначалъ особую коммисію. Ему нужны были услуги Раймонда VII, но онъ зналъ, что достигнетъ ихъ безъ всякихъ уступокъ съ своей стороны. Раймондъ VII уже потерялъ способность чувствовать обиды и понимать насмѣшки. Онъ просилъ не возобновлять дѣло объ отцѣ и совершенно основательно, такъ какъ новая коммисія трехъ епископовъ Ока, Пюи и Лодевы иначе взглянула на работы инквизиторовъ и потребовала болѣе вѣскихъ доказательствъ. Такъ трупъ Раймонда VI и остался непогребеннымъ. Его сынъ наконецъ согласился съ мыслію, что вѣроятно Богу

угодно, «чтобы онъ болѣе не женился и не пытался хоронить отца», такъ какъ оба эти дѣла ему не удавались ([282]).

Замѣчательно, что послѣ жизненныхъ неудачъ послѣдняго времени, Раймондъ VII въ какомъ-то непонятномъ ослѣпленіи, вымѣщалъ досаду на альбигойцахъ и жадно принимался жечь ихъ. Въ отвѣтъ на оскорбительную выходку папы, онъ почувствовалъ потребность благодарить его и потому изъявилъ желаніе уничтожить у себя всякіе остатки нечестія. Объ этомъ онъ извѣщалъ папу, за что тотъ очень похвалилъ его ([283]). Графъ не преминулъ скоро оказаться достойнымъ этихъ похвалъ. Людовика IX уже не было во Франціи; онъ отправился въ крестовый походъ, сопровождаемый рыцарствомъ Франціи, Тренкавелемъ безьерскимъ и двумя Монфорами. Раймондъ VII, не успѣвъ снарядить свой корабль, отложилъ поѣздку до слѣдующей осени и больной жилъ въ Аженѣ. Вмѣстѣ съ нимъ должны были отплыть всѣ провансальцы, осужденные инквизиціей на покаяніе и получившіе отъ папы милостивое дозволеніе замѣнить покаяніе походомъ, что впрочемъ ихъ обрадовало Но Раймондъ, вѣроятно, не желалъ общества такихъ ненадежныхъ товарищей; по крайней мѣрѣ онъ отнесся къ нимъ иначе. Въ мѣстечкѣ Берлегъ, недалеко отъ Ажена, трибуналъ напалъ на слѣдъ ереси. 80 человѣкъ было взято; графъ присутствовалъ при допросѣ и судѣ надъ ними. Они принадлежали къ числу вѣрныхъ и скоро отреклись отъ своихъ заблужденій. Ихъ слѣдовало обречь на покаяніе и заточеніе. Но на этотъ разъ всѣ онѣ были сожжены, и именно по настоянію и приказанію Раймонда ([284]).

Сожженіе 80 альбигойцевъ было послѣднимъ событіемъ въ тревожной жизни этого несчастнаго человѣка, въ одно время боровшагося и съ собою и съ гнетущимъ ходомъ событій. Онъ началъ свою дѣятельность рыцарскою защитою гонимой ереси, а кончилъ тѣмъ, что перешелъ на сторону

([282]) Guil de Pod. c. 47 въ концѣ.

([283]) Rayn. a. 1248... qui ut sedi Apostolicae significarat, haereticam nequitiam in sua ditione funditus deleri, evellique radicitus exoptabat; ob quem pium zelum summis illum laudibus commendavit. II, 403.

([284]) Guil. de Pod. c. 48.

самыхъ жестокосердыхъ ея гонителей. Лично онъ не могъ питать злобы къ людямъ, съ которыми было связано его лучшее прошлое, преданія его династіи и популярность его имени. Но онъ не обладалъ достаточно сильнымъ характеромъ, чтобы не подчиниться тому принципу религіозной нетерпимости, который систематически распространялся изъ Рима по всему Западу, покоряя себѣ умы государей и народовъ.

Раймондъ VII былъ боленъ съ осени 1248 г. Въ іюлѣ 1249 г., онъ узналъ, что въ Египетъ отправился съ войскомъ его зять Альфонсъ, что ему сопутствуетъ Іоанна. Раймонду хотѣлось посмотрѣть послѣдній разъ свою дочь, которой суждено было принять его воображаемое наслѣдіе Собравъ остатки своихъ силъ, преодолѣвая съ каждымъ днемъ мучившія его лихорадки, онъ прибылъ въ Эгъ Мортъ, откуда обыкновенно отправлялись французскіе крестоносцы. Онъ самъ уже не могъ привести въ исполненіе любимой мысли послѣднихъ годовъ, но далъ обѣтъ осуществить ее, когда почувствуетъ облегченіе. Во всякомъ случаѣ, это святое дѣло онъ поручалъ своему наслѣднику. Раймондъ благословилъ дѣтей, когда они сѣли на корабль; онъ съ грустью слѣдилъ за ними, пока суда крестоносцевъ не скрылись съ горизонта. На обратномъ пути въ Аженъ, гдѣ онъ хотѣлъ поселиться на осень, Раймонду постепенно становилось все хуже. Наконецъ около Родеца, въ мѣстечкѣ При, онъ долженъ былъ остановиться.

Онъ чувствовалъ, что силы покидаютъ его и что подходитъ время, когда надо спокойно проститься съ жизнію. Ему хотѣлось успокоить свою совѣсть. Въ окрестностяхъ спасался отшельникъ, считавшійся святымъ у народа за свое подвижничество; его звали братъ Вильгельмъ Альбароньеръ. Графъ просилъ призвать его Схимникъ не отказался, пришелъ въ мѣстечко, исповѣдалъ больнаго, успокоилъ его сомнѣнія, но не могъ причастить его. Раймонду стало немного легче. Между тѣмъ слухи объ его положеніи, самые разнорѣчивые, распространились быстро по Лангедоку. Прелаты, вассалы, консулы изъ Тулузы спѣшили въ бѣдное При, чтобы застать своего графа въ живыхъ. Ближе всѣхъ былъ епископъ альбійскій. Онъ привезъ ковчегъ съ Св. Дарами. Когда графъ услыхалъ звонъ колокольчика, поднялся съ постели, съ трудомъ добрелъ до порога спальни и опустился на колѣна... Онъ пріобщился съ сердечнымъ умиленіемъ и

послѣ того погрузился въ долгую дремоту. Такъ прошло нѣсколько дней. Когда онъ могъ владѣть собою, то вокругъ его собралось много приближенныхъ. У нихъ шли совѣщанія о томъ, куда перевезти больнаго теперь же, пока возможно. Тулузскіе консулы желали, чтобы графъ провелъ послѣдніе дни жизни во дворцѣ своихъ предковъ, въ томъ городѣ, судьба котораго столько вѣковъ была связана съ судьбою Раймондовъ и который только одинъ долженъ быть мѣстомъ его успокоенія. Они прощали ему все зло, какое онъ наносилъ странѣ и столицѣ, и помнили только, что въ его лицѣ имѣютъ послѣдняго представителя національной династіи. Бароны и прелаты согласились съ ними. Но Раймондъ умолялъ, чтобы его везли куда нибудь поближе, такъ какъ чувствуетъ себя не въ состояніи совершить дальнюю поѣздку. Дѣйствительно въ г. Мильо (на р. Тарнѣ) поѣздъ принужденъ былъ остановиться.

Здѣсь, 23 сентября, Раймондъ продиктовалъ свое завѣщаніе. Онъ приказывалъ возвратить кому слѣдуетъ все то, что неправильно пріобрѣлъ (acquisita injuste vel indicenter ablata) и завѣщалъ 10 т. серебряныхъ марокъ на аббатство Фонтевро, гдѣ просилъ похоронить себя. Объявляя Іоанну наслѣдницей и отдавая тѣмъ свою страну въ руки французскаго правительства, онъ утѣшалъ себя мыслію, что по крайней мѣрѣ его вассалы сохранятъ свои права и привиллегіи, что они не потерпятъ впредь никакого ущерба и не будутъ обременяемы новыми поборами, такъ какъ они служили ему своими средствами по доброй волѣ, а не по обязанности (ex voluntate potius quam ex debito). Онъ не хотѣлъ уносить въ могилу вражду священниковъ и проклятіе монаховъ; онъ возвращалъ имъ и ихъ церквамъ, какъ милость, все, что у нихъ отнято было по суду. До прибытія Альфонса онъ поручалъ управленіе государствомъ Ричарду Аламану, котораго просилъ исполнить свои приказанія. На другой день, въ присутствіи регента, онъ сдѣлалъ дополнительныя распоряженія относительно крестоваго похода Его преслѣдовала мысль,

(285) Подлинникъ завѣщанія за 21 печатью хранится въ Гос. Архивѣ. Trésor des chartes J. 311, п. 64. Перепечатано въ Add. et notes du-Mège; VI, 44. — Подробности у Boutaric. S. Louis et Alfonse de Poitiers. 1870; p. 81.

что онъ незаконно присвоивалъ себѣ деньги папы и короля, которыя уже давно были получены имъ для похода. Онъ завѣщалъ своимъ наслѣдникамъ возвратить ихъ кому слѣдуетъ, и на словахъ велѣлъ вручить папѣ тѣ сокровища, которыя тотъ далъ ему на борьбу съ непріятелями Церкви, императоромъ и герцогомъ савойскимъ и которыми онъ не успѣлъ воспользоваться.

Онъ былъ въ эти дни въ полной памяти, но чувствовалъ крайнее истощеніе силъ. Прелаты совершили надъ нимъ мѵропомазаніе. Смерть приближалась быстро; 27 сентября Раймондъ VII скончался. Его тѣло положили въ ящикъ и отправили по Гароннѣ; его везли черезъ Тулузу въ монастырь Парадизъ въ Аженуа. Покойникъ такимъ образомъ объѣхалъ всѣ свои родовыя земли, половина которыхъ уже не принадлежала ему при жизни. Народъ стекался къ городамъ, чрезъ которые тянулась погребальная процессія. Онъ оплакивалъ въ покойномъ нѣкогда любимаго государя и, забывая всѣ его недостатки, помнилъ одно, что съ нимъ вмѣстѣ онъ хоронитъ въ одной могилѣ свою независимость и свою національность. Патріоты сознавали, что каковы бы ни были личныя слабости Раймонда VII, онъ заслужилъ уже симпатію тѣмъ, что вытерпѣлъ за народъ весь позоръ побѣжденнаго, что палъ послѣ долгой, но безполезной борьбы за независимость страны. Жертвы его напрасной жестокости были у всѣхъ на памяти, но кто не зналъ, что онъ былъ поставленъ въ самое безвыходное положеніе и гнетомый какимъ-то рокомъ дѣлалъ то, что противорѣчило побужденіямъ его сердца. Какъ было его не любить народу, когда ихъ связывало общее несчастіе.

Изъ монастыря Парадизъ весной 1250 г. его тѣло перевезли въ аббатство Фонтевро. Въ этомъ готическомъ Пантеонѣ рыцарскаго времени покоились Генрихъ II Плантагенетъ, Ричардъ Львиное Сердце и Элеонора Аквитанская. Рядомъ съ ними была приготовлена свѣжая могила для

(286) Eratque pietas prius et posterius videre plebes ejulare et flere dominum naturalem, et a modo nullum de sua linea expectare; sicque fieri Domino Jesu Christo placuisse ut cunctis innotesceret quod propter peccata labis heretice multasset Dominus universam sublato sibi domino liberali. Guil. de Pod. c. 48.

послѣдняго потомка династіи Раймондовъ. Его положили, согласно завѣщанію, въ ногахъ матери и Львинаго Сердца, который былъ его дядей. Надъ гробницей была изображена изъ мрамора его распростертая фигура съ руками сложенными на груди. Въ XVII столѣтіи всѣ гробницы были перенесены въ другое мѣсто, гдѣ можно еще теперь видѣть статую Раймонда VII, который молится стоя на колѣнахъ, какъ-бы вымаливая прощеніе за провансальскій народъ, погибшій вмѣстѣ съ нимъ для исторіи и для цивилизаціи. Патріоты Лангедока, которые плакали надъ этой многоговорящей гробницей, не могли удержаться отъ вопля: «отчего онъ не оставилъ наслѣдника». Благочестивый католикъ объяснялъ такое несчастіе Раймонда VII, сдѣлавшееся орудіемъ гибели цѣлой національности, наказаніемъ Божіимъ за попущеніе еретическаго нечестія.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

(ПОСЛѢДСТВІЯ ЕРЕСИ И ЗАВОЕВАНІЯ).

Упроченіе административныхъ связей Франціи и Лангедока. — Общины Юга. Принятіе наслѣдства Альфонсомъ; дѣло о завѣщаніи; вліяніе французскаго короля. Начало централизаціи; деспотизмъ Альфонса. Совѣтъ, сенешалы, бальи, парламенты, суды, подымный сборъ, доходы съ евреевъ и еретиковъ. Отношенія новой власти къ феодаламъ и коммунамъ. Ея вліяніе на городскую жизнь. Выраженіе національнаго чувства въ литературѣ, направленное противъ Франціи и Рима. Смерть Альфонса и Іоанны.—Подчиненіе Юга французской коронѣ. Филиппъ III и уничтоженіе ереси въ массахъ. Судьба страны при Филиппѣ IV. Дѣло францисканца Бернара Сладостнаго.—Распаденіе францисканскаго ордена. Олива. Лжеапостолы. Вальдензы. — Процессъ 1387 г. Послѣдніе альбигойцы.

III.

Лишь только Раймондъ VII испустилъ послѣдній вздохъ, сенешалъ Каркассоны спѣшилъ извѣстить о томъ королеву Бланку. Въ отсутствіе дѣтей она быстро сдѣлала необходимыя распоряженія. Два рыцаря Гюи и Эврэ Шеврезы и капелланъ Альфонса Филиппъ были посланы ею принять наслѣдство покойнаго. Чрезъ 20 дней послѣ смерти Раймонда, французскіе послы принимали въ нарбоннскомъ замкѣ присягу отъ консуловъ на имя графа де-Пуатье, который теперь сталъ графомъ Тулузы и маркизомъ Прованса.

Этимъ фактомъ началась французская эра для Лангедока. Актъ завоеванія совершился. Черезъ брешь, пробитую крестоносцами, вошли французы въ эту страну, но тѣмъ они далеко не сдѣлали ее своею. Начинается болѣе интересный и болѣе важный періодъ—офранцуженія страны, упроченія внутреннихъ связей завоевателей и покоренныхъ. Мы можемъ потому избавить себя отъ хронологическаго изложенія правленія Альфонса. Не выходя изъ предѣловъ нашей задачи, мы должны объяснить силу и качество французскаго вліянія, чтобы чрезъ то убѣдиться въ тѣхъ измѣненіяхъ, которыя были произведены въ Лангедокѣ завоеваніемъ. Такое изложеніе послужитъ этюдомъ о политическомъ значеніи и государственномъ результатѣ альбигойскаго движенія въ исторіи Франціи.

Административная исторія французской монархіи довольно разработана, но только въ послѣднее время обращено вниманіе на тотъ процессъ слiянія сѣверной Франціи съ южной, который совершился примѣненіемъ централизаціи, правительственнаго искусства Альфонса, при совмѣстномъ содѣй-

ствіи трибуналовъ инквизиціи. Архивы всѣхъ областей, входящихъ въ нынѣшнюю Францію, собранные въ знаменитой Сокровищницѣ Хартій, находящейся въ государственномъ архивѣ Франціи, даютъ къ тому богатый матеріалъ. Было-бы весьма ошибочно предполагать какую либо солидарность Франціи и Лангедока въ какомъ-бы то ни было отношеніи, въ продолженіи XIII столѣтія. Напротивъ, мы встрѣчаемъ факты враждебности обѣихъ національностей и внутреннюю противоположность ихъ государственныхъ организмовъ. Для историка интересно изучить, какъ административная система, управляемая умными и энергичными личностями, одержала побѣду надъ преданіями прошлой вѣковой исторіи, и совершила завоеваніе не оружіемъ, а перомъ, внутренними и потому болѣе прочными мѣропріятіями. Чрезъ столѣтіе послѣ смерти Раймонда VII, нельзя было узнать его страны и его подданныхъ. Трудно найти въ исторіи болѣе рѣшительное доказательство торжества законодательнаго принципа надъ разнообразными историческими элементами. Въ процессѣ офранцуженія Лангедока видно появленіе новыхъ идей въ политической исторіи: духа единенія вмѣсто областнаго партикуляризма, монархіи, вмѣсто общинныхъ, республиканскихъ началъ. А всѣ такія новыя идеи служатъ выраженіемъ духа новой исторіи. Такимъ образомъ, изучая эту систему, мы изслѣдуемъ отдаленнѣйшіе корни новой исторіи. Взглянемъ, что было при Альфонсѣ и что стало послѣ него на Югѣ.

Къ 1250 г. южная половина нынѣшней Франціи, лежащая за линіею Луары и Роны или коренной Югъ, говорившая провансальскимъ языкомъ, представляла 13 независимыхъ частей, изъ которыхъ каждая имѣла своего государя въ средневѣковомъ, феодальномъ смыслѣ. Самыя значительныя части составляли земли «двухъ королей», какъ называетъ ихъ старая сирвента Систерона, т. е. владѣнія Генриха III и Людовика IX. Владѣнія перваго шли между Шарантой и Адуромъ, обнимая Сантонжъ, Перигоръ, Лимузинъ и западную часть Аженуа до устья Адура. Французской королевской коронѣ собственно принадлежала широкая, но неправильная полоса отъ англійской границы на Адурѣ до Узеса, Нима и Средиземнаго моря. Доменъ Іоанны, жены принца Альфонса, окружалъ дугою англійскія земли. Обнимая Пуату и Онисъ, собственный удѣлъ Альфонса, эта дуга перерѣзывалась владѣніями графа де ла-Маршъ; она возобновлялась въ Оверни, включала въ себя Велэ, Руэргъ, Керси, восточную часть Аженуа и шла внизъ по правому берегу Гаронны до графства Фуа. Наслѣдство Беатриче простиралось между Роной, Средиземнымъ моремъ и Гапенсэ. Гуго Лузиньанъ имѣлъ ла-Маршъ и Ангомуа; графъ Гастонъ Беарнскій часть Гаскони между Адуромъ, Пиринеями и Арманьякомъ. Далѣе къ Океану, страна басковъ, послѣ извѣстная подъ именемъ проклятой, принадлежала королю наваррскому. Король аррагонскій владѣлъ Руссильономъ и Монпелье. Дофинэ имѣла своего герцога. Графъ де-Фуа фактически былъ во французскихъ рукахъ, также какъ и графъ Арманьякъ, пользовавшійся какъ-бы ничтожнымъ островомъ во французскомъ морѣ. Графъ Перигора и виконтесса Лиможа приносили вассальную присягу англійскому королю.

Каждый изъ этихъ 13 владѣтелей былъ въ сущности титулярнымъ государемъ; подъ нимъ были сотни вассаловъ и подвассаловъ, связанныхъ съ государемъ честью, но имѣвшихъ болѣе дѣйствительную власть. Нѣкоторые прелаты по прежнему считали свои резиденціи городами принадлежащими имъ по праву избранія, какъ въ Арлѣ, Нарбоннѣ, Альби, Магеллоннѣ, Пюи, Кагорѣ, Гопѣ и Карпентрасѣ, хотя эта претензія оставалась номинальною, ограничиваясь присягою консуловъ. Феодалы, даже «оба короля», не могли считать себя обладателями городовъ. Каждый изъ послѣднихъ зналъ только своихъ сановниковъ, продолжая называть себя республикою. Города ссорились и мирились между собою, независимо отъ своихъ князей, заключали торговые и политическіе договоры чрезъ посредство избранныхъ властей и только по доброй волѣ вмѣшивались въ феодальныя распри, помогая посильно деньгами и людьми своимъ государямъ.

Но ни города, ни князья Юга не приносили прежде вассальной присяги французскому королю. Онъ былъ одинъ изъ 13 же владѣтелей, какъ и три другихъ короля, какъ графы и прелаты. Стремленія французскаго правительства на главенство, на историческую миссію въ Лангедокѣ, будто завѣщанную и начатую Мартелломъ и Карломъ Великимъ, тогда не высказывались; объ этомъ главенствѣ и миссіи вспомнили спустя два столѣтія королевскіе прокуроры, какъ видно изъ

архивовъ ([1]). Тогда же стали утверждать, что графъ тулузскій былъ въ давней вассальной зависимости отъ французскихъ королей ([2]).

Гораздо откровеннѣе и честнѣе поступили бы генеральные прокуроры Франціи, если бы ссылались на актъ завоеванія, а не на бумажныя хартіи.

Въ половинѣ XIII столѣтія, и при Альфонсѣ и раньше его, города того и другаго берега Роны говорили языкомъ провансальскимъ. Они не испытали еще на себѣ французской правительственной системы. Мы застаемъ тамъ тѣ же порядки въ 50 годахъ XIII вѣка, какъ и столѣтіемъ прежде. До насъ дошли факты изъ исторіи городовъ въ доменахъ Карла, графа Прованскаго, мужа Беатриче, которые для насъ имѣютъ тоже значеніе, какъ города собственно лангедокскіе. Напримѣръ, въ 1248 г. городъ Арль произноситъ грозный интердиктъ на своего архіепископа; онъ не хочетъ знать его болѣе. При звонѣ въ вѣчевой колоколъ, капитулъ читаетъ слѣдующее: «Запрещается на будущее время всякому гражданину Арля обращаться хоть за однимъ словомъ къ господину архіепископу, ходить къ нему въ домъ, оказывать какую

([1]) Рукописный сборникъ Парижской Библіотеки: Decamps. Coll. pour l'hist. des provinces de la France; LIX. 226. Mémoire partic. de l'evesque de Viviers. Генеральный прокуроръ королевства, желая защитить историческія права короны на Виваресъ, который считался землею епископской, приводилъ между прочимъ процессъ 1412 г., на которомъ было условлено: «dans le partage que Charlemagne fit de ses terres en 806, il voulut que le Rhone depuis Lion jusqu'à la mer, avec tout ce qu'en deça de cette rivière, fut du royaume de France».

([2]) «Louis le Débonnaire établit des Comtes qui gouvernoient le Pays sous son Authorité. Les Comtes de Thoulouse succederent à ces premiers comtes, ils ont ensuite possedé le comté de Vivarés, et en ont disposé, et le temporel de l'Eveché de Viviers faisoit partie de ce Comté... Par le Traité de Paix de 1228 fait avec le comte de Thoulouse, et le Legat du Pape, le Roy S Louis rapellant les anciens Droits de sa Couronne suivant la Disposition faite par Charlemagne, il est porté, que toutes les Terres qui sont en deça du Rhône seront du Royaume de France». (ib.).

либо услугу ему или его семейству, продавать или мѣнять у него». Подеста встаетъ и проситъ избавить его отъ подписанія такого постановленія, такъ какъ воля большинства и безъ того законъ, и что рѣшеніе будетъ обнародывано, какъ всегда, отъ его имени.

Чрезъ семь лѣтъ Монпелье говорилъ все тѣмъ же гордымъ языкомъ съ виконтомъ нарбоннскимъ. Виконтъ обязался служить общинѣ своимъ оружіемъ за себя и за своихъ наслѣдниковъ, въ чемъ поклялся надъ св. Евангеліемъ предъ консулами и синдиками. Онъ обѣщалъ защищать городъ и его права отъ всякихъ нападеній, въ замѣнъ чего консулы обѣщали не заключать безъ него мира и покровительствовать его личности и достоянію. Обѣ стороны чувствовали себя равными; если одна нуждалась въ помощи другой, то отплачивала ей, не признавая никакихъ иныхъ обязательныхъ отношеній.

Потому французскіе комиссары, прибывшіе въ Лангедокъ въ 1249 г. для принятія наслѣдія Раймонда VII, въ своей попыткѣ отнестись къ южнымъ городамъ по обычаю королевства, потерпѣли пораженіе. Капелланъ Филиппъ подробно описываетъ свою поѣздку въ донесеніи къ Альфонсу, которое сохранилось до насъ въ подлинникѣ ([3]). Въ Тулузѣ ихъ встрѣчали любезно (nos reçurent moult liement), хотя придворный капелланъ польстилъ немного, когда прибавилъ, что тамъ будто очень желали господства принца (et nos fu avis, et est encore, qu'il soient moult lie de nostre seignorie). Когда на другой день комиссары собрали горожанъ въ Капитулѣ (meison dou commun) и спросили присягу, то получили отвѣтъ, что ничего не могутъ сообщить до возвращенія депутаціи, посланной къ королевѣ-матери, что отъ нея прежде они должны имѣть ручательство въ соблюденіи городскихъ вольностей (franchises). Комиссары ждали болѣе двухъ недѣль. Наконецъ отвѣтъ былъ полученъ. Вольности подтверждались, но было внесено важное измѣненіе въ формулу присяги, хотя оно первое время прошло незамѣченнымъ; казалось сдѣлали только перестановку именъ, но эта перестановка

([3]) Trésor des Chartes, J. 890. Помѣщено въ Bibl. de l'Ecole des Ch. 1 s., I, 389 etc. Оно было неизвѣстно бенедиктинцамъ, Кателю и др.

опредѣляла все настоящее и будущее страны. Велѣно было присягать Альфонсу и его женѣ Іоаннѣ съ ихъ дѣтьми, «соблюдая права короля и его наслѣдниковъ, согласно условіямъ парижскаго договора». Этимъ нарушалось завѣщаніе Раймонда VII. Покойный оставилъ престолъ своей дочери, какъ прямой наслѣдницѣ. Въ завѣщаніи имя Іоанны было поставлено раньше ея мужа; Бланка же приказала помѣстить Альфонса раньше его жены. Собственно говоря, французское правительство дѣлало политическій подлогъ въ довольно смѣлыхъ размѣрахъ. Оно нарушало принципъ, а это имѣло огромное значеніе. Раймондъ VII никогда не обязывался завѣщать свой удѣлъ французскому принцу или коронѣ; онъ обѣщалъ только отдать свою единственную дочь и наслѣдницу за одного изъ братьевъ короля. Графство оставалось ея достояніемъ, ея приданымъ, которое она по силѣ римскихъ законовъ, дѣйствовавшихъ въ этой странѣ (du droit écrit), могла отдать, послѣ смерти мужа и за неимѣніемъ дѣтей, кому ей угодно, хотя напр. королю англійскому или императору германскому. Послѣдніе пріобрѣли бы въ такомъ случаѣ наслѣдіе Раймондовъ de jure въ силу дара и съ гораздо большими юридическими основаніями, чѣмъ то сдѣлалъ французскій король, братъ или племянникъ Альфонса. Это понимали въ Парижѣ; тамъ искренно желали, чтобы у Іоанны не было дѣтей, но еще болѣе заботились о томъ, чтобы отстранить дочь Раймонда VII отъ прямаго права на престолъ въ силу отцовскаго завѣщанія. Пока юристы обдумывали этотъ вопросъ, комиссары успѣли принять присягу отъ тулузцевъ, отъ множества бароновъ и вассаловъ, бывшихъ въ столицѣ, начиная съ графа Комминга, и отправились съ такою же цѣлью по добрымъ городамъ и областямъ Тулузы, Альбижуа и Керси.

Ихъ вездѣ принимали, разсказывали они, не особенно охотно, но въ Аженѣ положительно отказались присягать. Воспоминанія о вольностяхъ города и любовь къ старой династіи всплыли наружу (car leur franchises estoient teles, si comme il disoient, qu'il ne devoient pas jurer devant ceo que vos leur eussiez juré). Бароны и рыцари Аженуа заговорили въ томъ же тонѣ. Это было очень прискорбно французамъ (nos soffrimes) и они поѣхали дальше. Они, проѣзжая около Гіени, заѣхали къ ея намѣстнику Симону Монфору, графу Лейчестеру, сыну знаменитаго крестоносца. Симонъ былъ женатъ на сестрѣ своего новаго государя и былъ у него въ большой чести. Человѣкъ рѣшительный, онъ держалъ въ страхѣ свою страну; всѣ повиновались ему, такъ что французы не могли не придти въ восторгъ отъ такого «добраго порядка» (¹). Услуги Монфора имъ понадобились; съ нимъ комиссары заключили трактатъ о взаимной выдачѣ преступниковъ и одна ночь, проведенная въ замкѣ Лейчестера, прошла не безслѣдно для упроченія французскаго вліянія въ Лангедокѣ. Въ Аженѣ просто напугались. На обратномъ пути буржуа выслали депутацію къ капеллану и предложили ему свою присягу. Но онъ уже не согласился, такъ какъ находилъ ее не совсѣмъ приличной и выгодной (la forme qui n'estoit pas bone, ne profitable). Внушенія Монфора не прошли безслѣдно. Рыцари Аженуа сразу пали духомъ, покорились и присягнули такъ, какъ съ нихъ требовали. Консулы же съ упорствомъ своихъ предковъ пошли искать правды у королевы-матери. Въ Миланѣ они нашли Madame и присягнули предъ ней въ вѣрности Альфонсу, «который отсутствуетъ ради службы Христовой». Они предоставили себѣ права потребовать лично у графа подтвержденія ихъ привиллегій.

Между тѣмъ комиссары объѣхали всѣ земли Раймонда VII и вездѣ приняли присягу; они не были только въ Венессэнѣ, т. е. маркизатствѣ Прованскомъ, такъ какъ Церковь оспаривала права графовъ тулузскихъ на эту область и предоставила имъ одинъ титулъ. Тамъ города тѣмъ болѣе привыкли жить вполнѣ самостоятельно. Послѣ смерти Рай-

(¹) D'ilueques nos alames à la Riole, à monseignor Symon de Montfort, à la comtesse, sa femme, qui ilueques estoient, et nos avoient mandé et prié par lestres que nos i alessons. Hueques nos les trovames et i geumes une nuit, et nos firent moult grant joie, et parlâmes à m. Symon en tele manière que il ne receut nus des maufeteurs de vostre terre en la sene, ne vos de cels de la sene en la vostre. Et quant li baron et li chevalier et li borgeois de Ageneis virent que nos estions à un acort, si furent moult esbahi. Et sachiez que nos parlames à m. Symon d'endroit la voie d'outre mer, et entendimes de lui qu'il a bone volenté de passer à ceste feste S. Iohan. Et sachiez que il tenoit Gascoigne en bon estat, et que tuit li obeisseent ne n'oseent rien enprendre contre lui. I, 391.

монда VII, общины Арль и Авиньонъ провозгласили себя республиками и выбрали трибуномъ Бараля де Бо. Арль принадлежалъ Карлу; Авиньонъ Альфонсу и Церкви. Бараль прибылъ въ Миланъ къ королевѣ-матери, чтобы войти въ соглашеніе, но изъ разговоровъ съ нею убѣдился, что кромѣ безусловной присяги онъ не можетъ выхлопотать ничего для своихъ согражданъ. Даже и онъ, какъ ни былъ рѣшителенъ, далъ письменное обязательство быть въ «волѣ и послушаніи» французскихъ принцевъ и кромѣ того принужденъ былъ, подобно мятежнику, просить прощенія. Такъ съ первыхъ же дней французская корона принесла строгій монархическій духъ и порядокъ, который противорѣчилъ историческимъ преданіямъ и обычаямъ Лангедока и Прованса. Республиканскія начала не могли быть терпимы при новомъ правительствѣ. Альфонсъ велѣлъ описать все свое пріобрѣтеніе и составить счетъ доходовъ, который сообщить ему. Большія суммы капелланъ собралъ тогда же и послалъ въ Акру къ Альфонсу при письмѣ, которое послужило намъ источникомъ сообщенныхъ свѣденій. Совершенно чужой для своихъ новыхъ подданныхъ, Альфонсъ смотрѣлъ на нихъ, какъ на простую статью дохода. Когда послѣ плѣна и неудачнаго похода подъ Акру, онъ вернулся во Францію въ сентябрѣ 1250 года, для пріисканія средствъ помощи крестоносцамъ, — то, занятый порученіями короля, не поинтересовался даже взглянуть на свое наслѣдіе и проѣхалъ прямо въ Ліонъ къ папѣ, думая уговорить его помириться съ Фридрихомъ II, а послѣ къ англійскому королю, разсчитывая на сочувствіе послѣдняго къ крестовому дѣлу. Только послѣ всего онъ вспомнилъ о своихъ подданныхъ и рѣшился поѣхать къ нимъ. Весною 1251 г. онъ прибылъ вмѣстѣ съ женою въ Авиньонъ. Здѣсь республиканская община отказала ему въ повиновеніи; въ союзѣ съ Карломъ, графомъ Прованса, онъ хотѣлъ понудить ее силою. Авиньонцы смирились и покорились, ограничившись присягой Альфонса ихъ старымъ вольностямъ. 23 мая графъ имѣлъ торжественный въѣздъ въ Тулузу, гдѣ, собравъ жителей, подтвердилъ клятвою ихъ вольности, но тутъ же объявилъ себя государемъ не по завѣщанію, а въ силу парижскаго договора.

Такимъ образомъ французы явились обладателями лучшей и богатѣйшей части Юга по тому-же праву завоевателей, по которому они пріобрѣли домены 1227 г., съ тою

впрочемъ разницею, что образъ дѣйствій правительства на этотъ разъ былъ гораздо безнравственнѣе. За завоеваніемъ послѣдовалъ подлогъ, а тамъ дойдетъ дѣло и до яда. Прежде побѣдители утвердились въ странѣ насильственно, остріемъ меча, предводимые вооруженными монахами, теперь же опирались на ложь и въ политическомъ подлогѣ искали средствъ и опоры для своего водворенія. Нѣтъ ничего прискорбнѣе наблюдать, какъ Альфонсъ, будучи орудіемъ своей матери, хотѣлъ придать насилію и попранію справедливости видъ законности. Мы замѣтили, что королевское правительство досадовало на завѣщаніе Раймонда VII, которое отдаляло богатый доменъ отъ короны: Альфонсу отдано было приказаніе уничтожить завѣщаніе. Но такъ какъ оно было уже обнародовано, то слѣдовало доказать его незаконность.

Здѣсь выступаетъ на сцену новая сила. Крестоносцевъ смѣнили на этотъ разъ юристы. Имъ поручено доказать, что совершенно вѣрный документъ не вѣренъ и не имѣетъ значенія, а что подложная ссылка на парижскій договоръ — какъ нельзя болѣе справедлива. Если они вполнѣ достигли своей цѣли, то исторія не можетъ не признать, что повѣствованіе о подробностяхъ уничтоженія провансальской національности увеличилось еще одною темной страницей, что безчестный образъ дѣйствій еще разъ сталъ орудіемъ весьма важнаго историческаго факта.

Не было документа совершеннаго болѣе формально и законно, какъ завѣщаніе Раймонда VII. Оно было написано въ здравомъ умѣ, въ присутствіи болѣе чѣмъ законнаго числа свидѣтелей и скрѣплено 21 печатями; завѣщатель не нарушалъ прежнихъ договоровъ и, какъ добрый католикъ, почти всѣ свои капиталы отказалъ на богоугодныя цѣли. Лучшіе французскіе юристы должны были высказать много дерзости, чтобы отвергнуть эти данныя; болѣе 20 легистовъ занялись этимъ дѣломъ. Между ними былъ ученый провансалецъ Гвидо Фулькодій, который послѣ сталъ папою подъ именемъ Климента IV. Онъ продалъ себя и судьбу своей родины французскому двору за блестящую карьеру (5). Юрисконсульты рѣшили, что для дѣйствительности завѣщанія не соблюдены

---

(5) **Decamps. Traité de l'origine des domaines du roy au Languedoc; LIX, 35.**

условія, требуемыя гражданскими римскими законами, такъ какъ не имѣется свидѣтельства, что завѣщаніе прочтено передъ завѣщателемъ и свидѣтелями и что самъ завѣщатель не объявлялъ объ этомъ; другіе придирались, что печати приложенныя къ документу не замѣняютъ подписей и что свидѣтели не удостовѣрили ихъ, что завѣщаніе было вскрыто въ отсутствіи наслѣдниковъ и свидѣтелей. Подтвержденіемъ того, что всѣ такія толкованія были произвольны и имѣли одну цѣль, закрѣпощеніе страны за французскими принцами, служитъ признаніе законности дополненія къ завѣщанію, по которому король и папа должны были получить обратно свои деньги, и которое съ большимъ основаніемъ слѣдовало бы отвергнуть, какъ составленное безъ всякихъ формальностей (6). Юристы, конечно, получили внушеніе, что двору вовсе не желательно отказаться отъ такой значительной суммы. Не обозначала ли вся эта исторія съ завѣщаніемъ произвола прикрытаго бумажными формами, и чѣмъ разнилась эта мнимая законность отъ насилія и попранія всякой справедливости?

Французамъ невыгоденъ былъ одинъ документъ, — рѣшили, что онъ незаконенъ; — имъ былъ полезенъ другой, — нашли, что онъ вполнѣ легаленъ.

Какъ бы то ни было, завѣщаніе Раймонда VII было объявлено недѣйствительнымъ. Іоанна была устранена отъ престолонаслѣдія, и братъ французскаго короля или точнѣе самъ французскій король сталъ государемъ Тулузы и ея областей.

Но въ Парижѣ забыли, что въ завѣщаніи заинтересованъ весьма вліятельный элементъ—церкви и монастыри, которые получали въ силу его значительныя дары. Съ ними ссориться было опасно. Они протестовали. Альфонсъ предложилъ имъ сдѣлку, но жадность духовенства не допускала ущербовъ. Аббатство Фонтевро особенно домогалось завѣщанныхъ драгоцѣнностей покойнаго. Едва успѣли сойтись на обоюдныхъ уступкахъ, на уплатахъ и бенефиціяхъ, и то только благодаря тому, что Альфонсъ опирался на свой безупречный католическій авторитетъ и на услуги, оказанныя Риму. При

(6) Оригиналъ консультаціи въ Trésor des Chartes, J. 131, № 69.

этомъ графъ указывалъ на мнимую беззаконность документа, которая уничтожала всю силу записей. Онъ хотѣлъ казаться великодушнымъ, даже распоряжаясь чужой собственностью.

Подчиненіе всей восточной половины Юга коронѣ французской надо считать съ года смерти Раймонда VII, потому что Альфонсъ былъ лишь номинальнымъ государемъ. Принявъ присягу, онъ тотчасъ же оставилъ Лангедокъ, чтобы никогда въ него не возвращаться. Съ нимъ скоро сдѣлался параличный ударъ и онъ былъ не въ состояніи тронуться съ мѣста. Больной, изъ своего Венсенскаго замка, а послѣ изъ своего парижскаго дворца у воротъ S. Honoré, онъ управлялъ страной, собиралъ съ нея доходы и неуклонно вводилъ тѣ реформы, которыя указывало ему парижское правительство. Послѣднее даже не затруднилось распоряжаться доменами Альфонса, какъ бы своими собственными; оно брало, отдавало и мѣняло его земли, не спрашивая согласія. Другимъ доказательствомъ парижскаго государственнаго вліянія было то, что земли провансальскаго языка получили такое административное преобразованіе, которое сгладило въ нихъ мѣстныя, политическія и соціальныя особенности и приблизило по внутреннему строю къ землямъ сѣвернымъ, коронным.

Подтвердимъ фактами и то и другое.

Въ 1258 г. Людовикъ IX заключилъ въ Карбейлѣ трактатъ съ Іаковомъ I аррагонскимъ и въ Аббевилѣ (7) договоръ съ Генрихомъ III англійскимъ, который долженствовалъ прекратить вражду между тремя королевствами, производившую частыя опустошенія на Югѣ. Въ Карбейлѣ король аррагонскій отказался отъ своихъ правъ на нѣкоторые припиринейскіе домены и на нѣсколько кантоновъ въ Оверни, удержавъ за собою только сюзеренство Монпелье. Здѣсь не было даже и рѣчи о правахъ Альфонса, можетъ быть потому, что самыя владѣнія были спорны. Но иное дѣло въ договорѣ съ Англіей. Людовика IX преслѣдовало довольно благородное, но не совсѣмъ государственное желаніе, поправить «великую несправедливость» своего дѣда Филип-

(7) Подлинникъ помѣченъ 28 мая 1258 г. — Trésor des Chartes, J. 629, № 4. — У Мартена въ Hist. de France (IV, 262) ошибочно 20 мая 1259 г.

па II, который отнялъ у англійскаго короля Пуату и другія земли на Югѣ. Генрихъ III не въ состояніи былъ бы возвратить ихъ оружіемъ, но благодушіе Людовика IX предупредило его. Ему стоило только указать, что его отецъ когда то въ Лондонѣ обязался возвратить Англіи эти земли, и Людовикъ IX чувствовалъ себя не въ правѣ ихъ удерживать, хотя послѣ Генрихъ III, нарушивъ свои обязательства и поднявъ оружіе, тѣмъ самымъ освобождалъ французскаго короля отъ нравственной отвѣтственности. Но получивъ соотвѣтственныя гарантіи отъ Генриха III, Людовикъ IX возвратилъ и уступилъ вмѣстѣ съ своими доменами и то, что входило въ удѣлъ Альфонса и въ наслѣдство Іоанны, ни мало не спрашивая согласія графа, графини и ихъ народа. Въ Ангулемѣ, Лимузенѣ, Керси и Перигорѣ Людовикъ IX не имѣлъ прямыхъ доменовъ, но только права на присягу (droit d'hommage) разныхъ феодаловъ, которые въ большинствѣ не любили англійскаго короля, хотя въ послѣдствіи стали во вражду съ Франціей, такъ какъ англійская власть оказалась болѣе гуманной къ ихъ національности. Изъ доменовъ Альфонса Людовикъ IX уступилъ Англіи доходы Аженуа, по оцѣнкѣ особыхъ «добрыхъ мужей» (prodes hommes), а также съ нижняго Керси и съ области Кагора. Такимъ образомъ приданое жены Раймонда VII отходило назадъ къ Англіи распоряженіемъ французскаго короля. Послѣ смерти графини де-Пуатье, т. е. Іоанны, Англія имѣла получить также южный Сантонжъ. Въ вознагражденіе за это, Генрихъ III и за себя и за наслѣдниковъ отказывался отъ всякихъ правъ на Нормандію, Анжу, Мень, Турень, сѣверный Сантонжъ, Онисъ, Пуату и сверхъ того признавалъ себя вассаломъ французскаго короля за всѣ англійскія владѣнія на материкѣ, прежнія и новыя, вмѣстѣ съ Гіенью и Бордо [8]. Послѣднее условіе должно было удовлетворить самолюбіе французскихъ вельможъ и самого ко-

(8) Li rois d'Engleterre et si oirs feront homage lige au rei de France et à ses oirs rois de France; e aussi de Bordeaux, de Baionne e de Gascoine, e de tote la terre qu'il tient deça la mer d'Engleterre en fiez et en demaines, et des illes, se acune i en a, qe li rois d'Engleterre tiegne que soit dou réaume de France, e tendera deli come pers de France et dux d'Aquitaine.

роля, хотя и не давало никакихъ матеріальныхъ выгодъ. Въ самомъ дѣлѣ средневѣковымъ французамъ, всегда тщеславнымъ и самолюбивымъ, было лестно имѣть своимъ вассаломъ безпокойнаго сосѣда и одного изъ могущественнѣйшихъ государей. По многимъ косвеннымъ доменамъ Франція ничего не теряла, по другимъ теряла доходъ, власть въ городахъ, но сохраняла королевскій авторитетъ, который простирался теперь на вдвое большіе предѣлы. Французскіе королевскіе сенешалы попрежнему оставались въ уступленныхъ областяхъ рядомъ съ англійскими, а въ Перигорѣ появился новый, который напоминалъ собою верховную власть въ Гіенни. Парижскій парламентъ, какъ видно изъ документовъ, принималъ по прежнему апелляціи на рѣшенія англійскихъ сенешаловъ и приводилъ въ исполненіе свои приказанія [9]. Но ежегодная уплата 3720 ливровъ за Аженуа, добровольно возложенная на себя Людовикомъ IX, естественно раздражала французскій народъ, такъ какъ напоминала данническія отношенія и не могла загладиться тѣмъ, что Генрихъ III въ Луврской башнѣ преклонилъ колѣно предъ королемъ Франціи, чего не было уже 50 лѣтъ. Во всякомъ случаѣ Франція получила довольно выгодный миръ, а главное, спокойствіе и увѣренность за свои границы [10], хотя это достигалось нарушеніемъ самостоятельности провансальской національности. Желаній не только населенія, но даже бароновъ въ уступленныхъ земляхъ не спрашивали. Своему великодушію и личному спокойствію король, вопреки справедливости, приносилъ въ жертву законные интересы Юга. Замѣчательно, что онъ думалъ сдѣлать этимъ прекрасное дѣло (moult bonne oeuvre).

Отвѣтомъ на это служило общее недовольство и въ Лангедокѣ и въ самой Франціи, высказавшееся даже среди соб-

(9) Les Olim ou registres des arrêts rendus par la cour sous S. Louis etc. publ. par Beugnot; I, 533, 723.

(10) Beugnot (Essai sur les instit. pol. de S. Louis, p. 50) Michelet (H. de France; III, 348), H. Martin; IV, 262,— находятъ миръ невыгоднымъ. Съ большимъ основаніемъ взглянули на договоръ спеціалисты: Lenain de Tillemont (Vie de S. Louis; IV, 162) и Boutaric, 95.

ственнаго двора короля ([11]). Впечатлительное рыцарство не хотѣло спокойно взвѣсить выгодъ трактата. Оно не вразумлялось, что гористый Перигоръ и бѣдный Лимузенъ стоятъ 4 лучшихъ провинцій Франціи.—Государь, намъ кажется, что вы потеряли, когда увѣряете, что выиграли, сказали ему въ совѣтѣ.—Выходило, что потеряли обѣ стороны. Замѣчательно, что трактатъ, не удовлетворивъ французовъ, одинаково раздражилъ и англійскихъ бароновъ. Онъ былъ предлогомъ къ возбужденію возстанія вельможъ и городовъ въ Англіи, и едва Генрихъ III не поплатился за него короною. Существеной причиной революціоннаго движенія была зависть гіеньскихъ и англійскихъ вельможъ къ богатымъ бенефиціямъ, захваченнымъ итальянцами. Ненависть къ римскому владычеству дошла до того, что образовались общества для убійства папскихъ гонцевъ съ іоркширскими рыцарями во главѣ Побѣжденный баронами, предводимыми Симономъ Лейчестеромъ, сыномъ Монфора, который не хотѣлъ подчиняться французскому правительству за свое намѣстничество, и взятый въ плѣнъ, Генрихъ III долженъ былъ покориться въ Оксфордѣ волѣ перваго бѣшенаго парламента и водворить въ Англіи начала ея конституціонной свободы. Король стѣсненъ былъ опекой 24 бароновъ. Послѣ шести-лѣтней борьбы король и бароны предоставили рѣшить споръ третейскому суду Людовика IX. Французскій король, опираясь на Библію, провозгласилъ, что надо повиноваться власти верховной и вмѣстѣ съ папой кассировалъ оксфордскіе статуты. Но этимъ онъ зажегъ только новую борьбу. Монфоръ предложилъ городамъ мѣсто въ парламентѣ и, призвавъ ихъ къ участію въ политической жизни, склонилъ счастье на свою сторону, Симонъ погибъ въ этой благородной борьбѣ, но его дѣло восторжествовало.

([11]) **Joinville, c. 367.** «Sire, nous nous merveillous moult que vostre volenté est tele que vous voulez donner au roy d'Angleterre si grant partie de vostre terre que vous et vostre devancier avez conquise sus li et par leur meffait. Dont il nous semble que se vous entendez que vous ni aiés droit, que vous ne fêtez pas bon rendage au roy d'Angleterre, se vous ne li rendez toute la conqueste que vous et vostre devancier avez faite.» **Michaud et Pouj. Coll. I, 314.**

Лангедокцы послѣ аббевильскаго трактата могли понять, что ими отнынѣ распоряжаются по произволу, какъ покоренными, что даже не желаютъ видѣть разницу между подданными короля и графа. Личность Людовика IX не могла тамъ внушать симпатіи. Когда короля канонизировали, то во многихъ мѣстностяхъ Юга отказались признавать его праздникъ. Для выраженія злобы противъ его братьевъ вездѣ не находили словъ. Въ самомъ дѣлѣ, французское управленіе, хотя приносило съ собою порядокъ, не могло внушить симпатіи ни въ одномъ слоѣ населенія. Французы начали ломать самыя дорогія начала самоуправленія. Легисты, которые тогда появились въ королевскомъ совѣтѣ, изъ университетовъ Италіи вынесли глубокое уваженіе къ государственнымъ принципамъ римской имперіи, т. е. централизаціи и возвышенію монархическаго сана. Въ Германіи и Англіи проявились тѣ же идеи, но тамъ ихъ постигла другая участь. Во Франціи онѣ побѣдили; Имперію и Англію эти попытки обезсилили.

Почва Лангедока и Прованса была покрыта сотнями муниципій. Ураганъ альбигойскихъ походовъ смылъ нѣкоторыя изъ нихъ, но во время мира они возродились снова и звукъ вѣчеваго колокола получилъ свое прежнее обаяніе Французскіе сенешалы подъ вліяніемъ легистовъ противодѣйствуютъ этому. Они рѣшительно не допускали новыхъ общинъ. Они уничтожали старыя общины не прямо, а выискивали предлоги, которыми служило возмущеніе, неисполненіе обязательствъ и пр. Такъ въ 1254 г. сенешалъ бокерскій запретилъ выборы въ Нимѣ. Горожане жаловались королю. Людовикъ IX отправилъ для изслѣдованія дѣла коммиссію изъ архіепископа Экса, одного доминиканца и двухъ юристовъ. Имя Фулькодія обѣщало успѣхъ для интересовъ Нима. Дѣйствительно, на этотъ разъ, въ уваженіе старинной свободы города (longis ante temporibus observatam libertatem), самоуправленіе осталось. Но когда въ томъ же году подобнаго же пожелалъ городъ Лимуксъ, то ему французскіе полномочные, наведя справки, отвѣчали такъ ([12]): «Вашъ городъ сражался съ синьоромъ Монфоромъ во время первыхъ крестоносцевъ; за это Монфоръ приказалъ вамъ сой-

---

([12]) Изъ архивовъ у Lafon. Midi; III, 51.

Обязанности этого лица имѣютъ самую близкую связь съ исторіей первой инквизиціи. Потому мы въ послѣдствіи остановимся подробно на фактахъ его дѣятельности по отношенію къ евреямъ и еретикамъ, а теперь замѣтимъ только, что на тѣхъ и на другихъ при Альфонсѣ смотрѣли лишь какъ на источникъ дохода. Трибуналы дѣйствовали усердно, но заточенія чаще и чаще замѣнялись пенями и каждое дѣло приносило новую лепту графу. Евреи рѣдко являлись передъ инквизиторами, такъ какъ они безъ того во владѣніяхъ Альфонса были обложены поголовнымъ и чрезвычайнымъ поборомъ. Можно сказать, что ихъ кошельки были въ распоряженіи графа. Вообще Дюбуа существенно пополнялъ финансовые источники правительства, пользуясь религіознымъ чувствомъ народа, научившагося послѣ горькихъ примѣровъ питать ненависть къ осужденнымъ инквизиціей. Въ слѣдствіи того Дюбуа былъ довольно крупнымъ лицомъ въ Совѣтѣ.

Исполнителями воли Совѣта въ областяхъ были сенешалы. Исторія этихъ сановниковъ имѣетъ нѣсколько періодовъ. Когда-то они имѣли наслѣдственную власть на Югѣ, какъ и во Франціи, назначали себѣ помощниковъ, собирали доходы и вершали судебныя дѣла. Филиппъ Августъ, изъ опасенія увидѣть новыхъ палатныхъ меровъ, уничтожилъ эту должность и ввѣрилъ управленіе своихъ провинцій baillivis, съ властію близкой къ власти англійскихъ сенешаловъ въ Гіенни. Это учрежденіе Филиппа имѣло громадное значеніе для всей исторіи Франціи, такъ какъ бальи должны были уничтожить феодальную аристократію и своей администраціей сгладить всѣ мѣстныя особенности. Оно было перенесено Альфонсомъ въ его владѣнія. Бальи Филиппа II имѣли широкія обязанности: слѣдить за тяжебными дѣлами, заботиться о приведеніи въ исполненіе постановленій двора и приказаній королевскихъ, покровительствовать церквамъ, управлять собственными доменами короля, дѣлать счетъ доходамъ и расходамъ своего bailliage и командовать ополченіемъ въ военное время ([13]). Они были вполнѣ чиновниками королевскими, правили пока было угодно королю (quamdiu

([13]) **Delisle. Fragments de l'hist. de Gonesse, — Bibl. de l'Ecole des Chartes. 4 s.; V, 116.**

nobis placuerit) и оттого назывались иногда ministeriales. Съ тѣми же правами и обязанностями, какія указалъ Филиппъ II, ихъ застаетъ и XIV столѣтіе. Альфонсъ искусно прививалъ это нивеллирующее учрежденіе, смертельное для феодализма и самоуправленія, къ своимъ пестрымъ владѣніямъ. Въ Пуату онъ назвалъ бальи превотами. Вообще онъ дѣйствовалъ постепенно, но такъ, что его учрежденія сохранились въ сущности до самой Революціи. Онъ засталъ въ Лангедокѣ шесть сенешаловъ, но ихъ начальники ничѣмъ не походили на тѣхъ, которыхъ посадилъ Альфонсъ или точнѣе его Совѣтъ. То были сенешалы Тулузы, Аженуа, Керси, Руэрга, Альбижуа, Венессэна. Альфонсъ сократилъ число ихъ, присоединивъ Альбижуа къ Тулузѣ, а Аженуа къ Керси, и снабдилъ сенешаловъ такою же властью какъ во Франціи. Каждое сенешальство дѣлилось на байльажи, управляемые бальи, но съ другимъ назначеніемъ.

Новые сановники, назначенные изъ французовъ, получавшіе 400—500 ливровъ (около 50 тысячъ франковъ) жалованья, стали очами графа и легистовъ. Сенешалы блюли интересы Альфонса, какъ свои собственные, и считали свою службу служеніемъ Франціи. Они сами опредѣляли бальи, тоже большею частью изъ французовъ, но мѣста эти, какъ доходныя, отдавали съ торговъ. Тогда пожалѣли даже и о временахъ Монфора, который не трогалъ внутренняго управленія страны и, уважая старые обычаи Юга, сохранилъ даже печать Раймондовъ, на которой графы изображались въ платьѣ горожанъ съ мечемъ, мирно покоившимся на колѣнахъ. Теперь же съ методичною послѣдовательностью преслѣдовали процессъ преобразованія національности. Сенешалы Альфонса получили въ руководство тотъ же наказъ, какъ и сенешалы Людовика IX въ его знаменитомъ Уложеніи ([14]). Общая политика готовила общность политической жизни сѣверныхъ и южныхъ областей. Видимо всѣ важные акты редактировали оба Совѣта. Вездѣ старались отстранить всякую возможность сдѣлки сенешаловъ съ управляемыми. Сенешалы не могли жениться въ той области, гдѣ начальствовали, а въ случаѣ смѣщенія должны прожить еще 40 дней послѣ сдачи дѣлъ, чтобы

([14]) **Doat; LXXIV, 275: — Forma accensandi et tradendi ballivias.**

дать отвѣтъ на тѣ жалобы, которыя могли-бы возникнуть противъ ихъ управленія. Имъ предписывалось безпристрастіе къ народу безъ различія сословій, въ чемъ они присягали; чтобы не отрывать населеніе отъ домовъ, они должны были созывать его только въ критическихъ случаяхъ и тюремное предварительное заключеніе замѣнять по возможности поруками и залогомъ, и только въ дѣлахъ самыхъ важныхъ, какъ въ преступленіяхъ противъ Церкви, арестъ становился необходимостью: это было нѣчто въ родѣ французской Magna Charta. Далѣе слѣдовалъ рядъ наставленій о судопроизводствѣ, которое разнилось въ странѣ обычнаго (на Сѣверѣ) и письменнаго права (на Югѣ). Допросъ и слѣдствіе во Франціи носили инквизиціонный характеръ даже въ свѣтскихъ судахъ. Въ Лангедокѣ документы сообщались подсудимому. Для судебной функціи сенешальство было раздѣлено на вигуэрства и jugeries. Вигуэры существовали давно, они остались въ качествѣ помощниковъ сенешала по одному въ сенешальствѣ; судьи же (judices) были введены Альфонсомъ въ каждомъ участкѣ. Въ южныхъ доменахъ короля ихъ замѣняли вездѣ вигуэры. Они и вигуэры присягали въ вѣрности графу и представляли собою рѣшительное воплощеніе монархическихъ порядковъ. Ниже ихъ стояли бальи, которыхъ было по нѣскольку въ сенешальствѣ, для собиранія налоговъ и исполненія полицейской обязанности и иногда военнаго предводительства. При трудности сбора податей и пошлинъ, правительство съ охотой продавало права сбора желающимъ занять эту должность. Такимъ образомъ бальи изъ графскихъ сановниковъ скоро сдѣлались откупщиками. По приказанію Альфонса велѣно было продавать эти мѣста непремѣнно съ торговъ и притомъ какъ можно дороже; для выгоды короны велѣно было смѣнить бальи, назначенныхъ сенешалами, и ихъ мѣста также перепродать. Понятно, какою тяжестію ложились на населеніе эти кровопійцы изъ французскихъ мелкихъ дворянъ съ ихъ беззастѣнчивостію и алчностью. Насилія и злоупотребленія были очень естественны. Каждый, заплатившій сумму положеннаго сбора впередъ, старался вернуть ее съ лихвой и произвольно увеличивалъ податную тягость земель, городовъ и замковъ. Другой, который купилъ только одну должность, искалъ хорошей награды за труды по управленію и сбору налоговъ. Бывали примѣры, что въ одно время являлось два бальи вмѣсто

одного ([15]). Случалось, что нѣсколько лицъ составляли компанію на извѣстномъ участкѣ и эксплуатировали его какъ могли. И Людовикъ IX, и Альфонсъ одинаково старались устранить излишнія злоупотребленія этой системы, но допускали самый фактъ. Такъ было тогда во всей Франціи съ тою разницей, что въ Пуату и другихъ провинціяхъ бальи назывались превотами въ отличіе отъ верховныхъ сановниковъ Филиппа II. Одна эта мѣра уничтожала всю долю пользы, какую приносила народу система централизаціи, введенная на Югѣ французскимъ правительствомъ. На зарѣ своего появленія въ исторіи, централизація имѣла патологическія формы.

Когда вопль провинцій, сдавленныхъ самовластіемъ сенешаловъ и бальи, дошелъ до двора, то регенство въ 1270 г. приняло ничтожныя предупредительныя мѣры. Въ каждомъ байльажѣ предоставлено было избирать лицо изъ нотаблей, которое наблюдало-бы за бальи, и въ случаѣ его гнета и грабежа жаловалось бы сенешалу. Послѣ второй жалобы послѣдній могъ обложить виновнаго пенею въ пользу графа. Онъ въ важныхъ случаяхъ могъ отвѣчать за своего агента. Строго запрещено было допускать болѣе одного бальи въ участкѣ. Тогда же были сдѣланы наставленія сенешаламъ, что служитъ доказательствомъ ихъ самовластія и вымогательствъ. Оказалось, что они вопреки наказу сажаютъ въ тюрьмы совершенно невинныхъ, продаютъ байльажи своимъ родственникамъ и т. п. ([16]). Хотя Совѣтъ старался увѣрить, что Альфонсъ цѣнитъ правосудіе и счастіе подданныхъ выше всего, но его система грѣшила и въ самой себѣ и въ способахъ примѣненія ея, потому что гналась не за благосостояніемъ народа, а прежде всего за пріобрѣтеніемъ средствъ для достиженія личныхъ цѣлей во что-бы то ни стало, какъ напр. для того же крестоваго предпріятія, за которое готовился погибнуть его братъ и которому онъ от-

---

([15]) Докум. 1254 г. въ Preuves; VI, 495. Ord. des réformateurs envoyés par Alfonse etc. Посланная для ознакомленія со страной, коммиссія дала наставленія относительно еретиковъ и администраціи.

([16]) Докум. напеч. въ Recueil de l'Académie de législation de Toulouse проф. Брессолемъ; IX, 320—322.

дался вмѣстѣ съ нимъ въ послѣдніе годы своей жизни.

Надо замѣтить, что на мѣстную администрацію и на мѣстный судъ провинціи могли жаловаться членамъ парламента, т. е. Совѣту, и даже самому графу. Парламентъ всегда слѣдовалъ за графомъ, но ежегодно въ день всѣхъ Святыхъ его можно было найти въ Парижѣ. Разборъ дѣлъ бралъ на себя каждый изъ членовъ отдѣльно. Графъ часто предназначалъ для того монаховъ, которыхъ очень любилъ. Чаще обращались прямо къ Альфонсу съ жалобами на сенешаловъ. Прежде онъ судилъ терпѣливо и внимательно, но наконецъ утомился и въ 1270 г. запретилъ такое нарушеніе правильной юстиціи и образовалъ изъ себя третью инстанцію, какъ настоящій монархъ, стоящую надъ парламентомъ. Въ общемъ засѣданіи парламентъ служилъ первой инстанціей для важныхъ гражданскихъ дѣлъ между феодалами, общинами, прелатами и для претензій правительства. Его arrêts приводились въ исполненіе сенешалами безъ апелляціи. Къ тому времени графъ убѣдился, что за его сановниками необходимъ непосредственный надзоръ. Съ этою цѣлью онъ иногда отправлялъ въ провинціи членовъ Совѣта, въ большинствѣ же случаевъ, по примѣру Людовика IX, особыхъ такъ называемыхъ слѣдователей (enquéteur). Объѣзжая области, они должны были выслушивать жалобы населенія на сенешаловъ и сановниковъ и даже на самого графа; иногда они производили слѣдствія по дѣламъ обжалованнымъ въ парламентъ. Учрежденіе института слѣдователей приносило много чести уму и сердцу Альфонса, но особенно Людовику IX, которому принадлежала мысль о немъ. Разсказываютъ, что короля возмущали въ душѣ насилія и конфискаціи, которымъ подвергались на Югѣ люди случайно замѣшанные въ дѣла ереси, хотя имущества наказанныхъ шли въ пользу его казны. Чувствуя угрызеніе совѣсти за такія несправедливыя пріобрѣтенія, облитыя слезами ограбленныхъ, онъ имѣлъ мысль возвратить отнятое. Къ тому присоединились усиленныя жалобы на грабежи и притѣсненія мѣстныхъ властей во время регенства Бланки. Потому, собираясь въ походъ, король, желая примириться съ совѣстью, разослалъ честныхъ и вѣрныхъ людей изъ монаховъ выслушать жалобы народа и оказать справедливость. Это было въ 1247 г. ([17]). Слѣдователямъ не должно было стѣсняться принимать жалобы и на самого короля и его Совѣтъ. Они вели дѣла открыто по средневѣковому обычаю и, въ большинствѣ будучи доминиканцами, однако чуждались инквизиціоннаго судопроизводства. Они обстоятельно записали всѣ подробности притѣсненій, вынесенныхъ народомъ отъ королевскихъ сборщиковъ и властей, и достойно сожалѣнія, что эти документы сохранились далеко не вполнѣ. По ихъ приказанію виновные или ихъ наслѣдники возвращали неправильно пріобрѣтенное. Епископы должны были оказывать содѣйствіе; сенешалы и бальи повиновались имъ. Ихъ слово бывало словомъ любви и истины. Будто чуждые земныхъ страстей и интересовъ, они произносили, когда слѣдовало, приговоры направленные даже противъ короля, ихъ пославшаго, и весьма часто вопреки желанію парламента ([18]). Но ихъ наѣзды были періодическіе; такая благотворная власть, какъ актъ верховной справедливости, вступала въ свои права только тогда, когда ропотъ народа требовалъ ея содѣйствія. Проявленіе ея было непостоянное. Альфонсъ, подражая во всемъ королю, попытался привить и къ своимъ владѣніямъ эти порядки. Но это значило влить въ новые формы старое содержаніе. Доминиканцы привыкли смотрѣть на альбигойскія области, какъ на исчадіе нечестія; они часто не исцѣляли зло, а усиливали его. Они не забывали, удовлетворяя справедливость, установлять наказанія для еретиковъ, которыхъ главнымъ образомъ порождало насилие и угнетеніе. По характеру Альфонсъ мало походилъ на своего брата Въ немъ не было велича-

([17]) Подобная гуманность проявилась и при дворѣ англійскаго короля. У Matth. Par. подъ 1258 г. читаемъ: «Въ эти дни отъ короля было разослано бреве въ каждое графство, къ четыремъ рыцарямъ, которые были избраны въ каждомъ графствѣ. Эти рыцари должны были основательно розыскать сколько притѣсненій и какія именно вымогательства дѣлали сильные надъ простыми людьми, сдѣлать тщательное дознаніе о всѣхъ жалобахъ, предъявленныхъ кѣмъ бы то ни было съ самыхъ раннихъ годовъ, и всѣ результаты своихъ исканій, скрѣпленные печатями, представить въ указанный срокъ баронамъ». — Это послужило началомъ участія рыцарей въ парламентскихъ собраніяхъ, такъ что грамота 1264 г. подтвердила уже готовый фактъ.

([18]) О «Слѣдователяхъ» Людовика IX статья Бутарика по архивамъ въ Mém. de l'Acad. des inscr. t. XXII, p. 1.

вой кротости духа, идеальныхъ стремленій, самопожертвованія и безкорыстія св. Людовика. Онъ не могъ допустить, чтобы подданные судили его. Онъ въ этомъ опередилъ средневѣковое время. Посланные имъ должны были возстановлять его права, а не нарушать ихъ. Ихъ обязанностію было разбирать между прочимъ претензіи на него самого и его предшественниковъ и жалобы на его слугъ, и если они получили право произносить свой приговоръ, то всегда почти номинально. Собравъ на мѣстѣ всѣ свѣденія, они, какъ высшая полиція, представляли все дѣло Совѣту или графу для окончательнаго рѣшенія. Каждый почти годъ назначались слѣдователи, но въ сущности для того, чтобы подписать на своихъ трудахъ: «hec reddidit dominus comes», или «comes liberatur». Только неважныя дѣла они осмѣливались рѣшать сами, а что касалось до возстановленія имуществъ и наслѣдствъ, а не только другихъ дѣлъ болѣе серьезныхъ, то въ нихъ они не перебивали юридической практики графа ([19]). Такъ радикально извратилось это учрежденіе въ примѣненіи къ несчастному наслѣдію Раймондовъ, которое слѣдовательно проигрывало, не попавъ прямо во власть такого короля, какимъ былъ Людовикъ IX.

Воспитанный идеями новыхъ законниковъ, Альфонсъ не чуждый гордости и ограниченнаго честолюбія, любилъ самовластіе. Онъ пріучилъ своихъ подданныхъ къ мысли, что онъ ихъ глава по праву завоеванія и по праву рожденія, что договоръ съ ними не имѣетъ мѣста въ его отношеніяхъ къ нимъ. Въ этомъ протекло политическое воспитаніе лангедокцевъ подъ властію французовъ. Онъ окружалъ себя монархическими формами. Властвуя издалека, онъ правилъ бумагами, на составленіе которыхъ пошла вся его энергія. Можетъ быть болѣзнь помѣшала обнаружиться его деспотизму во всей полнотѣ и жестокости. Совѣтники для него значили немного; онъ почеркомъ пера измѣнялъ рѣшенія Совѣта. Никогда онъ не допустилъ бы судебныхъ преслѣдованій, невыгодныхъ для его казны, хотя-бы и сознавалъ ихъ справедли-

([19]) Первую разработку этихъ документовъ по Trésor des chartes сдѣлалъ Boutaric въ своей монографіи объ Альфонсѣ p. 389—418, изд. въ 1870 году, недостатокъ которой лишь въ идеализаціи характера Альфонса (528, 532 etc.).

вость. Онъ усвоилъ въ рѣшеніяхъ формулу самодержавнаго государя: placet domino comiti, давая тѣмъ знать, что считаетъ въ предѣлахъ Лангедока свою личную власть источникомъ всякой другой.

Если бы эта власть при помощи слѣдователей успѣла предохранить населеніе отъ притѣсненій, водворить въ странѣ порядокъ и дать гарантію въ сохраненіи личности и имущественной безопасности, то она заслужила-бы право быть уважаемой, такъ-какъ принесла бы съ собой новую эру для страны. Но этого не было. По прежнему сыпались жалобы на сенешаловъ и бальи.

Подъ предлогомъ взысканія имуществъ еретиковъ, подлежавшихъ всецѣло конфискаціи,—что было на ихъ отвѣтственности,—они дѣлали разныя злоупотребленія, кого притѣсняя, кому послабляя, смотря по личнымъ отношеніямъ. Такъ какъ деньги, отданныя когда-бы то ни было осужденными въ ростъ или на сохраненіе, составляли собственность казны, то администрація сурово взыскивала ихъ со всякаго съ полными процентами, которые иногда доходили до ста въ годъ. Подобное случилось съ одною церковью, пріоръ которой занялъ на одинъ годъ у ростовщика, осужденнаго въ послѣдствіи трибуналомъ, подъ условіемъ заплатить вдвойнѣ Администрація требовала уплаты у его преемника по обязательству, хотя по законамъ и на практикѣ обязательства съ еретиками были недѣйствительны, если только дѣло не касалось фиска церковнаго, королевскаго и т. п. Дѣло перешло къ слѣдователямъ.—Въ одномъ графствѣ Венессэнѣ было въ 1266 г. до 50 жалобъ представлено парламенту. Рѣшеніе послѣдовало черезъ два года, такъ какъ слѣдователи объѣзжали не каждый годъ.—А между тѣмъ множество злоупотребленій дѣлалось въ это время не только самими бальи, но даже ихъ писцами и слугами. Одинъ писецъ не хотѣлъ платить за домъ, который купилъ; другой тащилъ у сироты послѣдняго осла. Иные бальи безъ церемоніи приказывали собрать у кого спѣлый виноградъ, у кого хлѣбъ съ полей, видимо считая себя полными хозяевами имущества обывателей. На такой грабежъ смотрѣли снисходительно, виновнаго наказывали небольшей пеней въ 6 солидовъ. Конетабль въ Оверни просто грабилъ, бралъ поборы съ бальи и продавалъ ихъ мѣста столько-же въ свою пользу, сколько въ пользу графа; онъ сошелся съ епископомъ клермонскимъ, позволяя ему всякія

насилія, а самъ приказывалъ угощать себя въ церковныхъ домахъ и монастыряхъ. Скоро въ Оверни исчезъ всякій порядокъ, власти дѣлали что хотѣли; никто не находилъ себѣ защиты; и феодалы и виллане оставляли эту область, что было сопряжено съ огромными убытками для графа; они обращались къ покровительству монастырей; графская власть была въ опасности Свидѣтели при слѣдствіи показали, что конетабль не любитъ давать судъ маленькимъ и бѣднымъ людямъ, грозитъ, наказываетъ и выгоняетъ, такъ что нѣтъ охоты приходить жаловаться въ другой разъ. Себѣ онъ предоставилъ только одно занятіе, брать съ тѣхъ, кто можетъ что либо дать; онъ не презиралъ никакого даянія, бралъ лошадьми и ястребами. Въ лихоимствѣ усердно помогали этому администратору его совѣтники и клерки, ихъ любовницы и жены. Подобныя насилія могли случаться и въ прочихъ областяхъ. Они естественно отталкивали народъ отъ тѣхъ преобразованій, весьма полезныхъ по идеямъ, которыя Альфонсъ имѣлъ въ виду ввести въ своемъ государствѣ и которымъ принадлежитъ большое значеніе въ исторіи.

Что общаго между такимъ состояніемъ общественнаго и административнаго строя въ преобразованномъ Лангедокѣ и тѣмъ духомъ особности, самоуправленія, самодѣятельности, о которомъ мы говорили въ первой главѣ перваго тома и который, ожививъ и окрыливъ страну, сдѣлалъ изъ нея въ свое время одинъ изъ лучшихъ уголковъ земнаго шара? Нѣтъ сомнѣнія, что Альфонсу принадлежитъ послѣ Фридриха II первая попытка осуществленія монархическихъ идеаловъ и формъ, что онъ руководился историческимъ стремленіемъ создать порядокъ изъ хаоса, единство изъ разнообразія направленій, единодушіе и силу изъ боренія элементовъ, что онъ, какъ государственный человѣкъ, хотѣлъ опередить въ этомъ свое время и даже отчасти успѣлъ въ этомъ,— но можно спросить, неужели только чрезъ одну централизацію, чрезъ одно подавленіе личности, черезъ одну суровую монархическую школу, Европа могла дойти до извѣстной высоты цивилизаціи? Каждый городъ и доменъ въ Лангедокѣ представлялъ до альбигойской рѣзни такое богатое разнообразіе правительственныхъ учрежденій, судебныхъ порядковъ, обычаевъ, экономическихъ и сословныхъ отношеній, что безпощадное уничтоженіе ихъ лишило исторію края и вообще цивилизацію тѣхъ путей, которые можетъ быть скорѣе

привели-бы ту и другую къ одинаковымъ цѣлямъ и результатамъ. Въ большей части Европы феодализмъ отражался пагубно на населеніи, хотя нѣкоторое время и онъ оказывалъ пользу. Но въ Лангедокѣ издавна феодалы вошли въ сдѣлку съ городами и народомъ; они понимали свою зависимость отъ нихъ и всю выгоду дружбы и согласія; бароны тамъ пользовались популярностію и были не только защитниками сирыхъ, къ чему они вездѣ обязывались долгомъ, но дѣйствительною аристократіею, лучшими людьми въ глазахъ народа. Ихъ власть и безъ такихъ качествъ была-бы легче, потому что они все же оставались своими. Завоеватели, предлагая устроить порядокъ среди побѣжденныхъ, а въ сущности стремясь задавить всякую возможность проявленія религіозной мысли и политической свободы, и оттого поставившіе цѣлью подчинить себѣ враждебные элементы, приносили правда свѣжія историческія формы, но они сами не были приготовлены, чтобы благородно служить имъ. Городскому самоуправленію досталась на долю незначительная власть; на суды и общины была апеляція, выгодная для всѣхъ измѣнниковъ національному дѣлу. На копьѣ и мечѣ былъ принесенъ въ страну новый языкъ, съ которымъ долго не могли свыкнуться провансальцы и которымъ не вездѣ говорятъ еще и по настоящее время. Французскій языкъ сдѣлался оффиціальнымъ въ новой администраціи, для того чтобы перейти въ города и стать книжнымъ, а послѣ простонароднымъ ([20]). Городъ Тулуза предлагалъ правительству исправить положеніе государства учрежденіемъ въ каждой области апеляціоннаго верховнаго суда съ тѣмъ, чтобы онъ вмѣстѣ преслѣдовалъ и устранялъ безпорядки и злоупотребленія по управленію. Благодаря ходатайству Сикарда Аламана, эта мѣра была приведена въ исполненіе. Такой же совѣтъ учрежденъ въ Пуатье; но прочія области обошли. Аженскимъ баронамъ, напримѣръ, совсѣмъ отказали, ссылаясь на то что ихъ просьба основана не на обычаѣ и не на правѣ, какъ будто на старые обычаи опиралась вся новая система. Но новый тулузскій парламентъ,—какъ

([20]) Объ упадкѣ провансальской литературы и о вліяніи на то Альфонса статья Мейера въ Bibl. de l'École des Chartes, 6 sér. V, 415 etc.

этотъ судъ былъ названъ,—не удовлетворилъ ожиданіямъ; жалобы и просьбы объ изъятіи имуществъ онъ возвратилъ сенешаламъ въ первомъ же засѣданіи для производства дознанія и постановленія ([21]). Парламентъ взялъ на себя только дачу привилегій и хартій, но и тутъ постановлялъ только принципъ, а подробности условій и платежей зависили отъ администраціи. Послѣдняя должна была совѣщаться съ опытными людьми и инквизиторами, если въ дѣлѣ встрѣчалась какая-либо связь съ ересью.

У провансальцевъ оставалась еще одна возможность отыскивать правду и защиту. Они имѣли право аппелировать на совѣты графскіе и даже на него самого въ парижскій королевскій парламентъ, такъ какъ Альфонсъ въ силу договора 1229 г. считался непосредственнымъ вассаломъ короля, а парижскій парламентъ признавался высшей верховной властію по всей Франціи. Но въ Парижѣ не приходилось разбирать подобныхъ аппеляцій, такъ какъ подданные Альфонса потеряли вѣру въ возможность получить защиту и слишкомъ были утомлены судебной процедурой, которая послѣ многихъ хлопотъ не приносила имъ удовлетворенія. —«Я вижу, какъ легисты совершаютъ тяжелые проступки, поетъ трубадуръ Понсъ де-ла Гарда. Они искусны обманывать и соблазнять. На ихъ языкѣ обида называется справедливостью. Они губятъ и свои души и чужія. Въ адъ имъ дорога и они будутъ тамъ. Не на человѣческія мученія, а на безконечныя терзанія осуждены они».—Такъ отразилась на пониманіи народа дѣятельность французскихъ юристовъ.

Мы замѣтили, что Альфонсъ болѣе всего наблюдалъ за неприкосновенностію личныхъ интересовъ и своей казны. Въ финансовой организаціи онъ подражалъ системѣ, установленной во владѣніяхъ королевскихъ еще при Филиппѣ II ([22]). Обыкновенные доходы составляли три статьи: ленная

([21]) Этотъ замѣчательный документъ сохранился въ Suppl. du Trésor des Chartes, J. 1131, № 11, хотя въ неполномъ видѣ; на его оборотѣ написано: Arresta facta Tolose anno Domini M. CC. LXX.

([22]) Предисловіе къ 21 тому Scrp. rer. Gall. de Wailly,—о финансахъ во Франціи въ разные періоды правленія Людовика IX,—не даетъ свѣденій о валовыхъ доходахъ въ каждомъ

подать (racheta), доходы съ доменовъ деньгами и натурой съ прямыхъ и вассальныхъ владѣній (domanium), пени (expleta). Знакомство съ послѣдними интересно и важно еще тѣмъ, что даетъ возможность судить о нравахъ времени и о злоупотребленіяхъ администраціи, такъ какъ въ счетахъ обыкновенно отмѣчалось самое преступленіе и проступокъ. Пени были общеупотребительнымъ наказаніемъ и вытѣсняли всѣ другія; даже за убійство можно было отплатиться штрафомъ въ 50 ливровъ. Изъ такой таксы на преступленія, которая сохранилась въ оригиналѣ въ Архивѣ можно заключить, напримѣръ, что правительство считало оскорбленіе дѣйствіемъ монаха въ четыре раза важнѣе оскорбленія дворянина, облагая первое штрафомъ въ 100 солидовъ; слуга графскій считался выше дворянина (30 сол.). Можно догадаться также, что судья за взятку облегчалъ приговоръ, что за деньги возводили въ дворянство даже не благородныхъ, по открытіи чего возведенный долженъ былъ уплатить большую пеню въ 20 ливровъ. За бракъ съ дѣвушкой, бывшей подъ опекой графа, безъ его разрѣшенія, полагался штрафъ въ 200 солидовъ, такъ какъ это нарушало уваженіе къ графу. Большія пени налагались за угрозы графскимъ чиновникамъ (100 солидовъ), за прелюбодѣяніе (14 ливровъ), за укрывательство убійцъ (20 л.), въ чемъ повинны были даже госпиталиты, за порчу товаровъ и подмѣшку вина (25 л.), за обманъ тяжущихся сторонъ (20 л.), за принятіе въ закладъ краденой церковной чаши (35 л.), и постоянно за нарушеніе общественнаго мира и порядка, которое строго было воспрещаемо ордонансомъ Людовика IX. Въ этомъ случаѣ бальи уже не стѣснялись переходить за границы графскихъ доменовъ, а хозяйничали и у феодаловъ. Община Port S. Marie уплатила за свои междоусобія (что получило названіе port d'armes) 20 ливровъ, а аббатъ S. Maurice за войну съ барономъ Тезакомъ 90 ливровъ,—самая большая пеня, ко-

байльажѣ, за отсутствіемъ подобныхъ документовъ для Франціи; напротивъ, для владѣній Альфонса всѣ такіе источники сохранились и разработаны у Boutaric: p. 227 — 312. Потому мы избавляемъ себя отъ полнаго изложенія финансовой системы при началѣ французскаго владычества.

торую мы встрѣтили ([23]). Нельзя не видѣть, что одно это дѣлаетъ правленіе Альфонса полезнымъ и прогрессивнымъ для Лангедока.

Но того нельзя сказать про его фискальную систему при взиманіи чрезвычайныхъ налоговъ, которая сильно вооружала населеніе, такъ что нѣкто Виталій Кара былъ выразителемъ общественнаго мнѣнія, когда передъ судомъ высказалъ, что съ тѣхъ поръ какъ французы пришли въ страну, въ ней не стало больше справедливости и правосудія. Это было признано за кощунство противъ графа и виновный былъ наказанъ пенею въ 4 ливра ([24]).

Для крестовыхъ предпріятій графъ часто нуждался въ экстренныхъ рессурсахъ. По средневѣковымъ порядкамъ это было весьма обыкновенно, но нововведеніе состояло въ установленіи особой системы сбора, которая, будучи въ началѣ временною, стала въ послѣдствіи постоянной. Альфонсъ не могъ удовольствоваться внезапнымъ удвоеніемъ налоговъ по « racheta и domanium » въ своихъ удѣльныхъ земляхъ; это и тамъ вызвало на первый разъ сопротивленіе, такъ какъ походило на грабежъ. Оппозиція побудила Альфонса созвать послѣ въ Пуатье бароновъ, чтобы склонить ихъ просьбами на субсидію; графъ сталъ ухаживать и за городами съ тою же цѣлью. Въ Пуату, Сантонжѣ и Овернѣ общины давали субсидію, оговариваясь, что это добровольное даяніе съ ихъ стороны и получили въ этомъ форменную грамоту отъ графа. Рошель, напр. вытребовала за 6 тысячъ ливровъ привиллегію своимъ купцамъ. Тѣмъ не менѣе Альфонсу приходилось и въ своемъ удѣлѣ приказывать всякое истязаніе надъ жителями, которые отказывались платить, какъ напр. въ Ніортѣ. Но Лангедокъ былъ болѣе несчастливъ; онъ дол-

([23]) Рукопись Нац. Библ. fond latin, № 9019, f. 15, 18, 24 (дѣла въ Пуату въ Вознесеніе 1259 г.): id. f. 22 (въ Сантонжѣ 1261).—Въ госуд. архивѣ J. 192, № 52 (Пуату 1257 г.) и Suppl. J. 1034.—Первую мы пересмотрѣли сами и находимъ, что Boutaric выбралъ все существенное p. 259 — 264; срв. 319—321.

([24]) Quia dixit blasphemiam coram judice contra familia domini comitis, et dixit quod postquam Gallici venerant in terram istam non fuerat justicia observata. f. lat. № 9019, 12, a. 1256.

женъ былъ испытать всю тяжесть органическихъ поборовъ, которые высасывали его благосостояніе на крестовыя цѣли. О такъ называемомъ подымномъ налогѣ тамъ не знали до 1247 г., когда Раймондъ VII, собираясь въ походъ, сдѣлалъ слабую попытку. Альфонсъ же въ 1263 г. открылъ въ немъ богатый источникъ для своей казны, который исчерпывали до XIX столѣтія.

«Дымъ» не означалъ собою печки, дома, семейства; это было отвлеченное представленіе о податномъ участкѣ; количество и предѣлы участковъ не сообразовались ни съ пространствомъ, ни съ населеніемъ; обычаи и старыя условія имѣли въ распредѣленіи главное значеніе. Въ 1263 г. Керси, Альбижуа и Аженуа были обложены первый разъ подымнымъ поборомъ, который производился сперва изрѣдка, а потомъ постоянно. Первое время подымною податью облагалось семейство, имѣвшее какую либо осѣдлость и собственность; потому сервы и работники не подлежали ей. Альфонсъ облагалъ ею и собственные и вассальные домены, но къ сожалѣнію эти счеты, которые могли бы служить богатыми статистическими документами, не сохранились. Въ послѣдствіи въ единицу дыма вошло нѣсколько семействъ и такимъ образомъ составился маленькій участокъ, дымъ, который въ извѣстное время, и въ извѣстной мѣстности, но въ XIII же столѣтіи,—о чемъ мы не имѣемъ точныхъ свѣденій, —былъ обложенъ опредѣленнымъ налогомъ, а этотъ налогъ принятъ за нормальный для всей области, для всѣхъ прочихъ дымовъ. Администрація обязана была наблюдать за увеличеніемъ населенія и сообразно съ тѣмъ увеличивать число дымовъ. Но изъ финансовыхъ разсчетовъ не показывали уменьшеніе дымовъ. Казна всегда требовала полной уплаты налоговъ съ области и притомъ въ прогрессивномъ размѣрѣ. Потому часто выходило, что община или поземельные сосѣди владѣльцевъ обязаны были платить за выбывшихъ, на началахъ круговой поруки. Это было иногда не по силамъ; жители жаловались, но безуспѣшно. Повѣрка дымовъ производилась очень рѣдко. Въ XIV столѣтіи послѣ вѣковой англійской борьбы цѣлыя общины были въ нищетѣ отъ платежей, не соотвѣтствовавшихъ производительности опустошенной страны. Карлъ V послѣ повѣрки пришелъ къ мысли уничтожить этотъ вредный и нецѣлесообразный налогъ, но его преемники возстановили подымный сборъ.

Его количество опредѣляли особые комиссары по своему усмотрѣнію на извѣстный періодъ до слѣдующей ревизіи. Чаще всего величина сбора опредѣлялась въ 10 су въ годъ, и почти никогда меньше. Но въ иныхъ мѣстахъ она доходила до 24 су съ дыма, какъ напр въ общинѣ Болленъ въ Венессэнѣ. Это данныя для позднѣйшаго времени. Въ началѣ, какъ мы сказали, брали съ каждаго семейства и притомъ сообразно состоянію. Въ 1263 г. Альфонсъ далъ наставленіе сенешалу какъ облагать такимъ сборомъ ([25]); этотъ документъ нашелся только недавно. Прибывши въ городъ, сенешалъ или другой отправленный для этой цѣли приказывалъ явиться къ себѣ 12 горожанамъ и, внушивъ имъ какъ необходимъ сборъ и что-де всѣ государи и графы, начиная съ короля Франціи, нуждаются въ деньгахъ, просилъ опредѣлить состояніе каждаго человѣка въ городѣ, его движимость и недвижимость Они дѣлаютъ свои показанія подъ присягой и сами прописываютъ, сколько можно взять съ каждаго, но такъ чтобы составилась требуемая сумма. Копіи сообщаютъ сенешалу и графу. Никакая община не избавлялась отъ этого сбора, даже подвассальная церквамъ, монастырямъ, прелатамъ. Если же городъ изъявляетъ добровольное желаніе внести извѣстную сумму взамѣнъ подымной и если притомъ такая сумма немногимъ меньше послѣдней (qui ne fust pas mout meneur du fouage), то въ случаѣ согласія сюзерена она можетъ быть принята. Въ этомъ содержаніе документа. Въ 1267 году подымный сборъ сталъ обязательнымъ для всего Лангедока и старыхъ тулузскихъ владѣній. Феодалы провансальскіе, конечно, не препятствовали сборамъ съ своихъ вассаловъ, потому что были обезсилены и довольствовались тѣмъ, что, какъ «благородные», не подвергались лично такому же налогу ([26]). Общины, пользовавшіяся иммунитетомъ, должны вносить добровольныя даянія, которыя не обязывали ни къ чему. Клирики постановленіемъ парламента въ 1270 г. были также избавлены отъ подымнаго. Интересно узнать, что въ умѣ Альфонса зародилась мысль о подоходномъ налогѣ, который одинъ только могъ облегчить положеніе населенія. Время тому благопріятствовало. Отъ итальянской и восточной торговли накапливались капиталы и расширялись обороты. Бѣдные отъ введенія новой системы не чувствовали бы тяготы. Въ своихъ указахъ сенешаламъ Альфонсъ предписываетъ руководиться доходомъ и брать солидъ съ ливра Но естественно, что богатые и себялюбивые буржуа оказали сопротивленіе, тогда какъ прочіе готовы были воспользоваться предложеніемъ. Съ неменьшей охотою общины предлагали уплачивать валовой налогъ, въ родѣ субсидіи, и часто даже въ большей суммѣ, чѣмъ та, которая приходилась по разсчету съ города. Такъ Тулуза давала по 6 т., Аженъ по 2 т. ливровъ. Онѣ боялись вмѣшательства власти во внутреннее хозяйство, опасались съ понятной осторожностію допустить агентовъ правительства до изученія быта и доходовъ каждаго семейства, вѣроятнымъ послѣдствіемъ чего было-бы уже никакъ не уменьшеніе, а увеличеніе налога, на что французская администрація была очень падка

Интересно наблюдать въ этотъ начальный періодъ боренія историческихъ элементовъ, отмѣчаемый второй половиной XIII столѣтія, то явленіе, какъ средневѣковые принципы свободы отбиваются отъ монархическо-централизаторскаго вѣянія новаго времени, по возможности сопротивляются, отступаютъ тихо, шагъ за шагомъ, входятъ съ ними въ сдѣлку, постоянно требуя себѣ уваженія отъ противника, пока не скроются отъ наплыва новыхъ людей и стремленій. Людовикъ IX руководится благородными и какими-то теплыми чувствами къ старымъ формамъ; онъ вводитъ органическій подымный налогъ, незнакомый прошлому,

([25]) Рук. Нац. Библ. f. l. № 10918, f. 14. Въ письмѣ указывается, какъ надо подходить къ горожанамъ: «et leur dira de par monseigneur le conte que, puis que mesires li cuens fut sires de la terre, il les a tenuz empès et gardez, et que il ne n'a eu ne questes, ne dons, ne bontez, fors ses rentes qui li sont deue et a tonjours commandé à ses seneschaus que les gardassent et traitassent débonairement, et faissent traitier, et rendissent droit à chaucun loiaument. Потомъ указывали примѣры прочихъ государствъ, гдѣ оказываютъ королямъ большую помощь—aussin de leurs terres ont eu aides granz en deniers.—Можно судить, какъ вѣрили провансальцы рѣчамъ Альфонса.

([26]) Nunquam extitit nobiles talliari pro focagio vel alia quacumque causa.

требуетъ съ городовъ субсидій для похода, но хочетъ сдѣлать такъ, чтобы ему дали то и другое «по доброй волѣ и милости». Зарождающееся третье сословіе вотируетъ субсидіи и налоги по городамъ, первыя скрѣпя сердце, вторые съ готовностію, такъ какъ они были въ обычаѣ времени. Французскій король желалъ, чтобы соблюдены были старыя формы, но если его добрые города начинали шумѣть, то онъ тотчасъ внушительно просилъ ихъ не забываться и давалъ знать, что обойдется безъ ихъ согласія. Сдѣлавшись одной декораціей, согласіе со временемъ перестало даже быть формою.

По отрывочнымъ свѣденіямъ, которыя дошли до насъ можно убѣдиться, въ какой сильной ариѳметической прогрессіи возросталъ подымный сборъ. Въ тулузской области въ 1267 г. собрали до 10 т. подымнаго, чрезъ нѣкоторое время уже 20½ т.; Керси, Альбижуа и Аженуа дали въ 1263 г. около 32 т. ливровъ, а Руэргъ съ 5 до 22 т. и т. п. Потому понятно. что города въ родѣ Тулузы старались внести предварительно солидную сумму, которая иногда стоила подымной, чтобы только избавиться отъ появленія правительственныхъ агентовъ и неразлучныхъ съ тѣмъ надбавокъ. Сборщики дѣйствовали еще въ XIII вѣкѣ такъ, какъ это было послѣ, при Людовикѣ XIV. Плохо было не платить, но невыгодно было также платить поборы аккуратно; это показывало бы цвѣтущее состояніе края.

На случай экстренныхъ надобностей, у Альфонса былъ подъ руками неизсякаемый финансовый источникъ, — евреи и еретики. Графъ смотрѣлъ на нихъ только со стороны ихъ доходности. Ихъ убѣжденія его мало безпокоили. На евреевъ всегда было легко напустить народъ; иные города даже были готовы заплатить за позволеніе сорваться съ узды порядка и закона. Четыре су съ христіанскаго дыма валовымъ счетомъ,—и дозволеніе выгнать евреевъ было готово. Потомъ можно было взять столько же, если не больше, съ самихъ евреевъ, и снова водворить ихъ, какъ напр. въ Пуату за 1000 ливровъ. Въ такой системѣ Альфонсъ показалъ дорогу Филиппу IV Красивому; онъ спокойно торговалъ спокойствіемъ и собственностью евреевъ. Они должны были носить желтые знаки на спинѣ, но за деньги графъ давалъ имъ льготу уклоняться отъ исполненія этого обязательства. Буллами Климента IV имъ было велѣно между прочимъ въ

вербное Воскресенье и въ великую Пятницу открывать настежь двери и окна своихъ домовъ и всю страстную недѣлю быть зрителями религіозныхъ процессій католиковъ. Ихъ Талмудъ и другія книги велѣно было представить на цензуру доминиканцевъ, съ тѣмъ чтобы она невредныя возвратила, прочія удержала. Цензура должна была руководиться совѣтами доминиканца Христіана, обратившагося изъ іудейства ([27]). Собираясь въ походъ, въ 1268 г. Альфонсъ поднялъ цѣлое гоненіе на евреевъ: на всемъ пространствѣ его владѣній, они были арестованы и ихъ имущества конфискованы. Въ слѣдствіе того, что этимъ распоряженіемъ были нарушены привилегіи отдѣльныхъ феодаловъ, произошло нѣкоторое пререканіе. Бароны считали себя собственниками евреевъ и такъ какъ получали съ нихъ отдѣльный поборъ за существованіе, то требовали, за послѣднюю беззаконную мѣру, долю конфискованнаго имущества. Альфонсъ уступилъ, исполнилъ желаніе феодаловъ, отдалъ имъ рухлядь, а самъ занялся переборкой плѣнниковъ. Оказалось, что жертвы ему нужны были для того, чтобы вытянуть съ нихъ что можно. Больные, бѣдняки и всѣ дѣти моложе 14 лѣтъ были отпущены сразу, какъ неподходящіе. Прочимъ предложили опредѣлить ихъ богатства; показавшіе высокую цифру и уплатившіе требуемое были отпущены; остальные съ женами остались въ тюрьмахъ. Ихъ пытали о спрятанныхъ сокровищахъ. Приходилось объясниться прямо съ графомъ; два богача просили отвести ихъ къ нему, но условія вѣроятно были невыгодны. Кто-то изъ заключенныхъ открылъ властямъ, за обѣщанное освобожденіе, что громадныя богатства зарыты въ извѣстныхъ имъ мѣстахъ. Въ двухъ домахъ дѣйствительно нашли золото и драгоцѣнности; о такой радости графъ извѣщалъ своихъ сенешаловъ и послѣ оказывалъ покровительство доносчику. Наконецъ плѣнники сошлись съ Альфонсомъ въ цѣнѣ выкупа; ради свободы и можетъ быть спасенія жизни они отдали все свое состояніе. Одни еврейскіе обитатели Тулузы заплатили 3500 ливровъ, а областные 9000 л., вдвое болѣе условленнаго; въ Пуату 8 т. въ Сентонжѣ 6 т., въ Оверни 2 т. въ Руэргѣ 1 т. Евреи сверхъ того должны были простить долги своихъ должниковъ—христіанъ и возвратить заклады;

([27]) Doat. Copies; XXXII, f. 4—13, a. 1267.

слѣдователямъ было приказано наблюдать, чтобы они впредь не занимались ростовщичествомъ. Ихъ обобралъ графъ, но многое досталось и на долю мѣстныхъ властей. Разсчетливый Альфонсъ, не желая терпѣть ущербъ въ своей казнѣ, началъ слѣдствіе и повелѣлъ принимать показанія евреевъ подъ присягою, хотя въ другое время она не имѣла значенія въ ихъ устахъ. Правительство дѣлалось болѣе и болѣе алчнымъ. Въ 1270 г. было второе гоненіе на евреевъ; ихъ проценты были предлогомъ. Въ каждомъ діоцезѣ былъ установленъ особый трибуналъ надъ израильтянами, подъ предсѣдательствомъ доминиканца. Каждый могъ привести туда еврея и обвинить подъ присягой въ ростовщичествѣ. Проценты по парламентскому рѣшенію брали съ имущества кредитора. Для насъ важно замѣтить только одно, что даже въ минуты озлобленія, къ французскимъ евреямъ относились вообще мягче, чѣмъ къ еретикамъ. Противъ еврея обезчещенный не могъ показывать, а также его домашніе и родные. Еретиковъ же, какъ намъ извѣстно, могъ обвинять всякій преступникъ и разбойникъ, и это вмѣнялось даже въ богоугодное дѣло. Не было человѣка на свѣтѣ, который не имѣлъ бы права и возможности сдѣлать изъ подозрѣваемаго еретика. Если евреи составляли предметъ фиска, то альбигойцы служили статьей дохода для Альфонса и жертвой инквизиторовъ. Они заняли въ его бюджетѣ мѣсто рядомъ съ другими источниками чрезвычайныхъ доходовъ. Архивы, не сохранившіе еретическихъ процессовъ того времени, сберегли документы о постоянно дружескихъ отношеніяхъ Альфонса къ трибуналамъ. Графъ тщательно заботился, чтобы заподозрѣннаго и еретика помѣстить куда слѣдуетъ, а также чтобы не пропало для казны его имущество. Онъ и его Совѣтъ не уставалъ напоминать вигуэрамъ и сенешаламъ о каждомъ осужденномъ рыцарѣ, объ его землѣ и доходахъ. Когда инквизиторы смѣнялись, то неутомимый Альфонсъ обращался съ воззваніемъ къ прелатамъ и приказывалъ своимъ вассаламъ, административнымъ и муниципальнымъ властямъ принести немедленно присягу трибуналу ([28]). Мы знаемъ, что при Альфонсѣ состояло особое лицо, предназначавшееся преимущественно для «incursus», т. е. пріобрѣтенія въ казну имуществъ осужденныхъ на костры. Жакъ де-Буа былъ нѣчто въ родѣ министра, такъ какъ онъ давалъ приказанія сенешаламъ по своей спеціальности; онъ имѣлъ большую переписку съ провинціями. Изъ огромныхъ доходовъ его вѣдомства назначались пенсіи и награды тѣмъ, кто оказывалъ содѣйствіе къ увеличенію подобнымъ образомъ доходовъ казны. Съ точки зрѣнія фиска осужденіе на смертную казнь было выгоднымъ: оно избавляло отъ издержекъ на содержаніе заключеннаго или кающагося; оно дѣлало графа законнымъ собственникомъ значительной доли земли и имущества. Таковымъ способомъ при хорошей жатвѣ на ересь, прямые домены графа быстро округлялись и росла сила государства, а слѣдовательно и сила родственной короны французской. Преданные слуги Альфонса въ областяхъ старались чаще доставлять ему такое удовольствіе. Для этого они, руководимые де-Буа, не только хлопотали у инквизиторовъ о смертныхъ приговорахъ, но даже втайнѣ сами совершали ихъ.

([28]) Doat, XXXI, 250.

О такихъ возмутительныхъ фактахъ сохранились подлинные документы. Тулузскій инквизиторъ Рено де-Шартръ, вступивъ въ свою должность, принимая дѣла, увидѣлъ, что нѣсколько осужденныхъ за отпаденіе (relapsi) въ графствѣ тулузскомъ были снисходительно приговорены трибуналомъ къ пожизненному заточенію, но что свѣтскій судья (judex secularis) распорядился ихъ сжечь. Прежніе инквизиторы, вѣроятно, не обратили на это вниманія. Но Рено возсталъ противъ такого самоуправства и написалъ графу посланіе, гдѣ вступаясь за верховныя права трибунала, высказываетъ болѣе великодушія къ еретикамъ, чѣмъ французская администрація. Онъ раздѣляетъ лично ту мысль, что наказанія, налагаемыя трибуналомъ, должны быть исправительныя, а не карательныя. Но все же имъ овладѣвали сомнѣнія. «Нѣкоторые думаютъ, пишетъ Рено, что если мы не будемъ въ точности слѣдовать практикѣ своихъ предшественниковъ, то наши труды будутъ безполезны и земля эта не очистится отъ еретической язвы, которая напротивъ укрѣпляется и снова проявляется съ такою силою, какая не обнаруживалась съ давнихъ поръ (que scaturit et ebullit de novo plus quam soleat a lungis temporibus retroactis). Ревнители вѣры могутъ, пожалуй, сказать, что мы разрушаемъ дѣло инквизиціи, дѣй-

ствуя мягче, чѣмъ прежніе инквизиторы ([29])».—Въ ожиданіи разрѣшенія папы, какъ поступать впредь съ отпавшими и можно ли облегчать ихъ участь,—новый трибуналъ, имѣя дѣло съ нѣсколькими отпавшими, посадилъ ихъ въ тюрьму.

Это былъ не единственный примѣръ усердія сановниковъ Альфонса. Сенешалъ руэргскій извѣщалъ въ 1253 г. графа, что онъ не отстаетъ отъ трибунала, чтобы не опустить интересы правительства. Какъ хищная птица, онъ поджидалъ труповъ и въ своемъ письмѣ сенешалъ обрисовывается именно въ такомъ видѣ. Благородный сенешалъ не стѣсняется скрывать свою любовь къ actus fidei инквизиціи, которую онъ возымѣлъ лишь вслѣдствіи тѣхъ выгодъ, которыя они доставляютъ графской казнѣ.— «Епископъ родецкій, пишетъ онъ, продолжаетъ заниматься инквизиціей въ своемъ діоцезѣ; въ Наякъ онъ представилъ мнѣ одного упорнаго еретика, Гуго Парайру, котораго я поспѣшилъ сжечь, конечно, взявъ все его движимое и недвижимое имущество, бумаги и книги. Послѣ того, епископъ потребовалъ въ родецкій трибуналъ еще шесть гражданъ изъ Наяка. Такъ какъ всѣ увѣряли, что они еретики, то я послѣдовалъ въ Родецъ, чтобы присутствовать на судѣ, дабы вы не сдѣлались жертвой какого-либо обмана (ne aliqua fraus contra vos posset adhiberi). Монсиньоръ епископъ сказалъ мнѣ, что всѣ они дѣйствительно еретики и что вы пріобрѣтаете отъ ихъ имуществъ тысячъ до сто солидовъ. Но вдругъ онъ же самъ и нѣсколько другихъ судей начинаютъ просить меня, чтобы я сдѣлалъ снисхожденіе, предоставилъ долю имущества осужденнымъ или, по крайней мѣрѣ, оставилъ что нибудь ихъ дѣтямъ. Конечно, я отказался это сдѣлать. Тогда, на другой день, слѣдуя вѣроятно дурнымъ совѣтамъ, епископъ осудилъ всѣхъ шестерыхъ вмѣсто смерти на покаяніе, явно васъ обманывая (in fraudem vestram). Пишу вамъ откровенно, не преувеличивая и не скрывая ничего. Не смотря на такую продѣлку, я однако захватилъ все имущество осужденныхъ и оставилъ только то, что необходимо на существованіе ихъ самихъ и семейства. И добылъ я такимъ образомъ движимости и недвижимости приблизительно

([29]) Suppl. du Tr. des Ch. J. 1024, № 7.—оригиналъ; перепечатанъ только у Бутарика, 453,

на тысячу тулузскихъ ливровъ, никакъ не меньше. При этомъ замѣчу, что такъ какъ епископъ продолжаетъ судить еретиковъ, то не мѣшало бы вамъ, если заблагоразсудится, посылать отъ себя въ трибуналъ полномочнаго; это было-бы не дурно (esset bonum et consilium), такъ какъ вы избѣгли бы возможности терпѣть дальнѣйшій ущербъ и быть обманутымъ касательно имущества еретиковъ» ([30]).

Какъ хорошо это лаконическое «in fraudem vestram» въ драгоцѣнномъ письмѣ сенешала. Альфонсъ въ самомъ дѣлѣ полагалъ себя законнымъ владѣтелемъ всего имущества осужденныхъ, правыхъ и неправыхъ. Онъ старается, чтобы осужденныхъ было какъ можно больше и притомъ, чтобы по большей части ихъ подвергали смертной казни, такъ какъ это гораздо выгоднѣе для казны. Правосудіе для него послѣднее дѣло. Для деспотическихъ цѣлей ему нужны деньги и домены, и потому онъ съ спокойною совѣстью торгуетъ кровью и имуществомъ населенія, которое досталось ему стеченіемъ историческихъ обстоятельствъ. Развѣ преувеличенъ послѣ этого отзывъ одного подсудимаго, что съ прибытіемъ французовъ изчезло въ странѣ правосудіе?

Мы можемъ привести еще нѣсколько фактовъ изъ исторіи дѣятельности трибуналовъ при Альфонсѣ, кромѣ тѣхъ, которые по другому поводу указаны въ предъидущей главѣ. Самыя отрывочныя свѣденія мы находимъ по этому вопросу въ регистрахъ инквизиціи и по необходимости должны ими ограничиться ([31]).

Изъ документовъ видно, что Альфонсъ поощрялъ ревность трибуналовъ и министровъ, наблюдавшихъ за ними; за дѣятельныя услуги въ пользу казны графъ не оставлялъ ихъ наградами. Такъ своему министру финансовъ, клирику, онъ даетъ 100 тулузскихъ ливровъ ежегодной пенсіи изъ

([30]) Trésor des Ch. J. 326, 40. Перепечатанъ ib. 455.

([31]) Boutaric въ своей превосходной книгѣ не воспользовался однако коллекціей Doat, такъ какъ не имѣлъ въ виду заниматься исторіей инквизиціи; на стр. 457 онъ сообщаетъ только одинъ фактъ приговора изъ докум. f. l. № 9019, и не знаетъ про остальные.—Мы дополняемъ его очеркъ съ этой стороны своими изысканіями.

конфискованныхъ въ Санъ-Феликсѣ земель ([32]), а потомъ и совсѣмъ отдаетъ ему эти земли. Эта награда слишкомъ значительная и по дѣламъ видно, что Эгидій Камеллини отличался особенной дѣятельностью. Графъ въ тѣхъ же видахъ фиска продаетъ дома и именья осужденныхъ и отдаетъ ихъ въ аренду своимъ подданнымъ съ посрочной уплатой ([33]). Не успѣвая напоминать епископамъ и всѣмъ должностнымъ лицамъ объ ихъ обязанностяхъ по отношенію къ еретикамъ, онъ оставилъ за собою полное распоряженіе имуществомъ, такъ какъ взялъ на себя содержаніе трибуналовъ. Онъ не прочь утвердить распоряженіе Раймонда VII относительно передачи въ чужія руки имущества еретиковъ, если оно было незначительно ([34]). Вѣроятно, въ виду того, что лучшая доля всегда оставалась въ рукахъ графа, а трибуналы не всегда были довольны своимъ содержаніемъ,—тулузская инквизиція стала замѣнять покаяніе уплатою извѣстной суммы, которая уже шла въ пользу трибунала. Такъ одинъ альбигойскій рыцарь, В. де-Подіо, былъ приговоренъ «за грѣхи своего отца» къ пени въ 150 ливровъ, изъ которыхъ 50 шли въ пользу городскихъ церквей; это называлось *«искупать грѣхи»* ([35]). При этомъ выходили столкновенія съ мѣстными епископами, такъ какъ *прежній епископъ* Дюрандъ, нуждаясь въ деньгахъ, даже *ранѣе запродалъ свою долю въ частныя руки* по двумъ формальнымъ квитанціямъ, сперва въ 40 ливровъ, потомъ въ 500 солидовъ ([36]). Когда сами прелаты смотрѣли на ересь со стороны ея доходности и нѣкоторымъ образомъ радовались ея появленію, то тѣмъ извинительнѣе подобное корыстолюбіе въ Альфонсѣ, который нуждался въ средствахъ для упроченія монархіи. Чтобы болѣе увеличить его рессурсы, папа Александръ IV, какъ намъ извѣстно, рѣшился допустить въ свидѣтели даже соучастниковъ ереси ([37]).

([32]) D. XXXI, 171—въ іюнѣ 1251 г. XXXII, 57,—январь 1269 года.

([33]) ib. 237, — за 100 ливровъ, съ ежегодной рентой въ 2 ливра.

([34]) D. XXXI, 254.

([35]) XXXI, 292,—мартъ 1266 г.

([36]) Обѣ приведены у Doat; XXXI, 143—148.

([37]) ib. 281,—29 іюня 1260 г.

Все это дѣлалось во владѣніяхъ тулузскихъ въ то время, когда король французскій, пылавшій къ еретикамъ самою искреннею ненавистью, къ какой онъ только былъ способенъ, заботился о смягченіи фискальныхъ законовъ противъ нихъ. Что для Альфонса въ ереси было первымъ вопросомъ, то для Людовика IX послѣднимъ. Ему ненужно этихъ несправедливыхъ доходовъ, облитыхъ слезами и кровью. Людовикъ заботился, чтобы жены не лишались имущества изъ за ихъ осужденныхъ мужей, кредиторы ихъ долговъ; ему нѣтъ дѣла до тѣхъ, кто нѣкогда сражался съ Монфоромъ; онъ не думаетъ, чтобы въ самомъ дѣлѣ прежніе крестоносцы думали объ одномъ прославленіи имени Божьяго; онъ не позволяетъ касаться до ихъ имущества и дѣлаетъ исключеніе только для тѣхъ, кто участвовалъ въ государственномъ мятежѣ Тренкавеля и графа тулузскаго ([38]).

Въ послѣдніе годы своей жизни, Альфонсъ, желая замолить свои грѣхи, становится щедръ на раздачи еретическаго имущества клирикамъ, церквамъ и монастырямъ. Впрочемъ не многіе изъ клириковъ покупали конфискованныя земли на значительныя суммы ([39]); но большая часть получала ихъ въ даръ. Мы имѣемъ восемь дарственныхъ записей Альфонса, изъ нихъ четыре въ маѣ и іюнѣ 1270 г. ([40]). Нѣсколько разъ Альфонсъ утверждаетъ продажи, сдѣланныя его министромъ Камеллини въ болѣе надежныя руки ([41]). Онъ строитъ церкви, назначаетъ 100 ливровъ дохода тулузскимъ монахамъ и опредѣляетъ по представленію Камеллини пенсію главному инквизиціонному фискалу Жаку де-Буа (de Bosco) въ 325 ливровъ, и все съ конфискацій послѣ еретиковъ.

Дочь Раймонда VII не только не препятствовала такимъ богоугоднымъ дѣламъ, но настаивала на нихъ; такъ

([38]) XXXI, 263,—апрѣль 1259. «Demum de alodiis quae ut dicitur a predecessoribus eorumdem vendi non permittunt nisi census aliquis retineatur in eis et in super pecunia pro laudimio eis detur, volumus quod census impositi revocentur et similia imposterum non attemptent.

([39]) Напр. одинъ изъ приближенныхъ къ графу клириковъ за 325 каг. ливровъ; XXXII, 46.

([40]) D. XXXII, 53—60, 64—69, 80—85.

([41]) XXXII, 72—80.

по ея ходатайству шартрскій каноникъ получилъ большое имущество вдовы Р. Аламани, осужденнаго за ересь ([42]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ документы сохранили одну сентенцію, которая имѣетъ значеніе въ исторіи инквизиціи. Мѣстные епископы, продолжая отстаивать свои права, пытались отстранить монаховъ отъ трибунала. Это удавалось ненадолго, вѣроятно потому, что постановленія бѣлаго духовенства были одинаково невыгодны ни для свѣтской, ни для церковной власти. Какими идеями руководились эти судьи на своемъ посту? Въ Альби одинъ разъ городскою инквизиціею завѣдывалъ не монахъ, а два каноника изъ Лодевы. Нѣкто Р. Марія де Марзакъ былъ уличенъ въ томъ, что былъ весьма близокъ съ еретиками, принималъ ихъ у себя, водилъ къ больнымъ, считалъ ихъ за добрыхъ людей и т. п. Для монашескаго трибунала такихъ обвиненій было достаточно, чтобы осудить виновнаго на вѣчное заточеніе, но каноникъ, принявъ раскаяніе подсудимаго, присуждаетъ его къ церковному покаянію, притомъ весьма необременительному. Подсудимый долженъ былъ посѣтить Іакова Компостельскаго, поститься по пятницамъ, оказывать содѣйствіе къ преслѣдованію «вальдензовъ» и заплатить епископу 6 ливровъ на сооруженіе капеллы ([43]). Гражданская власть съ своей стороны распорядилась не допускать виновнаго къ должностямъ и конечно не осталась довольной снисходительнымъ приговоромъ бѣлыхъ священниковъ.

Если Альфонсъ позволялъ себѣ дѣлать подарки монастырямъ и духовенству изъ конфискацій, то гораздо чаще употреблялъ съ тою цѣлью свои доходы. Въ бюджетѣ потому была особая статья: elemosine. Онъ пользовался и при жизни и по смерти расположеніемъ духовныхъ, наравнѣ съ своимъ старшимъ братомъ. Въ Клюньи каждый день молились за него и жену; цистерціанцы справляли вездѣ его память; доминиканцы, францисканцы соперничали съ ними; тоже было во множествѣ другихъ французскихъ и заграничныхъ монастырей. Все это не дѣлалось даромъ и стоило громадныхъ денегъ. Альфонсъ, дѣйствительно, прослылъ «великимъ милостивцемъ» насчетъ еретиковъ и провансальцевъ

([42]) ib. 67.
([43]) D. XXXI, 256.

вообще. Онъ основалъ до 500 капеллъ. Списокъ тѣхъ церквей и монастырей, которые пользовались его жертвованіями, громадный. На французскія церкви, какъ болѣе близкія его сердцу, графъ тратилъ больше всего. Особенную щедрость послѣ нихъ испытали тулузскіе монахи и капитулы; на тулузское сенешальство отпускалось съ этою цѣлью ежегодно до 130 ливровъ; доминиканцы и францисканцы нигдѣ не получали менѣе 20 ливровъ въ годъ ежегодной субсидіи. Кромѣ капеллъ Альфонсъ основывалъ цѣлыя аббатства у себя и во Франціи, содержалъ множество церковныхъ братствъ, но наблюдалъ, чтобы подъ видомъ послѣднихъ не организовывались политическія общества. Дѣйствительно, документъ глухо указываетъ на существованіе такихъ попытокъ, въ которыхъ подъ внѣшностью богоугоднаго дѣла проводилось патріотическое стремленіе освободить Югъ отъ французскаго ига ([44]). Въ 1270 г. всѣ подобныя національныя братства были строго воспрещены, какъ «непозволительныя и вредныя».

Такъ какъ на инквизицію стали смотрѣть со стороны ея доходности для государства, то естественно было сократить по возможности издержки на взиманіе такой статьи, т. е. на содержаніе трибуналовъ и тюремъ. Альфонсъ по тогдашнему міровоззрѣнію разсчитывалъ вѣрнѣе спасти свою душу при помощи хорошей государственной казны и elemosine; всякія издержки потому слѣдуетъ сокращать. Оттого въ 1268 г. онъ жалуется между прочимъ Жаку де-Буа, что тулузская инквизиція стоитъ слишкомъ дорого въ столицѣ и предлагаетъ перенести ее куда нибудь по сосѣдству, хотя напр. въ замокъ Лаворъ, гдѣ жизнь гораздо дешевле. Интересно, что графъ, въ письмѣ къ инквизиторамъ, скрывая истинную причину перенесенія трибунала, говоритъ о большихъ удобствахъ лаворскаго замка для засѣданій ([45]). Между

([44]) Volumus et mandamus quod jam facte confratrie sint solvende et prohibende, ne de cetero nove fiant, presertim cum in jam factis dicantur illicita pacta opposita fuisse, que vergunt et vergere possunt in magnum prejudicium domini comitis et subditorum suorum. Пом. въ Recueil de l'Acad de lég. de Toul. IX, 324.

([45]) Arch. de la Fr. apud Boutaric, 456.

тѣмъ содержаніе заключенныхъ еретиковъ было весьма не достаточное; самые богатые изъ нихъ получали по 6 динаріевъ въ сутки, конечно изъ собственнаго же имущества ([46]).

Нельзя сказать, чтобы правительство чувствовало недостатокъ въ доходахъ отъ еретиковъ ([47]). Къ 1270 г. альбигойская Церковь была еще въ силѣ; она сохраняетъ свою организацію, имѣетъ епископовъ, діаконовъ, хотя знаменитые проповѣдники ея скрывались въ изгнаніи. Изрѣдка они пытаются навѣстить своихъ вѣрныхъ въ Лангедокѣ, рискуя свободой и жизнью. По прежнему преемственно избираются епископы; Бернардъ Оливъ въ это время считался епископомъ Тулузы, Эмерикъ дель-Коллетъ въ Альби ([48]), въ Роквидалѣ и Санъ-Полѣ проповѣдывали публично ([49]). Все это обнаружилось позднѣйшимъ розыскомъ, о которомъ мы будемъ скоро говорить. Проповѣдники и духовные еретиковъ жили въ лѣсахъ, въ пустыхъ фермахъ, недоступныхъ скалистыхъ пещерахъ, но иногда ихъ находили по прежнему и въ замкахъ. Кто могъ оказывать существенную поддержку этимъ людямъ, какъ не провансальская аристократія? Народъ былъ напуганъ преслѣдованіями и казнями; онъ обнищалъ, перебивался со дня на день и съ прежнимъ рвеніемъ готовъ былъ служить католическому культу, который гарантировалъ ему свободу и жизнь. Но послѣдняя оппозиція таилась въ аристократіи. Она была развитѣе, сильнѣе чувствовала позоръ рабства, потерю независимости, и вотъ парижское правительство предлагаетъ принимать мѣры и противъ свѣтской аристократіи. Альфонсъ недовольствовался тѣмъ, что давно сократилась ея численность кровопусканіемъ во время двухъ войнъ. Инквизиторскія гоненія также главнымъ образомъ направлялись на нее. Цѣлые роды на Югѣ прекратили свое существованіе; кто погибъ въ тюрьмѣ, кто на кострѣ. Кромѣ того, бывшіе подъ судомъ и оставшіеся въ живыхъ, нисходили въ рядъ горожанъ, такъ какъ лишались имущества. Каждое возстаніе въ какой-бы то ни было области влекло новыя жертвы. Результаты же фран-

([46]) Рукопись Нац. Библ. № 9019, f. 23, fond latin.
([47]) См. 281 прим. второй главы этого тома.
([48]) Liber sent. inq. Tol. apud Limborch, 246.
([49]) D. XXV, 159.

цузскаго завоеванія на феодалахъ отразились различно, смотря по близости къ центру французской власти. Въ Пуату, послѣ движенія 1242 г., множество синьоровъ было лишено собственности, конфискованной въ пользу графа. Въ остальныхъ доменахъ феодальныя связи были только въ Сентонжѣ закрѣплены сильнѣе; графъ сталъ не средневѣковымъ сюзереномъ, а государемъ, который по милости лишь оставлялъ за тѣмъ или другимъ владѣніе, предоставляя себѣ удалить барона по первому желанію; феодалъ былъ, какъ называлось, въ волѣ сюзерена (à grande et à petite force). Такъ какъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Пуату (какъ напр. въ виконтствѣ де Туаръ) наслѣдство передавалось, вопреки феодальной системѣ, по праву первородства, какъ въ нашихъ удѣльныхъ княжествахъ, то при междоусобіяхъ графу было тѣмъ легче уничтожать мелкіе феоды. Въ Лангедокѣ еще съ 1212 г. стали обязательны для феодаловъ французскіе кутюмы изъ Иль де-Франса, поневолѣ принятые на собраніи трехъ сословій. Изъ документовъ видно, что чужіе кутюмы упрочились въ графствѣ Кастрскомъ и въ сенешальствѣ Каркассонскомъ ([50]), но отсутствіе прямыхъ указаній не дозволяетъ заключить, что они не привились въ остальныхъ мѣстностяхъ, какъ думаетъ Бутарикъ ([51]). Вспомнимъ, что на Югъ переселилось множество французскихъ бароновъ, что имъ доставались земли послѣ конфискацій, что новыя начала внѣдрялись насильственно, что французскій языкъ сталъ языкомъ оффиціальнымъ даже въ сношеніяхъ бароновъ между собою. Чтобы по возможности уничтожить старую аристократію, растворить ее среди новыхъ элементовъ, Альфонсъ допускаетъ продажу рыцарскаго званія за деньги, что особенно часто случалось въ Пуату ([52]), и признаетъ дво-

([50]) Olim ou reg. des arr. rendus; I, 469; II, 188, 361, 453; III, 10, 1506.

([51]) «On voit par là que l'influence de la conquête fut nulle au point de vue des rapports entre les seigneurs et les vassaux, et ne modifia pas sensiblement les anciens usages». S. Louis et Alphonse, 495, еще сильнѣе на 503 стр. Этому противорѣчитъ просьба бароновъ Аженуа, требовавшихъ возстановленія старыхъ обычаевъ, 499.

([52]) Док. Нац. Библ. № 9019. «De domino Gaufrido de

рянство нисходящимъ даже по женскому колѣну. Фискальныя цѣли Альфонсъ умѣлъ преслѣдовать вездѣ. Горожанинъ по прежнему могъ купить феодъ дворянина, но подъ условіемъ большаго взноса за franc-fief. Въ концѣ столѣтія и провансальскіе горожане стали искушаться прелестью и привилегіями рыцарскаго сана, хотя въ силу прежнихъ соціальныхъ условій феодалъ не возбуждалъ зависти въ горожанинѣ. Многихъ льстило носить рыцарскія перевязи, другіе покупали грамоты.

Должно замѣтить, что по отношенію къ феодализму, французское завоеваніе было благотворно въ интересахъ водворенія порядка. Альфонсъ поставилъ цѣлью смирить феодаловъ и его администрація, прекрасно устроенная, достигла этой цѣли. Мѣстная власть говорила рѣшительнымъ языкомъ съ знатью; парламентъ, сенешалы, вигуэры, бальи требовали вельможъ къ суду за каждое самоуправство, что было весьма благодѣтельно для страны. Если приговоръ не приводился въ исполненіе виновнымъ, то сенешалъ прибѣгалъ къ оружію, овладѣвалъ замкомъ и облагалъ побѣжденнаго огромной пенею. Для сенешала были равны всѣ; если доносили, что баронъ похитилъ дѣвушку и держалъ ее въ замкѣ, то онъ приказывалъ схватить виновнаго и заточить его въ тюрьму. Конечно прежде всего порядокъ зависѣлъ отъ исполнителей. Законы Людовика IX противъ междоусобій и дуэлей были примѣнены и на Югѣ. Альфонсъ пытался даже, вмѣстѣ съ Людовикомъ, запретить носить оружіе на всемъ пространствѣ королевства ([53]). Есть свѣденія, что нѣкоторымъ баронамъ дозволено было по особой милости носить оружіе. Подобный авторитетъ могъ получить графъ лишь въ слѣдствіе дѣятельности новой административной машины, которая разбивала своею прочностію старыя феодальныя стѣны. Парламентъ, учрежденный имъ, былъ особенно ненавистенъ для феодаловъ; онъ былъ наполненъ легистами, новыми и опасными людьми, такими же, изъ которыхъ состояла вся ненавистная администрація, требовавшими точнаго исполненія закона и часто позволявшими себѣ злоупотребленія и явныя насилія. Засѣвъ за судейскимъ столомъ, нарядясь въ красныя шапочки и длинныя мантіи, эти люди вызывали къ себѣ то въ Венсенъ, то въ Парижъ, то въ Тулузу представителей знаменитыхъ домовъ, имена которыхъ гремѣли на Востокѣ и на Западѣ. Эти «ябедники и крючки», какъ ихъ называли, осмѣливались нарушать древнія привилегіи знати. Бароны Пуату рѣшительно отказались являться къ такому незаконному судилищу и отстаивали свое древнее право судиться у себя дома или у равныхъ себѣ перовъ. Не признавая суда крючковъ, феодалы хотѣли преобразовать парламентъ въ учрежденіе представительное, а не коронное. Такое мнѣніе взялись высказать бароны Аженуа. Они заимствовали свои планы изъ Англіи; конституціонныя англійскія идеи первый разъ оказывали вліяніе на материкъ. Моментъ этотъ весьма важенъ для судебъ Франціи. Упрочивъ тогда представительный принципъ на Югѣ, она можетъ быть избавилась-бы отъ долгой внутренней борьбы, отъ тяжелыхъ опытовъ централизаціи, отъ долгой нищеты, отъ ряда революцій. Бароны желали, вѣроятно, участія однихъ рыцарей въ парламентѣ, но вѣяніе демократическаго духа, присущее Югу, не могло-бы не заразить собою это учрежденіе; горожане при своей старой дружбѣ съ феодалами непремѣнно и вскорѣ же получили-бы тѣ-же права, какъ и англійскіе города. Документъ, къ сожалѣнію, не распространялся о подробностяхъ плана: онъ такъ ужаснулъ тулузскихъ легистовъ 1270 г., что они даже не записали его. Извѣстно только, что бароны требовали постояннаго рыцарскаго парламента, съ четырьмя ежегодными опредѣленными сессіями и притомъ съ тѣмъ, чтобы этотъ судъ былъ аппеляціоннымъ. Это учрежденіе изъ судебнаго могло сдѣлаться законодательнымъ. Понятно, что графъ не согласился, отвѣтивъ, что такое требованіе не опирается ни на обычай, ни на право (non compteat eis de consuetudine nec de jure).

Caroil, qui se fecit fieri militem, nec erat nobilis XX libr. (f. 15).» Также въ 1268 г., вмѣсто доказательствъ на дворянство, уплочено 200 ливровъ (f. 34).

([53]) Этого ордонанса св. Людовика не сохранилось, но намекъ на него въ Olim; I, 626.

([54]) Сессія тул. парл. 1270 г. въ архивѣ J. 1131, № 11. «Super peticione baronum de Agenesio, super quatuor curiis generalibus habendis in Agenesio certis temporibus, sine mandato cujuscumque, et appellationibus interponendis per curiam decidendis». Объ этомъ Boutaric; 413, 499.

Это было совершенно справедливо. Просьба опережала первое, но не согласовалась и съ римскимъ правомъ, которое требовало прежде всего документальности и ратовало за начало повиновенія единой власти во имя порядка, служившаго для него синонимомъ справедливости. Королевская власть, едва только пріобрѣла нѣкоторую силу, стала дорожить этимъ правомъ, какъ своимъ законнымъ наслѣдіемъ отъ древняго міра. Лишь съ этимъ лозунгомъ легисты могли создать государство. Тотъ же тулузскій парламентъ спѣшилъ провозгласить превосходство того, что разумѣлось подъ словомъ право въ противовѣсъ обычаю ([55]). «Право должно быть уважаемо, потому что оно писано, опредѣлено и заключено и ведетъ къ общественному благу, говорили легисты, тогда какъ обычаи сомнительны и неопредѣленны. Уже съ давнихъ временъ въ графствѣ тулузскомъ справляются во всѣхъ случаяхъ съ письменнымъ правомъ. Оно всегда было уважаемо и ему не переставали слѣдовать, хотя правительство столь же цѣнитъ извѣстные и справедливые обычаи, если они засвидѣтельствованы изслѣдованіемъ и показаніемъ почетныхъ и достойныхъ довѣрія лицъ.»

Но если идея этого права узаконяла подавленіе феодаловъ всегда склонныхъ къ самоуправству, если ея пониманіе возвеличиваетъ историческое значеніе Альфонса, то она не оправдывала его политики по отношенію къ горожанамъ. Мы уже знаемъ, какъ отразилась французская власть на общинахъ Юга вообще и въ частности на самоуправленіи городовъ Прованса. Альфонсъ утверждалъ старыя политическія вольности городовъ, когда то было необходимо, но не давалъ новыхъ, дѣлая частыя попытки отнять прежнія хартіи. У капетинговъ создалось убѣжденіе, что общины ничто иное какъ выгодное оружіе въ рукахъ королевской власти противъ феодализма Политика Альфонса между прочимъ состояла въ томъ, чтобы ссорить бароновъ съ городами. Сокрушая аристократію на Югѣ, Альфонсъ имѣлъ въ виду подавить вмѣстѣ съ нею и муниципальный духъ старыхъ общинъ, которыя и безъ того поколебались отъ новыхъ судовъ, централизаціи и образа дѣйствія администраціи съ ея парламентами и «слѣдователями». Графъ долго боролся съ недовольствомъ Тулузы. Древнѣйшая изъ европейскихъ республикъ, гордая своимъ прошлымъ, она не хочетъ склонить своей непокорной головы предъ французскимъ принцемъ, который былъ въ ея глазахъ не болѣе какъ барономъ. Издавна она отвоевала кровью свободу, но счастье оставило ее и она теперь была безсильна сопротивляться. Когда столица давала присягу Альфонсу, то каждый тулузецъ прибавлялъ, что «этой клятвой мы не потеряли, — ни я, ни прочіе граждане, ни буржуа тулузскіе—ничего изъ нашихъ обычаевъ и привилегій». И вотъ къ тулузцамъ стали примѣнять тѣ же деспотическіе пріемы; Альфонсъ хотѣлъ лишить ихъ права выбирать консуловъ, права, которое они имѣли еще за 200 лѣтъ до Р. Хр. Достигать этого силою значило поднять противъ себя весь городъ поголовно и потому графъ только стороной заявляетъ свои права. Альфонсъ не обладалъ воинственными наклонностями; человѣкъ кабинета, онъ не хотѣлъ вступать въ рѣшительную борьбу съ подданными за монархическую идею. Онъ предоставилъ все дѣло времени и настоялъ только на одномъ, чтобы городскіе налоги не назначались безъ согласія сенешала, который сталъ просматривать городскіе счеты. Его парламентъ въ отвѣтъ на просьбу жителей Мирманда, — гдѣ бальи также недопускалъ выбора консуловъ, — отвѣчалъ заявленіемъ, что графу принадлежитъ законное назначеніе консуловъ и что по слухамъ всѣ лангедокскія общины отреклись отъ этого права въ пользу покойнаго графа Раймонда, о чемъ имѣются акты. Дѣйствительно, сохранились подобные документы отъ Муассака и Кастельсаррацина, но они были плодомъ какихъ нибудь мелкихъ коммунальныхъ революцій и не могутъ имѣть обобщающаго значенія. Такъ какъ замыслы Альфонса по отношенію преобразованія старыхъ общинъ не удались, то онъ, озабочиваясь пріобрѣтеніемъ надежныхъ элементовъ въ странѣ, основалъ до 35 небольшихъ общинъ въ Лангедокѣ. Онъ снабжаетъ ихъ тоже хартіями, на нихъ также написаны разныя вольности и притомъ въ большомъ количествѣ, но надо знать, что это за вольности. Всѣ грамоты составлены по одному образцу, какъ вообще дѣлалось въ подобныхъ случаяхъ въ средніе вѣка, и изъ ихъ содер-

---

([55]) Въ томъ же докум. «Videtur consilio domini comitis quod cum publice utilitatis intersit jura servari, ac presertim cum jus scriptum sit finitum ac certum, et consuetudines dubie et incerte».

жанія видно, каковъ былъ идеалъ Альфонса и къ чему стремилось французское правительство. Горожане могутъ жениться, составлять завѣщанія, конечно не нарушая установленій церковныхъ, продавать свое имущество, но имъ предписывается повиновеніе графу, сенешалу, бальи и даже городскимъ сержантамъ. Всякое преступленіе противъ этихъ лицъ судится какъ уголовное, влечетъ потерю имущества и виновный осуждается на заточеніе. При прежнихъ порядкахъ это не могло-бы считаться преступленіемъ со стороны вольныхъ людей. Альфонсъ предоставлялъ ежегодный выборъ 8 консуловъ своему бальи, но изъ такихъ лицъ, «которыя болѣе другихъ способны служить графу»: они клянутся соблюдать его права. Но въ чемъ же ихъ обязанность, какой характеръ ея? Консулы, по наставленію Альфонса, должны быть почти тѣмъ же, чѣмъ его городскіе сержанты. Они обязаны наблюдать за улицами, дорогой, садомъ, фонтаномъ и мостами, съ тою развѣ разницею, что имъ предоставлено вводить налоги сообразно состоянію каждаго, но не иначе какъ съ утвержденія сенешала и съ участіемъ совѣта 12 гражданъ, которымъ принадлежало самое распредѣленіе. Короче, консулы были простыми, мелкими чиновниками графа. Альфонсъ напоминалъ новымъ общинамъ дорогое имя, съ которымъ страна связывала столько воспоминаній, но лишилъ его всякаго содержанія. Къ такому ничтожеству онъ хотѣлъ привесть консуловъ всѣхъ городовъ вообще, раньше лишивши ихъ значительной доли вліянія, но когда подобное предпріятіе оказалось невозможнымъ безъ примѣненія силы, то онъ ограничился подчиненіемъ городскаго хозяйства своему контролю. Послѣднее было весьма полезно, потому что богатые люди, захватившіе муниципальную власть, часто эксплуатировали своихъ согражданъ и всюду вели счеты слишкомъ небрежно, такъ что вмѣшательство власти могло-бы пробудить прежнюю энергію.

Самая внѣшность городовъ подъ французскимъ владычествомъ измѣнилась. Прежній ихъ блескъ изчезъ, какъ исчезла галантность и куртуазія вельможъ и рыцарства. Роскошь, съ которою по принципу боролось альбигойство и которая тѣмъ не менѣе въ силу вѣянія свободныхъ идей въ началѣ столѣтія была предметомъ зависти другихъ странъ, теперь изчезла. Съ нею уменьшились удовольствія. Монахи, или зловѣще молчавшіе или проклинавшіе, больше и больше наполняли города и приносили съ собою омертвѣніе. Игры и пѣсни часто запрещались. Суровая регламентація, съ головы до ногъ, отъ количества блюдъ до количества сна,—тяготѣетъ надъ горожаниномъ. Уставы нѣкоторыхъ тогдашнихъ общинъ подчиняютъ жизнь такой же таксѣ, какъ и съѣстные припасы. Въ этомъ проглядывало еще другое побужденіе, коему невольно силою событій подчинялись общины. Аристократическій принципъ отнынѣ начинаетъ преобладать въ странѣ надъ городскимъ и въ этомъ заключается одно изъ послѣдствій завоеванія. Но это та аристократія, которая уже прошла чрезъ горнило посторонняго вліянія; въ ней нѣтъ ни прежняго національнаго духа, ни гордаго сознанія независимости, ни радушнаго чувства къ другимъ сословіямъ. Она то слилась съ вельможными завоевателями, то приняла многія черты изъ ихъ типа, а этотъ типъ былъ совершенно новый на Югѣ.

Городскіе документы того времени, мѣстныя постановленія консуловъ и собраній, объясняютъ намъ, какой духъ начинаетъ вѣять въ большихъ общинахъ. Горожане забыли, что они когда-то превосходили феодаловъ блескомъ и удобствами жизни. Они были теперь забиты, принижены; ихъ помыслы наполнены скорбью о родинѣ. Долго имъ не придется принять прежній веселый видъ и долго они будутъ помнить старые счастливые дни. Завоеватели принесли имъ идею о превосходствѣ дворянина, о томъ, что ему, по одному происхожденію его, слѣдуетъ оказывать большій почетъ, что только для него изысканность жизни, что только онъ и его семья умѣютъ пользоваться роскошью и заслуживаютъ право имѣть дорогихъ коней, пышныя шелковыя и бархатныя одежды, горностаи, золотыя и серебряныя украшенія на шеѣ, на груди и на платьѣ и т. п. Горожанамъ не только это безполезно, но даже неприлично и непозволительно, такъ какъ иначе буржуа нельзя будетъ отличить отъ рыцаря и вельможи, а жену его отъ знатной дамы, вслѣдствіе чего знатные будутъ лишены должнаго почета. Въ такихъ понятіяхъ росъ съ дѣтства французскій феодалъ, къ удивленію увидавшій, что у провансальцевъ нѣтъ точнаго отличія знатнаго отъ гражданина. Городамъ, напуганнымъ оружіемъ завоевателей, приходилось подчиняться новымъ идеямъ и порядкамъ, и вотъ въ Монтабанѣ въ 1274 году издаютъ слѣдующій стѣснительный уставъ касательно нарядовъ го-

рожанъ. «Никакая женщина не должна носить ни на верхней, ни на нижней одеждѣ, ни на головныхъ уборахъ, украшеній изъ золота, серебра, жемчуга и драгоцѣнныхъ камней; равнымъ образомъ не дозволяется употреблять парчевыхъ или шелковыхъ одеждъ и мѣховъ; вмѣсто нихъ носить простыя суконныя съ отдѣлкою изъ красной кожи. Женщины не должны носить серебряныхъ цѣпочекъ и застежекъ, фермуаровъ и запястій и никогда не показываться въ нихъ на улицахъ. Мужья, граждане Монтобана, обязаны наблюдать за тѣмъ, чтобы жены ихъ не носили запрещенныхъ вещей. Гражданки не должны носить булавокъ и застежекъ на платьяхъ и корсетахъ; въ замѣнъ ихъ нашивать 10 пуговокъ цѣною не болѣе 3 солидовъ. Городскіе портные не должны шить длинныхъ дамскихъ платьевъ; шлейфы не пускать болѣе фута; за несоблюденіе штрафъ въ 20 солидовъ и исключеніе изъ цеха» ([56]).

Такія распоряженія нельзя объяснить бережливостію горожанъ, заботливостію консуловъ объ экономіи. Напротивъ, прежде монтобанцы любили блеснуть, показать себя. Мы не знаемъ болѣе раннихъ документовъ подобнаго содержанія. Доказательство того, что этотъ уставъ явился подъ французскимъ давленіемъ, служитъ его предисловіе. Изъ него видно, что вѣче на этотъ предметъ было созвано вигуэромъ, по приказанію короля, торжественно, при звукѣ трубъ, и постановленія его признаны обязательными навсегда ([57]). Подобные же статуты можно найти въ архивахъ другихъ городовъ при тщательныхъ поискахъ. Такія стѣсненія не могли быть одиночнымъ явленіемъ, а, напротивъ, стали общими на Югѣ. Въ Марсели, напримѣръ, предметы роскоши получались изъ первыхъ рукъ Тамъ, до эпохи завоеванія вмѣстѣ съ роскошью были сильно распространены всякія дозволенныя удовольствія. Богатые купцы жили открыто. Обѣды, пирушки, гулянья, праздники, жонглеры, спектакли фокус-

([56]) Изъ красной книги монтобанскаго городскаго архива у Mary-Lafon; II, 320.

([57]) Consegudа causa sia quels R. Folcaut, veguier de Montalba, per nostre senhor lo rey e l's capitols d'aquela ad honor de Dio e de Nostra Dona S. Maria e de mossenhor saint Jacme... aquest establimen per tost temps valedor so es assaler etc.

никовъ и актеровъ, составляли постоянный предметъ городскихъ толковъ. Въ отсутствіе мужей, жены продолжали вести свѣтскую жизнь и не скучали въ своихъ покояхъ, какъ француженки. Новой верховной власти это не могло нравиться. Государь Прованса, графъ Карлъ, очень не любилъ шумныхъ забавъ; суровый, угрюмый, всегда погруженный въ честолюбивые замыслы, онъ мало говорилъ, никогда почти не улыбался; онъ не понималъ, какъ люди могутъ восхищаться подобными бреднями, какъ сказки трубадура, или такими глупостями, какъ шутки жонглера. Онъ презиралъ даже охоту и еще ниже цѣнилъ музыку, безъ которой не могли жить на Югѣ; мандолина и арфа была въ его глазахъ ничтожнѣе сломаной прялки. Могъ-ли этотъ «черный человѣкъ», какъ выражается о немъ Виллани, «никогда не спавшій», изображавшій собою типъ алчнаго крестоносца, изгубившій въ послѣдствіи мучительными пытками и казнями сотни семействъ въ Неаполѣ и Сициліи, за одну преданность прежней династіи, могъ-ли онъ равнодушно видѣть, какъ веселятся въ его Провансѣ. Наружнымъ образомъ жизни онъ походилъ на монаха, и былъ на столько энергиченъ, что могъ заставить и подданныхъ жить по его идеалу. Духовенство и инквизиторы видѣли въ этомъ дѣло богоугодное, они конечно желали, чтобы веселые города Прованса и Лангедока обратились мало помалу въ монастыри. Имъ надо было загнать и тѣло и душу паствы, которая только недавно изведена изъ пропасти нечестія, какъ они выражались. Для нихъ нѣтъ разницы между знатными и буржуа. За отсутствіемъ прямыхъ документовъ, мы не знаемъ въ какой степени осуществились ихъ желанія въ Марсели, но намъ извѣстна замѣчательная перемѣна нравовъ въ Монтобанѣ. Дѣйствительно Монтобанъ, начавшій съ упрощенія костюмовъ, вводитъ у себя, хотя ненадолго, монастырскій уставъ. Въ одномъ изъ статутовъ города, конца XIII вѣка, читаемъ слѣдующее: «Никакая дама, живущая въ Монтобанѣ и на его территоріи (de la honor), не должна ходить въ гости къ сосѣдкамъ, если онѣ не состоятъ съ нею въ близкомъ родствѣ до втораго колѣна и не приходятся ей кузинами или кумами, и то неиначе какъ по воскресеньямъ, подъ страхомъ штрафа въ 5 солидовъ. Исключеніе дѣлается для шутихъ и публичныхъ женщинъ. На свадьбу и домашніе праздники нельзя приглашать болѣе 4 человѣкъ; *иначе могутъ*

поступать только женщины дурнаго поведенія. Глава семейства и хозяйка не должны дѣлать приглашеній на вечеръ и ужинъ, тѣмъ болѣе обручальный и свадебный, не сходивъ предварительно въ церковь. Жонглеры и скоморохи (baladin), провансальскіе или чужеземные, не смѣютъ являться на праздники или на свадьбы въ продолженіи рождественскаго поста и въ рождественскіе праздники. Тотъ, кто будетъ противиться этому постановленію, навсегда изгоняется съ городской территоріи ([58]). Самъ Савонарола въ своихъ фанатическихъ проповѣдяхъ не рисовалъ такихъ идеаловъ частной жизни, хотя жилъ въ эпоху полной разнузданности и ревностно стремился къ очищенію нравовъ.

Можно представить себѣ это тяжелое удушливое состояніе, въ которое впали южные города подъ двойнымъ гнетомъ ханжества и шпіонства. Мракъ и скука стали обязательными, попытка отвратить то и другое считалась преступленіемъ. Святость домашняго очага была нарушена; неприкосновенность старыхъ привычекъ не была уважена. Если французская власть вторглась грубо въ бытъ семей, стремясь содѣйствовать инквизиціи, то тѣмъ яснѣе характеръ и цѣли ея дѣйствій въ области политической. И на томъ и на другомъ пути обѣ власти духовная и гражданская дѣйствовали дружно и обѣ возбуждали противъ себя одинаковую вражду. Государственныя реформы сопровождалъ прочный успѣхъ. Сословныя права и вольности можно было вернуть не надолго, напр при Людовикѣ X, снова попользоваться ими, но лишь на короткое время; противъ нихъ была исторія. Попытки моральныхъ преобразованій въ концѣ концовъ не достигли цѣли, за то подавили народный духъ, его свободный полетъ; потому онѣ являются гораздо болѣе возмутительными и съ исторической и съ нравственной точки зрѣнія. Это было неприличное и безполезное разрушеніе старыхъ началъ. Аскетическихъ идеаловъ жизни хотѣли достигать безнравственнымъ путемъ.

Народъ искренно ненавидѣлъ то и другое. Всякому племени свойственно оберегать свою національность, т. е. учрежденія, нравы, обычаи. Почему провансальцы знали, что централизація, вводимая Альфонсомъ, является однимъ изъ важнѣйшихъ вкладовъ въ исторію, что она своимъ значеніемъ превосходитъ прочіе элементы ихъ прежней государственной жизни? До будущаго имъ не было дѣла; они со слезами на глазахъ смотрѣли, у нихъ отнимаютъ все дорогое; что значило для нихъ сужденіе позднѣйшихъ поколѣній. Служить предметомъ историческихъ операцій они нисколько не желали. Ихъ не могло утѣшить то, что надъ ними централизація произведетъ свой первый опытъ на Западѣ. Притомъ, въ самой системѣ Альфонса, если даже не принимать въ соображеніе страшныхъ жертвъ необходимыхъ для полнаго ея проведенія, далеко не все было полезно и съ исторической точки зрѣнія. Онъ подавилъ самоуправство, далъ правильную организацію и поднялъ авторитетъ власти, устроилъ полицейскій порядокъ и суды, близкіе къ полицейскимъ,—но надо-ли было въ выгодахъ исторіи относиться враждебно къ общинному самоуправленію? Въ строгомъ смыслѣ онъ вовсе не врагъ феодализма, онъ даже другъ его, но онъ только хочетъ передѣлать его по своему образцу; къ тому же во всѣхъ поступкахъ онъ руководился прежде всего денежнымъ, а потомъ государственнымъ интересомъ; изъ всего и изъ всѣхъ онъ старается извлечь доходъ, не щадя знать, горожанъ и народъ. Этого нельзя было скрыть отъ провансальцевъ. Наконецъ, имѣемъ-ли мы право ставить за несомнѣнный принципъ ту теорему, что централизація безусловно необходимая ступень для достиженія народнаго благосостоянія. Отчего-бы не могло образоваться въ предѣлахъ Юга, при живучести, обиліи и разнообразіи общественныхъ силъ, особой и самостоятельной цивилизаціи, способной при національныхъ условіяхъ создать тѣ же основные элементы, какіе достигнуты централизаціей, направляемой завоеваніями? Во всякомъ случаѣ, покореніе и неразлучное съ нимъ примѣненіе насилія способны были очернить собою даже чистыя стремленія, а извѣстно, что практическій Альфонсъ не принадлежалъ къ тѣмъ государственнымъ людямъ, которые руководятся идеалами и сѣятъ благо лишь для будущихъ поколѣній.

([58]) Mary-Lafon; II, 322.

Какъ бы то ни было, тогдашніе народные памятники провансальской поэзіи, къ которымъ мы должны теперь обратиться, исполнены ненависти къ французскому владыче-

ству. Народъ потерялъ вмѣстѣ съ независимостію свободу политическую и свободу религіозную, свободу дѣйствовать и свободу мыслить. Нельзя потерять большаго. Потому онъ считалъ себя въ правѣ негодовать. Къ злобѣ присоединилось отчаяніе, которому нельзя не сочувствовать. И содержаніе и характеръ провансальской поэзіи рѣшительно измѣняются. Вмѣсто описаній турнировъ и праздниковъ встрѣчаемъ мрачныя повѣствованія о кровавыхъ бойняхъ, казняхъ, эшафотахъ. Вмѣсто любви къ дамамъ, трубадуры воспѣваютъ ненависть къ французамъ и монахамъ. Негодующая муза ихъ во вторую половину этого столѣтія обращена на Церковь и государство въ одинаковой степени. Трудно сказать, что было противнѣе, французы или папа. Завоеваніе долго представлялось хищническимъ набѣгомъ, какъ монахъ—разбойникомъ. Можно замѣтить только, что ненависть къ католическому духовенству была прочнѣе, сохранилась дольше, потому что оно было главною причиною народнаго несчастія. Плачь о потерѣ независимости льется въ горячихъ, неудержимыхъ стихахъ по всей землѣ отъ Тулузы до Марсели.

— «Отнынѣ провансальцы облекутся въ трауръ, восклицаетъ Аймери де-Пегвильа; изъ подъ власти добраго синьора они подчинились королю (en sire)... О Провансъ, Провансъ, какой стыдъ и поношеніе. Ты потерялъ радость, счастіе, славу, спокойствіе, веселье и подпалъ игу французовъ. О, лучше-бы умереть всѣмъ намъ.... Разорвемъ скорѣе наши знамена, разрушимъ стѣны городовъ нашихъ, сломаемъ башни замковъ нашихъ. Горе, мы стали французскими подданными! Мы не должны носить болѣе ни щитовъ, ни копій. Какіе мы воины? (59).

— «И это называется помогать Церкви, наводнять нашу землю французами, поетъ тулузецъ В. Анельеръ, привести ихъ туда, гдѣ быть они не имѣютъ никакого права по тысячѣ своихъ нечестивыхъ дѣлъ; мечомъ они губятъ христіанъ, не смотря на ихъ происхожденіе и языкъ; они хотятъ одолѣть свой вѣкъ. Духовнымъ это нипочемъ; вмѣсто проклятія они посылаютъ французамъ благословенія и даютъ имъ цѣлый міръ въ нагладу за злодѣйства (60).

— «Съ горькимъ чувствомъ пишу я эту сирвенту, плачетъ другой патріотъ. Самъ Богъ не знаетъ про тѣ мученія, какія испытываю я. Кто можетъ передать ихъ. Я страдаю дни и ночи, во снѣ и на яву одна мысль томитъ меня... Французы обираютъ до нага провансальцевъ,—это жалкое и несчастное племя, они имъ не оставляютъ ни полушки (ni brail, ni maille). Они отнимаютъ у нихъ земли и не платятъ ничего. Рыцарей и воиновъ плѣнными ссылаютъ какъ разбойниковъ, а когда тѣ умрутъ, то берутъ все добро ихъ. Но кто убиваетъ, отъ меча и погибнетъ... Куда ни оглянусь, вездѣ мнѣ слышится, какъ придворные рабы твердятъ: «Sire, Sire», низко кланяясь французамъ и увиваясь за ними. Французы вездѣ; они завоеватели и въ этомъ все ихъ право. О Тулуза, о Провансъ, о земля Ажена и вы, о Безьеръ, Каркассона,—чѣмъ вы были и чѣмъ стали теперь (61)?

Каждую попытку свергнуть французское иго трубадуры привѣтствовали восторженно; они съ трепетомъ ждали исхода возстанія и своими стихами возбуждали воинскій духъ тѣхъ, которые боролись за независимость. Идя въ бой, рыцари и горожане пѣли эти стансы Пернаса:

— «У меня есть лукъ и дубина, я пущу стрѣлу, чтобы она достигла самыхъ далекихъ предѣловъ. Позоръ англійскому королю, который допустилъ выгнать себя изъ своихъ земель; на него должно пасть первое мщеніе. Смертельно я

(59) Ms. de l'Arsenal — «Oimais viuron Praensals a dolor» apud Diez. Leben und Werke, 443 и M. Lafon; III, 43. Также политическаго сод. у Raynouard. Choix; III, 428; IV, 102; V, 12. — Поэтъ умеръ еретикомъ. Объ Aimeri de Pegulha вспоминаютъ Данте и Петрарка; см. Baret (Les troubadours et leur influence, 1867, p. 169, 179, 261). Циклъ его поэзіи былъ преимущественно лирическій, какъ напр. у Raynouard (Lexique; I, 429—435). Цитированные стансы—исключеніе, дань времени.

(60) «A la Gleiza falh non saber», также съ рук. Арс. ib. 44.—Raynouard въ Nouv. choix помѣстилъ канцону того же G. Anelier (I, 481), въ которой паденіе чести и «dreytura» приписывается французамъ и духовенству. Съ ними настали «новыя времена»: Quar vey qu'el temps s'es camjatz — E'ls auzelets de luis sos,—E paratges que chai jos,—E vilas coutz son prezatz— Clercx e Frances cuy azire».

(61) B. Sicard; de Marjévols: «Ab greu cossire,—Rayn. IV, 191.—Fauriel. Poésie prov. II, 212.

ненавижу Іакова аррагонскаго, который постыдно измѣнилъ и бросилъ насъ однихъ безъ помощи. Аррагонцы не хотятъ оставить своей борьбы съ маврами, чтобы отнять у французовъ ихъ завоеванія. Вотъ Эмерикъ Нарбоннскій поступаетъ иначе, какъ слѣдуетъ храброму человѣку,—и я люблю его. О если-бы только кто нибудь помогъ намъ, мы бы освободились; французы разсѣялись-бы тогда, а маркизъ-графъ (Раймондъ VII) увѣровалъ-бы въ себя, и не пошелъ-бы ни на миръ, ни на сдѣлку. Сильные люди спокойно переносятъ свой позоръ и вотъ лучшая часть земель порабощена оружіемъ французовъ. Но не удастся же имъ счастливо владѣть тѣмъ, что они злодѣйски отняли у стольких доблестныхъ бароновъ. Война, война, я люблю тебя больше жизни, больше чѣмъ свою возлюбленную; ты даешь пищу и праздникъ веселью; тобою наполнены пѣсни; ты дѣлаешь изъ вилана рыцаря. Да и какъ не любить тебя? Дождемся, кто начнетъ эти битвы и истребленія! Скоро послышатся удары мечей, завѣютъ конскіе хвосты и гривы; падутъ стѣны и башни, а замки сравняются съ землею» (62).

Но возстаніе не удалось. Югъ покорно склонилъ свою голову. Онъ безмолвенъ предъ грозной силою. Однако мысль о сверженіи ига долго не покидала его.

Вотъ одинъ марсельскій поэтъ передаетъ въ плавныхъ стихахъ свою грустную бесѣду на берегу тихаго ручья съ бѣдной пастушкой; въ образѣ послѣдней легко узнать олицетвореніе погибающей національности Прованса. Она была прекрасна и, склонивъ голову, сидѣла одна подъ зеленымъ дубомъ, забывъ про своихъ ягнятъ, которые паслись въ сторонѣ. Скромно она отвѣчала на привѣтствіе поэта:—«Богъ да хранитъ васъ отъ всякаго зла, синьоръ». Поэтъ вступаетъ въ разговоръ. «Скажите, спросила она, почему нашъ графъ купается въ крови провансальцевъ; зачѣмъ онъ дѣлаетъ столько зла, когда мы въ отвѣтъ не дѣлаемъ ему ни-

(62) Durand de Paernas, apud Millot (hist litt. des troub. II, 226)—изъ разныхъ сирвентъ. Онъ не долго пережилъ паденіе независимости, но все же указаніе Baret о его смерти слишкомъ раннее, p. 65. Онъ былъ родомъ изъ Венессэна.—Къ такому же возстанію призываетъ Петръ Кардиналь, — Fauriel Poésie prov. II, 219.

чего? Онъ пошелъ на войну съ Манфредомъ, за что-же онъ хочетъ обидѣть его и лишить наслѣдства, когда тотъ никогда не былъ его вассаломъ и не обязывался ему ничѣмъ? —«Гордость ослѣпила анжуйскаго графа, отвѣчалъ я ей, оттого онъ такъ безжалостенъ къ провансальцамъ. Клирики для него, какъ лукъ для стрѣлы, они послали его ограбить короля, который истинно доблестенъ и любитъ подвиги. Меня утѣшаетъ только одна надежда, что доблесть никогда не дастъ одолѣть себя честолюбію. Если только воины Монфреда сплотятся вокругъ его знамени, то французы навѣрное погибнутъ».—Но что же думаетъ славный юноша аррагонскій; что онъ не возвращаетъ себѣ того, что принадлежало его отцамъ? Онъ храбръ и любезенъ; о, какъ-бы я хотѣла, чтобы онъ пришелъ къ намъ и прогналъ этихъ французовъ съ земли нашей. Какъ-бы рада я была, если-бы этотъ благородный юноша соединился съ молодымъ Эдуардомъ Заморскимъ (т. е. англійскимъ принцемъ). Оба они одного происхожденія; этотъ домъ славился храбростію».—«Да, да, отвѣчалъ я ей, эти принцы благородны и храбры; не слѣдуетъ имъ спокойно смотрѣть, какъ лишаются они своего законнаго наслѣдія. Скорѣе бы пустить въ дѣло наши шлемы и искристыя кольчуги (63)».

Въ Провансѣ соглашались скорѣе приглашать аррагонскаго или даже англійскаго принца, чѣмъ выносить иго французовъ. Такъ мало были симпатичны тѣ идеалы, которые приносили съ собою завоеватели, оскорблявшіе національное чувство на каждомъ шагу. Манфредъ былъ любимымъ героемъ провансальцевъ, потому что онъ боролся съ ненавистнымъ Карломъ. Эдуардъ II прославился своимъ благороднымъ характеромъ и своими подвигами въ Палестинѣ и въ войнѣ съ страшнымъ Лейчестеромъ; довольно было этого, чтобы считать его хорошимъ государемъ. Въ немъ видѣли провансальцы человѣка куртуазіи и поклонника галантности, благородной отваги. Ни онъ, ни Манфредъ не прятались за монашескія рясы, не жгли свой народъ, не

(63) Paulet de Marseille изъ ман. Нац. Библ. Къ сожалѣнію, оригиналъ не полный,—Lafon; III, 46—47.—Diez; 584. Кромѣ того—7 сирвентовъ. Такая же ненависть къ французскому владычеству въ протоколахъ инквизиціи. Doat; XXV, 38.

убивали изъ за угла, не мстили побѣжденнымъ на полѣ чести. Карлъ же оставался для нихъ совсѣмъ чужой.

Французы долго не могли утвердиться въ завоеванномъ краѣ; имъ приходилось имѣть дѣло съ систематическими враждебными проявленіями и народными возстаніями. Великая англо-французская война показала, на чей сторонѣ симпатіи южанъ. Лангедокъ и Провансъ оказываютъ всевозможное содѣйствіе англичанамъ, когда тѣ проходили эти области. Въ 1379 г. Лангедокъ объятъ возстаніемъ. Борьба арманьяковъ (орленовъ) и бургундцевъ въ сущности есть борьба южанъ и сѣверянъ, — эхо альбигойской крестовой войны. Провансальцы и гасконцы старались всячески тиранить тѣхъ сѣверныхъ французовъ, надъ которыми имъ приходилось торжествовать; въ эпоху междоусобій они варварски вымѣщали на парижскихъ окрестныхъ поселенцахъ жестокости крестоносцевъ Монфора, вынесенныя нѣкогда ихъ предками. Сами парижане должны были молча сносить насилія южныхъ дворянъ, вступившихъ въ столицу съ арманьяками и оглашавшихъ ее провансальскими побѣдными криками. Демократическое движеніе, охватившее Францію по смерти короля Карла V, столько же было возбуждено фландрскими, сколько провансальскими традиціонными идеями. Отъ продолжительной, но напрасной борьбы за сохраненіе народности, а также подъ вліяніемъ старыхъ общинныхъ воспоминаній, крѣпко укоренившихся въ почвѣ, обитатели Лангедока и Прованса, уже вполнѣ потерявши свою національность, продолжали всегда сохранять республиканскій духъ, болѣе чѣмъ остальные французы. Южное племя обладало въ высшей степени подвижнымъ, впечатлительнымъ характеромъ. Радикализмъ его, не находя дѣятельности въ политической области, отразился въ духовныхъ стремленіяхъ и въ соціальныхъ. Въ Реформаціи и въ великой Революціи останутся незыблемые слѣды вліянія провансальскаго духа. И то и другое явленіе приняло бы иной видъ подъ вліяніемъ одного лишь сѣвернаго элемента; иначе направилась бы тогда и вся французская исторія. Жирондисты съ Юга приносятъ свои республиканскія теоріи; марселецъ Барбару и Роланъ проэктируютъ провансальскую республику и федерацію, какъ видно изъ мемуаровъ перваго. Духъ національной особенности невидимо присутствуетъ въ историческихъ явленіяхъ даже тогда, когда сама національность теряетъ самостоятельное полити-

ческое существованіе и болѣе не представляетъ собою единаго цѣлаго. Таковы были результаты альбигойства и французскаго завоеванія въ области политической.

Взглянемъ теперь, какъ относились вообще на Югѣ къ католической Церкви, послѣ насильственнаго водворенія ея при помощи трибуналовъ.

Тамъ католицизмъ никогда не былъ проченъ. На Югѣ мало жили сердцемъ; жизнь чувства преобладала. Внутреннія томленія о невѣдомомъ не могли долго занимать лангедокцевъ, вслѣдствіе впечатлительности народнаго характера. Красивая женщина была часто выше мадонны въ глазахъ трубадуровъ ([64]). Земныя наслажденія были знакомѣе и потому дороже небесныхъ, которыя не поддавались чувству. Въ красотѣ формъ провансальцы были знатоки; они унаслѣдовали пониманіе и вкусъ своихъ греческихъ предковъ. Какимъ-то античнымъ характеромъ, переносящимъ подъ портики древней Эллады, дышатъ нѣкоторыя строфы христіанскихъ поэтовъ Прованса XIII вѣка, написанныя послѣ альбигойской рѣзни. Трубадуръ воспѣваетъ чувственное наслажденіе и отдаетъ за него все, что было-бы дорого для другаго католика. «Не надо мнѣ ни имперіи римской, ни папскаго престола; счастье я могъ только найти около моей возлюбленной. Когда я смотрю на ея чудныя косы, на это прекрасное и юное тѣло, я чувствую себя счастливѣе, чѣмъ если бы получилъ цѣлые города въ обладаніе. Я готовъ твердить мессы, жечь Богу свѣчи и лампады, чтобы наконецъ склонить ее уступить моимъ мольбамъ и побѣдить суровость моей дамы. Но если Богъ не поторопится услышать меня, то любовь, которая горитъ въ моемъ сердцѣ, кончитъ тѣмъ, что испепелитъ его» ([65]).—Такіе люди не пойдутъ въ бой за вѣру; имъ чужды религіозные интересы. Надъ религіей и святыми они иногда посмѣиваются; духовенство и прежде ненавидѣли за его блескъ и безнравственный образъ жизни. Теперь, послѣ войны, эта ненависть усиливается въ страшной степени, что вполнѣ понятно. Не было пороковъ, ко-

([64]) Объ этомъ въ нашей Ист. Альбиг. I, 87—90.

([65]) Arnaud Daniel (de Bibeyrac); II, 370. Онъ былъ замѣчательнѣйшимъ пѣвцомъ любви; ему удивлялся Дантс (Baret; 90, 169).

торые-бы не приписывали духовнымъ. Священники и монахи считались по преданію «лжецами, вѣроломными, клятвопреступниками, ворами, развратниками». Теперь хотѣли дѣйствовать на совѣсть оружіемъ.— «Но истинная вѣра, говорили трубадуры, не носитъ кинжаловъ, чтобы разить, умерщвлять и совершать человѣкоубійства». Насмѣшки и остроты градомъ сыплятъ побѣжденные на монаховъ и духовенство. «Если Богъ спасаетъ тѣхъ, которые только хорошо умѣютъ поѣсть и искусно соблазнять женщинъ, то черные и бѣлые монахи, тампліеры, госпиталиты и каноники непремѣнно попадутъ въ рай. Св. Петръ и Св. Андрей были слишкомъ глупы, что вынесли столько мученій изъ за рая, который такъ дешево достается другимъ.—Черными да бѣлыми рясами не спастись, гремитъ Монтаньагу. Надо отказаться отъ суеты и пиршествъ. Надо перестать красть чужое достояніе. Тогда только повѣрятъ вамъ. Ихъ послушать, такъ они ничего не хотятъ, а посмотрѣть, такъ они тащутъ все» ([66]). Петру Кардиналю принадлежатъ самыя смѣлыя и блестящія сирвенты. По положенію автора, онѣ служатъ отраженіемъ мыслей высшаго общества. Онъ обладалъ высокимъ поэтическимъ дарованіемъ и до самой смерти, т. е. до 1306 г., будучи столѣтнимъ старикомъ, сохранилъ презрѣніе къ духовнымъ и прямо называлъ ихъ хищными звѣрями. Съ того дня какъ родился, онъ выучился ненавидѣть несправедливость и любить добро. Въ себѣ онъ носилъ грѣхи другихъ и мучился ихъ заблужденіями.—«Коршунъ (tartarassa) и воронъ не вьются съ такой радостію надъ добычей, какъ клирикъ и доминиканецъ надъ своею жертвою, такъ начинается одна изъ его сирвентъ. Они слѣдятъ за нею неуклонно, и когда ударъ грянетъ, то будь увѣренъ, что все достояніе жертвы окажется въ ихъ рукахъ, а близкимъ не достанется ничего. Французы и монахи зло считаютъ честью. *Они погрузили вселенную въ глубокій мракъ, теперь всякая новая вѣра будетъ знать свою участь.* Знаютъ-ли они куда пойдутъ награбленныя сокровища? Придетъ другой суровый грабитель, который разоблачитъ насъ до нага. Для смерти, которая всѣхъ ждетъ, не надо этихъ сокровищъ. Она нагихъ также

([66]) **Raynouard. Choix des poésies; IV, 335. Sismondi. Litt. du Midi de l'Europe.**

удобно уложитъ въ 4 ольховыхъ доски ([67])».—Кардиналь не щадитъ и высшее духовенство. Въ сатирѣ на архіепископа нарбоннскаго онъ говоритъ, что тѣ, «кто носитъ митры на головахъ и бѣлыя одежды на плечахъ, несутъ на устахъ низость и измѣну, какъ волки и змѣи ([68])».

— «Кто хочетъ слышать сирвенту изъ печали, покрытую гнѣвомъ?—спрашиваетъ онъ-же въ другомъ мѣстѣ. Люблю честныхъ и храбрыхъ, чуждаюсь злыхъ и клятвопреступныхъ, потому удаляясь отъ беззаконныхъ клириковъ, которые совмѣщаютъ въ себѣ всю гордость, всѣ обманы и всю алчность нашего вѣка. Они торгуютъ измѣной и своими индульгенціями; они отняли у насъ все, что осталось. Не думайте излѣчить поповское племя; чѣмъ выше стоятъ они, тѣмъ больше въ нихъ обмана, тѣмъ меньше вѣры, меньше любви и больше жестокости. А рыцари, какъ унижены они теперь! Жизнь ихъ хуже смерти, священники ихъ попираютъ, короли грабятъ. Они подданные поповскіе по смерти, и еще болѣе при жизни. Между тѣмъ лукавые священники, обобравъ церкви, завладѣвъ всѣмъ остальнымъ, сдѣлались властителями міра. Тѣхъ, кто долженъ управлять, они попрали ногами своими. Карлъ Мартеллъ накинулъ на нихъ узду, но они скоро убѣдились, что нынѣшніе короли глупцы. Они заставили ихъ дѣлать все, что хотятъ и поклоняться тому, что надо позорить ([69])».

— «Къ своимъ порокамъ они присоединяютъ измѣну, продолжаетъ Кардиналь. Они приказываютъ послушаніе французамъ, этимъ куропаткамъ, этому низкому и измѣнническому племени. А французы съ каждымъ часомъ приносятъ намъ свои обычаи, *свою привычку* уважать только тѣхъ, кто можетъ широко попить и поѣсть, и *презирать бѣдняковъ*; они стремятся богатѣть и ничего не давать; ихъ правители изъ торговцевъ (brocanteur); они возвышаютъ измѣнниковъ

([67]) **Choix; IV, 357. Полный нѣм. стих. переводъ у Kannegiesser. Gedichte der Troub. 323. — Въ Nouveau choix des poés. orig. des troub. (Rayn. Lex. I, 437—461) помѣщено много подобныхъ сирвентъ Кардиналя.**

([68]) **P. Cardinal. Nouv. choix; I, 439.**

([69]) **Fauriel. Hist. de la poésie prov. II, 217.—Подобныя у Kannegiesser. Gedichte der Troub. 326—332.**

и унижаютъ честныхъ людей. Да есть-ли нынче хоть одинъ человѣкъ, который бы не думалъ только о своемъ желудкѣ; только тѣ и счастливы. Тотъ, кто любитъ справедливость и негодуетъ противъ дурнаго, будетъ опозоренъ; кто зачнетъ вести свѣтскую жизнь, того будутъ преслѣдовать. Теперь всякій обманщикъ торжествуетъ.» Священники-же превосходятъ ихъ всѣхъ. «Вы никакъ не сосчитаете, когда они грѣшатъ, потому что это происходитъ цѣлый день и цѣлую ночь. Въ остальное время они прекрасные люди, не ненавистники, не симонисты, и ничего не берутъ насильно» (70). Инквизиціонный трибуналъ при всемъ ужасѣ, который наводилъ онъ, не избѣгнулъ насмѣшекъ Кардиналя въ концѣ XIII вѣка. Доминиканцевъ онъ называетъ пьяницами. «У якобинцевъ нѣтъ другой заботы, какъ о достоинствѣ винъ; имъ надо спорить, которое лучше, которое хуже. И вотъ они составили совѣтъ. Кто осмѣлится порицать ихъ, тотъ вальденецъ. Смѣлые инквизиторы, ревностно стараясь проникать въ наши тайны, они становятся все страшнѣе и все ненавистнѣе (71)».

— Что осмѣливаются дѣлать всѣ эти люди, я не смѣю даже передать, — часто дополняетъ Кардиналь, рисуя самыя возмутительныя картины изъ жизни духовенства, ненавистнаго ему и его сословію.

Въ противоположность Кардиналю, Вильгельмъ Фигвейрасъ, столь же даровитый, какъ и онъ, выросшій среди простаго народа, служитъ выразителемъ настроенія массы. Его произведенія потому именно и драгоцѣнны для насъ. Сынъ тулузскаго ремесленника, бѣдный портной, онъ вмѣстѣ съ Пегвильей въ молодые годы вращался въ кругу рабочихъ, мелкихъ торговцевъ, жилъ въ трущобахъ бродягъ и публичныхъ женщинъ. Онъ хорошо зналъ, что думаетъ народъ; ему можно повѣрить потому, что онъ искрененъ. За то никто изъ поэтовъ Прованса не былъ такъ популяренъ. Въ его тенсонахъ и сирвентахъ провансальская поэзія рѣшительно измѣняетъ свой характеръ. Фигвейрасъ наноситъ ударъ лирикѣ рыцарской. Поэзія нѣкогда пышная и чопорная облачилась въ грубыя деревенскія одежды и посвятила

(70) **Fauriel; II, 219.**
(71) **Rayn. Choix. V, 306. «Mas jacopi.»**

себя на служеніе мести. Она уже никогда не получитъ прежняго пріятнаго свѣтлаго колорита. Но если въ ней не видно больше прежней граціозности, то она стала болѣе существенною и искреннею. Эта муза такъ же сумрачна, такъ же печальна, какъ то несчастное отечество, которое она оплакиваетъ. Ее преслѣдуютъ; но пѣвцы изъ изгнанія распространяютъ свои бичующія сатиры съ тою же энергіей. Къ чему приведетъ ихъ месть? Враги ихъ такъ сильны; пѣвцовъ такъ немного; кажется они избрали орудіе самое слабое. Главный врагъ ихъ была римская тіара. Она была всесильна и, казалось, могла раздавить ихъ, какъ пигмеевъ. На Римѣ сосредоточивалось все чувство горечи и ненависти, которая кипѣла въ этихъ наболѣвшихъ сердцахъ. Изъ за Рима забыли французовъ. Предъ послѣдними народъ долженъ былъ склониться; онъ призналъ французскаго короля, онъ забылъ о Раймондѣ, но тѣмъ больше возненавидѣлъ ту страшную силу, которая была дѣйствительной причиной уничтоженія національности. И что же? Стоило только раздаться этимъ негодующимъ звукамъ, чтобъ страшная сила заколебалась, стала подозрительно оглядываться вокругъ себя, потеряла опору, почву подъ ногами, лишилась своего обаянія, лишилась прежней энергіи и съ недосягаемыхъ высотъ стала быстро спускаться въ бездну. Ее унизили теперь тѣ самые, которыхъ нѣкогда она сама унизила. Она была освистана общественнымъ мнѣніемъ и въ первый разъ національная литература, въ лицѣ Фигвейраса, выступила какъ двигатель событій, какъ историческое орудіе судебъ.

Чтобы познакомить съ характеромъ этой новой исторической силы, приведемъ одну изъ лучшихъ сирвентъ Фигвейраса, проклявшаго Римъ за 250 лѣтъ до Лютера. Она имѣетъ всемірно-историческое значеніе.

— Я хочу написать сирвенту въ томъ же тонѣ, какъ пишу всегда. Я не хочу болѣе молчать. Я знаю, что наживу себѣ враговъ, такъ какъ пишу сирвенту о людяхъ, исполненныхъ лжи, о Римѣ, который причина всего паденія и одно прикосновеніе котораго разрушаетъ все доброе.

— Римъ, я не удивляюсь нисколько тому, если весь міръ заблуждается; ты повергнулъ нашъ вѣкъ въ тяжкія опасности и войну; ты мертвишь и истребляешь достоинство и добродѣтель. Вѣроломный Римъ, тобою былъ преданъ добрый

англійскій король, — ты вмѣстилище и источникъ всѣхъ золъ.

— Лживый Римъ, алчность увлекаетъ тебя; ты стрижешь слишкомъ коротко своихъ овецъ. Но св. Духъ, пріявшій плоть человѣческую, да услышитъ мольбы мои и сокрушитъ клювъ твой. Я отрекаюсь отъ тебя, Римъ; ты несправедливо и жестоко поступаешь какъ съ нами, такъ и съ греками.

— Римъ, ты сокрушаешь плоть и кости невѣждъ, а ослѣпленныхъ ты ведешь съ собою въ пропасть. Ты уже слишкомъ преступаешь повелѣнія Божіи. Твоя алчность такъ велика, что ты отпускаешь грѣхи за денаріи. Ты навлекаешь на себя страшную отвѣтственность.

— Знай же, Римъ, что твоею низкой торговлею и твоимъ безуміемъ погибла Даміетта. Ты преступно царствуешь, Римъ; да разрушитъ въ прахъ тебя Господь, потому что ты лживо властвуешь. Ты низкой породы, Римъ; ты клятвопреступенъ.

— Римъ, намъ хорошо извѣстно, что глупостью одурачивъ народъ, подъ видомъ ложнаго снисхожденія, ты повергнулъ въ несчастіе бароновъ Франціи и народъ французскій. Даже добрый король Людовикъ погибъ отъ руки твоей, потому что лживымъ предсказаніемъ ты удалилъ его изъ родины....

— Римъ, саррацинамъ ты нанесъ мало вреда; но ты въ конецъ уничтожилъ грековъ и латинянъ. Римъ, твое мѣсто въ пламени ада....

— Римъ, я хорошо вижу множество злоупотребленій твоихъ, о которыхъ неудобно говорить. Ты смѣешься надъ мученичествомъ христіанъ; въ какой книгѣ написано, Римъ, чтобы ты убивалъ христіанъ? Истинный Богъ, который посылаетъ мнѣ насущный хлѣбъ, да поможетъ мнѣ увидѣть отъ римлянъ то, что я желаю видѣть отъ нихъ.

— Теперь ты, Римъ, слишкомъ занятъ твоими предательскими проповѣдями противъ Тулузы; ты съ низостью кусаешь руки и сильныхъ и слабыхъ, подобно бѣшенымъ змѣямъ. Но если достойный графъ проживетъ два года, Франція почувствуетъ всю горечь твоихъ обмановъ.

— Моя надежда и утѣшеніе въ одномъ, Римъ, что ты скоро погибнешь; пусть только повернется счастье къ германскому императору, пусть только онъ поступитъ какъ слѣдуетъ съ тобой, тогда, Римъ, увидимъ какъ сокрушится твое могущество. Боже, владыка міра, соверши это скорѣе.

— Римъ, ты такъ хорошо забираешь въ свои когти, что отъ тебя тяжело отнять то, что захватилъ ты. Если ты вскорѣ не лишишься твоей силы, то это значило-бы, что міръ подчиненъ злому року и что онъ погибъ въ конецъ.

— Твой папа тогда сдѣлалъ-бы чудо. Римъ, папа занимается дурнымъ дѣломъ. Онъ ссорится съ императоромъ и продаетъ его корону. Онъ прощаетъ его враговъ, а такое прощеніе, безосновательное и несправедливое, не заслуживаетъ похвалы, потому что въ корнѣ своемъ оно мерзко.

— Римъ, ты развращенъ до такой степени, что презираешь Бога и его святыхъ; вотъ до чего позорно царство твое, несправедливый, коварный Римъ. Вотъ почему въ тебѣ скрываются, гнѣздятся и развиваются пороки міра сего; такъ велика твоя несправедливость относительно графа Раймонда.

— Римъ, Богъ помогаетъ этому графу и даетъ ему власть и силу, ему, который рѣжетъ французовъ, сдираетъ съ нихъ кожу, вѣшаетъ ихъ, и дѣлаетъ изъ нихъ мосты при осадахъ, когда ихъ много. А я, Римъ, мнѣ сильно хочется, чтобы Богъ вспомнилъ о твоихъ злодѣйствахъ, чтобы вырвалъ онъ графа изъ твоихъ рукъ, т. е. изъ объятій смерти....

— Римъ, мы часто слыхали, что у тебя пустая голова, потому что ты ее часто брѣешь; я думая, что тебѣ и не надо много мозгу, потому что ты властвуешь дурно, какъ и цистерціанцы; въ Безьерѣ вы произвели страшную рѣзню.

— Римъ, своими лживыми соблазнами ты ставишь сѣти и пожираешь много дурныхъ кусковъ, раздирая на части нуждающагося въ утѣшеніи. Ты носишь личину кроткаго агнца, но внутри ты бѣшеный волкъ, порожденіе эхидны; ты *змѣя коронованная*, оттого то дьяволъ называетъ тебя своимъ твореніемъ ([72]).

Это перечень преступныхъ дѣяній Рима; . сь ничего не забыто. Рѣдко сатира доходила до такой рѣзкости; серд-

---

([72]) Rayn. IV, 309.—Переводы: франц. Villemain (Littérature du moyen âge, leç. VI), нѣм. Kannergiesser, 355—365, но оба неполные.

це поэта накипѣло до того, что онъ не могъ сдержать своихъ порывовъ. Можно сказать, что эти стансы написаны кровью. Поэтъ къ небу взываетъ объ отмщеніи, и мщеніе для него самое высокое наслажденіе. Его въ отвѣтъ назвали еретикомъ; ему до того не было никакого дѣла. Онъ съ тѣмъ же огнемъ, съ тою же отвагою продолжаетъ бичевать «вѣнчанную змѣю» и ея слугъ, которые своими лукавыми рѣчами *похитили у міра свѣтъ*. Неизвѣстно, когда возвратятъ его людямъ, спрашиваетъ поэтъ (73)?

И такъ говорилъ не одинъ, не десятокъ пѣвцевъ, а почти всѣ представители тогдашней провансальской національности. Трубадуровъ считаютъ до 360; между ними только одинъ опозорилъ себя содѣйствіемъ крестоносцамъ и агитаціей въ пользу Монфора. За то онъ палъ подъ тяжестью отверженія и проклятія всего народа. Лишившись даже куска хлѣба, умирая съ голода, презираемый всѣми, онъ искалъ спасенія въ стѣнахъ монастыря (74). На него смотрѣли какъ на прокаженнаго. Литература провансальская въ своихъ лучшихъ представителяхъ приняла обличительное направленіе. Немногіе допѣвали пѣсни о походѣ короля въ Тунисъ. Третій и послѣдній періодъ ея, время ея блеска и вмѣстѣ паденія, имѣетъ потому самое существенное значеніе. Дѣло не въ красотахъ этихъ послѣднихъ произведеній, не въ ихъ частностяхъ, а въ томъ громадномъ вліяніи, какое они своими идеями оказали на отечество и на всю Европу. Грамотные попадались рѣдко; не всѣ трубадуры умѣли писать. Они наизусть разучали сирвенты и чрезъ жонглеровъ разносили ихъ повсюду. Сирвента соотвѣтствовала нашимъ газетамъ (75); она стала нравственною силою, общественнымъ мнѣніемъ. Перейдя за предѣлы Лангедока, она вооружила противъ папства и другіе народы, привила къ нимъ существенное содержаніе, эту смертельную ненависть къ Римской Церкви и средневѣковому духовенству. Много новаго сказала она. Она познакомила другія страны Запада съ Провансомъ, всѣмъ повѣствовала скорбное, полное ужасовъ сказаніе объ альбигойской рѣзнѣ и о тиранніи королей.

(73) G. **Figueiras**,—Choix; IV, 307.

(74) Онъ назывался Perdigon,—изъ Лесперона и былъ вассаломъ графа тулузскаго. О немъ **Fauriel**; II, 215.

(75) **Brinckmeier**. Die provenzalischen Troub. 77.

Сирвента трубадуровъ приняла участіе въ подготовленіи народовъ Запада къ воспринятію Реформы. Въ этомъ — высокое историческое значеніе провансальской литературы. Но, если въ исторіи паденія папства, сирвента должна занимать одно изъ вліятельныхъ мѣстъ, то ея непосредственное вліяніе на развитіе національной литературы было пагубно. Поэзія Прованса погибла вмѣстѣ съ нею. Такое радикальное измѣненіе содержанія было ей не по силамъ (76). Новыхъ исходовъ она не могла принять. Прежняя исторія ея была такъ богата. Теперь нечему было радоваться, нечего было воспѣвать. Разрушенные замки, ограбленные города и села, пепелъ еретиковъ, тысяча людей заточенныхъ по тюрьмамъ, изгнанные патріоты, паденіе свободы, новый суровый порядокъ, продажная администрація,—все это могло возбудить лишь негодованіе, а когда относительно проявленій даже безмолвной оппозиціи были приняты строгія мѣры и страна была офранцужена, то и ему не было мѣста. Потому, когда замолкла послѣдняя сирвента, провансальская литература прекратила свое существованіе; она стала достояніемъ исторіи. Послѣдніе лучи ея освѣтили розовымъ свѣтомъ память святаго короля, какимъ считали Людовика IX даже на Югѣ, гдѣ ненавидѣли французовъ. Онъ былъ гордостью не одной страны, а всего христіанскаго міра и когда онъ погибъ за дѣло вѣры, то тѣ же трубадуры на время перестроили свои лиры. Они чувствовали, что съ королемъ уходитъ въ могилу многое, что было близко ихъ сердцу. Можно сказать, что съ Людовикомъ IX исчезъ духъ среднихъ вѣковъ.

Его преемникъ Филиппъ III, прозванный современниками Смѣлымъ, является сторонникомъ новой системы; онъ не могъ питать снисхожденія къ покореннымъ. Онъ ждалъ увеличенія своихъ владѣній, которыя долженъ былъ у наслѣ-

(76) «Die sonnige Provence, deren Bewohner bis dahin nur dem Tage gelebt, und am Morgen keine grössere Sorge gekannt hatten, als mit welchem Vergnügen sie den Tag ausfüllen würden, verlor den Reiz der dämmernden Ruhe, des Wohlgefühls, als Bigotterie und Blutdurst heimisch wurden. Der Krieg gegen die Albigenser gab der provenzalischen Poesie den Todesstoss, so dass sie nicht wieder aufblüthe». **Brinckmeier**, 63.

довать съ кончиной Альфонса и Іоанны. Желаніе короля быстро исполнилось. Смерть обоихъ супруговъ не заставила долго ждать себя. Альфонсъ и Іоанна сопутствовали Людовику IX; они приняли последній его вздохъ. Чума, господствовавшая во французскомъ лагерѣ, не пощадила ихъ; но они перенесли ее. Здоровье супруговъ не могло быть крѣпкимъ послѣ тяжелыхъ душевныхъ потрясеній, которыхъ они были свидѣтелями, и послѣ страшной болѣзни, ихъ постигшей. Потому они разсчитывали подкрѣпить его итальянскимъ климатомъ. Зиму они провели въ Сициліи и весною изъ Неаполя моремъ отправились въ Геную. Одна итальянская лѣтопись говоритъ, что уже въ Сициліи графъ и графиня чувствовали себя дурно и спѣшили на родину, боясь умереть на чужой землѣ. Провансальскіе источники умалчиваютъ о подробностяхъ [77]. Супруги не доѣхали до Генуи, они остановились въ Савоннѣ. Здѣсь, 21 августа 1271 г., Альфонсъ скончался. Въ виду того, что графъ остановился въ Савоннѣ, слѣдуетъ принять, что онъ дѣйствительно тяжело захворалъ дорогой. На третій день послѣ его смерти, съ Іоанной начались мучительные припадки и прежде чѣмъ успѣли оказать помощь, послѣдняя представительница династіи Раймондовъ скончалась внезапно.

Филиппъ III былъ въ это время въ Парижѣ. Прошло уже 3 мѣсяца, какъ вернулся изъ Африки. Смерть дяди и тетки крайне обрадовала его, но внезапность кончины Іоанны навлекла на короля подозрѣніе въ отравѣ графини. Объ этомъ долго говорили на Югѣ, не смотря на запрещеніе. Слухи сильно были распространены въ Италіи и даже были занесены въ оффиціальную генуэзскую лѣтопись [78].

---

(77) Guil. de Pod. c. 51. Praecl. Franc. fac. a. 1271. Почти одними и тѣми же словами: «cum brevi dierum spatio sine liberis moriuntur, et si qua spes esse poterat de herede futuro in comitatu Tolosano, nunc penitus est sublata».

(78) Caffari. Ann. genuenses l. IX: «Aufusus comes Pictaviae et Tolosae, cum esset Neapoli repatriare intendens ascendit una cum uxore sua, quae fuerat filia comitis Tholosae et haeres galeas ac per mare nostrum transiens, nolens Ianuensem civitatem intrare, in sancti Petri de Arena plazia declinavit, ibique infirmitate oppressus diem clausit extremum, cujus milites, carne cum inte-

Нѣтъ сомнѣнія, что смерть Альфонса была кстати для молодаго и пылкаго короля, питавшаго весьма честолюбивыя стремленія, но она не вполнѣ соотвѣтствовала его желаніямъ. Она не успокоивала его. Можно догадаться, что Филиппъ опасался Іоанны, а къ подозрѣнію ея у него были особенные поводы. Тогда какъ Альфонсъ передъ отъѣздомъ въ Африку составилъ совершенно частное завѣщаніе, не имѣвшее никакого оффиціальнаго характера, ибо въ немъ ни слова не говорилось о судьбѣ государства, его жена поступила иначе. Въ послѣдніе годы въ ней пробудилось сознаніе, что она законная государыня въ Тулузѣ и что она если не имѣетъ права въ силу трактатовъ распоряжаться своимъ наслѣдіемъ вполнѣ, то можетъ по крайней мѣрѣ наградить своихъ обиженныхъ родныхъ хотя чѣмъ нибудь. Она завѣщала формальнымъ порядкомъ Альбижуа, Аженуа, Руэргъ и Керси своей кузинѣ Филиппѣ, племянницѣ виконта Ломань; Венессэнъ она отдавала Карлу королю сицилійскому. Документъ этотъ цѣлъ и хранится въ Архивахъ, онъ составленъ на самыхъ законныхъ основаніяхъ, съ соблюденіемъ всѣхъ правилъ, подписанъ 7 свидѣтелями и скрѣпленъ ихъ печатями [79]. О завѣщаніи давно знало французское правительство и было имъ крайне недовольно. Въ завѣщанныхъ виконтессѣ областяхъ было 48 байльажъ; въ Венессэнѣ 12. Іоанны стали опасаться. Она обладала крѣпкимъ здоровьемъ и никто не поручился бы, чтобы она вторично не пошла за мужъ. Какъ правительница, она не давала доказательствъ своей преданности французскимъ интересамъ. Отъ нея могли ожидать чего либо смѣлаго и энергичнаго. Фанатическая католичка, она всетаки оставалась кровною провансалкою.

Вотъ почему предположеніе о насильственной смерти Іоанны согласуется съ обстоятельствами.

Недоставало только этого преступленія для окончанія грустной повѣсти о завоеваніи Лангедока.

---

rioribus in cathedrali sepultis ecclesia, in Franciam deportaverunt ossa. Uxor autem ipsius sequenti (?) die morte subitanea decessit ita quod plerique dicerent ipsam veneno periisse (Muratori. Scrp. VI, 553).

(79) Trésor des Chartes, J. 406, № 4.

Вѣроятное отравленіе несчастной дочери Раймонда VII завершаетъ ужасы альбигойскихъ войнъ.

«И такъ, говоритъ одинъ новый историкъ Юга, незаконная конфискація доменовъ Іоанна Безземельнаго, несправедливый походъ противъ графа ла-Марша, крестовая альбигойская рѣзня, парижскій договоръ и наконецъ отравленіе послѣдней отрасли тулузскихъ графовъ, — вотъ средства, которыми пріобрѣла Франція свои южныя земли ([80])».

Завѣщаніе тотчасъ-же было признано дѣйствительнымъ. Аженъ въ силу аббевильскаго договора отдали англійскому королю. Венессэнъ былъ оставленъ за св. Престоломъ. Принцессѣ Филиппѣ и королю Карлу I парламентъ парижскій на отрѣзъ отказалъ въ ихъ претензіяхъ. Въ послѣдствіи (въ 1283 г.) было постановлено государственнымъ закономъ, что всѣ удѣлы во Франціи, по прекращеніи мужскаго колѣна, какъ выморочныя, отходятъ къ коронѣ.

Тулузскія владѣнія были торжественно приняты въ вѣчное подданство короля французскаго, но они продолжали составлять особое графство до 1361 г. Пять дней, въ январѣ 1272 г., тянулась присяга. Въ Тулузу съѣхались тысячами вассалы, бароны, рыцари, воины со всѣхъ областей графства, консулы со всѣхъ городовъ. Всѣ по очереди клялись надъ святымъ Евангеліемъ, передъ лицомъ двухъ королевскихъ пословъ, быть въ подчиненіи у господина-короля и его преемниковъ, хранить и защищать его власть и его права, его людей и достояніе, и всегда быть вѣрными ему противъ всѣхъ и каждаго (et gentes, et bona, et jura ipsius pro legali possi suo, custodient, defendent, et salvabunt, et semper ei fideles erunt contra omnes qui possunt vivere vel mori). Городскіе и замковые нотаріусы сверхъ того обязывались содѣйствовать къ уничтоженію ереси и заключенію еретиковъ, а также представить администраціи всѣ акты и документы времени Раймонда VII, въ которыхъ заключаются какія либо отчужденія тулузскихъ земель и другіе «обманы» противъ короля ([81]).

([80]) Mary—Lafon, III, 61.

([81]) Актъ принятія владѣній съ поимяннымъ перечнемъ присягавшихъ вассаловъ и городовъ: «Registrum de saisimento civitatis Tholosae et Comitatus» etc., пом. въ прил. къ первому тому Lafaille (Annales de Toulouse). De juramento notariorum, p. 50.

Какой характеръ приметъ королевская власть въ отношеніи къ своему новому пріобрѣтенію, Филиппъ III показалъ въ томъ же году. Рожеръ Бернаръ, графъ де-Фуа, позволилъ себѣ сдѣлать нападеніе на замокъ Гопюи, предоставленный коронѣ ея владѣтелемъ Казобономъ, и разрушилъ его. Но времена феодальнаго самоуправства прошли. Королевскій сенешалъ съ быстротою кинулся на него, овладѣлъ его землями, такъ что къ пріѣзду Филиппа III все было кончено. Напрасно графъ де-Фуа думалъ выставить свой поступокъ патріотическимъ дѣломъ въ глазахъ населенія, напрасно онъ пытался взволновать народъ, напомнить ему прежнюю независимость. Напрасно онъ взывалъ къ тѣни Раймонда и обѣщалъ возстановить старыя права бароновъ и городовъ. Провансальцы, наученные несчастіемъ, оставались глухи къ воззваніямъ, а граждане Севердюна даже не пустили его къ себѣ, какъ опальнаго. Онъ долженъ былъ сдаться на милость короля, который конфисковалъ его владѣнія, а его самого посадилъ въ тюрьму, откуда освободилъ только по ходатайству короля аррагонскаго ([82]). Также поступилъ англійскій король Эдуардъ I съ виконтомъ беарнскимъ, который долженъ былъ молить его о прощеніи на колѣнахъ съ веревкой на шеѣ. Такимъ образомъ бароны и горожане на всемъ Югѣ должны были покориться силѣ. Сокрушивъ послѣдній оплотъ феодализма въ лицѣ графа де-Фуа, послѣдняго борца за независимость, король царствовалъ какъ неограниченный монархъ. Онъ оставался ревностнымъ слугой инквизиціи, такъ какъ въ ней видѣлъ луч-

([82]) Guil. de Pod. c. 52. Этимъ фактомъ кончается его лѣтопись; авторъ доволенъ французскимъ владычествомъ и королемъ, что показываетъ, какъ французы успѣли повліять на національное чувство провансальцевъ. Даже у поэтовъ графъ де Фуа не нашелъ сочувствія. Въ отвѣтъ на его попытку раздались стихи: Nostre reis que de pretz n'a par,—Vol desplegar son gonfaino;—Ara veirem per terr'e per mar—La flor passar — Don mi

шее средство, послѣ собственнаго оружія, для закрѣпленія за собою Лангедока. Послѣдняя попытка къ возстанію, сдѣланная графомъ де-Фуа, и конфискація его владѣній, вызвали за собою немедленное усиленіе дѣятельности трибунала въ ново-пріобрѣтенной территоріи. До насъ сохранилось въ копіяхъ огромное количество слѣдственныхъ дѣлъ, произведенныхъ въ этой области въ періодъ 1273—89 г. Они занимаютъ два толстыхъ фоліанта сборника. Предсѣдателемъ трибунала былъ Райнульфъ де-Галіако, главный инквизиторъ. Засѣданіе производилось въ каѳедралѣ города Фуа. Еретики и многіе изъ опасавшихся привлеченія къ отвѣту по религіознымъ и политическимъ дѣламъ, бѣжали въ Ломбардію ([83]). И понятно; они не находили болѣе покровительства у напуганныхъ и прижатыхъ феодаловъ, за которыми зорко смотрѣли сенешалы. Альбигойскіе «совершенные» имѣютъ друзей только въ среднемъ и низшемъ сословіи, но что могли для нихъ сдѣлать бѣдные ткачи, плотники, брадобрѣи, жонглеры, рыбаки, небогатые купцы, едва находившіе скудныя средства къ существованію. Только по ночамъ выползали альбигойцы изъ своихъ берлогъ въ города: духовные совершать свои необходимыя требы, прочіе на consolamentum. Многіе, скрывшіеся отъ преслѣдованій судовъ, могли путешествовать только ночью: они пускались до разсвѣта въ путь по окольнымъ дорогамъ, въ ожиданіи встрѣтить новый пріютъ на слѣдующій день въ какой нибудь покинутой хижинѣ. Гдѣ сочувствовали имъ, тамъ провожали и приносили въ лѣсъ хлѣба, плодовъ и соленой рыбы; человѣкъ въ черномъ, жившій въ лѣсу, былъ непремѣнно еретикъ. Они стремились къ итальянской границѣ, за которой хотя существовала инквизиція, но благодаря республиканскимъ учрежденіямъ, продолжавшимъ тамъ существовать, хотя не съ прежней силою, она не могла получить дѣйствительнаго значенія. Война Церкви съ «безбожнымъ» Эццелиномъ д'Эсте благопріятствовала эмиграціи въ Ломбардію и Романью; еретики могли въ немъ найти вождя и друга. Но любовь къ

---

sab bo—«Король нашъ, который по храбрости не имѣетъ равнаго себѣ, скоро распуститъ свою хоругвь. Теперь, на землѣ и на морѣ, мы увидимъ развѣвающіяся лиліи, а это такъ пріятно мнѣ».

([83]) Doat; XXV, 4.

родинѣ чаще всего оказывалась сильнѣе любви къ вѣрѣ. Изъ документовъ видно, что въ Лангедокѣ, особенно въ графствѣ де-Фуа, жили тайные еретики, которые не отказывали въ помощи своимъ несчастнымъ собратьямъ, дѣлали для нихъ складчины и посылали эмигрантамъ болѣе или менѣе значительныя суммы ([84]). Считаясь за католиковъ, они иногда ходили къ своимъ духовнымъ, куда нибудь въ Александрію, Павію, Кремону или Миланъ принять отъ нихъ благословеніе или присутствовать на ихъ службахъ. Такъ дѣлали Морелли изъ Авріака, Гальарди, Саикки изъ Карамана, который при этомъ донесъ на своего отца ([85]). Въ этомъ же обвиняли монаха Жерара Бонпіана, изъ тулузскаго братства Св. Креста. Встрѣтившись съ однимъ священникомъ въ Ломбардіи, онъ говорилъ между прочимъ, что исповѣдь излишня, что въ папской церкви одна гордыня, что спастись можно только между еретиками, у которыхъ епископы и діаконы издавна посвящаются преемственно. Говорившій изъявлялъ желаніе пострадать и даже умереть за свои убѣжденія ([86]).

Между прочимъ инквизиція задержала въ де-Фуа одного престарѣлаго еретика Б. де-Ривали. Онъ былъ въ сношеніи съ Р. Давидомъ, Б. Растелли и Понсомъ де-Фуа, діаконами альбигойскими. Ему было 65 лѣтъ; его долго держали въ заточеніи, пока дошла до него очередь. Нотаріусъ пошелъ къ нему въ тюрьму, чтобы сдѣлать предварительный допросъ. Ривали зналъ, что отъ него будутъ выпытывать, гдѣ находятся еретическіе духовные. Чтобы не измѣнить себѣ, онъ рѣшился покончить съ жизнію. Когда онъ услышалъ шаги на лѣстницѣ, то ударился головой о каменную стѣну. Ударъ былъ силенъ, но не смертеленъ. Тотчасъ же отворились двери тюрьмы и вошло 4 человѣка. Ривали былъ живъ. Чрезъ нѣсколько дней его вылѣчили и привели къ судьямъ. Онъ открылъ только одно, что во время осады Монсегюра діаконъ Понсъ де-Фуа хотѣлъ передать долж-

---

([84]) Напр. ib. f. 68.

([85]) ib. f. 17. Подобное же f. 29.

([86]) Этимъ открываются дѣла въ де-Фуа; XXV, 2. — Подобныя же мысли другой разъ высказали монахи того же ордена, ib. f. 241.

ность другому лицу, что съ тою цѣлью Б. Аламанъ былъ посредникомъ и носилъ какую-то шифрованную табличку изъ воска, и что больше, изъ прежней своей жизни, онъ ничего не помнитъ ([87]). Вѣроятно, пытка, которой онъ такъ боялся, постигла его.

Между еретиками де-Фуа были и альбигойцы и вальдензы. Въ концѣ XIII вѣка въ протоколахъ довольно часто упоминается о вальдензахъ. На одного доносили, что въ бытность въ церкви онъ смѣялся надъ образами святыхъ, пострадавшихъ за Христа. Онъ говорилъ, что это въ порядкѣ вещей, если злые преслѣдуютъ добрыхъ. Прежде гнали и терзали св. мучениковъ, а теперь альбигойцевъ. Францисканцы и доминиканцы это тѣ самые, о которыхъ въ Писаніи сказано: «attendite a falsis prophetis» ([88]). Если этотъ еретикъ увѣрялъ, что тѣло людей есть дѣло злыхъ демоновъ, а души ихъ созданы на небѣ, то другой (Дюрандъ де-Россіакъ) совершенно отрицалъ существованіе души и признавалъ, что душу человѣка замѣняетъ кровь. Онъ прибавлялъ, что если бы истинное тѣло Христово было въ причастіи, то клирики давно-бы съѣли его, хотя-бы оно величиною было даже съ гору. Когда Дюрандъ разъ на Пасхѣ наблюдалъ, какъ стремятся въ церковь его знакомые, то сказалъ, что они ничего не найдутъ тамъ, что это все равно, если-бы имъ вздумалось отыскивать апостоловъ Петра и Іоанна и другихъ учениковъ Христа. Онъ при этомъ отвергалъ достоинство и пользу молитвъ ([89]). Рядомъ съ такими радикалами въ религіи, трибуналъ осуждалъ тѣхъ, кто увѣрялъ, что не слѣдуетъ ни клясться, ни лгать, или того, кто осмѣлился утверждать, что хлѣбъ и другія растенія родятся отъ труда земледѣльца и отъ качества почвы и что странно-бы полагаться исключительно на доброту и благословеніе Божіе ([90]). Такимъ образомъ, безобидныя воззрѣнія признавались за отступ-

([87]) Visurus eundem B. et auditurus si plura confiteri vellet, quod ipsemet se percusserat et vulneraverat in capite mori desiderans, et se volens interficere; XXV, 14.

([88]) XXV, 15—7 id. jul. 1273.

([89]) XXV, 20—«hoc turbatum dixit quod tantum valebat hominem, si deum rogaret, quantum si non rogaret».

([90]) XXV; 27, 24. Такъ проповѣдовалъ Р. Виталь.

ничество отъ Евангелія; то, что не согласовалось съ суевѣріемъ, было преступно. Сомнительно становится иногда, кто былъ историчнѣе, кто былъ впереди, невѣжественный альбигоецъ или ученый доминиканецъ? Хотя сторонники ереси въ послѣднее время были преимущественно люди средняго и низшаго класса, лишенные средствъ тогдашняго образованія, — впрочемъ нѣкоторые прекрасно изучили альбигойскую догматику ([91]); тѣмъ не менѣе и они не оставались въ сторонѣ отъ пропаганды противъ завоеванія. Жена одного тулузскаго плотника ссылалась на сосѣдку Фабрицію, которая учила, что когда Люциферъ сотворилъ человѣка, то лишилъ его дара слова, но Богъ, узнавши, что человѣкъ не можетъ говорить, дунулъ ему въ ротъ и онъ вдругъ заговорилъ. За это Фабрицію съ дочерью привлекли къ отвѣтственности. Онѣ въ свою очередь сослались на Мореля, агитатора изъ Ломбардіи, возбуждавшаго противъ французскаго владычества, которое-де также тяжело какъ поповское. Онъ утѣшалъ своихъ слушателей, что въ случаѣ, если они пострадаютъ за правду, то станутъ святыми мучениками ([92]). Отъ графа де-Фуа ждали во всей области поддержки альбигойства; узнали, что онъ пошелъ-бы по слѣдамъ своихъ предковъ и далъ-бы полную свободу совѣсти, если-бы дѣло его восторжествовало. Потому побѣда короля поразила въ корнѣ всякія надежды на возстановленіе альбигойства ([93]). Но это не успокоивало трибуналъ; ему вездѣ казались еретики. Боязливо озиравшіеся на улицахъ, одѣтые въ черномъ ([94]), наконецъ женщина, которая во время мученій родовъ, призывала св. Духа, а не Христа и не Дѣву Марію ([95]), —

([91]) Особенно полно исповѣданіе одного сучильщика, ib. f. 54—61. Онъ ясно сознавалъ все, чему учили его; въ его устахъ, былъ весь альбигойскій кодексъ.

([92]) XXV, 38—54.

([93]) Доказательства въ показаніяхъ Б. Гугона, въ апрѣлѣ 1274 г. f. 68.

([94]) XXV, 136.

([95]) ib. 62;—3 id. febr. 1273. Къ счастію для нея, это оказалось вымысломъ (срв. f. 164); доносчица, допрошенная 14 іюня, отперлась отъ своихъ показаній и признала все клеветою. Но тѣмъ не менѣе и такой пустой фактъ остановилъ на себѣ подозрительность трибунала.

все это было достаточно, чтобы заподозрить въ альбигойствѣ. Бѣда была сказать, что съ изгнаніемъ еретиковъ и появленіемъ доминиканцевъ, въ странѣ остановилось теченіе торговыхъ дѣлъ, какъ заявлялъ одинъ нотаріусъ ([96]),—это тоже было религіозное преступленіе.

Подъ вліяніемъ гоненій и строгаго полицейско-инквизиторскаго надзора, отсутствія постоянныхъ руководителей и учителей, религіозная мысль альбигойцевъ начинаетъ принимать фантастическіе образы. Изъ двухъ боговъ стало три; нѣкоторые не ограничивались этимъ, а признавали шестерыхъ боговъ, которые произвели седьмаго, и прибавляли, что всѣ боги произошли отъ пшеничнаго зерна, а не сами по себѣ ([97]). Когда мысль, развивая историческія традиціи, доходитъ до такихъ ребяческихъ вымысловъ, то это показываетъ, что она потеряла уже всякое значеніе и способность къ дальнѣйшему органическому развитію, что въ ней уже не было жизненныхъ элементовъ. Послѣдніе альбигойцы слушали лишь отголоски прежней рѣчи, схватывали на лету, что могли, потеряли тайну цѣлаго и уродливо комбинировали свои ничтожныя данныя. Катаризмъ теперь уже не могъ никого оживить; онъ отжилъ свое время и умиралъ, потому что ему не дана была истина. Его послѣдніе послѣдователи бредятъ, какъ умирающіе, въ тяжелой агоніи.

Вальдензы стояли на болѣе прочной почвѣ; какъ раціоналисты, они имѣли предъ собой громадное будущее. Ихъ могли уничтожить, сжечь, но ихъ идеи должны были снова возродиться. Ихъ имена въ 70 годахъ встрѣчаются чаще и чаще въ процессахъ, хотя они эмигрировали вмѣстѣ съ альбигойцами, избирая для этого Піемонтъ и недоступныя альбигойскія лощины. Ихъ доктрина высказывается не въ прежней чистотѣ; она смѣшана съ миѳологическими представленіями катаровъ; часто можно предполагать, что ихъ именемъ называли смягченный катаризмъ. Они бредили переселеніемъ душъ на небо, куда закрытъ доступъ только Богородицѣ и Предтечѣ; они думали, что въ этомъ мірѣ существуетъ какой-то пріютъ для душъ и это видно изъ жиз-

---

([96]) ib. 216.

([97]) Такое показаніе относится къ 1275 г. XXV, 225.

неописанія св. Брандина, которое было распространено въ Лангедокѣ ([98]). За то убѣжденія нѣкоторыхъ подсудимыхъ отличаются близостью къ лютеранству, кальвинизму: только добрыя дѣла, а не молитва могутъ быть полезны для судьбы умершаго ([99]). Тѣхъ и другихъ соединяло одно, что тѣло Христово не присутствуетъ въ гостіи. Учители однихъ были святы въ глазахъ другихъ. Страшныя опасности, которымъ они подвергались, стараясь изъ Италіи пробраться въ Лангедокъ, дѣлали ихъ мучениками предъ лицомъ всѣхъ еретиковъ. Послѣ 70 годовъ немногіе «совершенные», и между ними епископы еретиковъ въ Тулузѣ и Альби, бѣжали за границу. Въ 1277 году мы находимъ братьевъ Олива въ Ломбардіи, гдѣ они учатъ навѣстившихъ ихъ провансальцевъ своему «Отче Нашъ» ([100]). Тамъ же были другіе епископы изъ Лангедока. Павія и Серміоне стали ихъ главнымъ убѣжищемъ. Паства провансальскихъ еретиковъ осталась безъ пастырей.

Между тѣмъ, въ то время когда инквизиція допрашивала еретиковъ, въ средѣ католическаго духовенства она могла наблюдать такія стремленія, преслѣдовать которыя было одной изъ ея обязанностей. Аббаты и епископы совѣтовались съ волхвами, вопреки строгому запрещенію трибуналовъ. Отъ нихъ узнавали время избранія, полученія бенефицій, освѣдомлялись о дѣлахъ въ Римѣ, и даже высокопоставленныя духовныя лица справлялись о вопросахъ первой важности касавшихся папства. Тѣмъ простительнѣе было подозрѣваемымъ въ ереси держать у себя гадальныя книги: «Si vols saber quer ez cofres» и т. п. ([101]) и тѣмъ без-

---

([98]) ib. 196.

([99]) Въ 1276 г. по доносу одного священника на Понсъ де-Гарда, f. 226. Это первый положительный фактъ, имѣющій прямую связь съ исторіею новой Реформаціи.

([100]) ib. 244.

([101]) Item servavit auguria pro domino G. Fulcodii quondam primo super facto cardinalatus, secundo pro negotio papatus; ipse vero dominus Guido nunquam fuit loqutus ipsi testi de praedictis, sed Raymundus (аббатъ de Soreze) factus postea abbas Crassensis loquebatur ipsi testi de promissis (XXV, 278).—Въ допросѣ о

нравственнѣе было со стороны инквизиціи преслѣдовать съ безпощадной строгостью подсудимыхъ,—когда въ ихъ ряды съ одинаковымъ основаніемъ могли встать они сами. Имѣются свѣденія, что трибуналы это время отличались большею суровостію, что они чаще прежняго прибѣгали къ пыткѣ. Король Филиппъ IV ознаменовалъ начало своего царствованія изданіемъ ордонанса о пыткѣ по церковнымъ дѣламъ (въ 1287 г.). Болѣе самого Альфонса онъ думалъ о выгодахъ своего фиска. Съ этой цѣлью онъ торговалъ жидами и не останавливался ни передъ какими безнравственными средствами. При немъ инквизиція свирѣпствовала по всей Франціи. Бернаръ Кастанетъ, епископъ и инквизиторъ вмѣстѣ, отличался жестокостію въ Альби; доминиканецъ Симонъ де-Валле въ Каркассонѣ. Послѣдній дошелъ до того, что вооружилъ противъ своихъ мѣръ мѣстнаго архидіакона вмѣстѣ съ консулами, когда задумалъ сжечь книги трибунала и давалъ за это 200 ливровъ охотникамъ, такъ что дѣло доходило до папы ([102]). На архидіакона Марлана донесли, что онъ участвуетъ въ молитвахъ еретиковъ; Гонорій IV не повѣрилъ этому; онъ требовалъ, чтобы оклеветанный прислалъ въ Римъ свое исповѣданіе вѣры. Конечно, все оказалось клеветой. Въ 1270 году Симона смѣнилъ Іоаннъ Галанди, а его Николай д'Аббевиль, который пріобрѣлъ вскорѣ громкую, но печальную извѣстность. Всякій протестъ противъ жестокостей считался доказательствомъ ереси и наказывался. Въ Каркассонѣ никто больше не былъ безопасенъ, даже самый преданный католикъ. Разъ были схвачены два любимые профессора римскаго права по обвиненіямъ въ ереси. Это вызвало волненіе, но оно было подавлено содѣйствіемъ военныхъ властей. Жители рѣшились написать просьбу королю. Нотаріусъ, который сочинялъ просьбу, былъ схваченъ по приказанію Аббевиля и брошенъ въ тюрьму инквизиціи; тѣмъ и покончилась попытка. Король рядомъ ордонансовъ предписываетъ повиновеніе инквизиціи, потому что это было ему выгодно ([103]). Управы не было никакой; инквизиторы дѣлали эти годы, что хотѣли; Гонорій IV вмѣсто разслѣдованія предписываетъ наказанія мятежниковъ ([104]). Изъ документовъ можно убѣдиться, что Николаю IV принадлежитъ честная попытка устранить самоуправство судей, смягчить строгіе статуты трибунала, обезпечить правосудіе. Пользуясь однимъ сложнымъ дѣломъ, которое было представлено на его разсмотрѣніе, онъ показываетъ примѣръ основательнаго производства и въ особой инструкціи велитъ впредь руководствоваться тѣмъ юридическимъ принципомъ, которымъ онъ самъ пользовался. Онъ опредѣлилъ срокъ дѣйствительности обвиненія, хотя и продолжительный отъ 47 — 62 лѣтъ послѣ совершенія преступленія, но все же ввелъ какой нибудь законъ вмѣсто беззаконія. Для достаточности обвиненія необходимо свидѣтельство извѣстнаго числа лицъ; такъ напр. изъ 14 свидѣтелей, необходимо обвиненіе 9 лицъ, и притомъ чтобы уличавшіе сколько нибудь согласовались въ подробностяхъ; противорѣчіе въ обозначеніи времени, даже на годъ, не имѣло значенія ([105]). Папа опредѣлилъ всѣ подробности и случаи, когда можно принимать показаніе свидѣтелей; на собственной слѣдственной работѣ, которая занимаетъ 30 листовъ, онъ указалъ всѣ юридическія соображенія, «дабы при опредѣленной вѣрности показаній свидѣтелей, добиться суда безпристрастнаго». Отрадно среди дикаго голоса разнузданныхъ, кровожадныхъ страстей, слышать голосъ умѣренности и законности, идущій изъ Рима.

Въ своемъ образцовомъ обвинительномъ актѣ противъ 18 подсудимыхъ, папа разбираетъ дѣло до тончайшихъ мелочей, взвѣшиваетъ показанія множества свидѣтелей, pro и contra относительно каждаго. Въ виду общаго раздраженія противъ свирѣпости инквизиторовъ, онъ не рѣшался внушать прямо сильнымъ людямъ умѣренность въ поступкахъ; онъ старается оправдать мятежниковъ предъ трибуналомъ и приказываетъ считать такими только тѣхъ, кто дѣйствуетъ съ цѣлью корыстолюбивою или питаетъ ненависть къ католичеству.

книгѣ: «quod praedictus liber est coopertus coopertura de vitulo rubeopilosa, et in fine libri loquitur de observatione ventorum.»

([102]) D. XXXII, 136—139, въ 1285 г.—О томъ же XXVI; 246, 266, 289.

([103]) XXXII; 141, 254. Нотаріусъ былъ прощенъ только въ 1291 г. XXVI, 140.

([104]) Напр. ib. 134.

([105]) XXXII, 183—185. Все дѣло f. 164—240.

Николай IV правилъ недолго (1288—92 г.). Законность и умѣренность, которую онъ завѣщалъ инквизиціи, плохо прививалась въ средѣ развращенной и корыстолюбивой, воспитанной на насиліи. И въ Италіи и во Франціи продолжается въ трибуналахъ прежнее самоуправство. Жители Пармы не въ силахъ были больше терпѣть. Когда тамошній трибуналъ осудилъ одну нѣмку на костеръ, то народъ кинулся на домъ инквизиціи, раззорилъ его и выгналъ доминиканцевъ. Но власти пошли слѣдомъ за ними и убѣдили ихъ вернуться, обѣщавъ уплатить пеню и наказать виновныхъ ([106]). Примѣру Пармы послѣдовали Безьеръ и Каркассона. Каркассонцы вышли изъ себя отъ жестокости и самовластія Аббевиля. Въ началѣ 1297 г. они возмутились, дружной толпой пошли на доминиканскій монастырь, раззорили его до тла, сожгли книги и разогнали испуганныхъ инквизиторовъ. Братъ Николай успѣлъ спастись отъ ярости народа и наложилъ на городъ проклятіе. Въ консулахъ проснулся старый духъ. Они запретили горожанамъ посѣщать доминиканскую церковь. Въ то же время они послали жалобу королю. Даже Филиппъ IV отказался болѣе помогать инквизиціи. Но надо знать, что въ то время онъ начиналъ борьбу съ Бонифаціемъ VIII и даже грозилъ казнію за всякія сношенія съ Римомъ. Подъ вліяніемъ такого враждебнаго настроенія, но вовсе не въ интересахъ человѣколюбія, которому онъ всегда оставался чуждъ, удовлетворяя лишь своей личной страсти, король издаетъ указъ сенешаламъ ([107]). Онъ запрещаетъ имъ заключать въ тюрьму не завѣдомыхъ еретиковъ; дѣло вести осмотрительно; въ случаѣ же настояній инквизиторовъ, предъявлять имъ королевскій приказъ. Но, по неволѣ, отлученная Каркассона должна была смириться предъ Аббевилемъ и, черезъ два года, страшный «братъ» простилъ ее. Обязавъ горожанъ выстроить въ знакъ раскаянія капеллу въ монастырѣ, а 12 городскихъ сановниковъ осудивъ на эпитимію ([108]), онъ снова сталъ поступать, какъ террористъ. Казни и конфискаціи пошли своимъ чередомъ.

([106]) Chron. Parmense, apud Muratori, scrp. IX.
([107]) Doat; XXXII, 266—270, IV letres du roy Philippe le Bel sur les injustices et violenses des inquisiteurs.
([108]) 5 марта и 8 окт. 1229 г. XXXII; 283, 299.

Въ Тулузѣ дѣйствовалъ столь же жестокій инквизиторъ Фульконъ де С. Жоржъ, а въ Альби, по прежнему, епископъ Б. Кастанетъ, въ качествѣ «намѣстника инквизитора». Въ сообществѣ двухъ доминиканцевъ, епископъ устроилъ чисто домашній судъ, сажалъ въ тюрьму самыхъ зажиточныхъ и уважаемыхъ людей. Его дворцу и жизни угрожала не разъ опасность. Такъ какъ частныя просьбы и возстанія не удавались, то три общины собрались подать коллективную просьбу и получили увѣреніе въ поддержкѣ отъ многихъ епископовъ, бароновъ и даже самой администраціи; они воспользовались прибытіемъ въ Лангедокъ королевскихъ коммисаровъ или «реформаторовъ», какъ они были названы оффиціально. Это было въ августѣ 1301 г. Прибывшіе сановники, въ честность которыхъ вѣрили на Югѣ, были амьенскій викарій Жанъ де-Пикиньи и архидіаконъ Ричардъ Леневё. Они должны были изслѣдовать дѣло епископа памьерскаго и при этомъ осмотрѣть провинціи, узнать желанія народа, обнадежить подданныхъ королевскою милостію. Едва только они прибыли въ Тулузу, какъ ихъ осадили жалобами на инквизицію изъ Каркассоны, Альби, Кастра, Кордеца и Лимукса. Всѣ они прямо называли инквизиторовъ тиранами. Видно было, что чаша страданій переполнилась. Вмѣстѣ съ депутатами отъ общинъ къ викарію прибыли въ большомъ числѣ матери и жены арестантовъ инквизиціи. Лишенные куска хлѣба преслѣдованіями, доведенные до нищеты алчными монахами, они изобразили предъ викаріемъ мученія голода и пытки, которымъ подвергаются ихъ ближніе въ недоступныхъ тюрмахъ инквизиціи. Устроено было такъ, чтобы общими силами произвести сильное впечатлѣніе на комиссаровъ и побудить ихъ употребить власть именемъ короля противъ тѣхъ, которые были страшнѣе самого правительства. Душою этого заговора, прекрасно подготовленнаго, является молодой францисканскій монахъ — Бернаръ Сладостный (Delitiosus, Délicieux). Надъ личностью этого замѣчательнаго человѣка, связаннаго со всѣми интересными для насъ событіями въ Лангедокѣ, мы должны остановиться.

Бернаръ былъ родомъ изъ Монпелье. По влеченію своей натуры, онъ въ 1284 г. пошелъ въ францисканцы. Жизнь его протекла въ странствіяхъ; онъ имѣлъ страсть къ проповѣди и, путешествуя по Франціи и Италіи, составилъ себѣ громкое имя сладостью и увлекательностію рѣчи. Онъ далеко

не былъ фанатикомъ; его образованіе не допускало того. Теплая дружба, которую онъ свелъ въ Миланѣ съ Раймондомъ де Лулли и съ врачемъ Вилланова, изъ которыхъ одинъ считался еретикомъ, а другой кудесникомъ, всегда компрометировала его. Въ немъ было много самыхъ свѣтлыхъ сторонъ провансальскаго духа. Онъ отличался сильною энергіей характера, вѣрностью своимъ убѣжденіямъ, за которыя не разъ жертвовалъ жизнію. Порабощеніе родины вызывало слезы на его глазахъ, а свирѣпость инквизиторовъ приводила его въ негодованіе, которымъ онъ дѣлился со всѣми. Потому Николай Аббевиль имѣлъ съ нимъ частыя столкновенія и понялъ, что въ немъ встрѣтилъ врага болѣе опаснаго и непримиримаго, чѣмъ всѣ жертвы, сидѣвшія въ доминиканскихъ темницахъ. Когда инквизиторъ потребовалъ у Бернара выдачи трупа гражданина Кастельфабра, похороненнаго въ монастырѣ и подозрѣваемаго въ ереси, то получилъ рѣшительный отказъ, такъ какъ память Кастельфабра не заслуживаетъ осужденія и что не законно нарушать сонъ покойника. Въ отвѣтъ на настоянія трибунала, Бернаръ написалъ протестъ въ защиту Кастельфабра, называлъ процессъ незаконнымъ, лживымъ и противнымъ папскимъ узаконеніямъ; не ограничившись тѣмъ, онъ прочиталъ его среди бѣлаго дня въ Каркассонѣ и прибилъ къ дверямъ трибунала ([109]). Авторитетъ инквизиціи этимъ былъ подорванъ рѣ-

([109]) Онъ сохранился въ документахъ инквизиціи. Францисканцы писали про Кастельфабри: dum vixit inter gentes laudabiliter conversatus et contra eum nunquam alia sinistra suspitio contra fidem catholicam, quamdiu vixit nec etiam post mortem suam orta fuit et de praedictis est vox et fama publica in dicta Provincia Narbonae praeposuerimus etiam quod dictus Castellusfabri quamdiu vixit verus et catolicus christianus exercuit opera caritatis elemosinias multiplices Christi pauperibus erogando pupillos viduos orphanos et alias personas mirerabiles sustentando praedicatoribus minoribus et aliis religiosis paupertatis procurationes et sustentationes plurimos Christi devotione tribuendo et de praedictis est vox et fama publica» (D. XXX!V, 124) etc. Процессъ велся по ложнымъ актамъ: «Attestationes dictorum testium sumpte sunt de libris suspectis cum contra eos laboret fama publica nec non est et probari possit per personas fidedignas

шительно даже въ глазахъ самыхъ преданныхъ католиковъ. Францисканцы въ борбѣ съ своими противниками взываютъ къ общественному мнѣнію. Съ тѣхъ поръ вся страна смотрѣла на Бернара, какъ на будущаго спасителя своего отъ инквизиціи.

Лишь только королевскіе комиссары прибыли въ Тулузу, Бернаръ поспѣшилъ къ нимъ и старался не оставлять ихъ. Онъ сблизился съ ними; въ немъ они видѣли умъ, основательное знаніе страны, наконецъ, санъ и рясу, которая ручалась за его правовѣріе. Онъ явился ходатаемъ за всѣ жертвы инквизиціи и представилъ викарію цѣлый списокъ преступленій и насилій, совершенныхъ однимъ Фульксномъ. —«Такая инквизиція, говорилъ онъ, способна не уничтожить, а распространить ересь; даже духовенство ропщетъ на жестокости, но всѣ наши увѣщанія безсильны. Теперь даже вовсе нѣтъ надобности въ инквизиціи, но пока безъ короля нельзя ничего сдѣлать, а успѣха въ сверженіи ея ждать трудно, потому что у него доминиканецъ духовнымъ отцемъ.» Викарій склонился къ жалобамъ и воплямъ, которые доходили до него отовсюду и велѣлъ каркассонцамъ подать обстоятельную жалобу на Аббевиля; онъ обѣ отдалъ разобрать Бернару.

Между тѣмъ наступалъ срокъ отъѣзда комиссаровъ изъ Лангедока. Они обѣщали передать обо всемъ королю. Значительнѣйшіе граждане отъ общинъ, по наущенію Бернара, просили и получили позволеніе ѣхать въ качествѣ жалобниковъ къ королю. Бернаръ вызвался быть во главѣ ихъ. Каркассона отправила Илью Патриса (Elie Patrice), кото-

quod dicti libri et merito haberetur et habiti sunt suspecti cum etiam relatu fidedignorum didicerimus quod non est voluntas domini nostri summi pontifici (f. 129)». Такой процессъ называли они: «contra formam juris et ordinationem factam olim per inquisitores haeriticae pravitatis praedecessores nostros et Praelatos Provinciae Narbonae ac etiam contra ordinationem et formam eorum quae statuta sunt per d. Bonifacium VIII et non vocatis illis quorum interest defendere nomen et famam dicti Castellifabri (f. 126).» Въ заключеніи: «in judicio animarum nostrarum protestati fuerimus nos praefati guardianus et lector» (f. 129).

рый дѣйствительно былъ «маленькимъ царькомъ» города, чего совершенно заслуживалъ своими умственными и нравственными качествами. Онъ былъ необычайно смѣлъ, дѣятеленъ и энергиченъ ([110]). Отъ Альби поѣхало трое: консулъ В. Франса, магистръ А. Гарсіа и П. Кастанетъ, родственникъ и заклятый врагъ епископа; отъ Кастра—П. Проби, родня котораго сидѣла въ тюрмѣ. Альбійскіе консулы также снарядили въ Парижъ одну женщину, пострадавшую отъ Фулькона; ей дали 10 ливровъ на дорогу и коня.

Но инквизиторы, зная, что дѣлается у ихъ враговъ, также приняли мѣры и отправили къ королю свою депутацію съ епископомъ тулузскимъ Фулькономъ во главѣ. Они надѣялись, что противники уйдутъ съ позоромъ и много разсчитывали на королевскаго капеллана и своихъ придворныхъ друзей. Но они слишкомъ мало цѣнили Бернара, на которомъ лежало все дѣло. Въ Парижѣ онъ завелъ обширныя сношенія; двери его кельи не закрывались. Подготовленный викаріемъ, король скоро далъ аудіенцію провансальцамъ. Бернаръ говорилъ за всѣхъ. Въ яркихъ краскахъ онъ представилъ предъ Филиппомъ IV всю жестокость трибуналовъ, алчность судей къ чужому имуществу, ихъ грабительство среди бѣлаго дня по судебнымъ формамъ, осужденіе при помощи подставныхъ свидѣтелей и пытки. Далѣе Бернаръ доказывалъ полнѣйшую безполезность инквизиторовъ въ настоящее время. Если они уничтожили ересь, значитъ они ненужны; если же нѣтъ, то значитъ неспособны продолжать дѣло. Это показываетъ, что слѣдуетъ измѣнить систему, отказаться отъ жестокостей съ заточеніями, отъ самовластія, которое вопіетъ къ Богу,—а доминиканцы никогда не въ состояніи отрѣшиться отъ своихъ привычекъ. Въ Римѣ также согласятся на измѣненіе старой системы, потому что папа заваленъ жалобами на беззаконія его судей. «А если-бы его святѣйшество отказался отъ этого, то король такъ силенъ, что можетъ привести въ исполненіе свою волю и закрыть на нѣкоторое время трибуналы, или по крайней мѣрѣ передать ихъ въ другія руки». Въ это время растворились двери пріемной залы и показались бѣлыя рясы доминиканцевъ;

([110]) Bern. Guido. Libellus de ordine praedicatorum (Bouquet, scrp. XXI, 743).

впереди выступалъ придворный капелланъ, за нимъ шли инквизиторы тулузскіе, каркассонскіе и памьерскіе. Они хотѣли оправдываться, но Филиппъ IV замахалъ рукой и подалъ имъ знакъ удалиться «Этотъ честный лекторъ говоритъ правду, сказалъ онъ, обращаясь къ окружающимъ. Якобинцы каждый день надоѣдаютъ мнѣ своими розсказнями и сновидѣніями; они думаютъ прикрыть баснями свои измѣны». Напрасно доминиканцы употребляли все свое искусство и вліяніе; инквизиторы не могли оправдаться. По совѣту Бернара, король велѣлъ смѣстить Аббевиля и Фулькона, а на епископа Кастанета наложилъ пеню въ 2000 ливровъ. Свою волю онъ изложилъ въ грамотѣ къ епископу тулузскому, бывшему тогда въ Парижѣ.

— «Его обязанностію, писалъ онъ про Фулькона, было искоренять заблужденія и пороки, а онъ только болѣе распространялъ ихъ; подъ покровомъ дозволенной кары, онъ осмѣливался дѣлать вещи совершенно недозволенныя; подъ видомъ благочестія, онъ дѣлалъ безчестные и безчеловѣчные поступки; подъ предлогомъ защищенія католической вѣры, онъ совершалъ ужасныя и гнусныя злодѣянія». Вмѣстѣ съ симъ король (7 декабря 1301 г.) формально запрещалъ инквизиторамъ лангедокскимъ сажать въ тюрьмы кого-бы то ни было безъ разрѣшенія сенешаловъ и безъ согласія мѣстнаго епископа. Въ случаѣ разногласія ихъ съ трибуналомъ, требовалось вмѣшательство особой комиссіи изъ пріора и лектора доминиканцевъ. Король запретилъ своимъ чиновникамъ повиноваться инквизиторамъ, если они требуютъ незаконнаго «Мы не хотимъ, писалъ Филиппъ IV, чтобы жизнь и смерть нашихъ подданныхъ зависѣла отъ произвола и фантазіи одного человѣка, можетъ быть невѣжественнаго и руководимаго одной слѣпой страстью» ([111]). Все это сдѣлалось по желанію Бернара.

Но инквизиторы дорого хотѣли продать свои права. Они рѣшились вступить въ борьбу съ королемъ, хотя обстоятельства были крайне неблагопріятны для нихъ. Въ улицѣ S. Jacques собрались парижскіе и пріѣзжіе доминиканцы. Чрезъ тулузскаго епископа они отвѣтили королю, что на-

([111]) Preuves de l'hist. de Lang. t. VI. p. 648, № CCXI.

ходятъ полезнымъ оставить Фулькона въ его должности и что на это совѣтуютъ королю согласиться. Взбѣшенный Филиппъ IV отвѣчалъ, что онъ ихъ совѣтовъ не спрашивается, а приказываетъ повиноваться.

— «Намъ кажется, писалъ онъ, что братія ищетъ случая оскорбить насъ и угнести народъ, а вовсе не пользы Церкви и не наказанія преступленій. Согласиться на продолженіе службы Фулькона, значитъ сдѣлать несправедливость за несправедливость и нисколько не подумать о тяжелыхъ опасностяхъ, объ общественномъ позорѣ, которое оно навлекаетъ въ будущемъ. Кто смѣетъ подумать, чтобы провинціалъ ордена съ его монахами въ наши дни имѣлъ дерзость, вопреки нашей волѣ, требованію цѣлаго народа, удержать человѣка столь гнуснаго, обремененнаго такимъ безчестіемъ, столькими преступленіями (112)». Но доминиканцы, вѣрные себѣ, не уступали. Пришлось прибѣгнуть къ силѣ. Король приказалъ сенешаламъ тулузскому каркассонскому и аженскому приставить свою стражу къ тюрьмамъ инквизиціи, не допускать засѣданій трибунала и прекратить субсидіи. Народъ вздохнулъ свободнѣе, хотя ненадолго, и, гдѣ могъ, спѣшилъ выразить свою ненависть притѣснителямъ. Въ Альби доминиканцамъ не стало прохода. Во время одной процессіи пришлось выслушать угрозы отъ народа; они не разъ опасались за жизнь. Консулы съ своей стороны также старались оскорбить ихъ. Они поставили на ближайшихъ городскихъ воротахъ статую св. Доминика. Власти сняли ее и замѣнили портретами Гарсіа и Проба, которые считались освободителями. Уступая королевскимъ настояніямъ, провинціалъ доминиканцевъ назначилъ, вмѣсто Фулькона, В. Морерія, пріора изъ Альби, а смѣщенному далъ повышеніе (113). Король былъ удовлетворенъ, но снова начались старыя сцены насилія; онѣ происходили вездѣ. Новые законы были недѣйствительны при старыхъ исполнителяхъ. Въ Альби разомъ казнили 25 католиковъ, какъ отступниковъ (114). Готфридъ

(112) Preuves; VI, 649.

(113) Интересно, что Percin (Monum. conv.) умалчиваетъ объ этихъ подробностяхъ и ограничивается однимъ перечнемъ, p. 67. — Fulco fuerat prior Ruthen. Carcass. et Albiensis (ib.).

(114) Percin, ib.

Аблузій (de Ablusiis, de Abluseriis) смѣнилъ Аббевиля въ Каркассонѣ, но принесъ ту же тиранію на всю свою обширную территорію. Къ Бернару и викарію, которые прибыли въ Каркассону, опять потянулись плачущіе жены и родственники заточенныхъ. Бернаръ могъ помочь имъ только одними утѣшеніями. Во множествѣ они тѣснились вокругъ него и просили защиты, такъ какъ больше не чаяли ея ни отъ кого. Напрасно онъ думалъ остановить палачей увѣщаніями. Онъ сталъ проповѣдывать въ монастырѣ миноритовъ и громилъ ихъ. Весь городъ спѣшилъ услышать его. Онъ сдѣлался своего рода трибуномъ Каркассоны и тогда то въ немъ родилась патріотическая мысль поднять народъ въ одно время и противъ инквизиціи и противъ французской власти, которая оказалась такою ничтожною сравнительно съ тираніею трибунала. — «Когда Іисусъ приближался къ Іерусалиму, то увидѣвъ его, заплакалъ», началъ онъ одну изъ своихъ проповѣдей. Помолчавъ немного и окинувъ долгимъ взоромъ слушающихъ, продолжалъ: «Такъ плачу я надъ вами, каркассонцы, я, посланный къ вамъ Іисусомъ уже нѣсколько лѣтъ, чтобы оберегать честь вашу и защищать отъ клеветъ измѣнниковъ, облеченныхъ въ рясы проповѣдниковъ». И онъ началъ говорить о преступленіяхъ и жестокостяхъ инквизиторовъ. «А что мы станемъ дѣлать въ отвѣтъ имъ? Братія, на это я вамъ разскажу притчу о баранахъ, когда эти животныя еще умѣли говорить. Ихъ было большое стадо; они паслись привольно въ пышныхъ и зеленыхъ лугахъ, около холодныхъ, прозрачныхъ ключей; каждое утро повадились ихъ навѣщать изъ сосѣдняго города два палача, которые таскали то по одному, то по два барана, выбирая по преимуществу тучныхъ. Видя, что число ихъ каждый день уменьшается, они стали совѣщаться между собою. — Эти палачи будутъ продавать наши шкуры и ѣсть наше мясо, а у насъ нѣтъ ни покровителя, ни защитника, который бы защитилъ насъ; но развѣ у насъ нѣтъ на лбу роговъ? Кинемся на нихъ дружно, пустимъ въ работу наши рога и прогонимъ кровопійцъ съ поля; только тѣмъ мы и спасемся. — Что вы думаете объ этомъ? Я растолкую вамъ. Бараны — это вы, жители Каркассоны; прекрасные луга это римско-католическая вѣра, которая дышетъ вѣчною святостью и которая орошается ручьями счастья духовнаго и мірскаго? Тучные бараны, это богатые граждане Каркассоны, ко-

торыхъ убиваютъ палачи, чтобы воспользоваться ихъ достояніемъ. Развѣ это не тучная жертва, человѣкъ столь значительный, какъ господинъ Кастель, котораго измѣнники доминиканцы обвинили въ ереси? А мессиръ В. Горрикъ онъ также не еретикъ-ли, потому только что отъ него хороша пожива? А Брунетъ, а Казильбакъ и множество другихъ замурованныхъ въ тюрьмахъ, ограбленныхъ и лишенныхъ всего, потому что не нашлось никого, кто бы защитилъ ихъ отъ палачей [115]»? При этихъ словахъ въ церкви пробѣжалъ изъ устъ въ уста сдержанный вопль ненависти къ инквизиторамъ, грозившій бурею. Окончаніе проповѣди Бернара и его воззваніе къ мужеству жителей довершило впечатлѣніе. Буря разразилась.

Взволнованные каркассонцы прямо изъ церкви бросились на дома тѣхъ консуловъ, которые были въ дружбѣ съ инквизиціей и разрушили ихъ. Но что дальше дѣлать, спросили они себя, и остановились. Бернаръ самъ не ожидалъ мятежа, не приготовился къ нему и во время сдержалъ его. Онъ чувствовалъ себя плохимъ трибуномъ для народныхъ движеній. Онъ удалился въ Альби въ ожиданіи прибытія викарія, всегда стоявшаго на его сторонѣ, но и тамъ не переставалъ возбуждать недовольство народа противъ инквизиціи.

Когда въ Каркассонѣ узнали, что викарій Пекиньи возвращается, постарались устроить ему овацію. Съ нимъ были Бернаръ и архидіаконъ. Въ воротахъ, кромѣ властей, встрѣтила его толпа женщинъ и дѣтей. Въ то время, какъ

---

(115) Для всѣхъ подробностей о Бернарѣ и о состояніи инквизиціи въ Лангедокѣ въ 1319 г. сохранился большой процессъ въ 307 листовъ in 4, въ Нац. Библ. f. l. № 4270: Processus insignis contra fratrem Bernardum Delitiosj ordinis minorum qui contra inq. officium, inq. ipsos et fr. praed. etc. Онъ переданъ изъ Каркассоны и представляетъ позднѣйшую копію, засвидѣтельствованную нотаріусомъ. Имъ пользовался Балузій для «Исторіи Авиньонскихъ папъ» и видимо весьма обстоятельно, такъ какъ мы имѣли въ рукахъ оригинальный конспектъ этой части его труда. Въ послѣднее время этотъ замѣчательный манускриптъ разработалъ В. Hauréau въ Revue des deux mondes, въ спеціальной статьѣ: Bernard Délicieux et l'inquisition albigeoise. Мы дополняемъ этотъ процессъ документами изъ Doat.

одни привѣтствовали викарія, другіе окружили его и остановили коня. «Милосердія, милосердія, во имя Господа, защити насъ отъ измѣнниковъ», кричали они. Чѣмъ далѣе ѣхалъ онъ по улицамъ, тѣмъ громче раздавались мольбы и стоны, заглушая крики радости. Вдругъ замѣтили въ его свитѣ адвоката, В. Гальярда, члена трибунала. Толпа черни кинулась на него, стащила съ коня и готовилась растерзать, если бы не заступничество викарія. Подъѣхали къ францисканскому монастырю; здѣсь ждали правителей депутаты изъ Альби и другихъ городовъ. Высказавъ викарію всю истину про инквизицію, они требовали вмѣшательства королевскаго правительства и освобожденія заточенныхъ. Викарій не могъ обѣщать перваго, такъ какъ того не допускали прямые законы, но относительно втораго промолчалъ, предоставляя вывести отсюда заключеніе. Въ другомъ собраніи городскихъ выборныхъ онъ слышалъ тоже: народъ самъ распорядится съ инквизиторами и не посмотритъ на запрещеніе. Власти не могли допустить въ городѣ безпорядка и медлили. Разъ, толпа женщинъ изъ Альби, предводимая Бернаромъ, остановила его на улицѣ; съ воплями разсказывали несчастныя, что ихъ мужья похоронены заживо въ каркассонскихъ темницахъ, что онѣ уже нѣсколько лѣтъ не знаютъ объ ихъ участи. Онѣ просили только взглянуть на нихъ. Викарій обѣщалъ разобрать дѣло, но Бернаръ уже принялъ свои мѣры. Всѣ враги инквизиціи сходились къ нему въ церковь съ самымъ разнообразнымъ оружіемъ: долотами, ломами; они готовились разрушить инквизиціонныя тюрьмы. Такихъ охотниковъ набралось человѣкъ 80. Между ними были самые зажиточные люди, родовые члены капитула. Бернаръ ихъ не удерживалъ, а поощрялъ. Вдругъ явился викарій. Не сознавая себя въ силахъ подавить волненіе и раздѣляя въ душѣ чувства мятежниковъ, онъ рѣшился стать во главѣ этихъ людей, чтобы по крайней мѣрѣ управлять ими и отстранить тѣмъ политическое движеніе. Онъ пошелъ впередъ ихъ, по направленію къ доминиканскому монастырю. Тамъ, если не могли защититься, то рѣшились протестовать. Доминиканецъ Блуманъ стоялъ у окна тюрьмы, какъ-бы желая загородить своимъ тѣломъ достояніе и честь ордена; викарій приказывалъ отворить ворота и грозилъ иначе разломать ихъ.— Остановитесь, кричалъ Блуманъ, не оскорбляйте святыни; здѣсь кончается власть короля. — Надъ нимъ

смѣялись. Сломали ворота и вошли во дворъ. Но въ двери самой темницы было трудно проникнуть. Горожане усердно работали ломами. Викарій, хотя и былъ духовнымъ лицомъ, поощрялъ ихъ. Тогда Блуманъ протянулъ ему изъ окна бумагу, въ которой содержался протестъ противъ дерзкаго насилія. Съ протестомъ въ рукахъ викарій, сопутствуемый Бернаромъ, Гарціею, Проби, главными агитаторами волненія, спустился въ темницы. Они спросили факеловъ, такъ какъ ничего не было видно кромѣ черныхъ нависшихъ стѣнъ подземелья; слѣдомъ ворвалась вся толпа. Каждый искалъ своихъ родныхъ и друзей. Двойныя двери летѣли съ петель. Освободители не упускали изъ виду ни одного логовища, въ которыхъ жертвы были погребены за живо Главные казаматы, въ которыхъ сидѣли осужденные, были расположены подъ землею;—свѣтъ не проникалъ въ нихъ, они были заражены скопленіемъ нечистотъ и изверженій; вторая дверь, которая вела въ эту темную берлогу, никогда не отворялась; пища подавалась чрезъ отверстіе, продѣланное въ этой двери изъ первой, выходившей въ коридоры. Толщина стѣны была въ 5 футовъ. По обѣимъ сторонамъ коридора тянулись эти страшныя темницы. Такое заточеніе (emmuratio) стоило всякой казни, даже было ужаснѣе ея; оттого на него милостиво обрекали самыхъ заклятыхъ альбигойцевъ, оставляя имъ жизнь, отъ которой они бы восторженно отказались. Когда замурованныхъ вытащили на свѣтъ, то они окончательно обезсилѣли; это были живые трупы, грязные и ужасные въ своихъ лохмотьяхъ. Ихъ хотѣли нести по домамъ, но викарій приказалъ отправить въ государственную тюрьму, которая послѣ инквизиторскихъ гробницъ показалась раемъ.

Трибуналъ собрался на другой день послѣ такого небывалаго разгрома. Неужели уступятъ буйной толпѣ и ихъ вождю — отступнику, люди, которые сжились съ своей властью и считали святотатствомъ всякое покушеніе на нее. Готфридъ, главный инквизиторъ, произнесъ торжественное церковное проклятіе надъ викаріемъ и всѣми участвовавшими въ злодѣйствѣ ([116]). Онъ повѣстилъ о немъ по всей странѣ, а капитулъ написалъ обо всемъ папѣ. Викарій аппелировалъ въ Римъ и донесъ королю, прося заступничества. Общины, для которыхъ такъ много сдѣлалъ Пекиньи, съ своей стороны отправили жалобу къ папѣ на безчеловѣчные поступки инквизиціи, вынудившіе народъ къ насилію. Извиняясь въ нихъ, опи прославляли викарія какъ благочестиваго человѣка и благороднаго правителя, цвѣтущаго добродѣтелью и справедливостью. Такъ какъ при римскомъ дворѣ безъ денегъ нельзя было сдѣлать ничего, то, по предложенію Бернара, вмѣстѣ съ жалобой было послано 3000 ливровъ; изъ нихъ 1500 дала Каркассона,—1000 Альби и 500 Кордесъ. На такое благородное дѣло всякій безъ исключенія готовъ былъ жертвовать, сколько потребуютъ. Въ тоже время дѣятельный Бернаръ, не зная какъ взглянетъ на все дѣло Филиппъ IV, заискиваетъ при королевскомъ дворѣ. Разносится слухъ, что викарія уволятъ. Это было бы ударомъ для всѣхъ надеждъ. Но какъ противодѣйствовать? У королевы духовникъ францисканецъ,—это находка при нынѣшнихъ обстоятельствахъ. Чрезъ него было подано королевѣ письмо отъ гражданъ Альби, сочиненное вѣроятно Бернаромъ.

([116]) Doat; XXXIV, 21.

— Противъ викарія и архидіакона извѣстные люди строятъ низкія козни; ихъ хотятъ обезчестить и внушаютъ королю лживые извѣты на нихъ, значилось въ письмѣ. Куда намъ обратиться за помощью, если не къ вашему обычному милосердію? Всѣ просимъ васъ единодушно, мужи и жены, старцы и дѣти, люди всѣхъ возрастовъ, всѣ взываемъ къ вамъ, якорю и сильному прибѣжищу нашихъ надеждъ съ мольбой о ходатайствѣ предъ королемъ, чтобы онъ сохранилъ намъ этихъ достойныхъ его представителей.

Пекиньи слѣдовало ѣхать въ Парижъ. Викарія рѣшились не выдавать и крѣпко стоять за него. Его не пустили одного. Бернаръ и прежняя депутація изъ гражданъ сопровождали его, чтобы защитить предъ королемъ. На этотъ разъ было много и новыхъ лицъ; это живыя улики, жены, отцы и братья заточенныхъ, слезы которыхъ сдѣлались причиною волненія. Королева была тронута разсказомъ этихъ людей; король сохранилъ всегдашнее спокойствіе. Такъ какъ ему съ другой стороны надоѣдали доминиканцы и неотвязный духовникъ, то онъ изъявилъ желаніе лично посѣтить свой Лангедокъ со всѣмъ семействомъ и убѣдиться на мѣстѣ въ положеніи дѣлъ.

Бернаръ и въ Каркассонѣ и въ Альби внушилъ, какъ надо встрѣтить царственное семейство. Въ церквахъ онъ началъ было утѣшать народъ, что насталъ послѣдній день инквизиціи, но онъ жестоко ошибся въ своемъ восторгѣ. Впрочемъ, чтобы лучше подѣйствовать на правительство, онъ организуетъ лигу и собираетъ деньги. Выборные отъ народа научены идти на встрѣчу королю и слезами внушить состраданіе. Въ Каркассонѣ, на старомъ бенедиктинскомъ кладбищѣ, ночью, онъ созвалъ горожанъ и убѣждалъ ихъ примкнуть къ лигѣ.

— «Нечего бояться, будьте смѣлѣе. Что сдѣлаетъ инквизиція? Отлучитъ;—но развѣ это такъ страшно? Про меня же говорятъ они, что я антихристъ, но пусть вѣрятъ тому; надъ этимъ только можно смѣяться. Викарій отлученъ, но онъ не боится, потому что инквизиторскія отлученія уже 20 лѣтъ ничего не значатъ». — Такъ говорилъ Бернаръ, электризуя гражданъ своими словами. Онъ слишкомъ много надѣялся на короля; онъ не понималъ, что Филиппъ IV ищетъ вездѣ выгодъ своей короны, что для него усиленіе личнаго могущества важнѣе тѣхъ или другихъ принциповъ.

Въ день Рождества 1303 г. король прибылъ въ Тулузу съ женой и дѣтьми. Его сопровождалъ между прочимъ знаменитый В. Ногарэ, докторъ правъ, изъ легистовъ ставшій рыцаремъ, который прославившійся по всей Европѣ кромѣ своей преданности королю еще тѣмъ, что далъ публично пощечину Бонифацію VIII. Когда Филиппъ IV, привѣтствовавъ консуловъ, въѣхалъ въ городъ, то прежде всего онъ услышалъ крики: «Справедливости, справедливости»! Громадная толпа заслоняла путь короля.

Въ день пріезда онъ выслушалъ жалобы на инквизицію. Первый хотѣлъ говорить его же представитель, викарій; но едва онъ началъ, какъ одинъ изъ придворныхъ доминиканцевъ отстранилъ его, какъ отлученнаго. Тогда стали говорить депутаты. Проби разсказалъ, какъ недавно альбійскій епископъ посадилъ въ тюрьму 30 честныхъ и зажиточныхъ гражданъ, лукаво обвиняя ихъ въ ереси, которой они ничѣмъ не причастны [117].

---

[117] Объ альбигойскомъ епископѣ въ Proc. insignis, f. 6, 9—16, 24, 31 etc. Объ Аббевилѣ, 14, 17, 121, 128. Кромѣ того о томъ и другомъ у Doat; XXXIV, 44—80. О путешествіи короля Proc. f. 73, 137, 158, 166, 269, 278.

Арнольдъ Гарсіа, другой депутатъ отъ Альби, разсказывалъ о пыткахъ, которымъ подвергаются жертвы трибунала и прибавилъ, что короля долго обманывали на этотъ счетъ и клеветали на народъ.

— Господинъ Арнольдъ, перебилъ его Бернаръ, скажите, кто говорилъ такъ, назовите клеветника! Скажите его величеству, что это братъ Николай, его духовникъ; прибавьте, продолжалъ онъ, что государь не долженъ вѣрить измѣннику, который передаетъ фламандцамъ все, что говорятъ о нихъ въ Совѣтѣ.

Гарсіа повторилъ это и продолжалъ среди общаго смущенія расказывать про злоупотребленія инквизиціи. Онъ просилъ у короля рѣшительныхъ мѣръ. За нимъ говорилъ судья изъ Альби, Гальардъ Этьенъ о Фульконѣ, объ его насиліяхъ, роскошной и развратной жизни; затѣмъ, тѣми же красками описавъ его товарищей, высказалъ удивленіе, какъ могъ народъ по сіе время выносить такое иго. Король обѣщалъ принять къ свѣденію все дѣло и произнести свое рѣшеніе послѣ личнаго посѣщенія Альби. Чрезъ нѣсколько дней онъ потребовалъ къ себѣ Бернара. Имъ онъ былъ недоволенъ, какъ агитаторомъ, и можетъ быть даже заподозрѣвалъ его вѣрность своему правительству. Но францисканецъ не устрашился. Его допрашивали въ присутствіи королевскаго совѣта. Онъ сообщилъ королю еще новые факты, отстраняя и себя и провансальцевъ отъ его подозрѣній. — «Они вѣрные подданные и прекрасные католики. Недавно увѣрялъ короля самъ провинціалъ доминиканцевъ, что еретиковъ нынче на всемъ Югѣ 40 или 50 человѣкъ и что страна спокойна. Стоитъ-ли для такого ничтожнаго числа поддерживать инквизицію и напускать страхъ на всѣхъ. Но и это неправда; теперь во всемъ Альбижуа нѣтъ ни одного еретика. Для трибунала всѣ еретики; его нельзя насытить. Если въ настоящее время къ нимъ привести апостоловъ Петра и Павла, то и этимъ святымъ трудно бы было оправдаться въ ереси» [118]. — Но король уже принялъ мѣры противъ злоупотребленій, сказали Бернару въ совѣтѣ, въ отвѣтъ на его пред-

---

[118] Processus ins. f. 21, 139.

ставленія; люди, ненавистные народу, какъ Фульконъ, Аббевиль, Галандій, удалены изъ трибуналовъ. Но монахъ продолжалъ твердить свое:—«Вы слышите, плачь и стоны еще не умолкли; значитъ ли это, что королевскій совѣтъ, при всемъ своемъ благоразуміи, нашелъ средства къ исцѣленію зла»?

Но Филиппъ IV не обратилъ на это вниманія. Онъ не могъ уничтожить учрежденіе, которое служило для него источникомъ могущества и обогащенія. Указомъ изъ Тулузы 13 января 1304 г. онъ объявилъ, что трибуналы должны дѣйствовать на всемъ пространствѣ его владѣній для пользы вѣры и что судить ихъ злоупотребленія дѣло папы, которому сообщено обо всемъ. Извѣстно, что чрезъ годъ, онъ еще усилилъ мѣры строгости противъ еретиковъ; инквизиція была упрочена безусловно; подозрѣваемымъ въ ереси возбранено занимать общественныя должности, а всякіе заговоры и лиги противъ инквизиторовъ строго запрещены, какъ преступные (119).

Къ этому побудило его впечатлѣніе, вынесенное изъ путешествія по Лангедоку. Его деспотическую натуру крайне раздосадовали протесты и рѣшительныя выраженія неудовольствія, которыя его сопровождали повсюду. Они укрѣпили его въ мысли, что уничтожить инквизицію значитъ снять послѣднюю узду съ провансальцевъ и пробудить въ нихъ старый духъ. Въ Каркассонѣ, напримѣръ, его было встрѣтили радушно; жители украсили флагами свои дома и готовили праздникъ. Но когда извѣстный патріотъ, Илья Патрисъ, обратилъ вниманіе короля на жестокое обращеніе трибунала съ этимъ городомъ, то получилъ въ отвѣтъ отъ Филиппа приказаніе удалиться и впредь не показываться на глаза за дерзкую назойливость. Тогда Илья поскакалъ по улицамъ города, вездѣ просилъ снимать флаги и распорядился отмѣной праздника, такъ какъ прибытіе короля—день печали. Король въ свою очередь не принялъ дара, предложеннаго городомъ; и когда узналъ, что королева не отказалась взять двѣ урны, наполненныя серебромъ, то велѣлъ ей возвратить подарокъ бунтовщиковъ. Въ Безьерѣ Бернаръ въ присутствіи Гарсія и Патриса имѣлъ объясненіе съ Ногарэ, всесильнымъ при королевскомъ дворѣ. Тутъ онъ узналъ,

(119) D. XXXIV, 81.

что безполезно ожидать вниманія правительства къ жертвамъ инквизиціи. Ногарэ отказалъ ему на отрѣзъ. «Королю теперь не время думать объ этомъ; у насъ на рукахъ дѣла поважнѣе; наши отношенія съ римской куріей весьма щекотливы. А новый папа Бенедиктъ XII самъ изъ доминиканцевъ; онъ питаетъ благоговѣніе къ своему ордену и никогда не коснется его привиллегій, не осудитъ ни одного изъ своихъ. Ждите болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ» (120).

Ногарэ, конечно, не имѣлъ никакого пристрастія ни къ папству, ни къ инквизиціи, онъ поклонялся одному королю и слѣдовало послушаться его совѣта, какъ человѣка опытнаго въ политическихъ дѣлахъ. Но Бернаръ и его друзья были нетерпѣливы. — «Папа предаетъ насъ палачамъ, король забылъ про насъ. На что намъ надѣяться, спрашивали они другъ друга съ отчаяніемъ?—На Провидѣніе, отвѣчалъ имъ Бернаръ,—и надежда польстила лигу.

Скоро ему представился поводъ утѣшить себя мыслію, что Провидѣніе дѣйствительно печется о странѣ. Вмѣстѣ съ друзьями народнаго дѣла, онъ сопутствовалъ королю въ Монпелье и Нимъ. Въ послѣднемъ городѣ патріотамъ довелось столкнуться съ принцемъ Фернандомъ, однимъ изъ сыновей аррагонскаго короля Іакова, который съ дѣтьми пріѣхалъ видѣться съ Филиппомъ, своимъ сюзереномъ по Монпелье. Донъ Фернанду было едва 25 лѣтъ; при всемъ легкомысліи онъ былъ честолюбивъ и любилъ хвастнуть. Не имѣя въ виду получить корону Аррагоніи, онъ мечталъ о томъ, какимъ бы путемъ добыть себѣ приличный доменъ; этою слабостью страдало большинство молодыхъ рыцарей. Онъ зналъ, что Лангедокъ не можетъ быть доволенъ французскимъ владычествомъ, что провансальцы хранятъ старинныя симпатіи къ своимъ запиринейскимъ сосѣдямъ, съ которыми имѣютъ много общаго и въ правахъ и въ обычаяхъ, и въ языкѣ и въ преданіяхъ прошлаго. Онъ очень обрадовался, когда провѣдалъ о тѣхъ неудовольствіяхъ, какія возникли въ Лангедокѣ по поводу инквизиціи. Ему извѣстно было также вліяніе и популярность Бернара. Онъ увидалъ его въ королевскомъ дворцѣ въ Нимѣ, познакомился, разговорился и довольно ясно далъ замѣтить, что сдѣлалъ-бы то,

(120) Proc. ins. f. 112.

отъ чего отказывается Филиппъ. Бернаръ встрепенулся при этихъ словахъ, въ немъ мгновенно пробудился рядъ мыслей; воображеніе его вдругъ разыгралось и нарисовало радостныя картины, но онъ умѣлъ сдержать себя, притворяясь, что не понимаетъ намека принца, просилъ его завтра пожаловать въ свою келью, гдѣ будутъ почтенные люди, съ которыми ему будетъ пріятно побесѣдовать.

Фернандъ засталъ Илью Патриса и Вильгельма Санъ Мартена, консуловъ Каркассоны, въ кельѣ минорита. Здѣсь созрѣлъ заговоръ, которому не суждено было принести плодовъ и который остался послѣдней попыткой немногихъ патріотовъ сохранить погибшую національность Прованса, но который стоилъ имъ всѣмъ свободы и жизни. Молодой принцъ согласился на всѣ условія, а консулы обѣщали склонить на свою сторону всѣхъ товарищей и въ послѣдствіи образовать лигу городовъ, центромъ коей будетъ Каркассона. Весь заговоръ будетъ храниться втайнѣ. Бернаръ будетъ сообщать принцу о ходѣ дѣла.

Патрисъ повелъ свое предпріятіе со всею энергіей. При первомъ свиданіи съ Гарсіею и Проби, синдиками и агитаторами Альби, онъ сообщилъ имъ объ обѣщаніяхъ дона Фернанда. Въ отвѣтъ послѣдовало живое заявленіе восторга. Южане легко поддавались всякимъ упованіямъ, какъ-бы они ни были призрачны. Они не думали о томъ, что будущій государь ихъ безсиленъ какъ ребенокъ, что онъ не имѣетъ никакого значенія даже въ своей странѣ, что онъ во всемъ зависитъ отъ отца и что онъ ничѣмъ не показалъ еще ни своихъ способностей, ни своего характера. Но какъ дѣйствовать? Отецъ Гарсіа говорилъ, что для освобожденія отъ враговъ, можно прибѣгнуть ко всякимъ средствамъ, призывать къ помощи Божіей или діавола безразлично. Отецъ Бернаръ не одобрялъ только послѣдняго, впрочемъ согласился идти во всемъ за отважнымъ Патрисомъ, уступая ему въ этомъ дѣлѣ первую роль. Это и было одной изъ причинъ того, что заговоръ не удался въ самомъ началѣ. Патрисъ своею горячностію испортилъ дѣло, которое и безъ того было слишкомъ непрочно. Ему не доставало осторожности и сдержанности своего друга. Въ каркассонской ратушѣ онъ говорилъ людямъ, неподготовленнымъ къ дѣлу, въ присутствіи 15 горожанъ, возбудительныя рѣчи противъ французскаго правительства. Его замыселъ вначалѣ показался слишкомъ смѣлымъ и конечно не могъ не разгласиться. Въ то же время, Бернаръ съ своей трибуны говорилъ публично, что если папа не удовлетворитъ викарія и его ходатаевъ, то въ странѣ найдутся мученики, готовые постоять за дѣло правды; а разъ, проповѣдуя у себя въ церкви, рѣшился заявить, что король не исполняетъ своихъ отеческихъ обязанностей по отношенію къ народу.

Между тѣмъ въ Альби заговоръ не прививался. Только три консула согласились съ Гарсіею; остальные не одобряли его замысловъ. О лигѣ нельзя было и думать. Ее можно было создать примѣромъ рѣшительнаго, скораго возстанія. Для этого нуженъ былъ смѣлый вождь. Донъ-Фернандо слѣдовало не медлить, и встать въ главѣ возстанія. Бернаръ вызвался переговорить съ нимъ объ этомъ и отвезти грамоту отъ каркасонскихъ консуловъ. Сопровождаемый однимъ молодымъ миноритомъ, онъ въ самое ненастное время года, подвергаясь постояннымъ опасностямъ, отправился по снѣжнымъ тропинкамъ пиринейскихъ горъ въ замокъ Пла де-Корсъ, гдѣ тогда проживалъ аррагонскій дворъ и на мѣстѣ котораго теперь виднѣется только жалкая деревушка. Подъѣзжая къ замку, Бернаръ, раздумавъ подавать принцу грамоту, которая могла-бы въ послѣдствіи послужить уликой, сошелъ съ коня, пробрался въ лѣсную трущобу, разорвалъ на мелкіе куски это опасное для него посланіе и остатки раскидалъ по землѣ ([121]). Онъ не рѣшился остановиться во дворцѣ, хотя имѣлъ на то право, а, чтобы отстранить подозрѣніе, заѣхалъ къ капеллану и чрезъ него получилъ аудіенцію у принца. Онъ сказалъ Фернанду, что Каркассона готова присягнуть ему, если принцъ въ силахъ прогнать французовъ изъ страны. Съ дѣтскимъ самохвальствомъ донъ-Фернандъ, не спросивъ ни о средствахъ защитниковъ, ни о настроеніи страны, ни о силахъ непріятеля, объявилъ свое согласіе на этотъ легкій по его мнѣнію подвигъ. Бернаръ сейчасъ понялъ, съ какимъ человѣкомъ имѣетъ дѣло; онъ въ душѣ не могъ не разсмѣяться надъ своей довѣрчивостью и влеченіемъ своихъ товарищей, онъ уже сбирался въ обратный путь, какъ получилъ отъ короля приглашеніе немедленно явиться къ нему.

([121]) **Proc. ins. f. 26.**

Іаковъ провѣдалъ о прибытіи францисканца и объ его тайныхъ переговорахъ съ сыномъ. Онъ не могъ не заподозрить этихъ сношеній, зная про ссору этого монаха съ инквизиціей, которая въ его глазахъ была святѣйшимъ учрежденіемъ. На вопросы короля, какая цѣль его пріѣзда и о чемъ онъ говорилъ съ принцемъ, Бернаръ молчалъ. Не получивъ отъ него никакого отвѣта, король велѣлъ ему дожидаться, а самъ отправился къ сыну. Этотъ разболталъ, какъ было дѣло и въ вознагражденіе получилъ отъ патріархальнаго родителя такое внушительное наставленіе, что выбѣжалъ изъ комнаты съ раскраснѣвшимся лицемъ и съ взъерошенными волосами. Бернару велѣно было черезъ канцлера немедленно удалиться изъ аррагонскихъ владѣній. Довольный тѣмъ, что его отпустили живаго, онъ скакалъ безъ оглядки въ Каркассону.

Этимъ кончились всѣ сношенія заговорщиковъ съ Фернандомъ. О продолженіи ихъ нельзя было и думать, а дѣло между тѣмъ разгласилось. Бернаръ хорошо понималъ, что его похожденія извѣстны и правительству и инквизиціи. Потому, когда его товарищи пали духомъ и старались забыть минувшее увлеченіе, онъ искалъ своей гибели. Не стѣсняясь въ выраженіяхъ, онъ съ прежнею силою гремитъ противъ доминиканцевъ съ церковной трибуны. Онъ рѣшился войти для этого даже на каѳедру тулузскаго Сатурнина (3 мая 1304 г.).

Столица Юга въ началѣ XIV столѣтія была вполнѣ католическою; она привыкла къ французской администраціи и къ доминиканской полиціи. Потому проповѣдь минорита тамъ могла встрѣтить лишь слабое сочувствіе. Замѣтивъ непривычное для него равнодушіе и даже изумленіе на лицахъ слушателей, Бернаръ прервалъ свою рѣчь, окинулъ негодующимъ взоромъ собраніе и сказалъ: «Я вамъ многое хотѣлъ говорить, но между вами я вижу шпіоновъ, которые готовы можетъ быть схватить меня». Онъ отряхнулъ прахъ отъ ногъ своихъ и ушелъ изъ Тулузы. Въ Альби его не ждали; ходили слухи, что онъ повѣшенъ на той самой веревкѣ, которая дорогой служила ему поясомъ.—«Вотъ я предъ вами, сказалъ онъ альбійцамъ, живой, невредимый, попрежнему всегда готовый свидѣтельствовать противъ вашего епископа и противъ вашихъ инквизиторовъ, всегда готовый доказывать, что они несправедливо заточаютъ вашихъ согражданъ

въ тюрьмы. Не бойтесь, я не оставлю васъ, друзья мои, я не убѣгу отъ васъ и готовъ самую мою жизнь отдать на службу вашему дѣлу, я не отрекусь отъ васъ даже тогда, когда меня потребуетъ папа на судъ, какъ всегдашняго противника вашихъ преступныхъ преслѣдователей. Я жду этого... Наши общіе враги сказали вамъ, что я воспользовался вашими деньгами; отчасти, это правда; своего я ничего не имѣю; я путешествовалъ на вашъ счетъ. Но ради вашего дѣла, я все что имѣлъ распродалъ, даже свои послѣднія книги. Говорятъ, что я налагалъ на васъ большія жертвы. Такъ! Теперь я буду просить у васъ еще большей; я васъ прошу оставить ваши ремесла, ваши лавки, ваши дѣла, идти на всѣ четыре стороны и вездѣ кричать какъ можно громче противъ гнусныхъ людей, которые остервенились противъ вашей страны».

Ожиданіе Бернара сбылось скорѣе, чѣмъ онъ предполагалъ. Въ то время какъ онъ говорилъ эти слова, уже состоялось повелѣніе объ его арестованіи. Бенедиктъ XI, по настоянію доминиканцевъ, подписалъ въ Витербо, 15 апрѣля 1304 г., буллу на имя провинціала аквитанскихъ миноритовъ, въ которой приказывалъ взять и представить Бернара на судъ папской куріи за сопротивленіе инквизиціи, за возбужденіе народа къ возстанію противъ королевской и духовной власти ([122]). Если бы преступникъ ослушался, то велѣно схватить его тайно и привести подъ надежною стражею (sub fida custodia). Объ этомъ пришли слухи раньше, чѣмъ въ Альби было получено формальное предписаніе.

Бернаръ могъ бы легко спастись, но онъ не хотѣлъ бѣжать. Онъ имѣлъ желаніе послѣдній разъ побесѣдовать съ своею паствою. Онъ сказалъ, что пришелъ его часъ и просилъ тѣхъ, кто любитъ его, молиться за него и за папу,

---

([122]) D. XXXIV, 12... «Ipse namque ut accepimus contra officium inquisitorum haereticae pravitatis illorum partium, tanquam eadem forsitan pravitate respersus vel contra inquisitores praedictos non est veritas publice praedicare de eorum, pro suo posse officium impedire concitando fidelium populum contra eos ipsos tam in curia carissimi in Christo filii nostri Regis Franciae illustris, quam alibi nequiter diffamando, et se opponendo processibus eorumdem nos autem» etc. 17 kal. Maji, a. I.

чтобы Богъ склонилъ первосвященника къ правому суду. Предъ монастыремъ народъ толпился цѣлый день, какъ бы желая защитить собою своего заступника. Духовныя власти не знали, что дѣлать. На слѣдующій день тѣ же волненія; горожане по очереди сторожили Бернара отъ всякихъ покушеній на его свободу. Это внушило отважному францисканцу мысль о сопротивленіи, о которомъ онъ прежде и не думалъ. Разъ, когда, спустя мѣсяцъ, викарій провинціала вошелъ въ его келью и приказалъ ему слѣдовать за собою, Бернаръ отвелъ его руку и сказалъ наотрѣзъ, что онъ не пойдетъ. Викарій могъ только произнести надъ нимъ отлученіе, на которое Бернаръ не обратилъ никакого вниманія. На его счастье, черезъ нѣсколько дней, было получено извѣстіе, что Бенедиктъ XI, который намѣревался быть его судьей, скончался въ Перуджіи.

Бернаръ ликовалъ. Въ церкви среди большаго стеченія народа, онъ извѣстилъ о смерти папы, какъ о великой радости. Съ замѣчательной смѣлостію, играя остротами и шутками (cum derisonibus), онъ говорилъ о покойникѣ, заявляя надежду, что вмѣсто доминиканца сядетъ другой папа, болѣе справедливый ([123]). Вскорѣ узнали о вступленіи на папскій престолъ Климента V, креатуры французскаго короля. Бернаръ теперь окончательно не предвидѣлъ для себя никакой опасности и только скорбѣлъ объ одномъ, что его старый покровитель и другъ, викарій Пикиньи, вскорѣ за папой скончался въ Италіи. Такъ какъ по слухамъ онъ умеръ безъ причастія, то францисканцы отслужили по немъ заупокойную обѣдню, къ новой досадѣ доминиканцевъ.

Но если Бернаръ легко отдѣлался отъ одной бѣды, то трудно было предотвратить новую грозу. Филиппъ IV изъ письма Іакова аррагонскаго узналъ объ интригахъ патріотовъ и о похожденіяхъ Бернара за Пиринеями. Въ первое время онъ такъ былъ пораженъ этимъ, что не хотѣлъ вѣрить. Онъ привыкъ считать свой Югъ довольнымъ и счастливымъ. Онъ долго совѣщался съ своими приближенными, что дѣлать съ преступными, а между тѣмъ сенешалъ арестовалъ Патриса и воспретилъ Бернару пребываніе въ Каркассонѣ. Вмѣсто того, чтобы скрыться, Бернаръ сталъ подготовлять консуловъ Альби и Кордеца послать депутацію къ королю просить о прощеніи и самъ поѣхалъ въ Парижъ. Король, конечно, вмѣсто того, чтобы принять, велѣлъ задержать просителей, а о Бернарѣ написалъ къ папѣ Клименменту V, предлагая взять и судить дерзкаго францисканца, какъ преступника противъ божеской и королевской власти. Папа былъ недалеко, и съ удовольствіемъ исполнилъ эту просьбу, такъ какъ съ давняго времени Бернара считали соучастникомъ кружка такъ называемыхъ «лжеапостоловъ», который распространился тогда въ францисканскомъ орденѣ. Бернаръ былъ арестованъ въ парижскомъ монастырѣ миноритовъ; монахамъ не велѣно было оставлять его одного. Скоро его повезли въ Ліонъ, гдѣ папа сбирался короноваться, а оттуда возили, какъ арестанта, слѣдомъ за папскимъ дворомъ, по разнымъ городамъ Лангедока, не назначая никакого суда. Вдругъ 25 ноября 1307 г. въ Пуатье, съ согласія короля, Бернаръ получилъ свободу и позволеніе возвратиться въ Каркассону, но уже безъ званія лектора. Папа былъ равнодушенъ къ борьбѣ орденовъ и безпристрастно смотрѣлъ до времени на тѣхъ и другихъ. Король спустя три года успокоился. Не такова была участь друзей Бернара. Нѣкоторые и притомъ главные агитаторы успѣли спастись, благодаря своимъ богатствамъ, какъ Проби, Гарсіа, Франца, и вернулись, когда гнѣвъ короля утихъ. Другіе были во время схвачены. Слѣдствіе тянулось не больше мѣсяца. Илья Патрисъ и съ нимъ 14 каркассонцевъ были повѣшены. Черезъ два мѣсяца повѣсили еще 40 человѣкъ изъ Лимукса, знавшихъ о заговорѣ. Сенешалу Жану д'Онэ былъ предоставленъ полный произволъ; одинаково съ участниками онъ вѣшалъ людей ни въ чемъ не виновныхъ. Кто былъ побогаче, легко могъ откупиться. Когда онъ собрался ѣхать въ Альби, чтобы продолжать слѣдствіе — хотя король былъ вполнѣ доволенъ поведеніемъ этаго города,—то консулы, чтобы отвратить непріятное посѣщеніе, предложили ему 500 ливровъ, обѣщая послѣ прибавить столько же. Но сенешалъ отвѣчалъ, что правосудіе не полагается на обѣщаніе, и потребовалъ чрезъ 5 дней доставить ему всѣ 1000 ливровъ. Его требованіе было исполнено.

Такъ кончилась эта послѣдняя, отважная, но легкомысленная попытка освободиться отъ французскаго владычества. Бернаръ былъ на свободѣ, но онъ не отказался отъ своего

([123]) **Proc. ins. f. 51.**

дѣла. Руководимый идеальными стремленіями, онъ сознавалъ, что борьба съ насиліемъ, въ чемъ бы оно ни проявлялось, есть его назначеніе. Онъ искалъ новыхъ опасностей, потому что не могъ выносить, какъ тиранія монаховъ, которая временно утихла надъ его родиной, воскресла снова, лишь только Климентъ V принялъ сторону доминиканцевъ. Мы застанемъ его скоро опять среди самой порывистой дѣятельности, съ тою разницею, что онъ теперь разорвалъ всякія связи съ окружающей его духовной кастой и, слѣдуя влеченію своего открытаго характера, явно сталъ на сторону оппозиціи, которая сформировалась тогда противъ римскаго двора въ средѣ францисканцевъ, вообще питавшихъ нерасположеженіе къ своимъ соперникамъ доминиканцамъ.

Эта новая коллизія введетъ насъ въ новый моментъ исторіи инквизиціи, для уясненія котораго необходимо оглянуться немного назадъ.

Напрасно думать, что возмутительная жестокость инквизиторовъ когда либо достигала цѣли и ослабляла ересь. Напротивъ, въ такихъ случаяхъ она встрѣчала болѣе и болѣе матеріала. Допросы и слѣдствія продолжались почти ежемѣсячно, напримѣръ въ продолженіи 1279—81 г., и съ каждымъ дѣломъ открывались все новыя сборища еретиковъ въ Италіи и во французскихъ городахъ. Нѣкоторые процессы тянулись по 9 лѣтъ и все это время подсудимые сидѣли въ тюрьмахъ. Процессы этого времени имѣютъ то значеніе, что въ нихъ чаще и чаще привлекаются къ суду лица духовныя. Это связано съ появленіемъ и распространеніемъ нравственной реакціи въ средѣ духовенства и монаховъ, которая римскимъ дворомъ была сочтена за ересь. Стремленіе водворить въ жизни строгія правила св. Франциска и сдѣлать апостольскую бѣдность обязательной даже для папы, поднятое лучшими людьми тогдашняго католическаго духовенства и вышедшее изъ среды францисканцевъ, клеймилось «лжеапостольствомъ», признавалось оскорбительнымъ для достоинства Римской Церкви и, что всего курьезнѣе, приравнивалось къ альбигойству. Оно стало подвѣдомственно той же инквизиціи, которая съ послѣднихъ годовъ XIII столѣтія начинаетъ привлекать къ своему суду преимуще-

ственно священниковъ и монаховъ, называвшихъ себя «бѣдными во Христѣ». Въ развращенномъ сословіи чувствовалась потребность нравственнаго обновленія, но не многіе имѣли даръ точно опредѣлить ее, ясно сознать свое стремленіе, не многіе могли примирить католическую обстановку съ зарождавшимися въ нихъ идеями. Въ нихъ это явилось только въ послѣдствіи, а въ началѣ всякій недовольный обращалъ взоры на готовую и оформенную оппозицію и, не затрудняясь прiискивать новыхъ формъ ни догматическихъ, ни нравственныхъ, удовлетворялъ своему чувству ненависти къ Риму союзомъ съ альбигойцами. «Лжеапостольство», носившее въ себѣ живительныя начала обновленія, заклеймило себя союзомъ съ ересью; оттого такое суровое преслѣдованіе въ послѣдствіи на бегиновъ, такъ можно называть всѣхъ протестовавшихъ францисканцевъ. Изъ протоколовъ инквизиціи въ Фуа видно, какъ на скамьѣ подсудимыхъ начинаютъ появляться новыя лица, монахи въ коричневыхъ сутанахъ и священники. Приходскій священникъ присутствуетъ на сборищахъ и принимаетъ посвященіе ([124]). Очевидно онъ нашелъ не то, чего искалъ, но онъ не былъ способенъ высказать нѣчто новое, хотя его томило чувство ненависти къ своимъ властителямъ,—и онъ потому присталъ къ готовымъ и многочисленнымъ врагамъ Римской Церкви другаго лагеря; одинъ онъ не можетъ растворить эту все еще плотную массу и становится такимъ же альбигойцемъ какъ и другіе. Ровно черезъ годъ послѣ этого факта явился доносъ на Жеро, престарѣлаго аббата Монтолье, который предъ смертью принялъ посвященіе въ альбигойство изъ рукъ совершеннаго В. Пагесія въ самомъ аббатствѣ, чему свидѣтелями было 4 монаховъ, которые равнымъ образомъ преклонялись предъ еретикомъ и лобызали его ([125]). Только въ минуту смерти созналъ старый аббатъ свое преступленіе и, не видя вокругъ себя достойныхъ пастырей, которые были грѣшны гораздо болѣе его, ищетъ утѣшенія у гонимыхъ. Осенью 1284 г. раскаивается одинъ нотаріусъ и доноситъ, что вмѣстѣ съ нимъ на бесѣдахъ у Пагесія были многіе бароны, какъ напр. Аллемани, Мирепуа и также священники католическіе, кото-

(124) Р, Гайтальди; дѣло въ мартѣ 1284 г. D, XXVI, 80.
(125) D. XXVI, 217.

рые, подобно имъ всѣмъ, благословлялись у альбигойскаго учителя ([126]). Еще черезъ годъ подобный же фактъ случился въ Каркассонѣ ([127]).

Это томленіе къ чему-то новому, живительному, зародившееся въ средѣ самихъ гонителей, сперва выразившееся сочувствіемъ къ жертвамъ, породило въ послѣдствіи чуть не схизму внутри католическаго духовенства, исторія которой весьма интересна. Потому, такъ называемое «лжеапостольство», по преемственности историческихъ явленій, должно считаться послѣдствіемъ альбигойскаго движенія. Нищенствующіе ордена не могли удовлетворить потребности къ внутреннему совершенствованію. Они не достигали той цѣли, къ которой стремились ихъ основатели. Они не могли излѣчить тяжелыхъ язвъ общества и оказались неспособными уничтожить ересь. Напротивъ гоненіе, поднятое доминиканцами, еще болѣе поддерживало энергію еретиковъ. Послѣ первой реакціи почувствовалась необходимость во второй. Инквизиція, заточенія и казни возбудили отвращеніе въ благочестивыхъ монашескихъ кружкахъ, къ которымъ принадлежали люди въ родѣ Бернара, и готовили изъ нихъ новую оппозицію Риму. Духовенство продолжало вести пышную жизнь; ничѣмъ не соотвѣтствуя своему призванію, оно вызывало въ нихъ негодованіе. Эти два мотива выдвинули на борьбу такъ называемыхъ духовныхъ францисканцевъ, протесты которыхъ потому имѣютъ связь съ альбигойствомъ. На немъ намъ слѣдуетъ нѣсколько остановиться, такъ какъ новые реформаторы, не будучи еретиками по догмѣ, возбудили частію тѣ же вопросы, за которые погибли альбигойцы, и испытали на себѣ непосредственное ихъ вліяніе.

Мы не имѣемъ въ виду писать исторію этого новаго движенія, хотя имѣемъ для нея много рукописныхъ матеріаловъ; она вывела-бы насъ за предѣлы нашей задачи. Потому ограничимся общимъ очеркомъ:—на сколько такъ называемое «лжеапостольство» касалось идей Юга и альбигойскихъ и насколько имъ характеризуется первая инквизиція. Спѣшимъ оговориться, что мы понимаемъ подъ словомъ «первая». Ошибаются тѣ, которые называютъ альбигойскими гоненія, направленныя на всѣ секты XIV вѣка и между прочимъ на «бѣдныхъ», и которые первую инквизицію отожествляютъ съ альбигойской. Послѣ этого къ альбигойцамъ остается причислить всѣхъ вальдензовъ и послѣдователей Дульчино, Виклефа, даже Іеронима, Гусса, вообще всѣхъ мистиковъ и религіозныхъ новаторовъ послѣдняго періода среднихъ вѣковъ. Очевидно, это было-бы нелѣпостью. Потому, первая инквизиція должна называться альбигойскою на столько, на сколько имѣла дѣло съ катарами и частію вальдензами. Такими предѣлами мы имѣемъ въ виду ограничить наше сочиненіе и, останавливаясь на ученіи Оливы и его послѣдователей, мы хотимъ только показать, какъ повліяли альбигойскія идеи на монашескую среду того времени въ ея благороднѣйшихъ представителяхъ и къ какимъ подвигамъ онѣ понудили ее.

Въ концѣ XIII столѣтія между францисканцами славился одинъ краснорѣчивый учитель, по имени Петръ—Іоаннъ Олива. Провансалецъ родомъ, онъ поступилъ въ безьерскій монастырь 1259 г. Скоро началась его проповѣдническая и литературная дѣятельность. Онъ былъ извѣстенъ также подвижничествомъ, самоотверженіемъ и строгимъ соблюденіемъ уставовъ св. Франциска. Онъ напоминалъ собою личность знаменитаго основателя ордена съ тою только разницею, что въ его натурѣ было больше нѣжности и глубины. Народъ удивлялся ему и считалъ его за святаго. У него было пылкое воображеніе и стремленіе къ внутреннему совершенству. Его преслѣдовала одна цѣль — возстановить христіанство временъ апостольскихъ, которое онъ видѣлъ въ уставѣ обоготворяемаго имъ Франциска. Правила основателя ордена подвергнули частнымъ толкованіямъ; одни, которымъ они казались трудны, прямо называли ихъ еретическими и непозволительными, понимая ихъ слишкомъ узко. Николай III, буллою «Exiit qui seminat», рѣшился разъяснить истинный смыслъ этихъ правилъ или лучше тотъ смыслъ, въ которомъ онъ самъ понималъ ихъ. По этому толкованію выходило, что «минориты, соблюдая Евангеліе, должны жить въ послушаніи, цѣломудріи и, всегда

([126]) XXVI, 228. — Отъ такого безсознательнаго влеченія людей совершенно правовѣрныхъ, надо отличать священниковъ, которые склонялись къ ереси по скептицизму. Такъ напр. клирикъ Арнольдъ Морлана, который подстрекалъ каркассонцевъ къ волненіямъ, училъ, что хлѣбъ и вино не претворяются въ Таинствѣ, что всѣ клирики и міряне знаютъ истинное Писаніе также, какъ жиды и саррацины (f. 287).

([127]) XXVI, 255.

отказываясь отъ собственности, не владѣть ни домомъ, ни доменомъ, ни чѣмъ бы то ни было... Добровольное отреченіе отъ всякой собственности вообще и въ частности, въ глазахъ Господа, было заслугою и дѣлало святымъ. Такъ училъ Іисусъ Христосъ и словомъ и примѣромъ, а апостолы, идя послѣдамъ учителя, старались объ осуществленіи этого на дѣлѣ (128).» Это постановленіе было объявлено каноническимъ, внесено въ дектреталіи и потому неудивительно, что изъ него Олива вывелъ мысль о томъ, что уставъ св. Франциска носитъ евангельскій характеръ и что братья францисканцы не должны имѣть собственности, призваны жить подаяніемъ для удовлетворенія необходимыхъ потребностей. Оскорбительнаго въ этомъ для католицизма не было пока ничего, но, сравнивая жизнь современнаго ему духовенста съ такимъ евангельскимъ идеаломъ, Олива въ комментаріи на Апокалипсисъ не могъ не назвать Римскую Церковь вавилонской блудницей, а св. Франциска ангеломъ обновленія духовной чистоты христіанства. Онъ предсказывалъ также скорое пришествіе Св. Духа для возстановленія на землѣ царства божественной любви (129),—въ то самое время, когда въ Италіи о томъ же училъ Сегарелли, прямо назвавшій папскую Церковь вавилонской блудницей.

Для изслѣдованія сочиненія Оливы была назначена коммиссія изъ 7 богослововъ. Она нашла въ немъ 60 еретическихъ положеній. Олива вступилъ въ полемику и защищалъ свое правовѣріе, но предъ смертію самъ усомнился въ себѣ и отрекся отъ большей части своихъ идей. Онъ скончался въ 1297 г; народъ считалъ его за святого и вѣрилъ въ чудеса надъ его могилою; Церковь не препятствовала этому, а между тѣмъ чрезъ три года жгла на кострѣ Сегарелли, который не многимъ отличался въ своей дѣятельности отъ Оливы.

Но идеи того и другого крѣпко привились ко многимъ безьерскимъ монахамъ, а отъ нихъ стали расходиться по другимъ францисканскимъ обителямъ. Съ именемъ Оливы связывалось понятіе о духовномъ совершенствѣ и о стремленіи

---

(128) In Sexto Decretalium, tit. XII, c. 3.

(129) Пом. у Baluzius. Miscellanea; II, 258—270. Еретическія положенія приведены у Doat; XXXVII, 7—66, изъ нихъ особенно 8, 23, 28, 48, 54.

къ евангельскому идеалу. Многіе францисканцы отдѣлились и составили особое братство, которое хотѣло жить въ мирѣ со всѣми, даже съ еретиками, посвятить себя молитвѣ и мечтаніямъ о небѣ, а для поддержанія тѣла довольствоваться самымъ необходимымъ подаяніемъ. Аскетическій Целестинъ V, самъ вышедшій изъ еремитовъ, призналъ это братство, которое получило наименованія: «отшельниковъ папы Целестина». Они поселились на одномъ изъ острововъ Архипелага, такъ какъ на Западѣ имъ не было житья отъ роя другихъ монаховъ, которые не хотѣли допустить рядомъ съ собою такого невыгоднаго для ихъ репутаціи сосѣдства. Они клеветали на нихъ предъ Бонифаціемъ VIII, который свергнулъ ограниченнаго Целестина V,— но интрига безуспѣшна.— «Я не вижу никакихъ причинъ возбранить этимъ добрымъ людямъ стремленія къ духовному совершенству, и знаю очень хорошо, что они гораздо лучше исполняютъ условія, чѣмъ ихъ надоѣдливые (molestos) преслѣдователи (130)». Тогда папѣ напомнили, что эти отщепенцы, ревностные сторонники покойнаго Целестина V, и что они его избраніе считаютъ неправильнымъ. Этого было довольно для подозрительности Бонифація VIII и онъ приказалъ уничтожить и разсѣять братство. Многіе изъ отшельниковъ добрались до Лангедока, и здѣсь назывались то бегинами, то духовными, то «братьями строгаго чина» въ противоположность францисканцамъ — общинникамъ. Своимъ постничествомъ, строгой жизнью, бѣдной одеждой, едва прикрывавшей тѣло, длинными бородами, бегины привлекали къ себѣ расположеніе народа и сочувствіе всѣхъ людей, которыхъ томила мысль о возвышеніи нравственнаго уровня въ странѣ. Народъ приходилъ въ негодованіе, видя, какъ преслѣдуютъ этихъ святыхъ.

Они между тѣмъ оборонялись перомъ отъ нападеній, укоряя Римскую Церковь за свѣтскія стремленія, прелатовъ за развратъ, а своихъ собратьевъ—общниковъ, что они носятъ одежды не по уставу и ѣдятъ слишкомъ сытно и не по монашески. Краснорѣчивый и суровый мистикъ, Убертинъ де Казаль, былъ ихъ главою.

Такъ шло дѣло до 1312 г. Число «духовныхъ» отщепенцевъ увеличивалось быстро и притомъ людьми самыми

---

(130) Wadding. Ann. franc. a. 1302.

энергичными и даровитыми. Подъ ихъ знаменемъ могли укрываться и политическія идеи и реформаторскія стремленія къ обновленію Церкви. Бернаръ Сладостный всталъ въ ихъ ряды. Онъ давно былъ склоненъ заявить чѣмъ либо рѣшительнымъ свой протестъ противъ злоупотребленій властью со стороны духовенства. Идеи «отшельниковъ» какъ нельзя больше удовлетворяли его.

Онъ видѣлъ, что инквизиція начинаетъ свирѣпствовать по прежнему. Климентъ V, еще въ началѣ своего правленія самъ явился ходатаемъ за каркассонцевъ. Относительно поступковъ инквизиціи онъ назначилъ слѣдствіе, такъ какъ коллегія кардиналовъ получила жалобы не только отъ каркассонцевъ, альбійцевъ и кордесцевъ, но даже отъ священниковъ города Альби и отъ монаховъ аббатства Гайльакъ, которые свидѣтельствовали, что населеніе вполнѣ католическое, что инквизиція ведетъ страну къ паденію и гибели и что правленіе епископа Бернара — невыносимо ([131]). Папа послалъ въ Лангедокъ двухъ кардиналовъ Петра де ла-Шапелля (S. Vitalis) и Бернгарія Фредоля.

Вездѣ получая жалобы на инквизиторовъ и на епископа, они на первыхъ порахъ должны были оказать свою защиту и покровительство двумъ каркассонцамъ Б. Благи и Ф. Эймерику, которые особенно агитатировали противъ трибунала. Они проникнули въ инквизиціонныя тюрьмы Каркассоны и застали въ жестокихъ мученіяхъ 40 скованныхъ плѣнниковъ. Это были большею частію старики, нѣкогда привыкшіе къ роскоши, теперь въ рубищѣ, казавшіеся при послѣднемъ издыханіи; они заплакали, когда увидѣли свѣтъ божій; тутъ же были и женщины, изнуренныя болѣзнями и душевными страданіями. О многихъ дѣло даже не начина-

([131]) Doat; XXXIV, 44...—«nedum quos sibi putat adversarios, sed et alios ac ad talia se convertat, quae non poterunt aliquatenus reparari, vestrae igitur paternitatis pedibus provoluti humiliter supplicamus ut circa praemissa sic salutifere et celeriter succuratis, quod praeclusa via periculis, et ruinis patria restituatur paci debitae et quieti. Constet enim vobis quod dictus populus et patria est catholica et fidelis, quantum nos humana fragilitas nosce finit, et populus civitatis Albiae et patriae fidem catholicam Corde» etc. (18 марта 1306).

лось, потому что не доставало уликъ, а между тѣмъ ихъ богатство было привлекательно. Кардиналъ велѣлъ очистить тюрьму и перевести арестантовъ въ другое помѣщеніе; главнаго тюремщика онъ тотчасъ смѣнилъ, назначивъ отъ себя монаха. Несчастные жаловались, что, отнявши у нихъ все, имъ не даютъ даже постели и пищи ([132]). То же самое кардиналы увидали въ казаматахъ Альби. Слѣдствіе открыло, что трибуналъ прибѣгалъ къ подставнымъ свидѣтелямъ и обвинителямъ для своихъ осужденій, что такимъ лицамъ платились деньги. Тѣмъ же, кто хотѣлъ показывать въ пользу ихъ, грозили тюрьмой и даже костромъ. Свѣтскіе чины трибунала обязывались присягою не открывать этого секрета судопроизводства, подъ страхомъ сожженія. Что оставалось дѣлать кардиналамъ? Прежнихъ жертвъ воротить было нельзя. Они сдѣлали, что могли; отрѣшили временно епископа альбійскаго и впредь запретили заключать кого либо въ тюрьму подъ видомъ ереси, безъ приказанія папы и безъ участія мѣстнаго епископа. Наконецъ, стороны должны были явиться на судъ Климента V въ Бордо ([133]). Вмѣстѣ съ тѣмъ своею властію кардиналы сняли отлученіе, наложенное нѣкогда Аблузіемъ на викарія Пикиньи и, очистивъ этимъ память народнаго любимца, пріобрѣли большую популярность ([134]).

Казалось, былъ положенъ предѣлъ узурпаціи доминиканцевъ самою куріею, но прежде чѣмъ общины успѣли воспользоваться своимъ торжествомъ,—обстоятельства круто перемѣнились.

Въ Италіи появился новый ересіархъ, который ненадолго смутилъ спокойствіе Климента V. Петръ Дульчино, урожденецъ миланскій, мечтатель, долго жившій однимъ внутреннимъ созерцаніемъ, сдѣлался ученикомъ Герарда Сегарелли. Дотолѣ подвижникъ ни кому неизвѣстный, онъ, послѣ смерти своего учителя, совершившейся на его глазахъ, вдругъ ощутилъ въ себѣ страшныя силы и пошелъ на проповѣдь. Онъ былъ вполнѣ отраженіемъ того бурнаго времени, когда ве-

([132]) XXXIV, 61.

([133]) Протоколъ осмотра и слѣдствія отъ 13 мая 1306 г. XXXIV, 45 etc.

([134]) XXXIV, 114.

личавое учрежденіе, которое держало на своихъ раменахъ весь Западъ, было не въ силахъ удовлетворить свременности и потрясалось въ своихъ основаніяхъ. Папство представлялось для Дульчино порожденіемъ Антихриста, тою же вавилонскою блудницей, которою оно было въ глазахъ альбигойцевъ, вальдензовъ, бегиновъ, Сегарелли и всѣхъ позднѣйшихъ протестантовъ. Но, свергая его авторитетъ, онъ искалъ руководящихъ началъ въ темномъ мистицизмѣ, въ которомъ трудно было уловить то новое, что онъ хотѣлъ положить въ основаніе ученія. Могучій демагогъ, онъ не обладалъ знаніями и идеями. Онъ имѣлъ преданія и опору въ проповѣдяхъ Оливы и Сегарелли, которые еще 50 лѣтъ тому назадъ на той же самой почвѣ требовали немедленнаго покаянія въ виду наступающаго царства Божія, и Дульчино рѣшился быть продолжателемъ Сегарелли и развивать его ученіе. Сжигая Сегарелли медленнымъ огнемъ, Церковь наживала въ Дульчино врага болѣ энергичнаго и опаснаго ([135]).

Воспитавшись въ сторонѣ отъ лангедокскаго движенія, незнакомый съ ученіемъ Оливы, онъ повторялъ основную идею послѣдняго, самъ не подозрѣвая того. Замѣчательно, что одинаковое движеніе возникло одновременно и въ Лангедокѣ и въ Италіи; оно исходило изъ разныхъ и самостоятельныхъ источниковъ, но причина, руководившая этой реакціей, была общая, такъ какъ заключалась въ общей деморализаціи нищенствующихъ орденовъ и въ стремленіи поднять послѣдніе до прежней высоты. Дульчино самъ не понялъ своего назначенія: онъ счелъ себя провозвѣстникомъ новаго порядка. Онъ унесся въ миръ утопій, въ видѣнія Апокалипсиса, тогда какъ созданъ былъ для практической дѣятельности. Онъ видѣлъ четыре періода въ жизни человѣчества— смутное отраженіе идей бегиновъ,—вѣтхозавѣтный вѣкъ патріарховъ и пророковъ, апостольскій, современный и будущій. Современный,—начавшійся съ папы Сильвестра и Кон-

([135]) Для Дульчино католическіе источники у Muratori. Scrp rer. ital. IX, 425—460. — Chronique de S. Denys, a. 1306.—Шлоссеръ посвятилъ ему прекрасную монографію: Abälard und Dulcin (1807); также Krone. Fra Dolcino und die Patarener (1844).—Mariotti. Historical memoir of Fra Dolcino and his times (1853).

стантина Великаго, — былъ причиной унюкенія Церкви, увлекшейся земными благами, соблазнившейся имуществами; изъ него Церковь выйдетъ только самоотверженіемъ и уничиженіемъ своихъ вождей, не папъ, которые къ тому не способны, а подвижниковъ—постниковъ, героевъ духовной силы въ родѣ Доминика, Франциска и Герарда. Для того, чтобы быть достойнымъ служителемъ Церкви и духа, надо отказаться отъ всякой собственности и мамона. Папа будетъ свергнутъ, пророчествовалъ Дульчино въ 1300 г., а король Сициліи, Фредериго аррагонскій, черезъ 3 года освободитъ Церковь. Пророчество отчасти сбылось, хотя желаніе Дульчино исполнилъ не тотъ король, на котораго онъ разсчитывалъ. Послѣ того должно начаться духовное Царствіе, весь міръ преобразится въ великую братскую общину, управляемую Духомъ Св., который вселится на этотъ случай въ него самого, слѣдовательно ему будетъ принадлежать духовная власть надъ міромъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ считаетъ себя шестымъ Ангеломъ Апокалипсиса ([136]). Дульчино скоро сталъ главою общины, если далеко не столь значительной, какъ онъ предполагалъ, то и не особенно аскетической. У него нашлись сотни преданныхъ людей, искавшихъ нравственной чистоты и ради ея всегда готовыхъ обнажить мечь, но не отказывавшихъ себѣ въ удовольствіяхъ брака. Въ Цебелло онъ видѣлъ новый Ѳаворъ, который былъ для его геройскихъ песлѣдователей тѣмъ же, чѣмъ нѣкогда Монсегюръ для альбигойцевъ. Благородные мечтатели долго защищались здѣсь отъ крестоносцевъ Климента V, предводимыхъ доминиканцами, но голодъ вынудилъ ихъ сдаться ([137]). Страшныя пытки и костеръ покончили съ пророкомъ. Его сестра во Христѣ, или точнѣе жена (more sororis in Christo), сгорѣла вмѣстѣ съ нимъ. Вина Дульчино въ томъ, что онъ не сознавалъ своего истиннаго призванія, не могъ

([136]) Specialiter ipsi Gerardus, et Dulcinus erant ordinati a Deo ad regendam et gubernandam dictam sectam, ad reformandam Ecclesiam; quae perierat per superbiam, avaritiam, luxuriam, et multa alia vitia (Mur. IX, 436). Въ Additamentum ученіе Дульчино полнѣе. См. p. 453, 459 (Margaritam esse gravidam de Spiritu Sancto).

([137]) Hist. Dulcini haeresiarchae,—Mur. IX, 440—442.

встать на настоящую дорогу и растратилъ богатыя силы на мистицизмъ и визіонерство. Это былъ полный контрастъ практической натурѣ Бернара Сладостнаго, который въ эти самые годы такъ ловко и съ такимъ успѣхомъ боролся за ту же идею терпимости, которая въ сущности подвигнула Дульчино на его подвигъ.

Исходъ дѣла Дульчино невыгодно отразился на провансальцахъ и ихъ отношеніяхъ къ инквизиціи. Доминиканцы оказали столько услугъ въ Италіи дѣлу папства подъ Цебелло, что Климентъ V отнынѣ сталъ видѣть въ нихъ своихъ вѣрныхъ друзей. Потому, инквизиторы, которые сожгли Дульчино и его жену, стали снова опорой папскаго престола. Распоряженія кардиналовъ были уничтожены и папа особою буллою воспретилъ всякое препятствіе и помѣхи инквизиціи при исполненіи ею своихъ обязанностей ([138]). Тѣ, которые нѣкогда боролись съ нею, были объявлены еретиками. Подъ эту категорію подпали между прочимъ и тѣ, которые спаслись отъ королевскихъ преслѣдованій по дѣлу о донъ-Фернандѣ. Знакомые намъ Проби, Гарсія, Франса, Караманъ и другіе горожане изъ Каркассоны, Альби и Лимукса, щедро платили въ Ліонѣ деньги при папскомъ дворѣ разнымъ кардиналамъ и родственникамъ Климента V, надѣясь откупиться отъ наказаній. Кардиналъ Санта-Кроче взялъ 2000 ливровъ; племянникъ папы столькоже, — но тѣмъ не менѣе виновные должны были подчиниться церковнымъ наказаніямъ, положеннымъ трибуналомъ. Бернаръ оставался на свободѣ, пока его соучастіе въ обществѣ бегиновъ не сдѣлалось слишкомъ явнымъ, чтобы не повлечь къ преслѣдованіямъ со стороны папы.

Климентъ V смотрѣлъ на оппозицію францисканцевъ, какъ на нарушеніе дисциплины и возмущеніе среди ордена. Въ буллѣ «Exivi de Paradiso,» онъ высказался на сторонѣ общежитія и, не осуждая духовныхъ, тѣмъ не менѣе требовалъ ихъ примиренія съ орденскими властями. ([139]). Онъ упускалъ изъ вида своеобразность ихъ богословскихъ возрѣній, которыя впрочемъ не выработались въ стройную форму, а только смутно бродили въ умахъ этихъ отшельни-

([138]) D. XXXIV, 112.
([139]) Clementin. l. V, tit. 11.

ковъ. То, отъ чего отказался Олива, сдѣлалось вѣрою его послѣдователей, за которую они готовы были пострадать; нѣкоторые прибавили къ тому свои собственныя измышленія. Исторія Церкви представлялась ихъ воображенію въ семи періодахъ ([140]). Сошествіе Св. Духа, побіеніе Стефана, Никейскій Соборъ, Павелъ Самосатскій, Карлъ Великій, Св. Франциск и, наконецъ, умерщвленіе Антихриста, который народился въ лицѣ папъ, отвергающихъ уставъ апостольскій, вотъ знаменія этихъ періодовъ ([141]). Францискъ въ мистическихъ выраженіяхъ признавался первымъ послѣ Христа и его Матери; онъ воскресилъ Церковь въ Его духѣ;— онъ былъ Апостоломъ Апокалипсиса и, когда нисходилъ для властвованія въ 6 и 7 періодахъ Церкви, то прямо назвалъ себя обновителемъ ея великолѣпія и ея хранителемъ. Плотская Церковь должна пасть и замѣниться Церковью св. Франциска. Одно изъ положеній Оливы, за которое продолжалъ ратовать де-Казале и его братія, было признано уже не мистическимъ, а явно еретическимъ и «ужаснымъ» ([142]). Папа, по ученію Казале, грѣшилъ, если покушался мѣнять уставъ св. Франциска или дозволялъ право собственности миноритамъ. Наконецъ, Римская Церковь устами бегиновъ была провозглашена преступной (multis tamen criminibus cum hoc mundo fornicata), великой блудницей, потому что удалилась отъ истиннаго служенія (fideli cultu), чистой любви и

([140]) D. XXXVII, 6.
([141]) Sextus status coepit a tempore beati viri patris nostri Francisci, plenius tamen debet incipere a damnatione Babilonis meretricis magnae quando praefatus Angelus Christi signo signabit per suos futuram malitiam Christi. Septimus autem uno modo inchoat ab interfectione illius Antichristi, qui dicit se Deum et Messyam Judaeorum alio modo inchoat ab initio extremi judicij omnium reproborum et electorum. XXXVII, 6.
([142]) In nono articulo dicit sic sicut in sexta aetate rejecto carnali Judaysmo, et vetustate prioris saeculi venit novus homo Christus cum nova lege, vita et cruce sic in sexto statu rejecta carnali Ecclesia, et vetustate prioris saeculi renovabitur Christi Lex et Vita et Cruce propter quod in ejus primo initio Franciscus apparuit Christi plagis caracterisatus, et Christo totus concrucifisus et configuraturus, f. 63.

утѣхъ Христа, супруга своего, прильнула къ міру земному, его богатствамъ и прелестямъ—а потому служитъ дьяволу, королямъ, вельможамъ, прелатамъ и другимъ поклонникамъ этого царствія ([143]).

Смерть Климента V и наставшая послѣ него неурядица среди куріи были причиною усиленія бегиновъ. Они пріобрѣли покровительство Фридерика Сицилійскаго и поглотили въ себѣ сходныхъ съ ними по проповѣди, итальянскихъ послѣдователей Сегарелли и Дульчино. Въ Лангедокѣ былъ центръ оппозиціи. Бернаръ Сладостный сталъ вождемъ 120 братьевъ, жившихъ въ разныхъ городахъ. Онъ рѣшился употребить это воинство на борьбу за терпимость. Многіе изъ нихъ были схвачены и посажены въ тюрьму. Каркассонскій и безьерскій монастыри францисканцевъ сдѣлались открытыми центрами оппозиціи противъ инквизиторовъ и вообще доминиканцевъ. Въ Каркассонѣ народъ кинулся на доминиканскій монастырь, овладѣлъ имъ, открылъ тюрьмы и освободилъ плѣнныхъ миноритовъ. Подобные же безпорядки въ томъ же 1314 г. были произведены въ Нарбоннѣ и Безьерѣ; здѣсь сдѣлали нападеніе на общежительные францисканскіе монастыри, смѣнили въ нихъ начальство и ввели порядки новыхъ «апостоловъ» ([144]).

Новый папа Іоаннъ XXII, открывшій собою рядъ авиньонскихъ первосвященниковъ, въ самомъ началѣ своего правленія принялъ рядъ строгихъ мѣръ противъ лжеапостоловъ. Онъ приказалъ королю Фридерику изгнать изъ Сициліи тѣхъ францисканцевъ, которые не желаютъ подчиниться своему генералу и общимъ постановленіямъ ордена. Буллою «Quorundam exigit» онъ предписываетъ всѣмъ отпавшимъ немедленную покорность духовному начальству. Нищета дѣло почтенное, цѣломудріе еще выше, но послушаніе есть высшая добродѣтель, писалъ онъ. Провинціалъ Аквитаніи, Бертранъ де ла-Туръ, хотѣлъ привести въ исполненіе распоряженіе папы, но встрѣтилъ рѣшительное сопротивленіе. Онъ приказывалъ смѣнить короткія рясы на обыкновенныя; ему отвѣчали, что этотъ костюмъ установленъ самимъ Францискомъ;—когда тотъ сталъ настаивать, они аппелировали

([143]) Art. 54, f. 66.
([144]) Baluzius. Vitae pap. Avign. II, 342.

на папу несправедливаго папѣ безпристрастному. Ихъ протестъ былъ покрытъ 46 подписями. Іоаннъ XXII велѣлъ пригрозить подписавшимся отлученіемъ. Тогда они потребовали суда и пошли въ Авиньонъ. Всѣ они были изъ Нарбонны и Безьера. Дорогою къ нимъ прикоединилось нѣсколько другихъ, такъ что набралось 74 человѣка. Ихъ вождями были Убертинъ де-Казале и Бернаръ Сладостный; вмѣстѣ съ ними пріобрѣли извѣстность Францискъ Санцій, Вильгельмъ Сантъ-Амандъ и Анжеликъ Кларенъ. Прибывъ въ Авиньонъ, бегины не хотѣли помѣститься въ францисканскомъ монастырѣ и расположились ночевать на лѣстницѣ папскаго дворца. Іоаннъ XXII встрѣтилъ ихъ ласково и сталъ уговаривать, но когда увидѣлъ въ нихъ непоколебимую стойкость, то ввелъ въ залу нѣсколькихъ францисканцевъ, которыхъ сталъ осыпать порознь безпощадными обвиненіями. Бернаръ Сладостный, Вильгелмъ Сантъ Амандъ, Францискъ Санцій защищались такъ рѣзко, наговорили Іоанну въ глаза столько правды, что папа вышелъ изъ себя и съ досады велѣлъ заключить ихъ троихъ въ тюрьму, прочихъ держать подъ стражею до окончанія суда. Напрасно бегины взывали о справедливости; ихъ больше не слушали. Инквизиторъ, францисканецъ Михаилъ началъ процессъ, который продолжался два года. Между тѣмъ Іоаннъ XXII издалъ буллу Gloriosam Ecclesiam, въ которой сужденія бегиновъ были объявлены еретическими. Узнавъ объ этомъ 49 подсудимыхъ немедленно заявили повиновеніе, но 25 долго стояли на своемъ. Впрочемъ изъ нихъ только 4 сохранили до конца свои убѣжденія и изъявили готовность умереть. Это были Іоаннъ Барро, Михаелисъ, Вильгельмъ Сантонъ и Понсъ Роча. Что касается до Бернара, то онъ къ удивленію отрекся, думая сохранить свободу и жизнь. Для него не уставъ св. Франциска былъ вопросомъ первой важности; своимъ существеннымъ призваніемъ онъ считалъ борьбу съ инквизиціей и нетерпимостью. Онъ разсчитывалъ принести еще какую нибудь пользу своей странѣ, но онъ ошибся.

Четверо упомянутыхъ бегиновъ были привезены въ Марсель; здѣсь ихъ поставили передъ трибуналомъ инквизиціи. Они обнаружили истинное геройство. Ихъ процессъ имѣетъ историческій смыслъ, что обыкновенно упускаютъ изъ виду. Важно не то, что они защищались, а та идея, которая дви-

гала ими. Они были первые, которые, будучи правовѣрными католиками, всегда безстрашными борцами своей вѣры, рѣшились высказаться противъ гнета папства и отказались признать въ дѣлѣ совѣсти авторитетъ одного человѣка, какую-бы степень въ іерархіи онъ ни занималъ. Католики до мозга костей, они погибли за тотъ самый принципъ, какой руководилъ позднѣйшимъ протестантизмомъ.

Изъ протокола этого процесса видно, какъ подсудимые отрицали право папы опредѣлять ту или другую степень бѣдности и подвижничества, какую кто хочетъ возложить на себя лично или на все братство, что онъ не можетъ разрѣшить монаху, священнику или епископу свободы въ образѣ жизни, которой прежде не допускалось, а равно возбранить говорить и дѣйствовать противъ нововведеній апостольскаго престола. Равнымъ образомъ папа не можетъ кассировать уставъ св. Франциска или какой другой; это явно противорѣчило-бы власти апостольской, такъ какъ равнялось-бы уничтоженію и исключенію ордена изъ среды другихъ. Папа не можетъ допускать, чтобы орденскія власти и казначеи по своему произволу наполняли житницы и погреба братіи необходимыми принадлежностями; такое толкованіе права первосвященниковъ влечетъ къ несообразности (declarat absurditatem) и не согласуется съ апостольскою властію (145).

Въ сущности бегины просили немного. Они хотѣли обязать себя уставомъ болѣе строгимъ, который всякій папа при другихъ обстоятельствахъ счелъ бы себя счастливымъ утвердить своею подписью. Они отрицали авторитетность буллы «Quorundam exigit», опираясь на ея противорѣчіе съ прежними. Но инквизиція понимала, что мотивъ, руководящій движеніемъ бегиновъ, при логическомъ своемъ развитіи, можетъ повести къ результатамъ весьма опаснымъ для папства. Потому-то инквизиція смотрѣла на этотъ повидимому ничтожный протестъ, какъ на преступленіе самое тяжелое. Объявленные нераскаянными еретиками, 4 францисканца были осуждены на низложеніе, которое было поручено привести въ исполненіе епископу марсельскому. Окруженный духовенствомъ, онъ съ торжественной церемоніей совершилъ этотъ обрядъ 7 мая 1318 г. Одну за другою снимали съ осужденныхъ

(145) D. XXXVII, 76.

всѣ принадлежности духовнаго сана, произнося при этомъ положенныя формулы. Еще разъ убѣждали ихъ отречься, и они еще разъ заявили свою правоту (146). Тогда имъ обрили головы и передали въ руки свѣтской власти. Они сгорѣли живыми и до послѣдняго издыханія не хотѣли упрекнуть себя ни въ чемъ.

Друзьямъ и вождямъ ихъ дѣла не доставало душевной энергіи, чтобы доблестно отстоять ту идею протеста противъ папскихъ притязаній, которую они приносили съ собою. За это они сохранили жизнь и свободу, хотя не избавились отъ церковнаго покаянія, благодаря «справедливости и благосклонности» святѣйшей инквизиціи (147). Но между тѣмъ былъ человѣкъ, еще не переставшій казаться опаснымъ для Римской Церкви. Онъ осмѣливался возставать противъ учрежденія, которое оказало ей столько услугъ. Онъ неоднократно наносилъ инквизиціи такіе удары, воспоминаніе о которыхъ изчезаетъ нескоро. Папа, простившій Бернара, съ цѣлью утишить волненіе его примѣромъ, теперь долженъ былъ отдать его въ жертву врагамъ, которымъ онъ столько былъ обязанъ. Надъ Бернаромъ тяготѣло столько старыхъ грѣховъ, что за уликами дѣло не стало. Его вызвали въ Авиньонъ. Онъ чувствовалъ, что на этотъ разъ ему не избѣжать наказанія, и составилъ завѣщаніе, въ которомъ распорядился своимъ скуднымъ имуществомъ, состоявшимъ изъ книгъ. Папа лично объяснялся съ нимъ, и черезъ два дня послѣ того, Бернаръ былъ арестованъ, 24 мая 1318 г. Епископу труасскому, аббату св. Сатурнина было поручено произвести слѣдствіе (148). Обвинительный актъ состоялъ изъ 60 статей, читая которыя можно

(146) Proc. ins. f. 167, 188, 262.—Baluz. Vitae; II, 248.

(147) De sacerdote qui in praedictis erroribns deprehensus et monitus canonice ut poeniteret, et abjuraret eosdem penitus facere recusavit, et sic fuit relictus haereticus brachio saeculari reputo bene processum fuisse: quare autem in poenis existens post latam sententiam reverti voluit et paenitere, et sic fuit ad paenitentiam, receptus dimisso rigore juxta aequitatem et benegnitatem officii inquisitionis, et Ecclesiae reputo bene actum sicut in alio quatorno de casu consimili notatum plenius invenietis. D. XXXVII, 81. Изъ архива каркассонской инквизиціи.

(148) Proc. ins. f. 35.

подумать, что подсудимый принадлежитъ къ числу отъявленныхъ злодѣевъ. Въ сущности Бернаръ обвинялся: 1) въ покушеніи противъ безопасности инквизиціи, 2) въ защитѣ, которую онъ оказывалъ еретикамъ, и 3) въ попыткѣ къ мятежу противъ короля. Въ послѣднее время онъ не производилъ никакихъ волненій противъ трибуналовъ и не защищалъ еретиковъ, а что касается до его политической дѣятельности, то правительство въ настоящее время ничего не имѣло противъ него. Политическія обстоятельства такъ перемѣнились, что подобное обвиненіе не имѣло уже значенія. Для уясненія этого стоитъ только кинуть взглядъ на предшествовавшія политическія событія и, пока судятъ нашего героя, посмотримъ, какое положеніе застигло въ это время французское правительство. Филиппъ Красивый сошелъ въ могилу, оставивъ государство наканунѣ бури Передъ смертью онъ, всегда такъ прозорливый, подозрѣвая вокругъ себя все, не питалъ никакихъ подозрѣній относительно Бернара. Лангедокъ привыкъ къ ярму и когда въ сѣверныхъ провинціяхъ королевства, изнуренныхъ налогами и бѣдностью, произошли возстанія противъ административнаго гнета во имя старыхъ особенностей и сословныхъ привиллегій, Югъ былъ вполнѣ спокоенъ, хотя тамъ казалось было болѣе горючихъ матеріаловъ.

Филиппъ не увидѣлъ паденія системы, насажденной его предками. Онъ чувствовалъ себя въ силахъ бороться съ феодальной и коммунальной оппозиціей, для которой его смерть была счастливымъ событіемъ ([149]). Онъ передалъ взволнованное государство неспособному сыну, который былъ далеко ниже своего положенія. Руководимый своимъ дядей, Карломъ Валуа, воспитанный во враждѣ къ легистамъ, онъ сдѣлалъ все, чтобы возстановить старое феодальное время, къ которому имѣлъ личныя симпатіи. Онъ видѣлъ, какъ аристократія соединяется съ коммунерами, чтобы вмѣстѣ дѣйствовать противъ него, и какъ Франція покрывается мелкими лигами; вмѣсто того, чтобы опереться на преданныхъ легистовъ, создавшихъ монархію, онъ самъ принесъ ихъ въ жертву оппозиціи и ревностно заявлялъ себя другомъ рыцарства.

([149]) Boulainvilliers первый обнародовалъ актъ о лигѣ, заключенной знатью и коммунами Шампани противъ Филиппа IV, обложившаго провинцію невыносимыми податями и налогами, что направлено противъ вольностей страны и пр. Lettres sur les anciens parlements; II, 29.—Въ Trésor des Chartes хранится 8 подобныхъ документовъ.

Напрасно объяснять успѣхъ феодальной реакціи, наставшей послѣ его смерти, только личностью новаго короля. Механизмъ, созданный искуственно и слишкомъ рано, вопреки всѣмъ экономическимъ законамъ, не могъ упрочиться сразу: онъ жилъ крайнимъ напряженіемъ государственныхъ элементовъ, которые наконецъ истощились. Когда погибли творцы системы, прорвались прежнія искусственныя плотины и Франція на нѣсколько лѣтъ вновь объята духомъ партикуляризма, который два вѣка искореняли короли. Вѣшая министровъ своего отца, Людовикъ X заносилъ ножъ на самого себя и губилъ дѣло, которое создалось такими талантами и съ такой традиціонной энергіей. Обезсиленный, онъ отдался теченію. Всѣ сословія и области просыпаются послѣ долгаго сна и требуютъ возвращенія того, что у нихъ было отнято коварными королями. Рѣдко въ столь немногіе годы было сдѣлано такъ много; 1314, 1315, 1318 г. погубили то, что создавалось вѣками. Казалось, Франція грозила снова разсыпаться на отдѣльныя области. Но въ это время, когда провинціи одна за другой пріобрѣтали себѣ хартіи свободы, когда феодалы Пикардіи, Нормандіи, Бургундіи, Шампани выговариваютъ всѣ старыя привиллегіи и даже право чеканить монету, освобождаясь отъ обязательной службы подъ королевскими знаменами въ случаѣ востребованія, когда мѣстные суды отстраняютъ надзоръ парижскаго парламента, а населеніе, возвратившись къ посословному и феодальному суду присяжныхъ, избавляется отъ пытокъ, введенныхъ легистами и инквизиціей, когда возстановляются поединки и частныя войны,—что предпринимаетъ въ это время Лангедокъ? Къ удивленію, онъ, прежде отличавшійся духомъ независимости, отстаетъ на этотъ разъ отъ прочихъ провинцій.

Южное духовенство и отчасти аристократія принимаютъ участіе въ реакціонномъ движеніи, но не по самостоятельному побужденію, а слѣдуя готовому примѣру. Города же мало заявляютъ себя. Каждое сословіе отстаиваетъ свои особенныя права. Благодаря политикѣ Альфонса, Лангедокъ такъ офранцузился, что не думалъ въ этотъ удобный мо-

ментъ о возвращеніи своей національности. Силы страны были разъединены. Если вѣрить Лафайлю, то еще при жизни Филиппа IV тулузцы ходатайствовали объ установленіи болѣе постоянной монеты, такъ какъ частыя измѣненія цѣнности ея, при упорномъ возвышеніи налоговъ, совершенно истощили горожанъ (150). Король отвѣчалъ согласіемъ, такъ какъ былъ стѣсненъ на сѣверѣ.—Еще болѣе долженъ былъ задобривать южанъ его сынъ. Но такъ какъ южане просили о немногомъ въ ихъ длинныхъ, но малосодержательныхъ хартіяхъ, то легко получили желаемое. Они рядомъ ордонансовъ избавлены отъ платежа денегъ на фландрскую войну; вмѣстѣ съ тѣмъ прекращены иски небольшихъ суммъ, должныхъ евреямъ, и подтверждены привиллегіи, данныя Людовикомъ IX и Филиппомъ IV, т. е. замѣна предварительнаго заключенія денежною порукой и право судиться собственнымъ судьей. Налоги оставлены тѣ же; единовременные взносы съ каждаго сенешальства, при вступленіи на престолъ, доведены до 10 т. ливровъ. Аппеляціи въ парижскій парламентъ сокращены, смотря по важности дѣлъ, но не уничтожены; притомъ въ Лангедокѣ по прежнему дѣло вершилъ сенешалъ—и о возстановленіи старыхъ судовъ въ грамотахъ не упоминается. Право бить монету получили только нѣкоторые прелаты, но не безусловно, а опредѣлялись ея форма и вѣсъ. Феодалы получили право частной войны и право отчужденія недвижимости, которое разрѣшалъ Альфонсъ только подъ условіемъ уплаты пошлины (151). Все это огромная разница съ знаменитой Charte aux Normands (мартъ 1315 г.), съ возстановленіемъ старинныхъ «добрыхъ кутюмовъ» въ Оверни (декабрь 1315 г.) и съ возрожденіемъ самостоятельности феодальныхъ дворовъ въ Бретани (мартъ 1316 г.). Между тѣмъ послѣднія страны далеко не имѣли богатой національной исторіи Лангедока и Прованса.

Извѣстно, чѣмъ кончилась реакція. Она установила идею индивидуальной свободы каждаго сословія, но упустила изъ вида государство. Въ этомъ достоинства и недостатки движенія. Французская аристократія доказала въ такой рѣдкій моментъ полную свою неумѣлость воспользоваться выгодами положенія; она не умѣла составить изъ себя политическаго тѣла и не хотѣла протянуть руку другимъ сословіямъ, чтобы выработать единодушными усиліями изъ множества частныхъ грамотъ одну хартію свободы и встать на конституціонный путь. Она заботилась только о себѣ; всѣ сословія были разъединены и королевская власть должна была по неволѣ взять управленіе государствомъ изъ рукъ феодальной партіи и вступить въ свои старыя права. Это случилось при Филиппѣ V, когда легисты снова принялись исправлять ошибки феодаловъ. Прямо изъ тѣмницъ они встали у кормила власти. Аристократія, польщенная сохраненіемъ своихъ сословныхъ правъ, безъ борьбы возвратила королямъ свои политическія права. Старая тиранія Филиппа Красиваго уже не могла вернуться послѣ опыта 1315 года, но принципъ сомодержавной власти и нераздѣльности монархіи былъ провозглашенъ рѣшительно и направилъ теперь уже безповоротно судьбы Франціи (152). Право чеканки монеты, въ исторіи котораго можно прочесть исторію монархической власти, было отнято отъ феодаловъ (іюнь 1317 г.). Парижскій совѣтъ или парламентъ возъимѣлъ рядомъ съ королемъ—верховное значеніе въ государствѣ; его организація и предѣлы власти были усовершенствованы. Тѣмъ не менѣе средневѣковыя государственныя идеи, которыя клонились къ гибели, благодаря феодальной реакціи, на лишнее время продлили свое существованіе. Мы позволимъ себѣ замѣтить, что дѣйствія инквизиціи также отразились на возникновеніи реакціи; это подтверждается осязательно тѣмъ, что въ годы ея проявленія трибуналы подвергались безнаказаннымъ и смѣлымъ оскорбленіямъ со стороны бегиновъ и народа и что со дня новой побѣды королевской власти ея могущество было снова упрочено распоряженіями гражданскихъ властей, которыя клялись ей вмѣстѣ съ консулами въ повиновеніи, заключали съ ней союзы и поспѣшили ознаменовать правленіе Филиппа V церемоніей auto da fe.

(150) Il me souvient d'avoir vû dans nos Archives une déclaration etc. Lafaille. Annales de Toulouse; I, 49. Preuves des Annales, 61.

(151) Preuves de l'hist. de Lang. VI, 498; VII, 440—444.

(152) Взглядъ на реакцію у Mignet. Formation territoriale et politique de la France (Mémoires historiques, 1859, p. 194—5).

Только указанными обстоятельствами объясняется процессъ Бернара. Его судили полтора года, когда вздумали возбудить вопросъ о тѣхъ преступленіяхъ, за которыя онъ уже поплатился заточеніемъ. Такъ какъ ограничиться однимъ возобновленіемъ обвиненія было неудобно, то отыскали такую вину, о которой Бернаръ даже и не мечталъ.— Его обвинили въ смерти Бенедикта XI при помощи колдовства и отравы, тогда какъ онъ не имѣлъ случая даже видѣть этого папу. Подобныя обвиненія при Іоаннѣ XXII были особенно распространены и давали не малый матеріалъ для дѣятельности трибуналовъ,—вопреки своему первоначальному назначенію взявшихъ въ свое вѣденіе процессы о волшебникахъ, вѣдьмахъ и некромантахъ. Въ такихъ преступленіяхъ феодальная партія обвиняла между прочимъ министровъ Филиппа IV, Энгерана Мариньи, епископа шалонскаго, Петра де Латильи и генеральнаго адвоката Рауль де Пресля, изъ которыхъ всѣ послѣдніе выдержали пытку и были освобождены, а Мариньи вмѣстѣ съ некромантомъ Делоромъ и его женою были повѣшены, за то что дѣлали восковыя фигуры короля и бароновъ, съ цѣлью извести ихъ. Обвиненіе же, взведенное на Бернара, не было даже достаточно прилажено—и въ этомъ отношеніи довольно характеристично. Въ процессѣ значится, что онъ «послалъ къ римскому двору вѣстника и съ нимъ ящичекъ, обитый въ холстъ, запертый замочкомъ, наполнивъ его разными снадобьями, питьями и порошками; въ него же онъ положилъ письмо, писанное собственною рукою, и при помощи всего этого сократилъ жизнь папы Бенедикта XI». Сказывали, что онъ «въ проповѣди предъ альбигойцами говорилъ о смерти папы въ самый день его» кончины и что онъ, наконецъ, «имѣлъ книгу, исписанную разными кружками и непонятными изреченіями, по которой и занимался предсказываніемъ» ([153]). Прискорбнѣе всего то, что прежніе друзья Бернара, вызванные къ дѣлу, дали показанія, самыя благопріятныя для инквизиціи. Патріоты, въ родѣ Кастанета и Франса, простодушно вѣрили въ кудесничество своего вождя; они говорили, что Бернаръ посылалъ ихъ за воскомъ и холстомъ, въ который завернулъ кожаный ящичекъ, отправленный имъ въ

([153]) Proc. ins. f. II, 51, 56, 60.

Италію къ доктору Вилланова, его пріятелю, для передачи папѣ. Свидѣтели думали, что посылаются письма, но совпаденіе внезапной смерти папы и этой таинственной посылки навело ихъ на мысль о колдовствѣ. Теперь была покойна совѣсть этихъ людей; то могущественное вліяніе, которое производилъ на нихъ Бернаръ, они могли легко объяснить его сношеніемъ съ нечистымъ духомъ.

Изъ Авиньона повезли Бернара въ Кастельнодарри, гдѣ были назначены засѣданія особаго верховнаго судилища, состоявшаго изъ лицъ свѣтскихъ и духовныхъ. Дорогою онъ узналъ о сожженіи 4 бегиновъ въ Марсели. Онъ писалъ, что та же судьба постигнетъ и его. Онъ осуждалъ вслухъ беззаконный судъ и называлъ этихъ страдальцевъ св. мучениками, также какъ и аббата Іакима. Эти слова послужили послѣ фактомъ для новаго обвиненія въ ереси.

Въ сентябрѣ 1319 г. собрался сперва въ Кастельнодарри, а потомъ въ Каркассонѣ, верховный трибуналъ по дѣлу Бернара. Его процессъ не носилъ на этотъ разъ инквизиціоннаго характера. Предсѣдателемъ былъ назначенъ архіепископъ тулузскій, но онъ удалился со втораго засѣданія, оставивъ вмѣсто себя двухъ суффрагановъ. Представители свѣтской власти именемъ короля предложили относиться къ дѣлу безпристрастно и не медлить его окончаніемъ. Подсудимому представлены были всѣ протоколы и онъ призналъ ихъ подлинность. Бернаръ открыто, съ нѣкоторой торжественностію, сознавался въ той глубокой ненависти, которую онъ питаетъ къ инквизиціи и къ доминиканцамъ, ея орудіямъ. Онъ считаетъ лучшимъ дѣломъ своей жизни эту борьбу съ тиранами города Альби, и если онъ не успѣлъ достигнуть цѣли своихъ желаній, то объ этомъ душевно и искренно скорбитъ. Онъ прибавлялъ, что не можетъ считать себя отвѣтственнымъ предъ собственной совѣстью за такое честное дѣло. Допрошенный о сношеніяхъ съ принцемъ Фердинандомъ, онъ скрылъ нѣкоторые факты противъ своихъ прежнихъ показаній. Инквизиторы потребовали пытки, причемъ постановили, чтобы палачъ сообразовался съ его лѣтами и не довелъ-бы подсудимаго мученіями до смерти или лишенія членовъ, но впрочемъ палача не стѣсняли въ выборѣ и продолжительности истязаній (quoque modo posset). Бернара, въ сопровожденіи нотаріусовъ и актуарія и одного инквизитора, повели въ пытную камеру.

При всей слабости натуры онъ выдержалъ страшныя истязанія; онъ стоналъ отъ боли, не произнося ни одного слова. Вѣроятно онъ впалъ въ обморокъ. Подобныя явленія случались часто; пытка въ большинствѣ случаевъ обманывала ожиданія судей, Съ истязуемыми обыкновенно дѣлался обморокъ и вмѣсто отвѣтовъ, которыхъ отъ нихъ добивались, они издавали пронзительныя крики, безсвязныя восклицанія и послѣ мученій долго не могли придти въ себя, чтобы понять, чего хотятъ отъ нихъ мучители.

Но на другой день Бернаръ показалъ уже всю правду о заговорѣ. Онъ удерживалъ отъ него товарищей и никогда не одобрялъ такого способа дѣйствій. Во всякомъ случаѣ, какъ дѣло политическое, оно было уже давно кончено и онъ въ свое время далъ въ немъ отвѣтъ предъ королемъ, который простилъ его. Что касается обвиненія въ отравленіи Бенедикта XI, то Бернаръ даже отказался отвѣчать на извѣтъ столь нелѣпый, для котораго нѣтъ даже сколько нибудь дѣйствительныхъ уликъ. — Инквизиторы опять прибѣгнули къ пыткѣ. Бернаръ геройски выдержалъ новыя мученія. Даже изъ страха смерти, на дыбѣ, онъ не хотѣлъ взвести на себя клевету. Какъ ни старались палачи и судьи, нотаріусы не могли записать въ протоколъ ни одного точнаго показанія. Нотаріусъ объявилъ суду, что подсудимый не сознается. Какъ извѣстно, это обстоятельство не служило бы гарантіею подсудимому, тѣмъ болѣе что на немъ тяготѣли и безъ того достаточныя обвиненія, бездны зла (profunda malorum opera), какъ выразилось судилище. На Бернара возвели также обвиненіе въ некромантіи, вызовѣ духовъ, наконецъ въ чтеніи запрещенныхъ книгъ, между которыми на первомъ мѣстѣ стояли сочиненія Оливы и комментаріи на его трактаты ([154]). Онъ не хотѣлъ оправдываться въ этомъ, потому что сочувствіе къ стремленіямъ «истинныхъ миноритовъ»

([154]) Позднѣйшіе бегины также постоянно обвинялись въ чтеніи и почитаніи Оливы, который для нихъ: «lumen et lux quam Deus misit in mundum et propter hoc illi qui non vident istud lumen ambulant in tenebris» (Doat; XXX, 252). Его сочиненія, — какъ Postillper Apocalipsi et tractatus parvus de paupertate, de mendicitate, de septem spiritibus malignis,—были переведены на провансальскій языкъ.

было не чуждо ему, а къ вождю новаго направленія онъ питалъ даже глубокое сочувствіе. Судъ былъ оконченъ.

8 декабря 1319 г., Бернара вывели на каркассонскую площадь. Въ присутствіи всего городскаго и пріѣзжаго духовенства и несмѣтной толпы народа, прочли длинный приговоръ ([155]). Его преступленія состояли въ томъ, что онъ осмѣлился поносить инквизицію, которую неоднократно оклеветалъ-де въ несправедливости и жестокости, кощунственно выражаясь о ея мнимой готовности осудить даже св апостоловъ, что онъ возмущалъ народъ противъ нея и заставлялъ не разъ прибѣгать къ насильственнымъ дѣйствіямъ, что онъ измѣннически сносился съ принцемъ Фернандомъ, желая предать ему городъ Альби и Каркассону, что онъ держалъ, читалъ и комментировалъ книгу по некромантіи о вызываніи духовъ, о приношеніяхъ имъ, о кудесническихъ заговорахъ, о колдовствѣ и всякомъ злѣ. За все это судилище въ неизрѣченной милости своей приговариваетъ его къ лишенію церковнаго сана, монашескаго чина и къ пожизненному заточенію въ оковахъ въ инквизиціонной тюрьмѣ, въ продолженіи котораго онъ не можетъ ничего вкушать, кромѣ хлѣба и воды. Народъ, за свободу и счастіе котораго Бернаръ боролся такъ безплодно, такъ долго и ради котораго онъ пострадалъ, не шелохнулся ни однимъ движеніемъ, слушая чтеніе сентенціи трибунала. Епископъ приблизился къ осужденному и разстригъ его. Съ него сняли всѣ священническія одежды, произнося слѣдуемыя по обряду формулы. Королевскіе судьи изъявили свое согласіе съ приговоромъ. Затѣмъ Бернара отвели въ тюрьму. Ему не суждено было долго страдать въ страшномъ казаматѣ. Онъ умеръ спустя годъ съ небольшимъ....

Французское правительство продолжаетъ поддерживать и усердно поощрять инквизицію. Оно считало приговоръ судилища надъ Бернаромъ слишкомъ мягкимъ. Королевскій прокуроръ заявилъ судьямъ,—что они были слишкомъ милостивы къ преступнику, злодѣянія котораго такъ громадны, что они не должны были принимать оправданій его въ отравѣ папы Бенедикта, что заточеніе для убійцы наказаніе

([155]) Приговоръ напечатанъ въ Liber sententiarum inq. Tol. apud Limborch, 268—272.—Proc. ins. 174—183.

весьма снисходительное. Интересы правосудія нарушены, королевское достоинство оскорблено, совѣсть вѣрноподданныхъ скандализирована, писалъ прокуроръ ([156])... И чего домогалось правительство? Бернаръ не имѣлъ никакого имущества, чтобы завѣщать его королевской казнѣ; казаматъ онъ охотно промѣнялъ-бы на эшафотъ. Прокуроръ хотѣлъ отличиться въ документальной преданности Церкви. По его мнѣнію, монахъ, покусившійся на жизнь первосвященника, долженъ былъ «нѣсколько разъ умереть». Онъ аппелировалъ къ папѣ на трибуналъ, настаивая на смертной казни францисканца. Но Іоаннъ XXII былъ спокоенъ и доволенъ. Усердіе прокурора оказалось излишне, но для отношеній того времени оно осталось характеристичнымъ.

Казнь 4 бегиновъ и заточеніе Бернара было началомъ цѣлаго ряда подвиговъ инквизиціи надъ францисканцами, державшимися ученія Оливы. Свѣденія о процессахъ альбигойцевъ становятся рѣдкими, притомъ въ нихъ всегда почти замѣшиваются францисканцы, обвиняемые въ лжеапостольствѣ. Бегины и вальдензы, говоря вообще, смѣняютъ альбигойцевъ, начиная со второй четверти XIV столѣтія.

Изъ этого не слѣдуетъ, чтобы катары совершенно исчезли; они въ такой степени слились съ альбигойцами, что было бы слишкомъ смѣло оставить въ сторонѣ тѣ инквизиціонныя преслѣдованія, которыми такъ богатъ 1319 г. и жертвою которыхъ были въ одинаковой степени всѣ протестанты, т. е. бегины, вальдензы и собственно альбигойцы. Тогда же обрушилось преслѣдованіе на французскихъ евреевъ вмѣстѣ съ прокаженными. Евреевъ повсюду жгли по 200 человѣкъ за разъ, благодаря указамъ Филиппа V, который получилъ отъ такой операціи 150 т. ливровъ ([157]). Въ продолженіе періода времени отъ 3 марта 1308 до октября 1319 г., было только въ одной Тулузѣ шесть большихъ инквизиторскихъ съѣздовъ, которые вѣжливо назывались публичными назиданіями. Эти оригинальныя бесѣды влекли за собою тѣ-же костры. Въ Капестангѣ, Лодевѣ, Люнелѣ, Безьерѣ, и особенно

([156]) Baluzius. Vitae pap. Av. I, 344.

([157]) Guil. de Nangiaco. Continuatio. Небольшая, но фактичная статья объ евреяхъ во Франціи у Leber. Coll. des meilleurs dissert. III, 393.

въ Нарбоннѣ, казни совершались непрерывно до 1324 г. Онѣ были вызваны процессомъ Бернара и оппозиціею францисканцевъ.

Мы имѣемъ подробныя свѣденія о подвигахъ Бернара Гвидона и Іоанна де-Бонь, предсѣдательствовавшихъ на тулузскомъ съѣздѣ 1319 г. Засѣданія суда происходили въ каѳедралѣ. Особенно торжественно было послѣднее заключительное засѣданіе ([158]). Инквизиторы разобрали множество дѣлъ старыхъ и новыхъ. Епископы окрестныхъ діоцезовъ дали Гвидону полномочія судить и карать отъ ихъ имени. Муниципальныя власти Тулузы, королевскіе судьи и чиновники поклялись оберегать Римскую Церковь, преслѣдовать еретиковъ, доносить на нихъ и исполнять повелѣнія инквизиторовъ. Присутствовавшій здѣсь же архіепископъ произнесъ проклятіе противъ тѣхъ, кто будетъ оказывать препятствія и помѣхи дѣлу инквизиціи. Тогда инквизиторъ сталъ читать помилованія по старымъ дѣламъ и сентенціи по новымъ,—по провансальски и по французски. Съ 20 человѣкъ была снята эпитимья; 56 человѣкъ освобождены отъ заключенія, съ обязательствомъ носить покаянную одежду; 25 за сношенія съ альбигойцами и вальдензами осуждены были на пилигримство и разновременныя заточенія. Затѣмъ было прочитано сознаніе 27 подсудимыхъ. Они каялись въ томъ,

([158]) Acta in sermone inq. facto in ecclesia S. Stephani apud Liber sent. inq. Thol. 208—268. Имена прочихъ подсудимыхъ и привлеченныхъ вмѣстѣ съ ними отъ 1307—23 года ib. въ прил. на стр. 397, гдѣ общій списокъ еретиковъ разныхъ ученій. Послѣ крупныхъ дѣлъ можно поименовать процессы Ioh. Aymonius, его брата Helias, Guil. de Bosco и его сына Raymundus, Guil. de Bayssanis (изъ Монтобана), Steph. de Vineis, и его жены; Ioh. uxor Petri de Aragone, Peyronella uxor Helye Garini и ея мужа; P. R. Dominicus и его жены; Arnaldus Isarni de Villamura (изъ еретической фамиліи), P. de Gaudone, P. Aymonis, и его жены; St. Garini и его жены и пр. Далѣе попадается много бургундцевъ, судимыхъ какъ вальдензы. Бегины судились преимущественно въ 1322 и 1323 г.: P. Dominicus изъ Нарбонны и Guil. Ruffus изъ Мирепуа. Послѣднимъ опредѣленіемъ Гвидона было схватить барона Bernardum de Maferiis, который былъ отлученъ за бегинство въ 1322 г. и уличенъ вторично.

что покровительствовали еретикамъ; за раскаяніе они получили разрѣшеніе отъ проклятія, но тѣмъ не менѣе осуждены были на тяжелое пожизненное заточеніе. Это были по большей части бургундскіе ремесленники. Въ числѣ ихъ былъ одинъ отпавшій, перекрещенный еврей. Вѣроятно въ глазахъ инквизиціи альбигойство было преступнѣе іудейства, потому что осужденному сохранили жизнь. Затѣмъ слѣдовали сентенціи о 10 умершихъ въ продолженіи процесса, имущества которыхъ были конфискованы въ пользу инквизиціи. Трое умерли, исповѣдуя ересь, и этимъ избавились отъ мучительной казни; ихъ кости были вырыты изъ могилъ и сожжены. Наконецъ былъ прочтенъ приговоръ о нераскаянныхъ и отпавшихъ. Ихъ всего было 18 человѣкъ: изъ нихъ 14 бѣжавшихъ и осужденныхъ заочно. Одинъ бургундскій священникъ Іоаннъ Филибертъ, уже разъ получившій прощеніе, снова сталъ послѣдователемъ вальдензовъ; его передали въ руки свѣтской власти для исполненія надъ нимъ казни и предоставили ему милость передъ смертью исповѣдаться и пріобщиться, если того онъ самъ пожелаетъ. Другой раскаялся на судѣ, но потомъ заявилъ, что его раскаяніе было вынуждено пыткою и что онъ не хочетъ оправдываться и каяться; ему было дано 15 дней на размышленіе. Всѣ четверо были сожжены; на прочихъ кострахъ сожгли чучела 14 бѣжавшихъ.

Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ тотъ же инквизиторъ Іоаннъ де-Бонь, по своемъ возращеніи въ Нарбонну, сжегъ еще трехъ еретиковъ. Замѣчательно, что эти жертвы послужили поводомъ къ недоразумѣнію между инквизиціей и свѣтской властью. Каждая хотѣла присвоить себѣ право исполнить казнь. Споръ кончился въ пользу короля. Королевскій наблюдатель (reformator), графъ Форецъ внушительно заявилъ, что исполнительная власть исключительно во всѣхъ подобныхъ случаяхъ принадлежитъ ему.

Папство не могло тогда найти человѣка болѣе ревноснаго для исполненія обязанностей великаго инквизитора въ Лангедокѣ, какъ Бернара Гвидона. Родомъ изъ лемузенскаго рыцарства, онъ надѣлъ рясу доминиканца, чтобы стать инквизиторомъ. Онъ обладалъ извѣстностью писателя и среди своихъ полицейскихъ занятій не переставалъ посвящать часы досуга историческимъ трудамъ. Пятнадцать лѣтъ онъ былъ великимъ инквизиторомъ и въ продолженіи этого време-

ни (1307—22 г.) осудилъ 637 еретиковъ на различныя наказанія. Тутъ были послѣдователи всѣхъ тогдашнихъ сектъ: вмѣстѣ съ евреями, альбигойцы, валдензы, бегины ([159]). Послѣ казней 1319 года, Бернаръ Гвидонъ пробылъ нѣкоторое время въ Тулузѣ, потомъ предпринялъ поѣздку въ Памьеръ. Тамъ ему предстояло много такой работы, которой онъ привыкъ отдаваться съ увлеченіемъ. Быстро окончивъ ее, т. е. учинивъ нѣсколько «публичныхъ засѣданій» и «актовъ вѣры», Бернаръ вернулся въ Тулузу, успѣвъ снова заявить свою ревность къ Церкви и въ вознагражденіе получилъ мѣсто епископа Лодевы.

Въ періодъ, слѣдовавшій непосредственно за 1320 г., существенныя преслѣдованія инквизиціи сосредоточиваются на бегинахъ. Мы не будемъ перечислять подробно всѣ процессы, потому что не хотимъ наводнять книгу каталогомъ собственныхъ именъ. Мы сообщимъ только тѣ интересныя данныя, которыя могла почерпнуть провансальская и ломбардская инквизиція объ убѣжденіяхъ бегиновъ, лжеапостоловъ и бѣдныхъ братьевъ (fratricelli) безразлично. Что прежде было извѣстно намеками, теперь уяснилось вполнѣ.

Эти люди исходили изъ того, говоритъ неизданный протоколъ трибунала, что Христосъ былъ бѣденъ, а апостолы не имѣли ничего, что вернуть Церковь къ истиннымъ ея основамъ взялся св. Францискъ ([160]). Этотъ подвижникъ не только послѣ апостоловъ, но даже послѣ самого Христа и его Матери, служитъ высшимъ выраженіемъ евангельской высоты; онъ обновитель послѣдняго, шестаго періода Церкви, современнаго бегинамъ. Наставленія Франциска представляютъ истинное евангельское ученіе. Потому никакой папа не можетъ ни въ чемъ измѣнять его предписаній, т. е. обѣтовъ нищеты, послушанія и цѣломудрія, данныхъ послѣдователями Фран-

---

([159]) Вотъ преступленіе Филиберта: «audiverat a Valdensibus quos prius viderat et cum quibus participaverat, quod homo non debet jurare in aliquo casu, et quod jurare semper est peccatum mortale». ib. 253.

([160]) Quod regula S. Francisci est illa vita J. Christi, quam Christus servavit in hoc mundo, et quam Apostolis suis tradidit et imposuit observandum etc. Doat; XXX, 242.

циска. Облегчая ихъ, измѣняя, уничтожая,—папа поступилъ бы противъ Евангельскаго ученія. Францисканецъ долженъ сохранять ихъ свято, даже на папскомъ престолѣ. Мы знаемъ, что бегины питали страшную ненависть къ учрежденіямъ плотской, т. е. Римской Церкви. Эта Вавилонская блудница (Babilon meretrix) будетъ разрушена, какъ нѣкогда еврейская синагога. Фридриго, король Сицилійскій, этотъ другъ бегиновъ, будетъ содѣйствовать ея разрушенію. Ни французскій, ни неаполитанской король не спасутъ папу ([161]). Римскаго первосвященника эти францисканцы называли хищнымъ волкомъ, лживымъ пророкомъ, Каіафой, осудившимъ Христа, Иродомъ и т. п. ([162]). Онъ съ своею Церковью погибнетъ отъ руки Антихриста, который народился въ мірѣ съ тѣхъ поръ, какъ начались преслѣдованія на истинныхъ францисканцевъ; это было около 1325—35 г. Всѣ монашескіе ордена погибнутъ отъ руки Антихриста, кромѣ францисканцевъ, и притомъ только тѣхъ изъ нихъ, которые будутъ принадлежать къ общинникамъ (communitas), братьямъ (fratricelli) и духовнымъ (spirituales). Собственно только послѣдніе доживутъ до кончины вѣка, ибо такъ Господь обѣщалъ блаженному Франциску. Всѣ подробности, сопровождающія пришествіе Антихриста, носятъ фантасмагорическій, легендарный характеръ, навѣянный библейскими воспоминаніями ([163]). Съ Антихристомъ возстанутъ сражаться 12 колѣнъ израильскихъ, въ каждомъ 12 тысячъ ангеловъ, т. е. 144 т. духовъ со знаменемъ Бога. Побѣда будетъ одержана, но цѣною избіенія всѣхъ христіанъ, кромѣ бегиновъ (magna strages populorum Christianorum). Побѣднымъ духамъ послѣ великаго побоища покажутся Илія и Энохъ. И не останется тогда на землѣ мужей христіанскихъ; жены будутъ обнимать въ отчаяніи деревья. Послѣ того прибудутъ сарацины. Войдутъ они въ землю христіанскую чрезъ Нарбонну и уведутъ всѣхъ оставшихся женъ и станутъ жить съ ними. Такъ сказалъ самъ Господь брату Оливѣ. Новая Церковь,

([161]) Et quaedam alia de Rege Frederico contra Regem Franciae et Regem Robertum circa hoc fabulantur tam erronea quam insana. ib. 253.

([162]) ib, 258.

([163]) D. XXX, 257.

по примѣру первобытной, будетъ имѣть также 12 апостоловъ, которые обратятъ весь живой міръ въ новую вѣру. Все зацвѣтетъ тогда: настанутъ блаженныя времена. Люди станутъ братьями: все у нихъ будетъ общее и потому имъ не будетъ надобности враждовать между собою. Грѣхъ исчезнетъ изъ міра; одна любовь будетъ царствовать между людьми. Это будетъ продолжаться 100 лѣтъ, потомъ зло опять мало по малу станетъ вселяться въ людяхъ. Здѣсь обрываются пророчества бегиновъ. Они вѣрили въ слабость и безсиліе человѣка, въ непрочность всего земнаго. Они полагали, что Христосъ снизойдетъ тогда снова совершить свой судъ.

Вальдензы въ глазахъ инквизиціи почти ничѣмъ не отличались отъ бегиновъ. Ихъ отдѣльная исторія, неподлежащая нашему изложенію, начинается съ той поры, какъ они выселились изъ Лангедока и Прованса въ долины Дофинэ, Швейцаріи и Пьемонта ([164]). Тамъ, гдѣ Альпы соприкасаются съ отрогами Юры, они сохраняютъ свои вѣрованія до настоящаго времени, не смотря на всѣ тяжелыя гоненія, которыя они вытерпѣли. Нѣсколько альбигойскихъ семействъ выселились вмѣстѣ съ ними и жили общею жизнію, пока разгромъ 1387 года, именно пріѣздъ инквизитора Антонія де-Савильяно не уничтожилъ, какъ надо полагать, остатковъ альгибигоизма на Югѣ. Провансальскіе эмигранты занимали преимущественно укрѣпленія: Салюццо, Пиньероль, Сузу, Кіери (въ Пьемонтѣ); Барселонету, Кейрасъ, Фрейсиньеръ (въ Дофинэ); альпійскія ущелья: Ангронью, Санъ-Мартино, Лю-

([164]) Полное и спеціальное пособіе для вальдензовъ преимущественно піемонтскихъ: соч. Muston. L'Israel des Alpes (4 v. 1851). Написанное протестантомъ, это сочиненіе грѣшитъ излишней субъективностью; цѣлыя страницы посвящены изліянію негодованія на гонителей. Тамъ же (t. IV) помѣщена полная библіографія печатная и рукописная для исторіи вальдензовъ, съ критическими отзывами. Потому было бы излишне съ нашей стороны останавливаться на томъ же предметѣ. Для позднѣйшихъ пьемонтскихъ вальдензовъ спеціально, укажемъ популярную монографію Am. Bert. I Valdesi ossiano i cristiani-cattolici (Tor. 1849).

церну, Праджелу, Валь-Жиронъ и др. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, какъ напримѣръ въ Фрейсиньерѣ, протестанты жили еще до Вальдо и туда гнѣвъ римской куріи направленъ былъ давно. Папскія буллы то и дѣло предписывали истребленіе тамошнихъ еретиковъ. Одинъ инквизиторъ, явившійся туда въ 1238г., клеймилъ вальдензовъ раскаленнымъ желѣзомъ. Черезъ 100 лѣтъ съ небольшимъ (1344г.), вальдензы принуждены были изъ Фрейсиньера перебраться въ Пьемонтъ. Имъ предлагали или отреченіе или поголовную ссылку. Рѣдко, какъ напр. въ Ангроньѣ, вальдензамъ удавалось вооруженною рукою отстоять свою вѣру отъ инквизиціи. Но напрасно; на помощь инквизиціи являлось по обыкновенію содѣйствіе гражданской и военной власти. Въ Дофинэ, въ долинѣ Val-gyron (Val-Pute) одинъ бальи объявилъ награду за голову вальдenза въ 8 сол. и 30 денаріевъ золотомъ. Это не осталось безъ должныхъ послѣдствій Въ концѣ XIV столѣтія надъ вальдензами усиливается надзоръ, а съ нимъ и преслѣдованія. Неосторожные монахи, какъ Антоній де-Паво и Бартоломей де-Черверe, погибли отъ рукъ еретика, но общинамъ отъ того не легче. Страшнымъ предчувствіемъ отразилось въ сердцахъ французскихъ и итальянскихъ вальдензовъ извѣстіе о пріѣздѣ верхнеломбардскаго инквизитора Савильано въ Пиньероль и Кіери, старыя прибѣжища еретиковъ въ сѣверной Италіи. До насъ дошли протоколы этого процесса цѣликомъ, со всѣми подробностями (166). Въ нихъ собственно интересны тѣ обстоятельства, которыя указываютъ на постоянную и взаимную дружбу между альбигойцами и вальдензами. Инквизиторъ часто становился въ затрудненіе, къ какой ереси отнести своихъ подсудимыхъ. *Отъ постояннаго общенія догматы одного исповѣданія смѣшались съ другими, такъ что катаризмъ въ его первоначальномъ видѣ исчезъ.*

Но во всякомъ случаѣ, пиньерольскіе еретики, которыхъ явился карать Савильано, въ 1387 г. были менѣе вальдензы,

(165) Raynaldi; a. 1335, n. 69.

(166) Онъ помѣщенъ въ Archivio storico italiano въ 1865 г. serie terza, t. I, parte 1—2 подъ редакціей G. Amati: Processus contra Valdenses in Lombardia superiori, a. 1387.—Мы впервые имѣемъ возможность примѣнить этотъ документъ къ исторіи Альбигойцевъ.—Bert не зналъ этого памятника.

чѣмъ катары. Они, конечно, сами могли называть себя вальдензами, такъ какъ жили въ одинаковыхъ политическихъ условіяхъ съ обитателями другихъ сосѣднихъ долинъ, но ихъ дуализмъ и воспоминанія о манихеяхъ ясно показывали существенное направленіе ихъ религіозныхъ убѣжденій (167). У нихъ было видно также знакомство съ воззрѣніями бегиновъ. Пиньероль былъ, однимъ словомъ, сборищемъ послѣдователей всѣхъ ученій, враждебныхъ Риму (168). Впрочемъ, строй церковной общины продолжалъ оставаться чисто альбигойскимъ съ діаконами, старшими и младшими сыновьями. Существенное сходство съ вальдензами, не обманувшее инквизитора, состояло развѣ въ томъ, что его подсудимые въ одинаковыхъ съ ними выраженіяхъ осуждали Римскую Церковь, называя ее блудницей, отвергали посты и осуждали свѣтскую власть католическихъ государей.

Въ мартѣ 1387 г. инквизиторъ верхней Ломбардіи, Антоній да-Септо ди-Савильано, провѣдавъ что число еретиковъ въ Пиньеролѣ и въ сосѣднихъ съ нимъ селеніяхъ С. Мартино, Перозѣ, Люцернѣ и Асти не уменьшается, явился со всѣмъ трибуналомъ предъ пиньерольцами. Онъ имѣлъ цѣлью произвести между прочимъ слѣдствіе по поводу убійства монаха Паво, въ которомъ прямо обвинялись жители Перозы. Савойскій герцогъ предписалъ своему канцлеру, а также и пиньерольскому судьѣ оказывать содѣйствіе инквизитору. По водвореніи въ Пиньеролѣ, трибуналъ прежде всего воспользовался однимъ священникомъ по имени Галозна да-Санъ-Рафаелло, который былъ заподозрѣнъ въ сочувствіи къ ереси и который, испугавшись пытки, согласился стать доносчикомъ на горожанъ. Священникъ былъ заключенъ въ тюрьму, гдѣ ему пришлось просидѣть слишкомъ годъ до окончанія слѣдствія. Городской нотаріусъ сталъ дѣлопроизводителемъ трибунала. Въ одну ночь было разобрано дѣло четырехъ главныхъ подсудимыхъ. Первымъ привлеченъ зажиточный горо-

(167) Amati грубо ошибается въ своемъ « Avvertimento » (p. 10), называя дуалистовъ вальдензами.

(168) Это сознавалъ самъ инквизиторъ. Въ началѣ протокола говорится: intendit procedere contra omnes hereticos vel hereticas, Valdenses, pauperes de Lugduno et alios hereticos, quibuscumque nominibus censeantur etc. Arch. st. it. I, 16.

жанинъ Іоаннъ Фовръ. Его привели въ капеллу. Вопросы, которые предлагали ему, сходны по сущности съ допросомъ прочихъ подсудимыхъ ([169]). Его обвиняли, что онъ присутствовалъ при проповѣди и благословеніи хлѣба и вина, т. е. при consolamentum. Онъ сознался, что пробылъ всю ночь на сходкѣ, прибавивъ, что когда погасили огни, то всѣ присутствующіе кинулись на женщинъ и что подсудимый выбралъ себѣ дѣвушку по имени Маргариту, съ которой совокуплялся два раза. Двое другихъ, женщина и мущина, изложили догматы своей вѣры, отрицали Бога Сына, Духа Святаго, молитву за умершихъ, чистилище. Послѣдніе сознались, но не съ перваго раза; господинъ инквизиторъ остался недоволенъ и погрозилъ пыткой. Но до нея не дошло дѣло, второй допросъ былъ снятъ безъ пытки; обоихъ подсудимыхъ даже не вводили въ пытальную камеру (extra locum torture in capella). Въ виду сознанія, всѣ трое были осуждены только на пожизненное заточеніе ([170]). Снисхожденіе было оказано также за то, что подсудимая Матерна назвала поимянно до 100 подозрительныхъ лицъ, которыхъ встрѣчала на сходкахъ. По своимъ убѣжденіямъ, подсудимые принадлежали къ альбигойству.

Не такова была судьба Лаврентія Тальярето изъ Люцерны, который посѣщалъ еретическихъ учителей уже послѣ отреченія отъ ереси, каялся у нихъ и получилъ разрѣшеніе, хвалилъ ихъ образъ жизни, пилъ и ѣлъ съ ними. Онъ былъ осужденъ, какъ отпавшій, на смертную казнь ([171]). Этотъ человѣкъ, вѣроятно, пользовался большимъ уваженіемъ въ общинѣ: онъ способенъ былъ возбудить къ себѣ фанатическую преданность; за казнь его одна женщина неустрашимо назвала инквизитора палачомъ — въ полномъ засѣданіи трибунала ([172]). Это была нѣкая Бруинаско; за свою благородную смѣлость она поплатилась двойной пыт-

([169]) Срв. Processus. I; 18, 21, 23.
([170]) Опредѣленіе трибунала надъ первыми тремя; I, 25—28.
([171]) Допросъ и приговоръ—I; 23, 28—29.
([172]) Dixerit quod dominus inquisitor esset carnifex bonorum virorum, quando sentenciavit causam contra relapsum Laurencium (I, 38).

кою; въ ея протоколѣ два раза повторяется страшное и лаконическое: «non est contentus dominus inquisitor».

Рядомъ съ дѣйствительными еретиками привлечена была къ процессу не одна сотня оговоренныхъ; нѣкоторые не могли ничего отвѣтить, когда спрашивали, напримѣръ, была-ли лѣтъ 20 тому назадъ въ такомъ-то мѣстѣ конгрегація вальдензовъ. Въ Пиньероль фра-Савильяно пробовалъ вызывать иногда цѣлыя деревни ([173]).

Въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ (марта и апрѣля), къ суду привлекались почти исключительно альбигойцы; изрѣдка встрѣчаемъ нѣчто похожее на вѣрованія вальдензовъ; но вотъ съ іюня, или точнѣе съ 29 мая, выступаетъ на сцену и другой элементъ церковной оппозиціи. То были отложившіеся францисканцы. Брата Антонія Галазну прежде всего сочли нужнымъ допросить о томъ, какое платье онъ носилъ, будучи францисканцемъ; назвавши третій орденъ, онъ самъ выдалъ себя; 14 лѣтъ онъ принадлежалъ къ обществу бегиновъ. Онъ разсказывалъ объ обрядѣ Вечери, который тогда выработали у себя бегины. Нѣкто Мартинъ призвалъ къ себѣ двухъ францисканцевъ; передъ ужиномъ онъ взялъ хлѣбъ и преломилъ его на пять равныхъ частей: двѣ гостямъ, третью женѣ, четвертую себѣ, пятую служанкѣ. Потомъ пили вино всѣ изъ одной чаши поочередно. За трапезой Мартинъ говорилъ, что нынѣшніе духовные по наружности кажутся благочестивыми, а въ душѣ хищные волки ([174]). Онъ не признавалъ Бога въ Евхаристіи, потому что Господь всегда пребываетъ только на небесахъ, называлъ Римскую Церковь домомъ лжи (domus mendacii a Deo reprobata), прибавляя, что ни папа, ни священники не могутъ разрѣшать отъ грѣховъ, если они только не принадлежатъ къ бегинамъ. Отвергая чистилище, онъ допускалъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что брать, напримѣръ, 80 и 90% не составляетъ грѣха ([175]). Подсудимый горько каялся въ своемъ двуличномъ общеніи съ такими еретиками и предпочиталъ быть растерзаннымъ волками или погибнуть въ страшныхъ мученіяхъ, чѣмъ лишиться надежды на спасеніе.

([173]) Omnes habitatores vallis Sancti Martini et in locis circum jacentibus; I, 44.
([174]) Processus; Arch. st. II, 4; continuazione.
([175]) ib. II, 9.

Но и бегинизмъ не могъ повліять на искорененіе альбигойскихъ суевѣрій ([176]); проповѣдь разврата находила много поклонниковъ. Послѣднія слѣдствія были произведены надъ бегинами изъ Кіери, на которыхъ въ свою очередь повліяло альбигойство. Приговоръ инквизиціи былъ торжественно прочтенъ въ Туринѣ и утвержденъ архіепископомъ туринскимъ. Іаковъ Бекъ, главный подсудимый, былъ въ близкихъ сношеніяхъ съ упомянутымъ еретикомъ Мартиномъ. Онъ уже 30 лѣтъ какъ носилъ рясу такъ называемаго третьяго ордена; всю свою жизнь онъ провелъ въ странствіяхъ и нѣсколько разъ былъ въ Римѣ. Для насъ важно, что Іаковъ Бекъ имѣлъ сношеніе съ славянскими землями; оттуда не переставали приходить проповѣдники ([177]), хотя боснанская Церковь клонилась уже къ паденію и носила только политическій характеръ. Трое дуалистовъ видоизмѣнили бегинизмъ Іакова въ смыслѣ смягченнаго дуализма; между ними былъ одинъ славянинъ. Богъ не творилъ міра видимаго, то было дѣломъ дьявола. Мужчина и женщина состоятъ не изъ духовнаго и тѣлеснаго начала, а суть порожденія демона и тѣ только, которые спасаются на землѣ, имѣютъ душу ангеловъ небесныхъ. За тѣмъ слѣдовало отрицаніе таинства и Символа вѣры, креста и присутствія Спасителя въ таинствѣ Евхаристіи. Они не хотѣли и слышать о таинствѣ воплощенія. Возставая противъ папы и его главенства, альбигойцы не понимали необходимости запрещенія работы по праздничнымъ и воскреснымъ днямъ. Они отрицали чистилище и адъ; то и другое и безъ того видимъ въ повседневной жизни. Не крещеніе, а обращеніе въ альбигойскую секту очищаетъ человѣка и избавляетъ отъ власти дьявола; для этого требуется полное сознаніе и зрѣлыя лѣта; для женщины, напримѣръ, срокъ опредѣленъ 25 годами. Все, чтимое іудейской Церковью, отвергается, начиная съ патріарховъ и Моисея, кончая святыми и мучениками. Моисей, этотъ ве-

([176]) Чистый альбигоизмъ продолжаетъ проявляться на II; 12—14, 15, 17; видоизмѣненный подъ вліяніемъ бегиновъ въ дѣлѣ 21 іюня; II, 30.

([177]) ... Et quemdam alium de Sclavonia, cujus nomen ignorat, si volebat esse de secta et credentia ipsorum quia haberet salutem animae (II, 50).

ликій грѣшникъ, получилъ свой законъ не отъ Бога, а отъ дьявола ([178]). Ни страшнаго суда, ни воскресенія мертвыхъ не будетъ; потому излишни молитвы и подаянія за умершихъ. Вотъ какое ученіе проповѣдывалось въ Кіери; славянское вліяніе продолжало дѣйствовать въ концѣ XIV столѣтія. Это былъ катаризмъ въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ онъ былъ извѣстенъ еще три вѣка тому назадъ.

Въ пьемонтскихъ ущельяхъ и городахъ застаемъ тѣ же обряды между еретиками, какіе знакомы читателямъ изъ перваго тома нашей книги. Традиція не замирала; религіозный обрядъ совершался съ тою же точностію и правильностью, какъ въ старыя времена. Между прочимъ находимъ интересную и новую подробность касательно consolamentum. Больнаго спрашивали, хочетъ-ли онъ стать мученикомъ или исповѣдникомъ. Вѣроятно, естественная смерть не всегда была послѣдствіемъ болѣзни, но и другой выборъ представлялъ мало утѣшительнаго. Принявши consolamentum, больной долженъ былъ на трое сутокъ отказаться отъ пищи и питія и на всю жизнь отъ своего имущества въ пользу посвященнаго ([179]). Случалось, что больной не выдерживалъ такой суровой діэты и умиралъ, но наслѣдники уже не могли разсчитывать на его имущество. Полагаемъ, что этотъ фактъ былъ однимъ изъ явленій деморализаціи, постигшей альбигойскую Церковь въ періодъ ея заката. Пьемонтскіе альбигойцы тогда называли себя gazari. Обыкновенно инквизиторъ обращался къ нимъ съ вопросомъ: es tu bene de Gazaris. Если подсудимый принадлежалъ къ числу совершенныхъ, то обыкновенно прямо отвѣчалъ утвердительно, какъ бы вызывая тѣмъ на бой своего судью. Но въ массѣ, какъ извѣстно, еретики имѣли наставленіе не сознаваться для пользы своей вѣры ([180]).

([178]) II, 51—52, 59—60.

([179]) II, 57. Все это мѣсто вообще темно; видимо, слѣдствіе пріобрѣло смутныя свѣдѣнія; сомнительно, чтобы посвящавшій могъ пользоваться собственностью, когда онъ самъ былъ изъ числа confessores.

([180]) Показаніями Якова Бека, данными въ туринскомъ доминиканскомъ монастырѣ, кончается слѣдственное дѣло 1387 г. Участь этого главнаго подсудимаго неизвѣстна.

Процессъ 1387 г. былъ вызванъ общимъ тревожнымъ настроенiемъ римской курiи. Но если ей легко было выместить оппозицiи на пьемонтскихъ дуалистахъ, опиравшихся на отвлеченные принципы, то труднѣе было побѣдить практическое протестанское движенiе, которое проявилось тогда въ Англiи. Прошло 5 лѣтъ, какъ на лондонскомъ соборѣ были осуждены положенiя Джона Виклефа; уже три года какъ не было въ живыхъ его самого, но его тѣнь и плоды его ученiя (Trialogus) не переставали тревожить папство (181). Могущественное заступничество короля Ричарда II спасло англiйскаго реформатора отъ казни, —и тѣмъ неистовѣе обрушился Римъ на тѣхъ протестантовъ, которые были у него подъ руками. У виклефистовъ и альбигойцевъ были общiя идеи: непримиримая ненависть къ римской блудницѣ, возстанiе противъ свѣтской власти папъ, монашества, духовныхъ имуществъ, десятинъ и т. п. Возможность высказывать такой протестъ въ предѣлахъ Францiи и Италiи, объясняется только анархическимъ состоянiемъ курiи. Но и при этомъ смѣлость не проходила даромъ. Въ 1393 г. въ Эмбрюнѣ сожжено 80 вальдензовъ, а вслѣдъ за ними въ Валь-Луизѣ 150 человѣкъ; это была половина мѣстнаго населенiя. Окончанiе вавилонскаго плѣненiя и прекращенiе папской схизмы стало сигналомъ къ истребленiю остатковъ катаризма и къ гоненiю на послѣднихъ вальдензовъ. Серьезнаго значенiя альбигойству болѣе не придавали на Западѣ.

Въ Римѣ знали, что ересь, покидая Западъ, приняла обратное движенiе къ Востоку Европы; она спѣшила возвратиться на то лоно, которое вскормило ее. Въ славянскихъ земляхъ балканскаго полуострова, она сохраняетъ еще историческую жизнь. Тамъ она выражала патрiотическiя стремленiя, была символомъ церковной и политической самостоятельности славянскихъ племенъ. Тамъ, какъ ни слаба была ея духовная сила, она все же продолжала имѣть значенiе политическое, какъ въ былыя времена въ Лангедокѣ.

(181) Iäger. Iohn Wicleffe und seine Bedeutung für die Reformation. Halle. 1854.

Въ Сербiи, ересь, прежде почти господствовавшая въ формѣ богомильства и павликiанства, уже къ концу XII столѣтiя стала гонимою. Династiя Немачичей оказываетъ ревность къ православiю. Св. Савва снова водворилъ православiе и далъ прочное устройство мѣстной греческой Церкви. Когда она хотѣла возродиться снова, опираясь на «благородныхъ», то встрѣтилась съ судилищемъ инквизицiи. По просьбѣ короля Милутина, папа Гонорiй IV временно отправилъ въ Сербiю францисканцевъ, которые послѣ были смѣнены постояннымъ трибуналомъ, учрежденнымъ для земель славянскихъ. «Бабунска рѣчь» не угасала въ Сербiи до конца XIV столѣтiя; иначе законникъ Душана не опредѣлилъ бы гражданской смерти за ересь.

Казалось, въ Болгарiи ересь имѣетъ болѣе прочные корни существованiя. Тамъ она была знаменемъ вполнѣ нацiональныхъ интересовъ. Она была символомъ самобытности Болгарiи, тѣснимой въ одно время греками и латинянами. Венгерскiе короли, которые хотѣли поработить Болгарiю, приносили съ собою ненавистный папизмъ. Царь Асѣнь I опирается на богомиловъ. Его положенiе — самое ужасное; онъ съ двухъ сторонъ окруженъ латинянами, которые идутъ на него съ крестомъ и мечемъ въ рукѣ. Онъ устоялъ въ борьбѣ съ венграми. Но когда миновалась опасность, то богомильство уже не могло найти себѣ прочной защиты, хотя оно не оскудѣло проповѣдниками и мучениками. Но у тѣхъ и у другихъ не было какихъ либо идей; они были скорѣе изувѣрами и юродивыми, чѣмъ еретиками. Тѣ болгарскiе катары, которые стали подданными венгерскихъ королей, были обращены въ католичество огнемъ и мечемъ въ началѣ второй половины XIV вѣка. Двѣ тысячи францисканцевъ работали надъ этимъ дѣломъ; многiе изъ нихъ правда погибли отъ народной мести, но начало католическаго влiянiя было положено. Православное духовенство было менѣе счастливо въ борьбѣ съ богомильствомъ. Но когда турки покорили Болгарiю и разрушили византiйскую имперiю, то фанарiоты, имѣя защиту въ лицѣ султана, уже не стѣсняемые прежней опекой императорской власти и дѣйствуя болѣе самостоятельно, уничтожили слѣды богомильства. Если гдѣ они встрѣчали затрудненiе, то это было въ округахъ пограничныхъ съ Боснiею, въ которой богомильство долгое время было почти господствующей религiею.

Трудъ сербскаго историка Петрановича достаточно раскрываетъ исторію и строй такъ называемой босанской Церкви. Для насъ важно указать аналогію между Церковью альбигойской и босанской, хотя должно замѣтить, что боснійскіе богомилы по религіознымъ убѣжденіямъ нѣсколько отличаются отъ болгарскихъ богомиловъ. Богомильство въ Босніи укрѣпилось въ слѣдствіи напора католицизма; оно хотѣло послужить такой же опорою патріотическимъ интересамъ, какъ въ Болгаріи и Сербіи. Лучшій изъ боснійскихъ государей банъ Кулинъ въ концѣ XI вѣка открыто принялъ сторону богомиловъ и его преемники ведутъ постоянную борьбу съ папами и католическимъ духовенствомъ. Банъ называлъ ихъ «добрыми христіанами». Питая уваженіе къ монашескому житію, богомильскіе иноки прозывали себя *крестьянскимъ чиномъ*, хотя по образу жизни они мало были монахами. Эти монахи считались *средителями и наставниками вѣры босанской*. Ихъ глава называлъ себя господиномъ *дѣдомъ* босанскимъ, что соотвѣтсвовало католическому папѣ; его избирали настоятели монастырей. Онъ жилъ въ городѣ Крешевѣ; 12 погловитыхъ окружали его, называясь «стройниками»; это были ministri альбигойскіе изъ священнослужителей; между ними *старцы* соотвѣтствовали діаконамъ епископа, а *гости* старшимъ и младшимъ сыновьямъ (filius major et minor) при особѣ епископа ([182]). Богомильство до того охватило всю Боснію, что католическій дубровницкій архіепископъ посвящалъ въ XIV и XV столѣтіяхъ въ епископы Босніи еретиковъ ([183]); тогда дѣдъ и оффиціальный епископъ совмѣща-

([182]) Петрановичь. Богомили Црькви Босаньска и крьстяни (1867, Задер.). стр. 135—168.—Упомянемъ о прекрасномъ трудѣ Рачки, посвященномъ исторіи богомильства, помѣщ. въ издаваемомъ имъ Arkiv jugosl. Ak., извлеченіе изъ котораго составилъ L. Leger. (Revue des questions histor. 1870, avril). Въ нашей литературѣ трудъ свящ. Левицкаго (Богомильство. Христ. Чтеніе, 1870), составленный по пособіямъ. Напрасно, авторъ его такъ категорически отрицаетъ возможность сближенія между альбигойскою и нашими мистическими сектами. Западную науку занимаетъ именно этотъ вопросъ. См. замѣтку о первомъ томѣ нашей Исторіи Альбигойцевъ въ Revue bibliographique universelle; 1870, aout, p. 73; publ. slaves.

([183]) Еретиками считались епископы Мирославъ, Радингостъ, Радославъ, Радоміръ, Милоэ (1446). Петрановичь, 167.

лись въ одно лицо. Вся династія боснійскихъ Котроманичей (1273—1463 г.) исповѣдывала богомильство, и казалось бы, только здѣсь могли найти пріютъ и защиту гонимые альбигойцы. Въ дѣйствительности было не такъ; альбигойцы покорялись силѣ и не хотѣли мѣнять своего прелестнаго Прованса на балканскія ущелья. Обыкновенно боснійскіе баны не крестились и къ этому обряду побуждало ихъ только опасеніе крестовыхъ нашествій. За то когда баны поддавались внушеніямъ изъ Рима, то теряли всю популярность въ народѣ; ихъ патріархальныя связи съ подданными становились натянуты и наконецъ совсѣмъ прерывались; на нихъ вставалъ мятежъ ([184]). Католическіе миссіонеры, приносившіе крестъ и крещеніе, встрѣчали вооруженное противодѣйствіе, если не имѣли съ собой внушительной силы. И въ этой землѣ, какъ въ Болгаріи и Сербіи, только турецкое завоеваніе могло уничтожить ересь; и православная и католическая пропаганда въ своихъ дѣйствіяхъ встрѣчала поддержку въ мусульманахъ. Въ Крешевѣ, на томъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда красовался дворецъ богомильскаго дѣда, былъ сооруженъ францисканскій монастырь, который успѣваетъ и теперь съ прежней, неувядаемой силой, католизировать всю окрестность. Боснійцы, потерявши свою особую вѣру, ставши мусульманами, католиками и православными, потеряли и свою національность. Слабое воспоминаніе о крестьянскомъ чинѣ можетъ быть сохранилось въ звукѣ «крштяне», какъ называютъ себя католическіе босняки въ отличіе отъ «рштяне», босняковъ греческой вѣры ([185]). Не есть ли это признакъ католическаго торжества въ исторіи уничтоженія богомильства? Закоренѣлая ненависть къ латинству, или, что тоже, къ потерѣ самостоятельности, выразилась въ томъ, что потомки еретиковъ скорѣе соглашались отурчиться, чѣмъ стать католиками.

([184]) Такова была участь Нинослава, который въ первой четверти XIII вѣка колебался между католиками и богомилами, а также изъ Котроманичей Стефана (1310—58 г.) и послѣднихъ королей: Твердко Твердковича, Томаша и Стефана Томашевича (1463).

([185]) Вукъ Караджичъ объясняетъ эти звуки особенностью произношенія слова Христосъ.

Въ то время, когда катаризмъ погибъ въ своей метрополіи, онъ не могъ уже существовать въ Западной Европѣ. Нѣсколько мелкихъ фактовъ составляютъ исключеніе; они тщательно собраны у Шмидта и мы потому считаемъ за лишнее останавливаться на повтореніи ихъ, предлагая читателямъ обратиться за этими мелочами къ весьма доступному сочиненію страсбургскаго профессора ([186]). Мы разскажемъ въ заключеніи нашей книги о другихъ болѣе интересныхъ процессахъ и фактахъ, неизвѣстныхъ Шмидту, которыми по справедливости должна закончиться исторія Альбигойцевъ.

Чѣмъ меньшую оппозицію встрѣчалъ католицизмъ, тѣмъ съ большею жестокостію онъ относился къ дерзкимъ и враждебнымъ ему проявленіямъ. Онъ уже не жилъ внутреннею жизнію и, казалось, самъ клонился къ паденію или преобразованію. Начинался XV вѣкъ, богатый историческимъ значеніемъ, но безцвѣтный для Рима. Католицизмъ былъ тогда въ положеніи крайне деморализированномъ. Вавилонское плѣненіе, схизма и анархія въ куріи, грязный развратъ первосвященниковъ и кардиналовъ,—все это благопріятствовало протесту и какъ бы узаконяло его предъ лицомъ общества. Ученіе Яна Гуса и Іеронима гремѣло по всей Чехіи и возбуждало вниманіе Запада и особенно Лангедока, гдѣ были распространены сочиненія реформатора Uz'а, какъ его тамъ называли. Въ добавокъ чума и голодъ производили недовольство въ народѣ и внушали недовѣріе къ господству духовенства. Но инквизиція стояла на сторожѣ. Потому, всякое стремленіе католицизма внутренне переродиться парализировалось проявленіемъ насилія. Однимъ изъ такихъ моментовъ былъ констанскій соборъ. Въ осужденіи Гуса папство слѣдовало преданіямъ своей исторіи и всему направленію дѣятельности инквизиціи, охранявшей существованіе папизма.

Въ то самое время, когда Европа была занята толками объ ереси чеховъ, а Франція, потрясенная несчастной войною, готовилась къ гибели, въ благочестивомъ городѣ Монпелье, вдали отъ театра войны, 15 ноября 1416 г. совершалось одно изъ такихъ католическихъ торжествъ, которыя были вообще не рѣдки. Громадный кортежъ изъ духовенства и народа подвигался съ пѣніемъ церковныхъ гимновъ къ женскому загородному монастырю. Морскіе консулы предводили процессіей. Впустивъ въ обитель женщину подъ покрываломъ, они заперли ее въ келью; процессія пошла назадъ въ томъ же порядкѣ: народъ разошелся въ особенно набожномъ настроеніи. Въ добровольной заключенницѣ разсчитывали увидѣть въ послѣдствіи святую. Но скоро настало общее разочарованіе. О будущей святой стали ходить невыгодные слухи.

([186]) Histoire des Cathares; I, 359, 374, 171—178.

Ее звали Екатерина Совъ ([187]). Она была родомъ изъ Лотарингіи; городокъ Тонъ былъ ея мѣсторожденіемъ ([188]). Эта мѣстность, пограничная съ Шампанью, не лишена была еретическихъ традицій. Читателямъ извѣстно, какое вообще значеніе имѣла Шампань въ исторіи альбигойцевъ ([189]). Какъ ни успѣшно старалась инквизиція искоренить слѣды ереси въ этой области, она не могла даже череза два вѣка ручаться, что кое гдѣ не проявятся прежніе воспоминанія и симпатіи. Екатерина долго думала объ этомъ темномъ, старомъ альбигойскомъ ученіи. По прибытіи въ Монпелье, она не могла встрѣтить поддержки своимъ мечтаніямъ, но также не могла получить отвѣта на мучившія ее сомнѣнія. Въ XV вѣкѣ горожане Монпелье отличались вполнѣ католическими чувствами и фанатизмомъ. Среди нихъ постоянно жилъ викарій главнаго каркассонскаго инквизитора, отецъ Р. Кабессъ. Самъ главный инквизиторъ навѣщалъ Монпелье и тогда городъ принималъ его съ подобающимъ почетомъ. Въ 1409 г. консулы поклялись предъ нимъ, стоя на колѣняхъ, положа

([187]) Crespin. Hist. des Martyrs. Gen. 1570, f. 42.— Th. de Bèze называетъ ее Sorbe (Hist. eccl.), но Germain, авторъ спеціальной статьи по этому вопросу (Cath. Sauve; eclaircissement relatif à un fait special d'hérésie etc. Publ. de la Soc. Arch. de Montpellier, p. 559), поддерживаетъ Креспина, ссылаясь вмѣстѣ и на народное преданіе, замѣчая: la tradition me paraît en cela préferable au langage écrit.

([188]) Leger въ Hist. des Eglises Vaudoises (II, 332), слѣдуя Chassanion, ошибочно читаетъ Тулъ.

([189]) Лiежское духовенство въ 1144 г. писало папѣ Луцію II, что изъ Шампани haeresis per diversas terrarum partes defluxisse cognoscitur.

руку на Евангеліе, изгонять еретиковъ и ихъ покровителей изъ общины, если тѣ и другіе окажутся въ ней. Но уже давно не приходилось прибѣгать къ подобной мѣрѣ.

И вотъ доходитъ до викарія почти невѣроятная новость, что схимница Екатерина, принимая у себя въ кельѣ своихъ почитателей, внушаетъ имъ весьма странныя поученія: ни болѣе ни менѣе какъ еретическія выдумки. По ея словамъ, младенцы, умершіе вскорѣ послѣ крещенія, не могутъ быть спасены, потому что не понимаютъ догматовъ христіанской вѣры (car non crezon). Съ тѣхъ поръ, какъ чудеса перестали посѣщать избранниковъ на первосвященническомъ престолѣ,—не стало истинныхъ папъ, кардиналовъ, епископовъ и священниковъ. Католическая Церковь должна состоять только изъ лицъ, ведущихъ достойную, апостольскую жизнь, которые были бы согласны скорѣе принять смерть, чѣмъ оскорбить божество. Всѣ прочіе не признаются христіанами (sun foras de la glieysa). Обрядъ Крещенія, совершенный дурными священниками, не ведетъ къ спасенію; эти лица не способны совершать какое либо таинство; въ ихъ рукахъ хлѣбъ остается хлѣбомъ, а не тѣломъ Христовымъ. Вообще, по ея словамъ, нѣтъ надобности исповѣдываться у священника; всякій міряninъ способенъ замѣнить его. Плотской грѣхъ всегда останется грѣхомъ; потому, мужъ и жена, живущіе въ сожительствѣ, не могутъ наслѣдовать вѣчную жизнь. Чистилище не существуетъ для людей умершихъ; настоящая земная жизнь есть сама по себѣ Чистилище (solamen en aquesta vida).

Въ такихъ восьми положеніяхъ заключалась новизна ученія монпельерской отшельницы. Легко узнаемъ въ нихъ старую догматику альбигойцевъ. Напрасно вальдензы считаютъ Екатерину мученицею своей Церкви ([190]). Она возстаетъ противъ крещенія водою, ненавистнаго для катаровъ. Она требуетъ высокой нравственной жизни отъ духовныхъ, ихъ готовности къ самопожертвованію,—это идеалъ «совершенныхъ.» Если прочія положенія дѣлаютъ ее ученіе сроднымъ всякому раціональному протестантизму, и даютъ нѣкоторымъ историкамъ основаніе считать ее за предшественницу Лютера и Кальвина ([191]),—то ея мнѣніе о брачномъ сожительствѣ носитъ на себѣ всѣ признаки крайняго катаризма. Ея мысль о чистилищѣ заподозриваетъ знакомство съ метампсихозой катаровъ.

([190]) Leger. Hist. des Egl. de Piémont; II, 332. — Также Chossagnien. Hist. des Alb., I. 4.

Ученіе Екатерины возбудило вниманіе властей гражданскихъ и духовныхъ. Она договорилась до того, что въ ея келью пожаловалъ отецъ Кабассесъ, вмѣстѣ съ епископомъ магелонскимъ, сопутствуемый консулами, ректоромъ, профессорами и студентами университета. Начался допросъ; подсудимая созналась ([192]). Она не думала отрекаться отъ своихъ убѣжденій, и потому была обречена на сожженіе живою.

2 октября 1417 г. ее привезли къ эшафоту. Толпы наводняли площадь, открыто высказывая сожалѣніе объ еретичкѣ. Чувство враждебности къ инквизиціи было унаслѣдовано монпельерцами еще отъ прежнихъ вѣковъ. Когда сожгли Екатерину и пепелъ ея развѣяли по воздуху, то эта сцена подѣйствовала на жителей иначе, чѣмъ ожидали. Во всѣхъ классахъ народа заговорили, что схимница погибла напрасно. Ропотъ дошелъ до того, что духовныя власти должны были принять мѣры. Чрезъ 8 дней послѣ совершившейся казни, тотъ же инквизиторъ, отслуживъ торжественную мессу, взошелъ на каѳедру и убѣждалъ католиковъ, что еретичка, она же и колдунья, погибла за великую ересь и неискупимыя свои прегрѣшенія. Неизвѣстно, какъ подѣйствовали эти увѣренія на публику. Знаемъ только, что мѣсто казни мнимой колдуньи стало послѣ, съ легкой руки инквизиціи, лобнымъ мѣстомъ Монпелье а ближнія ворота въ народѣ прозвали Portail des sorcières, въѣздомъ чародѣекъ ([193]).

Такъ какъ до насъ не сохранился процессъ Екатерины, то мы не имѣемъ данныхъ для ознакомленія съ характеромъ судопроизводства провансальской инквизиціи въ XV

([191]) Таково мнѣніе Креспина и Безы.

([192]) Мѣстная лѣтопись Petit Thalamus, изд. археол. общ. Монпелье въ 1840 г., которой мы обязаны сообщеніемъ содержанія ученія Екатерины (p. 465), умалчиваетъ о подробностяхъ слѣдствія и казни. Отрывки изъ нея, касающіеся описываемаго дѣла, приведены въ статьѣ Жермена.

([193]) Germain. Hist. de Montpellier; III, 225.

столѣтіи. Нельзя сказать, чтобы оно было аналогично съ испанскимъ, потому что одинъ документъ, правда нѣсколько ранній (отъ 1357), но тоже относящійся къ дѣятельности монпельерскаго трибунала, освѣщаетъ болѣе благопріятнымъ свѣтомъ способъ дѣйствій мѣстныхъ судилищъ. Инквизиторскій викарій не рѣшился взять на себя одного осужденіе памяти священника Петра Торнамира, подозрѣвавшагося въ бегинизмѣ и 30 лѣтъ тому назадъ умершаго въ тюрьмѣ до суда, тотчасъ послѣ предварительнаго слѣдствія. Извѣстно было только то, что покойный знавалъ еретиковъ и передъ смертью не пріобщался ([194]). Инквизиція пригласила для рѣшенія этого вопроса извѣстныхъ городскихъ богослововъ, юристовъ, духовныхъ и свѣтскихъ докторовъ и баккалавровъ изъ университета. Всего набралось такимъ образомъ 27 человѣкъ. Магелонскій епископъ отказался предсѣдательствовать, такъ какъ предложеніе сдѣлалъ ему не самъ инквизиторъ, а его намѣстникъ; онъ поручилъ замѣнить себя своему викарію. Трибуналъ, составленный такимъ образомъ, смотрѣлъ на свою задачу съ чисто ученой точки; онъ не рѣшился осудить память неосужденнаго судомъ. Почти всѣ, начиная съ предсѣдателя, высказались противъ осужденія, настроенные благородною рѣчью профессора и легиста Троше. Ораторъ заявилъ, что онъ не рискуетъ стать подозрительнымъ въ своемъ правовѣріи, если скажетъ, что симпатія къ еретикамъ и самая ересь—вещи различныя; что можно не гнушаться общества еретиковъ, но не раздѣлять ихъ убѣжденій. Покойный былъ истиннымъ католикомъ, исповѣдывавшимъ символъ вѣры, хотя ѣлъ и пилъ съ ними. Даже для той эпохи такія мысли были смѣлыми и прогрессивными. Замѣчательно, что члены трибунала отозвались на нихъ сочувственно. Только два голоса оказались на противной сторонѣ; они принадлежали доминиканцамъ, которые упорно слѣдовали назиданіямъ своего ордена. Представители инквизиціи не вмѣшивались въ продолженіе преній; они какъ бы отстранились отъ дѣла, предоставляя его рѣшить волѣ призванныхъ лицъ ([195]). Напрасно думать, что такіе примѣ-

([194]) Показанія двухъ доминиканцевъ о его смерти мы нашли у Doat; XXXV, 10—18.

([195]) Разбираемый процессъ и обзоръ его помѣщены Жерменомъ въ Publ. de la Soc. arch. de Montp. № 25 въ 1856

ры повторялись часто; документально намъ извѣстны только еще два подобныхъ случая, нѣсколько раннихъ ([196]). Но такъ какъ въ своемъ портфелѣ мы имѣемъ цѣлый рядъ приговоровъ надъ бегинами, безъ всякаго ограниченія верховныхъ правъ инквизиціи и притомъ современныхъ упомянутому случаю, то можемъ, вопреки Жермену, не согласиться чтобы указанные факты не были исключеніемъ ([197]). Для насъ важно было показать только одно, что со временемъ *епископская юрисдикція взяла верхъ надъ инквизиторскою* и во всякомъ случаѣ уравнялась съ нею и что *инквизиція, вслѣдствіе крушенія папскаго престола, потеряла большую долю прежняго могущества* и прежней исключительности. Такъ было по крайней мѣрѣ на Югѣ Франціи. Бури Реформаціи снова пробудили ея энергію, но не дали ей всевластія.

Дѣятельность инквизиціи стала сосредоточиваться болѣе на кудесничествѣ, вопреки первоначальному ея назначенію. Ей видимо хотѣлось и изъ еретиковъ сдѣлать волшебниковъ и маговъ, чтобы болѣе очернить ихъ. Такъ она относилась къ еретикамъ сѣверной Франціи. Постепенно слово «альбигоецъ» исчезаетъ и всякіе еретики называются вальдензами; ихъ истребляютъ еще неистовѣе, потому что ихъ мало и потому что они считаются колдунами. До насъ дошло нѣсколько подобныхъ фактовъ, разсѣянныхъ въ памятникахъ

г.—Une consultation inquisitoriaile au XIV siècle. Документъ найденъ въ архивѣ коммуны; издателю, кажется, незнакомо дѣло Торнамира по протоколамъ.

([196]) Raynaldi. Annales, a. 1322, n. 53.—Судъ 1321 г. надъ неизвѣстнымъ нарбоннскимъ бегиномъ; «Qui inquisitor (Ioh. de Belna), volens judicare dictum beguinum, convocavit ad consilium omnes priores, gardianos et lectores religiosorum, et quam plures alios sapientes». — Процессъ Петра Еглейзы, нарб. священника, въ маѣ 1324 г. у Doat; XXVIII, 96,—въ которомъ участвовало до 20 гражданскихъ лицъ и докторовъ правъ.

([197]) Notre document a donc une importance vraiment générale; car rien ne dit que dans le Conseil, dont il retrace les actes, on ait procédé d'une façon exceptionnelle. Le mode suivi ce jour-là a du être le mode ordinairement pratiqué en pareille circonstance (?!). Germain, 329. Очень сомнительно; почти весь 28 томъ Doat противорѣчитъ этому.

XV вѣка ([198]). Если вальдензы въ своихъ недоступныхъ альбигойскихъ лощинахъ сохранили независимость, то въ сѣверной Франціи они, считаясь единицами, должны были постоянно опасаться за свою жизнь. Они считались въ народѣ друзьями діавола. По хроникѣ Матвѣя Куси, они совершаютъ ночныя оргіи съ діаволами; какъ жиды, они собираются на шабашъ убивать дѣтей. Стоило только назвать кого либо вальдензомъ, чтобы завтра его осудили на болѣе или менѣе жестокую казнь. Личныя обиды было легко вымѣщать при такомъ маневрѣ. Еретики еще встрѣчаются въ Аррасѣ и тамъ усердно ихъ доискивается инквизиція. Одинъ докторъ богословія Guillaume d'Ollive за сношенія съ діаволомъ осужденъ, какъ вальдензъ, на хлѣбъ и на воду въ тюрьму пожизненно (1463 г.). Трудно становится разобрать, съ кѣмъ имѣла дѣло инквизиція Арраса. Нѣкоторые намеки и характеръ народныхъ легендъ заставляютъ думать, что подъ именемъ вальдензовъ скрываются дуалисты. Они то не сознавались въ ереси, то лишали себя языка, чтобы не отвѣчать. Ихъ пыткой вынуждали давать письменныя показанія. Тѣ, которыхъ казнили, умирая, говорили о своей невинности. Многіе дѣйствительно погибли по одному нелѣпому подозрѣнію. Изрѣдка вступались за осужденныхъ епископы; такъ въ Амьенѣ и Турнѣ они освободили арестованныхъ. Дружественныя и опредѣленныя отношенія между инквизиціей и іерархіей начинаютъ колебаться. Верховная и государственная власть, чувствуя свою силу, вооружается въ свою очередь противъ самовластія трибуналовъ и особенно противъ главнаго инквизитора Франціи и Бургундіи Жака Дюбуа. Парижскій парламентъ и герцогъ Филиппъ Добрый иногда протестуютъ противъ его образа дѣйствій Но надо думать, что Дюбуа былъ исключеніемъ. Онъ умеръ, какъ полагаютъ, отравленный; сами католики считали мучительную смерть его небеснымъ возмездіемъ. Время могущества

([198]) Эти свѣденія собралъ **Bourquelot** въ статьѣ Les Vaudois du quinzième siècle въ **Bibl. de l'Ecole des Ch.** 2 sér. t. III, 81—109.—Подъ именемъ вальдензовъ авторъ разумѣетъ альбигойцевъ и раціоналистовъ безразлично. Нельзя согласиться съ авторомъ въ томъ, что на народное мнѣніе о вальдензахъ повліялъ де неблагопріятный исходъ англо-французскихъ войнъ (p. 170)

инквизиціи миновало для Франціи. Сама Реформа не возродила его. Когда королевская власть воспользовалась услугами инквизиціи, она бросила ее. Парижскій Парламентъ въ 1491 г. отказывается утверждать постановленія трибуналовъ, а изъ конфискованныхъ имуществъ велѣлъ составлять капиталъ для поминовенія ихъ душъ въ каѳедралѣ. Внѣшнія почести и декоративность остались за инквизиціею. Трибуналъ Тулузы назывался по прежнему (съ 1331 г.) cour royale, а безумный Карлъ VII далъ главному инквизитору титулъ королевскаго совѣтника (1442 г.). Скоро инквизиторъ Тулузы сталъ называться инквизиторомъ всей Франціи. Но существеннаго значенія трибуналы не имѣли. Королевская власть успѣла подчинить ихъ себѣ.

Въ другихъ странахъ общественное мнѣніе и власти продолжали гораздо сочувственнѣе относиться къ дѣятельности инквизиціи. Нетерпимость имѣла своею союзницей всю Европу. Римскій дворъ даже въ эпоху реорганизаціонныхъ попытокъ, какъ при Евгеніи IV, въ 1441 г. внушаетъ архіепископу нарбоннскому покорность распоряженіямъ инквизитора Петра Тюрлюра и уничтожаетъ все, что сдѣлано мѣстною іерархіей противъ его желанія. Папа заявляетъ, что инквизиція должна по прежнему охранять католическую Церковь, расширять ея предѣлы, покорять ея враговъ и уничтожать ересь ([199]). Въ Германіи вплоть до Реформаціи существовало мнѣніе, что поголовное истребленіе такихъ враговъ Церкви, какъ напримѣръ жидовъ, занятіе вполнѣ благочестивое, а отсюда уже одинъ шагъ до такой же расправы съ еретиками. Тамъ въ 1462 г. было заявлено маркграфомъ бранденбургскимъ, что императоръ при коронаціи долженъ во всѣхъ своихъ владѣніяхъ отнять у жидовъ ихъ имущества и убить ихъ всѣхъ, оставивъ весьма немногихъ, и то лишь «для напоминанія» о христіанской ревности. Бамбергское уголовное уложеніе 1507 г. въ 130 статьѣ удер-

([199]) **Doat**; XXXV, 182—187... ad relevandum ordinarios parte solicitudinis incumbenti illis in favorem, et augmentum fidei Catholicae, enervationemque et extirpationem haereticae pravitatis contenti esse velitis in hac materia dispositionibus et institutis sacrorum canonum, et ad negotium hoc heresum qui nullum in Ecclesia habetur majus praedictus inq. assistere etc.

жало смертную казнь за ересь, постановивъ, что всякій, признанный духовнымъ судьей, т. е. инквизиторомъ, за еретика и представленный свѣтскому судилищу, долженъ погибнуть на эшафотѣ ([200]).

Великая Реформація далеко не принесла съ собою терпимости; протестанты даже воспользовались оружіемъ своихъ враговъ, не смотря на уроки исторіи. Если Лютеръ сомнѣвается, чтобы «палачи были самыми учеными богословами», то Кальвинъ рекомендуетъ мечъ, какъ вразумительнѣйшее средство для покоренія тѣхъ, кого онъ считаетъ еретиками; jure gladii coercendos esse haereticos, стало лазунгомъ его послѣдователей. Между тѣмъ, менѣе чѣмъ за полвѣка до его проповѣди, тѣхъ самыхъ людей, которые были его предшественниками и которыхъ онъ искренно называетъ своими братьями, истребляли какъ дикихъ звѣрей, во имя той же искомой истины и тѣмъ же «jure gladii». Вальдензы Пиньероля, гонимые за свою вѣру жестокою Іоландой (Violente, какъ ее прозвали), герцогинею савойской, достойной сестрою Людовика XI, дождались еще худшихъ временъ послѣ ея смерти. Папа Иннокентій VIII, отецъ восьмерыхъ дѣтей, исполняя просьбу ея сына герцога Карла I, приказалъ въ 1486 г. поголовно истребить вальдензовъ, ихъ женъ и дѣтей и съ этою цѣлью сдѣлалъ облаву на ихъ лощины. Широковѣщательной буллой онъ сзывалъ полчища крестоносцевъ и писалъ слово въ слово какъ его предшественникъ 300 лѣтъ тому назадъ: для вѣчнаго Рима не существуетъ разницы во времени. Онъ разрѣшалъ отъ обѣтовъ и грѣховъ тѣхъ, которые ополчатся, и тѣмъ болѣе тѣхъ, которымъ удастся умертвить еретика; явныя насилія и злодѣянія переставали быть преступленіями. Всѣ обязательства съ вальдензами недѣйствительны; ихъ имуществами можетъ овладѣть всякій, кто пожелаетъ ([201]). Благодаря такимъ выгодамъ, 18 т. французовъ и пьемонтцевъ окружили неприступныя ущелья Пиньероля и Кавура, отъ савойской деревни Біолето до французской границы. Казалось, при паденіи

([200]) **Herzog. Real-Encycl. für protest. Theologie und Kirche; III, 539. Duldung von Jacobson.**

([201]) **Булла цѣликомъ приведена у Leger. Hist. des Egl. vaudoises; II, 8—21.**

средневѣковаго міра, однимъ ударомъ хотѣли сокрушить слабые остатки и средневѣковыхъ протестантовъ.

Такимъ образомъ Новая Исторія начинается крестовымъ походомъ на новыхъ альбигойцевъ, во многомъ аналогичномъ съ погромомъ Лангедока. Легата Арнольда замѣнялъ болѣе свирѣпый, архидіаконъ кремонскій, Альбертъ Каттанео (de Capitaneis), который послалъ впередъ себя доминиканскихъ проповѣдниковъ, конечно, не достигшихъ желаемой цѣли. Монфору соотвѣтствовалъ черный и страшный наемникъ де-Мондови. Крестоносцы въ одинъ день начали аттаку со всѣхъ сторонъ. Положеніе несчастныхъ вальдензовъ было критическое; у нихъ не было ни пороха, ни ружей; они молили, чтобы сохранили имъ жизнь и вѣру въ этомъ единственномъ ихъ пріютѣ,—но напрасно. Тогда они спрятали въ недоступные трущобы безсильныхъ стариковъ, женщинъ и дѣтей, а сами заняли вершины родныхъ горъ, сосредоточившись на главномъ пунктѣ. Страшный лѣсъ копій встрѣтилъ врага, побуждаемаго надеждой поживы. Мондови былъ впереди; онъ снялъ съ себя шлемъ, какъ-бы презирая ничтожныхъ поселянъ. Въ это время стрѣла, пущенная однимъ молодымъ вальдензомъ, поразила его въ лицо. Смерть вождя разстроила крестоносцевъ. Вальдензы спустились съ горъ и ударили на врага, бѣжавшаго въ смятеніи. Побѣдители прозвали себя израяльтянами Альпъ. Со стороны Ангронской горы вальдензамъ помогла самая мѣстность. При первыхъ попыткахъ взобраться на вершину, католики полетѣли съ крутизны въ пропасти и котловины. Въ долинѣ Праджела, вальдензы отбивались отъ нападающихъ камнями и гранитомъ, который они отрывали отъ скалъ и спускали на крестоносцевъ.—Короче, всюду Каттанео потерпѣлъ пораженіе; удовольствовавшись немногими плѣнниками, онъ отправился на новые подвиги во Францію, въ г. Бріансонъ.

Здѣсь ему посчастливилось. Съ своими громадными силами въ 1488 г. онъ обложилъ деревню Фрейзиньеръ, плѣнилъ всѣхъ ея жителей и подъ ножемъ обращалъ ихъ въ католичество. Потомъ онъ направился на Вальлуизу, населеніе которой въ продолженіи ста лѣтъ дошло до 3000 человѣкъ. Вальлуизцы собрали свои стада и ушли всѣми семьями на одинъ изъ альбигойскихъ отроговъ Пельву, который поднимался еще на 6000 футовъ выше Вальлуизы. Тутъ они расположились на широкой скалѣ, помѣстивъ женщинъ и дѣтей

въ пещерахъ. Но крестоносцы обошли ихъ и истребили послѣ страшнаго побоища. Тѣ, которые хотѣли спастись отъ меча, погибли въ пещерахъ отъ пламени съ своими женами и дѣтьми.

Къ началу XVI вѣка, вальдензы, эти могиканы средневѣковаго протестантизма, были сокрушены ([202]). Среди развалинъ дымящихся селеній гордо стоялъ только одинъ Пиньероль, который сталъ центромъ погибающей оппозиціи и ея твердынею. Казалось, что и эта послѣдняя опора не устоитъ въ морѣ католицизма. Тайкомъ пробирались въ Пиньероль на совѣщанія барбы вальдензовъ. Но герои Пиньероля, столько выстрадавшіе за свои убѣжденія, скоро дождались, какъ высшей награды, болѣе счастливыхъ дней. Въ 1519 г. до нихъ дошла вѣсть, что въ сосѣднемъ Дофинэ, въ Барселонетѣ явился проповѣдникъ, который учитъ тому, что они и ихъ предки привыкли давно считать святымъ. Это былъ Форель, предшественникъ Кальвина. Они услышали, что его ученіе во всемъ населеніи встрѣчаетъ восторженный пріемъ и что предъ нимъ нѣмѣютъ самые смѣлые католическіе патеры.

Тогда послѣдователи древняго ученія вальдензовъ протянули братскую руку борцамъ новаго протестантизма. Тѣ и другіе не видятъ существенной разницы въ своихъ религіозныхъ убѣжденіяхъ. Если не послѣдовало полнаго слiянія, то болѣе потому, что вальдензы имѣли основаніе гордиться своей чистой и старой исторіей. Первое время, большинство гугенотскихъ пасторовъ было изъ Пиньероля ([203]).

Реформація смѣнила въ болѣе благородной и живой формѣ разные виды средневѣковой церковной оппозиціи. Аль-

([202]) Понятно, что цифра вальденскихъ мучениковъ (800 тыс.), приводимая Leger (II, 8), баснословна. Срв. разсказъ Muston (I, 45, 62, 65), составленный по Chorrier (Hist. du Dauphiné), мѣстнымъ архивамъ Гренобля и Ліона и рукописямъ Нац. Библ.: Rivallius de Allobrogibus, матеріаламъ коллекцій Fontanieu, Gaignières etc.

([203]) Bret. J Valdesi ossiano i cristiani-cattolici, p. 101.

бигойство къ тому тремени въ чистомъ видѣ жило только въ преданіяхъ. Его непосредственная исторія прерывается задолго до Реформаціи. Какъ незамѣтно слагалось оно, такъ незамѣтно и кончилось. Отголоски катаризма рѣдко слышатся на широкомъ пространствѣ двухъ столѣтій и въ нихъ едва можно подмѣтить звуки стараго ученія катаровъ. Ихъ собратья, не по идеямъ а по борьбѣ, бегины, подобно вальдензамъ, имѣютъ болѣе правильную исторію. Тулузской инквизиціи XVI вѣка, рядомъ съ лютеранами и кальвинистами, въ то же время приходилось имѣть дѣло съ францисканцами. Одинъ изъ нихъ Жанъ Ескалье въ 1554 г. былъ осужденъ архіепископомъ нарбоннскимъ и тулузскимъ инквизиторомъ на позорную и мучительную смерть. Его лишили сана, потомъ привязали къ высокой повозкѣ, обвязали шею веревкою; уцѣпились за нее, и такъ таскали въ сопровожденіи громадной толпы по всему городу, останавливаясь на площадяхъ и перекресткахъ; потомъ приволокли его искалеченный трупъ на лобное мѣсто и сожгли ([204]). За что погибъ этотъ монахъ—протоколъ умалчиваетъ; онъ не уличаетъ его въ кальвинизмѣ. Можетъ быть, Ескалье былъ послѣднимъ представителемъ лжеапостоловъ, можетъ быть, онъ, слѣдуя ихъ убѣжденіямъ, оказалъ измѣнническую снисходительность къ протестантамъ. Во всякомъ случаѣ, имъ прерывается связь новаго протестантизма съ средневѣковымъ. Его процессомъ кончаются тяжелыя страницы протоколовъ тулузской инквизиціи.

Духовные трибуналы въ рѣшительный моментъ оказались, какъ и слѣдовало ожидать, безсильны удержать развитіе протестантизма. Они были сокрушены въ этомъ бурномъ потокѣ. Вмѣстѣ съ собою они увлекали къ гибели Римскую Церковь, которая нѣкогда призвала ихъ на помощь. Ударъ за ударомъ наносили ей великіе проповѣдники новаго ученія. Она считала каждый день громадныя потери. Чтобы устоять, она обратилась не къ трибуналамъ, а къ инымъ, не средневѣковымъ средствамъ...

([204]) Doat; XXXV, 204.

Тогда всѣ люди были въ какомъ то величаво-восторженномъ настроеніи. Казалось, весь міръ былъ готовъ обновиться. Съ небывалымъ энтузіазмомъ кинулся Западъ къ живительному источнику новыхъ идей.

Оправдала-ли Реформація всеобщія ожиданія современниковъ, постигли-ли ея вожди тайну истиннаго успѣха религіозныхъ движеній, прозрѣли-ли они изъ горькаго примѣра католичества все зло нетерпимости,—это достаточно извѣстно изъ ея исторіи.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

ОБЗОРЪ МАТЕРІАЛА.

Въ приложеніи къ первому тому нашего труда былъ разсмотрѣнъ весь лѣтописный матеріалъ, касающійся непосредственно исторіи альбигойцевъ. Такіе источники, какъ хроника Petr. Cern., Guil. de Pod. Laur., Cansos de la Crozada, Cron. prov.,—были изслѣдованы въ цѣлостномъ видѣ и на основаніи ихъ существеннымъ образомъ построена первая глава предлагаемой книги. Потому для критики этихъ памятниковъ отсылаемъ желающихъ къ стр. 560—572 перваго тома нашей исторіи. Критика же отдѣльныхъ мѣстъ сопровождала всегда нашъ текстъ, когда того требовало дѣло. Guil. Brito, лѣтописецъ Филиппа II Августа (тамъ же стр. 577), какъ и Guil. de Nangiaco (Chron.), не могутъ быть здѣсь спеціально разбираемы, что можно сказать и про жизнеописанія Людовика IX, составленныя тѣмъ же Нанжисомъ, Буалье и Жуанвилемъ. Мы впрочемъ остановимся нѣсколько на Нанжисѣ, чтобы оцѣнить точку зрѣнія французскихъ источниковъ. Каковъ характеръ политическихъ и религіозныхъ воззрѣній Нанжиса, каковы его взгляды на фактъ завоеванія,—ясно изъ его хроники, въ которой подъ 1215 г., говоря объ извѣстномъ латеранскомъ соборѣ, онъ самоувѣренно считаетъ Раймондовъ VI и VII еретиками и признаетъ ихъ вполнѣ достойными «меча анаѳемы», а подъ 1218 г. прославляетъ личность Симона Монфора, «героя, какъ въ вѣрѣ такъ и въ битвахъ, достойнаго вѣчной славы». Даже жена героя—для автора: «illustris». Все это вполнѣ понятно со стороны бенедиктинца, пріора св. Діонисія. Вильгельмъ проникнутъ монархическимъ идеаломъ: графа Тибо онъ называетъ мятежникомъ за возстаніе 1227 г. и полагаетъ, что Людовикъ IX только законно принялъ Югъ подъ свою власть, какъ вассальную землю. Конечно, о нашемъ предметѣ Нанжисъ даже и въ своихъ спеціальныхъ трудахъ говоритъ мелькомъ; вообще отъ французскихъ лѣтописей мы и не могли ждать

какихъ либо полезныхъ свѣдѣній. Извѣстно, что для первой половины правленія Филиппа IV Красиваго, Вильгельмъ единственный и главный источникъ; потому эпоха 1285—1300 годовъ у него разсказана обстоятельнѣе, по отношенію, конечно, къ чисто французской исторіи; ранѣе онъ просто компилируетъ (Ригоръ, Сигбертъ Гембмургскій и др.). Совершенно иное слѣдуетъ сказать о значеніи Gesta Ludovici VIII regis (qui sancto Ludovico pater fuit), изд. apud Dusch. и повт. Bouquet (XVII, 202—311). Имя автора неизвѣстно, но онъ былъ французъ, вѣроятно монахъ, и писалъ несомнѣнно въ концѣ XIII вѣка, что мы заключаемъ какъ изъ названія сочиненія, такъ и изъ другихъ данныхъ. Этотъ источникъ не столько разсказъ, сколько сборникъ документовъ. Въ виду того значенія, какое имѣютъ походы Людовика VIII въ исторіи завоеванія Лангедока, эти Gesta были для насъ почти единственно существеннымъ матеріаломъ изъ ряда печатныхъ историческихъ памятниковъ французскаго лагеря. Анонимный авторъ можетъ вѣрить въ басню о происхожденіи франковъ изъ Трои, считать признакомъ паденія страны оскудѣніе церковныхъ приношеній и т. п., но ему пришла прекрасная мысль помѣстить въ своемъ небольшомъ трудѣ цѣликомъ акты, относящіеся до Людовика VIII. Даже оффиціальные французскіе лѣтописцы, какъ хроникеры св. Діонисія, у которыхъ одинаково напрасно стали бы мы искать свѣдѣній касательно водворенія новой гражданственности въ Лангедокѣ, пренебрегаютъ государственными актами.— Chronique de S. Denys, которая считается продолженіемъ труда Нанжиса, предпочитаетъ нанизывать свои философскія измышленія. Впрочемъ монашеская ряса не мѣшаетъ автору быть противникомъ папскихъ притязаній на французское золото; оффиціальный хроникеръ—сторонникъ галликанской Церкви, на сколько это согласно съ его правовѣріемъ и на сколько требуется «безопасностью королевства». Все это не уполномочиваетъ его относиться къ провансальцамъ иначе какъ къ мятежникамъ, а къ альбигойцамъ, какъ къ нечестивцамъ. Онъ, и по положенію своему, апологетъ французскаго королевскаго дома. Даже Карлъ Валуа, который имѣетъ такую печальную извѣстность въ итальянской исторіи, и который заклейменъ презрѣніемъ и проклятіемъ Данте, обрисованъ въ розовомъ свѣтѣ; онъ точно призванъ искоренять враговъ въ своемъ законномъ тосканскомъ наслѣдіи (подъ 1301 г.). Хроникеръ не любитъ тампліеровъ, хотя полагаетъ, что судъ необходимъ для изслѣдованія нечестивыхъ дѣяній ордена. О характеристичномъ повелѣніи Филиппа IV касательно одновременнаго изгнанія евреевъ изъ государства сообщается мимоходомъ одной фразой рядомъ съ записью о большомъ наводненіи (1306 г.); неизвѣстно, какое событіе больше потрясло автора. Такъ какъ мы не имѣли въ виду касаться исторіи Филиппа Красиваго, то и не цитировали хронику св. Діонисія. Только въ одномъ мѣстѣ (135 прим. третьей главы) мы обращались къ ней для ереси Дульчино, суть которой схвачена въ ней очень удачно. Касательно дѣйствій инквизиціи хроника записываетъ немногіе процессы обращенныхъ евреевъ, чего мы избѣгали въ нашемъ сочиненіи, сосредоточившись на альбигойцахъ. Тѣмъ не менѣе два факта (подъ 1307 г.) довольно характеристичны. Изъ хроники мы узнаемъ, что въ трибуналъ приглашали ученыхъ и что вѣрили тѣмъ показаніямъ, которыя отягчали участь подсудимаго. Доносчикъ, братъ подсудимаго, отрекается отъ своего обвиненія и говоритъ, что былъ побужденъ къ тому корыстью, неполученіемъ долга, но трибуналъ тѣмъ не менѣе судитъ его, какъ отпавшаго; но когда заключенный выразился въ тюрьмѣ, что онъ не хочетъ быть христіаниномъ, а остается жидомъ Самуиломъ и что христіане ѣдятъ своего Бога, то по рѣшенію ученыхъ докторовъ, былъ обреченъ на смертную казнь. Съ другимъ, также отрекавшимся отъ христіанства, поступили гораздо снисходительнѣе. Его приговорили только къ эпитеміи, когда онъ сослался на душевное разстройство и легкомысліе. Второй разсказъ мало достовѣренъ, а первый показываетъ въ хроникерѣ недостаточное знакомство съ уголовнымъ кодексомъ трибуналовъ,—чѣмъ онъ лишаетъ себя вѣры въ вопросахъ этого рода, если бы даже ему вздумалось распространиться о гоненіяхъ на альбигойцевъ, чего впрочемъ не находимъ у него. Онъ полагаетъ, что отпавшихъ (relapsi) осуждали только на пожизненное заточеніе. Этому противорѣчатъ рукописные протоколы инквизиціи, къ которымъ мы перейдемъ сейчасъ. Если мы остановились на оффиціальной хроникѣ, то чтобы показать, какой ничтожный и недостовѣрный матеріалъ мы имѣли бы въ рукахъ по избранному предмету, если бы ограничились лѣтописнымъ и вообще печатнымъ запасомъ. Когда на процессы альбигойцевъ и вообще на еретиковъ не обращаетъ вниманія хроникеръ св. Діонисія, то тѣмъ безполезнѣе были бы замѣтки другихъ лѣтописцевъ.

Настоящій томъ не появился бы въ свѣтъ, если бы намъ не представилось возможности воспользоваться рукописной коллекціей протоколовъ лангедокской инквизиціи (Тулузы, Фуа и Каркассоны), и вообще разнообразными актами, хранящимися въ Парижѣ въ

Національной Библіотекѣ и въ Государственномъ Архивѣ Франціи. Описаніе послѣдняго, этой «Сокровищницы Хартій» (Trésor des Chartes), можно читать у Мишле въ его приложеніи къ третьему тому Histoire de France; исторію накопленія документовъ и актовъ у Du-Puy (Droits du roy. 1655) и Bonamy (Mém. de l'Ac. des inscr.). Въ Архивѣ были собираемы съ разныхъ провинцій, по мѣрѣ ихъ завоеванія, всѣ мѣстныя хартіи; особенно цѣнились тѣ, которыми закрѣплялись владѣнія короны надъ провинціями. Съ самаго Филиппа Августа, перваго собирателя галльской земли, ведетъ Сокровищница свою исторію; при Филиппѣ Красивомъ уже имѣлся инвентарь грамотъ; Дю-Тилле, Дю-Пюи, Годефруа работали надъ приведеніемъ архива въ порядокъ. Дону суждено было достойно завершить громадный трудъ; одно время парижскій государственный архивъ былъ дѣйствительно бумажнымъ некрополемъ западнаго континента. Только здѣсь можно изучать дѣйствительную исторію Франціи. Съ водвореніемъ критико-дипломатической школы во Франціи, наука будетъ черпать изъ этихъ безчисленныхъ манускриптовъ интересныя сокровища. Уже теперь Boutaric показалъ, сколько новаго свѣта можно пролить вообще на средніе вѣка, работая въ улицѣ Marais. Великолѣпная монографія этого ученаго (S. Louis et Alfonse de Poitiers. Etude sur la réunion des provinces du Midi et de l'Ouest à la couronne et sur les origines de la centralisation administrative) вышедшая одновременно съ нашими занятіями въ Парижѣ, и служащая однимъ изъ образцевъ работы по архивнымъ грамотамъ, избавила насъ отъ необходимости отдѣльной разработки политической части нашей задачи, была нашимъ руководителемъ по изученію административнаго вопроса (начало III главы этого тома) и дала возможность сосредоточиться на самостоятельномъ изученіи протоколовъ инквизиціи, на занятіяхъ въ другомъ сокровищѣ исторической науки, — Національной (а тогда пока императорской) Библіотекѣ. Въ этомъ отдѣлѣ нашего труда мы не имѣли ни предшественниковъ, ни руководителей. Фоліанты громадной коллекціи Доа, ради ихъ самихъ, почти не изучали; Шмидтъ проглядѣлъ ихъ мелькомъ, такъ какъ писалъ исторію катаровъ, оставляя дѣянія инквизиціи на второмъ планѣ.

Ни одна библіотека въ свѣтѣ не представляетъ такого богатства манускриптовъ для изученія среднихъ вѣковъ, какъ парижская національная. Со временъ короля Карла V копится въ ея стѣнахъ этотъ безцѣнный запасъ памятниковъ всемірной цивилизаціи, по всѣмъ отраслямъ знанія. Востокъ и Западъ снесли

сюда свои сокровища въ томъ самомъ дѣвственномъ видѣ, въ какомъ они просвѣщали человѣчество; станокъ отпечаталъ главнѣйшіе памятники, болѣе или менѣе имѣющіе общій интересъ, но большая часть не можетъ быть издана и по своей узкой спеціальности, и по своему исключительно-научному значенію. Матеріалы, интересовавшіе насъ, имѣютъ характеръ только что упомянутый. Мы обращались къ т. н. Collections, fonds latin, fonds italien. Коллекціи, т. е. многотомные фоліанты переплетенныхъ рукописей на разныхъ языкахъ, составляютъ шестой отдѣлъ гигантской секціи манускриптовъ (*). Рукописи въ нихъ имѣются преимущественно въ старыхъ копіяхъ. Коллекціи озаглавлены то по провинціямъ, то по именамъ редакторовъ сводовъ. Нѣкоторыя поражаютъ громадностью (Clairambault 1200 томовъ корол. грамотъ, Moreau для правит. докум. 1834 т., Colbert 923 т. и т. п.), одолѣть которую тѣмъ труднѣе, что иныя свѣденія и мелочи попадаются въ той коллекціи и въ томъ фоліантѣ, гдѣ менѣе всего ожидаешь ихъ встрѣтить. Мы сосредоточились на коллекціи Doat для Лангедока (258 v.), собственно на томахъ XXI—XXXVII, содержащихъ копіи съ протоколовъ провансальскихъ трибуналовъ, переданныя то въ латинскихъ подлинникахъ, то во французскомъ извлеченіи, по распоряженію Кольбера и съ разрѣшенія Людовика XIV. Доа и отправленные съ нимъ агенты списали все, что захватили, что не успѣло погибнуть въ доминиканскихъ монастыряхъ, потому почти все то, что не было извѣстно этимъ копіистамъ, останется навсегда пробѣломъ въ исторіи первой инквизиціи. Немногое послѣ нихъ можно найти въ отдѣльныхъ протоколахъ, попавшихъ въ Нац. Библ. инымъ путемъ, или въ старыхъ печатныхъ изданіяхъ (а именно Processus insignis contra Bern. Del. № 4270, f. l. и Liber sent. inq. Tol. apud Limborch). Процессы переписывались не въ хронологическомъ порядкѣ; вообще у Доа нѣтъ никакой системы. Онъ пользовался тѣмъ, что

(*) 1) Fonds orientaux, 2) f. grec 4380 v., 3) f. latin изъ 6 серій 19618 v. и f. l. des nouvelles acquisitions 87 v. 4) f. francais изъ 4 серій 25696 v. и f. fr. des nouv. acq. 1980 v. 5) f. en diverses langues modernes 2600 v. (изъ нихъ наиб. итальянскій 1631 и наим. славянскихъ и американскихъ нарѣчій), 6) Collections. —Историческій очеркъ образованія секціи: Le Prince. Essai hist. sur la bibl. impér. (éd. de Louis Paris, 1856).— Delisle. Le cabinet des manuscrits (1868, t. I).—Delisle. Etat des manuscrits latins aul août 1871 (Bibl. de l'Ecole des Chartes. 1871; XXXII, 20—63).

попадалось подъ руки, списывая цѣликомъ тотъ свертокъ, который былъ въ его распоряженіи, не соображаясь ни съ предъидущимъ, ни съ послѣдующимъ матеріаломъ. Оттого такъ трудно пользованіе его коллекціей. — XXI томъ начинается отрывочными приговорами, не идущими къ дѣлу буллами, позднѣйшими декретами соборовъ, и только съ 143 листа исключительно переходитъ къ сентенціямъ, отмѣчая первую изъ нихъ VII Kal. jun. 1227 и продолжая ихъ съ перерывами, сообразно имѣвшемуся матеріалу, и безъ всякой хронологической послѣдовательности въ слѣдующихъ томахъ. Томы XXII—XXIV—сентенціи тул. инкв. за 1243—47 годъ, но также безъ соблюденія точной послѣдовательности. XXV—свитокъ протоколовъ инквизиціи де-Фуа за 1273—78 г.— XXVI—за позднѣйшее время до 1289 г. На послѣднемъ листѣ скопированы печати нотаріусовъ и помѣтка: списано въ Альби 16 окт. 1669 г. подъ редакціею Grat. Capot.—Съ XXVII т. крутой переходъ къ процессамъ въ де-Фуа надъ альбигойцами и бегинами, взятымъ изъ архива каркассонской инквизиціи за 1318—29 г.—Доа смѣшиваетъ альбигойцевъ и бегиновъ (sentences de condamnations des inq. de la Foy contre les heretiques Albigeos, leurs interragotoires et depositions). Послѣдній протоколъ 1 марта 1326 (27) г., хотя ранѣе встрѣчаются процессы 1329 г.—XXIX и слѣд. томы посвящены документамъ для исторіи судопроизводства въ каркассонскихъ трибуналахъ противъ еретиковъ и евреевъ; тутъ папскія буллы, бланки всякаго рода, инструкціи инквизиторамъ. Особенное значеніе имѣютъ: Ordo itaque convenient poenitentiarum et sententiarum quae injunguntur, et feruntur in sermone etc. и цитированное нами Traité sur les privilèges de l'inquisition. За тѣмъ идетъ трактатъ о ереси лжеапостоловъ и наставленія для допрашиванія еретиковъ разныхъ ученій. Съ XXX тома т. н. diverses piéces, мелкіе документы, полезные для исторіи крестовыхъ походовъ на альбигойцевъ и за ними основательный сборникъ папскихъ буллъ по дѣламъ ереси (25—Иннокентія IV, 27—Александра IV, 2—Урбана IV и 14—Климента IV); за тѣмъ донаціи Альфонса, письма французскихъ королей до Филиппа IV включительно, съ буллами Бонифація VIII и Іоанна XXII. Въ послѣднихъ томахъ XXXV—XXXVII позднѣйшіе документы для инквизиціи до второй половины XVI вѣка, а въ иныхъ вопросахъ даже до XVIII столѣтія.

Кромѣ коллекціи Doat мы могли располагать еще сборникомъ Decamps (Collection pour l'histoire de France, 127 v.), часть котораго посвящена документамъ къ подтвержденію правъ королевской власти на Лангедокъ. Существенные акты по этому предмету находятся въ латинскомъ отдѣлѣ, № 9042, 9813, 10932, 12810, 13868, 17057, 17700, 18345; тамъ же рукописныя пріобрѣтенія, сдѣланныя Д'Агессо и Будономъ въ Каркассонѣ для инквизиціи (№ 4270, по списку XVII вѣку) и позднѣйшія въ 1869 г. (fac-simile съ манускрипта XIII вѣка,—Registre, de l'inq. de Carc. de 1249 à 1257, въ копіи у Доа, f. l. nouv. acq. № 139), еще не разсортированныя, между которыми оригинальныя хартіи для Гіенни и Лангедока XIII—XVI вѣка.

Итальянскій отдѣлъ познакомилъ насъ съ Paulo Servita. Historia della sacra inquisizione (№ 137, in 4, 120 f.), — который писалъ по порученію дожа, обращая главное вниманіе на венеціанскіе духовные трибуналы. Манускриптъ важенъ въ томъ отношеніи, что показываетъ итальянскій взглядъ на инквизиторовъ, воспитанный исторіею. Авторъ не допускаетъ ихъ вмѣшательства въ свѣтскую юрисдикцію (§ 20, 21) и устраняетъ отъ подсудности имъ кудесниковъ и послѣдователей другихъ христіанскихъ исповѣданій—come Greci e l'altri tali, § 25, p. 9). Гражданскіе депутаты должны присутствовать даже въ процессахъ противъ духовныхъ лицъ. Почти всѣ 39 положеній книги направлены противъ злоупотребленій, могущихъ быть со стороны инквизиторовъ. По возможности стѣсняя ихъ юрисдикцію, Сервита отстраняетъ отъ нихъ дѣла о двоеженствѣ (§ 22), о ростахъ (§ 23), о кощунствѣ иновѣрцевъ (di qual si voglia sorte), о чемъ инквизиторъ долженъ дѣлать предложенія свѣтскому суду (§ 24). Должно замѣтить, что въ Венеціи «i consiglii» не во многомъ уступали трибуналамъ. Впрочемъ, авторъ одушевленъ гуманными идеями; онъ совѣтуетъ лучше пропустить виновнаго, чѣмъ казнить невиннаго. Причиной появленія ереси онъ признаетъ паденіе нравовъ духовенства (p. 18) и политическія обстоятельства, а потому странно что въ видахъ отстраненія ея оправдываетъ введеніе инквизиціи, che ad honor di Dio castiga delli colpevoli di tal sceleratezza essequir prontamente la terminazione etc. (p. 3). Онъ полагаетъ, что въ Греческой Церкви инквизиція раньше существовала, «такъ какъ въ ней издавна исполнялись императорскіе декреты», всегда поддерживавшіе права духовенства. Фридрихъ II повторялъ ихъ въ исторіи Римской Церкви: онъ принялъ инквизицію подъ свою защиту, онъ виновникъ введенія жестокаго наказанія за ересь.

Обращаясь къ печатному матеріалу, къ пособіямъ, мы должны замѣтить, что во всей литературѣ европейской нѣтъ ни осо-

баго сочиненія по исторіи провансальской инквизиціи, ни спеціальнаго изслѣдованія о началѣ трибуналовъ, вытекшихъ какъ естественное послѣдствіе нетерпимости. Общія работы по инквизиціи, изъ которыхъ имѣютъ серьезное значеніе только труды Лимборха и Льоренте, для нашихъ цѣлей стояли на второмъ планѣ. Старая и весьма поверхностная статейка De l'inquisition en France (помѣщ. у Leber. Coll. des meilleurs dissert. 1838, III, 286—307) и диллетантское сочиненіе Lamothe-Langon (Hist. de l'inq. en France)—вотъ все что представляетъ литература по нашей спеціальности, да и тутъ началу инквизиціи удѣлено ничтожное мѣсто, не большее чѣмъ въ Mémoires historiques pour servir à l'histoire des inquisitions (Cérémonies et coutumes religieuses, Amst. 1723; прил. ко второму тому). Вообще въ трудахъ по инквизиціи всегда обращалось, да и теперь все вниманіе обращается, на энергичное повѣствованіе объ ужасахъ происходившихъ въ трибуналахъ, что передается протестанскими, иногда и католическими историками, не безъ сантиментальности,—а научные вопросы игнорируются. Доминиканскіе и іезуитскіе патеры останавливаются на юридической и апологетической сторонѣ. Оттого собственно историческая часть оставалась неразработанною, а безъ изученія протоколовъ провансальской инквизиціи никакая разработка немыслима. Старые историки имѣли такія попытки; они были знакомы съ протоколами; Limborch (Hist. inq. Amst. 1692) даже издалъ часть протоколовъ (394 р.); но ихъ воззрѣнія, какъ современниковъ учрежденія продолжавшаго долгую жизнь, никогда не отличались объективностью. Католики считаютъ инквизицію завѣтомъ Господнимъ, протестанты преувеличиваютъ жестокость судопроизводства. Книга реформата Лимборха посвящена арх. Кентерберійскому; высказываясь съ благороднымъ негодованіемъ противъ злоупотребленій христіанства, замѣчая что «doctrina Jesu Christi omni persecutioni religionis causa est adversa» и пр., авторъ своимъ крайне пристрастнымъ отзывомъ о Доминикѣ лишаетъ свой трудъ истинно научнаго значенія, какъ ни богата его эрудиція. Онъ не становится выше мнѣній толпы и не думаетъ отнестись къ началу инквизиціи сколько нибудь критически. Лимборху знакомы: N. Eymericus, Fr. Pegna, Lucerna Inquisitionis (R. 1584). I. a Royas, Zanchini Ugolini, Conradus Brunus, L. de Paramo, Anth. de Sousa, Caes. Caerena (оба послѣднихъ сочиненія, вышедшихъ въ 1669. Lugd., посвящены наставленію инквизиторамъ), P. Servita etc., — печатныя и рукописныя пособія для

инквизиціи, все произведенія католическія. Слѣдомъ за ними его вниманіе обращено главнымъ образомъ на позднѣйшую инквизицію. Все же его книга безконечно превосходитъ католическіе труды XVI вѣка, которыми онъ пользовался. — L. de Paramo былъ, напримѣръ, инквизиторъ сицилійскаго короля и пишетъ (De origine et progressu Officii Sancti Inquisitionis ejusque dignitate et utilitate, Madr. 1598) съ излишнею симпатіею къ избранному имъ роду служенія (р. 187). Ересь, по его изслѣдованію, началась съ Адама и потому первую главу первой книги онъ посвящаетъ прародителю (de peccato et infidelitate Adamae). Онъ увѣренъ въ слѣд.: S. Off. inq. modum procedendi a Deo mutuantur, et eundem observant; Deus per se ipsum secreto hoc judicium exerat, futuros inquisitores instruens. Это составляетъ вторую главу первой книги; третья глава посвящена сжатому обзору ересей. Вторая книга—de origine et progressu S. Inq. delegatae (р. 88—379). Св. Доминикъ признается первымъ генеральнымъ инквизиторомъ (р. 95); онъ—dignissimus institutor inq., въ доказательство ссылка на Camillus, Campegius, Pegna. Факты извращены до того, что Иннокентію III приписана мысль послать Доминика на альбигойцевъ. Распространеніе инквизиціи per orbem Provinciae занимаетъ много страницъ (112—267), но нефактично и реторично; авторъ посвящаетъ особую главу пользѣ и «плодамъ» инквизиціи (267—379); существенный же плодъ, т. е. паденіе папскаго авторитета и потрясеніе католицизма, онъ, конечно, не подмѣтилъ. Предметъ третьей книги: De jurisdictione universali summi Pontificis in temporalibus divisa in 4 opinionibus, prima haereticorum (417), secunda jurisprudentum (439), tertia canonistorum (444), quarta theologorum (482). Затѣмъ, снова обратившись къ ересямъ и проявивъ вторично полнѣйшій сумбуръ въ этомъ предметѣ, Парамо кончаетъ свой фоліантъ ручнымъ наставленіемъ инквизиторамъ. — Съ послѣднею цѣлью было съ давнихъ поръ еще въ XIV вѣкѣ написано классическое руководство: Directorium inquisitorum N. Eymerici, послѣ комментированное Fr. Pegna. Евмерикъ былъ уроженецъ Каталоніи; поступивъ въ доминиканцы, онъ скоро сталъ генеральнымъ инквизиторомъ и въ этомъ званіи пробылъ 35 лѣтъ (1358—93 г.), дослужившись до кардинальскаго пурпура; 44 года ежедневной практики въ трибуналѣ сдѣлали изъ него перваго знатока инквизиціоннаго искусства. Кто могъ написать болѣе обстоятельное руководство по этой спеціальности? Однако, съ исторической и догматическою частью ереси (230—389) Евмерикъ знакомъ слабо. Онъ путается при-

характеристикѣ вальдензовъ (венец. изд. р. 278). Книга написана съ точки зрѣнія защитительнаго католическаго богословія. Первая часть посвящена изложенію католической догматики съ объясненіями изъ Отцевъ и схоластиковъ (1—80). Вторая de haeretica pravitate. Пенья здѣсь часто имѣетъ случай блеснуть превосходствомъ своей эрудиціи, возстановляетъ болѣе истинную исторію ерессей, но понятія о происхожденіи инквизиціи и у него такъ-же католически-ординарны, какъ у Евмерика. Приступая къ изученію нашего предмета, прежде всего слѣдуетъ отрѣшиться отъ стараго католическаго хлама. Только Percin (Monumenta conventus Tolosani, Tol. 1693) заслуживаетъ исключенія, да и то потому лишь, что онъ пользовался актами своего монастыря, которые помѣстилъ въ извлеченіи. Такъ, только у него находимъ важное ломбардское бреве, первый историческій памятникъ трибуналовъ. Но изъ его трудовъ имѣетъ значеніе только исторія домин. тул. монастыря и статья о первыхъ дѣятеляхъ инквизиціи (de primis martyribus etc). Происхожденіе инквизиціи для него совпадаетъ съ происхожденіемъ доминиканскаго ордена (особое opusculum de inq. nomine, institutione et exercitio, 83—109).—Изъ всѣхъ историковъ инквизиціи для насъ полезнѣйшимъ былъ знаменитый Llorente (Hist. critique de l'inq. d'Espagne t. I 2 éd. 1818), хотя о нашемъ предметѣ онъ не говоритъ спеціально; въ массѣ его рукописныхъ источниковъ напрасно будемъ искать тулузскихъ протоколовъ. Но все же только у него одного изъ прежнихъ писателей была идея о разницѣ между первой и второй инквизиціей.

Приведенный нами въ первомъ томѣ обзоръ пособій, мы имѣемъ пополнить весьма немногимъ. Намъ хотѣлось бы передать въ извлеченіи интересную и малодоступную рецензію на извѣстную книгу Шмидта, рецензію замѣчательную не по важности, а оригинальности мыслей. Это статья Cucheval-Clarigny, помѣщеная въ 1852 г. въ Bibl. de l'École des Chartes (3 série, III, 80—90). Въ приливѣ патріотическаго чувства рецензентъ крайне заблуждается въ пониманіи и характеристикѣ сѣверной и южной Галліи въ средніе вѣка. Первую ему угодно ставить выше, потому что тамъ дѣйствовалъ св. Бонифацій и что она была-де духовнымъ очагомъ Европы (р. 85), что она будто оказывала вліяніе на скудный Югъ и даже на Италію (!). Но дѣло не въ этихъ фантазіяхъ, за которыя отвѣтственна развѣ только редакція почтеннаго изданія; у рецензента рядомъ съ невѣжествомъ есть оригинальныя мысли. Онъ пытается доказать,

вопреки Шмидту, что сѣверная Франція была источникомъ катаризма, ибо въ ней ересь проявляется еще въ 991 г. въ Реймсѣ, а въ 20 годахъ XI вѣка въ Орлеанѣ, Аррасѣ, Суассонѣ, тогда какъ въ Болгаріи только въ 1015 г., а въ Италіи въ 1016 г. Сѣверъ жилъ религіозной идеею и старался развить ее, изъ чего и вышла реформа. На основаніи легенды о Фортунатѣ, авторъ дѣлаетъ Шампань источникомъ ереси (86); тамъ былъ замокъ Монтвимеръ, изъ котораго, по преданію сильно распространенному между еретиками XII столѣтія, ересь распространилась во всѣ концы свѣта. Катаризмъ и манихейство для Шмидта, какъ извѣстно, не имѣютъ связи и часто противоположны: въ катаризмѣ онъ не видитъ участія гнозиса. Все это даетъ рецензенту оружіе возстать противъ восточнаго происхожденія альбигойцевъ, ибо богомилы, мотивируетъ онъ, были тѣсно связаны съ христіанами, а альбигойскіе катары заимствовали много языческаго. Le catharisme ne serait-il pas plus vieux que ne l'a fait M. Schmidt?—спрашиваетъ онъ и выводитъ, согласно съ нашей теоріею, что альбигойство было результатомъ взаимнодѣйствія всѣхъ сектъ. Катаризмъ создавался въ эпоху невѣжества, когда само христіанское ученіе еще не оформировалось въ богословіе. Аріане, манихеи, присцилліане, павликіане дѣйствовали въ Галліи и оставили слѣды своего ученія. Т. о. всѣ ереси имѣли тамъ своихъ представителей. Конечно, оговаривается рецензентъ, западное происхожденіе катаризма не исключаетъ восточнаго вліянія. Греческая Церковь была въ общеніи съ Римской до IX вѣка. Въ высшемъ духовенствѣ Германіи и Англіи попадаются греки. Наконецъ, вѣра въ Чернобога не была принадлежностью однихъ славянскихъ воззрѣній; она видна въ преданіи о чудесахъ Θеофила. По теоріи, или лучше гипотезѣ рецензента, очень просто и легко ересь могла обнаружиться на берегахъ Рейна, ранѣе чѣмъ гдѣ нибудь. Въ V вѣкѣ процвѣтали школы въ Трирѣ, Кельнѣ, Мецѣ, Тулѣ и др. Нашествіе варваровъ уничтожило ихъ; оно повліяло на сильное уменьшеніе на христіанъ. Въ VII—VIII вѣкахъ сильное гоненіе на христіанъ въ Тюрингіи и Фрисландіи. Дѣло обращенія приходилось начинать съизнова, но уже съ гораздо болѣе скудными средствами богословскаго знанія. Св. Колумбанъ нашелъ много язычниковъ въ Австразіи. Вотъ причина извращеннаго и неумѣлаго толкованія христіанскихъ истинъ и начало ереси. Несчастія и великія бѣдствія галльскихъ и германскихъ христіанъ поселили между ними вѣру въ діавола. Язычество варваровъ побѣдителей смѣшалось съ изуродованнымъ христіанскимъ бого-

словіемъ. Св. Бонифацій въ VIII столѣтіи зналъ манихеевъ на Рейнѣ; онъ пишетъ объ еретикахъ, которые питаются молокомъ, зеленью и воздерживаются отъ мясныхъ яствъ. Непросвѣщенные священники легко забывали истинную вѣру.—Но странно, что рядомъ съ тѣмъ рецензентъ допускаетъ образованіе смягченнаго толка подъ непосредственно греческимъ вліяніемъ (р. 90). Богомилы-де выработали его, а плѣнники, отпущенные въ Венгрію, принесли съ собою это вѣрованіе съ Дуная на Западъ, а къ XII вѣку оно охватываетъ громадное пространство отъ Болгаріи до Океана.

Приведенная теорія, крайне смѣлая и оригинальная, иногда и опрометчивая, тѣмъ не менѣе подрываетъ нѣкоторыя основы сочиненія Шмидта, потому что въ своей аналогичной гипотезѣ, рецензентъ исходитъ изъ преемственной связи ересей, начиная съ ихъ перваго появленія въ исторіи. Она во всякомъ случаѣ заслуживаетъ вниманія и, сожалѣя что мы поздно узнали о ней, рекомендуемъ дополнить ею наши замѣчанія въ первомъ томѣ, стр. 134—137 и 587.—Считаемъ также не лишнимъ дополнить наши замѣтки о Вессэ (I, 588) указаніемъ на спеціальное изслѣдованіе о написаніи его Hist. gen. du Lang., появившемся въ 1853 г. въ Publications de la Société archéol. de Montpellier, № 21.

Послѣ выхода нашего перваго тома появились во французской литературѣ два сочиненія, относящіяся къ предмету нашего изложенія. Говорю о трудахъ Бутарика и Пейра. Имя перваго пользуется прочною извѣстностью во французской исторической наукѣ. Читатель видѣлъ, что въ III главѣ мы часто обращались къ его монографіи объ Альфонсѣ (S. Louis et Alfonse de Poitiers. 1870), разработанной по неизданнымъ документамъ французскаго государственнаго архива. Свѣжесть матеріала, ясная группировка фактовъ, точные и новые выводы,—дѣлаютъ эту книгу однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ явленій въ ряду историческихъ трудовъ послѣдняго времени. Авторъ не чуждъ нѣкотораго пристрастія къ Альфонсу; онъ даже идеализируетъ его, какъ и самого Людовика IX, котораго основательно считаетъ образцомъ для графа тулузскаго (il n'eut d'autre intention que de bien administrer ses Etats, et il ne crut pouvoir mieux faire que d'imiter la savante hiérarchie en usage dans les domaines royaux el les sages lois de saint Louis, qu'il prit pour modèle. 532). Онъ требуетъ слишкомъ немного отъ средневѣковыхъ централизаторовъ, чтобы ихъ увѣнчать именемъ покровителей либеральныхъ учрежденій, какъ на стр. 517, 527. Разъ, онъ дѣлаетъ даже бездоказательный выводъ, говоря, что Альфонсъ болѣе покровительствовалъ среднему сословію, чѣмъ аристократіи (528),—желая идеальнымъ свѣтомъ освѣтить первые дни государственной централизаціи. Мы, какъ видѣлъ читатель, во многомъ не соглашались съ Бутарикомъ въ статьѣ о политическомъ положеніи Юга послѣ завоеванія, и съ своей стороны частію пересмотрѣли документы, которыми онъ пользовался, частію дополнили его матеріалы.

Гораздо менѣе ученаго значенія имѣетъ сочиненіе N. Peyrat (Histoire des Albigeois, t. I—II, P. 1870), неоконченное и по настоящее время. Мы получили его, когда нашъ трудъ былъ близокъ къ окончанію, и если бы мы даже вовсе не пользовались имъ, то не думаемъ чтобы потеряли отъ того. Пейра начинаетъ свою работу смертью Симона Монфора, и доходитъ до паденія Монсегюра, слѣдовательно рамка его труда близка къ нашей. Онъ также сопоставляетъ инквизицію съ исторіей Юга (Les Albigeois et l'inquisition), но онъ не имѣетъ въ виду заниматься исторіей первой инквизиціи спеціально. Его трудъ предназначенъ непосредственно для публики и авторъ часто злоупотребляетъ внѣшностью въ ущербъ истинѣ. Его изложеніе было бы блестяще, если-бы не впадало въ реторику и паѳосъ (напр. II, 385). Авторъ разбиваетъ книгу на отдѣльные разсказы, въ которыхъ играетъ красками съ полнымъ произволомъ. Онъ сравниваетъ Раймонда V съ Перикломъ (I, 11), Гильаберто де-Кастро съ Іоанномъ Богословомъ (I, 402; II, 90) и т. п. Протестантскій пасторъ, онъ восторгается смѣлостью ученія катаровъ и вѣритъ въ несуществующую традицію между альбигойцами и бегинами (I, 4); подобно Барро и Даррагону, съ которыми Пейра имѣетъ много общаго по литературному таланту и по задачамъ, онъ не выдѣляетъ вальдензовъ изъ среды еретиковъ того времени. Онъ довольно поверхностно знакомъ съ протоколами коллекціи Доа, хотя неоднократно пользуется ими. Факты онъ часто дополняетъ вооображеніемъ, особенно тамъ гдѣ прибѣгаетъ къ діалогу. Онъ очень рѣдко указываетъ на источники, чуждается всякой критики и гонится только за эффектнымъ разсказомъ и образными сценами. Все это лишаетъ сочиненіе Пейра ученаго значенія; оно можетъ быть полезно для изслѣдователя только въ одномъ: автору хорошо извѣстна топографія страны до всѣхъ мелочей, также какъ и феодальная исторія. Если у него нѣтъ ученыхъ пріемовъ, то ему нельзя иногда отказать въ удачныхъ и полныхъ вдохновенія характеристикахъ. Такъ, онъ смотритъ на Доминика взгля-

домъ весьма снисходительнымъ для протестантскаго писателя (II, 103—113, 126—129, 133). Онъ вѣрно понимаетъ его историческое значеніе и его личность. Онъ категорически различаетъ первыхъ доминиканцевъ отъ тѣхъ, которые посвятили себя на служаніе инквизиціи (II, 133); съ учениками Доминика стало то же, что съ дѣтьми Лойолы: они измѣнили своему первоначальному назначенію и этимъ обязаны Риму, фатально порабощающему своихъ слугъ. Самъ же Доминикъ былъ никто иной, какъ «ортодоксальный альбигоецъ»; его проповѣдь требовала нищеты, воздержанія и цѣломудрія (II, 127), а его послѣдователи жили въ огнѣ, подобно саламандрѣ (II, 115). Но, какъ часто у Пейра, и этотъ взглядъ не выдержанъ вполнѣ. Авторъ, подчиняясь вдохновенію минуты, считаетъ Доминика не только инквизиторомъ по природѣ (II; 109, 123, 131), но даже основателемъ инквизиціи, что утверждаетъ довольно рѣшительно (II, 104). Онъ ненавидитъ духъ папства: l'inquisition est le complément nécessaire de la papauté; elle en est la perfection, la plénitude, la poésie... (II, 105). Отчасти съ этимъ надо согласиться, а Церковь, которая для своего существованія нуждается въ насиліяхъ, въ инквизиціи, сама произноситъ себѣ приговоръ.

Мы не имѣемъ въ виду дѣлать разборъ тѣхъ разнообразныхъ монографій, изслѣдованій и спеціальныхъ статей, которыми мы пользовались и на которыя указывали въ своемъ мѣстѣ.

Наставленіе инквизиторамъ, которые отправляются въ страны тулузскія и каркассонскія для искорененія еретическаго нечестія.

(Doat; XXIX, 128—130).

Primo omnium fiat sermo brevis propter prolixitatem agendorum, quo facto pronuncietur indulgentia consueta.—Secundo recipiatur juramentum officialium Curiae Regalis et consulum et aliorum praesentium jurisdictionem habentium temporalem.—Tertio deponuntur cruces personis illis quibus gratia fuerit facienda.—Quarto educuntur de muro viri et mulieres de quibus expediens fuerit, et imponuntur eis cruces et peregrinationes.—Quinto recitantur et leguntur culpae eorum qui poenitentiandi aut sententiandi sunt in vulgari tali ordine:—1) Primo si quidem eorum quibus sunt poenitentiae arbitrariae injungendae de peregrinationibus faciendis et crucibus portandis, et regulis vivendi generalibus observandis. 2) Deinde eorum qui fuerint simpliciter immurandi. 3) Deinde eorum qui tanquam falsi testes fuerint poenitentiandi et immurandi. 4) Deinde sacerdotum aut clericorum si qui fuerint degradandi et immurandi. 5) Deinde personarum defunctarum quae fuerint declarandae si viverint immurandae. 6) Deinde fugitivorum qui fuerint velut haeretici condemnandi. 7) Deinde relapsorum in haeresim in judicio abjuratam, qui fuerint seculari brachio relinquendi et post laycorum deinde clericorum, si qui tales fuerint. 8) Deinde haereticorum perfectorum qui converti nolunt ab haeresi nec redire ad Ecclesiasticam unitatem, sive fuerint Manichaei, sive Valdenses, sive de secta seu haeresi eorum qui se dicunt beguinos seu pauperes Christi, separantes se a communitate aliorum, et potestatem Ecclesiae enervantes. 9) Ultimo vero eorum, qui prius confessi fuerunt de haeresi in judicio, et postea revocant confessato, aut qui testibus superati sunt, et convicti de crimine haeresis de quo nolunt confiteri veritatem, nec se possunt defendere in judicio aut purgare, qui tanquam impoenitentes de crimine haeresis sunt saeculari curiae relinquendi.—Sexto recitatis culpis antequam poenitentiae personis poenitentibus injunguntur, recipiatur abjuratio haeresis ab eisdem et juramentum de parendo mandatis Ecclesiae et inquisitorum, et sic absolvantur a sententiis Excommunicationis quas propter culpas commissas in facto haeresis incurrisse noscuntur contra tales a jure generaliter promulgatas.—

Septimo leguntur poenitentiae primo in latino, et ultimo exponuntur sub compendio in vulgari sub eodem ordine quo culpae prius fuerint recitatae.

(Къ стр. 250).

Форма допросныхъ пунктовъ послѣдователямъ манихейской секты.

(Doat; XXX, 199—201).

In primis examinandus interrogetur se vidit aut scivit aut aliquem haereticum vel haereticos sciens aut credens ipsos esse aut nominari seu reputari tales, et ubi vidit, et quotiens, et cum quibus, et quando. Item si habuit aliquam familiaritatem cum eis, et quando et quomodo, et quis posuit eum in tali familiaritate. Item si recepit in domo suo aliquem vel aliquos haereticos et quem vel quos et quis adduxit eos ad illum et quantum steterunt ibi, et qui visitaverunt eos ibi et quis inde eduxit eos et quo iverunt. Item si audivit praedicationem eorum et de his quae dicebant et docebant. Item si adoravit eos vel vidit ab aliis adorari aut eis reverentiam exhiberi modo haereticali, et de modo adorandi. Item si comedit de pane benedicto ipsorum et de modo benedictionis dicti panis. Item si fecit eis pactum seu convenientiam, quod vellet recipi in fine suo, ad sectam et ad ordinem ipsorum. Item si salutavit eos vel vidit ab aliis salutari modo haereticali videlicet ponendo manus ad utrumque musculum haeretici et inclinando corpus et vertendo ad utrumque musculum et dicendo tribus vicibus „benedicite", quem modum salutandi in adventu haereticorum vel in recessu eorum observant perfecti Credentes. Item si interfuit haereticationi et de nominibus haeretici et haereticorum et de personis ibidem praesentibus et de loco in domo, in qua persona infirma decumbebat et de tempore et de hora et si aliquid legavit dicta persona infirma haereticis et quid solvit legatum et si fuit ibi facta adoratio dicto haeretico et si persona haereticata obiit de illa infirmitate et ubi fuit sepulta et quis eduxit illum vel eduxit inde haereticum vel haereticos. Item si reddidit quod persona haereticata in fide haereticorum posset salvari. Item de his quae audivit dici aut

doceri haereticos contra fidem et contra Sacramenta Ecclesiae Romanae et quid audivit eos dicentes de Sacramento Eucharistiae et de Baptismo et de Matrimonio et de Confessione peccatorum facta sacerdotibus, de adoratione seu veneratione sanctae crucis, et sic de aliis erroribus eorum superius expressatis. Item si credidit quod haeretici essent boni homines et veraces et quod haberent et tenerent bonam sectam, bonam fidem et bonam doctrinam et quod possent salvari ipsi haeretici et alii Credentes eorum in fide et secta eorum. Item quanto tempore fuit aut stetit in dicta credentia. Idem quando primo incepit credere ita. Item si adhuc credit idem. Item quando et quare recessit a dicta credentia. Item si unquam alias fuit vocatus aut citatus coram aliquo Inquisitore et quando et quare et si fuit confessus alias de facto haeresis et si abjuravit haeresim coram aliquo Inquisitore, et si fuit reconciliatus vel absolutus. Item si et tunc commisit aliquid in facto haeresis et quid et qualiter ut supra. Item si scit aliquem vel aliquos credentes vel consentientes in facto haereticorum vel receptatores eorum. Item si unquam associavit haereticum vel haereticos de loco ad locum vel tenuit libros eorum. Item si parentes sui fuerunt credentes aut consentientes in facto haereticorum vel fuerunt poenitentiarii pro facto haeresis.—Haec sunt interrogatoria generalia dictae sectae et quibus saepius specialia facienda oriuntur per bonam industriam et solertiam Inquerentis.

(Къ стр. 254).

Форма клятвы, которую давали инквизиторамъ консулы французскихъ городовъ и мѣстечекъ въ половинѣ XVI столѣтія.

(Doat; XXXV, 214).

Nous consuls promettons et juroms de maintenir la saincte foy catholique, et aussi de tout nostre pouvoir poursuivre les heretiques diffames, et suspectz de heresie, et y ceulx silz vienent a nostre cognoyssance denoncer a Monsieur l'inquisiteur et a sa Court.

Aussy juroms que en nostre Compagnie et Conseilz ne seront sieulment par nous appelés ou admis aulcungz diffames.

Aussy juroms que a la fin de nostre regime par nous ne sera elleu ou nommé pour estre Consul aulcung heretique diffame ou suspect dudit crime.

Juroms aussy que partout le temps de nostre regime observaroms de tout nostre povoir, feroms observer les libertés et privileges donnés a l'Office de la Saincte Inquisition et Officiers dicelle.

Juroms aussy que en toutes chouses concernantes l'Office de la Saincte inquisition et poursuite des heretiques donnerons ayde et secours a Monsieur l'inquisiteur et aux officiers de sa Court quant par iceulx seroms requis.

Et ainsi le juroms et promettons. 1549.

(Къ стр. 243).

ПОПРАВКИ:

Стран.	Строк.		Напечатано:	Должно читать:
97	1	св.	кравчимъ	съ кравчимъ
157	6	св.	населенія	насилія
184	22	св.	Григорія III	Гонорія III
189	14	св.	положеніе	положенія
206	7	сн.	1234	1233
207	13	сн.	1234	1233
250	22	св.	Фридриху III	Филиппу III
258	11	св.	1152	1252
261	10	сн.	въ случаѣ	въ случаѣ сильнаго
266	23	св.	легаты	легисты
279	16	сн.	котолицизмомъ,	катаризмомъ,
305	9	сн.	въ III главѣ.	на стр. 321.
320	2	св.		(247).
444	24	св.	который	и
476	3	сн.	Postillper	Postilla super

ОГЛАВЛЕНІЕ.

